

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЬЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Александр СЕГЕНЬ
Московский Златоуст. Повесть 5
- Владимир КРУПИН
Жертва вечерняя. Рассказы 77
- Сергей БУЗМАКОВ
Одинокая игра. Рассказ 96

Поэзия

- Эдуард БАЛАШОВ
С Родиной не разминуться... 3
- Андрей РУМЯНЦЕВ
Волнистая дорога до небес 73
- Александр ЩЕРБАКОВ
Но всё же
был счастлив вполне... 93

Дневник современника

- Александр КАЗИНЦЕВ
30 лет без права
передышки 122

Очерк и публицистика

- Уроки Манежной.
Обсуждение декабрьских
выступлений молодёжи
(участвуют К. Мяло,
В. Овчинский, Ю. Голик,
А. Фёфелов, А. Казинцев) 138
- Владимир ПОПОВ
Кавказ подо мною... 151
- Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА
Необъявленный маршрут 163
- Владислав ШВЕД
"Двойная бухгалтерия"
Катыни 174
- Михаил ПОЛТОРАНИН
Лев Рохлин, или открой,
стучится Сталин! 201
- Сергей СЕМАНОВ
Погибоша аки обре 210
- Андрей УБОГИЙ
Горы и горе 213

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Сергей СЕРГЕЕВ
Первенцы русского
национализма 225

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий отпрыск
Аввакума...” 102

Виктор КОЖЕМЯКО
Уроки русского
(Беседа с В. В. Кожинным) 117

Критика

Станислав КУНЯЕВ
Пилигримы 242

Валентина КОРОСТЕЛЁВА
Как вольная сильная птица... 254

Виталий ПЛОТНИКОВ
Непреходящее 259

Майя ПОЛЁТОВА
Во Вьетнаме знают и любят
поэта Рубцова 261

Сергей ЛАГЕРЕВ
По следам ушедшего времени 264

Валерий ГАНИЧЕВ
Анатолий Софронов.
Человек-крепость 270

Юрий БОНДАРЕВ
Анатолий Владимирович 273

Александра БАЖЕНОВА
Портрет
на фоне сельского пейзажа 275

Патриотика

Михаил ЧВАНОВ
Поэт-алкаш
выразитель алкаша-народа? 284

Кирилл ТИТОВ
Странная презентация 286

Творческие итоги 288

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Кривоносова Н. П.

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 28.12.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,3. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 4856. Тираж 10056 экз.

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,

123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ЭДУАРД БАЛАШОВ

С РОДИНОЙ НЕ РАЗМИНУТЬСЯ...

К СЛАВЕ РУСИ

По странам за буквой шагающий,
На книжную пыль посягающий,
Я русскому слову служу,
В родную страницу гляжу.

Доколе терпеть разорения,
Доколе терять поручения,
Доколе над книгою спать,
Над Родиной зябко зевать?

Ты где, моя песня сокрытая?
Ты где, моя радость забытая?
Равнина забитая — где?
Былина убитая — где?

О Господи, иже еси,
Отечество наше спаси,
И Сергия к славе Руси
И Пушкина воскреси!

БАЛАШОВ Эдуард Владимирович родился в 1938 году. Окончил МВТУ им. Н.Э.Баумана и Высшие литературные курсы. Работал старшим инженером Московского транспортного управления гражданской авиации, редактором отдела поэзии издательства "Советский писатель". Автор 8 книг стихотворений ("Гонец", "Хлебный ветер", "Ноша" и др.). Живёт в Москве.

СОЛОВЕЙ

Соловей — разбойник! — свищет,
Пламя на́ сердце лиёт.
Сердце пагубы не ищет —
Высоко во мне живет.

Как тут спать! А ну, ей-богу,
Прочь ленивая постель!
Выбегаю на дорогу
В соловьиную метель.

А за мной мои деревья,
И овраги, и поля.
А за мной моя деревня,
Соловьиная земля.

Не расстаться, не вернуться,
Соловья не удержать,
С родиной не разминуться,
Ночь за дух перебежать!

НЕ ОТВРАТИСЬ!

Боже, кто я, что я сто́ю?
Но меня ты посетил,
Поделился высотой
И победу возвестил.

Господи, победа с нами!
Ведай, солнечный народ!
Бел-горюч Алáтырь-камень
Вновь взошел на небосвод.

На земле и под землею,
В небесах, где вещей зрак,
Вскормлен русской золою
Всякий в свете хлебный знак.

Русское мятется знамя.
Русская сверкает мысль.
Господи, победа с нами!
Господи, не отвратись!

БОЛЬШОЙ ХЛЕБ

Далеко еще пахать
До единой пашни.
Далеко еще шагать
До надмирной башни.

Тут и там легли межи.
Там и здесь — границы.
То-то тяжкие гужи
Матери-землицы.

Далеко еще пахать
До большого хлеба,
Перешагивать-шагать
До седьмого неба.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

МОСКОВСКИЙ ЗЛАТОУСТ

ПОВЕСТЬ

Жизнь, свершения и проповеди святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского*

— Расширяют свои жилища — и производят только более прежнего пустоты. Ходят в дома пира — и возвращаются или с бременем пресыщения или с лютейшим прежнего гланием к сладостям чувств. Велят своей душе поживать на обилии благ земных, но все, что есть плоть, слишком жестоко и грубо для опочивания духа, и на таком одре, по минутной дремоте, он пробуждается с новым каждый раз беспокойством.

На второй день праздника Рождества 1814 года прославившийся как замечательный проповедник тридцатидвухлетний ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет читал проповедь в придворной церкви в присутствии вдовствующей императрицы Марии Феодоровны и братьев императора. Неожиданно проповедь возымела действие, противоположное ожидаемому. Проще говоря, она не понравилась.

Что же возмутило августейших особ? Филарет сравнивал жизнь человеческую с детской игрой, в которой есть важное научение:

---

* Журнальный вариант. Полностью выходит отдельной книгой в издательстве “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”.

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг прозы: “Похоронный марш”, “Страшный пассажир”, “Державный”, “Русский ураган”, “Поп”, “Есенин” и многих других. Живет в Москве.

— Горе легкомысленным детям, которые не приемлют учения между играми! Орудия игр непрестанно будут у них отнимаемы, а ненавистное учение останется и будет нападать на них с оружием угроз и наказания. Так, если мы, употребляя блага мира, не поспешим уразуметь в них суету суетствий и суету всяческих, то, между тем, как сии тленные блага ежечасно будут исчезать в руках наших, суета будет оставаться в сердце нашем, как терние после цветов, и разнообразные уязвления будет производить крушение духа.

Но главное, что могло не понравиться, это слова проповедника о любви к миру:

— Не будем говорить о той любви к миру, в который и самый мир, согласно с Евангелием, признает вражду против Бога. Будучи обличаема сама собою, она не требует посторонних обличений. Есть иная любовь к миру, которая, по-видимому, примиряется с любовью к Богу; которая соглашается приносить жертвы Богу, только чтоб ей не возбранялось принимать жертвы от мира; готова творить дела человеколюбия, только чтобы мир видел и одобрял их; даже любит ходить во храмы богослужения, только чтобы мир за нею последовал. С сей-то лукавой и притворной любви должно снять личину, ее украшающую, и подвергнуть оную под строгий суд, произносимый Евангелием на всякую любовь мира без исключения: *любь мира сего вражда Богу есть.*

Последние слова взяты были им из соборного послания апостола Иакова, и там сказано еще сильнее и строже, чем произнес это Филарет: “Прелюбодейи и прелюбодейцы, не весте ли, яко любь мира сего вражда Богу есть; иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает” (Иак., IV, 4).

На второй день праздника Рождества вспоминается гонение со стороны Ирода, избиение младенцев. Ирод видел в Иисусе Того, Кто поведет людей от мира к небесам. Филарет оглушил слушателей совершенно неожиданным откровением, что в Ироде “Евангелие обнажает совершенно сие глубокое и крайнее зло любви к миру”. И одержимый этой любовью к миру, Ирод стремился уничтожить Новорожденного.

Присутствующим оставалось либо пропустить все мимо ушей, либо принять к сердцу и возмутиться. Ведь и они сильно любили мир. Да разве и можно иначе? Ведь они же не монахи! Как это так — отсечь любовь к миру?!

Смелость Филарета на сей раз не восхитила людей, а насторожила их против проповедника. Впредь его уже не приглашали произносить слово в придворной церкви.

В начале нового 1815 года его позвали принимать экзамены в Царско-сельский лицей.

Все мы прекрасно помним картину Репина “Пушкин читает стихи на экзамене 8 января 1815 года”. Любой из нас скажет, что на ней изображен юный лицеист, вдохновенно спорхнувший одним крылом, и старый Державин, радостно приподнявшийся из-за стола и вытянувшийся в сторону молодого дарования, чтобы лучше слышать читаемое им. Но не всякий вспомнит сразу, кто еще изображен на этом знаменитом полотне. А между тем, справа от Державина Репин изобразил архимандрита Филарета, лицо которого обращено не к Пушкину, а к зрителю, и лицо это выражает некое недоумение: мол, чему так восхищаются Державин и сидящий справа от Филарета министр народного просвещения Разумовский — Алексей Кириллович вместе со Сперанским подал в свое время мысль о создании Царкосельского лицея, и мало того, он официально именовался главой лицея со званием его главнокомандующего.

Репин мастерски работал на контрасте: радуется Разумовский, ликует Державин, вдохновенно читает свои дивные строки Пушкин... А вот злоредному монаху все сие зело не по душе. Внутри он так и скрежещет, вознепщеваяху и вознегодоваху. Аж позеленел от злости.

На самом деле, нам остается только гадать о том, что испытывал Филарет, слушая стихи Пушкина, читавшего “Воспоминания в Царском Селе”. Слушателей не могла не поразить величавость стихов, сочиненных столь юным дарованием. Что могло не нравиться Филарету? Изобилие античного

язычества. Тут и наяды плескаются, и Элизиум полнощный, и росская Минерва, и Зевс со своим перуном, и чада Беллоны... Он в своих проповедях говорил о том, что Спаситель вел русские полки на врагов, а у Пушкина “потомки грозные славян перуном Зевсовым победу похищали”.

Но его, как поэта, не могло не восхищать все остальное.

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Востал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.*

Вот, и про святой алтарь, слава Богу, сказано. А дальше и о небесном Вседержителе:

*Сразились. — Русский победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный Вседержитель
Лучом последним увенчал.*

А каков финал дивного стихотворения! Чудо! Как могло это не нравиться?

*В Париже росс! — где факел мщенья?
Поникни, Галлия, главой.
Но что я вижу? Росс с улыбкой примиренья
Грядет с оливою златой.
Еще военный гром грохочет в отдаленье,
Москва в унынии, как степь в полнощной мгле,
А он — несет врагу не гибель, но спасенье
И благотворный мир земле.*

Трудно себе представить, чтобы Филарет, сам вдохновенный, сам пылающий, сам — весь поэзия, невзлюбил стихов гениального лицейца! Согрешил Илья Ефимыч, показывая его зеленым от злости, как и во многих своих иных полотнах согрешил великий русский художник!

Смею предположить, что Филарет тогда взял талантливую юношу на заметку. А что? Вырастет, повзрослеет, сделается мудрее, и продолжит дело перевода священных текстов на современный русский язык. Голова кружится от одной только мысли, что если бы Пушкин не погиб в 1837 году, если бы он дождался преклонных лет и в сии мудрые годы взялся бы за переложение Библии, какой бы перевод мы получили!.. Но, увы...

В конце 1817 года десятитысячным тиражом вышло издание четырех Евангелий с параллельными текстами в переводе священника Герасима Павского, архимандрита Моисея (Богданова-Платонова-Антипова), архимандрита Поликарпа (Гойтанникова) и епископа Филарета (Дроздова).

Вот я держу в своих руках наше домашнее “Святое Евангелие”, Санкт-Петербург, синодальная типография, 1911 год, издание семьдесят пятое. А тогда вышло первое. Библейское общество радостно докладывало: “Евангелие на российском языке, ожидаемое с нетерпением, принято с чрезвычайным удовольствием и умножило еще более желание читать слово Божие... Нельзя не упомянуть здесь о той радости, с какою приемлются единоплеменниками нашими сии книги словес Господних на природном, вразумительном для всякого языке, ни изъяснить той пользы, какой от того ожидать можно; таковая польза наиболее предвидится для юношества, которое снабжается сими книгами. Поистине можно сказать, что дело перевода есть величайшее благодеяние для российского народа, издревле наклонного к благочестию и всегда жаждущего просвещения духовного, Божественного...”

Но нашлись и весьма рьяные противники нового перевода и, прежде всего, члены патриотического общества “Беседа любителей русского слова” во главе с вождем консервативной мысли в России — вице-адмиралом Александром Семеновичем Шишковым. Сей “муж отечестволюбивый”, бесспорно, является одним из столпов русской культуры XIX века. В молодости бравый моряк, с ранних лет одновременно начавший увлекаться филологией и переводить на русский язык иностранные книги, он был стойким противником засорения русского языка иностранщиной и успешно боролся за сохранение самобытности нашей речи. При императоре Павле он стал не только флотоводцем, но и официальным историком флота. При Александре Шишкова отодвинули молодые реформаторы. Тогда же возникла вражда между ним и Голицыным, которого благопристойный Александр Семенович люто ненавидел как выскочку и фанфарона. В 1803 году Шишков опубликовал свой важнейший труд “Рассуждение о старом и новом слоге российского языка”. В 1805 году вышел в свет его перевод “Слова о полку Игореве”. В 1810-м он создал общество “Беседа любителей русского слова”.

Все мы помним, как озорники, дурачась над стремлением Шишкова находить русскую замену иностранным словам, придумали такую дразнилку: “Хорошилице идет по гульбищу из позорища на ристалище”, что в переводе на иностранные заимствованные слова означало: “Франт идет по бульвару из театра в цирк”. Помним и злые эпиграммы Пушкина на Шишкова. Но если внимательно прочесть шишковское “Рассуждение о старом и новом слоге”, содержащее обширный словарь русских слов, которые Александр Семенович предлагал воскресить, заменяя ими заморские, нетрудно увидеть, как много этих слов Пушкин использовал в своих произведениях, тем самым проведя в жизнь мечты Шишкова! Так что и Александр Семенович приложил руку к созданию русского литературного языка. И даже очень.

В годы патриотического подъема, связанного с войной против Наполеона, Шишков пришелся ко двору и в 1812—1814 годах, когда удалили Сперанского, он занимал пост государственного секретаря, второй по значению в Российской империи после государя. В 1814 году его сменил Алексей Николаевич Оленин, но, оставаясь в госсовете, Александр Семенович продолжал являться одним из влиятельнейших государственных мужей империи.

Когда в 1817 году родилось министерство духовных дел и народного просвещения, которое возглавил ненавистный Голицын, Шишков, конечно же, сразу стал яростным врагом этого учреждения. Не переставал он бороться и с Библейским обществом, открыто называя его членов пособниками мирового протестантизма. Голицына он обвинял в упадке нравственности, в разгуле свободомыслия и антиправославного мистицизма. Шишков говорил: “Кажется, как будто все училища превратились в школы разврата, и кто оттуда ни выйдет, тотчас покажет, что он совращен с истинного пути и голова у него набита пустотой, а сердце самолюбием, первым врагом благоразумия”. А о переводах Библии на новый язык Александр Семенович отзывался так:

— Это переводы с языка Церкви на язык театра.

Впрочем, главные битвы Шишкова с Библейским обществом еще предстояли, и пока Александр Семенович лишь ворчал, а новое Евангелие расходилось стремительно. В 1818 году вышло второе издание, а в 1819-м — третье, причем уже с приложением “Деяний святых апостолов”.

В 1821 году на Москве встречали нового владыку, коему суждено было надолго стать здешним архипастырем. В воскресенье 3 июля 1821 года, в день перенесения мощей святителя Филиппа Московского, архиепископ Филарет взошел на московскую кафедру.

В год прибытия Филарета Москва только начала расцветать после пожара. Дайте еще годик-другой, чтобы грибоедовский Скалозуб мог остроумно подметить: “По моему суждению, пожар способствовал ей много к украшенью”.

Филарет поселился в Троицком подворье на втором этаже архиерейских палат, его личные покои заняли восточное крыло здания. Обстановка скромная. Такою она и оставалась на протяжении всех лет его здесь обитания.

Пять комнат — гардероб, спальня, кабинет, столовая и молельня. Вселившись, владыка завел распорядок, который не изменялся до конца его земного существования. Рано утром он совершал богослужение в домовая церкви, затем пил чай. Этот напиток всю жизнь помогал ему наполняться бодростью. Он любил его в самых разных видах. В гостях ему обычно подавали три чашки — первую с лимоном, во вторую добавляли вино, третью владыка пил с вареньем. В конце жизни он полюбил пить чай “с миндалем”, то бишь с соком миндального ореха, который назывался миндальным молоком.

На Троицком подворье после чая до двух часов пополудни владыка занимался делами — тщательно знакомился с приходившими на его имя бумагами и давал им дальнейший ход. В два часа подавали обед — немного рыбы, немного хлеба, немного овощей и фруктов, чай. После обеда — отдых, но так Филарет называл час-два спокойного книжного чтения. А затем — снова дела, доклады, переписка. По вторникам и пятницам он работал с двумя иерейскими. Кроме всего перечисленного в круг его занятий входило освящение храмов, совершение служб вне дома, подготовка к чтению проповедей, встречи с людьми, экзаменовка воспитанников академий и семинарий, посещение светских училищ.

Так началась его московская жизнь...

В Москве у Филарета появился хороший друг — князь Сергей Михайлович Голицын. Вместе они работали в благотворительных комитетах, архиепископ любил бывать в доме Сергея Михайловича на Волхонке, частенько заезжал к нему попить чаю, поговорить о том, о сем. Семейная жизнь у князя не удалась, и теперь он жил вместе со своей сестрой Анастасией Михайловной, скромной и обаятельной женщиной, с которой тоже так нравилось общаться владыке. Князь Голицын помог деньгами, необходимыми для открытия при Чудовом монастыре Попечительства о бедных духовного звания. И впредь всегда охотно открывал свой кошелек для помощи подобным начинаниям Филарета.

Наступил 1824 год. По всей России полетело, трепеща перышками своих крылатых выражений, грибоедовское “Горе от ума”. Прославленный автор “Руслана и Людмилы” в Одессе пытался наставить рога своему начальнику — одному из великих людей России и ровеснику Филарета графу Михаилу Семеновичу Воронцову. Карамзин готовил в свет одиннадцатый том своей “Истории”, в котором будет о Борисе Годунове, о шатании русского трона, о начале Смутного времени — грозное пророчество о Смуте грядущего года!..

Много стало появляться такого, что русские люди толковали как предвестие грядущих новых бед. В феврале Москва пережила страшную снежную бурю, повалившую множество деревьев и не очень крепких домов. Филарет по этому поводу написал архимандриту Троице-Сергиевой лавры Афанасию: “Между тем и общее время что-то вдруг хмурит брови; кажется, слышится: “Горе живущим на земли!”, а живущие на земли отягчают сердца свои объядением и пьянством...”

Семидесятилетний президент Российской академии наук адмирал Шишков стал министром народного просвещения.

В 1815 году Пушкин писал свою известную эпиграмму “Угрюмых тройка есть певцов — Шихматов, Шаховской, Шишков”. Сейчас во “Втором послании к цензору” Александр Сергеевич иначе написал об Александре Семеновиче и его новом назначении:

*Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленью восприял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа,
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил...*

Одновременно Шишкова назначили главноуправляющим делами иностранных вероисповеданий. Наконец-то в России началась борьба с иностранным засильем, с раблепным почитанием всего европейского и презрением всего русского. Во главе этой борьбы встал тот, кто еще тринадцать лет назад в своем “Рассуждении о любви к Отечеству” писал: “Воспитание должно быть отечественное, а не чужеземное. Ученый чужестранец может преподать нам, когда нужно, некоторые знания свои в науках, но не может вложить в душу нашу огня народной гордости, огня любви к отечеству, точно так же, как я не могу вложить в него чувствований моих к моей матери... Народное воспитание есть весьма важное дело, требующее великой прозорливости и предусмотрения. Оно не действует в настоящее время, но приготовляет счастье или несчастье предбудущих времен, и призывает на главу нашу или благословение, или клятву потомков”. А еще раньше, в своем знаменитом “Рассуждении о старом и новом слоге российского языка”: “Какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее, нежели своим, и даже до того заражаются, к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством как бы некоторым украшающим их достоинством хвастают и величаются. Будучи таким образом воспитываемы, едва силой необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или ученом языке, столь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, обилия, силы и красоты языка своего нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные”.

Но он же был не только ненавистником Голицына, но и противником Филарета. Удивительно, как порой бывают врагами люди, коих потомки почитают с одинаковым благоговением!

Шишков яростно выступал против перевода Священного Писания и филаретовских катехизисов. Кстати, в том же году вышел и краткий. Филарет назвал его так: “Начатки христианского учения, или краткая Священная История и краткий Катехизис”, предварив текст эпиграфом из первого соборного послания апостола Петра: “Яко новорождени младенцы, словесное и неслезное млеко возлюбите, яко да о нем возрастете во спасение”. Труд небольшой по объему, но, тем не менее, весьма трудоемкий. Нужно было коротко изложить весь Ветхий и Новый завет, всю историю христианства, дать ответы на главные вопросы, встающие перед христианином. Попробуйте в двадцатистрофном стихотворении изложить содержание “Евгения Онегина”, и вы поймете, что значило написать сей краткий катехизис.

В ноябре Филарет узнал о новых достижениях Шишкова в его борьбе с ним. Новый министр просвещения добился запрета на печатание как большого, так и малого катехизисов, а также потребовал остановки перевода Библии на современный язык и получил одобрение.

Под угрозой оказалось главное дело Московского Златоуста — разъяснение христианского учения пастве. Ему дано было проникать в суть христианских евангельских понятий, и он горел желанием делиться своим пониманием. Он видел, как часто люди, не понимая чего-то в Священном Писании, в некотором роде даже обижаются, если им, как малым детям, дают знать, что им не дано понимать все. Это мало-помалу подтачивает основы веры, а в итоге может привести и вовсе к отращению от Церкви.

Не лучше и то, когда люди начинают по-своему, и зачастую весьма неправильно, толковать непонятные места Библии. Как в случае с “нищими духом” — ничего не читай, ничего не понимай, будь невежествен, вот тебе и нищий духом. Получается, Царствие Небесное наследуют полные невежды и профаны! Еще хуже, когда толкователями становятся руководители тайных обществ, сект, масонских лож. Нет, необходимо было пастырское объяснение, и Филарет считал бы себя преступником, если бы не давал оного.

Почему в советские времена широко не печатались основополагающие политические документы, сочиненные декабристами и явившимися планом их действий? “Русская правда” Пестеля вышла в издании Главного архивного управления СССР “Восстание декабристов. Документы” в 1958 году. Много лет идеологи создавали прекраснотушный образ декабристов. И лишь теперь, когда одна за другой выходят книги, открывающие нам действительные факты, с ужасом понимаешь, что происходило бы в России, если бы господа декабристы осуществили задуманное и если их восстание не было бы подавлено.

Прежде всего, в России вспыхнула бы кровавая межнациональная и межрелигиозная война. Если бы пятеро декабристов не были повешены, а победили, они бы первым делом вырезали всю до единого человека царскую семью, всех царских родственников, включая самых дальних. Даже большевики кое-кого пощадили!

Предусматривалось укрепление русской нации. Но как! Декабристы были даже не предтечами большевиков, они были предтечами нацистов. Всем народам России запрещено было бы впредь иметь свою национальную особенность. А кто не подчинится — вон из страны! О двух миллионах евреев так и было заявлено — не захотят стать русскими, им грозит поголовное выселение в Малую Азию. Вероятно, имелась в виду Палестина, которая была тогда в составе Османской империи. Это означало бы, что как минимум половина этих несчастных евреев была бы уничтожена и по пути, и затем в Турции. Антисемитизм декабристов вылился в дальнейшем в истории восстания Черниговского полка под руководством Муравьева-Апостола, уже после бунта на Сенатской площади, когда восставшие, перепившись, устроили страшный еврейский погром. Пьяные бунтовщики танцевали с трупами убитых ими! И печальная усмешка истории, сохранившей некоторые имена погибших тогда евреев — Бродский, Троцкий, Бейлис...

Та же участь ждала татар, которым запрещалось бы сначала традиционное многоженство, а в дальнейшем и исполнение других мусульманских традиций. Финнам вменялось учить русский язык, а на своем родном разговаривать только дома. Словом, диктатура предусматривалась не только политическая, но и национальная.

Конечно, могут возразить, что главным выразителем этих чудовищных идей был только Пестель, остальные декабристы склонялись к более мягким переустройствам. Но Павел Иванович Пестель недаром считался русским Наполеоном, и вполне возможно, что в случае победы восстания он подмял бы под себя всех остальных. Скорее всего, они его и сдали, опасаясь получить такого монстра в диктаторы. Вот почему он был арестован первым и в самый канун восстания.

Декабристы якобы страдали за крестьян, за народ. Но один из исследователей Оксана Киянская справедливо замечает: “Если бы главной целью декабристов действительно было крестьянское освобождение, то для этого им было вовсе не обязательно, рискуя жизнью, организовывать политический заговор. Им стоило только воспользоваться указом Александра I от 20 февраля 1803 года — указом о вольных землянках. И отпустить на волю собственных крепостных”. Они же и этого не сделали!

Слава Богу, меняется отношение к декабристам. Люди второстепенные, посредственные, не нашедшие применения в государственной службе, чаще всего по недостатку талантов и устремлений к ней, шли в масонские ложи, а через ложи дальше — в революцию, первым этапом которой и стало декабрьское восстание 1825 года. О том, что они собою представляли на самом деле, красноречиво свидетельствует их жизнь в Сибири, где самым ужасным было отсутствие развлечений. Они яростно боролись за то, чтобы им разрешили иметь свой театр, но этим их духовная жизнь и ограничивалась. Вероятно, духовной жизнью в их среде и считались всевозможные увеселения.

Никакой особой каторги, условия приличные, работать по желанию, из России можно было получать значительные суммы денег, еда отменная, вино, а тем, с которыми приехали в Сибирь жены, через два дня на третий можно было сутки проводить со своими благоверными. Затем для женатых были

созданы особливые камеры, весьма роскошные для звания каторжанина. Рояль, кровать, ковры, книжные шкафы, стулья, кресла, обеденный стол...

Всю свою жизнь декабристы посвящали постоянному еще большему смягчению условий своего и без того неплохого существования. В то время, как их сверстники служили Отчизне, воевали, строили, развивали державу, эти неудачники надоедали местной администрацией нескончаемыми жалобами и склоками. О декабристах сурово и точно выразился поэт Петр Андреевич Вяземский: “Ни в одном из них нет и тени раскаяния и сознания, что они затеяли дело безумное, не говорю уже преступное. Они увековечились и окостенели в 14 декабря. Для них и после 30 лет не наступило еще 15 декабря, в которое они могли бы отрезвиться и опомниться”.

Когда государь Александр Освободитель освободил декабристов от необходимости жить в Сибири, они ринулись в заграницы, где не было недостатка в желающих послушать про их нечеловеческие страдания.

Следствие по делу декабристов началось уже 17 декабря 1825 года с учреждением Особого комитета для следствия о тайных обществах. Удивительная усмешка судьбы: вскоре в планах мятежников обнаружилось списки предполагаемой революционной директории, и в тех списках рядом с опальным Сперанским значилось имя московского архиепископа! Заговорщики считали Филарета человеком разносторонне развитым и способным принять их “правду”. Учитывали они и то, что он был обижен правительством, что в некоторой степени находился в опале, что запрещены были его труды. Надеялись, что он охотно согласится мстить за нанесенные ему обиды!

Слава Богу, государь Николай Павлович, узнав о том, нисколько не усомнился в том, что сам Филарет ни сном, ни духом не был причастен к замыслам бунтовщиков. Император мгновенно распорядился не вести в отношении Филарета никаких расследований.

В Москву каждый день приходили все новые и новые сведения о подробностях мятежа на Сенатской площади и о начале следствия по делу декабристов. Филарет писал архимандриту Афанасию в Троицу: “Более и более открывается, от каких ужасов и мерзостей избавил нас Бог, укрепив государя в 14 день декабря. Молитесь, чтобы зло сие правдою и мудростью совсем уничтожено было. Но есть люди, которые после бывшего посещения Божию, о котором предварительно говорили, теперь еще говорят о таящемся на нас гневѣ Божиѣ”.

Конечно, московского владыку очень беспокоило, как обойдется новый царь с мятежниками. Найдет ли Николай в себе те душевные христианские силы не мстить, подобно тому, как Александр не мстил Парижу? Но Николай Павлович был истинным христианином и не жаждал мщения. Лично следя за ходом следствия, он старался искать оправданий для бунтовщиков. Он бы и не повесил пятерых, если бы не убийство Милорадовича, совершенное Каховским, если бы не чудовищные планы Пестеля, изложенные в его “Русской правде”, если бы не зверства Черниговского полка, организованные Муравьевым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, если бы не само восстание в Петербурге, коим руководил Рылеев, и если бы не его же сатанинская ненависть к христианству. К этим пятерым, безусловно, был бы причислен и полковник князь Трубецкой, ведь его декабристы избрали диктатором восстания. Но Сергей Петрович благоразумно не явился на Сенатскую площадь и тем самым спас себе жизнь. Смертную казнь ему царь заменил на пожизненную каторгу.

Наступил 1826-й — год, в который носителю столь прекрасного имени архиепископу Филарету суждено было стать митрополитом Московским и Коломенским. И в этом сане потом провести вторую, большую, часть своей жизни — сорок один год! Дольше него никто не возглавлял московскую паству, ни до, ни после.

В страстной понедельник 12 апреля государь Николай Павлович своим указом запретил деятельность Российского библейского общества. Для всей Русской Церкви и для Филарета в частности это было радостное событие, поскольку оно означало, что власть в России отныне свое христианство ос-

новывает исключительно на православии, а миссионерам от иных конфессий отныне не будет предоставлено свобод для переманивания на свою сторону неустойчивых душ. Вместе с тем, ради такой радости Филарету и его сторонникам приходилось мириться с большой жертвой — не скоро будет дозволено вновь продолжить работу по распространению Библии на современном языке. Но на все Господня воля!

Христианскую аскезу Филарет продолжал проповедовать не только словом, но и образом своей жизни, всегда довольствуясь малым, самым необходимым для дальнейшего существования. Скромный стол, на котором еды и питья ровно столько, сколько утолить голод и жажду, скромное жилье, скромная прислуга.

Летом 1826 года Россия напряженно ждала решения суда по делу декабристов. Филарет, как пастырь добрый, желал бы направить сердце государя к милости падшим. 25 июня в Чудовом монастыре он произнес слово на день рождения императора Николая Павловича, коему исполнилось тридцать лет. Суть проповеди состояла в призыве проявить милосердие. Разумеется, московский архиерей не мог прямо сказать: “Государь, пощади их!”, но он напомнил о том, что высшим судьей остается Господь Бог.

Суд приговорил к смертной казни тридцать шесть декабристов, из коих пятерых — четвертованием, прочих — отсечением головы; семнадцать человек — к политической смерти (то есть к лишению всех прав, включая права на собственность и права быть в браке), шестнадцать — к пожизненной ссылке на каторжные работы, пятерых — к ссылке на десятилетние каторжные работы, пятнадцать человек — к ссылке на шестилетние каторжные работы, пятнадцать — к ссылке на поселение, троих — к лишению чинов, дворянства и к ссылке в Сибирь, одного — к лишению чинов и дворянства и разжалованию в солдаты до выслуги, восьмерых — к лишению чинов с разжалованием в солдаты с выслугой.

Трудно было не содрогнуться при известии о таком решении! Отрубанием тысяч и тысяч голов еще недавно удивили мир французские революционеры. И вот у нас, в России, над тридцатью шестью головами занесен топор. Можно ли поверить?! Не лишним будет заметить, что на четвертовании настаивал не кто иной, как либеральный Сперанский! Знал, что его имя мелькало в списках декабристской директории, хотел доказать, что он тут ни при чем.

10 июля государь подписал указ о смягчении приговора. К смертной казни приговаривались только пятеро, и уже не к четвертованию или обезглавливанию, а к повешению. Остальным тоже по-разному было смягчено наказание. Большую роль в таком смягчении сыграли русские архиереи, включая Филарета.

Николай Павлович короновался вместе со своей супругой Александрой Феодоровной в Успенском соборе Московского Кремля. Он восседал на алмазном троне царя Алексея Михайловича, а императрица — на золотом троне царя Михаила Феодоровича. Священное миропомазание совершалось из крабицы римского императора Августа — сердоликовой чаши, подаренной еще князю Владимиру Мономаху византийским императором Константином. Затем государь поцеловал большой нательный крест Петра I, спасший того от шведской пули на поле Полтавской битвы. После совершения таинства Николай взшел на Красное крыльцо и троекратно поклонился народу, чего не бывало во время предыдущих коронаций.

За коронацией Николая вскоре в тот же день последовало радостное для Филарета объявление о возведении его в сан митрополита Московского и Коломенского. Так, в один день, Николай стал императором, а Филарет — митрополитом! Очень хороший знак!

Но и на том его радости не завершились: Николай пожаловал новому митрополиту белый клубок с крестом, усыпанным драгоценными камнями, а также — средства на постройку нового корпуса Вифанской семинарии, тем самым почтив и память незабвенного митрополита Платона, чьим детищем являлась эта семинария.

Вечером вся Москва была великолепно освещена, в особенности Кремль. Все башни и колокольня Ивана Великого горели ярким пламенем; зубцы стен обвиты огненными полосами, а по оградкам сверкали широкие узорчатые каймы. И в следующие дни иллюминацию несколько раз повторяли. Вечером 27 августа состоялся бал в Грановитой палате, 1 сентября в Большом театре прошел придворный маскарад, 3 сентября государю дало бал московское купечество.

Филарета в эти дни всенародных торжеств ожидала еще одна радость. В августе сразу после коронации состоялось в Москве заседание Святейшего Синода, на котором он осмелился вновь поставить вопрос о переводе Библии. Митрополит Серафим ответил решительным отказом, его поддержал и митрополит Евгений. Но прошло две недели, и они, с согласия государя, решили поддержать нового Московского митрополита в другом — Филарет получил указ Синода: “Поручить Вашему Преосвященству, дабы Вы, пересмотрев составленные Вами прежде сего Пространный и Краткий христианские катехизисы Греко-Российской Церкви, составили из них две книги”. Это был прорыв блокады! Его катехизисы более не запрещены! Можно было временно забыть о запрете на перевод Библии.

Царь продолжал рассыпать милости. Следом за Филаретом он обласкал его давнего знакомого — поэта Пушкина. Того, у которого некогда Филарет принимал экзамены. Теперь это был известный на всю Россию автор стихов, поэм “Руслан и Людмила”, “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, уже вышла первая глава романа в стихах “Евгений Онегин”, а всего написаны шесть глав. Александр Сергеевич был срочно вызван из села Михайловского, где отбывал ссылку. Три дня и три ночи он без отдыха трясяся в коляске и 8 сентября добрался до Москвы. Усталого, немытого и небритого, его доставили в Чудов монастырь в кабинет к государю. В кармане — стихотворение “Пророк”. Два часа они беседовали, после чего, неожиданно для очень многих, расстались друзьями. С поэта была снята опала. Царь пообещал быть его личным цензором.

— Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин, — сказал Николай на прощанье дружеским тоном. А вскоре на балу у французского посла похвастался Блудову:

— Знаешь, я нынче долго разговаривал с умнейшим человеком в России. Угадай, с кем? С Пушкиным.

*Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленье,
Ему хвалы не воспою?*

Так через пару лет вспомнит эту встречу Александр Сергеевич.

Возвращение Пушкина стало столь громким событием, что не могло не вызывать ревность у других событий тех коронационных дней. О Пушкине судачили куда больше, чем о том, что сорокатрехлетний архиепископ Филарет сделался митрополитом. Было от чего затаить обиду. Но Московский Златоуст прекрасно знал нравы света и способен был прощать такое детское отношение к жизни, как к игрушке. Да и может ли монах быть честолюбцем!

12 сентября уже в сане митрополита Филарет освящал храм Живоначальной Троицы у Покровских ворот и свою проповедь посвятил весьма важному спору с теми, кто говорит: “Мой храм в моей душе, а посему я не хожу в церковь”. Филарет утверждал, что невозможно войти в храм небесный, где воистину обитает Господь, не посещая храмы земные, в которых совершаются таинства.

Итак, Николаевская эпоха началась. В России стал править четвертый государь, при котором довелось жить Василию Дроздову — святителю Филарету Московскому.

Какое блаженство услышать тишину после того, как отгремят шумные многодневные праздники! Аж в ушах звенит, до того стало тихо. Боже, как

хорошо! Река жизни, все эти дни кипевшая и выплескивавшаяся из своих берегов, вновь вошла в привычное русло, обрела спокойное течение.

Отныне он митрополит.

Многое ли от того менялось? Положение в обществе — да. Теперь он на равных с Петербургским Серафимом и Киевским Евгением. Как архиепископа его величали преосвященнейшим владыкой, как митрополита отныне стали величать высокопреосвященнейшим. И так было длинно, а теперь еще на шесть букв длиннее.

Но в расписании жизни — почти ничего не меняется.

А в Москве — золотая осень. На Самотеке утопает в роскоши осенней листвы Троицкое подворье. От шелеста сухих листьев тишина становится еще более упоительной...

Сколько дел приходилось откладывать в течение июля, августа и сентября! Теперь можно было вернуться к ним и наверстать упущенное.

Встав затемно, в пять утра, владыка Филарет неспешно читал утреннее молитвенное правило. Затем, если не надобно было проводить богослужение в каком-нибудь из московских храмов, отправлялся в домовую церковь и там совершал раннюю литургию. Легкий завтрак, и — за дела. Секретарь Александр Петрович докладывал о поступивших документах, а Филарет диктовал ему, что нужно ответить, или откладывал бумаги для обдумывания и последующего решения.

Святославский старательно зачитывал пришедшие из консистории постановления: в такой-то семинарии устроить борьбу с распространением пагубной привычки к курению табака; такую-то блудную жену развести с несчастным мужем, мужу разрешить вступить в другой брак, а жене семь лет исповедоваться по четыре раза в год и не причащаться; такого-то священника за драку внутри храма с пономарем оштрафовать, а пономаря отослать в монастырь; такого-то попа за буйство нрава и чтение молитв о здравии декабристов подвергнуть лишению сана...

Надобно было дать делу архиерейское одобрение или отложить до полного разбирательства, если приводилось недостаточно “улик”. И тому подобное. И так до обеда. Пообедав, читал книги и газеты, узнавал, что творится в дальнем мире. Чаще всего сам, но зрение стало ухудшаться, и иногда ему уже читал вслух Александр Петрович. Затем до самого ужина — прием посетителей. Вечером после ужина владыка вновь садился за бумаги, нужно было отвечать на письма, обдумывать и записывать новые проповеди. Наступала полночь, а в окошке его кабинета все еще горела свеча. Лишь в час ночи Филарет совершал вечерние молитвы и ложился спать, чтобы через четыре часа проснуться и становиться на утреннее молитвенное правило.

В 1827 году исполнялось пятнадцать лет Отечественной войне и изгнанию Наполеона. Новый император мечтал со своей стороны почтить память той победы. Обветшавшие Триумфальные ворота, деревянные, поставленные на площади Тверской заставы в 1814 году, он приказал разобрать и на их месте спроектировать новые, каменные. А еще во время коронационных торжеств царь ознакомился с тем, как движется строительство храма Христа Спасителя на Воробьевых горах, и остался весьма и весьма недоволен. За почти десять лет там ничего не сдвинулось с места. Храм был заложен в 1817 году, но архитектор Витберг продолжал разрабатывать экономический проект строительства, в соответствии с которым на занятые в опекуновском совете десять миллионов рублей предполагалось купить восемнадцать тысяч помещичьих крестьян с землей в Московской и близлежащих губерниях. Заработанные этими крестьянами деньги должны были поступать в казну, а та отпускала бы их на строительство храма. Кроме того, часть этих же крестьян предполагалось использовать на работах по возведению храма. А для доставки камня, найденного Витбергом в Верейском и Рузском районах Подмосковья, требовалось наладить судоходство. Однако Витберг оказался не лучшим руководителем, и многое из задуманного у него не получилось. Крестьян кушили, камень стали заготавливать, но доставлять его до места строительства так и не смогли. Триста тысяч рублей вообще оказались неизвестно где. История стара, как мир, и там, где большие

денги, там и большие хищения. А в 1825 году Витберг лишился своего главного покровителя и крестного — императора Александра.

Узнав о неудачах первых лет строительства, новый государь приказал работы приостановить и 16 апреля 1827 года учредил так называемый “Искусственный комитет” под руководством инженер-генерала Карла Ивановича Оппермана, в который вошли видные архитекторы и инженеры — Александр Алексеевич и Андрей Алексеевич Михайловы, Август Августович Монферран, Василий Петрович Стасов, Карл Иванович Росси и другие. Все они признали работу неудовлетворительной, царь велел полностью свернуть строительство на Воробьевых горах, и без того находившееся в зачаточном состоянии, а против Витберга началось следствие.

С этого времени митрополит Филарет стал уделять все больше и больше внимания проектам будущего храма.

Проповеди Филарета никогда не бывали случайными, он откликался в них на все бродившие в обществе идеи, на все завихрения умов. Разгорелись споры о том, что существование человечества само по себе греховно, а потому не нужно и детей рождать, чтобы не размножать грех, и в день рождения государя в Успенском соборе Кремля митрополит Филарет читал проповедь, но не о Николае, а о благословенном рождении детей вообще. С одной оговоркой: “...желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями”.

Не умолкают речи о свободе человека, о необходимости бороться со всяким рабством. Немало таких, которые морщатся при слова “раб Божий”: “Я ничей не раб!”

И Филарет в Троице-Сергиевой лавре говорит о благом иге Христовом. Тот, кто не хочет именоваться рабом Божиим, легко становится рабом страстей, честолюбия, гордыни, людских мимолетных мнений, моды, завиральных идей.

— Слышим еще и ныне жалобу, на которую так давно уже отвечивал Божественный Учитель и Спаситель душ, — жалобу на тягость ига Его, на строгость Его учения, на трудности исполнять Его заповеди. На чем же основывается сия жалоба? В чем состоит сия трудность? — без сомнения, в том наиболее, что учение Христова повелевает человеку идти против некоторых естественных склонностей, преодолевать их, умерщвлять, приносить в жертву... Истина не запирается, что она дает людям заповеди, не так легкие, как игрушки, но так тяжелые, как иго, коим обременяют работный скот... Люди, сколько-нибудь благоразумные и не совсем низкие в чувствованиях, конечно, не решатся объявить требование на то, чтобы всегда быть и оставаться только детьми, вечно заниматься только игрушками... Иго Христово благо, и бремя легко, потому что чем охотнее человек несет оное, тем более сам становится благим... тем легче для него становится исполнять благие заповеди, так что, наконец, он творит волю Господню с большею легкостью и удовольствием, нежели собственную, и таким образом иго на раменах его совсем исчезает или превращается в крылья, которые непрестанно несут его на небо.

Не умолкают речи о славе человека, о том, что нужно всеми мыслимыми и немыслимыми путями добиваться этой славы. Бесславный конец — что может быть хуже. Не прославиться — все равно, что и не жить на свете.

И Филарет там же, при гробе преподобного Сергия в день рождения императрицы Александра Феодоровны читает проповедь, основанную на словах Спасителя из Евангелия от Матфея: “Туне приясте, туне дадите” (Мф. X, 8), что означает в переводе на современный язык: “Даром получили, даром давайте”. Слава — та же корысть.

— Бескорыстен наставник, который в преподавании, наставлении и руководствовании послушника ищет только блага его, а не благодарности, спасения, уважения... Старайтесь не быть своекорыстны в делах ваших, чтобы всеблагий Бог умножил вам свою бескорыстную благодать. Не все для своей выгоды или чести, не все для награды; делайте что-нибудь доброе для самого добра, для любви к ближнему, для исполнения воли Божией... Не увлекайтесь потоком суеты, не сообразуйтесь веку сему.

В жизни митрополита Филарета много значили трое Голицыных. Первый — Александр Николаевич. Он связан с петербургским периодом жизни святителя. Двое других — с московским. Светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын четверть века являлся военным генерал-губернатором Москвы, первым лицом в первопрестольной. С ним Филарету приходилось много общаться по московским делам. Отношения у них были самые хорошие, хотя иной раз архиерею приходилось идти наперекор делам градоначальника. Например, в октябре 1829 года, находясь в Петербурге, Филарет узнал о затее Дмитрия Владимировича устроить к Рождеству в большой восковой галерее сцены из Ветхого и Нового завета и тотчас направил ему возмущенное письмо: “Если выставление священных и Божественных предметов на позорище для суетного любопытства противно чувству благочестия, то выставление оных, так сказать, на одной доске с предметами низкими, презрительными и отвратительными противно всякому чувству приличия”. И градоначальнику приходилось мириться с мнениями владыки.

Но самым душевным другом в Москве у Филарета оставался князь Сергей Михайлович Голицын, добрейший человек, добропорядочный христианин, умница. Он был на восемь лет старше владыки, восторгался его проповедями и с первых дней Филарета в Москве стал его опекать. Сергей Михайлович был весьма богат, дослужился до чина действительного тайного советника первого класса, удостоился всех высших орденов Российской империи... но в личной жизни несчастлив. В год рождения Пушкина Голицын женился на Евдокии Измайловой, считавшейся красивейшей женщиной России. Она и впрямь была очень хороша собой, блистала умом, образованностью, но при том бравировала излишней свободой поведения. Восемнадцатилетний пламенный Пушкин влюбился в тридцатисемилетнюю Евдокию Ивановну и посвятил ей одно из остроумнейших своих стихотворений:

*Краев чужих неопытный любитель
И своего всегдашний обвинитель,
Я говорил: в отечестве моем
Где верный ум, где гений мы найдем?
Где гражданин с душою благородной,
Возвышенной и пламенно свободной?
Где женщина — не с хладной красотой,
Но с пламенной, пленительной, живой?
Где разговор найду непринужденный,
Блистательный, веселый, просвещенный?
С кем можно быть не хладным, не пустым?
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.*

Причем Пушкин и в черновом и в чистовом вариантах этого стихотворения написал “Галлицыну”, обыгрывая слово “галл” и тем самым намекая на то, что La Princesse Nocturne владела французским лучше кого бы то ни было.

Гадалка Ленорман предсказала ей смерть ночью, и Евдокия Ивановна полностью перешла на ночной образ жизни. От заката до рассвета в ее доме устраивались шумные вечеринки, за которые красотку прозвали Принцессой Ночи — La Princesse Nocturne. Впрочем, это было уже в Петербурге и после развода с Сергеем Михайловичем, который состоялся в 1809 году, да и не мог не состояться, если учесть, что супруги прожили всего несколько дней после свадьбы, молодая жена сбежала за границу и больше муж ее не видел. Известный всему Петербургу салон Принцессы Ночи располагался на Миллионной улице.

А брошенный супруг проживал в Москве на Волхонке в роскошнейшем особняке. Сейчас в нем размещаются высший институт управления и институт философии Российской академии наук — Волхонка, 14, в непосредственной близости с Музеем изобразительных искусств.

Сергей Михайлович Голицын занимал в Москве множество должностей — и почетный опекун Воспитательного дома и Московского опекунского совета, и член Совета при Московском училище Святой Екатерины, и управляющий Александровским училищем, и главный директор Голицынской больницы, и президент Московского попечительного комитета, и вице-президент Московского попечительного комитета о тюрьмах. В 1830 году он стал председателем Московского опекунского совета и попечителем Московского учебного округа.

Зимой в доме на Волхонке давали праздничный рождественский вечер. Среди гостей выделялась дочь покойного фельдмаршала Кутузова Елизавета Михайловна, в замужестве Хитрово, генеральша, держательница модного петербургского салона. Петр Андреевич Вяземский писал о ней: “В летописях Петербургского общежития имя ее осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет”. А выделялась она, как всегда, своими смелыми декольте, за которые еще смолоду получила прозвище “Лиза Голенькая”. Теперь они совсем не шли к ее возрасту — Елизавете Михайловне было уже под пятьдесят. Особенно неприятно было на это взирать лицам духовного звания. Филарет едва мог скрыть отвращение.

Кроме своих декольте Лиза Голенькая свалилась тем, что как девочка влюбилась в Пушкина и пыталась его соблазнить, а он жег ее страстные письма, не читая. Ей все же удалось добиться если не любви, то дружбы и расположения поэта. Теперь Александр Сергеевич жил в Петербурге. Вести о нем приходили и хорошие, и не самые приятные. Вышли в свет упоительные новые главы “Евгения Онегина”. В прошлом году Пушкин геройски участвовал в походе русской армии на Эрзерум. Написал поэму “Полтава”. Издал свое собрание стихотворений. Но вместе с тем разразился безобразный скандал с его скабрезной поэмой “Гавриилиада”, чудовищно кощунственной. Написанная еще в 1821 году, она распространялась в списках без имени автора. Теперь авторство было установлено, и Пушкин сам признался о том государю в письме от 2 октября 1828 года: “Будучи вопрошаемым правительством, я не почитал себя обязанным признаться в шалости, столь же постыдной, как и преступной, — но теперь, вопрошаемый прямо от лица моего государя, объявляю, что “Гавриилиада” сочинена мною...” Оставалось лишь уповать на то, что теперь поэт не лукавя считал шалость “постыдной и преступной”, что он искренне раскаивался в написании гнуснейших стихов, не достойных его пера.

И вот генеральша Хитрово привезла в дом на Волхонке свежий номер “Северных цветов” с новыми стихами Пушкина. Раскрыв альманах, она с восторгом стала читать гостям Сергея Михайловича:

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Эти стихи были написаны Александром Сергеевичем в день его рождения в 1828 году, но лишь теперь вышли в свет. Слушая горестные строки, Филарет ужаснулся бездонной глубине отчаяния и безверия, распахнувшейся пред ним. Выпросив экземпляр альманаха, он приехал вечером на Троицкое подворье и тотчас сел за перо. Привыкший проповедями исправлять людей, святитель принялся исправлять поэзию Пушкина:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана;
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал;
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомнением взволновал.*

*Вспомнись мне, забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум,
И соиздается Тобою
Сердце чисто, светел ум.*

Вскоре стихотворный ответ Московского митрополита полетел на берега Невы. Филарет мог лично привезти его в Петербург, отправившись на зимнюю сессию Святейшего Синода. Но он поручил это сделать все той же Хитрово.

Стихотворение “Не напрасно, не случайно...” получил совсем новый Пушкин, не тот, который писал “Дар напрасный”. Тогда, в конце двадцатых годов, возвращенный из ссылки Николаем I, он оказался в петербургском свете, окунулся в его суету, и ужаснулся не только самой этой суете, но и своей собственной сопричастности ей. Прошло время, Александр Сергеевич впервые по-настоящему полюбил, душа его открылась и засияла по-новому. Он побывал в действующей армии, увидел победоносную доблесть русского солдата, сам рвался в бой и осознал его упоение. В наступившем 1830 году он готовился к свадьбе с Натальей Николаевной Гончаровой. Сей год станет годом Болдинской осени, но уже сейчас, в январе, из-под пера гения одно за другим выходили стихи, свидетельствующие о новом великом приливе его творчества. Он пишет:

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом...*

Он пишет:

*Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем...*

Он пишет:

*Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый.
Здесь речи — лед, сердца — гранит...*

И вот из этой самой Москвы, куда душа его летит, ему весточка. Да от кого! От самого владыки Московского!

Если бы он получил письмо Филарета в ту пору, когда сочинял “Гавриилиаду”, можно только с ужасом вообразить, какая умешка, какая гримаса исказила бы его рот. Но Пушкин в свои тридцать лет — это уже именно тот гений, коим мы по праву можем и обязаны гордиться. Сейчас это и впрямь уже “умнейший человек России”. Он потрясен ответом святителя Филарета. Быть может, он даже целует бумагу, на которой светятся начертанные владыкой буквы. И в воскресенье 19 января 1830 года он садится писать ответное стихотворение:

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.*

*Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.*

*Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа согрета
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Филарета
В священном ужасе поэт.*

Свое творчество он назвал лирой, Филаретово — арфой!

Позднее, публикуя эти стансы 12 февраля в “Литературной газете”, Пушкин переделает последнюю строку, уйдя от определенного образа митрополита Филарета к обобщенному образу некоего серафима, с маленькой буквы:

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Но в тот воскресный день он писал именно адресату — Филарету Московскому.

И главное, в чем признается царь русской поэзии, что его душа “отвергла мрак земных сует”.

С этой очищенной душой он в марте отправится в Москву. 6 мая состоялась его помолвка с Натальей Николаевной, которой он пишет в это время:

*Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участия и вниманья
Уныло слушаешь меня...*

*Кляню коварные старанья
Преступной юности моей,
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.*

В своем духовном прозрении Пушкин расстается с грешным прошлым. Он мечтает впредь сделаться верным мужем, избавиться от пагубного донжуанства. Не менее важно и то, что он вскоре произносит анафему безбожной толпе, анафему гордыне, анафему жажде славы. Эта анафема — в одном из самых лучших и главных его стихотворений:

*Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.*

*Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,*

*Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.*

*Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?*

*Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

Пушкин в Петербурге, Филарет в Москве. Филарет приехал в Петербург, Пушкин уехал в Москву. Филарет вернулся в Москву, Пушкин вернулся в Петербург. Будто судьба нарочно разводит их друг с другом. Но в сей год между ними — тесная духовная связь. “Твоим огнем душа согрета...”

И не будет преувеличением сказать, что на огне Филарета в сей год выпекался пирог, который мы все знаем под наименованием “Болдинская осень”. Московский Златоуст вдохнул в душу царя поэтов новую жизнь.

В мае митрополит вернулся к своей московской пастве и по сему случаю обозначил проповедью “На день обретения мощей иже во святых отца нашего Алексия митрополита Московского и всея России чудотворца”. По сути это довольно пространная лекция о божественном происхождении всей природы. А закончил ее благословением Москве:

— Сам благочестивейший император посылает чрез мою мерность слово его высокого благоволения, привета, любви доброй Москве. Доброй Москве!.. примите сию добрую весть, понесите ее их дома в дом, со стогны на стогну; пусть она выйдет и за врата обширного града; пусть пройдет по селам и градам, ближним и дальним...

А в это время по селам и градам, ближним и дальним, пошла не только благая весть Филарета, но и одна весьма неприятная путешественница. Иран отомстил нам за унижение коварным образом — из него на Русь пришла холера. В июле она уже гостила в Грузии, вскоре явилась в Астрахани и там особо свирепствовала, в августе ее встречали Царицын и Саратов, а затем и все Поволжье. В начале сентября Пушкин приехал в Болдино и оказался в плену у холеры: “У нас в окрестностях — Cholera morbus (очень миленькая особа). И она может задержать меня еще дней на двадцать!” — в отчаянии написал он невесте, но еще не знал, что холерный карантин продержит его в плену не двадцать, а более восьмидесяти дней, коим мы обязаны тем, что имеем несравненные шедевры русской литературы — “Выстрел”, “Метель”, “Гробовщик”, “Станционный смотритель”, “Барышня-крестьянка”, “Домик в Коломне”, “Скупой рыцарь”, “Моцарт и Сальери”, “История села Горюхина”, “Каменный гость”, “Пир во время чумы”, “Герой”, “Моя родословная”... Вот сколько всего заставила написать Пушкина “очень миленькая особа” холера морбус!

В Москву сия незваная гостья пожаловала еще в первых числах сентября, но официально ее визит значился с 16-го числа. Московский архиерей, как и подобает священнику и проповеднику, видел причину морового поветрия в новых заблуждениях соотечественников — слишком многие из них радостно встречали из Европы известия о новых революциях, во Франции вновь произошло падение династии Бурбонов, и в других странах вмиг запылали свободолюбивые сердца. Еще в слове на день рождения императора Николая, произнесенном в Успенском соборе Кремля 25 июня 1830 года, он призывал:

— Братия! В наши дни есть особенная надобность указывать на столь очевидную обязанность служения Богу и Его Царствию. *Се тьма покрывает землю, и мрак на языки* (Ис. LX. 2). Народы христианские, или, чтобы говорить определеннее, люди, которым поущено быть языком сих народов, представителями и провозгласителями их мудрования, направителями их деятельности, большею частию не то что не знают, но что гораздо хуже, не хотят знать христианства; царства земные не ищут, не призывают Царствия

Божия и менее обращают внимания на оное, нежели на царство последнего из соседей... Сии строители нового Вавилона трудятся для того, чтобы все привести в смешение, чтобы, опровергнув принятые общественные понятия, утвержденные на самой истине вещей или упроченные обычаем и древностью, кончить тем, чтобы не понимать друг друга. Они хотят царей, не освященных Царем царствующих; правителей, поработанных своим подданным; напротив того — приписывают царскую и самодержавную власть народу, то есть рукам и ногам предоставляют власть головы; народ у них царствует мятежами, крамолами, разбоями, грабежами, сожигательствами; и достойный сего мнимого самодержавия народного плод есть отсутствие общественной и частной безопасности. Так *шатаются языцы*, потому что *поучаются тщетным*; потому что в своих неблагоприятных сборищах *собираются на Господа и Христа Его*.

Итак, с 16 сентября Москва тоже сделалась холерным городом. Улицы, площади и дворы заволокло дымом — всюду жгли костры из листьев и всего, что дает больше дыму. Считалось, что это хоть как-то, но спасает от распространения болезни. Стали говорить, что не нужно ходить в храмы и собираться там для общей молитвы. 17 сентября Филарет писал в письме своему викарию Игнатию: “Напрасно более бояться молитвы, нежели болезни. Неужели молитва вреднее болезни? Пережив три холеры прежде нынешней, я видел довольно опытов, что где усиливалась молитва, там болезнь ослабевала и прекращалась”.

Вскоре прошел слух, что сам государь едет в Москву. А в седьмом номере “Ведомости о состоянии города Москвы” опубликовали письмо императора к генерал-губернатору Голицыну, где было четко сказано: “Я приеду делить с Вами опасности и труды. Преданность в волю Божию! Я одобряю все Ваши меры. Поблагодарите от меня всех, кои помогают Вам своими трудами”. В комментарии к письму говорилось: “Европа удивлялась Екатерине II, которая привила себе оспу в ободрительный пример для наших отцов. Что скажет она теперь, когда услышит о готовности Николая делить такие труды и опасности наравне со всеми своими подданными”. Вечером 28 сентября император приехал, “как рыцарь без страха и упрека явился в своей первопрестольной столице. Родительское сердце не утерпело!”

Встретившись с Филаретом, Николай первым делом спросил:

— Не вредно ли, владыка, что ты собираешь массы народа и становишь их на коленопреклоненную молитву на сырой земле?

— Ваше величество, — ответил митрополит, — Господь оправдал церковное действие по крайней мере против сего сомнения. Число заболевших после крестных ходов не больше, а несколько меньше, нежели во дни прежде крестных ходов.

Утром 29 сентября царь вышел к народу возле Иверской часовни и повел своих подданных в Кремль, где помазанника встречал святитель на ступенях Успенского собора с такими словами:

— Благочестивейший государь! Цари обыкновенно любят являться царями славы, чтобы окружать себя блеском торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься ныне среди нас как царь подвигов, чтобы опасности с народом твоим разделять, чтобы трудности препобеждать. Такое царское дело выше славы человеческой, поелику основано на добродетели христианской. Царь небесный провидит сию жертву сердца твоего и милосердо хранит тебя, государь, да идет с тобою воскресение и жизнь!

В то время распространились воспоминания Бурьена, личного секретаря Наполеона, в которых, в частности, рассказывалось о том, как Бонапарт в Яффе посетил чумной барак и пожимал руки своим солдатам, прежде чем отдать приказ врачам дать им яду, чтобы они не мучились от страшной болезни, а главное, в виду того, что к Яффе приближался неприятель. Восторженные поклонники Наполеона наперебой повторяли этот эпизод из жизни своего кумира, соотнося его с нынешней заразой в Москве и приездом государя в холерный город. Но уже имелись сведения о том, что воспоминания Бурьена — подделка. “Как же так? Ведь Бурьен еще жив!” — спорили восторженные. “Жив, но давно уже в доме для умалишенных и ничего не спо-

собен написать, — отвечали скептики. — Так что ваш Бурьен на поверку — Лжебурьен!” Действительно ли Наполеон посещал чумной барак, так и осталось неизвестно. А вот посещение Николаем холерной Москвы — неоспоримо.

Пушкин, сидя в Болдине в карантине, написал великолепное стихотворение, в котором спорил со скептиками:

*Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угрождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...*

У этого шедевра есть четко проставленная дата: “29 сентября 1830 года”. Такое впечатление, будто поэт посмотрел по телевизору трансляцию из Московского Кремля и бросился к письменному столу. Такое впечатление, будто он страстно говорил не только о Наполеоне, но и о русском царе. А может быть, и так. Может быть, Пушкин написал эти строки позже, узнав о приезде государя в Москву. А дату поставил, чтобы не слишком посмеивались над его преданностью к Николаю. Вероятно, и в Болдине кто-то посмеивался: “Знаем, знаем, как он там среди холерных... Небось прикасаться ко всему боится!” Вот Александр Сергеевич и ответил им. Впрочем, это лишь предположение. Вернемся из Болдина в Москву.

Государя сильно волновал вопрос о мерах предосторожности, кои должно принимать. Не случайно он первым делом спросил Филарета о всенародных молебнах. И получил твердое уверение святителя в том, что когда речь идет о церковной соборности, одухотворенной истинной верою, меры предосторожности излишни. Особенно могло внушать опасение таинство причастия, когда все подходят к священным сосудам и причащаются от одной ложки. И тут Филарет заверил царя, что никаких случаев заражения после причастия не наблюдается.

Невольно вспоминаются недавние события, когда по миру прокатилась волна так называемого “свиного гриппа”. В западной христианской Церкви, где в последние времена и так-то не очень причащаются, вышли строгие запреты на причастие во время эпидемии. Православная Церковь осталась тверда, никаких запретов, и в наших храмах число причащающихся несколько не убавилось.

Осенью 1830 года причастников стало во много раз больше, нежели доселе. Люди строго постились, как во время Великого поста, исповедовались, раскаиваясь во всех своих грехах, как пред кончиной, и причащались с особенно распахнутыми сердцами. И причастники не заражались! В одном из своих многочисленных распорядительных документов, выпущенных во время холеры, Филарет писал: “В церковных поучениях с соблюдением приличия, упоминая, что праведный Бог послал сию губительную болезнь в наказание за грехи наши, возбуждать народ к молитве, покаянию, исправлению жития и к укреплению и освящению себя причащением святых Христовых Таин, что в самой Москве уже исполняется православными чадами Церкви с самого появления болезни донныне; кажется, и начинает здесь являться настоящее милосердие Божие в уменьшении числа занемогавших и силы болезни”.

Увы, но чаша гнева Божьего еще не излилась полностью. Холера только усиливалась. К концу октября ежедневно умирало уже полторы сотни человек. Тяжело было видеть, как в иных богатых домах продолжается веселье, с объядением и пьянством. Освящая восстановленную церковь Троицы в странноприимном доме графа Шереметьева, 26 октября Филарет призывал беспечных богачей опомниться и тратить свои деньги не на балы и ужины, а на помощь в борьбе с губительным поветрием. Филарет учредил Московский архиерейский временный комитет помощи нуждающимся. Са-

мыми большими пожертвованиями во время эпидемии отличились император Николай Павлович, дворяне Голицыны, Шереметевы, Самарины, Пашковы, купцы Аксеновы, Лепешкины, Рыбниковы. Но и от монастырей по требованию Филарета поступало много жертвований.

Много приходилось посылать распоряжений по приходам, чтобы священники не ленились постоянно внушать народу о необходимости соблюдения мер предосторожности. Холерные бунты нередко возбуждались следующим образом: возле дома, где проявилась холера, стоят полицейские, дабы не впускать никого в сей дом; приходят родственники в гости и начинают возмущаться, что их не пускают проведать дорогих сердцу людей, возмущение перерастает в склоку, полицейским приходится применить силу, и тут вся улица выходит заступиться, но не за представителей власти, которых у нас в России всегда не уважают, такой уж в нашем народе *ндрав!* Или такие уж у нас представители власти, что их вечно недопонимают...

“Не любит она (холера) ни излишней дерзости, ни излишней робости, особенно невоздержания; следственно, учит осторожности, воздержанию, упованию на Провидение Божие”, — писал митрополит Филарет епископу Екатеринбургскому Гавриилу (Розанову).

Да, прежде всего он звал к покаянию, молитве, причастию, но проповедовал не только это, но и чисто медицинские способы борьбы с болезнью. Всюду, куда только можно, посылал рецепты. Матушке своей в Коломну еще 27 сентября 1830 года писал следующее: “Здравия вам, милостивая государыня матушка, и всему семейству. Желаю знать о вашем здравии. Я здоров, и у меня в доме благополучно. В городе же есть несколько больных и умирающих опасною болезнью. Посылаю некоторые записки о предосторожностях: *Способ очищать воздух в покоях*: насыпать в порошок 1 фунт хлоровой извести, 12 фунтов или три штофа воды и смешав сей состав деревянную палкою, дать ему постоять полчаса, дабы он мог отстояться, а потом отделив верхнюю часть сего раствора хлоровой извести...” — и так далее, подробнейшее описание, что нужно делать помимо молитв и постов. Вред хлорки на организм человека и животных уже был известен и в то время, а посему предписывалось во время опрыскивания хлоркой на несколько часов удалять из помещения людей и всякую живность.

Немало было весьма неприятных случаев, когда излишне ревностные христиане или раскольники находили в происходящем чересчур грозные знамения Божии, грешным делом начинали вопить о наступлении Страшного Суда, а карантинный билет называли печатью антихриста. Горько было Филарету слышать, что особенно взялись за разжигание подобной смуты старообрядцы в его родной Коломне. “Болезненно, между прочим, слышать, что раскольники, рассеивая лжеучение, в подкрепление своих мнений, недостойнство православных священников стараются доказать тем, что они ничему не учат в настоящее время, — писал Московский митрополит в очередном своем указательном воззвании. — И в отечестве нашем была заразительная болезнь в 1771 году, и тогда употреблялись карантинные предосторожности, по необходимости причинявшие некоторые затруднения народу; всякий видит, что то не было антихристово время, ибо время бедствия по благодати Божией прошло и никакого антихриста не явилось...”

В начале декабря эпидемия закончилась.

Вскоре в Москве прискакал Пушкин с целым ворохом новых произведений, с душой, согретой лирой Филарета, с желанием поскорее начать приготовления к женитьбе на Наталье Николаевне.

Свадьба эта состоялась 18 февраля 1831 года в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Митрополит Филарет находился в Петербурге на очередной сессии Святейшего Синода. Да и мог ли бы он венчать Пушкина? Хочется думать, что да, будь он в Москве, ни кто иной как он совершил бы таинство бракосочетания. Было бы хуже знать, что Филарет находился в Москве и не присутствовал на столь важном событии в жизни столь важного человека России. Впрочем, некое касательство к этому венчанию имел и Филарет. Известно, что он запретил совершать таинство венчания Пушкина и Гончаровой в домово́й церкви князя Сергея Михайловича Голицына и на-

стоял, чтобы это произошло в храме Большого Вознесения у Никитских ворот. Сам Пушкин потом отметил в этом руку Провидения — ведь он сам родился в день праздника Вознесения Господня.

Россия гораздо больше внимания, нежели свадьбе Пушкина, уделяла иным событиям, развернувшимся в 1831 году. Накануне восстала Польша, из Варшавы с треском прогнали великого князя Константина Павловича, с трудом сумевшего вывести русские войска и отступить с ними за границы Польского королевства. Фельдмаршала Ивана Ивановича Дибича назначили главнокомандующим армией для подавления польского восстания. Император посоветовал полякам уgomониться. В ответ на это сейм лишил его польского престола. По всей Польше развернулось преследование и травля диссидентов, как в католицизме именуют жителей католических стран, придерживающихся православного вероисповедания. 18 января русская армия вошла в Польшу, 7 февраля доблестный Иван Иванович разбил поляков у Вавра и приблизился к Варшаве, на подступах к польской столице при Грохове состоялось крупное сражение. Наши войска потеряли десять тысяч человек, польские — двенадцать тысяч и отступили к самой Варшаве.

А в самой России множество развелось либералов, улюлюкавших:

— Царь — жандарм! Душителъ свобод! Европа должна прийти на помощь многострадальной Польше!

Соответственно, началась слежка за распространителями либеральных и полонофильских идей. Среди ревнителей русского самодержавия, как всегда, находилось и немало таких, кто, обжегшись на молоке, дули на воду. В январе 1831 года император получил донос от генерала Александра Борисовича Голицына. Возможно, того самого, который, по словам фон Фока, называл Филарета яковинским пророком. Храбрый вояка, личный адъютант Кутузова при Бородине, в мирное время он также рвался в бой, на сей раз — против врагов православия и официальной Церкви — масонов, старообрядцев, сектантов, еретиков. Но иногда ему начинало мерещиться Бог вестъ что. В доносе содержалось сообщение о том, что в России зреет новый заговор масонского общества иллюминатов, основанного еще в 1776 году немецким мистиком Адамом Вейгауптом, автором книги “О страхе смерти”. Святитель Филарет обозначен в доносе храброго генерала как главарь заговора! “Главный из них, — писал Александр Борисович, — был нынешний митрополит Московский Филарет, вся Россия уже понимает, как есть, несмотря на его моральную скрытную наружность и постное лицо... Все его так называемые высокие проповеди дышат эклектической бестолковщиною и нетерпимым мистицизмом, простые же имеют направление не монархическое... Он есть начальник духовного правления и неутомимый покровитель учености, дает ход разлитию по всей России немецкого рационального учения и философии Вейгаупта”.

Где Филарет, а где Вейгаупт! Основатель ордена иллюминатов проповедовал, что человек изначально рождается хорошим, а плохим его делают религия и государство. Разве это созвучно Филарету? Иллюминаты мечтали о временах, когда во всем мире будут только республики. Год основания ордена тот же, что и год провозглашения США, где весьма распространен герб иллюминатов — пирамида с сияющим всевидящим оком. Разве Филарет мог мечтать о республиках, если он постоянно в своих проповедях утверждал божественную сущность монархий, возглавляемых помазанниками Божьими!

О масонах же Филарет высказывался без каких-либо экивоков: “Зачем пить из сокрытых и, может быть, нечистых кладезей, когда для нас всегда готовы душеполезные творения отцов Церкви?” “Зачем заходить к Богу с заднего крыльца, если переднее открыто?” Лаконично и четко.

Как и в случае с наветами о причастности Филарета к декабристам, царь легко отмахнулся и от доноса о причастности владыки к иллюминатам.

А вскоре 19 апреля 1831 года митрополит Филарет “за ревностное и многодеятельное служение в архипастырском сане, достойно носимом, а притом за многолетние похвальные подвиги и труды в пользу Церкви и государства, постоянно оказываемые при всяком случае, всемилоостивейше сопричислен к ордену святого апостола Андрея Первозванного” — наивысшей награде

Российской империи! Это был пасхальный подарок государя. Чем еще лучше император мог выразить свое полное доверие и расположение к Московскому Златоусту? А ведь Николай мог подождать еще полтора года и выписать орден к пятидесятилетнему юбилею владыки. Но ему именно сейчас хотелось дать понять всем недоброжелателям Филарета, какое значение владыка имеет в государстве Российском.

В начале августа Пушкин написал по поводу польского восстания свое мощное стихотворение “Клеветникам России”, в котором высказался как русский патриот, а в конце месяца Паскевич взял Варшаву и лично возглавил временное польское правительство.

Согревать души людей — этим редким даром святитель Филарет обладал в полной мере. Это была одна из главных целей его жизни. Удивительно, как много дел ежедневно сваливалось на владыку, но как при том пространны его письма, адресованные людям, нуждающимся в утешении!

“Почему Вы думаете, что далеко радость? Она близко: позади скорби, как в Песне песней, жених за стеною близ невесты. Вечер водворится плач, а завтра радость. Далеко ли?” — писал он в двадцатые годы Маргарите Михайловне Тучковой, неутешной вдове героя Бородинской битвы генерала от инфантерии Александра Алексеевича Тучкова. Добрый пастырь вел Маргариту, освобождал ее из плена скорби...

Крымский татарин Нарышка, выезжая на службу к московским государям, не знал, что от него пойдет род, весьма знаменитый в России. Нарышкины возвысились при царе Алексее Михайловиче, женившемся на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Даже стиль архитектуры того времени получил наименование нарышкинского барокко. При Петре I род еще более обогатился, а царский стольник Матвей Нарышкин носил шутовской сан патриарха Всепьянейшего собора.

Маргарита Михайловна Нарышкина была ровесницей митрополита Филарета, даже на год старше его, но он станет истинным духовным отцом этой женщины, которой досталась полная чаша и счастья, и страданий. В шестнадцать лет она вышла замуж за блистательного московского красавчика Павла Ласунского. Он ей не нравился, но своими утонченными манерами и букетиками ландышей сумел завоевать сердце матери, и та уломала дочь составить сию партию. Не заладилось с самого начала, и уже вскоре Павел стал пропадать по ночам из дома и не скрывал, что завел себе любовницу. Но и того мало, Ласунский оказался мотом и заядлым картежником. Однажды, проигравшись в пух и прах, он пытался похитить у жены ее фамильные драгоценности, чтобы рассчитаться с долгом. Маргарита застукала его, бросилась отнимать сокровища и получила от мужа такой удар, что свалилась без чувств, а потом долго болела. У нее развилась нервная горячка. Однажды ночью она проснулась, почувствовав на лице приятную прохладу. У изголовья постели сидел некий молодой человек и прикладывал к ее горячему лбу холодный компресс. Она тотчас и узнала его. Это был знакомый ее мужа молодой полковник Александр Тучков, с которым она недавно познакомилась. Он был на три года старше. Поначалу Александр не обратил на нее внимания, но когда Маргарита стала петь, зачарованный ее чудесным голосом, он влюбился в нее. Весь вечер они играли в четыре руки, пели дуэтом, говорили о музыке, о любимых композиторах. И она почувствовала нежность к этому прекрасному человеку. Так началась их любовь. Они встречались время от времени на таких же вечерах, снова вместе пели и играли на фортепьяно... И вот теперь он тайно проник в ее спальню и сидел рядом...

Поведение Ласунского получило огласку, мать Маргариты добилась решения на развод, но когда Тучков тотчас после развода посватался к Маргарите, напуганная предыдущим браком мамаша решительно отказала, хотя дочь на сей раз отвечала согласием. Четыре года Тучков жил в Париже, куда родители отправили его на учебу, и все эти четыре года Александр и Маргарита переписывались. Видя, как дочь целует письма своего возлюбленного, мать смягчилась, и когда Тучков возвратился, дала согласие на новый брак. Венчание проходило в маленьком храме на Пречистенке. В первый раз, вы-

ходя за Ласунского, Маргарита была наряжена в пышное парижское платье. Теперь на ней был скромный подвенечный наряд. Она очень волновалась, и когда выходила из церкви, все видела как в тумане. Вдруг из этого тумана высочил некий странник в лохмотьях и протянул ей сучковатую палку:

— Мать Мария! Возьми посох!

И она с благодарностью взяла палку, думая, что тот дал ее, дабы она могла опереться. Маргарита еще не знала, что это было за предзнаменование!..

Молодожены вскоре уехали в свое тульское имение и там целый год жили счастливо, упиваясь друг другом. Но начиналась новая война с Наполеоном, и Тучкову в конце 1806 года было предписано возглавить Ревельский мушкетерский полк. Любящим предначертано было расставание, но Маргарита столь сильно не хотела разлуки, что заявила мужу о своем решении отправиться вместе с ним на войну.

Сколько восторженных воплей, сколько слез умиления вызвали в русском обществе жены декабристов, отправившиеся вместе со своими мужьями в Сибирь. Но почему же такого же восторга не вызывали жены многих русских военных, не желавшие расставаться со своими миленькими и уходившие вместе с ними на театр военных действий? А ведь в отличие от жен декабристов, имевших и в Сибири весьма сносные условия существования, жены военных делили со своими сужеными все тяготы и опасности войны, нередко — голод, холод, лишения; видели, как погибали солдаты и офицеры, как страдали раненые.

Тучков запретил жене сопровождать его. В день отъезда Маргарита исчезла. Александр не узнал ее в худеньком пареньке, усевшемся на козлах его экипажа в шинели прапорщика. Лишь в пути все обнаружилось, и Маргарита сумела убедить мужа, что в таком виде никто не обратит на нее внимания, и она сможет постоянно быть при нем.

Это был настоящий подвиг во имя любви. Изнеженная аристократка научилась чистить картошку, варить походную кашу, ухаживать за лошадьми. Мало того, полюбила все это. Потому что умение жить в походных условиях давало ей уверенность, что муж не заставит ее вернуться домой. Когда-то она могла упасть в обморок даже не при виде крови, а лишь при произнесении слова “кровь”. Теперь она научилась ухаживать за ранеными, и если надо, могла быстро зашить рваную рану или даже извлечь пулю.

24 мая 1807 года Ревельский полк отважно бился с французами в сражении под Гутштадтом, находясь в авангарде у князя Петра Ивановича Багратиона. Тучков получил орден святого Георгия четвертой степени. Затем были бои на берегах Пасарги, у Янкендорфа, под Гейльсбергом и Фридландом. В 1808 году ревельцев включили в состав корпуса Михаила Богдановича Барклая де Толли и отправили в Финляндию сражаться со шведами. Полк Тучкова дрался при занятии Рандалсалми и Куопио, где дважды сбрасывал шведский десант в море, при Иденсалми, где отбил ночную диверсию противника. 12 декабря 1808-го Александр Алексеевич получил чин генерал-майора. В мае 1809-го он уже командовал всем авангардом корпуса генерала Петра Андреевича Шувалова. И все эти годы Маргарита Михайловна находилась рядом с мужем. Лишь одно могло разлучить их — ребенок. Но прошло пять лет, а Господь все никак не давал его им. Лишь осенью 1810 года в Риге, через которую полк Тучкова проходил демаршем, обнаружилось, что Маргарита беременна. Но и тогда она не согласилась оставить мужа. В апреле Ревельский полк находился в Минской губернии. Здесь у Тучковых родился сыночек Николенька. Александр требовал от жены возвращения в Москву, но Маргарита быстро научилась нянчить ребенка в походных условиях, и видя, что сыночек растет крепеньким и здоровеньким, Тучков лишь удивлялся и не требовал, чтобы жена везла Николашу в Москву. Так прошел еще год. И лишь в мае 1812 года, когда стало ясно, что Наполеон не просто так стягивает огромные армии к границам с Россией, Александр Алексеевич строго потребовал, чтобы Маргарита Михайловна, взяв Николеньку, отправилась подальше от театра предстоящих военных действий. На сей раз он был непреклонен.

В ночь перед расставанием Маргарита во сне кричала:

— Бородино! Тебя убьют при Бородино!

Тучков разбудил ее, успокоил. Достал походную карту, долго и внимательно изучал ее.

— Вот видишь, здесь нет никакого Бородина.

Но когда Маргарита уснула, ей вновь снился кошмар. Она бежала по улице и вдруг наткнулась на белую стену, из которой сочилась кровь, образуя буквы, а из букв — французские слова: “Участь твоя решится под Бородино”. Она побежала дальше, вбежала в родительский дом, а навстречу отец нес ей Николеньку и говорил страшным голосом:

— Александра больше нет. Тебе одной придется воспитывать сына.

Утром Маргарита рассказала о своих снах и вновь умоляла мужа не отсылать ее в Москву. Но тщетно. Ее силой усадили в экипаж и повезли в первопрестольную. Там, в родительском доме, она с ужасом встречала все новые и новые страшные известия о том, как Наполеон наступает, а наши только отбиваются, отступая.

Сон оказался пророческим. Александр Алексеевич геройски погиб на Бородинском поле. Первым Маргариту оповестил отец — как и в том пророческом сне он вошел, неся на руках Николеньку. Потом Маргарите рассказали, как ее доблестный супруг шел со знаменем в руках, а французское ядро попало ему в грудь и разнесло в клочья так, что ничего не возможно было потом собрать. Смертельно ранен был и родной брат Александра генерал Николай Тучков. Он скончался от раны в Ярославле и был похоронен в Толгском монастыре. Но о нем сведения были точные, а об Александре — не вполне. Многие рассказы расходились в подробностях. И она искала мужа среди тяжело раненных, но не находила.

Едва представилась возможность, Маргарита Михайловна отправилась вместе с денщиком своего мужа на Бородинское поле. Тела погибших с него еще не были убраны. Тучкова весьма приблизительно знала, где искать, и на протяжении нескольких дней с рассвета до заката старательно осматривала участок за участком, переворачивала трупы, заглядывала в лица... Страшно себе и представить, что она пережила в те дни! Но ей помогало то, что в предыдущие годы она уже привыкла и к запаху гниющих тел, и к виду обезображенных лиц. Насколько к этому вообще можно привыкнуть.

Найти ей так ничего и не удалось. Ходили волнующие слухи, будто она нашла кисть руки с рубиновым перстнем, который носил только Александр Алексеевич, и эту руку похоронила там же, на месте гибели супруга. Но, скорее всего, это лишь легенда. Иначе в своих письмах Маргарита Михайловна не преминула бы о том поведать. Впрочем, есть свидетельства, что она до конца жизни носила рубиновый перстень супруга. Возможно, она нашла только эту драгоценность.

Все остальные свои ювелирные украшения Маргарита продала. Заложила и тульское имение. Ей нужны были деньги на строительство. В 1817 году военный министр генерал Петр Петрович Коновницын сообщил ей, где именно в последний раз видели Тучкова. На этом месте, возле средней Багратионовой флешки, Маргарита возвела поминальную часовню, а вскоре стала строить и храм-памятник, Спаса на крови, и это стало первой постройкой на Бородинском поле. Государь Александр выделил под это дело десять тысяч рублей.

Рос Николенька, рос храм, с каждым годом оба они становились выше и крепче... Портрет Александра Тучкова, написанный Джорджем Доу, украсил военную галерею Зимнего дворца. По просьбе Маргариты Михайловны художник украсил грудь генерала медалью за 1812 год, которая вручалась только в 1813-м. Но разве он не заслужил сию награду своей геройской смертью во имя Родины?

В 1820 году храм Спаса Нерукотворного на Бородинском поле освятил Московский архиепископ Августин (Виноградский). В храме была устроена символическая могила с белым мраморным крестом, на котором надпись: “Помяни, Господи, во царствии Твоем Александра на брани убиенного”. Над правым клиросом Маргарита Михайловна собственноручно установила Ревельскую полковую икону Спаса Нерукотворного Образа, впоследствии прославившуюся чудотворной. Вдова Тучкова добилась разрешения, чтобы в храме

совершали службы монахи Можайского Лужецкого монастыря. Благословение на это дал прибывший на Московскую кафедру тогда еще архиепископ Филарет.

После восстания декабристов горе вновь вошло в семью Маргариты Михайловны. Был арестован и обвинен в подготовке московского мятежа ее родной брат Михаил. Его приговорили к двенадцати годам каторжных работ.

Увы, недолгим оказалось и материнское счастье Маргариты! В четырнадцать лет сынок был определен в Пажеский корпус. Отучившись год в Петербурге, Николай Александрович перед Рождеством 1826 года приехал погостить в Москву и тут простудился, начался жар. Мать собрала лучших врачей, и они определили, что ничего страшного нет, скоро юноша поправится. Однако, три дня прометавшись в бреду, он скончался на руках у матери, которой только и оставалось, что горестно восклицать:

— За что?! За что?!

Потеряв мужа, теперь она потеряла и сына. Оставался только храм. Похоронив Николенку в склепе Спасо-Бородинской церкви, Тучкова осталась жить там же рядом, в небольшой церковной сторожке, дабы отныне всегда находиться при том месте, где погиб Александр и где похоронен Николай. Вскоре вокруг Спасо-Бородинского храма зародилась небольшая община. Пригодились Маргарите навыки сестры милосердия — крестьяне окрестных сел приходили к ней подлечиться, а то и за добрым советом.

С 1821 года московским архиереем стал архиепископ Филарет. Его проповеди проникали в сердца всех безутешных, оплакавших своих павших в войне 1812 года, умерших в мирное время. Было и нечто созвучное душе Маргариты — пять с половиной лет вместе с мужем она находилась в Ревельском полку, а Филарет некогда являлся епископом Ревельским.

И вдруг от него приходит приглашение к нему в гости на Троицкое подворье. Маргарита знала, что многие вдовы и матери, потерявшие детей, находят у Филарета утешение. Известна была его дружба с графиней Екатериной Новосильцевой, крестницей императрицы Екатерины II и приемной дочерью графа Владимира Григорьевича Орлова. Осенью 1825 года ее постигло столь же тяжелое горе, как Тучкову, но скорбь утяжелялась тем еще, что Новосильцева была сама причастна к гибели любимого сына. Флигель-адъютант Владимир Новосильцев влюбился на балу в Марию Чернову и легкомысленно присил ее руки и сердца. Гордая и спесивая мать была возмущена, что сын хочет жениться на девушке не столь высокого происхождения, и решительно запретила сей брак. Брат оскорбленной девушки поручик Чернов вызвал Владимира на дуэль, которая окончилась трагически. Убиты были оба дуэлянта. Чернов скончался на месте, а смертельно раненного Новосильцева перенесли в какой-то постоялый двор, где он умер на бильярдном столе. Кстати, Чернов входил в Северное общество декабристов, а его секундантом на той злосчастной дуэли являлся не кто иной, как Кондратий Рылеев, которого менее чем через год повесят на кронверке Петропавловской крепости.

Филарет писал Новосильцевой письма, в коих пастырски утешал бедную виновницу гибели собственного сына: “Матерь Распятого за нас, испытавшая величайшую из скорбей Матери, да примет молитву скорбящей матери, дабы принести оную к престолу Своего Сына и Бога”. “Скорби дали Вам чувствовать нужду в утешении веры. Хорошо, что Вы ее заметили. Быв счастливее в мире, может быть, Вы не poznали бы сей нужды и не обрели бы сего утешения. Что же из сего? Признайте, что скорби суть благодаяние Божие, и благодарите за них Бога”.

На сетования Новосильцевой, что свет ее порицает, и что она за это стала презирать свет, владыка отвечал: “Презирать свет не надобно, так же как и уважать. Добро достойно уважения, зло презрения, а в свете есть и то и другое. Что тяжко быть в презрении, сия мысль должна быть предметом покаяния. Блажен, кому слава и бесчестие в мире — все равно. Скорбь, что не довольно уважают злополучных, предполагает мысль, что злополучие есть достоинство. А оно не есть ни достоинство, ни недостоинство, а посещение Божие, частью строгое, частью милосердное. Люди должны уважать злопо-

лучных, но злополучные не имеют права сего требовать... Как Вы говорите, что Бог не услышал молитвы Вашей о сыне? — Он услышал и исполнил ее лучше, нежели Вы понять можете... Господь да совершает в Вас дело Свое и да даст Вам в общении с Ним утешение, победу, силу и защиту”.

На письма, в которых Новосильцева признавалась в своем отчаянии, Филарет отвечал очень строго: “Недавно читал я, что отчаяние есть порождение гордости. Итак, смирение да будет охранителем Вашим от помыслов отчаяния”. “Жертва Христова так велика, что при виде ее должны исчезнуть все малые жертвы человеческие”. “Жалею, что присутствие веселья и теперь еще усиливает уныние Ваше. Чем виновато пред Вашим унынием невинное веселье или образ веселья в неодушевленной твари, которую Бог украсил? Надобно ли сильнее огорчаться тому, что видимые нами дела Божии прекрасны”.

Новосильцева жаловалась на то, что не знает, прощен ли дуэльный грех ее сыну, а Господь не дает никаких знамений. Филарет и тут был строг: “Не сетуйте, что не видали знамения, утверждающего надежду, а лучше обвините себя, что желали знамения. В Евангелии видите, что Господь не похвалил ищущих знамения”. “Когда Вы чувствуете, что могли бы умереть от радости, получив желаемое знамение, то тем самым производите приговор, что не должно давать Вам знамения, которое приняли бы Вы не в порядке”.

И вот теперь митрополит Филарет взял на себя труд утешать другую безутешную — вдову и мать Тучкову. В приемной у владыки Маргарита столкнулась с женщиной, которая привела под благословение трех своих здоровых цветущих сыновей. И сразу обида на свою судьбу вспыхнула в сердце. Войдя к Филарету и заговорив с ним, она вскоре не выдержала и воскликнула в отчаянии:

— Отчего же Господь отнял у меня все?!

Владыка ответил неожиданно строго и даже сердито:

— Видно, недостаточно была смиренна.

Тут уж обида вдовы перекинулась на митрополита, и несчастная женщина, вскочив, выбежала вон вся в слезах. Что было причиной такой строгости? Во-первых, Филарет увидел, что в его посетительнице отсутствует понимание Божественных причин явлений жизни.

Возможно, была еще одна причина. Французистость. Безобразное явление русского высшего общества конца XVIII — начала XIX века. Многие люди вообще редко когда говорили по-русски. Галломании не повредило даже нашествие Наполеона. В 1812 году бывали случаи, когда русские мужики убивали дворян, только слышав, как те говорят по-французски. На какое-то время дворяне образумились. А потом — все по новой. Была такая невеселая шутка: русский дворянин в Европе кажется переодетым татаринцом, а у себя в России — неведомо как родившимся французом.

Увы, к моменту своей встречи с Филаретом Маргарита Михайловна так еще и не избавилась от привычки говорить только по-французски. И вот она приходит, жалуется на то, что Бог отнял у нее мужа и сына, а жалуется-то на языке тех, кто стал причиной ее вдовства! Владыка сам превосходно владел французским. Возможно, и ответил ей тоже на этом языке.

Через некоторое время пастырь лично приехал к Маргарите, просил простить его за резкость слов. С этого времени началась их дружба и переписка. Филарет стал ее пастырем.

Маргарита жаловалась ему, что страдает от одиночества. Пастырь отвечал: “Одиночество дело не худое, когда умеют им пользоваться. Не хорошо ли, когда никто и ничто в мире не останавливает человека? Тогда он и помнит Бога, прямо идет к Нему. Одиночество на земле ведет в общество небесное”. Он писал ей о целебных свойствах слез и этим тоже утешал бедную: “Господь и радость Его с Вами особенно ныне. Вода из иерусалимских роз что-то необыкновенное. Не для меня бы она; но к алтарю да принесется от Вас, как чистые благодатные слезы. Ах! Что-то теперь в Иерусалиме: вода ли чистая, как слезы, или слезы многие, как вода? Говорят, он ограблен...”

Маргарита писала о своей непреходящей тоске: “День походит на день: утренняя, обедня, потом чай, немного чтения, обед, вечерня, незначущее руко-

деле, а после краткой молитвы — долгая ночь. Вот вся жизнь! Скучно жить, страшно умереть — вот предмет для размышления. Милосердие Господне, Его Любовь — вот мое упование!” Пастырь отвечал ей: “Зная Вашу веру и упование, заставляю себя мыслить, что печаль менее ныне властвует над Вами и изнуренное страданиями сердце начинает чувствовать утешения, которые, подобно каплям росы, точатся из Источника вечного блаженства. Два года мучительной, отчаянной скорби — довольная жертва миру и плоти. Не удивитесь сему названию: и плач святых о временном лишении не назван благоприятною жертвою Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не богоугодно, но даже бывает грешно... Молитесь об исцелении скорби Вашей и вместе просите у Господа продолжения жизни временной, сколько потребно для приготвления к вечной. Супруг Ваш — с мучениками, сын — с девственниками, Вас Господь ведет тем и другим путем, чтобы соделать участницей той и другой радости... Наше дело — нести налагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским упованием, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях... Не грешно мыслить, что, может быть, Вы избраны орудием для утешения тысячи страждущих”.

Маргарита присылала ему подарки, в их числе и сделанные ее собственными руками. Пастырь благодарил: “Когда Вы присылаете мне простое и надобное рукоделие, тогда я имею истинное приобретение и охотно думаю, что во время холеры ноги мои сохранились от судорог помощью чулок, работанных добрыми и человеколюбивыми руками...”

Маргарита понимала высокую цену проповедей Филарета и стала составлять свой собственный сборник этих сочинений своего пастыря. Впоследствии многие из проповедей Московского Златоуста сохранились лишь благодаря их наличию в этом сборнике. Первая из таковых — “Беседа о благочестивом усердии”, произнесенная 5 июля 1832 года в Троицко-Лаврском соборе. В ней Филарет затронул весьма важную тему истинного и показного следования религиозным обычаям. Он говорил:

— Пред святым образом ты возжигаешь свечу и полагаешь, что тем совершил некое служение Богу. Но ты знаешь, что Богу и святым Его, пребывающим во светлостях святых, небесных, нет никакой нужды в земном, вещественном светильнике; ты видишь, что и во храме иногда без него можно было бы обойтись при помощи великого, вседневного светильника Божия на небе. Что же значит твое служение возженной свечой и как оно может быть угодно Богу и святым Его? — Оно должно быть видимым знамением горящего в тебе духа, твоего благочестивого усердия... Церковь утешается, заключая по знамению, что ты горишь духом, и Бог благоугождается жертвою твоего сердца...

Пламенный пастырь призывал быть горячими в вере, находя яркие и точные сравнения:

— Когда котел кипит на огне, тогда не смеют к нему приблизиться ни насекомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую в нем для человека. Но когда снимется с огня и остынет, тогда насекомые роятся около него, и падают в него, и наглый пес или хитрый кот может приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человека кипит огнем Божественного желания, сей духовный огонь служит ей в одно время и силою для действия, и броней для защиты. Но если небрежение допускает угаснуть сему огню, и благочестивое усердие остывает, то суетные, лукавые, нечистые помыслы роятся в области чувственной, падают во глубину души и оскверняют ее, и может прийти наглая страсть и расхитить в душе, что в ней уготовлялось для благоугождения Богу.

Маргарита стала задумываться о пострижении и спрашивала совета. Пастырь постепенно готовил ее к монашескому подвигу: “Можно вести жизнь монашескую и без обета... Что делается на всю жизнь, то лучше сделать не скоро, нежели торопиво... Еще говорят отцы: если нет сокрушения и умиления, должно подозревать, нет ли тщеславия...”

Год за годом в письмах Филарета к ней все меньше утешительных слов по поводу скорби о супруге и сыне и все больше бесед о том, как жить в мо-

нашеской общине. Созданное Тучковой на Бородинском поле благочестивое женское общество с благословения митрополита получило статус Спасеского женского Богоугодного Общежительного заведения. Святитель Филарет, составив его “Правила”, в них он утверждал, что “особенная обязанность пребывающих в сем общежитии — приносить молитвы за православных вождей и воинов, которые в сих местах за веру государя и отечество на брани живот свой положили в лето 1812-е”.

Так пастырь шаг за шагом подготавливал исчезновение Маргариты. Её должно было не стать, как некогда не стало Василия Дроздова.

В проповедях 1832 года Московский Златоуст не случайно много говорил о суетном, напускном, о тщеславии. И о том, что нужно быть скромным, незаметным. Надвигался его юбилей — 26 декабря того года ему исполнилось пятьдесят лет.

По римской традиции, словом “юбилей” называлась годовщина, число которой делилось на пятьдесят. В словаре Даля так и сказано: “Юбилей — торжество, празднество по поводу протекшего пятидесятилетия, столетия, тысячелетия”. Стало быть, дважды свой юбилей мог отметить лишь тот, кто доживал до ста лет, и для подавляющего большинства людей пятидесятилетие являлось единственным юбилеем.

Никаких сведений о шумном праздновании юбилея митрополита Филарета нет в природе. Можно предположить, что он вообще запретил праздновать свою дату. “Благодарю, отец наместник, за добрые о мне желания ради дня Господня”, — писал он архимандриту Антонию 29 декабря. “Ради дня Господня”, но не “ради моего дня рождения”. Выходит, Антоний даже и не поздравлял его с юбилеем, зная, что владыка того не хочет. Поздравляли святителя с Рождеством Христовым. Еще раньше тому же Антонию он писал: “А о. Сергию скажите, что я, благодаря его за намерение сказать мне ласковое слово, не могу скрыть, что желал бы ему занятия более монашеского и архимандричьего, нежели латинские стихи”. Речь, по-видимому, идет об иеромонахе Сергии, который был духовным чадом старца Серафима Саровского и служил связующим звеном между Саровской обителью и Троице-Сергиевой лаврой. Как видно, он хотел латинскими стихами прославить юбилей Филарета, а владыка ему в этом вежливо отказал.

О том, как он старался избегать внимания к своей особе, когда это не было сопряжено с какой-либо необходимостью, сохранилось немало воспоминаний. Преподобный Амвросий Оптинский писал, что Филарет “держался такой спрятанности, что келейные его не только не знали его сокровенной жизни, но и не могли видеть, как он умывался: “Поддай воды и иди”. Случалось, келейный оставался и хотел помочь в этом старцу. Он повторял: “Ведь сказано тебе, иди!” И тот, делать нечего, хоть неохотно, а уходил”.

Резко отличались священнические облачения Филарета от его обыденной одежды. Во время богослужений он считал необходимым облачаться в красивые нарядные рясы, чтобы видно было: се иерарх Русской Православной Церкви! В обычной же обстановке он предпочитал в холодное время года шерстяные полукафтаны с отвернутыми обшлагами или просто с широкими рукавами, а летом надевал или простой белый льняной подряник, или черный шерстяной, в зависимости от того, какая погода. Ближе к пятидесяти годам он стал часто простужаться и потому одевался теплее, чем в молодости. Вместо обычного монашеского пояса он употреблял кушак, а на голову надевал либо плетеную сетку, либо черную скуфью. В морозные дни на нем можно было видеть меховую лисью шубу. Рыжую лисицу почитал наилучшей среди пушных зверей. При том, что лисья шуба считалась в России самой дешевой.

С годами он не утрачивал любви к скромности в домашней обстановке. Любил недорогую мебель и сердился, когда кто-либо желал украсить его быт. Митрополичий посох у него был простой, деревянный. Он вообще любил некрашеное дерево — стены, полы, потолки. Архимандриту Антонию приказывал ни в коем случае не красить полы в его покоях.

То же самое и в еде. Филарет любил обильно потчевать своих гостей, но сам довольствовался куском рыбы, кашей, в больше всего любил, когда нет поста, лесную ягоду с молоком — малину, чернику, землянику.

Внешний облик его мог показаться неказистым, если бы не искрометный ум, сверкающий в его живых глазах. Роста он был не высокого, можно даже сказать, маленького. Но следует заметить, что ученые, изучавшие сей вопрос, утверждают, что на рубеже XVIII и XIX веков вообще наблюдался странный феномен низкорослости. Данные о параметрах одежды показывают, что люди не отличались большими размерами. Такие гиганты, как Александр I и Николай I, были исключением из правила. Зато миниатюрных и изящных, как Филарет или Пушкин, было множество.

В 1832 году был причислен к лику святых Митрофан Воронежский, епископ, благоволивший Петру I в деле создания флота, помогавший первому российскому императору строить в Воронеже верфь. Митрополиту Филарету особенно нравился рассказ про то, как Митрофан явился во дворец к государю, но, увидев там изображения греческих и римских богов, тотчас развернулся и ушел. Когда Петру донесли об этом, царь пришел в ярость и потребовал от епископа немедленно явиться. Но Митрофан был непреклонен и отвечал, что придет только тогда, когда языческие истуканы будут убраны. В итоге на уступку пошел государь, статуи на время визита во дворец Митрофана были убраны.

Филарет не просто почитал святителя Митрофана, но и написал к его канонизации книгу “Сказание о обретении мощей св. Митрофана, еписк. Воронежского”, вышедшую отдельным изданием в Петербурге. А в июне 1833 года в подмосковном Хотькове он освятил храм во имя святителя Митрофана и произнес проповедь о смысле и устройении христианских храмов, о принисимой жертве. Подобно первому русскому духовному писателю митрополиту Илариону, он говорил о ветхозаветном законе и новозаветной благодати:

— Как чудно христианство! Иудейство представляло законный храм один только во всем мире, законное священство только в одном роде Аарона, жертвы только вещественные, безжизненные или умерщвляемые, в крови, огне и дыме... В христианстве, напротив, не только повсюду храмы, не только из всех народов, по избранию благодати, священники, не только повсюду приносится бескровная жертва, заключающая в себе не преобразование Христа отдаленного и ожидаемого, но таинство Христа пришедшего, присутствующего, предающегося нам в пищу и питье жизни вечной...

Словотворец Филарет глубоко верил в силу слов, как добрых, так и злых. В Троице-Сергиевой лавре 5 июля он говорил в своей проповеди:

— Город создается — чем, думаете? Богатством? художеством? властито? многолюдством? — по мнению Соломона, не тем, а добрыми словами добрых людей: в благословении правых. И напротив, город разрушается — чем? оружием врагов? огнем? водою? землетрясением? — опять не тем, а злыми словами злых людей: усты нечестивых раскопается. Как могущественно и благотворно, по мнению Соломона, благословение! И как разрушительны слова злобные... Обыкновенный разум человеческий не знает духовного могущества слова и даже боится догадок об оном.

Объясняя высказывания из Библии, Филарет всегда находил простые, но весьма точные сравнения. Так, в успенской проповеди 1833 года, растолковывая слова апостола Филиппа, говорившего, что жилище наше находится на небесах, владыка сравнивал нашу жизнь с путешествием городского жителя по сельским местам:

— Если бы городского жителя во время путешествия в поле или в деревне спросили, где он живет, без сомнения, он не сказал бы: “Вот здесь на дороге или вот здесь, в сельской гостинице”, но сказал бы, что живет в городе, где у него дом и семейство.

И далее он учил мудрому пониманию слов апостола и применению их во всех скорбных, тягостных или обидных случаях жизни:

— Обижают тебя, лишают собственности, чести, награды. Еще скажи себе: *житие наше на небесах есть*; там наши сокровища некрадомые, венцы

нетленные, воздаяния вечные. Не нужно заботиться много, если отнимают лепту на пути; позаботимся лучше, чтобы сохранить бесценное наследие в доме Отца Небесного.

Почитание Филаретом истории со святителем Митрофаном и императором Петром неожиданным образом отразилось на недолгом омрачении отношений Филарета и Николая.

В 1833 году государь путешествовал по Австрии и Пруссии, где заключал новые договора против Англии и Франции. И вдруг обратил внимание на то, что у России до сих пор нет своего официального государственного гимна. Вместо него обычно исполнялась музыка гимна Британии “God save our gracious King” — “Боже, храни нашего милостивого короля”. Как-то это не соответствовало антианглийской направленности политики и восстановлению Священного союза между Россией, Австрией и Пруссией. Царь выразил желание иметь свой гимн. Придворный композитор Алексей Федорович Львов сочинил великолепную мелодию, в духе британского гимна, но более мощную и торжественную. Василий Андреевич Жуковский при участии Александра Сергеевича Пушкина сочинили к этой мелодии слова. Пушкин же предложил оставить от всего стихотворения только первую строфу, состоящую из шести строк:

*Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, царя храни!*

Полностью все семь строф впоследствии публиковались в собраниях сочинений Жуковского, а первая строфа с легкой руки Пушкина так и стала гимном Российской империи. Государь, прослушав новый гимн, остался весьма доволен и приказал устроить публичное слушание, которое состоялось 11 декабря 1833 года в Москве в Большом театре. Весь народ был в восторге. Не был на прослушивании лишь митрополит Филарет. На афише было указано название гимна как “Русская народная песнь”, но ведь это была не просто песнь, а молитва, ибо ее наполняет обращение к Богу. Духовенство выражало недовольство. С тех пор “Боже, царя храни!” называли и так, и сяк — и “Русская народная песнь”, и “Молитва русского народа”. Но главное, что Филарету претило идти в здание, увенчанное изображением языческого бога Аполлона, которому, между прочим, во времена гонений на христиан приносились в жертву многие христианские мученики.

— Уберите истуканов, и я приду, — говорил он, уподобляясь святителю Митрофану Воронежскому.

Николай сердился, но больший его гнев был еще впереди. В 1834 году Москва украсилась триумфальной аркой, воздвигнутой на площади Тверской заставы главным архитектором Москвы Осипом Ивановичем Бове. Сооружение величественное и достойное памяти героев 1812 года, коим она и была посвящена. Одно плохо — венчала сие превосходное сооружение статуя языческой богини Славы, несущейся на повозке, запряженной шестеркою резвых коней. Узнав об этом, митрополит Филарет заранее решил, что хотя пять лет тому назад он и освящал закладку арки, саму арку освящать не станет, покуда не снимут очередного истукана. Но в мае скончался Бове, а его соавторы — младший брат Михаил, Иван Петрович Витали и Иван Тимофеевич Тимофеев “из уважения к смерти главного архитектора” отказывались что-либо менять.

О том, что Филарету придется освящать Триумфальные ворота в таком, а не ином виде, святителю сообщил светлейший князь Петр Михайлович Волконский — министр императорского двора, генерал-фельдмаршал и сам герой войны 1812 года. Святитель Филарет впал в смятение. Он заявлял о том, что не может святить сооружение, украшенное языческим идолом, на что все вокруг, вздыхая, лишь разводили руками:

— Придется святить, владыко!

Тогда Филарет отправился в Лавру к своему духовнику и прямо сказал:

— Как ты скажешь, так и сделаю.

— Не святить, — ответил Антоний.

— Будет скорбь.

— Потерпите.

Но как открыто заявить о своем отказе царю? И святитель Филарет решил отвечать Николаю как-нибудь иносказательно. Трудно судить, хорошо ли у него это вышло или не очень хорошо.

Пришло время торжеств, на Троицкое подворье прибыл дежурный флигель-адъютант с вопросом к митрополиту:

— Государь велел спросить, какое время будет угодно его высокопреосвященству назначить для освящения Триумфальных ворот?

Ответ Филарета оказался весьма странным:

— Слышу.

Флигель-адъютант не понял и переспросил.

— Слышу! — уже сердито ответил владыка.

— Так что же мне передать-то его величеству? — изумился царский посланник.

— А то, что слышали, то и передайте, — сказал святитель Филарет.

Когда Николаю сообщили, он некоторое время недоуменно размышлял, затем вспыхнул от гнева:

— А, так... Я понимаю... Приготовьте лошадей, я сегодня же покидаю Москву!

И уехал. А Филарет, еще более огорченный, вновь приехал в Лавру.

— Вот какая скорбь пришла!

— Это и прежде было видно, — ответил Антоний.

— Да уж хорошо ли я поступил? Раздражил государя. Я не имею достоинств святителя Митрофана, — вздохнул Филарет.

— Да не берите их на себя, а помните, что вы епископ христианский, пастырь Церкви Христовой, которому страшно одно — разойтись с волею Иисуса Христа.

Об этом разговоре и о предыдущем приезде митрополита преподобный Антоний потом написал в своих воспоминаниях. Филарет так переживал, что захворал. На другое утро он прислал за Антонием. Тот испугался, думая, что святителю стало хуже. Однако, придя на зов, увидел Филарета веселым и бодрым, и сам заулыбался.

— Что ты? — спросил Филарет.

— Да виден орел по полету.

— Пойдем, поблагодарим преподобного Сергия. Он мне явился чувственным образом. Я заснул, а был уже час пятый, как послышался шорох в двери. Я чуткий, проснулся, привстал. Дверь, которую я обыкновенно запираю, тихонько отворилась, и вошел преподобный — старенький, седенький, худенький и росту среднего, в мантии без епитрахили — и, наклоняясь к кровати, сказал мне: “Не смущайся, все пройдет”. И скрылся. Спасибо тебе, Антоний, ты говорил мне против всех.

Утешительные слова преподобного Сергия вскоре сбылись. Триумфальную арку без особо пышных торжеств освятили военные священники. Между тем, рассказ о том, как святитель Филарет отказался освящать Триумфальную арку, разлетался по всей Руси великой. И этот случай в основном вызывал восхищение, особенно в среде священнической. Один из наиболее почитаемых в народе духовных наставников архимандрит новгородского Юрьевского монастыря Фотий (Спасский), доселе холодно относившийся к Филарету, сильно изменил свое отношение к нему. Злые языки доносили до Фотия сплетни, будто Филарет наушничает на него Петербургскому митрополиту Серафиму, и оттого Серафим творит свои козни против Фотия. В итоге к началу тридцатых годов вся Россия имела представление о разделении Церкви на два направления — филаретовское и фотиевское, как некогда в XV—XVI столетиях были иосифляне и ниловцы, то есть сторонники Иосифа Волоцкого и Нила Сорского. Филарет, любимый паствой, имел дар

проповедования. Фотий, не менее любимый православным народом, имел дар чудотворения. Филаретовцы недолюбливали фотиевцев, а фотиевцы — филаретовцев. Сторонники Филарета упрекали Фотия в непочтительности к царю. Сторонники Фотия обвиняли Филарета в излишней покорности государственной власти.

К счастью, пройдя сквозь свои триумфальные врата, Филарет примирил с собою благочестивого Фотия. Примирил два направления в народе нашем. И вскоре он стал получать от Фотия добрые, теплые, восхищенные письма: “Близок я к тебе союзом любви не по плоти и крови, но во Господе, Его же ради ты меня напоил питием учения веры и облек в образ ангельский по плоти. Взыскую студенца воды живой от уст твоих... Ах! Владыко святой и мой благодетель о Господе возлюбленнейший! Аще ли ты не радость всех, и радость моя есть единая оная та, кто отрет слезы всех и твоих ближайших! Ты нужен в Церкви Божией! Да светится свет Господень в тебе всем и мне, да между всеми тень сладости светения твоего в деле благодати коснется и гортани сердца моего”. Отныне Фотий стал филаретовцем и оставался им до самой своей смерти, незадолго перед которой писал своей духовной дочери графине Анне Алексеевне Орловой-Чесменской удивительные строки, посвященные Московскому Златоусту:

“Я за знамение Божией благодати полагаю в том, кто из москвичей своего пастыря наставника и учителя, святителя Филарета почитает по Бозе, истинно слушает. Я скажу то, что никогда иного слова не слышал от Филарета митрополита, как на пользу души. Я приемлю за истину, что сам видел и слышал от уст Филарета, а слуху мира не верю. Люблю я его за премудрость и разум, а целую его твердость любви. Он уже ежели кого любит, то ежели любимый упадет в некое прегрешение, — исправляет таковое духом кротости. Кто его судит, а не дано от Бога судить, — я презираю. Никтоже честь приемлет, как токмо званный от Бога. Филарет николи совета не дает на худо. Что мне сперва не нравилось его, после я находил прекрасным. Время открывало очи — и даже святому откроет. Преподобного Ефрема и блудница уму разуму научила: то уста или Божия, каков есть Филарет, не даст нам, горячим настоятелям, смысла, разума?.. Никогда не нажить такого мудрого пастыря граду Москве, как Филарет. Жизнь его лучше Платона, как серебро олова. Его намерения всегда человеколюбны и превосходны. Пастырь, ангел Господень. Есть некто настоятельница в пастве его и почитает его за святого; и я почитаю единственно за праведную в женах, что праведно поступает, тако почитая своего святителя. Сия душа не погибнет, благословение архиерейское исполнит в ней меру совершенства во спасение... Правда, не всегда Филарет по природе развивается в чувствах нежных; но бывают черты премилые сердцу в светлости его лица и очес. Я об одном более всего Бога молю, дабы быть ему во святых. Пишу тебе, чадо мое, всегда почитай и тень своего пастыря Филарета... Век не забуду подвига его, что врата не освятил и сказал об них как пастырь, правящий слово Истины. Вот черта пастыря и святителя. Вечность его ублажит за слово истины вовремя”.

Время пройдет, и пожелание Фотия сбудется — Филарета причислят к лику святых. Отказавшись освятить арку, увенчанную языческим символом, Московский Златоуст освятил тем самым свои триумфальные врата, увенчанные символами христианскими!

Осенью 1836 года Россию взбудоражила публикация в московском журнале “Телескоп” первого “Философического письма” Петра Яковлевича Чаадаева, в котором он камня на камне не оставлял от русской истории, а также весьма скептически взирал и на религиозные христианские чувства россиян: “Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности. Поры быющей через край деятельности, кипучей игры нравственных сил народа — ничего подобного у нас не было. Эпоха нашей социальной жизни, соответствующая этому возрасту, была наполнена тусклым и мрачным существованием без силы, без энергии, одушевляемом только злодеяниями и смягчаемом

только рабством. Никаких чарующих воспоминаний, никаких пленительных образов в памяти, никаких действенных наставлений в национальной традиции. Окиньте взором все прожитые века, все занятые нами пространства, и Вы не найдете ни одного приковывающего к себе воспоминания, ни одного почтенного памятника, который бы властно говорил о прошедшем и рисовал его живо и картинно. Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. И если мы иногда волнуемся, то не в ожидании или не с пожеланием какого-нибудь общего блага, а в ребяческом легкомыслии младенца, когда он тянется и протягивает руки к погремушке, которую ему показывает кормилица”. “Народы — существа нравственные, точно так, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов. Мы принадлежим к тем из них, которые как бы не входят составной частью в род человеческий, а существуют лишь для того, чтобы преподать великий урок миру”.

Забавно, что нашим первым западником стал человек, носящий такую уж очень восточную фамилию. Чаадай (иначе — Чагатай, Джагатай) — второй сын Чингисхана. От него произошло племя чаадаев или чагатаев, которые создали свое государство в Средней Азии. Существовал чагатайский язык. А самым знаменитым чаадаем был Тамерлан.

Чаадаев расколол общество, дав два направления мыслей и пристрастий. Те, кто разделял точки зрения Петра Яковлевича, становились впоследствии западниками, а те, кто яростно критиковал его, — славянофилами. Уж очень резко разграничил он проклинаемую им Россию и обожаемый им Запад: “Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет. Одинокие в мире, мы миру ничего не дали, ничего у мира не взяли, мы не внесли в массу человеческих идей ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали движению вперед человеческого разума, а все, что досталось нам от этого движения, мы исказили. Начиная с самых первых мгновений нашего социального существования, от нас не вышло ничего пригодного для общего блага людей, ни одна полезная мысль не дала ростка на бесплодной почве нашей родины, ни одна великая истина не была выдвинута из нашей среды; мы не дали себе труда ничего создать в области воображения и из того, что создано воображением других, мы заимствовали одну лишь обманчивую внешность и бесполезную роскошь”.

В то время, как Запад стремительно двигался к вырождению христианства, в России оно держалось, во многом благодаря таким столпам православной Церкви, как Филарет Московский. Но Чаадаев высказывал крайне противоположное мнение на сей счет: “Вопреки имени христиан, которое мы носили, в то самое время, когда христианство величественно шествовало по пути, указанному божественным его основателем, и увлекало за собой поколения, мы не двигались с места. Весь мир перестраивался заново, у нас же ничего не создавалось: мы по-прежнему ютились в своих лачугах из бревен и соломы. Словом, новые судьбы человеческого рода не для нас свершались. Хотя мы и христиане, не для нас созрели плоды христианства”.

Скандал с этой публикацией, естественно, не мог пройти мимо святителя Филарета. Он дал строгие и четкие оценки “Философическому письму”: “Статья Телескопа, оскорбительную для Церкви и для России, мне показали, ибо, впрочем, сего журнала я не имел и не читал. Правительством обратило внимание на сие безумие. Странно, что пропустил к напечатанию ректор университета. Мне казалось возможным сие не иначе, как разве пропустил не читав; но некоторые говорят, что даже поправлял. Найдите и прочитайте лист Северной Пчелы, вышедшей третьего дня. Тут есть хорошее противоядие против статьи Телескопа”.

Император был куда более прямолинеен в оценке статьи Чаадаева: “Смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного”. “Телескоп” закрыли, его издателя Николая Ивановича Надеждина сослали, Чаадаева объявили сумасшедшим и заставили пройти принудительное медицинское обследование. Полемике не получилось. Тогда все видели славу России и ее

истории, все видели себя христианами в лучшем проявлении, нежели европейцы, и большинство людей сочло нелепым спорить с тем, кто говорил, что у России нет истории, что мы народ дикий и варварский, и что наше христианство невежественное. Poleмика станет развиваться постепенно, в будущие годы.

А противоядием статье “Телескопа” Филарет назвал опубликованный в болгаринской “Северной пчеле” отрывок из книги писателя и дипломата, албанца по национальности, Константина Михайловича Базили “Боспор и новые очерки Константинополя”. В этом отрывке, озаглавленном “Восток и Запад”, автор оценивал западное христианство как основанное на насилии, а восточное — как движимое любовью.

Московскому обер-полицмейстеру Льву Михайловичу Цынскому пришлось отдуваться за статью Чаадаева перед высшим начальством. В его переписке с московским генерал-губернатором Дмитрием Владимировичем Голицыным сохранилось любопытное письмо. В нем Цынский уведомляет: “После статьи, напечатанной в XV номере Московского Телескопа под заглавием философические письма, поступила ныне в редакцию статья под названием: “Несколько слов о философическом письме, напечатанном в XV книге Телескопа”. Статью сию представляя при сем в копии на усмотрение Вашего сиятельства, я имею честь присовокупить, что как ныне издание Телескопа запрещено, то оную статью предполагают напечатать в Московском наблюдателе. Сей час я получил сведение, что статья сия вся уничтожена и не будет помещена в Наблюдателе; корректурной же печатанной лист оной находится у меня.

Генерал Майор Цынский

Примечание: статья сия, как слышно, сочинена Митрополитом Филаретом”.

Видимо, готовился мощный ответ Чаадаеву, но затем было принято решение поступить решительнее — объявить автора “Философического письма” психом, а с чокнутым спорить глупо. Так античаадаевская статья и не попала в печать. Сохранилась копия корректурного оттиска этой статьи, скорее всего, и впрямь принадлежащей перу Московского Златоуста.

Подражая манере письма Чаадаева, автор также пишет к некоей неизвестной адресатке. Причем, в отличие от той, к кому обращается Чаадаев, здесь в качестве собеседницы вполне можно увидеть — саму Россию. Вот некоторые ключевые высказывания из сего “Античаадаева”:

“Тебя удивила, мой друг, статья философические письма, помещенная в 15 № Телескопа, тебя даже обидела она, ты невольно повторяешь: неужели мы так ничтожны в сравнении с Европой, неужели мы, в самом деле, похожи на приемыш в общей семье человечества? Я понимаю, какое грустное чувство поселяет в тебе эта мысль; успокойся, мой друг, эта статья писана не для тебя; всякое преобразование твоего сердца и твоей души было бы зло: ты родилась уже истинной христианкой...”

“Я знаю как соблазняла тебя не христианская жизнь людей того общества, которое должно служить примером для прочих состояний. Ты устояла от соблазна, не увлеклась на путь не имеющей цели жизни, — и теперь сама видишь, что на избранном тобою пути нельзя ни потерять, ни расточить земного блага; ибо избранный тобою путь есть стезя, на которой человек безопасен от хищничества и ласкательства, и по которой, со временем, должно идти все человечество”.

“Если ты уже постигла один раз истину и следуешь ей, то не думай, чтоб истину можно было совершенствовать; ее откровение совершилось один раз и навеки, и потому слова: “сколько светлых лучей прорезало в это время мрак покрывавший всю Европу!” относятся только к открытиям, касающимся до совершенствования вещественной жизни, а не духовной; ибо сущность религии (не имеет форм она) есть неизменный вовеки дух света, проникающий все формы земные. Следовательно, мы не отстали в том отношении от других просвещенных народов; а язычество тaitся еще во всей Европе: сколько еще поклонников идолам, рассыпавшимся в золото и почести. Что же касается до условных форм общественной жизни, то пусть опыты совершаются не над нами: можно жить мудро чужими опытами; зачем нам вдавать-

ся в крайности: испытывать страсти сердца, как Франция, охлаждаться преобладанием ума, как Англия; пусть одна перегорает, а другая стынет; одна от излишних усилий может нажить аневризм, а другая от излишней полноты — паралич. Россия же, при крепком своем сложении, умеренной жизнью может достигнуть до маслитых веков существования, предназначенного народам”.

“Если бы мы не жили мощными впечатлениями времен прошедших, мы не гордились бы своим именем, мы бы не смогли свергнуть с себя имя монголов, поклонились бы давно власти какого-нибудь Сикста V или Наполеона, признали бы между адом и раем чистилище, и наконец давно обратились уже в ханжей, следующих правилу “несть зла в прегрешении тайном”. Кому нужна такая индульгенция, тот не найдет ее в наших постановлениях Церкви”.

“Наше общество действительно составляет теперь разногласие понятий и все так от того, что понятия передаются нам разномысленными, приезжающими из Франции, Англии и Германии воспитателями, от того-то общество наше, долженствующее подавать собою во всем пример прочим состояниям, настроено на разный лад, и эта расстроенность не кончится до тех пор, пока не образуется у нас достаточное число наставников собственных, достойных уважения и доверия родителей”.

“Таким-то образом чужие понятия расстраивали нас с своими собственными. Мы отложили заботу о совершенствовании всего своего, ибо в нас внушили любовь и уважение только к чужому, и это стоит нам нравственного унижения. Родной язык неуважен, древний наш прямодушный нрав часто заменяется ухищрением, крепость тела изнеживается...”

“Зачем вершины наши отрываются от подножий, зачем они часто живут как гости на родине, не только говорят, пишут, но и мыслят не по-русски? Отвечай мне, мой друг, на эти вопросы — истинны ли они! Отвечай, — нужны ли соколу павлиньи перья, чтоб быть также птицей Божьей и исполнить свое предназначение в судьбе всего творения?”

“При разделении односемейности европейской на латинскую и тевтоническую сочинитель несправедливо отстранил семью греко-российскую, которая также идет в связи с прочим и, можно сказать, составляет средину между крайностями слепоты и ясновидения”.

“От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь; от насильственного соединения Рима с Севером родились Западные Царства. Греция и Рим отжили. Русь одна наследница Греции, у Рима много было наследников. На три духовных владычества и по сие время разделяют христианский мир, истина еще в трех видах: в образе вещественном католичества, в образе духовном протестантства, и в образе слияния вещественности с духовностью Греко-российской Церкви”.

“Смотрите только на Запад, вы ничего не увидите на Востоке, смотрите бесперывно на небо, вы ничего не заметите на земле. Положим, что мы “отшельники в мире, ничего ему не дали”, но что бы ничего не взяли у него, это логически несправедливо, мы заняли у него неуважение к самим себе, если согласиться с сочинителем письма”.

“Покуда Русь переносила детские болезни, невольно покорствовала истукану ханскому и была между тем стеной, защищавшей христианский мир от магометанского, Европа в это время училась у греков и у наследников их наукам и искусствам. Всемирное вещественное преобладание падшего Рима оснащалось снова в Ватикане, мнимо преобразаясь в формы духовного преобладания; но это было новое насилие человечеству. Это преобладание было не преобладанием слова, а преобладание меча, только скрытого. Россия устояла во благо общее — это заслуга ее”.

“Мы принимали от умирающей Греции святое наследие, символ искупления и учились слову; мы отстаивали его от нашествия Корана и не отдали во власть Папы; сохраняли непорочную голубицу, перелетевшую из Византии на берега Днепра и припавшую на грудь Владимира”.

“Вечные истины, переданные нам на Славянском языке, те же каким следует и Европа, но от чего же мы не знаем его? Наше исповедание не запрещает как Бог Соломону постигать таинства вселенной и совершенствоваться

жизнь общую ко благу. Христианская религия нигде не имеет нужды управляться миром посредством предрассудков”.

“Религия есть одно солнце, один свет для всех, но равно благодетельные лучи его не равно разливаются по земному шару, а соответственно общему закону вселенной. Согласно с климатом природы, у нас холоднее и климат идей; с крепостию тела у нас могут быть прочнее и силы души, — и мы не обречены к замерзанию. Природа дала нам средства согреть тело; от нас зависит беречь и душу от холода зла.

Этим хотел я кончить письмо мое; но не мог удержаться еще от нескольких слов в опровержение мнений, будто Россия не имеет ни истории, ни преданий; не значит ли это, что она не имеет ни корня, ни основы, ни русского духа, не имеет ни прошедшего, ни даже кладбища, которое напоминало бы ей величие предков. Надо знать только историю Солонов, чтоб быть до такой степени несправедливым.

Виновата ли летопись русского старого быта, что ее не читают? Не ранее ли века все настоящие просвещенные царства стали образовываться из хаоса варварства? В XII веке у нас христианский мир уже процветал мирно, а в Западной Европе что тогда делалось? Овцы западного стада, возбужденные пастырем своим, думали о преобладании; но верно святые земли не им были назначены под паству; вера не требует ни крови, ни гонений за веру; мечом не доказывают истины; Бог слова покоряет словом. Гроб Господень не яблоко раздора. Он достояние всего человечества.

Таким же образом мнимо великое предприятие должно было решиться. Мы не принимали в нем участия, и похвалимся этим. Мы в это время образовали свой ум и душу, и потому-то ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XII столетия, подобных слову Игоря, посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многих других сочинений на славянском языке даже IX и X столетий. Есть ли у кого из народов европейских, кроме шотландцев, подобные нашим легенды и песни, у кого столько своей родной души, откуда льются эти звонкие, непостижимые по полноте чувств, голоса хороводов; прочтите сборник Кирилла Данилова древнейших народных преданий-поэм. У какого народа христианского есть Нестор? У кого из народов есть столько ума в пословицах, а пословицы не есть ли плод опытной, давней народной жизни?

Еще оставалось бы высчитать тебе природные свойства и прижитые недостатки наших и прочих просвещенных народов, взвесить их и по ним уже заключить: который из народов способнее соединить в себе могущество вещественное и духовное? Но это новый, обширный предмет рассуждения. Довольно против мнения — что мы ничтожны”.

Стиль изложения очень похож на филаретовский. К тому же начало, почти пародирующее начало письма Чаадаева. Вспомним, что и Пушкину на его “Дар напрасный” Филарет ответил пародией на его стихи, но пародией, заключающей во всем возражение тому, что написано у Пушкина. Точно так же и тут, пародируя манеру Чаадаева, автор во всем спорит с создателем “Философического письма”.

Итак. Если принять, что статья “Несколько слов о философическом письме” действительно написана Московским митрополитом, то следует признать, что как Чаадаев — первый западник, так святитель Филарет — первый славянофил!

Славянофиларет.

В переводе с греческого — “любящий славянскую добродетель”.

И — реакционер. В том смысле, в каком человеческий организм проявляет себя реакционером, выказывая какую-либо откровенную реакцию на болезнь.

Филарет первым, не улюлюкая: “Сумасшедший! Ату его!”, вышел на бой с клеветником России, чтобы не силой государственной машины и не силой общественного выдавливания, а силой просвещенного ума одолеть силу клеветы.

Жаль, что статья “Несколько слов о философическом письме” так и не была издана, и вместо полемики власти предпочли выбрать путь почти фи-

зического устранения и клеветника, и тех, кто его печатал. Мол, незачем раздувать угли, лучше тайком и как можно быстрее их затоптать, чтобы никто и не видел, и дыма не унюхал. Но дым-то пошел, его унюхали, и последствия покажут себя в ближайшем будущем. В цепочке между декабристами и Герценом важнейшее звено — Чаадаев. А статья Филарета могла бы эту цепочку разорвать.

А ему велено было временно умолкнуть. Одно из писем к Антонию того времени так и начинается со слов: “Как долго я молчу!” Но дальше он поясняет: болею. Опять зима в Петербурге, опять хвори. Там он всегда простужался, страдал от болей в ухе. Лечился, а от лекарств, как водится, что-то излечивалось, а что-то калечилось. Принимаешь лекарства от простуды, а они вызывают боли в желудке...

Но куда докучливее петербургских болезней — участие в работе Синода. На это время Московский Златоуст умолкает, не звучат его вдохновенные проповеди. Покуда не вернется в свою дорогую Москву.

В эту зиму в Петербурге произошло страшное.

Убили Пушкина. На дуэли.

Дуэль признавалась не только государственным, но и православным преступлением. В отношении дуэлянтов не существовало особых постановлений, они попросту приравнивались к самоубийцам, коих нельзя было отпевать в храме, хоронить внутри церковной ограды и поминать вкупе со всеми христианами. На исполнении этой строгости в отношении Пушкина настаивал Петербургский митрополит Серафим. Переменить его твердую точку зрения взялся Московский митрополит. Возможно, Филарету в числе других, а возможно, лишь одному Филарету мы обязаны тем, что Александр Сергеевич удостоился христианского упокоения. Иначе каков был бы соблазн для тех, кто обожает Пушкина и не слишком тверд в вере, обидеться на Церковь и отойти от нее! Только представить себе, как благодаря подобной твердости Серафима (Глаголевского) радовался бы весь антиправославный мир, если таким образом ему бы “подарили” Пушкина! А при безбожной власти большевиков Александра Сергеевича и вовсе противопоставили бы Христу, превратили в образец деятеля антихристианского сопротивления! Ведь, как на могиле Льва Толстого, на могиле Пушкина не стоял бы крест.

А сейчас? Тоже страшно представить. Скольких нынешних православных священников посмертное отлучение Пушкина ввело бы в соблазн проповедовать, что читать творения русского гения грешно!

Конечно, утверждать, что посмертным спасением великого поэта мы обязаны Филарету, преувеличение. Здесь, прежде всего, во многом сыграло свою роль доброе отношение государя императора. Вот если бы Николай Павлович уперся в букву гражданского и религиозного закона, тогда дело плохо. Но и мнение Филарета внесло свою важную лепту. И слава Богу, что он в то время оказался в Петербурге!

Когда пишут о кончине и погребении Пушкина, постоянно укоряют, а то и проклинают власти за то, что не устроили пышных похорон. Но устроить такие значило отменить строгое отношение к дуэлянтам. И дуэли посыпались бы как горох! Митрополит Серафим запретил отпевать Александра Сергеевича в Исаакиевском соборе, и отпевание происходило в церкви, которую всегда обозначают как “Конюшенная”, дабы подчеркнуть, что гения русской словесности отпевали чуть ли не на конюшне среди лошадей. На самом деле это храм Спаса Нерукотворного Образа, расположенный неподалеку от Мойки на Конюшенной площади внутри довольно величественного здания Конюшенного двора. Пишут, что это очень тесный храм. На самом деле храм довольно просторный, в чем нетрудно сейчас убедиться, поскольку он восстановлен. При советской власти в нем размещался целый институт гидропроекта.

Когда говорят, что царь запретил отпевание в Исаакиевском соборе, невольно возникает мысль о шедевре Монферрана. Но в 1837 году нынешний главный собор Петербурга еще только строился, заканчивалось возведение купола. И это был четвертый Исаакиевский храм города.

Исаакий Далматский — святой, память которого совершается 30 мая (12 июня), а это день рождения Александра Невского и Петра Первого. Вот почему главным храмом северной столицы должен был стать именно собор во имя Исаакия. Ведь Петр построил свой град в тех местах, где Александр разгромил на Неве шведов.

Первая церковь во имя святого Исаакия Далматского, деревянная, маленькая, появилась возле Адмиралтейства на месте, где сейчас высится Медный всадник, еще при Петре. Вторая, каменная, была возведена на ее месте, в 1735 году она сгорела, и ее разобрали. Третий Исаакиевский собор строился там же при Екатерине II, закончен был при Павле I, а освящен при Александре I. По проекту архитектора Ринальдини это должно было быть высокое строение из мрамора, на мраморном основании, но император Павел пустил мрамор на строительство Михайловского замка, и на мраморном основании был возведен нелепый кирпичный собор, который довольно быстро стал ветшать и разрушаться. Судя по всему, в 1837 году именно в этом разрушающемся соборе хотели отпевать Пушкина. Но император повелел перенести отпевание в храм Спаса Нерукотворного Образа, являвшийся придворным храмом. Тем самым государь подчеркивал, что Россия прощается не только с великим поэтом, но и с государственным деятелем.

Отпевание совершали архимандрит и шестеро священников, что тоже немало. Пришли лучшие поэты, гроб несли Крылов, Вяземский, Жуковский. Присутствовали высшие чины, среди которых был и министр народного просвещения Уваров. Ну, а то, что ни один из архиереев, включая Филарета, не почтил своим посещением сего отпевания... Следует, повторяю, учитывать, что отпевали дуэлянта, по церковным понятиям — самоубийцу, впрочем, успешнее покаяться перед смертью настоятелю храма Спаса Нерукотворного Образа, протоиерею Петру Песоцкому.

Затем, как известно, тело раба Божия Александра было отвезено в Святогорский монастырь, который Пушкин очень любил посещать во время проживания в Михайловском. Здесь он похоронил мать и за десять рублей купил для себя место, чтобы тоже быть похороненным на родовом пушкинском кладбище. Это была его воля.

В год смерти Пушкина начинались торжества, посвященные 25-летию Отечественной войны, Зарубежного похода и ответного визита в Париж. На Москве готовились начать новое строительство храма-памятника во имя Христа Спасителя, посвященного воинам, одолевшим Наполеона. Поскольку изгнание “Великой армии” состоялось в Рождество Христово, то и храм решено было посвятить этому второму по значению после Пасхи православному празднику. Еще в 1831 году государь выбрал новое место для строительства — на высоком берегу Москвы-реки “на том месте, где ныне существует Алексеевский монастырь, обратя в площадь сей стройки... ту гору против дому князя Сергея Михайловича, где пожарное депо и дом бывший Бекетова, что ныне Сипягина, образуя сию гору вплоть до Москвы-реки. Мысль дивная, достойная Николая I, который желает, чтоб новый памятник смотрел на древний Кремль”, — сообщал великому князю Михаилу Павловичу сенатор А. А. Башилов, заведовавший Комиссией для строений города Москвы. Место для Филарета весьма удобное, ибо дом князя Сергея Михайловича Голицына он продолжал постоянно посещать, и здесь его по-прежнему встречала обстановка домашнего уюта и огромной любви. Так что, когда спрашивали его мнения о месте строительства храма Христа Спасителя, владыка горячо поддерживал сей выбор.

В 1838 году производителем и главным архитектором храма Христа Спасителя был назначен автор нового проекта Константин Андреевич Тон. Началось строительство, здания Алексеевского монастыря подверглись сносу, началась выемка земли под фундамент, 27 июля начали класть каменные фундаменты особым способом, чтобы все основание храма представляло собой однородную каменную массу. На сей раз владыка Филарет внимательно следил за ходом работ, чему способствовало и его частое гостевание в доме у Сергея Михайловича Голицына.

1839 год стал настоящим годом торжеств, посвященных памяти великой победы над Наполеоном. Исполнялось двадцать пять лет взятию русскими войсками Парижа и Пасхе на площади Согласия. Начинались торжества на Бородинском поле; 23 июля святитель Филарет освятил в Спасо-Бородинской обители храм Святого Праведного Филарета Милостивого и дал благословение самому монастырю, основанному той, которую некогда звали в миру Маргаритой, а теперь она носила имя Мелании. И она хотела, чтобы храм в ее обители был посвящен тому, чье имя носил ее добрый пастырь.

Во время торжеств произошла закладка храма Христа Спасителя. Заложен был не только храм. Закладывалось новое направление русской архитектуры. По желанию императора Николая и митрополита Филарета зодчие стали следовать древним византийским образцам. Во главе нового направления встал на Москве архитектор Тон. “Древнее русское зодчество воскресает в церквах золотыми маковицами и под рукою искусного художника получает характер самобытный, русский, тоновский”, — писала в 1841 году “Художественная газета”. Одновременно с храмом Христа Спасителя были заложены в Кремле Большой Кремлевский дворец и Оружейная палата, а все новые московские здания стали выстраиваться фасадами вдоль набережных Москвы-реки.

Освящая закладку храма на новом месте, вряд ли святитель Филарет думал о том, что не ему и не царю Николаю суждено будет дожить до того дня, когда сей храм откроется для богослужений; что сей храм будет взорван спустя сто лет после торжественной закладки; что еще через полстолетия его начнут возрождать и поднимут заново над Москвой-рекою. И что его, Филаретовы, мощи найдут свое упокоение в том, заново возрожденном из праха и забвения, храме Христа Спасителя!

— Мать Мария! Возьми посох!

Вот когда сбылось пророчество неизвестного старца! Тридцать пять лет прошло. А она как сейчас помнила день свадьбы, туман, застилавший сознание, и этот посох, протянутый ей невесть откуда взявшимся странником, одетым в лохмотья. Вот он, сей посох, по-прежнему при ней. Только отныне суждено ему стать игуменским.

28 июня 1840 года митрополит Филарет совершил пострижение инокини Мелании в мантию. Мелания получила новое имя — Мария. Она могла бы стать Натальей, ведь Бородинское сражение проходило в Натальин день. Но кроме того битва происходила в праздник Владимирской иконы Божьей Матери, а 28 июня — праздник иконы Приснодевы Марии, именуемой “Троеручица”, и новоявленная игуменья получила имя Богородицы. Тогда-то и припомнился выкрик странника: “Мать Мария! Возьми посох!” На другой день Мария была поставлена игуменьей Спасо-Бородинской женской обители, и отныне она всегда ходила со своим свадебным посохом.

Для Филарета это стало радостным событием — его любимая духовная дочь сделалась игуменьей! Ему так нравилось приезжать к ней в гости, беседовать с ней, глядя в ее дивные небесно-голубые глаза, так много проплакавшие в своей жизни. Любил он угощаться бородинским хлебом, пряным и душистым. Рецепт приготовления принадлежал самой игуменье Марии. Она придумала его во дни Великого поста, чтобы немного скрасить однообразие великопостного стола, побаловать монахинь.

Однажды во время очередного своего приезда в Спасо-Бородинскую обитель митрополит Филарет спросил игуменью:

— Ну что, матушка Мария, довольна ли ты своими сестрами?

— Жаловаться мне не на кого, — последовал ответ, — только в том беда моя, что я грешная.

Владыка весело и нежно улыбнулся:

— Наконец-то в моей епархии нашла грешная игуменья, а то с кем ни поговорю — все святые!

26 декабря 1842 года Филарету исполнилось шестьдесят лет. И вновь — никаких торжеств по этому случаю, никаких пышных поздравлений, празд-

неств. Хотя можно было бы, ведь Рождественский пост кончился, отпраздновали Рождество Христово, и никто бы не упрекнул Московского митрополита, что он отмечает свой юбилей. Но никаких следов хоть какого-то празднования! 27 декабря в кафедральной церкви святителя Алексия он рукополагал Дмитровского епископа Иосифа. Ни слова о том, что вчера ему исполнилось шестьдесят.

О праздновании дней рождения Филарет выскажется чуть позже, в 1844 году, в своей “Беседе о новом рождении свыше”: “Не удивительно, если рождение некоторых людей, которых жизнь особенно угодна Богу, и благотворна для прочих человеков, и предусматривается с обещанием радости, и воспоминается праздником. Так о рождении великого Предтечи Господня предрек ангел: *мнози о рождестве его возрадуются* (Лук. I. 14). Но когда видим, что и день рождения каждого человека обычаем делает праздником личным или домашним: тогда рождаются помыслы недоумения, и даже удивления.

Рождение, за которым следует убегающая жизнь и неизбежная смерть, достойно ли быть предметом праздника? Человек, говорит Иов, *рожден от жены малолетен, и исполнь гнева* (Иов. XIV. 1): это ли праздновать? *В беззаконных зачат есмь, говорит Давид, и во гресех роди мя мати моя* (Псал. L. 7): что тут праздновать? — Блажен, кто может праздновать то рождение, которым восполняются недостатки, исправляются несовершенства, прекращаются бедствия сего первого рождения, — рождение новое, рождение духовное, рождение свыше. *Подобает вам родитися свыше*: сказал Господь Никодиму в ночной, уединенной с ним беседе. Не сказал: надобно тебе родиться вновь, хотя говорил с одним только человеком; но сказал: *подобает вам*: дабы видно было, что речь идет не о потребности сего или другого человека в особенности, но что изрекается закон всем вам, которые желаете быть истинными учениками небесного Учителя Иисуса Христа. *Подобает вам родитися свыше*”.

Современному человеку, с особым трепетом относящемуся к дням рождения себя любимого, это может показаться диким. Филарету, судя по всему, казалось вполне естественным не выпячивать памятных дат своей собственной жизни.

Ныне гробница митрополита Филарета находится в Москве. Восточным фасадом она выходит на Пречистенскую набережную, западным — на Волхонку, северным — на Всехсвятский переулок, а южным — на Соймоновский проезд. У Московского Златоуста — самая большая усыпальница в первопрестольном граде. Ею является главный собор Русской Православной Церкви — храм Христа Спасителя. Тот, кто здесь покоится, немало и сам потрудился для создания этого величественного памятника архитектуры. Редчайшего во всем мировом зодчестве.

По замыслу Константина Андреевича Тона все фасады над воротами и окнами, так, чтобы можно было легко рассмотреть снизу, предполагалось украсить не только рельефами, но и совершенно необычными для русского храмового искусства горельефами, являющими собой поучительные сцены из библейской и отечественной истории. Выбор сюжетов был предоставлен митрополиту Филарету Московскому. В 1844 году владыка исполнил заказ и сделал все назначения — дал полную роспись, где и какие горельефы должны быть размещены.

Западный фасад с главным входом в здание он предложил украсить следующим образом. Наверху, на высоте тринадцати сажен (около 28 метров), в медальонах изображения Христа Спасителя, благословляющего входящих в храм, а также Александра Невского и Николая Чудотворца как небесных покровителей императоров Александра I и Николая I, блаженного Николая и праведной Елизаветы. Над центральными воротами на высоте четырех с половиной сажен (около 10 метров) ангелы с распростертыми крыльями держат хартию с надписью: “Господь Сил с нами”. Над арками боковых порталов: справа — ангелы с хоругвями московского ополчения, слева — ангелы со знаменами 1812 года. По сторонам оконных арок портала — архангелы Иегудиил с венцом в руке, Варахия с цветком, Гавриил с лилией и Уриил с

пламенем. Справа от портала на западном фасаде Филарет предложил изобразить ветхозаветного царя Давида, передающего чертежи Иерусалимского храма своему наследнику Соломону. Слева — помазание Соломона на царство. Тем самым подчеркивалась преемственность царя Николая его старшему брату Александру, при котором родилась мысль создать храм Христа Спасителя, а Николай эту мысль воплощает.

Переходим к южной стороне. Наверху в медальонах — Богоматерь Смоленская, чудотворный образ которой находился в войсках в 1812 году. Накануне Бородинской битвы Кутузов приказал обнести этой иконой все полки. По сторонам от Смоленской — святые, в дни памяти которых происходили важнейшие битвы 1812 года: Роман Рязанский — сражение при Клястицах 19 июля, апостол Фома — сражение под Полоцком и Тарутином 6 октября, Иоанн Креститель — сражение при Малоярославце 12 октября, Иона Новгородский — сражение при Красном 5 ноября. Внизу по сторонам арок трех крылец южного фасада — горельефы, изображающие события Ветхого завета: явление архангела Михаила Иисусу Навину перед тем, как тот победил в битве с врагом, значительно его превосходящим, Моисей, освободивший свой народ от плена египетского, сестра его Мариам, с тимпаном в руках воспевающая: “Пойте Господу, ибо высоко превозносясь Он, коня и всадника его ввергнул в море!”, пророчица Девора и Варак, которому она предсказала победу над войсками язычников. Все они, по замыслу Филарета, являли собой истину, что истинно верующий не погибнет, ибо спасен будет Богом. В память о сражениях 1812 года на южном фасаде: Варлаам Хутынский — битва при Красном 6 ноября, благоверный князь Гавриил Псковский — защита Пскова — и святые Антоний и Феодосий Печерские — защита Киева. Здесь же, на южном фасаде Филарет очертил две ветхозаветные горельефные картины, посвященные триумфальному возвращению императора Александра из Заграничного похода: Давид, несущий своему народу голову поверженного Голиафа, и Авраам, встречаемый первосвященником Мельхиседеком после победы над языческими вождями.

Идем далее, на восточную сторону. Она располагается за алтарем. В центре наверху в медальоне — Владимирская Божья Матерь. Праздник этой иконы — 26 августа, день Бородинского сражения. В других медальонах — царица Александра, Мария Магдалина, Анна Пророчица и великомученица Екатерина. Внизу по назначениям, расписанным Филаретом, горельефы, изображающие первых Московских митрополитов — Петра и Алексея. Петр держит хартию с изображением Успенского собора, Алексей благословляет церковь Архистратига Михаила в Чудовом монастыре. По сторонам от них — святитель Стефан Пермский с хартией изобретенного им письма зырянского языка, преподобный Сергей Радонежский, Московские митрополиты Иона и Филипп, преподобные Никон Радонежский и Иосиф Волоцкий, черниговские святые — благоверный князь Михаил и боярин Феодор.

На северном фасаде Филарет предложил в верхних медальонах положить изображения Иверской Богоматери, а также святых, в дни памяти которых происходили важнейшие события Заграничного похода: мученик Лавр — сражение при Кульме 18 августа 1813 года, мученик Сергей — Лейпцигская битва 7 октября 1813 года, Григорий Двоеслов — битва за Париж 12 марта и мученик Хрисанф — взятие Парижа 19 марта 1814 года. В нижнем горельефном ряду по росписи Филарета полагалось поместить изображения царицы Елены и ее сына — византийского императора Константина, княгини Ольги и ее внука — великого князя Владимира Красно Солнышко. Константин и Елена сделали Византию христианской страной, а Владимир и Ольга крестили Русь. Около оконных арок северного фасада — апостол Андрей, из уст которого впервые прозвучала на русской земле христианская проповедь, Георгий Победоносец, изображенный на гербе Москвы, Даниил Московский — сын Александра Невского, при котором стала расти Москва, и Савва Сторожевский — основатель знаменитого монастыря в Подмошье, под Звенигородом. На глухих боковых частях северного фасада Филарет предложил два важнейших сюжета русской истории, связанных с решающими сражениями нашего народа: Сергей Радонежский благословляет Дмитрия Донского на Ку-

ликовскую битву и архимандрит Троице-Сергиевой Лавры Дионисий благословляет Минина и Пожарского на освобождение Москвы от поляков.

Всего по вдохновенному замыслу Филарета предполагалось выполнить восемь многофигурных горельефных композиций, сорок фигур, двенадцать икон в закомарах и в верхней части фасадов. Предписание Московского митрополита в последующие годы было выполнено великолепными русскими скульпторами Александром Васильевичем Логановским, Николаем Александровичем Рамазановым и Петром Карловичем Клодтом. Логановский создал все многофигурные композиции и большинство фигур, Рамазанов выполнил медальоны, а знаменитый автор коней на Аничковом мосту Санкт-Петербурга исполнил статуи русских святых восточного фасада.

Выбор сюжетов для скульптурных изображений храма Христа Спасителя стал для Филарета торжеством православной справедливости после того, как, не спросив его совета, в Москве поставили Триумфальные врата, увенчанные языческой богиней и посему оставленные без владычного благословения. Храм Христа Спасителя призван был стать подлинно русским храмом. Филарет убрал отовсюду изображения треугольника “Всевидящее Око”, мелькавшие на предыдущих проектах — и у Витберга, да и у Тона. Собственно, ничего предосудительного в треугольнике, олицетворяющем Троицу, нет, и его можно видеть на множестве православных храмов, особенно тех, что построены в XVIII и XIX столетиях. Но ту же символику всегда охотно использовали и используют масоны, и святитель Филарет рассудил: можно обойтись и без этого.

Беседуя со многими людьми о построении храма, святитель немало думал о необходимости постоянного напоминания им, что не одной внешней церковностью живет христианство. Делание соборное, общее, соблюдение устава церковной жизни должно сочетаться с деланием духовным, душа должна быть исполнена высшей истины, а соблюдение правил — являться выражением этой исполненности.

В 1844 году исполнилось пятьдесят лет Чаадаеву. Восемь лет назад разразился скандал с печатанием его первого философического письма. С той поры многое изменилось. Петр Яковлевич, уже не тот кудрявый приятель кудрявого Пушкина, а изрядно облысевший, жил в своем доме на Басманной улице в Москве под надзором — время от времени к нему для освидетельствования являлись полицейский чиновник и врач-психиатр. Но с годами появился у него и более благоприятный надзор — со стороны святителя Филарета. Чаадаев не мог не знать о том, что Филарет отвечал ему после выхода первого философического письма, и не мог не заинтересоваться личностью своего оппонента. Он читал его проповеди, сначала выходившие разрозненно и в списках, затем — собранные в издании, финансируемом Лобковым. Он стал наведываться на Троицкое подворье, познакомился и подружился с его главным обитателем, стал находить огромное удовольствие в беседах с митрополитом. И в Чаадаеве стали происходить очевидные духовные изменения. Если в нем и было доселе сумасшествие, то никак не такое, которое лечат психиатры. Человек верующий, Чаадаев в тридцатилетнем возрасте был ослеплен европейской “прогрессивной” мыслью о том, что путь ко Христу должен проходить мимо храма. Теперь он все больше и больше исцелялся от этой слепоты. Теперь из-под его пера выбегали строки, в которых он иначе рассматривал православную Церковь: “Ее роль состояла в том, чтобы явить мощь христианства, предоставленного единственно своим силам; она в совершенстве выполняла это высокое призвание. Родившись под дыханием пустыни, перенесенная затем в другую пустыню, где, живя в уединении, созданном для нее окружавшим ее варварством, она, естественно, стала аскетической и созерцательной. Самое происхождение отрезало ей путь к какому бы то ни было честолюбию. И она, надо сознаться, довела покорность до крайности; она всячески стремилась себя уничтожить: преклонять колена перед всеми государями, каковы бы они ни были, верные или неверные, православные или схизматики, монголы или сельджуки; когда гнет становился невыносимым или когда на нее обрушивалось иноземное иго, редко

умела она прибегнуть к иному средству, кроме как заливать слезами церковную паперть или же, повергнувшись в прах, призывать помощь небесную в тихой молитве. Все это совершенно верно, но верно и то, что ничего иного она делать и не могла, что она изменила бы своему призванию, если бы попыталась облечься в иную одежду. Разве только в славные дни русского патриаршества она дерзнула быть честолюбивой, и мы знаем, какова была расплата за эту попытку противоестественной гордыни. Как бы то ни было, этой Церкви, столь смиренной, столь покорной, столь безропотной, наша страна обязана не только самыми прекрасными страницами своей истории, но и своим сохранением. Вот урок, который она была призвана явить миру: великий народ, образовавшийся всецело под влиянием религии Христа, — поучительное зрелище, которое мы предъявляем на размышление серьезных умов”. Это уже не то мировоззрение, с которым Филарету следовало вступать в бой.

Социалистические идеи Чаадаев отныне увязывал только с Церковью: “Еще мгновение, и человек выйдет навсегда из сферы отвлеченности, став подлинно социальным существом; отдельные общества отрешатся от своего одиночества и добровольно присоединятся к великой семье народов; естественный строй, в котором народы еще живут противопоставленными друг другу, уступит место строю всеобщему; наконец, человечество, сама идея которого ранее была едва постижима, себя сотворит живым, конкретным, действительным и станет человечеством совершенным, истинным именем которого будет Церковь Господня. Таким же образом мировой разум, осуществляя себя в Красоте, в Истине, в Благе, утвердит себя как органическое целое и установится в Совершенстве”.

Однажды в Английском клубе Чаадаев обронил фразу: “Есть только один способ быть христианином, это — быть им вполне”. Такой христианский максимализм был близок и Филарету, не уставшему повторять, что невозможно одновременно служить и Богу и маммоне. Но этот же максимализм мог отпугивать людей от христианства: если я не могу полностью отречься от мира, стало быть, должен отречься от Христа. Отречься от мира могут лишь единицы праведников, святые люди. Как же тогда быть остальным? Великолепное высказывание Петра Яковлевича нуждалось в пояснении: если ты хочешь стать вполне христианином, надо сперва стать хотя бы не вполне, но постепенно улучшая себя, стремиться к желаемой полноте христианства в себе.

Совершенно иначе Петр Яковлевич стал взирать и на русскую историю, в которой он по молодости лет усматривал лишь некий злоедейский урок всем остальным народам. Теперь, под влиянием общения с Филаретом, он писал: “С одной стороны, — беспорядочное движение европейского общества к своей неведомой судьбе, на Западе колебание почвы, готовой провалиться под стопами новаторского гения; с другой — величаявая неподвижность нашей родины и совершеннейшее спокойствие ее народов, ясным и спокойным взором наблюдающих страшную бурю, бушующую у нашего порога; таково величественное зрелище, представляемое в наши дни двумя половинами человеческого общества, — зрелище поучительное и которым не налобуешься...”

В 1844 году Чаадаев перевел на французский язык проповедь Филарета, произнесенную при освящении церкви в московской пересыльной тюрьме, и отправил во Францию. Там отрывки из этой проповеди напечатал журнал “Le Semeur”. Поскольку автором перевода был Чаадаев, французы присовокушили к публикации лестные высказывания в адрес Филарета, а проповедь назвали реформаторской. На это Петр Яковлевич ответил в письме графу Сиркуру: “Только что получил тот номер “Semeur”, где напечатан отрывок из проповеди нашего митрополита... Было бы лучше, если бы проповедь была напечатана целиком и без странного комментария редакции. К счастью, владыка не обратил на него большого внимания... А насчет того, чтобы видеть в нашем святом владыке реформатора, то от этого нельзя не расхохотаться. Он сам от всего сердца смеется над этим...”

Дружба Чаадаева с Филаретом каждый год становилась все крепче и полезнее для Петра Яковлевича. 15 февраля 1845 года в письме к Александру Ивановичу Тургеневу Чаадаев написал: “Митрополит тебе кланяется. Он так

же мил, свят и интересен, как и прежде”. Тургенев был на два года моложе Филарета. Знакомство их давнее — еще со времен Библейского общества. Когда в 1817 году было образовано Министерство духовных дел и народного просвещения, Тургенев возглавил один из двух его департаментов — департамент духовных дел. С середины двадцатых годов Александр Иванович много жил за границей, где собирал сведения по древней и новейшей истории России. В 1841—1842 годах собранные им материалы были изданы под заглавием “*Historiae Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. I. Turgenevio*”.

Приезжая в Москву, Тургенев непременно спешил на Троицкое подворье повидаться и пообщаться с митрополитом. А когда он снова уезжал, они обменивались письмами. Впрочем, сам Филарет несколько настороженно относился к Александру Ивановичу, о чем высказывался в письмах к архимандриту Антонию.

Совсем иное отношение у святителя Филарета было к Алексею Степановичу Хомякову, поэту, историку, богослову, одному из основателей славянофильского направления русской философии. С середины тридцатых годов Алексей Степанович становится постоянным гостем Троицкого подворья. Беседы с Филаретом наталкивают его на мысль о создании емкого, но лаконичного сочинения о необходимости всякого верующего быть прихожанином Церкви. Нередко можно было тогда на Руси видеть печальную картину полупустых, а то и вовсе пустых храмов, особенно в Петербурге. Притекающие с Запада идеи о том, что Бог внутри нас и Церковь вовсе не обязательна, тешили многих, нестойких в вере. Особенное распространение получили мысли немецкого либерального богослова Фридриха Шлейермахера, в основном высказанные в его книге “Христианская вера”. Главным в его теориях было утверждение индивидуализма — человек способен познать Бога только в собственном религиозном опыте, в сокровенном чувствовании, а церковная жизнь уводит его от такого познания, превращаясь в часть общественного бытия. Христос в понимании Шлейермахера не является искупителем грехов человечества, а только непревзойденным учителем нравственности. Это вполне укладывалось в протестантские рамки, облегчающие христианство, отсекающие от него и жертвенность, и мысль о воскресении, и страх перед вторым пришествием, а стало быть, и существование утверждаемой в “Символе веры” жизни будущего века. Под влиянием таких идей молодой Михаил Александрович Бакунин в 1836 году писал: “Цель жизни — Бог, но не тот Бог, Которому молятся в церквях, но тот, который живет в человечестве, который возвышается с возвышением человека”.

Филарет в это время стал верховным церковным охранителем, выступая в защиту Церкви в своих великолепных проповедях. Под влиянием их и бесед со святителем в конце тридцатых годов Хомяков, приступая к написанию своего главного произведения “Записки о всемирной истории”, написал статью “Церковь одна”. Он говорит:

“Церковь видимая и земная живет в совершенном общении и единстве со всем телом церковным, глава которого есть Христос”.

Филарет приветствовал движение лиц, не принадлежащих к духовному званию, к осмыслению христианской религии, и вместе с тем опасался, что в их рассуждениях немало обнаружится заблуждений. Внимательно следил за тем, что они писали, не советовал торопиться с публикациями.

В январе русское общество всколыхнулось спорами по поводу только что вышедших гоголевских “Выбранных мест из переписки с друзьями”. Равнодушных эта книга не оставила.

С наибольшим волнением Гоголь ждал оценки его труда со стороны Церкви. А духовенство в основном проявило сдержанность, осторожно относясь к сочинениям на религиозные темы, созданным автором сатир на русское общество. Пусть даже и сатир, в которых не доставалось оплеух только одному сословию — духовному.

Гоголь послал свою книгу разным лицам духовного звания. Большинство из них ответило одобрением без восторгов и легкой критикой, как, например, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий, написавший в

письме Погодину: "...скажите, что я благодарен за дружескую память, помню и уважаю его, а люблю по-прежнему, радуюсь перемене с ним, только прошу его не парадировать набожностью: она любит внутреннюю клеть. Впрочем, это не то, чтоб он молчал. Голос его нужен, для молодежи особенно, но если он будет неумерен, то поднимут на смех, и пользы не будет".

Но были и резкие суждения. Настоятель петербургской Троице-Сергиевой пустыни святитель Игнатий (Брянчанинов), считавшийся одним из наиболее авторитетных духовных писателей того времени, писал, что книга "Выбранные места из переписки с друзьями" "издает из себя и свет, и тьму", а о самом Гоголе, что "религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано. Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ".

Более всего отцов Церкви возмущала внезапность превращения Гоголя. Еще недавно он был звездой в суетном свете, и вдруг хочет встать вровень с духовными писателями. Из сатириков — в богословы! Тот же Игнатий (Брянчанинов) советовал Гоголю обратиться внимание на опыт святых отцов, которые долгими годами, десятилетиями совершали духовное очищение и лишь после этого брались писать книги. Именно здесь крылась главная причина неприятия книги Гоголя большинством представителей Церкви.

Наиболее же радикальным оказался в своих суждениях ржевский протоиерей отец Матфей Константиновский, в ближайшем будущем ставший духовным наставником Николая Васильевича. Он славился как яркий представитель воинствующей Церкви. Ближайший друг и покровитель Гоголя граф Александр Петрович Толстой посоветовал писателю отослать книгу отцу Матфею, что он скажет. Отец Матфей написал, что книга эта вредная, что Гоголь даст за нее ответ Богу, что с именем Христа на устах нельзя идти в театр, что быть светским и духовным писателем одновременно невозможно, что нужно отречься от всей прошлой жизни, от всех своих книг.

Отца Матфея впоследствии представили как изувера, иезуита, вершившего суд над Гоголем и доведшего его до изнурения и смерти. Сам Гоголь считал его своим главным благодетелем. "Отец Матфей был искреннейший христианин, — писал много лет спустя замечательный публицист, писатель, историк Евгений Николаевич Поселянин. — Чрез всю жизнь его проходит красною нитью убеждение, что "нельзя служить Богу и мамоне", что "желающий быть другом миру — бывает врагом Богу".

Об этом же нередко твердил святитель Филарет, иной раз навлекая на себя недовольство со стороны сильных мира сего, как раз желающих служить и Богу, и миру одновременно. Под служением миру понималась, разумеется, не любовь к ближнему, а разделение с миром его грехов. Любовь к ближнему как раз и считается в христианстве одной из главных составляющих служения Богу.

"И Гоголям, и Достоевским оставьте их ненасытную тоску по Боге, их порывы туда, в светлую даль небес; предоставьте им, отравленным дыханием вашего мира, изнемогающим среди ваших хваленой радостей, предоставьте хоть в последнюю пору их жизни им, отдавшим всю, каплю за каплей, кровь свою на служение обществу — право искать и стремиться к той в ваших глазах презренной, ненужной и не могущей уже служить источником ваших художественных наслаждений, ваших развлечений, вашей забавы — праведности и святости, в которой опытом и размышлением всей жизни нашли они, наконец, единственный путь с счастьем. Вы не поймете их души!" — писал все тот же Поселянин спустя пятьдесят лет после кончины Гоголя.

И, наконец, для нас важно, как же отнесся к "Выбранным местам из переписки с друзьями" митрополит Московский и Коломенский Филарет. Не переставая внимательнейшим образом следить за всеми заметными явлениями русской литературы, он, конечно же, одним из первых прочитал и новую книгу Гоголя. До нас дошло одно-единственное суждение Филарета, пересказанное в письме Сергея Тимофеевича Аксакова к сыну Ивану, датированном

январем 1847 года. Старший Аксаков, встретившись с митрополитом, по-видимому, принял резко критиковать Гоголя. И святитель Филарет в своейственной ему мягкой, добросердечной манере решительно ответил:

— Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению.

И с годами именно это суждение Филарета стало приниматься Церковью как главное в отношении последних лет жизни Гоголя и в отношении его духовной прозы.

Филарет не мог не видеть, что многое из того, о чем написал Гоголь, со-звучно его проповедям, многое, возможно, и написано под влиянием проповедей Филарета. Оба они, и великий проповедник, и великий писатель, взывали к своим слушателям и читателям: “Опомнитесь!”

— Тысячи христианского народа бегут по следам языческого легкомыслия; и находятся люди, которые о делах легкомыслия, как о достопамятных, повествуют с торжеством и похвалами, — говорил Филарет в те же дни, когда общество с возмущением читало “Выбранные места из переписки с друзьями”, в котором как раз и осуждалось все это языческое легкомыслие.

— Плоть хочет веселиться, рассыпаться в смехе, даже, может быть, скакать и произносить или с удовольствием слушать бесчинны кличи, и подобное сим; порази ее ударами не ножа или бича, но духовного слова, — взывал Филарет в то время, когда Гоголь ужаснулся тому, что заставлял людей “рассыпаться в смехе”. — Плоть раздражается на оскорбившего и порывается на взаимное оскорбление: связки ее не узами вервяными или железными, но узами духовного рассуждения, и страха Божия... Плоть, не довольствуясь необходимым, жаждет приятного, ищет наслаждения, и готова поставить оное целью жизни: укажи ей иной предмет и цель, — крест, водруженный на Голгофе для того, чтобы лишениями и страданиями очистить землю от нечистых наслаждений... — так Филарет утверждал закон о том, что невозможно служить одновременно и Богу и мамоне.

Гоголя и Филарета роднило то, что оба много болели. Филарет часто жаловался, что из-за недугов своих не может успеть сделать все задуманное. Но не мог он не оценить и рассуждений Гоголя о благодати болезней: “О! Как нужны нам недуги!.. Не говорю уже о том, что самое здоровье, которое не престанно подталкивает русского человека на какие-то прыжки и желание порисоваться своими качествами перед другими, заставило бы меня наделать уже тысячу глупостей... Не будь таких болезненных страданий, куда б я теперь не занесся! Каким бы значительным человеком вообразил себя!.. Принимайте же и вы покорно всякий недуг, веря вперед, что он нужен. Молитесь Богу только о том, чтобы открылось перед вами его чудное значение и вся глубина его высокого смысла”.

В целом не получив благодарности от России за написание и публикацию “Выбранных мест”, Гоголь стремился к святым местам. Впереди у него было паломничество в Иерусалим. В ближайшие годы он мог бы стать таким же православным писателем и паломником, каковым являлся друг митрополита Филарета Андрей Николаевич Муравьев. Другое дело, что на этом поприще они могли бы стать непримиримыми соперниками. Властный Муравьев, полный сил и здоровья, едва ли потерпел такого соперника, к тому же обладающего значительно большим литературным дарованием. Нередко Андрей Николаевич и самому Филарету высказывал замечания, и тому приходилось покорно их выслушивать. Представим себе, что теперь бы появился еще и Николай Васильевич!..

Но история не терпит этого “бы” и всегда выплевывает его.

В конце 1948 года Гоголь вернулся из паломничества в Святую Землю и вновь поселился в Москве у графов Толстых в доме Талызина на Никитском бульваре, том самом, во дворе которого ныне он сидит в виде памятника. Начался последний период жизни великого писателя. В декабре Николай Васильевич, наконец, поддался уговорам Александры Осиповны Смирновой, имевшей на него огромное влияние, и осмелился лично познакомиться с Московским Златоустом.

Великий писатель явился к великому проповеднику в сопровождении композитора Большого театра Алексея Николаевича Верстовского, с которым в то время крепко подружился. Увы, мы не знаем содержания той беседы, но можно предположить, что говорили много и о самом важном. Эту догадку можно было бы подтвердить словами Гоголя из письма С. П. Шевыреву, написанному позже, в 1851 году, когда Николай Васильевич снова собирался навестить к Филарету, но так почему-то и не осуществил своих намерений: “К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах, на которые, право, в нынешнее время поглупел. Мне хотелось только прийти к нему на две минутки и попросить молитв, которые так необходимы изнемогающей душе моей”. Стало быть, вероятнее всего, что в первый визит он как раз беседовал с Филаретом “о каких-либо умных предметах”.

Одно можно сказать точно: встреча произвела на Гоголя сильнейшее впечатление, что отразится в самые последние дни его жизни. “Свобода или смерть!” — девиз многих столетий. Как будто человек вечно выбирает, на ком из двух этих сестер жениться. А порой приглядишься — сестры-то близнецы! Как только где-то крикнут: “Свобода!”, тут же вскоре жди, что прокричат: “Смерть!” И пойдет страда.

В последний год своей жизни Николай Васильевич много и жадно читал изданные проповеди святителя Филарета, поскольку никто другой так не соответствовал его желанию усовершенствоваться, никто другой не уверял столь несокрушимо, что если мы христиане, то должны служить небу, а не миру, что служить Богу и одновременно мамоне нельзя. Однажды, будучи в гостях, когда предложено было вслух читать Пушкина, и ожидалось, что Николай Васильевич горячо поддержит такое предложение, он неожиданно для всех воспротивился, напомнил, что идет Великий пост, и стал читать филаретовскую “Беседу о прикосновении веры ко Христу”. В ней Московский Златоуст вспоминал евангельское событие, как народ толпился вокруг Спасителя, мечтая прикоснуться к нему, и не каждому удавалось, поскольку толпа была огромна, но тем, кто горячо верил, удавалось. “В чем же состоит сей особенный образ приближения ко Христу, сопровождаемый не мертвым приражением, но живым прикосновением, извлекающим из Него спасительную силу? — Сие также ясно показывает Господь в лице кровоточивой, которая из множества теснящегося к нему народа одна умела к Нему приблизиться и прикоснуться, и чрез прикосновение получила исцеление. Ибо что говорит Он ей? — *Дерзай, дщи, вера твоя спасе тя* (Лк. VIII, 48)”. И Гоголь остро ощущал себя как та кровоточивая.

Незадолго до смерти 10 февраля 1952 года, последний предпостный день, он добровольно пытался вверить себя в руки духовной цензуры — вручил свои рукописи графу Александру Петровичу Толстому, на квартире у которого жил. Просьба такова: передать эти бумаги митрополиту Московскому, дабы тот мог определить, что нужно печатать, а что должно истребить. Толстой испугался, что Гоголь тем самым прощается, и если он возьмет рукописи, то приблизит кончину любимого друга. И не принял доверенного ему поручения. Думается, что напрасно. Вообразим: он является к Филарету с таковой просьбой Гоголя. Филарет наверняка бы умилился и сам примчался к Николаю Васильевичу, чтобы приободрить. Вместо этого Гоголь взял бумаги, предназначенные для прочтения Филарета, и в ночь с 11 на 12 февраля сжег их в печи.

Граф Толстой, вероятно, раскаялся в том, что не отвез бумаги Гоголя митрополиту и тем самым стал косвенным соучастником их сожжения. Александр Петрович поехал-таки к Филарету, был принят им, рассказал все, как на духу. Митрополит посочувствовал и прослезился, услышав о христианском усердии писателя.

— Передайте ему, что сама Церковь повелевает в недугах предаться воле врача, — ответил он. — Убедите его, что спасение не в посте, а в послушании. И пожалуйста, докладывайте мне ежедневно о состоянии Николая Васильевича. Не вы, так отец Алексей, не он, так отец Иоанн.

Отец Алексей Соколов являлся приходским священником в церкви, ку-

да в последнее время ходил Гоголь, а отец Иоанн Никольский и вовсе был духовником Николая Васильевича.

Толстой передал Гоголю слова Филарета, и тот разрешил врачам проводить курс лечения, который, однако, как доказано, не столько помог выздороветь, сколько ускорил кончину. Но дело было не в болезни, и исцелением Гоголя явился сам уход его из жизни... Нам бы, конечно, хотелось видеть митрополита Филарета и на отпевании Гоголя в Татъянинском университетском храме, и в траурной процессии, и при погребении на кладбище Свято-Данилова монастыря, хотелось бы прочесть проникновенные строки, посвященные этой удивительной, хоть и болезненной, но непостыдной и христианской кончине великого русского писателя. Но, увы, ничего этого нет... Да и Гоголь не был духовным чадом Филарета, в отличие от ясноглазой игуменьи, смерть которой последовала в том же году.

“Отцу наместнику и братии мир духовный.

Поздравляю и с миром внешним, который подписан в Париже в прошедшее воскресенье. Услышав о нем, я почувствовал некоторое успокоение от скорби, заботы и опасения, но не радость. Вчера узнав о нем, вчера же прочитал я, что английский министр почитает его не миром, а чем-то похожим на мир. Бог мира да дарует нам истинный и совершенный мир”, — писал святитель Филарет преподобному Антонию 21 марта 1856 года.

Закончилась военная пора. В Париже был подписан мирный договор. Завершилась сорокалетняя эпоха трудного первенства России в Европе, продолжавшаяся после разгрома Наполеона и Венского конгресса с 1815 по 1856 год. Можно сказать, столица Европы из Петербурга вернулась в Париж.

Принято считать, что Россия проиграла Крымскую войну. Однако внимательное изучение Парижского трактата никоим образом этого не подтверждает. Да, России запрещалось иметь флот в Черном море, но так же и никакое другое государство не могло его иметь здесь, включая Турцию, поскольку в статье XI сказано: “Черное море объявляется нейтральным: открытый для торгового мореплавания всех народов вход в порты и воды оно формально и навсегда воспрещается военным судам, как прибрежных, так и всех прочих держав”. Стало быть, здесь мы ущемлялись наравне с другими. Статья II предусматривала: “Вследствие счастливого восстановления мира между их величествами, земли, во время войны завоеванные и занятые их войсками, будут ими очищены”. Россия отдавала туркам Карс, а французы и англичане, согласно статье IV, возвращали “императору всероссийскому города и порты: Севастополь, Балаклаву, Камыш, Евпаторию, Керчь-Еникале, Кинбурн, а равно и все прочие места, занимаемые союзными войсками”. Согласно статье IV, все военнопленные всех сторон возвращались. Мало того, в статье IX удовлетворялось русское требование относительно христианских подданных Османской империи: “Е. и. в. султан, в постоянном попечении о благе своих подданных, даровав фирман, коим улучшается участь их без различия по вероисповеданиям или племенам, и утверждаются великодушные намерения его касательно христианского народонаселения его империи, и желая дать новое доказательство своих в сем отношении чувств, решил сообщить договаривающимся державам означенный, изданный по собственному его побуждению, фирман”. Валашское и Молдавское княжества закреплялись за Турцией, но в статье XXIII оговаривалось: “Блистательная Порта обязуется оставить в сих княжествах независимое и национальное управление, а равно и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства”. То же касалось и Сербии. Расходы на исполнение всех статей Парижского трактата ложились поровну на все страны. Такого не бывает, если одна какая-то страна проиграла.

Утверждение о поражении России в Крымской войне выгодно было только антигосударственным силам внутри самой России и Герцену в Лондоне как удостоверение несостоятельности правящей монархии. На самом деле никакого поражения не было, если не считать взятия южной части Севастополя. Парижский мирный договор равноправен и не ущемляет ничью сторону.

Мало того, более всех считал себя проигравшим народ Англии! Во время торжеств в Лондоне по случаю заключения мира люди шли с лозунгами о том, что война проиграна с позором.

В России первым о том, что Европа не добилась победы, заявил Московский Златоуст. Через десять дней после выхода высочайшего манифеста об окончании войны митрополит Филарет встречал Александра II в Успенском соборе Московского Кремля с такой речью:

— Благочестивейший государь! К тебе очи наши и сердца, как прежде; тогда как не прежнее видим в твоём втором царском лете. Ты наследовал войну, упорную против нас и против мира; и даровал нам мир. Твоя правда и мужество не отказывались от войны; твое человеколюбие не отказалось от предложенного мира. Не победили России враги — ты победил вражду. Христианскою мыслию одушевлял ты войну; христианскою мыслию осуществляешь мир. Благодарно тебе Отечество, и чуждые отдают тебе справедливость и отдадут полнее, когда утихнут страсти. Крепко должны мы молить и молим Бога, чтобы благопоспешал тебе искусством и попечением уврачевать раны, без которых не могла быть война, чтобы, по слову пророка, правда и мир облобызались в державе твоей, и чтобы плодом их было совершенное благоденствие.

...Но всюду продолжали твердить о поражении России в войне. Филарет яростно спорил: “Неверно, — писал он своему другу Сергею Михайловичу Голицыну. — Англичане побеждены нами; и для французов невелико торжество, когда они от нескольких укреплений отбиты и только одно взяли... Они немало наказаны: их много погибло собственно от войны, много истреблено болезнями и бурями на море. Следственно правосудия не только ожидать должно в будущем, но частью оно уже явилось”.

Александр Иванович Карасевский по болезни просил освободить его от исполнения обязанностей, и 20 сентября Филарет узнал радостную новость — кто стал новым обер-прокурором Синода. Прекрасный человек, тот самый, у которого в последнее время жизни имел приют и ласку Гоголь. Граф Александр Петрович Толстой. Ему было пятьдесят четыре, в молодости он ходил в походы по обозрению Каспийского и Азовского морей и истреблению морских разбойников, принимал участие во всех военных действиях отряда и был награжден орденом святого Владимира 4-й степени с бантом. Оставив военную службу, поступил в Коллегию иностранных дел, был причислен к посольству в Париже, ездил с дипломатическими поручениями в Константинополь, откуда ездил, как сказано в его послужном списке, “в окрестные страны для военно-топографических описаний и с секретными поручениями”. По объявлении в 1828-м войны Турции Александр Петрович снова поступил на военную службу, воевал под командованием генерала Дибича. За отличие при взятии турецких крепостей Айдаса и Бургаса он был награжден орденами святой Анны 3-й степени с бантом и 2-й степени с золотой шпагой с надписью “За храбрость”, назначен флигель-адъютантом к императору Николаю I, однако после окончания войны решил продолжать службу по Министерству иностранных дел и вышел в отставку. В 1830-м получил придворное звание камергера и назначение первым секретарем Русской миссии в Греции. Это назначение не устроило его, и он перешел в Министерство внутренних дел, в тридцатые годы являлся сначала Тверским гражданским губернатором, а затем Одесским военным губернатором. В сороковые годы от государственной службы отошел, жил то за границей, то в Москве, где нередко дружески общался с митрополитом Филаретом. Когда разразилась Крымская война, Толстой принял должность начальника Нижегородского ополчения.

И вот он — обер-прокурор. Давно не было таких обер-прокуроров, от которых не жди подвоха. “Трудно найти человека, более преданного Церкви, более готового на всякое улучшение и в то же время менее склонного проводить какие-нибудь личные расчеты в управлении столь важною частью... Он принадлежит к разряду тех людей, которых я не умею иначе охарактеризовать, как назвать их оптинскими христианами. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей

к духовной высоте жизни, жаждущие, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и прочих. И он сам в своей жизни именно таков. Никто менее не способен мириться с казенностью, с формализмом и с мирскою суетой в деле христианства” — писал об Александре Петровиче философ и публицист, духовное чадо Филарета, Никита Петрович Гиляров-Платонов в письме Александру Васильевичу Горскому, профессору, а впоследствии ректору Московской духовной академии.

Третий Иванович Филиппов, будущий Государственный контролер, служил при Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных православных церквей и оставил такие воспоминания: “Назначение гр. Александра Петровича обер-прокурором Св. Синода последовало (20 сент. 1856) во время пребывания государя в Москве по случаю венчания на царство и, при всей своей неожиданности, никого не изумило, напротив, всем показалось совершенно естественным: так успел уже сложиться и отпечататься в общем представлении вполне соответствовавший этому назначению его нравственный образ. Сам он принял это внезапно и мимо его воли совершившееся назначение за призвание, которому он обязан был повиноваться, и в этой мысли находил успокоение от тех внутренних тревог, которых он не мог не испытывать при живом представлении сопряженных с его избранием многообразных и трудных задач, при его утонченной добросовестности и при ясном сознании не-правильности установившихся отношений обер-прокурора к Св. Синоду”.

По свидетельству Филиппова, “он усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, напр., полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...”. Известный славянофил, философ и публицист Иван Васильевич Киреевский говорил о Толстом: “Легче становится жить после встречи с таким человеком, как граф Александр Петрович”.

Новый обер-прокурор первым делом решил взяться за такую важную тему, как переводы Священного Писания. Для того чтобы еще больше заручиться поддержкой, он отправил проект протокола Синодального собрания другому Филарету (Амфитеатрову) — митрополиту Киевскому. А тот вдруг ответил резким отказом. И в октябре Филарет Московский писал заместителю Троице-Сергиевскому горестно: “А дело о переводе Священного Писания, кажется, подвергнется возражениям нового синодального обер-прокурора. Владыка Киевский объявил ему свое решительное мнение, что переводить не должно, дабы сие не повело к забвению славянского языка, который есть богослужебный. — Воля Господня да будет. — Господь да устроит полезное для Церкви Своей, Ему Единому непогрешительно ведомое”.

Что тут скажешь? Конечно, можно понять опасения тех, кто выступал против перевода. Но в конце концов перевод совершился, и мы уже скоро полтора века живем, имея Библию как на старославянском, так и на русском языке, и сие не привело к забвению старославянского языка!

Неверующему не понять, как можно с любовью думать о смерти. Да и веруя, все равно поражаешься тому, как Филарет говорит о кончине. Как о рождении. Разумеется, не в том понимании, как у спиритов, не в смысле переселения души в другое тело. А о рождении — в мир невидимый: “Вчера мы воспели погребальная над Александром Ивановичем Карасевским. Он благонамеренно напутствовал себя таинствами, кончался около суток и родился в невидимый мир в день, и близко к часу, в который Христос Спаситель родился в видимый мир”.

Весь 1857 год шла борьба за разрешение перевода Библии. Столкнулись два Филарета. Столкнулись не враги, а искренние друзья и единомышленни-

ки во всем, кроме этого вопроса. Филарет Киевский не без основания боялся, как бы не случилось то же, что в Европе, как бы перевод не послужил отправной точкой к появлению у нас некоего подобия лютеранства. Филарет Московский нигде не проявлял беспокойства на сей счет, а значит, был уверен — в России зарождение лютеранства невозможно. В необходимости перевода он не сомневался. Сия необходимость вытекала из миссионерских потребностей на просторах бескрайней империи. Обер-прокурор Толстой, любя обоих Филаретов, все же склонился к мнению Киевского.

Митрополит Филарет Киевский, в миру Федор Григорьевич Амфитеатов, был на три с половиной года старше Филарета Московского, и в то время по уважительности стоял наравне с ним. Когда Филарет (Дроздов) получил Московскую кафедру, Филарет (Амфитеатов) являлся еще только епископом Калужским и Боровским, затем стал епископом Рязанским, возведен в сан архиепископа, переведен в Казань, а 18 апреля 1837 года был назначен митрополитом Киевским, решительно боролся с униатством и содействовал массовому переходу униатов в лоно Русской Православной Церкви. При нем пышно расцвела Киевская духовная академия. Поселившись в Киево-Печерской лавре, митрополит Филарет занялся устройством внутренней жизни лаврской обители по правилам монашеского жития, установленного основателями лавры — преподобными Антонием и Феодосием Печерским.

Филарет (Амфитеатов) весьма уважал своего московского тезку, но в деле перевода Библии изначально стоял против него и свою позицию выдержал до конца дней. После 1855 года он сильно хворал и любил говорить, что число дней его сочтено. Действительно, жить ему оставалось мало, и его борьбу против перевода Священного Писания в 1857 году можно назвать предсмертной. Он выдвинул семь возражений. Первое: несмотря на то, что еврейский язык постоянно менялся, книжники оставили текст Ветхого завета без изменений, ограничиваясь его истолкованием для народа, а стало быть, и нам следует поступать так же. Второе: ввиду возможных повреждений еврейского текста Господь сохранил его в образе греческого перевода, “Септуагинты”, и сей перевод сделан “под несомненным руководством Духа Божия”. Третье: Восточная Греческая Церковь, приняв Септуагинту, не переводила ее на новогреческий язык, а толковала народу Библию по старому переводу. Четвертое: перевод Российского библейского общества “сделан не только не с благословения иерархов греческих, а решительно без их ведома и вопреки их воле”. Пятое: славянский перевод, осуществленный святыми Кириллом и Мефодием, основан на Септуагинте. Шестое: другие славянские Церкви не делают переводов на языках своих народов. И седьмое: мысль о русском переводе родилась не в среде иерархии и не в народе, а пришла из Англии, “гнездилища всех ересей, сект и революций”. Последнее было несправедливо, получалось, что она пришла из Англии, но Филарет (Амфитеатов) ее прогнал, и тогда она прямиком — к святителю Филарету (Дроздову), который либо не знал, какова Англия, либо, что еще хуже, знал и стал сторонником мысли, явившейся из “гнездилища всех ересей, сект и революций”.

Итак, схлестнулись две правды — правда осторожная и правда смелая. И это хорошо. Не было бы первой, возможны были бы вольности. Не было бы второй, невозможным стало бы миссионерство на просторах империи. Полемика двух Филаретов подобна полемике в XV—XVI веках между Иосифом Волоцким и Нилом Сорским о монастырском стяжательстве и нестяжательстве и об отношении к еретикам — миловать или жечь, где правы оба, и в споре не уничтожают один другого, а этим спором с двух сторон мощными подпорками держат Истину.

“Будучи обязан дать по настоящему делу отзыв, призываю Бога, Творца Священного Писания, давшего в лице святых апостолов Церкви Своей дарование языков и наречий, дабы все народы сперва слышали проповедуемое, а потом и читали написанное слово Его каждый на понятном языке и наречии; Бога призываю, чтобы Он не попустил моей мысли и слову уклониться от того, что Ему благополучно и полезно Церкви Его вообще и душам христианским порознь”, — писал Филарет Московский, вступая в полемику с Филаретом Киевским по каждому из семи возражений. Дать ответы на воз-

ражения Киевского владыки его попросил сам император, и ответы эти были очевидны: евреи не переводили древние тексты, но на греческий-то был сделан перевод; греки не переводили с древнегреческого, но на славянский-то был сделан перевод Кириллом и Мефодием, а теперь старославянский столь далек стал от русского, и особенно в последние полвека, что не только паства, но и духовенство далеко не все понимает из того, что есть в Священном Писании. Есть языки, надолго замедляющиеся в своем развитии, а есть развивающиеся стремительно. Французский XVIII века мало чем отличается от нынешнего. Русский сильно переменялся. Прозу XIX столетия наш современник понимает без труда, а написанную в XVIII веке уже не так легко, не говоря уж о той, что отстоит от нас на пять-шесть веков. Язык Шекспира в целом понятен англичанину, а язык русских современников Шекспира нынешним русским кажется диковинным.

На возражение, основанное на том, что другие восточные православные Церкви не стремятся к новым переводам, Филарет Московский справедливо отвечал, что, находясь под игом мусульман, они не имеют переводчиков, оттого-то и не переводят.

Теперь оставалось терпеливо ждать, чью же точку зрения одобрит царь, а следом за ним и обер-прокурор. А государь тем временем уже был поглощен мыслями о крестьянской реформе, и с 3 января 1857 года приступил к работе особый тайный комитет под личным председательством Александра II.

Решения относительно перевода Библии так и не было. Святитель печалился, сердился... 31 мая ему была объявлена благодарность Святейшего Синода за особенное, постоянное попечение о благоустройстве Московской духовной академии, но лучше бы вместо благодарности — давно ожидаемое разрешение!

Когда Филарет узнал о решении ставить в Новгороде памятник тысячелетия России, не очень одобрил, написав Антонию, что сие “предприятие не от высокого мудрствования произошло”, выделил от епархии весьма скромное пожертвование на этот монумент. По-своему он был прав. Сейчас мы уже привыкли, что в Новгороде стоит микешинский шедевр, а тогда идея создания памятника с огромным множеством фигур из десяти столетий русской истории вполне могла отпугивать, ведь ко многим персонажам не было и нет единодушного отношения. Взять, к примеру, образ Ивана Грозного. Общество русское до сих пор расколото на два полярных лагеря. Одни проклинают первого русского царя, продолжают снимать о нем чудовищные фильмы, сочиняют новые его злодеяния. Другие готовы хоть сейчас провозгласить Ивана Васильевича святым. И во время создания памятника в Новгороде сколько было споров и ссор из-за того, включать или не включать в русский пантеон ту или иную фигуру! Так что и впрямь, идея хорошая, но не безупречная.

Зато не переставало радовать продолжение строительства храма Христа Спасителя, которое святитель мог наблюдать и из окон дома Сергея Михайловича, и лично посещая стройку. Константин Андреевич Тон во всем советовался с Филаретом, вносил изменения в проект по ходу работ, окружил окна барабана большой главы купола аркадой, сами купола, и малые и большой, сделал ребристыми, появились раковины, подобные тем, что на закомарах Архангельского собора Кремля. По поводу формы алтарных окон Филарет лично давал письменное пояснение генерал-губернатору: “В древних соборных храмах, например, в Успенском соборе, на восточной стене три окна, конечно, с мыслью о троичном свете пресвятой Троицы, и в новозданном храме Христа Спасителя на восточной стороне три окна. Следовательно, сие согласно с древним церковным обычаем и заделывать сии окна не нужно. Да и для света в алтаре они полезны. Вставить в них цветные стекла с изображениями святых или святым крестом в среднем окне тоже будет соответственно месту и благолепию алтаря”.

В 1851 году храм Христа Спасителя был окончен вчерне, но еще несколько лет стоял в лесах — продолжалась отделка его с внешней стороны, устанавливались знаменитые горельефы, которые первоначально предполагалось делать из бронзы способом гальваноластики, поскольку каррарский

мрамор в московском климате подвергался бы разрушению, однако до этого в цоколе, базах, пилястрах, колоннах, карнизах и фасадных арках попробовали использовать протопоповский мрамор, он оправдал надежды, так что решили остановиться на нем и при изготовлении горельефов.

Храм, снаружи уже почти готовый, оставался в лесах. И “в лесах” оставалось дело о переводе Библии, хотя чаша уже склонялась в пользу Филарета. Мнение государя склоняло чашу сию. А следом за царем готов был примириться и обер-прокурор.

В доме у Сергея Михайловича не раз заходили разговоры о готовящейся крестьянской реформе. Ни сам Голицын, ни его высокопреосвященнейший гость не разделяли восторгов по поводу замыслов царя отменить крепостное право. Оба были в этом вопросе заядлыми ретроgrадами.

— Одно меня утешает в моей близкой кончине, — говаривал Сергей Михайлович, — это то, что я не увижу готовящейся эмансипации крестьян, сего переворота, который, по моему убеждению, не пройдет спокойно.

“Приезжающие из Петербурга сказывают, что там сильный говор об изменении положения крестьян, — писал Филарет в лавру. — И дважды мне сказывали, но не знаю, из какого источника почерпнули сведения, что предподобный Сергей явился к государю императору и дал наставление не делать сего. Господь да сохранит сердце царево в руке Своей и да устроит благое и полезное”.

Перед тем как начать реформу, царское правительство провело очередную, десятую по счету ревизию. Первые девять ревизий проходили в отрезке времени с 1747 по 1837 год, и все они показывали устойчивую цифру — сорок пять процентов населения России составляли крепостные. Ревизия 1857—1858 годов показала новую цифру — тридцать семь процентов, то есть крепостных уже было меньше, нежели свободных.

К этому времени остатки крепостного права уже были истреблены и в Германии, и в Польше, и в Австро-Венгрии. Рабовладельческой страной являлись Соединенные Штаты, где в пятнадцати штатах, не отказавшихся от рабства, на двенадцать миллионов населения приходилось четыре миллиона негров-рабов, то есть из трех человек один был — раб. При этом надо помнить, что положение негров в Америке было значительно хуже, чем положение крепостных в России середины XIX века.

В 1857—1859 годах в России прошла перепись населения. Оказалось, что подданными Александра II являются семьдесят четыре миллиона человек, из которых двадцать миллионов — крепостные крестьяне, два миллиона — удельные, то есть проживающие на землях, принадлежащих императорской семье, и восемнадцать миллионов государственных крестьян, то есть прикрепленных к земле, но имеющих личную свободу. В Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, в Земле Черноморского войска, в Приморье, в Семипалатинской области, в области Сибирских киргизов, в Дербентской области и Прикаспийском крае, в Эриванской, Архангельской и Шемахинской губерниях, в Забайкалье и Якутии крепостных крестьян не было вообще. В остальных местах наименьший процент был в Бессарабии — один, а наибольший — шестьдесят девять — на Смоленщине.

Как бы то ни было, проблема оставалась. Среди тех, кто выступал против, в основном были не противники реформы как таковой, а противники предлагаемых мер решения вопроса. За три года до манифеста об отмене крепостного права Филарет писал: “В Австрии новое устройство крестьян, которому наше хочет быть подобным, не оказалось удачным. Некоторые земли, которые по власти помещиков обрабатывались, по свободе крестьян остаются необработанными. Усвоенные крестьянам усадьбы продаются с аукциона за неуплату податей; следственно, умножается нищенство. Но у нас, кажется, могло бы быть лучше, если бы добрые помещики хорошо растолковали дело крестьянам и постановили с ними обдуманное соглашение. Один помещик призвал старшин своих крестьян, дал им прочитать, что предложено от правительства; и хотя первое слово их было: лучше по-старому, но, видя необходимость, они стали рассуждать о соглашении. Помещик предложил им

усадьбы не с выкупом, а в дар; потом назначил, сколько им дает земли для обрабатывания, с какою платою за десятину, а находившуюся у него помещичью запашку вызвался обрабатывать наймом, и они, соглашаясь на прочем, о последней статье сказали: нет, барин, разоришься; наем вольных тебе будет дорог; и скажи, чтобы мы сию долю обрабатывали тебе как прежде; это нам не тяжело. Так, продолжая соглашение, они составили правила, в которых взяли предосторожности и против расстройства от своеволия. Если бы так вошли в дело лучшие, и у худших оно могло бы устроиться с меньшим опасением вреда. Но многие ли поймут и постараются?”

Откуда-то взялись слухи, что Филарет тоже призван участвовать в разработке реформы. Он решительно открещивался: “Дела крестьян касаться я и не думал. И не мое дело, и трудно представить, что можно было бы благонадежно сделать, когда дело получило ход, возвратиться неудобно, призванные действователи не видят, что делать, и между ними нет единства. Надобно молиться, чтобы Господь наставил их на истинное и полезное”.

Да, в это время Филарет пока еще никоим образом не участвовал в делах о реформе. Он был занят множеством иных своих привычных дел — храмом Христа Спасителя, хлопотами о переводе Библии, борьбой за обращение раскольников и многим, очень многим другим. Не забывал он время от времени выступать со своими проникновенными проповедями, учил пастыря прежде всего думать о божественном и небесном, а уж потом о земном, временном.

1858-й стал годом освобождения от лесов.

На Москве засиял во всем своем внешнем величии храм Христа Спасителя, окончился первый важнейший этап его строительства. Предстояла внутренняя отделка, и до дня освящения собора оставалось еще много лет, но величественный храм отныне уже стал неотъемлемой частью общего вида Москвы, на него можно было свободно взирать отовсюду, и отовсюду он поражал своей державной красотой.

А в Петербурге “сняли леса” с решения о переводе Библии. 20 марта Святейший Синод окончательно определил издать русскую Библию. Радости по поводу этого события не найти в письмах и высказываниях Филарета, и причиной тому, думается, то, что он не верил в окончательность, опасаясь, что кто-то вновь решительно выскажется против, и Синод пересмотрит решение. Сколько уж раз такое бывало! Но, тем не менее, работа по переводу Священного Писания получила ход, и теперь нужно было “не спеша поспешая” эту работу сделать.

Если в Москве главный храм еще предстояло достраивать изнутри, то в северной столице Исаакиевский собор был готов к освящению. После митрополита Никанора, скончавшегося в 1856 году, в Петербурге архиереем стал любимый ученик Филарета во время учебы в Духовной академии Григорий (Постников). Он и по сию пору глубоко почитал своего учителя, во всем с ним советовался и горячо поддерживал стремление к переводу Библии на русский и другие языки империи. Будучи архиепископом Казанским и Свияжским, являлся деятельным миссионером, лично переводил Священное Писание на татарский язык. Между Московским и Петербургским митрополитами велась постоянная переписка. В частности, большую известность имеет письмо от 30 июля 1857 года, в котором, отвечая на вопрос Григория, Филарет пишет, что поименное поминание всех членов царской семьи на литургии вполне можно было бы и сократить: “При благословении Божиим, императорская фамилия возросла до 23 лиц. Сей ряд имен в царский день, при служении архиерея, на одной литургии с молебном (кроме вечерни и утрени или всенощной) возглашается 12 раз и еще 2 раза воспоминается в молитвах тайно. Уже прежде нынешнего времени некоторыми особами самой высочайшей фамилии замечаяемо было, что частое повторение одних и тех же имен без существенной нужды длит богослужение и не благоприятствует вниманию молитвы. Настоит нужда помыслить о некотором сокращении, и для сего требуется не нововведение в богослужении, а возвращение к более простому порядку древних богослужебных книг”.

В связи с этим нельзя не упомянуть анекдот про то, как император, по всей видимости, это был еще Александр Благословенный, спросил Филарета: — Нельзя ли сократить утомительно длинное богослужение? — Можно, — ответил святитель. — Можно сократить на пятнадцать минут, если уменьшить поминовение всей императорской фамилии.

Смертельно заболел старший лучший друг Филарета — князь Сергей Михайлович Голицын, два месяца перед кончиной он сильно страдал от опухолей. Владыка навещал его часто, сидел рядом, беседовал, и этими беседами умел отвлечь страдальца от нестерпимых болей. 13 февраля 1859 года Сергея Михайловича похоронили. Душа его родилась в мир невидимый. Святитель Филарет проводил друга в последний путь и чувствовал себя сам так плохо, что не поехал в Петербург, где отмечался пятидесятилетний юбилей Духовной академии. Да и не любил он юбилей!

Не ездить ему теперь в гости к любезному другу Сергею Михайловичу, не сиживать на чашкой чая у окон, из которых открывается вид на храм Христа Спасителя... Сколько лет уж все строится и строится это величественное сооружение, а не видно в обозримом будущем дня, когда можно будет совершить освящение собора. Он уж и не мечтал дожить до той радости. С внешней стороны храм был уже полностью готов. Со всех концов Первопрестольной издалека сияли его купола, отражались в плавном течении Москвы-реки, а внутри до сих пор не приступили как следует к отделке интерьера. Вроде бы уж и решили отказаться от отделки в стиле классицизма, вняли голосу деятелей Церкви, включая и Филарета, предпочли византийский стиль, но до сих пор не утвердили окончательно проект росписей. Филарет многие годы потратил на борьбу с первоначальным замыслом, по которому нижнюю часть интерьера предлагалось облицевать мрамором, а верхнюю расписать изображениями святых и сценами библейских событий. Это опять-таки была дань классицизму. Московский митрополит решительно противился этому.

Еще в 1855 году он писал генерал-губернатору Закревскому: “Зритель, только поднимая голову, может видеть настенные изображения, но в таком положении он долго быть не может. Стоя же в обыкновенном положении, он будет иметь перед глазами только мрамор. Православный, обыкновенно взирая на икону, полагает на себя крестное знамение и молится, но если вместо икон перед глазами его будет только мрамор, то он будет в необычном и неприятном положении. Кроме настенных священных изображений, кроме царских, северных и южных дверей, видны места только для двух икон Спасителя и Божьей Матери близ царских врат. Не видно даже места для храмовой иконы Рождества Христова. Такая скудость икон неудовлетворительна для столь огромного храма. Не только приличным, но и нужным признано быть может, чтобы в мраморе, особенно на восточной стороне по местам, устроены были рамы и в них поставлены были иконы на такой высоте, чтобы удобно доступны были взору предстоящих...”

Мысль о том, чтобы в будущем главном храме Москвы поставить не обычный иконостас, а Кувуклию, родилась у Филарета, еще когда только-только отгремела гроза 1812 года, только-только заговорили о создании такого храма. Кувуклия — часовня Гроба Господня в Иерусалимском храме Воскресения, в ней находится смертное ложе Спасителя и придел Ангела. Идея создания иконостаса в виде часовни сблизила Москву с Иерусалимом. И Филарет еще в 1813 году высказал ее обер-прокурору Голицыну. Тогда же он написал родителям в Коломну о том, что открыл Александру Николаевичу “свои мысли о несовершенстве иконостасов по новейшему образу строения, которые, будучи малы и скудны, противоречат мысли величия, которую должен бы подавать алтарь. Но как здесь не вижу я ни одного иконостаса, в котором бы с огромностию была соединена правильность и красота, соответствующие вкусу нынешнего времени, и который мог бы объяснить и оправдать мою мысль, то желал бы иметь рисунок иконостаса Коломенского собора”. Он имел в виду храм Вознесения Господня в Коломне.

С конца XVIII века вошло в моду рассматривать иконостас как архитектурное сооружение, и икона, главное, ради чего ставится иконостас, стала из

него вытесняться в угоду архитектурным деталям. Филарет решительно боровся с этим, по его указу был уничтожен один из иконостасов Баженова, в котором иконе вообще почти не оставалось места. Вот что он имел в виду, говоря о “несовершенстве иконостасов по новейшему образу строения”. Филаретовский замысел создания иконостаса-часовни, Кувуклии, нашел множество сторонников, и когда началось устройство интерьера в храме Христа Спасителя, иные проекты, кажется, и не рассматривались. Так в главном московском соборе появилось сие уникальное сооружение, по высоте превосходящее на три с половиной метра Успенский собор Кремля. Воистину — храм в храме! И это придумал он — Филарет.

Он же выполнил работу по выбору сюжетов для росписей центральной части собора, с которой должна была начаться отделка всего интерьера.

Автор фундаментальной книги “Храм Христа Спасителя в Москве” Евгения Ивановна Кириченко называет Филарета одним из “идейных творцов программы храма Христа Спасителя”. Говоря по-русски, Московский Златоуст — крестный отец этого величественного памятника, воспитатель его проектировщиков и строителей, архитекторов и художников. Каков этот храм, таков и внутренний храм души Филарета. Владыка Филарет из глубин своей души вдохнул душу и в облик и в интерьер храма.

К зиме 1859 года болезни усилились. Вероятно, святитель мог не дожить до своего очередного дня рождения, но миновал кризис, болезнь отступила, а весной, как он сам выразился, “инстинктуальное желание” подсказало ему есть кислые капустные щи; Рахманов разрешил, но без употребления самой капусты, и случилось чудо: “Щи из кислой капусты оказались для меня действительным лекарством”. Вернулись вкусовые ощущения, полностью утраченные во время болезни, вернулись силы.

Болезни не позволяли ему только покидать жилье, но работал он по-прежнему много, переписку вел обширнейшую, ежедневно по несколько длиннейших писем, с подробными ответами на все вопросы, считал нужным высказать свое мнение о политических и церковных событиях, продолжал следить за тем, как переводится Священное Писание.

В свои семьдесят семь он сохранял ясность ума чрезвычайную, и, хотя уже редко, но сочинял и произносил свои прекрасные проповеди. Смирался с достижениями прогресса. Смирался с железными дорогами, хотя и называл их “изобретением нетерпеливости человеческой”. Дозволил вести железнодорожную ветку к Троице-Сергиевой обители. Смирался и с фотографиями, принимал фотографические изображения икон, храмов и каких-либо святых, и незадолго до кончины даже, наконец, разрешил его самого сфотографировать в полном архиерейском облачении. И этот снимок дивной красоты дошел до нас.

1860 год принес большую радость — вышел в свет русский перевод Четвероевангелия. Под ведением Филарета продолжались переводы остальных книг Библии. Борьба была не напрасной, и в итоге победителями вышли обе противоборствующие стороны. Переводы выходили с параллельными текстами на старославянском языке. Так и надо было сделать. Это наилучшее решение. Старославянский текст непередаваемо поэтичен, но наполовину непонятен тому, кто не изучал древний язык русичей. Перевод понятен, но, как ни старайся, в нем все-таки что-то теряется неумловимое, трепетное, глубинное...

Конец пятидесятых годов XIX века — время подготовки в России отмены крепостного права, и в этой подготовке были задействованы все лучшие умы государства. Включая митрополита Филарета Московского. Он — один из тех, с кем важно посоветоваться, и к нему обращаются за советом при каждом новом изменении проекта реформы.

Учрежденный 3 января 1857 года десятый по счету Секретный комитет по крестьянскому делу через полгода представил первый официальный проект реформы. 20 ноября 1857 года император издал и разослал всем губернаторам рескрипт, в котором изложил правительственную программу. Предусматривалось уничтожение личной зависимости крестьян при сохранении

всей земли в собственности помещиков, предоставление крестьянам определенного количества земли, за которую они обязаны будут платить оброк или отбывать барщину, и со временем — права выкупа крестьянских усадеб, состоящих из жилого дома и хозяйственных построек. Юридическая зависимость уничтожалась не сразу, а только по истечении переходного двенадцатилетнего периода.

В 1858 году для подготовки крестьянских реформ были образованы губернские комитеты, в них развернулась борьба за меры и формы уступок между либеральными и реакционными помещиками. Вместо Секретного комитета создан был Главный комитет по крестьянскому делу. Он выработал новую программу, утвержденную императором 21 апреля 1858 года и предусматривавшую не упразднение крепостной зависимости, а лишь ее смягчение. Но 4 декабря 1858 года была принята другая программа крестьянской реформы, выработанная генерал-адъютантом Яковом Ивановичем Ростовцевым и предполагавшая получение крестьянами личной свободы, обеспечение крестьян наделами земли в постоянное пользование с правом выкупа по предоставленным правительством кредитам, утверждение переходного “срочно-обязанного” состояния.

После смерти Ростовцева в 1860 году бразды правления при подготовке реформы взял в свои руки граф Виктор Никитич Панин. Образованнейший человек своего времени, он слыл консерватором и крепостником, и действительно, возглавив Редакционные комиссии по проведению реформы, добился уменьшения наделов и увеличения повинностей будущих освобожденных крестьян.

В октябре 1860 года готовый проект реформы рассматривался в Главном комитете по крестьянскому делу. Один из его списков попал на стол митрополиту Филарету. Ознакомившись с ним, он высказал свои замечания. В частности, в письме преподобному Антонию от 4 декабря 1860 года он писал, что ему не нравится мысль о том, чтобы прежде объявления правил об освобождении крестьян с ними были ознакомлены священники “для приготовления прихожан к пониманию оных”, он жалуется на многосложность представленного проекта, опасается, что большинство священников не поймут многого и станут худо растолковывать прихожанам суть реформы. “Например, в правилах положено дать крестьянам *самоуправление*. Поймет ли сие с точностью священник? И если, хотя неточно, поймет, поймет ли сие крестьянин?” Кроме того, он опасался, что “священник, став посредником между начальством и крестьянами, подвергнется опасности с обеих сторон”. Опасения его были не напрасны. Деятели реформы хотели несколько оградить себя от возможных недоумений, и в случае, если бы возникли в крестьянской среде волнения, можно было бы свалить часть вины на попов — мол, плохо растолковали суть реформы своим прихожанам!

Окончательная разработка манифеста об отмене крепостного права была возложена на Самарина и Милютину. Юрий Федорович Самарин, один из талантливейших представителей славянофильства, ученик Хомякова, доказывавший, что в православии сливаются отсутствующее в католицизме единство свободы и отсутствующее в протестантизме единство общности, при этом высоко ценил достижения западной цивилизации и мог найти золотую середину, в частности, и в крестьянском вопросе. Его сверстник Николай Алексеевич Милютин являлся также и его единомышленником. Так что выбор этих двух деятелей реформы в качестве создателей манифеста был сделан царем правильно.

Новый 1861 год владыка Филарет снова встречал на одре болезни. “Простуженная рука мешает писать, тогда как это всего нужнее”. А на него тем временем свалилась работа высочайшей государственной важности — прислали написанный Самариним и Милютиним манифест с требованием отредактировать его по своему усмотрению. Император оказывал владыке полное доверие и намеревался опубликовать сей документ только после его редакции. Панин сопроводил текст манифеста собственным письмом, в коем с благоговением обращался к святителю Филарету: “Государь полагается совершенно на высокий дар красноречия вашего высокопреосвященства и на ревностное

усердие ваше к делу, столь важному для Отечества, столь близкому к сердцу первого пастыря нашей Церкви. Руководимый сими чувствами и сим доверием, государь представляет вашему высокопреосвященству сделать все те изменения или прибавления, кои бы вы признали соответствующими чувствам его величества и собственно вашим, для лучшего успеха в достижении положенной цели”.

Весь конец января в Троицком подворье Московский Златоуст работал над окончательным вариантом манифеста. Перечитывал, обдумывал. Разделил на три части и в течение трех суток полностью все переписал. Наконец, закончил и 5 февраля отправил манифест государю в Петербург, приписав, что “в исполнение поручения его ввело верноподданническое повиновение, а не сознание удовлетворить требованию”. Грядущая реформа пугала его. Не случайно среди прочих исправлений им были вычеркнуты слова “в сей радостный для нас и для всех верноподданных наших день”. Он говорил, что ожидаемому новшеству “радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди ожидают оного с недоумением, предусматривая затруднения”. А за три дня до подписания манифеста Филарет с волнением произнес:

— Господи, спаси царя и пощади всех нас.

Антонию он написал: “Теперь из Петербурга пишут об опасениях и, между прочим, что первый удар падет на высшее духовенство, монастыри, церкви”.

19 февраля 1861 года в Петербурге император Александр II подписал отредактированный Филаретом манифест “О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей” и Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, состоявшее из семнадцати законодательных актов.

Наступило 5 марта 1861 года, Прощеное воскресенье. После совершения литургии в Успенском соборе Кремля манифест был объявлен народу. В тот же день — в других городах Российской империи.

Реформа 1861 года, как известно, вызвала ряд крестьянских выступлений по всей России. Хочется верить в то, что участие лучших умов государства, включая митрополита Филарета, в выработке документов реформы содействовало более мягкому прохождению вводимых государством изменений.

21 мая 1861 года митрополиту Филарету всемилостивейше пожалована золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому делу. На аверсе этой награды изображен профиль Александра II, над ним надпись “Благодарю”, под ним число “19 февраля 1861 года”, на реверсе надпись “За труды по освобождению крестьян”. Носилась она на Александровской ленте, золотых медалей было отчеканено две с половиной сотни, серебряных — полторы тысячи, но награжденных было меньше, чем медалей. А 6 июня император пожаловал владыке наперсный крест, украшенный драгоценными камнями, тем самым еще более подчеркнув заслуги Московского митрополита в подготовке крестьянских преобразований.

Близился закат его жизни. Он уже редко сам читал свои проповеди, чаще посылал кого-либо, кто прочитал бы написанное им. Самое время уйти бы на покой, поселиться в Гефсиманском скиту и в уединении и покое ждать непостыдной и мирной кончины живота своего. Но он оставался при своих делах, много читал, видел, как все хуже и хуже печатаемое в России: “Если хотя за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный. Надобно по частям взять нездоровое и предлагать врачевство. Говорю о сем собратиям, но язык нововводителей скорее движется, нежели язык охранителей”.

Реакционностью Филарета и таких, как он, еще держалось здание миропорядка, человеколюбия, целомудренности, чести и величия России. Он уповал на цензуру, что она еще какое-то время будет сдерживать поток безумства, бесчиния и беспорядка, который с каждым годом становился все сильнее. “В Отечестве нашем, — писал митрополит Филарет обер-прокуро-

ру Толстому, — существует цензура, — учреждение, в котором есть доброта, какой нет в неограниченной свободе книгопечатания. При отсутствии цензуры вредная книга издается и производит вред в обществе; потом ее сочинитель и издатель страдают от суда. При разумной и благонамеренной цензуре вредная книга не допускается до издания и, следовательно, не допускается до общества вред, а сочинитель безопасен от суда и наказания”.

Цензура была введена в России с распространением книгопечатания еще в 1720 году Петром I. В XIX веке существовало входившее в Министерство народного просвещения Главное управление цензуры. Александр II, продолжая свои реформы, упразднил его, передав функции цензуры в Министерство внутренних дел.

Новшество при Александре II было много. Какие-то огорчали Филарета, другие — радовали. Не могла не тревожить идея передачи сельских школ из ведомства духовной власти в ведомство власти светской, проводимая новым министром просвещения Александром Васильевичем Головинным, сыном знаменитого флотоводца. А вот сокращение церковной службы за счет перечисления всего царствующего дома он одобрил. Это, собственно говоря, была и его идея, ее он высказывал предыдущим государям. “В древних изданиях греческих в великой ектении сказано только: о *благочестивейших и богохранимых царях наших*. Не предписано даже имя царя приносить. А о царском семействе и намека нет”.

Внимательнейшим образом до конца жизни святитель Филарет следил за всеми историческими событиями, современником коих ему довелось быть. В январе 1863 года снова вспыхнуло восстание в Польше. Филарет в Москве жадно изучал все поступавшие новости: “Горьки, если верны, польские вести”. Поводов к возмущению не было. Начало очередного рекрутского набора и массовое уклонение от него поляков стало не поводом, а сигналом к восстанию, которое подготавливалось уже давно, и на протяжении нескольких лет русские получали письма с угрозами, срывались вывески на русском языке, чудовищно осквернялись православные кладбища, а главное, тайно готовилась программа вооруженных действий. Причина оставалась все та же — нежелание большинства поляков жить в составе Российской империи при нежелании русского правительства дать независимость стране, где продолжали мечтать о возврате русских земель, некогда принадлежавших Речи Посполитой.

Встал вопрос о поддержке политики России в Польше со стороны духовенства. Неожиданно Филарет выступил против подобных официальных заявлений, ссылаясь на то, что даже в тех странах, где Церковь более сблизена с государством, и то не делается ничего подобного. “Трудно слову церковному вступить в политическую сферу, не ступая с поприща духовного, — писал Филарет Антонию в самый разгар польского восстания. — Но, вступивши на сей путь однажды, окажется некоторая необходимость продолжать идти по нем, и могут даже повлечь, куда неудобно следовать. В войну 1806 или 1807 годов Св. Синод, думая сильно поддержать правительство, назвал Наполеона антихристом; а потом с антихристом заключили мир. Адрес Св. Синода был бы выступ из ряда, потому что и Государственный Совет и Сенат не пишут адресов”. Однако в личной переписке Филарет полностью поддержал императора в польском вопросе. А 8 августа 1863 года, встречая Александра II у входа в Успенский собор Кремля, Филарет обратился к нему с речью, которую любой либерал и сторонник Польши имеет полное право назвать самодержавно-реакционной, а то и милитаристской:

— Благочестивейший государь! Мир твоего народа нарушен нестроениями, происходящими на одном из пределов твоего великого царства, в малом народе, который уже не однажды был осужден за его нестроения, который существует в качестве царства только по милости твоих предшественников, и который за твои умноженные к нему милости воздаст неблагодарностью, мятежом, крамолами. И, что всего неожиданнее, из некоторых стран, даже несопредельных нам, слышится голос, будто для их спокойствия это гнездо беспокойств надобно укрепить и расширить. Оскорблена твоя правда и бла-

гость! Оскорблено достоинство России! Любовь к Отечеству, верность престолу могут ли при сем быть равнодушны? И потому дух сынов России воздвигается и отовсюду взывает к тебе, представляя готовность всего народа на защиту правды. Дух сынов веры воздвигается и взывает к Богу православной России, к Богу правды, да изведет, яко свет, правду твою и России, и судьбу твою с нею...

Польское восстание продолжалось более года, к маю 1864 года оно было подавлено. Вопреки ожиданиям руководителей мятежа, ни одно европейское государство не поддержало их. В итоге Польша лишилась главных атрибутов автономии, строгости были наведены такие, каких не было и при Николае I. Началась русификация, в людных местах запрещалось говорить по-польски, шляхта не имела права устраивать сборища даже по поводу семейных праздников. Тысячи причастных к восстанию поляков были сосланы в Сибирь, где появились целые польские поселения.

Зато польское крестьянство, которое в своей основной массе не поддержало мятежников, получило гораздо больше прав в соответствии с продолжавшейся реформой, нежели крестьянство на всей остальной территории Российской империи.

Известия о польских событиях Филарет получал, можно сказать, из первых рук — от своего старого друга Андрея Николаевича Муравьева, ведь тот был родным братом генерала Михаила Николаевича Муравьева-Вилenskого, непосредственно руководившего подавлением мятежа в Польше. Европейская печать прозвала его людоедом. Удивительно, но к мнению европейцев присоединился внук великого Суворова тогдашний петербургский военный генерал-губернатор, светлейший князь! Он не только назвал Муравьева-Вилenskого людоедом, но и приказал не устраивать никаких почестей Михаилу Николаевичу при его приезде в Петербург. Даже около дома “душителя польских свобод” были выставлены полицейские, чтобы те не пускали кого-либо с подарками и приветствиями.

Тем не менее, как отметил в одном из своих писем Филарет, “Михаил Николаевич приехал в Петербург больной, и гвардейскими офицерами, с восклицаниями “Ура!” вынесен из вагона на стуле, вопреки запрещению петербургского генерал-губернатора, который также запретил купцам поднести хлеб-соль и к дому Михаила Николаевича послал городских служителей, чтобы не собрался народ встретить его. Не скажете ли: невероятно?”

Таким же жгучим реакционером, как возмущенный сим фактом Филарет, оставался и Федор Иванович Тютчев, написавший внуку Суворова стихотворный памфлет, начинающийся словами:

*Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского чествуем мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спрасы!..*

Осенью 1867 года святитель вернулся из Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры в Москву, причем впервые не ругал железную дорогу, а весьма хвалил, восторгался спокойствием движения поезда и признал правильным, что “не решился на путешествие по земляной дороге”: “Я не мог бы так долго переносить тягостного ощущения, в котором начал путь, и не имел бы средств облегчить оное. Напротив того, в подвижном доме железной дороги я отложил теплую одежду, встал и в сем положении оставался почти во всю дорогу, постепенно чувствуя облегчение”.

Наступили последние годы, солнце земной жизни святителя Филарета уже коснулось горизонта. Чувствуя близкий уход, Московский Златоуст вновь обратился к поэзии и совершил стихотворный перевод “Увещательной песни” святителя Григория Богослова:

*Близок последний труд жизни, плаванье злое кончаю.
И уже вижу вдали казни горького зла:*

*Тартар ярящийся, пламень огня, глубину вечной ночи,
Скрытое ныне во тьме, явное там в срамоте.
Но, Блаженне, помилуй, и, хотя поздно, мне даруй
Жизни остаток моей добрый по воле Твоей.
Много страдал я, о Боже Царю, и дух мой страшился
Тяжких судных весов, не низвели бы меня.
Жребий мой понесу на себе, переселяясь отсюда.
Жертвой себя предал скорбям, снедающим дух.
Вам же, грядущие, вам заветное слово: нет пользы
Жизнь земную любить. Жизнь разрешается в прах.*

17 сентября архимандрит Антоний явился с ежедневным докладом о состоянии обители, Филарет внимательно выслушал его, а затем сказал:

— Я ныне видел сон, и мне сказано было: “Береги девятнадцатое число”.

Антоний ответил:

— Владыко святей! Разве можно верить сновидениям и искать в них какого-нибудь значения? Как же можно притом обращать внимание на такое неопределенное указание? Девятнадцатых чисел в каждом году бывает двенадцать.

Помолчав, Филарет возразил:

— Не сон я видел. Мне являлся родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Святых Таин.

— Это желание доброе, — ответил Антоний.

Через два дня было девятнадцатое сентября, и святитель Филарет причастился, как перед кончиной. Но настушил новый прилив сил, и он отправился в Москву. “Путешествие мое совершилось безбедно, хотя и небеструдно. Две версты или около я ехал по железной дороге сидя; потом почувствовал необходимость встать и достиг до Москвы по железной дороге пешком, то есть, ходя и стоя в вагоне. Усталость была велика, но, казалось, безвредна. В понедельник был я в Кремле и посетил князя генерал-губернатора, который встретил меня на железной дороге в субботу”.

5 октября Филарет написал Антонию: “Да сохранится безмолвие Гэфсиманского скита, и да не будет от меня причины к нарушению одного. Преподобный отец наш Сергий да призрит милостиво и да благословит мой последний покой в обители его, под кровом молитв его и других по нем здесь богоугодно подвизавшихся. Прошу о сем и завещаю сие”. Это значило, что он полностью согласился с предложением Антония относительно будущего погребения.

19 октября святитель вновь причащался, уже в своей домово́й церкви. Чувствовал он себя лучше, чем во все последнее время, вновь бросился в бездонную пучину дел. Жить на земле ему оставалось один месяц, и в этот месяц не переставал допекать ему юродивый Филиппушка, с которым в течение многих и многих лет у святителя складывались, мягко говоря, весьма не простые отношения.

Филипп Андреевич Хореев был на двадцать лет моложе святителя Филарета, изначально путь его был мирской, обычный крестьянин, он обзавелся семьей, но после рождения четвертого ребенка жена его скончалась, и, по мнению односельчан, он несколько повредился в уме, стал замкнутым, все чаще и чаще ходил в церковь, перестал заниматься домашними делами и хозяйством. Родители заставили его еще раз жениться, и у него даже родилась дочь во втором браке, но внезапно он сбежал из родного села и десять лет скитался по свету, превратившись в настоящего юродивого — зимой и летом босиком, с обнаженной головой, в веригах и с посохом в руках. Посох железный, тяжеленный, к нему прикреплен литой из меди голубок.

— Дух Святей птичку любит, вид ее приял, — ворковал Филиппушка. — У голубка головка не величка, да умна, носок востер, на добро шустер. А у нас голова величка, да дурочка, и нос туп адский нохает путь.

С посохом он ходил, с посохом спал, обнимая его, не давал никому даже прикоснуться, говоря о посохе:

— Это вес грехов моих! Что чужую тяготу греховную пытаться?!

Юродивого Филиппушку Голубя, как прозвали его в народе, нередко арестовывали как беспаспортного бродягу, держали в тюрьме, отправляли под конвоем по этапу, но он все терпел и как-то ухитрялся снова быть на свободе и бродить по свету.

Первое упоминание о нем у Филарета относится к 23 мая 1847 года: “Бог благословит раба своего Филиппа и да сотворит благое душе его”. Написано сие после того, как Филиппушка побывал у святителя и получил у него благословение пожить в Троице-Сергиевой лавре. Далее письма и записки Филарета так и пестрят постоянными упоминаниями о юродивом. Очевидно, этот человек был для него одновременно и как бельмо в глазу, и весьма интересен. Как озорной, но необычный и всеми любимый в семье ребенок.

Достоин примечания то, что юродивые, не щадившие никого и запросто разоблачавшие самых высокопоставленных деятелей что государства, что Церкви, никогда ничего дурного не высказывали в адрес митрополита Филарета. Напротив, наделяли его самыми превосходными прозвищами. Так, известный на Москве юродивый Иван Яковлевич Корейша, живший в Преображенской больнице на двух квадратных аршинах, которые сам себе очертил мелом, обращаясь к Филарету, называл его: “Луч великого света!”

Юродивый Филиппушка святителя Филарета называл Белым ангелом, а тучного архимандрита Антония — Широким. Поселившись в лавре, Голубь стал заметной фигурой в обители преподобного Сергия. Народ его обожал. Почитатели украшали тяжелый посох лентами, и с такими украшениями на своей главной регалии юродивый являлся в храм, и все на него пялились, и это мешало богослужению. “Кажется, надобно посоветовать Филиппу удерживаться от таких поступков, которыми он как бы сам себя выставляет на зрелище, — строго писал в 1848 году митрополит наместнику лавры. — Надобно терпеть искушение, когда оно найдет, а не вводить самого себя в искушение и с тем вместе других, когда нам заповедано молиться: не введи нас во искушение. Посему и предложенное им путешествие в Новый Иерусалим я советовал бы отложить до усмотрения. Если же мое юродивое мудрование не понимает мудрости юродства, то прошу прощения”.

Последнее примечание весьма важно. Филарет понимает, что Бог неспроста посылает время от времени юродивых, подобных Филиппушке. Ведь таков был и Василий Блаженный, который не посохом, а своей полнейшей наготой тоже искушал молящихся в храмах и на улицах, и тем не менее, в появлении таких причудливых персонажей есть некий таинственный смысл. Юродивые необыкновенным образом оживляли жизнь христианскую, переворачивали с ног на голову устои брэнного мира, показывая зыбкость всего, что есть на земле. А это было по сердцу Филарету, всю жизнь проповедовавшему нашу странность в этом мире.

Чего стоило, к примеру, излюбленное развлечение Филиппушки, когда он мог подойти к торговцу калачами, взять у него лоток и начать раздавать всем желающим, особенно нищим, голодным! И торговцы не смели препятствовать этому. А к тому же, Филиппушка тотчас мог подыскать в толпе богатого зеваку и приказать тому:

— Заплати-ка, милейший, за калачи!

И богач, краснея от неудовольствия, тем не менее, со смехом оплачивал торговцу ущерб. Торговцы зывали юродивого в свои магазины, и если Филиппушка выбирал себе что-нибудь, топа, видевшая это, тотчас расхатывала сей товар. Словом, Филиппушка в конце сороковых еще годов стал всенародным любимцем. Случалось, что он чем-то допекал полицию, и его вновь арестовывали, но вскоре выпускали под давлением разгневанных масс. “Филиппа Бог благословит совершить путешествие, — писал по этому поводу Филарет Антонию. — Но поговорите ему, чтобы не домогался быть взят под арест; а если ему это нравится, сказал бы нам, и мы арестовали бы его с любовью, а не с гневом, как полиция”.

Живя в лавре, Филиппушка продолжал время от времени совершать путешествия, окруженный народом, задерживаемый полицией, которую особенно любил дразнить. “Филиппа определить указом будет ли надежно? —

задумывался Филарет в 1850 году, имея в виду, не запретить ли юродивому путешествия из лавры и не определить ли его в качестве послушника. — Перестанет ли он желать странствия? После путешествия в Москву, слышу, он еще ходил куда-то в иную сторону. В теперешнем положении если и возьмут его с его медною или железною птичкою, и посадят в клетку, он сим доволен, и нам беды нет. Если можем, извлечем из клетки; а за то не отвечаем, не имея его своим официально. А за определенного послушника должны будем отвечать...”

Однако и этому артисту надоела слава. Филиппушка стал искать уединения. Архимандрит Антоний поселил его не где-нибудь, а в Гефсиманском скиту, что было бы невозможно без разрешения Филарета и свидетельствует о том, что внешне высказывая строгости в адрес юродивого, святитель любил его.

Филиппушка поселился не в самом скиту, а рядом — в ветхой сторожке, затерянной в густой чаще за прудом. В сентябре 1850 года он сильно заболел, был при смерти. Антоний, посетив его, предложил Голубю принять монашеский постриг, и тот согласился:

— И если можно, то под именем Филарета. Хочу быть как наш Белый ангел!

Так совершился постриг, и юродивый Филиппушка Голубь превратился в монаха Филарета.

Он вскоре поправился и явился к архимандриту:

— Широкий, благослови меня выкопать погреб.

Тот разрешил, и вскоре монах Филарет вместе с другими монахами стал копать пещеры под Гефсиманским скитом. Антоний обратился к святителю Филарету с вопросом, не запретит ли, но Белый ангел разрешил пещеры, и так, благодаря стараниям его новоявленного тезки в лавре завелась еще и пещерная жизнь. Вскоре здесь работали уже лаврекие землекопы, плотники, каменщики.

Однако натура брала свое. Его опять тянуло в народ. Здесь уж митрополиту приходилось проявлять строгость: “Скажите брату Филарету, что пока он был странствующим Филиппом, он отвечал за себя, а теперь мы за него отвечать должны. Тогда управляло им желание; положим, что оно было по духовному человеку, но теперь необходимо должно управлять им послушание. Он в сем дал священный обет и обязался исполнить оный. Потому если и можно ему благословить путешествие в Москву, то не на продолжительное время и с тем, чтобы он не делал себя предметом любопытства и не обращал на себя внимание полиции, то есть не заставлял бы нас отвечать за него... Не очень в порядке то, что сделали гласным в Москве его пещерное монашество”.

Филипп-Филарет являлся на Троицкое подворье и требовал разрешения провести в Москве двадцать дней для того, чтобы снова быть, как прежде, среди толп народа и снова юродствовать. Митрополит увещевал его, говоря, что огненные монахи, а не просто юродивый. Тот даже готов был отречься от монашества, до того влекло его к прежнему образу жизни. Владыка не уставал бороться с его произволом, к тому же вышло постановление Синода никому из монастырей не отлучаться без особой разрешительной бумаги. Вновь и вновь внушал ему, “что он теперь уже не птица без гнезда, летающая куда хочет, как это было прежде”. И Филипп-Филарет оставлял свои помыслы, среди которых было и вовсе уйти куда-нибудь подальше и жить в неизвестности. А потом снова стремился к юродству, к нему в пещеры Гефсиманского скита являлись посетители, он перед ними “выступал”. Митрополит отчитывал за это уже архимандрита: “Вы говорите, что он многих принимал, и даже без письменных видов или с сомнительными. Но для чего сие было попущено ему? Где же послушание? Он не настоятель”. В 1852 году Филипп-Филарет отправился в Киев, причем откуда-то при нем оказалось много денег, что привело многих в смущение. Раздраженный митрополит даже склонялся к тому, чтобы не принимать его обратно в монастырь. Но смиловился и принял. Все-таки он благоволил к нему, несмотря ни на что. Филипп-Филарет терпеть не мог обуви, а вся братия Свято-Троицкой лавры

обязана была ходить в сапогах. Владыка разрешил ему вместо сапог просторные ботинки.

Выросли дети юродивого монаха, двое сыновей Игнатий и Василий в конце 1851 года явились к отцу и поселились в Гефсиманском скиту в качестве послушников, через год из Оптиной пустыни пришел и старший сын Порфирий, дети сами себе ископали пещеры. Митрополит сомневался, хорошо ли это: “Но и здесь мне хочется спросить: у места ли дети? По ним ли одинаковый с отцом путь?” Однако при детях Филипп-Филарет неожиданно остепенился и уже не стремился к странствиям и юродству. С этого времени он меньше стал доставлять беспокойства владыке.

Впрочем, народ продолжал в большом количестве ходить к своему любимцу, скитская братия восстала против нарушаемого спокойствия, и тогда наместник велел монаху Филарету с сыновьями оставить пещеры и поселил его в двух с половиной верстах от Гефсимании возле пруда. Антоний распорядился поставить для Филарета с сыновьями келью. На чердаке кельи они совершали свое обычное правило и церковные службы.

В сентябре 1855 года во время посещения лавры государь Александр Николаевич пожелал увидеть монаха Филарета, которого уже называли старцем. Увидев его в монашеском облачении, царь спросил:

— Да ты монах теперь?

Тот ответил, как и полагается старцу и юродивому:

— Не знаю, монах ли, а хотел бы монахом побыть хоть один час.

Одна из богатых почитательниц московская купчиха Логинова пожертвовала деньги на храм, и 27 сентября 1859 года митрополит Филарет совершил освящение верхней церкви в честь Боголюбской иконы Божией Матери. При церкви построили братские кельи, и образовалась новая обитель, известная впоследствии под именем Боголюбивая Киновия. Тогда-то все три сына старца и приняли монашество. Порфирий с именем Прокопий, Игнатий — Галактион, а Василий — Лазарь.

В последний год жизни святителя Филарета на схимонаха Филиппа поступил донос, что в его келье печатаются фальшивые кредитные билеты. Произвели обыск, донос не подтвердился, но слух пошел по всей Руси. “Дело схимонаха Филиппа, — писал Филарет Антонию, — после открывшихся неприятностей угрожает другими. Жаль, что слишком много ему попускаемо было, по избытку снисхождения”. Имелось в виду то, что посетители приносили Филиппу деньги, коих у него всегда было в избытке, и он передавал их нуждающимся. Вот от какого огонька пошел смрадный дым клеветы о фальшивых кредитных билетах. Снова стали требовать выселения его из лавры, и схимонах получил благословение владыки отправиться с сыновьями странствовать по российским монастырям.

И вот теперь, всего за десять дней до кончины святителя, Филипп явился к нему с запиской, в которой значились имена людей, коим нужно платить долги. Сумма огромная — более двух тысяч рублей. Эти деньги юродивый брал взаймы и передавал нуждающимся людям. Теперь же нужно было долги возвращать, и Филипп решил, что это должен сделать митрополит. Филарет велел сказать ему, что коли он сам делал долги, то пусть сам и расплачивается, но на другой день займодавцы стали являться на Троицкое подворье, мол, Филипп сказал, что долги можно получить здесь.

“Филипп начинает насыпать на нас своих займодавцев. Один уже подал прошение в палату, что из сего произойдет затруднение и неприятность”, — с тревогой и возмущением писал Филарет 10 ноября в лавру.

Предметом особой гордости владыки было то, что, став архиереем, он обрел возможность не прикасаться собственными руками к деньгам, и если надо, всегда мог дать приказ своим келейникам выдать такому-то столько и столько. Но при этом он не настолько пренебрегал деньгами, чтобы не вести им счет, и всегда внимательно следил, как бы его не облапошили. А тут такая неслыханная наглость со стороны Филиппа! Я, мол, сделал долги, а ты оплати! Но не мог он и не понимать, что тут кроется некий особый смысл, просто так юродивый ничего не делает. Говоря всем: “Ступайте к владыке Филарету, он теперь со всеми долгами рассчитывается”, юродивый схимонах

намекал на некий расчет по высшему разряду. В свои последние дни человек отдает последние долги миру...

Случайно ли, что в закатных лучах Филаретовой жизни мелькает беспокойная и взбалмошная тень юродивого? Случайно ли, что даже самые последние строки, написанные Филаретом, посвящены Филиппу? “Обратите внимание, чтобы твердо и осторожно составлена была резолюция по прошению заимодавца Филиппова. Могут встретиться затруднения по сему делу; и за сим могут прийти подобные”. Случайного ничего не бывает.

А тем временем уже приближалось очередное девятнадцатое число, выпадавшее на воскресенье. Один из почитателей, пришедших навестить владыку в эту последнюю неделю, передал ему просьбу одной дамы разрешить ей явиться к нему под благословение.

— Пусть придет, — сказал Филарет, — только прежде девятнадцатого числа.

Наступила суббота 18 ноября. В тот день владыка сказал своему келейному иеродиакону Парфению:

— Завтра я буду служить литургию в своей домово́й церкви, приготовь все к служению.

Старый келейник решил возразить:

— В таком случае, владыко, вы утомитесь и не сможете, пожалуй, служить во вторник, а ведь будет праздник, Введение Богородицы.

— Это не твое дело, — сердито ответил Филарет. — А иди и скажи всем, что я завтра служу...

Опасения келейника были не напрасны. Филарет уже давно, более двух месяцев по немощи не служил литургию. Но утром 19 ноября все тревоги развеялись. Владыка явился в домовый храм бодрый, словно в него вдохнули свежие силы. Еще недавно у него не было голоса, а тут откуда-то вернулся голос, причем довольно громогласный! Все смотрели на него и с удивлением видели в нем человека, для которого все только начинается в жизни! Литургия прошла радостно и легко, словно птичий полет в поднебесье. По совершении таинства пресуществления святитель в последний раз приобщился Святых Таин. И это была его самая последняя служба Господу на земле. На ней присутствовал московский гражданский губернатор генерал-майор Александр Иванович Баранов — последний из высокопоставленных чиновников, кто видел живым Московского Златоуста. Выпив две чашки чая с миндальным молоком, владыка побеседовал с Александром Ивановичем, тот откланялся, получил архиерейское благословение и удалился, а Филарет отправился в свой кабинет и стал разбирать бумаги. Как ни в чем не бывало.

Повар сообщил келейнику Парфению, что обед готов, тот сообщил Филарету. Владыка сказал, что еще немного, и он придет. Но так и не пришел. Иеродиакон Парфений снова отправился звать его. Он увидел митрополита стоящим на коленях в узком проходном помещении без окон рядом со спальней. Но это уже было тело, разлученное с душой...

19 ноября 1867 года Московский Златоуст святитель митрополит Филарет, совершив Божественную литургию и приобщившись Святых Таин, в половине второго часа пополудни ушел в жизнь вечную — родился в мир невидимый. Он преставился так, как подобает христианским праведникам, и принял кончину, о которой каждый православный человек молится ежедневно — безболезненную, непостыдную и мирную. Из путешествия по миру, длившегося почти восемьдесят пять лет, душа его отправилась в свое Отечество, завещанное Богом.

Узнав о кончине святителя, в Кремле ударили в большой колокол колокольни Ивана Великого. Следом за первым ударом печально прозвучали еще одиннадцать. Услышав этот звон, раздавшийся в неподобающее время, москвичи спрашивали друг друга, что случилось, какая беда, какое событие. Тревожились. Затем стала распространяться и печальная весть о смерти их любимого архиерея. К Троицкому подворью потекли толпы народа, желающего отдать ему последний поклон.

В первые же годы после кончины владыки в народе стал складываться целый эпос о его привычках, характере и о его чудесах. Сколько в том эпосе правды, а сколько выдумки, только Бог ведает.

Любили вспоминать о том, как владыка всюду забывал свои очки, и потом их искали по всем местам, где ему случилось побывать накануне — у Сергея Михайловича Голицына, у купчихи Тимофеевой или в каком-нибудь московском храме, обследовали в очередной раз все Троицкое подворье, заодно и наводя в нем порядок, а очки оказывались где-нибудь на сиденье в карете или в ином самом неожиданном месте.

С благоговейным ужасом вспоминали случай с одним московским озорным барином, который в угоду своим прогрессивным идеям решил однажды пошеяться над прозорливостью Филарета и явился к нему на подворье с лживой просьбой — мол, стгорело имение, нужны деньги, не знаю, где взять... Владыка велел подать просителю триста рублей, и тот удалился, предвкушая, как завтра пропечатает в газете, что никакой Филарет не прозорливец. Каково же было его потрясение, когда он узнал, что в ту самую минуту, когда он получал у святителя деньги, его имение и впрямь загорелось и выгорело дотла! Пошатнулись либеральные идеи, и векоре перепуганный шалун вновь явился на Троицкое подворье:

— Высокопросвященнейший владыко! — пал он на колени перед Филаретом. — Прости великодушно! Я тебя обманывал... А когда ты велел мне вынести денег, имение-то и стгорело! Вот они, триста рублей...

— Оставьте их себе, они теперь-то уж точно пригодятся. Бог простит вас, да больше уж так не поступайте, — отвечал ему святитель.

Вспоминали случай, как Филарет исцелил немую девушку. В семь лет она увидела волка и так испугалась, что потеряла дар речи. До двадцати лет изъяснялась только знаками, ни словечка не могла вымолвить. Мать привезла ее к святителю, и тот спросил:

— Как тебя зовут?

И вдруг девушка, тринадцать лет молчавшая, тихо выдохнула свое имя. Он встал с нею вместе на колени перед образами и прочел молитву Иисусову: “Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного”. Заставил повторить. Девушка с трудом, но справилась.

— А теперь давай вместе, да смелее!

И они вместе несколько раз прочитали ту же молитву. С той поры девушка навсегда избавилась от немоты.

В письмах святителя Филарета к преподобному Антонию, за какой год ни возьми, постоянно мелькают просьбы о финифтяных иконках, производившихся в Троице-Сергиевой лавре: “Имею нужду в финифтяных иконках, прошу по возможности прислать побольше”. Маленькие и изящные финифтяные иконки он любил самозабвенно, любовался ими, а главное — дарил. Если кто-то приходил к нему не как тот шаловливый прогрессивный барин, а с настоящей нуждой, с тяжкой бедой, с неизбывным горем, владыка как мог утешал, помогал словом или деньгами, советовал что-то или запрещал необдуманные поступки, и всякий раз в таких душевных случаях дарил финифтяную иконку:

— В честь какого святого крещен? Иоанна Воина? Вот тебе Иоанн Воин, не расставайся с этим образком, молись ему, он всегда будет тебе защитой и помощью.

— Как звать? Евфросиния? В честь Евфросинии Полоцкой? Получи от меня ее образок, будет тебе оградой от злых дел.

— Как, говоришь, фамилия того, кто тебя обижает? Львов? Вот тебе иконка первоотшельника аввы Павла Фивейского, коему два льва служили. Он их укрощал, да так, что они других львов от его обители отгоняли.

У одного московского купца в руке началась гангрена, или, как тогда говорили, антонов огонь. Врачи назначили день, когда руку отрезать. Но пришла знакомая раскольница и с усмешкой спросила:

— А чего это вы не попросите своего митрополита, чтобы он чудо совершил? Вы же говорите, что он чудотворец!

Родные несчастного купца отправились на Троицкое подворье. Филарет, выслушав их, тотчас призвал приходского священника и приказал тому совершить литургию и приобщить больного Святых Таин, а руку не отрезать. Так и сделали. И помогло — антонов огонь стал стихать. Сорок дней усердно молились, и за это время рука полностью выздоровела.

У одного священника дочь страшно страдала головными болями. Тот отправился к Филарету, святитель дал ему свою скуфью, чтобы надеть на голову больной. Так и сделали, и вскоре девушка чудесно исцелилась.

Многие люди просто перед своим исцелением видели во сне святителя Филарета, который приходил к ним с благословением. Многие рассказывали о том, как они подходили к святителю под благословение и прикладывали его руку к больным местам на лице, плечах или груди, и вскоре получали исцеление. Многие пьяницы, получив благословение владыки на трезвый образ жизни, переставали пить на всю жизнь. Точно так же исцелялись от него и бесноватые.

Некий крестьянин по дороге в Москву попал в метель, сбился с дороги, в изнеможении упал и находился в сильном страхе быть замерзшим. Но вот он увидел приближающуюся к нему тень и, полагая, что это какой-нибудь зверь хочет его растерзать, начал творить молитву Богу. По приближении тени он увидел старца небольшого роста в черной рясе и шапочке, который спросил его, кто он и откуда. И когда крестьянин объяснил ему все подробно, старец взял его за руку и сказал:

— Что ты так упал духом, встань, я доведу тебя.

Крестьянин, чувствуя, что его силы обновились, встал, и они вдвоем легко дошли до селения. Здесь старец произнес:

— Оставайся, Господь с тобою, теперь ты вне опасности.

Крестьянин со слезами благодарности, упав на колена, спросил, за кого он должен молиться. Старец ответил:

— Молись за Филарета Московского, — и с этими словами стал невидим.

На другой день крестьянин пришел в Москву, ходил по разным монастырям, искал своего избавителя, покуда один купец не надуумил:

— Вероятно, тебя спас наш митрополит, — и указал ему дорогу на Троицкое подворье. Там, увидев святителя, выходящего из кареты, он упал пред ним на колени:

— Вот мой избавитель!

Владыка велел ему замолчать и следовать за собою в комнаты, где крестьянин рассказал ему все подробно. Выслушав его, Филарет сказал:

— Не приписывай этого мне, но молись преподобному Сергию — это он тебя сохранил.

И подарил ему финифтяной образок Сергия Радонежского.

Во время пасхальных праздников пришли как-то к Владыке великосветские дамы, и одна из них спросила митрополита:

— Почему Спаситель по воскресении Своим явился сперва женам-мироносицам?

Святитель ответил:

— Потому что женский пол очень болтлив, а надо было, чтобы это событие стало известно всем как можно скорее...

Таких рассказов было много, все они передавались московскими жителями из уст в уста, расходились по всей Руси великой.

Точно не известно, когда именно святитель Филарет составил свою собственную молитву ко Господу, ведомо лишь, что все последние годы жизни он постоянно читал ее, добавляя к общему чину православных молитв:

“Господи: не знаю, чего мне просить у Тебя? Ты один ведаешь, что мне нужно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить себя. Отче! Дай рабу Твоему — чего сам я и просить не умею. Не дерзаю просить — ни креста, ни утешения! Только стою пред Тобою; сердце мое — отверсто. Ты зриши нужды, которых я не знаю. Зри! — и твори со мною по милости Твоей: порazi и исцели, низложи и подыми меня. Благоговейно и безмолвствую пред Твоею святою волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себя в жертву Тебе. Передаю Тебе. Нет у меня желаний,

кроме желания — исполнить волю Твою... Научи меня молиться. Сам во мне молись”.

Достоинейшим преемником святителя Филарета на Московской кафедре стал Иннокентий (Вениаминов), “добрый служитель Божий”, как называл его сам Филарет.

В год кончины Филарета архиепископу Иннокентию исполнилось семьдесят лет, он плохо видел, слабел и просился на покой в монастырь, но Московский митрополит ответил ему отказом: “Господь да скажет Вам, что Ему благоугодно, и Вам и Церкви Его полезно”. 5 января 1868 года владыка Иннокентий был назначен вместо скончавшегося владыки Филарета митрополитом Московским и Коломенским.

Во всем подражая своему предшественнику, митрополит Иннокентий оставался московским архиереем до самой своей кончины 31 марта 1879 года, и похоронили его в Духовском храме Троице-Сергиевой лавры, рядом с могилой его друга и наставника митрополита Филарета. Там же рядом был похоронен и преподобный Антоний, родившийся в мир невидимый 12 мая 1877 года, прожив ровно столько же, сколько его друг и духовный сын Филарет.

Дело святителя Филарета продолжилось, полный перевод Библии на русский язык был осуществлен. С каждым годом издавались его сочинения. В январе 1883 года прошло празднование столетнего юбилея Московского Златоуста. Основные торжества проходили в Чудовом монастыре в Кремле. Вскоре после этого Синод под редакцией архиепископа Тверского Саввы выпустил в свет многотомное “Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам”.

Тела Филарета, Антония и Иннокентия мирно покоились в своих гробах, к которым ежегодно притекало множество верующих. И многие получали исцеление или душевное утешение, побывав рядом с их святыми останками.

Но наступило безбожное время, и произошло то, о чем в кондаке святителю Филарету сказано: “от безбожных поругание и поношения приял еси”. В годы кампании по вскрытию святых мощей безбожники прошли мимо захоронения Филарета, Антония и Иннокентия, но перед самой войной их нечестивые руки добрались и до этих могил. В 1938—1940 годах все пристройки вокруг Духовской церкви были разобраны. Все три погребения были вскрыты и разорены. Остались воспоминания свидетелей о том, что глава митрополита Филарета оказалась нетленной, а человек, совершивший святотатство, спустя всего несколько дней трагически погиб.

Останки снова были зарыты, а место, где стояла церковь, сровняли с землей. И это уже происходило в те дни, когда вся страна трещала под железным натиском фашистской Германии. В августе 1941 года все работы были завершены. Отныне трудно было догадаться, где именно находятся останки трех святых XIX века. После войны место вдобавок ко всему и заасфальтировали, а еще позже покрыли бетонными плитами. Полвека фундамент храма Сошествия Святого Духа и три священные могилы скрывались под толщей земли, асфальта и бетона. Над ними ходили люди.

В XX столетии человеком и пастырем, равновеликим святителю Филарету, безусловно, стал святейший патриарх Алексий II. Он и начинал свое епископское служение, как Филарет, с ревельской кафедры. Именно по его благословию начались поиски останков и подготовка к канонизации митрополита Филарета.

...Воскрес и вновь засиял над Москвой величественный храм Христа Спасителя, созданный архитекторами и художниками, вдохновленными идеями святителя Филарета. Храм сей — одно из его главных детищ, и Богом внушена была патриарху Алексию II о том, чтобы мощи святителя Филарета покоились именно здесь, чтобы они стали главной святыней храма.

9 июня 2004 года состоялось торжественное перенесение честных мощей святителя Филарета Московского из Свято-Троицкой Сергиевой лавры в Храм Христа Спасителя.

И сейчас, вступая под гулкие своды храма, мы первым делом должны устремиться туда, где справа от алтаря покоится Московский Златоуст.

АНДРЕЙ РУМЯНЦЕВ

ВОЛНИСТАЯ ДОРОГА ДО НЕБЕС

* * *

Ты забралась в такие дали, Русь!
Тайга, тайга — темнее всякой тучи.
И, глядя в небо, я не разберусь,
С каких широт несется ветер летучий.

Он обвевал изнеженный Париж,
Трепал халат на Азии раскосой,
А ты его встречаешь и паришь
В цветастом платье клевера и проса.

Крестьянские заботы не новы,
Судьба полынным запахом прогоркла.
Но небо! — от библейской синевы
Слезами перехватывает горло!

Над этой одичавшею рекой
Твой говор мягче шепота и плеска.
Твоею материнскою рукой
Разъята даль, как в доме занавеска.

РУМЯНЦЕВ Андрей Григорьевич родился на Байкале в многодетной семье рыбака. Закончил Иркутский университет. Опубликовал более двадцати поэтических и прозаических книг. Народный поэт Бурятии, член Петровской академии наук и искусств, лауреат нескольких литературных премий. Постоянный автор журнала "Наш современник".

Темь волчьих троп
И лунный свет гольца
Равно в твоём замешены стакане.
Ты первой с полусонного лица
Зарю смываешь в Тихом океане.

* * *

Г. С.

Все это призрачно в миру:
Безбедное существованье,
И слава громкая, и званье,
И даже замок на юру.

И даже то, что вьелось в кровь:
Твоя привязанность к левкою,
Моя — к простору и покою...
А вечна тихая любовь —

Неиссякаемый исток
Существования земного:
То, сердцем найденное, слово,
Тот, солнцем поднятый, росток...

* * *

Памяти Николая Рубцова

В пустой трубе эстрады гул затих,
И трубачам пришлось посторониться.
Застенчивый и смелый русский стих
На звездной отпечатался странице.

И поколения с русской душой
Читают сокровенного Рубцова.
В сыром углу избенки небольшой
Нас согревает солнечное слово!

Родные не тускнеют письма...
Над чуждой книгой пыль забвенья вьется...
Как все же справедливы времена:
Гул умирает,
Небо остается.

* * *

Жизнь позади,
А все звенеть не кончит
У маминого поля, на меже,
Небесный брат мой,
Синий колокольчик,
Качающийся в теплом мираже.

Динь-динь дороге,
Дремлющему долу!
Не затихает этот звон вдали.
Я припаду к цветастому подолу
Усталой, отдыхающей земли.

Я вновь заплачу,
Мальчик стародавний,
Щекой родную руку не найдя.
Укрой меня, усатый лес недалний,
И покачай под шепоток дождя.

И я опять услышу над собою
В родной не отцветающей глуши
И вещий голос вечного собора,
И тайный отклик тающей души.

Шумят деревья,
Родничок клокочет,
Но всех слышнее в теплом мираже
Небесный брат мой,
Нежный колокольчик,
У маминого поля, на меже...

* * *

Над деревенской крышею дымок.
Слепящий снег. Волнистая дорога.
И человек, идущий от порога
По этой самой легкой из дорог

В лучистый мир,
Где чистые поля
Сливаются с родными небесами...
Куда идет он с ясными глазами,
Заиндевелый, как и тополя?

Пред тем, как слиться с дальнею землей,
Пред тем, как в небе близком
раствориться,
С кем он в конце пути разговорится,
Уже осыпан звездною золой?

Кому оставит мир земных чудес,
Где все полно покоя и доверья:
Слепящий снег, прозрачные деревья,
Волнистая дорога до небес?

МОЙ КОСТЕР

Мой костер догорает.
В округе глухой
Он, как поздняя зорька,
Едва золотится.

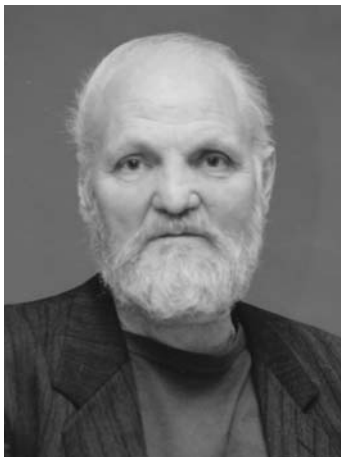
Жизнь мою накрывает зазимок сухой,
Застилает все больше родимые лица.

Мой костер!
А давно ль ты пылал на ветру
На байкальской горе,
На ангарской равнине?
То черемуху нежно ласкал,
То ветлу —
Молодой твой огонь
Они помнят доньше.

Все отправит зима
На небесный покой.
И тебя, мой костер,
Не оставит старушка.
Словно звезды,
Сметет твои угли рукой
В мировой дымоход.
И закроется вьюшка.

Но я верю,
Я верю,
Останется след
От тебя, мой костер,
Догорающий ныне.
Кто-то скажет:
“Я видел мерцающий свет
Там, на этой горе,
Там, на этой равнине!”

ВЛАДИМИР КРУПИН

ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ

РАССКАЗЫ

И кто возразит, что в прошлое заглянуть труднее, чем в будущее? В будущем одно: Страшный суд, а в прошлом все то, что его готовило. Жил я среди грешных людей, сам грешил да еще и себя оправдывал: все такие, даже хуже. Но уже одна эта мысль говорит, что грешнее всех был я. Адам, сваливающий вину на Еву, был грешнее Евы.

Все теперешние мои вечера соединились в один вечер, в вечер моей жизни. Давай, брат, попробуем, пока есть силенки, отвязаться от того, что вспоминается внезапно или помнится постоянно, то есть уже мешает. Пора свой дом подметать. А сколько прожито, сколько пережито! Как пелось в моряцкой песне: “Эх, сколько видано, эх, перевидано, после плаванья в тихой гавани вспомнить будет о чем”. Но не получилось в старости тихой гавани, да и перевиданное пригодится ли кому? Это же только мечтается, что чужое знание пригодится в “быстротекущей жизни”. Каждый себе свои набивает шишки.

И посему я не о личном, я о России.

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в Советской Армии, окончил Московский областной пединститут. Автор повестей “Живая вода”, “Сороковой день”, “Прощай, Россия, встретимся в раю”, “Люби меня, как я тебя”, “От рубля и выше”, “Как только, так сразу”, “Слава Богу за всё”, романа “Спасение погибших”, многих рассказов, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. В “Нашем современнике” печатается с 1972 года (отрывки из первой книги “Зёрна”). Живет в Москве.

ВРЕМЯ ГОРЯЩЕЙ СПИЧКИ

В отрочестве и юности бывают такие безотрадные дни, когда хочется умереть. Тебя никто не понимает, не любит, а я-то такой хороший, вот умру, вот будете знать, кого потеряли. Вот уж поплачете, а я, гордый и красивый, поплыву в последней жизненной лодке, в деревянном гробу, в сторону заката.

Нет, говорю я сейчас себе, тому давнему юноше, надо жить долго. Долго, чтобы понять, что жизнь мимолетна и что сравнение ее с горящей спичкой рядом с сиянием солнца очень верное. Время горящей спички — вот наша жизнь, а солнце — это вечность, которая суждена нашей душе. Нынче эта солнечная вечность заявила о себе такой жарой, таким пожигающим все живое зноем, что стало всем понятно, от президентов до сторожей: мы ничто перед волей Божией. И хотя ученые стали торопливо валить все на аномальные явления, хотя политики стали изображать заботу о людях и обещать много чего, жара воцарилась как справедливое наказание за наши грехи, и как раз в дни ее владычества я и приехал в родное вятское село, называемое теперь поселком.

В моей родине есть такая сердечная магнитность, что не надо и причин, чтобы ехать сюда. Но нынче была еще и особая причина — исполнялось ровно пятьдесят лет с той поры, как меня увезли отсюда. Из села, самого лучшего на всем белом свете. Да, поверьте, ибо за полвека я успел походить, поездить, поколесить, полетать, поплавать по пространствам планеты и мог все со всем сравнивать.

Полвека. Никто тогда не спросил, хочу ли я уезжать, меня просто призвали в славные ряды защитников Отечества. Наголо остригли, привезли на сборный пункт, а там — шагом марш в товарный вагон.

И — жизнь прошла. Видимо, и не могла пройти иначе. Мы, в отличие от нынешней молодежи, не выбирали судьбу, она выбирала нас. Мы не искали в жизни выгоды, жили по потребностям Отечества. Так вот, полвека. И отлично осознаю, что прожил бы их как-то иначе, если бы все эти годы не жила в моем сердце Кильмезь. Ее красота, ее люди, ее труды, ее уроки. Здесь была прожита первая полнота чувств, и такая полнота, силы которой потом я уже не испытал. Эти влюбленности до того, что сердце колотилось в горле, эти обиды до горьких одиноких слез, это ликование совместных трудов на сенокосе, на воскресниках, эти восторги летних купаний и зимних полетов на лыжах с крутых гор, что в московской жизни могло все это заменить?

Вообще, в мире ничего не меняется со дня сотворения его. Человек тот же, как и прародитель Адам, да и истории у человечества нет, только одно — мы или приближаемся к Богу, или удаляемся от Него. В годы, когда нас насильно удаляли от Бога, даже казалось, что мы вырастаем без Него, но кто же спас Россию, как не Господь? Других защитников у России нет. Кто нас хранил в дни войны, голода, лишений, сиротства?

В то раннее утро перед отправкой в армию, когда я пошел прощаться с селом, было похолоднее, но все было то же: земля, река, небо, наше кладбище, на котором уже тогда были могилки дедушки и бабушки. Прошел по тем улицам, где жили друзья и подруги. Их уже и не было в селе, все где-то или учились, или работали. Бесхозно и сиротливо белела около Дома культуры, оккупировавшего здание церкви, танцплощадка и летний кинотеатр. Поднимая пыль, растянувшись на сотни метров, брело стадо коров. Из репродуктора на столбе, напротив библиотеки, передавалась бодрая утренняя зарядка, и, будто под ее команду, энергично хлопал длинный пастушеский бич.

Обветшала и обречена на снос библиотека, обрушились школьные здания, не идет утром и вечером по улице такое огромное стадо, сгорели и исчезли многие дома, знакомые с детства. Но память моя, как вообще наша память, сильнее пожаров и тления. Нет дома на углу Троицкой и Школьной, а я помню, как он горел, как мы его тушили. Но если исчезали дома, не умирала Кильмезь, целые улицы и переулки появлялись, например, на месте аэродрома и кирпичного завода и на полях колхоза “Коммунар” в сто-

рону Троицкого. Так что я много счастливее тех, кто приезжает к местам детства, на которых пустыри и следы пожаров.

За ночь затянуло дымом небо, но это даже принесло облегчение, ибо солнечные палящие лучи теряли в дымных облаках свою жгучесть. Я пришел на кладбище, где ждали меня милые мои дедушка и бабушка. Могилки их заросли хвощом, уже пожелтевшим, золотистым, и еще изумрудной красоты добавляли иголки, осыпавшиеся с широких елей. Вот где отраднo думалось о краткости жизни. Не дивно ли — мгновение назад стоял над свежевырытыми могилами, а вот, уже старик, и сам думаю о своей.

Признаюсь, были в жизни моменты, когда я завидовал умершим, и отлично понимаю отца, сказавшего перед кончиной: “Слава Богу, умираю, не увижу, до какого срама Россия дойдет. А уж до какого дошла”. Теперь, отец, она еще до большего дошла. Но жива. И жить будет. Эта уверенность крепнет во мне. Еще бы: я так много жил, помню Отечественную войну, прожил фактически несколько эпох, смену правительств, идеологий, денежных систем, для любой страны такие встряски были бы губительны, Россия выжила. А ведь всё в мире против России. Ее не смогли победить в войну, когда не только Германия, вся Европа убивала нас. Как убивает и сейчас. Тогда убивали тело, сейчас душу. Сейчас тоже идет Отечественная война, война света с тьмой. Все мракобесие мира накинудь на Россию, навязывает ей дикие нормы поведения, развращает молодежь, учит цинизму, восстанавливает детей против родителей, опошляет чистоту отношений, издевается над всем святым...

Я пошел к реке детства. Заставлял себя думать о хорошем. Здесь была кузница, там, направо, в логе, чистейшие холодные родники, тут, у моста, лесопилка, дальше по берегу — опять родники. И мы пили из каждого. Это же на всю жизнь. Сколько красной и черной смородины, ежевики. А за рекой нескончаемые поляны клубники. А в сосновых лесах рыжики, земляника! Мера радостей жизни была мне отпущена преизлишняя. Но не только же Божии дары природы мы вспоминаем из безоблачной поры детства. Ведь главным в родине была та любовь, в которой мы выросли. И тот труд, который выращивал нас. Мы рвались к работе, мы с детства старались ухватиться за взрослые инструменты. И позднее, когда приезжали в отпуск из армии и на студенческие каникулы, конечно, прежде всего, мы старались чем-то помочь. Труд был радостью.

В одном месте решил спрямить дорогу, я помнил, что была тропинка меж огородов. Во дворе играли дети, крутилась лохматая собака и сидела старуха, их наблюдавшая. Я поздоровался.

— Могу тут я пройти напрямую?

— Можно, можно, как не можно.

— А ваша собачка не тронет?

— Да что ты, что ты, она у нас такая ласкуша.

Я и пошел напрямую. И тут собака кинулась на меня, да так яростно и злобно захрипела, и залаяла, и прыгала, что я стал отступать и нагибался, притворяясь, что хватаю с земли камень или палку. Дети подбежали к собаке, стали ее отгаскивать, старуха стала раскачиваться на табурете, чтобы встать. Наконец, собака умолкла.

— Хороша ласкуша, — сказал я, — чуть не сожрала.

— Нет-нет, она очень добрая, — заступилась за собаку старуха, — да ведь у ей сейчас ребенки. А так-то наш не наш, все идут.

Пошел я дальше, убеждаясь в том, что не все еще собаки меня знают.

Жара после обеда превратилась в духоту. Я много ездил по странам Африки и Ближнего Востока, а там такие градусы — норма, поэтому российскую жару, тем более на родине, переносил легко. Шел и вспоминал святителя Иоанна Златоуста, поставившего в прямую зависимость погоду и нравственное состояние людей. Текла израильская земля “молоком и медом”, стала безжизненной иудейской пустыней. “Преложил Господь землю плодородною в сланость от злобы живущих на ней”, как говорит Писание. Так может случиться и с нами, если... Если что? Если не прекратится этот накат цинизма, похабного юмора, вся эта бесовщина ненависти к России — самой

целомудренной стране мира. Отчего погибли Содом и Гоморра, Карфаген, Помпеи? От разврата жителей. Далеко ли нам до них?

На аллее, близ памятника солдату, сидели печальные люди, пившие лимонад. Увидев меня, повеселели и сообщили, что обманывают милицию, которая не дает распивать пиво в общественных местах, и они переливают пиво в замаскированную под лимонад емкость. Почему-то эти граждане полагают, что деньги в моих карманах также и их достояние. Но строго воспитанный отцом Александром, я сказал, что еду им куплю, а об остальном не мечтайте. Хотя магазин, куда со мной пошел небритый человек средних лет, как раз назывался “Мечта”. Человек сказал, что у него есть стихи о России. Я попросил прочитать. Он стеснялся. Тогда я выдрал листок из блокнота и попросил переписать хотя бы одно стихотворение. “А я пока куплю чего поесть, гонорар такой тебе”. Вскоре мы обменялись. Я ему еду, он стихи. Дома их прочел.

“Эх, Россия-матушка, чего ты только видела. И, наверно, моря три горьких слез ты вылила. Эх, Россия-матушка, где же царь твой батюшка? Что стоишь-качаешься, пьяная, не каешься? Эх, Россия-матушка, похмельная головушка, протрезвись, взгляни кругом, чья же это кровушка? Не царя ли твоего, не за твою ли братию, кровь же к Богу вопиет, ты нажила проклятие. И пришла, Россия, ты к последнему порогу. С показаньем припади на колени к Богу. В чем соборно ты клялась, в том соборно кайся, и на бой последний ты встань и поднимайся”.

Пошел я его похвалить, но он уже, выменяв еду на спиртное, меня не узнал, вновь прося сумму на дополнительную поправку здоровья.

Жена звонила и говорила, что в Москве ужасы жары доходят до каждой квартиры. Не спасают и кондиционеры, так как прохлада из них полна запахов гари. “Да еще этот асфальт”. Да уж, асфальт. Думаю, что все наши несчастья от этого асфальта. Родина его — Мертвое море, оно так и называлось, Асфальтовым. Именно оно погребло развратников Содома и Гоморры. В словаре Даля приводится московское название асфальта — “жидовская мостовая”. Асфальтом заливали тела покойников и приспособились заливать землю. А земля никогда не умирает, и под асфальтом жива. Все мы видели, как весной появляются трещины на асфальте, это растения пробивают крышку своего надгробия. И трещины заливают и новым асфальтом закатывают, и вроде побеждают растительную жизнь, но все равно есть ощущение внутренней, загнанной в темницу жизни. Асфальт, его испарения, вызывают раковые заболевания. А в жару мы в городе только ими и дышим. А если бы снять корку асфальта с земли, как бы она вздохнула, как благодаря нас чистым воздухом и прохладой.

Но разве не так и Россия? С ее единственностью, неповторимостью, она убивается, закатывается асфальтом чужебесия, иноземных нравов. Зачем нам их навязывают? Какая же это мировая цивилизация, которая одобряет гомосексуализм? Это-то и есть содомия, названная так по имени города Содома, провалившийся в Мертвое море.

За поселком, на проводах, я увидел стаи стрижей. Это редчайшее зрелище — сидящие, а не летающие стрижи. У нас их всегда было много. Небо моего детства покрыто крестиками стрижей. Это не ласточки, хотя они и похожи, и не ласточки-береговушки, которые исверлили все обрывы по берегам рек, это именно стрижи. Ловкие, легкие, красивые. Они не могут взлететь с земли, у них большой размах крыльшек. Однажды в детстве я шел в поле и увидел, что стрижи кричат и летают стаей над одним местом. Я увидел птенца, уже большенького, но беспомощного. Он пищал и крутился на одном месте. Рядом был сарай. Я сразу решил, что надо птенца поднять на высоту, а там он взлетит. Но как? Поймать-то я его поймал и под рубашку посадил, но стрижам был непонятен мой порыв, и они кричали и пикировали. Да и птенец больно скребся под рубашкой. Я лез по углу сарая, боялся и, подбадривая себя, разговаривал с птенцом: “Хочешь жить, а? Хочешь, конечно. А как же?” Птенец царапался, подтверждая волю к жизни. Стрижи меня атаковали и с размаху тюкали в голову. Долезши до крыши, я ухватился одной рукой за ее край, другой вытащил пищущего и бьющегося в ру-

ках птенца и посадил на замшелую поверхность. Потом сорвался на землю, вскочил и отбежал. Стрижи поняли мою им помощь и больше не нападали. А птенец вскоре полетел вместе со стаей.

Конечно, эти, сегодняшние, стрижи, были потомками именно того стрижонка. Весело и заслуженно я поздравлялся с ними. “Помните своего предка? А тут и мои тоже”.

Я все тот же, родина моя. Тот же босоногий мальчишка, любящий тебя уже только за то, что здесь появился на свет Божий. Так мне было суждено. Это только подумать: ни за что, просто по милости Божией мне была подарена такая родина. Такая река, такие леса и луга, такие люди. И за это счастье никогда не устану благодарить Бога.

ПЛАТОН И ГАЛАКТИОН

Жили-были два моих предка, мои пра-пра-пра и так далее дедушки. Платон и Галактион. Без них бы и меня не было, и детей бы моих, и детей моих детей тоже бы не было. А при каком царе они жили, а скорее, при царице, до того я не докопался. Да это и не суть важно. Знаю, что дед Платон был православный, а дед Галактион — старовер. Но в семейных преданиях об их разногласиях в вопросах веры не говорится. Вот только говорили, что Галактион иногда задавался, что получше Платона знает Священное Писание, ну как же — старовер, а староверы — большие начетники. У них знанию Писания учиться надо. Но были прапрадедушки мои соседями, жили дружно и от души христосовались в светлый праздник Пасхи. Но вот что касается обстоятельств самой жизни, тут разногласия были существенные.

Они не сходились в том, каким образом надо укреплять жизненную силу. Вопрос для любого человека важный, но для крестьянина наиважнейший. Трудности крестьянской жизни может вынести сильный и обязательно здоровый человек. Болезнь для крестьянина хуже смерти. Мертвого кормить не надо, только поминай, а за больным уход нужен. Деды мои славились здоровьем, носили на плечах не только баранов, но и телят, и жеребят, пахали по десятине, по полторы десятины выкашивали, по два стога в день сметывали. Если читателям это ничего не говорит, скажу, что десятина больше гектара. Да что говорить, вскопайте без отдыха хотя бы три-четыре десятиметровых грядки, притащите домой враз десять арбузов или мешок картошки. А жеребенок потяжелел и того и другого. Однажды, говорит семейное предание, они на себе принесли для мельницы два каменных жернова. А жернова были пудов по двадцать. То есть больше трех центнеров. Центнер — сто килограммов. Да, дожил русский писатель до необходимости посягать читателям, что такое десятина, верста, пуд, сажень, грош, золотник, семитка, гривеник. Неужели булькнут в черные дыры забвения и хомуты, и чересседельники, и подпруги, снопы, серпы... все, что связано с трудом на пашне-кормилице? Что говорить, не живать уже нам той могучей, спокойной, размеренной русской жизнью, гостившей многие века на русской земле. Но хотя бы свершим благодарный ей поклон.

Попытаемся представить тех былинных богатырей, которыми были наши предки. Да, богатыри, но одновременно и обычные люди. Как мои дедушки. Да, богатыри не мы.

Конечно, Платон и Галактион, во-первых, дышали не нынешним воздухом, искалеченным не только отходами всяких производств, химией, выхлопами машин, но и забитым радио- и электро- и эсэмэсволнами. Во-вторых, питание. Не нынешние добавки да суррогаты да вода, убитая хлоркой, а продукт был все естественный: вода из родника, молоко от своей коровы, мед, мясо, овощи, — все свое. И носили не импортную дрянь-синтетику, а лен. А зимой шубы из овчины, которую сами выделывали.

Так в чем же у моих дедов были разногласия? Именно в вопросе поддержания здоровья. Платон закалял его баней, а Галактион купанием в про-

руби. А если наступали такие морозы, что даже и проруби перемерзли, то просто выходил на снег. Снегом и натирался. А когда мороз за сорок и под пятьдесят, то снег как крупный песок. Им Галактион себя так надраивал, таким наждаком, такой теркой, что издали казался факелом на снегу. Так пламенела кожа. Шел домой, отдыхал и выпивал в одиночку полудеверный самовар. Конечно, потом ему гнуть дубовые полозья для саней было в леготку.

Но ведь не менее размалинивался от банного жара и Платон. До того натапливал свою баню-каменку, что войти в нее было страшно — уши горели, хотелось присесть. А когда плескал полным ковшом на камни, вода мгновенно превращалась в пар и так взрывалась, что отдирало примерзшую дверь. Перерывов Платон не делал, парился и поддавал без передышки. И обливался чуть ли не кипятком. Прибрелал домой, долго лежал на лавке, потом, как и Галактион, выпивал в одиночку такой же полудеверный самовар. Вместе покупали. И наутро ворочал в кузнице раскаленное железо.

Так вот, они всегда спорили, чья система лучше: ледяная, Галактиона, или жаровая, Платона. Получалось, что обе хороши. Ведь и у того и у другого силы были, как говорится, колесные. У того и у другого, несмотря на то, что им за пятьдесят, рождались детишки. Да и детишки все крепенькие. Уже Галактионовы выбегали в одних порточках с отцом на снег, а Платоновы смело, хотя пока и ненадолго, заскакивали в баню.

Вот они сидят и дебатируют. Если это лето, на завалинке, если зима — за самоваром у того или у другого.

— Я только зимой и живу, — говорит Галактион, — чаю мне не наливай, только кипяточку да варенье. Очень я маюсь в жару, кое да как лето переживаю. Ну, хожу к роднику, в него залезаю, хоть отдышусь. Сижусь в ледяной воде, чую — холод к сердцу идет. Вот идет, вот холодит, во-от оно! Вылезу и дальше живу. А после обеда подремать хожу в погреб.

— Это мне не понять, — отвечает Платон. — Клин клином вышибают, жару жарой. Как ни кипятись солнышко, мою каменку ему не догнать. Так баню раскочегарю, так разогреюсь, что мне потом никакая Африка ни почем. Тебе, брат, в тундре надо жить.

— Оно бы и неплохо. А тебе в пустыне бегать без штанов. Эх, брат, наживешь ты себе с этой баней хворь. Вся тварь в тепле размножается, а в холоде перемрекает. Заразы в холоде нет. К примеру, как с тараканами покончить? Картошку в подполье закроешь старыми тулупами и — двери настежь. И все! Чисто. Ты ж тоже этим способом пользуешься. А потеплеет и — поползли простуды, змеи и холеры и всякие мокрицы. А уж я не закисну. Разве я против жара? Но у меня жар рождается от холода. Изнутри. Разница? А ты себя греешь сверху, а что внутри?

— Насквозь пробирает. Как железо в горне.

— Платон, тебе же не засов из себя ковать. — Галактион вставал и задавал свой всегдашний вопрос: — Како чтеши Писание? “Оснежатся вершины в Селмоне!” А о Спасителе? “Были ризы Его блещахуса, яко снег”. Яко снег! А Исаяя? “Будут грехи ваши багряны, как снег убелю”. Вот! В жарких странах жил, а снег знал. Духом провидел. Вот где разумение! А псаломевец Давид? Вникни! “Господь дает снег, яко волну”.

Платону и возразить нечего. Нет в Писании защиты его бани. Ни до чего не доспорятся, разойдутся. Зимой Галактионовы дети, и уже и внуки, лед на речке колот, запасают, а летом Платоновы наследники веники ломают. Отцы их и деды могучей своей работой людей изумляют. А по субботам взрывы пара, удары веников и довольные крики несутся из бани Платона, а по утрам, и в снег, и в мороз, и в метель идет босой Галактион на завьюженный огород и погружается в снежные перины. А за ним сыплются полуголье наследнички. Он их тешил тем, что брал подмышки и бросал. Кого вдаль, кого вверх. Тот, кто летел по горизонтали, хвалился расстоянием, на которое был заброшен, а тот, кого Галактион подкидывал, хвалился продолжительностью времени в полете. Такие потехи были безопасны, ибо приземлялись они на снежную перину. Снега в вятских пределах были щедрыми, избы заносило по верхние наличники, как говорили, “по самые брови”.

И кто же в сей истории оказался прав? А никто. А как? А так: Платон был в городе и купил там книгу. После ужина семейство уселось слушать чтение. Платон, перекрестясь, прочел название: “Описание трудов и подвигов святого Первозванного Всехвального апостола Андрея”. Очень трогательно было описано, почему святой апостол назван Первозванным, и как он шел с именем Христа в северные, то есть в наши, земли. Прошел Херсонес, в коем впоследствии окрестился великий князь Киевский Владимир. Водрузил апостол на кручах Днепровских Крест. Был и в Новгороде. При этом известии дед Платон от себя сообщил, что предки наши пришли в Вятку именно из новгородских пределов.

— Так что от кого мы получили крещение? А? От ученика самого Христа, Господа Бога нашего!

Добрался дед Платон до описания апостолом славянских обычаев. И до того места, как тот был изумлен банями. Тут дед Платон вскочил и побежал к соседу.

Галактион пригласил гостя к столу, но тот, вздымая книгу, объявил, что прочтет, что говорил апостол Андрей, брат первоверховного апостола Петра, о славянах.

— Ну-ко, ну-ко, возгласи.

Платон, разогнув книгу и найдя нужное место, возвысил голос:

“...и зело раскалив бани, они бьют себя прутьями до умертвия и лежат безгласно”. А? Галактион! Слушай апостола, слушай!

Галактион убедился в точности прочитанного, но прочел и дальше:

— “Потом же оболют себя ледяною водою и тако оживут”. Тако оживут! — возгласил он. — Платоша! Тако оживут! От ледяной воды! Тако!

— Но вначале же баня! Како чтеши? Как же ты без бани? Как же не слушать предков наших и апостола? Галактион! В баню!

— Платон — в снег! — воскликнул Галактион.

Они ударили по рукам в том, что повторят виденное апостолом жаровое и ледяное омовение славян, и вот — в ближайшую субботу свершилось великое событие: Галактион вошел в баню. От температуры и пара хотел выскочить обратно. Но было же рукобיתье, он превозмог себя и выдержал. Платон его крепко отхлестал. Но пришла пора страхования и для Платона. Галактион повел его в снега огорода и повалил в сугроб. Закидал снежком. Платон героически вытерпел насильственное охлаждение, потом вскочил и велел Галактиону вернуться в баню. Сам бежал туда вприпрыжку. И так поддал на радостях, что Галактион запросил пощады. Залег на пол, решив отлежаться, но Платон требовал, чтобы тот лез на полók. И опять брался за веник, в коем березовые ветви были перемежаемы шихтовыми. Хлестал неистово. Галактион просил пощады, но Платон кричал:

— Я не до умертвия. Мы выполняем благословение апостола. Терпи!

Затем же, когда настала очередь снежной купели, Галактион опять отыгрался. С наслаждением катал соседа по снегу, будто снежную бабу лепил. Тот начинал привыкать к перепадам температуры, а они были градусов в сто, не меньше, но все-таки вырвался и вновь кинулся в свою обожаемую баню. Куда велел снова идти и Галактиону. И таковое действие они свершили еще раз, то есть троекратно. Чувствовали себя после бани превосходно, вышли по два самовара.

А далее? Далее было строительство новой бани. Фундамент — огромные валуны, а на сруб не пожалели лиственницы, никогда не гниющей. Да, строили на века. А печь в бане не клали из кирпичей, а били из глины с примесью песка и опилок. Это такая технология, которую надо долго объяснять, скажу одно: это не печь, а монолит, в ней металл можно плавить. Поставили баню, а уж белый снег Господь даром посылал. И печь в бане, и сама баня дожили до Наполеонова нашествия, до Крымской войны, до революции, перетерпели войну Отечественную и добрались до перестройки. Разве можно было вынести и пережить русским людям такие нападки на матушку Русь без такой бани? Бессчетное количество людей в ней здоровье поправили.

И я в той бане был, и в бане той парился. И на снег под звезды выходил, и в сугробы погружался. И снег от моего раскаленного тела до самой

земли проседал, и вновь входил я под жаркие своды платоновско-галактического чуда. Но как происходило сие, об этом пусть мои пра-пра и так далее внуки своим пра-пра рассказывают.

Спасибо великое святому апостолу Андрею, Всехвальному, Первозванному. И за баню, и за дедушек, и за внуков, и за Русь Святую.

ТЫ РУССКИЙ? — ЗНАЧИТ, ТЕБЕ ТЯЖЕЛЕЕ ВСЕХ

Сильных, умных, самостоятельных не любят. Все же хотят быть сильными и умными. За что ж русским даны сила и ум? Они же и такие, они и сякие. И какая еще нация, кроме русской, выдержала бы многовековое глумление над собой?.. То ли мы привыкли, то ли считаем, что так и надо, и за издевательства не мстим. Это уж когда явно начинали приставать и вторгаться в русские пределы цивилизованные дикари Европы и Азии, тогда приходилось им давать по морде для образумления. И тут же их и жалеть. Кто еще такой в мире, как русские? Жалеть врагов? — Да, жалеем. Но дожалелись до того, что уже ненависть к России поселилась в ней самой. Россию ненавидят те, кому она дала приют, образование, работу. Всегда русским было труднее, чем инородцам, пробиться в жизни. Попробуй еврея в вуз не принять, и не пробуй, и без тебя примут. А русского оттолкнут и дальше пойдут. Это отпихивание я испытывал многократно. Но, как русский, не обижаюсь совершенно. Те, кто отпихивал, где они? Всегда ощущал я в своей судьбе некую руководящую силу. Даже и называл ее строчками из стиха Бунина “Некий норд моей судьбою правит, он меня в скитаньях не оставит, он мне скажет, если что: “Не то”. Этот “некий норд”, воцерковившись, я стал именовать Господом.

Идеологи стеклянного телепространства внедряют в умы глотателей телепищи образ России совсем не русский. Смелые, честные, жертвенные русские люди изображаются трусами, ворами, стукачами. Особенно усердствуют киношники. Особенно это раскручивается в показе советского периода истории России. Я его свидетель, я выросал в советское время, создался в нем как личность, и меня глубоко оскорбляет тьяквань либеральных писак и либеральных радио- и телетрепачей. Страдание мое в том, что ими воспитаны такие потребители журнальной, газетной, радио- и телепищи, что читатели и зрители, как наркоманы, уже не могут без нее, непрерывно ее глотают, койкак переваривают и испражняются ее остатками на историю Отечества.

Русские — трусы? Ну, ребята... Непрístupный Измаил брали, конечно, нерусские. Шестая рота псковских десантников могла уклониться от боя с бандитами, которых было многократно больше?..

Русские — воры? Да в России ли вы живете? Кто вас обирает, обкрадывает, кто придумал воровство приватизации? Лично я выросал среди селений, избы которых не знали замков. Войдешь — хозяев нет, напьешься воды и идешь дальше.

Стукачи? Нет, во все времена внедрялись в русскую жизнь чужаки. Слухачи, доносчики сочиняли нужные властям сведения на того, на кого указывали. Почему же Ленин и Троцкий после захвата России торопливо заставляют еврейских комиссаров и вообще евреев брать русские фамилии, почему же убийственные декреты об уничтожении священства и русской интеллигенции подписывает русский выкрест Калинин?

Увы, не всегда у нас в первых лицах России были Александры Невские. Но не хочу и против любых властей ничего говорить. Чтоб было понятнее, спрошу, нужна ли власть? Да, нужна. Пусть плохая, но она лучше анархии. Но чтобы трястись перед ней как осинке? Ни за что. Лишаете меня должностей, привилегий, плевать! Отлично помню, не выдумал же я, переделку многих официальных лозунгов и идеологических штампов. Сталин сказал: “Жить стало лучше, жить стало веселее”, тут же мгновенно пошла в разговоры переделка: “Жить стало лучше, жить стало веселее, шея стала тоньше,

но зато длиннее”. Конечно, не орали на площади, но в общении меж собой такие шутки были повсеместны. Или этот масонский лозунг, мечтание большевиков о мировом пожаре: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”, и все знали его продолжение: “...ешьте хлеба по сту грамм, не стесняйтесь!”. А уж про серп и молот шутки были похлеще. “Это молот, это серп, это наш советский герб, хочешь жни, а хочешь куй, все равно... ничего не получишь”. Или элегическое: “Ну, зачем, скажи мне, Петя, если так живет народ, по долинам и по взгорьям шла дивизия вперед?”

А частушки? Боже ж ты мой! В какие же, по мнению либералов, глухие времена культа личности слыхивал я и певал лихие куплеты, например: “Ленин Троцкому сказал: “Пойдем, милый, на базар, купим лошадь карию, накормим пролетарию”. Или: “На бочонке я сижу, под бочонком кожа. Сталин Троцкому сказал: “Ты жидовска рожка”. Кожа тут, конечно, только для рифмы. Или предсказание: “Эх, кАлина, эх, МАлина, убили Кирова, убьют и Сталина”.

В открытую анекдоты о властях начались... да, со Сталина. И частушка была, которую, думаю, вождь знал: “Сидит Гитлер на березе, а береза гнется. Посмотри, товарищ Сталин, как он навернется”. Это из серии: “Сидит Гитлер на березе...”, дальше, например, — “плетет лапти языком, чтобы вшивая команда не ходила босиком”. А уж про Никиту анекдоты травили по всем райкомам и обкомам. Он их и сам любил. К нему часто ходил первый председатель Союза писателей России Леонид Соболев, он перед визитом требовал у подчиненных вооружить его анекдотами: “К Никите иду, с порога спросит”. Брежнев умирал под анекдоты о своем маразме. “Крупская спрашивает: “Леонид Ильич, вы помните моего мужа?” — “Товарища Крупского? Ну, как же, как же”. А уже сменяющиеся часто Андропов, Черненко и анекдотов не заслужили. Нет, вспомнил один про Андропова. Ему докладывают: “Мы создаем камерный оркестр. — На сколько камер?” А Ельцина и Горбачева и без анекдотов за правителей не считали. Соотношение личности и истории надо выверять применительно к духу народа.

Недавно, на Северном Кавказе, один горец говорил мне: “Люблю тебя, другому не скажу. Вы, русские, всегда не умели жить, и всегда вами командуют. То варяги, то монголы, то немцы, то большевики, то коммунисты, сейчас евреи. А вы хороший народ, мы вас выручим, будет большой, во всю Россию, халифат”.

Кавказец точно заметил: мы не то чтоб не умеем, но не любим командовать. Даже начиная со школы. Сидишь на классном собрании и под парту лезешь, чтобы никаким звеньевым не выбрали. Но что сие означает? Когда надо — у нас и Суворовы находятся, и Ушаковы, и Нахимовы, и Денисы Давыдовы.

НА ПРИЧАЛЕ В ХАНОЕ

Американским воякам во Вьетнаме привезли для их обслуживания проституток. Целый корабль. Корабль потом понадобился для вывоза наворованного, а проституток просто оставили. Они быстро оголодали, оборвались. Предлагали себя вьетнамцам, те их гнали от себя, били. Наши с ними тоже не общались, но по-человечески, по-русски, жалели. Давали еды. Даже заранее побольше готовили, зная, что проститутки придут.

— И вот интересно, — говорил мне свидетель этого факта, — ведь были же среди них и привлекательные, на все готовые, но представить, чтобы вот я или вообще любой из нас позарился бы на них после американцев, ты что!

Тут есть над чем подумать.

ВЫПАЛО ИЗ БУМАГ

В завалах записей, которые уже бесполезно разбирать, все же встречаются иногда какие-то листочки, которые немного жалко. Вот этот листок, совсем истертый. Он — один из нескольких, которые исписал большим белым стихом об ораторах перестройки. Помню позыв к этому стиху — по телевизору настойчиво показывали “Броненосец “Потемкин”, который, как представили вначале, “является лучшим фильмом всех времен и народов”. Прямо Сталин какой-то киношный. Фильм, конечно, более чем простенький, заказной, лизоблюдский перед большевиками. Ну, лестница, ну, коляска. Но стал читать титры. Интересно. Матрос говорит священнику: “Отойди, халдей”. Далее омерзительный кадр — православный крест втыкается в палубу. Но зачем я о фильме? Титры в нем меня насмешили. Цитирую: “Охрипшие от непрерывных речей глотки дышат трудно и прерывисто”. Я без сожаления переключился на другие телеканалы. И на всех были такие же революционные глотки. Особенно надрывались и учили нас жить приехавшие миссионеры. Ради улыбки я тут же и написал стих “Охрипшие глотки”. Жаль только, сохранился один еще читаемый (вытертый карандаш) отрывок — листочек. Может, когда найдется и остальное.

*Все по кругу кричат — выражаются, обсуждают, склоняют Россиюшку.
И кричат тут писцы израИльские. К ним пристали, примкнули, примазались
Удалые спецы словоблудия, докторанты школ демагогии, и схоластики,
и софистики,*

*Ай, велики мужи болтологии. Ай, любители все словопрениев.
Хлебом их не корми, дай трибунничать. Дай ты им дураков околпачивать,
На критическом вече покрикивать и барыш на сем крике наращивать.
Вот зачали зомбировать зрителей языков своих долгодлинием,
Да заморских мозгов производством. — Что ни брякнут, всё им мы не по
сердцу,
Что ни сбредут — всё против России то.
Прибежали хохлы им подвякивать, приезжали поляки подвизгивать...*

Пустьячок, конечно. Но уж очень тогда, в конце 80-х, начале 90-х, навалились на нас общемировые ценности. А по мне, где общемировое, там и масонское, а где гуманитарное, там нравственный фашизм. Это же всё без Бога, а значит, бесчеловечно.

ВЕЧЕР НА ДВОРЕ

Последние десятилетия меня постоянно не то чтобы уж очень мучают, но посещают мысли, что я, по слабости своей, как писатель сдался перед заботами дня. И не то чтоб исписался, а весь как-то истратился, раздергался, раздробился на части, на сотни и сотни вроде бы необходимых мероприятий, собраний-съездов-заседаний-пленумов-форумов, на совершенно немыслимое количество встреч, поездок, выступлений, на сотни предисловий, рекомендаций, тысячи писем, десятки тысяч звонков, на все то, что казалось борьбой за русскую литературу, за Россию. Разве такая жизнь помогает спокойствию души, главному условию сидения над бумагой?

Немного утешала мысль, что так, по сути, жили и сотоварищи по цеху. Слабое утешение слабой души. Всё почти, что я нацарапал — торопливо, поверхностно. Когда слышу добрые слова о каком-либо рассказе, написанном лет сорок назад, кажется, что говорят так, жалея меня, сегодняшнего. Похвала давно угнетает меня. Быть на людях, быть, как говорят, общественным человеком очень в тягость. Ощущение, что поверили не мне, а чему-то во мне, что могло им послужить. Вот обманываю ожидания.

Ну, чего теперь, поздно. Во всех смыслах: вечер на дворе. Унывать — грех. Живу с Господом. Но мог бы жить с Ним и без литературы. Она что — миссия?

Умение писать — средство передачи сведений. А посягнула на жизнь души. Еще и уверяю себя и читателей, что литература — способ приведения заблудших к Богу. А сам я не заблудший в этом выражении? Кого надо, Бог и без меня приведет.

В самом деле, зачем литература? Есть же Евангелие. Творчество — гордыня, даже Богоборчество. Как и вся цивилизация. Один Творец — Господь.

Нечего сказать, веселые мысли. Это я использую данную мне свободу выбора. Но когда я был совсем крохотным и рассуждал по-детски, кто же мне внушил мысль о писательстве? Отец гордыни диавол. Скольких он погубил мечтами о славе, о деньгах. И разве я не мечтал о славе? Еще как. “Желаю славы я, чтоб именем моим...” и так далее, так что не один я такой. Но это отрочество, юность, потом пошло на поправку, ибо жизнь двигалась и убеждала в бесполезности известности. И прошла. И нет же во мне ощущения, что прожил зря. Плохо, грешно, торопливо, да. А могла быть другая жизнь? Могла. Но что себя тиранить? Не ушел в монастырь — уже семья была, ее любил, не перестал писать — уже привык и, значит, Бог так судил. Так что доживай и не мучайся. Выяснение отношений ухудшает их, а самокопание угнетает.

То, что пытаюсь выразить, поможет высказать утренняя молитва, в которой слова прямо ко мне относящиеся: “Сподоби мя, Господи, ныне возлюбити Тя, якоже возлюбих иногда той самый грех; и паки поработати Тебе без лени тощно, якоже поработах прежде сатане льстивому”. А уж и поработал, аз грешный, этому льстивому. Когда, в чем? Да во всем. Но книга моя — не церковь, читатель не священник, а я не на исповеди. Грешил и цеплялся для оправдания за слова “все грешат”.

Но то-то и оно, что не все, то-то и оно, что за других с нас не спросят, спросят отдельно с каждого. “И другие грешили? А что тебе до других. Их тоже спросят. Ты отвечай, почему именно ты грешил?”.

В НИКОЛЬСКОМ

Вот вырвался в Никольское. Тридцать пять лет назад, когда впервые его увидел, было село, сейчас часть города, называется это: зона ближайшего Подмосковья. Спасли мои полдомика соседняя церковь и кладбище при ней, спасибо могильным крестам.

И уже лет двадцать в округе режут бульдозеры, ухают ногами забивание свай, горят в ночи огни высоченных кранов, рвут тишину и портят воздух цементовозы. Но другого пристанища для убегания из нервной трясушки Москвы на день, на два уже не будет. Тут и скворчики мои, тут и цветы-кусты, тут и баня. Тут и диван. На котором лежу и протягиваю наугад руку к книжным полкам. Северянин. Никак не соберусь написать о нем, уже и не соберусь — по слабости своей наобещал статей и предисловий. “Когда мадеру дохересит... когда свой херес домадерит”, умел Северянин заставлять существительные работать.

И вот в его стиле написалось и у меня такое на тему своей жизни:

*Как будто и не жил, натурил
И свое счастье упустил.
Сам виноват — литературил:
Рассказничал, миниатюрил,
Рецензичал и предисловил,
И постоянно празднословил,
Статейничал и повестил,*

*И ни семьи не осчастливил,
И состоянья не скопил.
Что ж, присно каюсь — сам виновен,
Что гибну под лавиной строк.
Но, может, путь мой был духовен,
И, даст Бог, оправдает Бог?*

Вот только на это и надеюсь, на оправдание. Жизнь моя так крепко срослась с жизнью России, что я не могу уже ни о чем писать, кроме как о своем Отечестве. Но так может писать и историк, и философ, а я-то числюсь по разделу изящной словесности. Да, кажется, есть чем отчитаться перед Всевышним: боролись за чистоту российских вод, за спасение русского леса, за то, чтоб не было поворота русских рек на юг, за преподавание “Основ православной культуры”... боролись же! Крохотны результаты, но уходило на борьбу и здоровье, и сама жизнь. Обозначено же в алтаре храма Христа Спасителя то, что и аз грешный начинал возрождение его. Вот и награда Церкви — орден. И можно внукам показать.

Но и что? И золотятся купола, и издается Священное писание, и труды Отцов, и все доступно, а Россия гибнет. Нет, нет нам оправдания. Мне особенно.

Сын невенчанным живет, это ли не страдание, это ли не грех!

РАДИ УЛЫБКИ

Служил я три года в нашей победоносной Советской армии, и никакой дедовщины и видом не видывал. Ну да, были и старики, были и салаги, естественно. Но чтобы старослужащие издевались над новобранцами — никогда! Знаю, что говорю, я дослужился до старшины дивизиона. Вот составляю я наряды, решаю, кого куда послать. И, конечно, не могу же своих одногодков на третьем году службы загонять в кочегарку или судомойку. На это салаги есть. И это, согласитесь, более чем естественно.

Но одну весьма милую армейскую шутку вспомнил, когда дети спросили: А какие у вас были раньше первоапрельские шутки? Тут я строго ответил, что первое апреля — это начало недели перед Благовещением, это время Великого поста, какие тут шутки? Но вспомнил розыгрыш из армейского времени и с удовольствием рассказал. И коротко запишу.

В дивизион осенью пришло пополнение — хлопцы с Западной Украины. Ребята на службу рьяные, особой возни с ними у сержантов не было. Даже до сих пор некоторые фамилии помню: Доть, Аргута, Коротун, Титюра, Балюра, Мешок, Муха, Тарануха, Поцепуха. Так я их тройками и запоминал, так и в наряды наряжал. Нормальные хлопцы. Одним только от наших, вятских, отличались — сильно любили поощрения.

— Товарищ старшина, вы же ж сами дуже хвальны были за наряд по кухне.

— И шо ж с того? — спрашивал я.

— Тады же ж мабуть благодарность перед строем треба размовить.

— Мабуть иди, — сурово говорил я. — Награды в нашем славном ракетном дивизионе не выпрашивают, их, когда надо, дают. И, когда надо, вы их получите. Ясно? Или це дило тобі треба розжувати? На твоей ридной мове?

И вот мои сержанты-третьегодники (мы служили по три года) задумали на первое апреля нижеследующую шутку.

Они пошли, тайком от меня, в штаб к знакомой машинистке, встали на колени и умолили ее напечатать на чистой странице, даже не на служебном бланке, приказ о досрочном присвоении звания ефрейтора всем нашим первогодкам. “В связи с тем, — значилось в приказе, — что нижепоименованные рядовые показали себя образцовыми в воинской и политической подго-

товке, в дисциплине, в несении нарядов по внутренней и караульной службе”. Сержанты поклялись машинистке, что никто из офицеров этого листка не увидит, что его вернут ей и при ней уничтожат. Парни были огневые, красавцы: Толя Осадчий из Киева, Леха Кропотин и Рудик Фоминых из Вятки, уговорили. И листок, как обещали, потом вернули.

Звание ефрейтор — первичное, одна лычка на погонах. Дальше идут младший сержант — две лычки, просто сержант — три лычки, старший сержант — одна широкая и так далее. Прапорщиков при нас не было.

Обычно после ужина я убежал в библиотеку, оставляя дивизион на дежурного. Если что, меня всегда знали, где искать. Сержанты привели дивизион с ужина и, не распуская строя, объявили, что поступил приказ об очередном присвоении воинских званий, что его торжественное оглашение будет завтра на общем построении, но надо к этому оглашению подготовиться, то есть пришить лычки. Тем, кому звания присвоены.

— С приказом можно ознакомиться в Ленинской комнате на Доске почета.

Почему на Доске почета, а не у тумбочки дневального, это тоже было продумано: не хотели подставлять ни дежурного, ни дневального.

Строй распустили, все кинулись читать приказ. Радостные крики оглашали казарму. Парни мои объясняли, что это такая особая честь нашему дивизиону, а мы и правда только что хорошо провели учебные стрельбы, что, конечно, это редкость редчайшая, чтобы военнослужащие получали звание так быстро, но тут особый случай.

Словом, сели салаги за иголки и нитки. Лычки им отмерил каптенармус Пинчук. Погоны новые выдал он же. Он же и собрал вскоре эти погоны, но уже с пришитыми лычками. Сказал, что раздаст утром, на построение.

Никто не заметил, что к ночи приказ исчез с доски. И я, прибежавший проводить отбой и читать наряд на завтра, о нем и понятия не имел.

Вообще, я потом даже сетовал парням, что меня не ввели в курс розыгрыша, но парни объяснили, что не хотели меня подводить. И не подвели. Утром, после завтрака, перед построением сержанты вызвали меня в Ленинскую комнату и ввязали во всегда непростое распределение нарядов на будущую неделю по батареям и взводам. Время летело. Я посмотрел на часы и отошел от бумаг:

— Крикните дежурному: выходи строиться.

Вскоре дежурный заскочил в дверь:

— Старшина — комдив!

Выйдя на крыльцо, я привычно и мгновенно посмотрел на выровненные по белой линии носки начищенных сапог, скользнул взглядом по гимнастеркам, заправленным в ремни, по блестящим бляхам, по головным уборам и скомандовал:

— Дивизион, р-р-р-р!... Ир-но! Равнение направо!

И четко, по-строевому, пропечатал несколько шагов навстречу нашему подполковнику.

— Тарщ подполковник, вверенный вам дивизион на утренний осмотр и развод построен!

И увидел вдруг взгляд подполковника. Он смотрел с каким-то недоумением, но не на меня, на выстроившихся солдат. Я невольно тоже поглядел и... и чуть устоял — в первом ряду стояли сплошь ефрейтора. Все в новехоньких погонах, все очень радостные. Они были готовы гаркнуть: “Служим Советскому Союзу!”.

— Это кто у тебя в строю? — ласково спросил комдив.

— Понятия не имею, — искренне ответил я.

— А сам ефрейтором быть не хочешь? — поинтересовался комдив.

А дальше? Дальше пошла разборка. Таскали к комдиву и сержантов, и “ефрейторов”. Все честно говорили, что был приказ. Был. “Вот утюточки, урамочке”. И все это подтверждали.

Но уже во всей части шел такой хохот, так всем понравился наш розыгрыш, что, конечно, было глупо истолковать его как преступление или тому подобное. Дежурному сержанту вклеили внеочередное дежурство, только и

всего. Это ж в тепле, в казарме — это не караул, не круглосуточное бдение на позиции. Я сказал комдиву, что буду рад ефрейторскому званию и тому, если с меня снимут хомут старшины. Тем более, у меня шел последний год службы, я начинал готовиться к приемным экзаменам в институте.

Мы думали, что и “ефрейтора” не будут обижаться. Но вот как раз они-то и обиделись. И то сказать — только что приятно ощущали на погонах лычки — и нет их, сами же и спарывали. Даже сфотографироваться не успели.

— Кляты москали, — возмущались они.

Но мы не обижались. Я вообще искренне думал, что меня это прозвище возвышает. То все вятский был, а тут уже и москаль. Не так себе. Такое было армейское первое апреля.

НЕ О ТОМ ДУМАЮ

В старости я дожил до унижительного состояния постоянных мыслей о том, где взять денег. Журналы, газеты, меня печатающие, гонораров не платят, сами нищие. Может, тысячу в среднем в месяц “Русский дом”, и всё. Радио, телевидение — от них ни копейки. Какие-то грошики подкинула пара сайтов, и всё. Последние книги не дали почти ничего.

Проснулся, лежу и соображаю: а ведь я в советские времена был как фабрика для своего государства. Такие доходы ему давал. Например: идет книга, тираж 50, 100, 150, бывало и по двести, и по триста, и по пятьсот тысяч экземпляров тираж. Мне дают за авторский лист рублей триста, может, больше, тут сложная механика расчетов, но платили же. Но мой гонорар был ничтожен по сравнению с деньгами, которые получали государственное издательство и государственная книжная торговля. А “Роман-газета”? Там вообще тиражи зашкаливали. Допустим, стоит выпуск для читателей рубль, а их откатали три миллиона. Автору сунут пять тысяч, и гуляй. Но пять тысяч — это очень неплохо, ибо картошки килограмм стоил десять копеек, а семью на юг повезти, даже и с тещей, можно было и за тысячу.

Так вот, теперь это же, пусть видоизмененное в области правления, государство оказалось очень неблагодарным. Я его озолотил, а оно меня обездолило. Пенсия ничтожна, хотя стаж, даже официальный, при выходе на нее у меня был сорок пять лет, и так мизерна, что стараюсь в сберкассе не идти хотя бы месяца два-три, чтоб чего-то подкопилось. А на что живу? Сам не понимаю. Пригласили куда-то, читал лекции, чего-то заплатили, так примерно. На шее у жены сижу. Тоже унижительно. Идешь к внукам: “Дедушка, а ты что нам принес?” И в самом деле хочется их всегда чем-то порадовать.

О-хо-хо. Задремываю. И в тонком сне представляется вдруг, как меня объедают могильные черви. Начиная со ступней и продельвая в них бороздки. Освобождают мой скелет от мягких тканей. Даже, кажется, переговариваются и советуют друг другу, где вкуснее объедать. И ловко же движется у них дело.

Просыпаюсь, вначале в ужасе крещусь, а потом думаю: “Слава Богу, вот ведь как благотворно меня Господь поправил, вот ведь о чем надо думать, а ты о деньгах да обидах на государство, оно столько раз уже умирало и отмирало, а Россия жива, жива твоя душа. Слава Богу!”

А о книгах тоже договарю. Бывал в книжных хранилищах, видывал книги, в которых многоходовые катакомбы сделали очень живучие книжные черви. Небось, они, черви, и книжные и человеческие, встречаются на своих симпозиумах и обмениваются опытом поедания. И авторов, и их произведений.

ПЕТУШИНЫЕ КРИКИ

Все люди, все до единого, те, кто вышел из сельской местности, а теперь живущие в городах, вспоминают детство. Оно им снится, о нем они любят говорить. Рыбалка, река, сенокос, лыжи зимой, санки. Сияние полной луны над серебряным снежным покровом. Запах дыма от русских печей, что говорить!

Один большой начальник особенно тосковал по петушину пению. Дети его просили купить им попугая. Он купил. Попугай оказался очень способным к обучению. Когда начальник поехал в отпуск навестить старуху мать, то взял с собой клетку с попугаем. В деревне он поместил попугая в курятник, и попугай в два дня выучился кукарекать.

И теперь он живет в Москве и кукарекает. Вначале мешал спать, ибо, по примеру сельских своих учителей, кричал на заре, и его клетку стали накрывать. Тогда он приспособился кричать днем и вечером. Так и живет. Кому-то напоминает деревню, а кому-то евангельского петуха, который дважды успел прокричать в то время, в которое апостол Петр трижды отрекся от Христа.

Конечно, наш попугай, играющий роль петуха, будет кукарекать долго и обязательно переживет своих учителей, ибо им до старости дожить не суждено.

ГРЕЧИХА

Вот одно из лучших воспоминаний о жизни.

Я стою в кузове бортовой машины, уклоняюсь от мокрых еловых веток. Машина воет, истертые покрышки, как босые ноги, скользят по глине.

И вдруг машина вырывается на огромное, золотое с белым, поле гречи-хи. И запах, который никогда не вызвать памятью обоняния, теплый запах меда, даже горячий от резкости удара в лицо, охватывает меня.

Огромное поле белой ткани, и поперек продернута коричневая нитка до-роги, пропадающая в следующем темном лесу.

РЕКА ЛОБАНЬ

До чего же красива река Лобань! Просто как девочка-подросток играет и поет на перекатах. А то шлепает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-и-мачехи, а то прячется среди темных елей. Или притворится испуганной и жметя к высокому обрыву. Но вот перестает играть и заботливо поит корни могучего соснового бора.

Давно сел и сижу на берегу, на бревнышке. Тихо сижу, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся. Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что прямо чуть не засыпаю. Слышу — к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла сзади корова и щиплет траву.

Корова входит в воду и долго пьет. Потом поднимает голову и стоит неподвижно, и смотрит на тот берег. Колокольчик ее умолкает. Конечно, он надоел ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит к воде лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней выбегает лосенок. Я перестаю дышать. Лосенок лезет к маминому молочку, но

лосиха отталкивает его. Лосенок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде. Она после мамино молочка не очень ему нравится, он фыркает. Все-таки он немного пьет и замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосенок пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий, холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на ее берегах.

Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длинный, и надо много сапогов сносить, пока дойдешь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге — матери русских рек, потом будут ее дочки: сильная суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь — Лобань.

Вы поднимаетесь по ней, идете по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи, через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берез и осин и вот выходите к тому бревнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и всё. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь по середине Лобани и будут забывать о своих делах, засмотревшись в ее зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду.

Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая красивая, спокойная, добрая.

И вот такая течет по ней река Лобань.

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

НО ВСЁ ЖЕ БЫЛ СЧАСТЛИВ ВПОЛНЕ...

* * *

Был когда-то таким молодым
Я в своем захолустном селенье,
Что серьезно и вовсе не “в дым”
О бессмертье мечтал — и не менее.

Вечным стать. Но не как Вечный Жид
Иль Кошей (тоже вроде бы вечный),
А путем, что от века лежит
Через слово к сердцам человечим.

Пусть не очень кудряв и красив,
Но народен от пят до макушки,
Верил я: буду и возносим,
И любим, как Есенин и Пушкин...

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края, в старообрядческой крестьянской семье. В разных вузах окончил факультеты истории, филологии и экономики. Окончил Красноярский пединститут и журфак Высшей партийной школы в Новосибирске. Работал учителем, журналистом. Автор нескольких книг поэзии и прозы, изданных в Красноярске и Москве. Печатался во многих журналах СССР и России. В “Нашем современнике” выступал со стихами и рассказами. Член Союза писателей России, ныне возглавляет Красноярское отделение СП. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Красноярске.

Да, смешно. Только я не о том.
Вы скажите, откуда все это:
Глушь, деревня, нужда с темнотой —
И мечта стать бессмертным поэтом?

БЛАГОДАРЕНИЕ СЕЛУ

А мне после горькой утраты,
Неправой молвы и суда
Иной не бывало отрады,
Как вновь возвращаться сюда,

Где столько простора и света,
И вечной лесной тишины.
Все люди видны и предметы,
И все отголоски слышны.

Отсюда все наши интриги
Казались мелки и пусты,
Как наши бескрылые книги,
Бескровные наши холсты.

Здесь пела мне песни овсянка
На чистом родном языке,
И был я для всех просто Санька,
Который свихнут на стишке.

Не видел я сельских идиллий,
Но все же был счастлив вполне.
Меня если люди судили,
То с явным сочувствием мне.

Мол, слишком неловкий и гордый,
И чин потому небольшой.
Носился, как с писаной торбой,
Всю жизнь со своею душой.

* * *

Куда вы так летели,
Мои года и дни?
В глазах, как от метели,
Лишь промельки одни.
Уже без упований
Полет ваш приструнить
Ищу я между вами
Связующую нить.
Пытаюсь поразмыслить
Об этом и о том,
О дыме коромыслом
И о душе винтом.
О юности беспечной,
О старости смурной
И, наконец, о вечной
О жизни внеземной.
С небес не жду потачки,

Едва ли заслужил.
В грехах, как пес бродячий
В репейниках, прожил.
Ну, разве только будет
Отпущен лишний балл
За то, что в грех иудин
Я все-таки не впал...

НАСЧЕТ РАЗВОДА

Бывают такие, бывают
Моменты почти каждый год,
Когда я в душе затеваю
С дражайшей своею развод.

Впряжет, как при матриархате,
Словцом стеганет, как хлыстом, —
И скрипнешь зубами: “Ну, хватит!
Уйду, пожалеешь потом!”

Я вынес бы всю процедуру,
Позор пережил и беду...
Но где еще русскую дуру
Таковую на свете найду?

СЕРГЕЙ БУЗМАКОВ

ОДИНОКАЯ ИГРА

РАССКАЗ

Было начало мая, и я играл на погребе в войну.

В отличие от лапты, чехарды, выбивалы, прятки, догоняшек и прочих игр, в войну я любил играть один и быть хозяином во всем. Я был полководцем и рядовым, нашим и фрицем, в моем распоряжении был целый арсенал: винтовки Мосина и автоматы ППШ, “шмайссеры” и зенитки, гаубицы и гранаты, истребители и бомбардировщики, танки и автомобили — звуки, взрывы, выстрелы которых я старательно имитировал голосом. Выпуклая же поверхность погреба, находящегося в углу нашей большой ограды, была высотой “...у незнакомого поселка, на безымянной высоте...”, где и разворачивались сражения.

В самом начале игры я уточнял хронологию — когда это происходило, да и вообще стремился к частым ремаркам и повествовательности, правда, наказывал себе: в пылу боя не раскричаться сверх меры — не привлечь внимания окружающих. Мне было стыдно за такую одинокую игру, но какое-то азартное ощущение было во мне в такие минуты.

Происходило это примерно так.

БУЗМАКОВ Сергей Валентинович родился в 1964 году в селе Березовка Тюменцевского района Алтайского края. Выпускник исторического факультета Барнаульского государственного педагогического института. Служил в Советской армии, работал учителем в школе, корреспондентом краевых и городских газет. Автор книг прозы: “Напиши мне письмо”, “Нагорные записки” и других. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Член Союза писателей России. Живет в Барнауле.

...Июль сорок первого. Лесная пыльная дорога. Полуторка. В кузове 12 бойцов. В кабине с шофером (я рулю) капитан — усталый, в выгоревшей на солнце гимнастерке.

— Эй! Эй! Стойте! Подождите! — раздаются крики со стороны.

— Ну-ка, притормози... — Капитан высовывается из кабины — из кузов к дороге бегут красноармейцы.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться! — Руку к виску, на голове пилотка (выклянчил в прошлом году у солдат, приезжавших к нам на уборку урожая). — Сержант Ляхов, 3 рота 215 пехотного полка. Выходили из окружения, напоролись на танки... Командир, политрук, взводные убиты, в моем подчинении шесть бойцов.

Капитан, изучив документы:

— Оружие имеется?

— Так, точно! 4 винтовки, станковый пулемет и с ним цельная лента, две гранаты... и вот автомат трофейный...

— Ладно, полезайте в кузов.

Мотор полуторки устало: ж-ж-ж-жу-жу...

Капитан:

— Так, значит, нас теперь двадцать один... Ну, ничего... выберемся... — обращается к шоферу. — Ты откуда, браток, родом?

— С Орловщины, товарищ капитан, колхоз "Слава труду".

— А... почти земляки, я из Липецка... Невеста, поди, есть?

— Так точно, есть.

— А у меня брат, жена, сыну три года... В отпуск ждали... у родителей моих живут...

— Немцы!!!

— Тормози, землячок! В сторону!

Рулю, отчаянно выкручиваю баранку вправо.

Немцы на мотоциклах: др-др-др!.. Длинная вереница.

— Ложись! — кричу за капитана. — Слушай мою команду! Без приказа огня не открывать! Патроны беречь! Гранаты на крайний случай!

— Хенде хох! Русиш швайне, сдавайсь! — меняю голос и гундосю.

— Огонь! — кричит капитан.

— Туф-туф-туф! — винтовки Мосина.

— Тыиф-тыиф... цийть-цийть... — фонтанчики песка, срезанные ветки.

— Туф-туф-туф!..

— А-а-а!.. Доннер ветгер! — знаю по фильмам это немецкое ругательство.

— Тыиф-тыииф-тыиифшшш... — противный стрекот "шмайссеров".

— Капитан! Капитан! Ранен? — не отвечает.

— Окружают! — кричит сержант.

Перебегаю от погреба к углу забора.

— Без паники! Патроны беречь! — раненый капитан, хромая, перебегает от дерева к дереву (от угла забора к курятнику). — Отходим! Сержант! Прикроешь! Положи их, гадов, к земле прижми и догоняй! Вот тебе гранаты.

— Понял, капитан.

Сержант ложится за станковый пулемет, раскладывает перед собой гранаты — два сосновых сучка, полая железная труба — станковый пулемет.

— Ту-ду, ту-ду... А-а!

Корчась от боли, оседает рыжеволосый Ганс, еще один нелепо взмахнул руками...

— Ту-ду-ду-ду...

— Пф! Пуфх! — немцы швырнули гранаты.

Сержант Ляхов оглушен. Пулемет заклинило. Я отбрасываю его в сторону...

Короткая пауза, тихо. Перевожу дыхание и становлюсь немцем:

— Иван! Сдавайся! Га-га-га! Вилазь, Иван!

— Ббухф! — сучок летит в сторону курятника, попадает в стенку.

— Ага! Взяли?! — немцы падают, потом поднимаются, идут ближе, ближе.

— Врешь! Живым не дамся! — встаю, рука за спиной, там граната.

Немцы ближе, ближе... Сытые рожи, воспаленные глаза...

— Ббухф!!!

Медленно оседаю, сучок-граната валяется рядом. Лежу на крышке погребца, небо, тишина, непрощенная курица заинтересованно косится на героя... Внутри меня музыка! — "...нас оставалось только трое из восемнадцати ребят..."

...Лесной овраг. Смеркается. Капитан, вокруг него оставшиеся в живых солдаты, курят в ладони (подобрал соломинку, мусолю жадно и украдкой). Капитан с планшетом на коленях (небольшая гладкая дощечка):

— Эх, сержант, сержант... Погиб смертью храбрых! И так, наша задача: к рассвету попытаться выйти к сороковому километру шоссе Минск—Бобруйск, там наверняка наши...

— Сынок! — мамин голос откуда-то из-за линии фронта. — Кушать пошли! Стынет все!

— Сейчас, мам! — надо же, как не вовремя!

...В 1975 году была радостная и погожая весна. С кем, впрочем, ни поговорю из старших товарищей, все про снег, выпавший на тогдашнее 9 мая, вспоминают. Но не помню я этого, не помню! Радостной и погожей, упрямо повторю, та весна мне запомнилась...

Снег сошел быстро, и тотчас без пасмурных пауз, дружно и уверенно стала пробиваться к свету зелень. словно сама погода понимала, что к чему: готовилась со всем честным людом отпраздновать тридцатилетие Великой Победы.

По телеку каждый вечер показывали фильмы про войну, глубоко волнуя меня, десятилетнего, и возбуждая. После них с особым воодушевлением устраивал я погребные батальи.

...Я готовился отражать очередную танковую атаку. Солдаты, переждав авианалет, поднимались со дна полубовалившегося окопа, отряхивались, занимали боевые позиции... Молоденький лейтенант горячился, кричал, потопливал... И стоп!

У калитки стояли запыхавшиеся, празднично одетые Мишка и Толик — мои одноклассники. Я сбежал с погребца и, стараясь как можно беззаботнее насвистывать, пошел к ним.

— Ты че, Серый, сдурул? Там же собрались, начало скоро, а ты? Полине Михалне (наша учительница) из-за тебя попало, злющая! Давай мигом!

Екалэмэнэ! Совсем завоевался! Ведь сегодня "там", то есть в клубе, торжественный вечер в честь Дня Победы, который наступит завтра. Сначала торжественное собрание, потом концерт, а в концерте главная ударная сила — мы, школьники. Скорее! Умываюсь. — "Шею лучше мой!" — покрикивает мама, белая рубашка, отутюженные заранее брюки, пионерский галстук... Скорее! Бегом, бегом! Только пыль столбом да злость на самого себя: как же это я забыл? Ведь предупреждали, говорили: собираемся за два часа до начала — еще раз прорепетируем... Мама больше меня разволновалась, расстроилась — вот так сынок! Отчебучил, даже прибежали за ним.

Клуб — кирпичное, оштукатуренное и побеленное здание, приземистое, с узкими серыми окнами, сгнивший в некоторых местах пол и не соскребаемая часть богатейшей коллекции автографов на стенах. Репетиция заканчивалась. Стыдно мне было, извинился, чтобы вину загладить, старался всюю, читая отрывок из "Василия Теркина", а "свои слова" из общего приветствия декламировал так громко, что покраснел от натуги.

...Постепенно зал наполнялся.

На жесткие, обитые коричневым дерматином, в четырехместную обойму скрепленные сиденья поначалу расслаживались женщины с малыши ребятами да "белые вороны" из мужиков — к табаку равнодушные, большинство же дымило на воздухе перед входом, ждали до последнего, пока не выйдет заведующий клубом и не скажет, правда, перед этим тоже иссосав жадно папироску — день выдающийся, хлопотный, нервительный:

— Ну, пошли, мужики! Заходим, заходим...

Заходили, басовито галдя, посмеиваясь и перешучиваясь, принося с собой запах табака и солярки — снисходительной к мылу и одеколону. Мест для всех, как обычно в таких случаях, не хватало. Заносили в зал из небольшого фойе стулья. Заходили к нам, участникам концерта, в боковую от сцены комнату и тоже, после недолгих препирательств, забирали так нужные нам в это время стулья. Когда сидишь на стуле — не так дрожат ноги в коленках. И вот забирают. И стой, и пытайся сделать так, чтобы эту дрожь не заметили.

Я выглядывал в зал с каким-то непонятно-метительным желанием усилить трепет внутри себя. Народу!..

Неартистическая пацанва была согнана на пол, расположилась прямо перед сценой. А на сцене, за столом, покрытым красной скатертью, с неизменным граненым графином с водою (другой графин стоял на трибуне) и ведерком с цветами уже сидел президиум: директор совхоза, председатель сельсовета, секретарь парткома и фронтовики. Их, фронтовиков, тогда еще много было в живых, и потому в президиум приглашали тех, у кого путь боевой подлиннее, наград побольше.

Поднимался секретарь парткома, выжидал, пока стихнет гул в зале, и представлял слово для доклада председателю сельсовета. Председатель выходил к трибуне, и всем в зале сразу становилось видно, какой он здоровый, крупный, налитый силою мужик. Поскольку директор совхоза был далеко не оратор, а секретарь парткома имел голос не только тихий, но и с какой-то противной дребезжинкой, то на торжественных собраниях докладчиком всегда оказывался председатель сельсовета. Микрофон ему не требовался... Председатель откашливался, и его громовой, столь почитаемый испокон веков на Руси голос овладевал залом.

Начинал он по бумажке, склонившись над низкой для него трибуной, обхватив ее по бокам своими ручищами. Он читал, немного раскачиваясь из стороны в сторону, и, как всегда бывает, поначалу слушали его внимательно. Приятны, ласкают слух любые слова, цензурные, конечно, выстроенные в слитные предложения, даже самые затасканные, после тарахтения рева моторов, мычания коров и производственной лексики, славящейся, как известно, своей особостью.

Минут через пять председатель проехал кашлем, потянулся к графину, налил полный стакан и залпом выпил, крикнув по обыкновению, но несколько растерянно и удивленно, что, мол, за гадость влил в организм?

Такое его поведение послужило своеобразным сигналом и вызвало у мужской части зала самые приятные ассоциации. Они стали оборачиваться друг к другу, перемигиваться, зашептали басовито, стал слышен звон орденов и медалей. Пацанва на полу, не стесняясь близости к президиуму, и вовсе вступила в прыскающую, и даже с тумаками, перепалку. Только женщины дисциплинированно молчали, с напряжением глядявываясь в освещенное пространство сцены, да и то не все. Кто-то из малышни запросился по нужде и не внимал просьбам родителей о терпении до тех пор, пока не добивался своего и под укоризненно шепчущим конвоем продирался к выходу.

И у нас в боковушке тон брался все выше и выше, спадая лишь в те мгновения, когда секретарь парткома оборачивался и смотрел в проем двери, соединяющей боковую со сценой, взглядом, не сулящим нам ничего хорошего.

Докладчик, пытаясь выправить положение, стал прибегать к импровизации. Это несколько помогло. И закончил он так:

— Потому, товарищи, для всех нас праздник этот самый дорогой, самый... самый такой... (председатель потряс кулачищем). Подумайте, ведь 20 миллионов павших, а не сдались! До Москвы дошел враг, а мы его за шиворот — да до Берлина! Те, кто ровесники мои, помните? На быках пахали женщины, мы, ребяташки, лепешки из лебеды ели, да? И что — взял он нас, поработил?! Вот как ему вышло (кулак видоизменился в дулю). И сейчас много охотников поднять нас, америкашки, эти... узкоглазые... как кролики плодятся... Только ни... словом, ничего у них не получится! Как поговорка есть правильная: кто с мечом к нам придет, тот, стало быть, от меча и погибнет. И молодежь наша, что сейчас армию проходит, сколько писем

благодарственных родителям шлот, а? То-то же! Одним словом, товарищи, в заключение своей речи, доклада своего, разрешите от администрации совхоза, от себя лично всех вас поздравить с праздником, особенно наших дорогих ветеранов — и тех, кто на пенсии, и тех, кто работает по-прежнему. Долгих лет вам жизни пожелать хочу, здоровья и чтобы... в общем, всего хорошего вам всем!

И под дружные хлопки мозолистых ладоней председатель сошел с трибуны, сел в президиум и осушил залпом второй стакан.

Затем выступал дед Леша Гусятников, полный кавалер орденов Славы... Да какое там выступал!

Сказал, страшно робея, запинаясь, экая и мыкая несколько слов и — скорей к столу, от которого, впрочем, недалеко и отходил, не осмелясь штурмовать трибуну. Героев Советского Союза в нашей деревне да и в других входящих в совхоз деревнях не было, в районе — да, пять Героев, один из них Александр Грязнов, еще в самом начале войны заслужил посмертно, а у нас Героев не было, ну не было, так уж получилось, но полный кавалер орденов Славы — это о-го-го! Я уже разбирался, помешан был на истории войны, шпарил фактами и цифрами и знал: таких, как деда Леша, по стране всего-то около двух с половиной тысяч.

Вот он, дед Леша — один был в районе такой. И слово ему всегда первому из фронтовиков предоставляли. И всегда вот так выходило... А ведь он такой невзрачный и увальень с виду, пленил лично фашистского офицера, подорвал в одном бою три танка и уже в Пруссии умудрился захватить неприятельское знамя...

Сел на место деда Леша, и мне, сбоку смотревшему на него, подумалось, что вот сейчас, наверное, выговаривает он себе и за эту робость неискоренимую перед всякой кумачовой трибуной, а может, досадует, как можно, наверное, досадовать спустя тридцать лет: угораздило меня этим самым полным кавалером стать...

Я смотрел на все происходящее сбоку и, естественно, весь зал мне был не виден, только часть его, смотрел сбоку, издали, но казалось мне, будто витаю я над залом, смотрю, разглядываю жадно лица сидящих людей, моих земляков, всматриваюсь в них...

Я словно предчувствовал и недолговечность такого моего состояния, и следующие за этим какие-то недобрые изменения. А я не хотел изменений, никаких! Мне было странно как-то хорошо. Я был един со всеми сидящими в зале нашего клуба. Был частицей своего народа, пусть и слабенькой еще, с нередкими соплями под носом, боящийся темноты и вечеров с пьяным папой, но ЧАСТИЦЕЙ СВОЕГО НАРОДА.

Пусть будет так всегда, как сейчас, просто и хорошо. Просто — потому что все вместе, миром, без скандалов и вытрепонов. Хорошо — так как завтра Девятое мая и сегодня такое... такое распирающее душу предчувствие народного праздника, что все сразу путается, стоит только попытаться объяснить, что к чему...

...Среди выступавших фронтовиков бойчее всех был Кирилл Леонтьевич.

В отличие от деда Леша — неторопливого в движениях еще и потому, что этим пытался он скрыть свою хромоту, не врожденную, конечно, — Кирилл Леонтьевич был сухоньким, легким на подъем, с тем встречающимся в крестьянской среде навязчивым желанием выглядеть как бы поинтеллигентнее — как с виду, так и в разговорах, этим и объяснялась его страсть к вычурным и красиво-непонятым словам: “интенсивный”, “контингент”, “экспансия”. А действительно ли ему нужны очки, которые он беспрестанно то снимал, то надвигал на кончик носа, или же так — для форса? — подобное никто толком объяснить не мог.

— Ну! Этот счас поговорит! — посмеивались мужики.

Воевать Кириллу Леонтьевичу довелось уже в самом конце войны, в Румынии. Полк, в котором он служил, войдя в эту страну, там и остался. Это обстоятельство, конечно, влияло на воспоминания Кирилла Леонтьевича.

Вершиной устных мемуаров Кирилла Леонтьевича оказался случай, из которого выходило, что однажды он в одиночку пленил два взвода румын-

ских солдат... Однако Кирилл Леонтьевич скоро осознал, что хватил лишку и ловко перевел разговор к делам международным, разнеся в пух и прах политику стран НАТО.

После перерыва был концерт. Он запомнился мне как-то смутно. Помню только отчетливо, что, читая отрывок из “Василия Теркина”:

*...А боец зовет куда-то,
Далеко легко ведет.
— Ах, какой вы все, ребята,
Молодой еще народ, —*

я немножко досадовал на себя: голос мой, звонкий, мальчишеский, не подходил под тихо подыгрывающий баян. Жидковато получалось, но хлопали мне с удовольствием, кажется.

...Кончилось детство, настало прощание с пленительным таинством одинокой игры, — игры, где был я абсолютно искренен и счастлив. И оттого, может, трепетало сердце, что чувствовало: подступает, подкрадывается пора иных игр, в которые мы так самозабвенно играем всю жизнь. А может, тогда было больше на свете любви, честности и тепла, чем зависти, пошлости и обмана, и самого света больше было?

А потом? Потом что же? Что нас повернуло и кто память нам отшиб? Или сделал так: память — это одно, а дела и поступки — другое? И почему мы не захотели понять, прочувствовать — что же это была за война и что же это была за ПОБЕДА? Почему наша национальная северными ветрами и южными нашествиями созданная и проверенная на прочность, историей измеренная государственная крепь так легко истаяла в искрящемся карнавале чужеземных, заморских идеек и посулов? Почему?

Сейчас, когда рассуждают на полном серьезе говорливые мужи о том, что войну-то эту не мы выиграли, то есть кто это — мы?.. вы?.. — все спуталось, все смешалось... Словом, скорее проиграли войну-то...

А может, просто кора земная во всем виновата? Да-да, кора! Где-то она трещит, понимаешь, колебания разные, разломами зияет, а вот не захотела, закапризничала... и не разверзлась там, где надо, и не пустила к нам самого такого... из тех... братских могил... Посланца... и не вышел он к нам, и не крикнул, а что бы он крикнул, я точно, слово в слово знаю... крикнул бы он: “Что же вы, суки, нас предали?”

И без многоточий.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 19. “Орфеи сермяжные”

1918-м годом Есенин датировал своё, посвящённое Клюеву, стихотворение “Теперь любовь моя не та...”

*Теперь любовь моя не та.
Ах, знаю я, ты тужишь, тужишь
О том, что лунная метла
Стихов не расплескала лужи.*

*Грустя и радуясь звезде,
Спадающей тебе на брови,
Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.*

*И тот, кого ты ждал в ночи,
Прошёл, как прежде, мимо крова.
О друг, кому ж твои ключи
Ты золотил поющим словом?*

*Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.*

Стихотворение, по-своему, удивительное, и удивительнее всего в нём строки: “Ты сердце выпеснил избе, но в сердце дома не построил”. Это – об “Избяных песнях”, которые Есенин, как он сам писал и говорил недавно, – “ценит и признаёт”. Чего же стоит это “признание”, если “признаваемый” не может выстроить “дома” в своём “сердце”?

Ключ к этому стихотворению, и, в частности, к этим строчкам, мы находим, как это ни парадоксально, у Василия Розанова.

Для Есенина это имя на какое-то время стало путеводным.

“Есенин читает В. Розанова, — вспоминал Иван Грузинов. — Читает запомним. Отзывается о Розанове восторженно. Хвалит его, как стилиста. Удивляется приёмам его работы. Розанов в это время для него, как поветрие, как корь. Особенно нравились ему “Опавшие листья”.

Стоим под аркой в кафе “Домино”, под аркой, разделявшей “Домино” на два зала. Есенин упоминает об одной из книг Розанова.

Я спрашиваю его:

— А ты был, Сергей, знаком с Розановым?

— В Петербурге, когда я юношей приехал туда, я познакомился с Розановым. Розанову нравились мои стихи. Однажды Розанов, встретив меня, приласкал, как мальчика, погладил по голове и сказал: “Пиши, пиши! Хорошие стихи пишешь!”

По сути во влечении Есенина к парадоксалисту Розанову всё же не было ничего парадоксального. Не только “Опавшие листья” он штудировал в то время (Грузинов отнёс свои воспоминания к 1919 году, но пристальное чтение это началось раньше, в период запойной работы над “Ключами Марии”). И проинтерпретировал Сергей своего нового “учителя” совершенно нетривиально.

В книге “Среди художников” в статье, посвящённой сборнику сказок А. М. Смирнова-Кутачевского “Иванушка-дурачок”, Розанов дал замечательный по-своему портрет хрестоматийного героя русских народных сказок. “Что же такое этот “дурак”? Это, мне кажется, народный потаённый спор против рационализма, рассудочности и механики, — народное отстаивание мудрости, доверия к Богу, доверия к судьбе своей, доверия даже к случаю. И ещё — выражения предпочтения к делу, а не к рассуждениям, которые так часто драпируют собой тунеядство и обломовщину. Посмотрите-ка на дурака в работе, — хочется аплодировать...”

В слишком многих домах у русских всё доброе и крепкое принадлежит действительно “дураку”, то есть “придурковатому” сыну в ряду других детей, придурковатому “брату” среди способных братьев, но которые благодаря своей “талантливости”, во-первых, ничего не делают, а во-вторых, доходят до разных “художеств”, приводящих их даже в тюрьму. Эти талантливые “натуры”, очевидно, развалили бы весь дом — развалили и растащили, если бы не “дурак”, которому “художества” и проступки и на ум не приходят, который только ест и работает, — ну положим, как лошадь или корова (если случится быть “дуре-сестрице”, что случается). Но ведь и в дому крестьянском лошадь явно полезнее пьющего человека, озорного человека, лентяя-человека... В элементарной жизни, какова русская старая и русская деревенская до сих пор жизнь, “дурак” и всё множество действительных “дураков” играют огромную строительную и огромную сохранительную роль... И можно сказать, чуть-чуть преувеличив, что деревня только и живёт “стариками да дураками” среди склонной “закучивать” молодёжи и умников...”

А теперь вспомним письмо Есенина Иванову-Разумнику двухлетней давности, где Сергей подчёркивал, что назвал Клюева “средним братом... Значение среднего в “Коньке-горбунке”, да и во всех почти русских сказках — “так и сяк”...”

И лишний раз проакцентировал: Клюев “только изограф, но не открыватель”.

И получалось, что именно Есенин — в отличие от Клюева — “играет огромную строительную и огромную сохранительную роль”. И получалось, что прежний дом рухнул стараниями старших и средних “талантливых “натур”... При том, что к этому времени кардинально начал меняться сам есенинский образ жизни — и уж, скорее, Клюев мог бы поглядеть на своего “меньшого брата”, как на “пьющего человека, озорного человека, лентяя человека” (так и поглядит впоследствии). А для Есенина “всё доброе и крепкое” в его поэтическом хозяйстве — взято не просто из клюевских ларцов... Вынуто из клюевских рук, ослабевших и не могущих, в глазах “младшего”, удержать собственное сокровище, на осмыслении которого и выстроится гениальные “Ключи Марии” с отсылкой к Клюеву уже в самом названии трактата и примечании к нему: “Мария на языке хлыстов шелапутского толка означает душу”.

“Шелапуты”, с которыми встречался Клюев в Рязанской губернии и о которых рассказывал Есенину, не имели отношения к “хлыстам”. Их называли “шалыми людьми” за то, что они сторонились религиозной догматики, полагая: Бог создал всех равными, все мы его дети. Если человек поступает по

Божьим законам, значит, у него в душе рай и рай вокруг него. Если человек носит в душе ад – он разрушает гармонию и в себе и в окружающем мире. Они отличались чистотой нравов, трезвостью и трудолюбием.

Гармония души в орнаменте и слове – вот предмет пристального рассмотрения в “Ключах Марии” с проекцией её в будущий мир: “Будущее искусство, – писал Есенин, – расцветёт в своих возможностях достижений, как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего дерева, имя которому социализм, или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, где “избы новые, кипарисовым тёсом крытые”, где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сычёною брагой”.

Отталкиваясь от смысла, вкладываемого Клюевым в азбучные символы, воплощённого в “Поддонном псалме” (“Аз Бог Ведаю Глагол Добра – Пять знаков чище серебра; за ними вслед: Есть Жизнь Земли – три буквы – златом корабли, и напоследок знак Фитá – змея без жала и креста...”) – Есенин вкладывает в каждый из азбучных знаков свой смысл: “Начальная буква в алфавите **а** есть не что иное, как образ человека, ошупывающего на коленях землю... Буква **б** представляет из себя ошупывание этим человеком воздуха... Прочитав сущность земли и почувствовав над нею прикрытое синим сводом пространство, человек протянул руки к своей сущности. *Пуп* есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или ошупывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква... Волнообразная линия в букве Фитá (⊕) означает место, где оба идущих должны встретиться. Человек, идущий по небесному своду, попадёт головой в голову человеку, идущему по земле. Это есть знак того, что опрокинутость земли сольётся в браке с опрокинутостью неба...”

Беря из Клюева, можно сказать, горстями, используя читанное у него и слышанное от него, Есенин жёстко отодвигает своего учителя в прошлое, в пространство “слепоты нерождения”, поминая неявно Осипа Манделъштама с его “курчавыми всадниками”, бьющимися “в кудрявом порядке” и явно – Обри Бердслея, чей рисуночный абрис воинов, вправленных в растительный орнамент, в самом деле напоминал вьющуюся виноградную лозу, увешанную гроздьями: “Художники наши уже несколько десятков лет подряд живут совершенно без всякой внутренней грамотности. Они стали какими-то ювелирами, рисовальщиками и миниатюристами словесной мертвенности. Для Клюева, например, всё сплошь стало идиллией гладко причёсанных английских гравиюр, где виноград стилизуется под курчавый порядок воинственных всадников. То, что было раньше для него сверлением облегающей его коры, теперь встало вставкой в эту кору. Сердце его не разгадало тайны наполняющих его образов, и вместо голоса из-под камня Оптиной пустыни он повеял на нас безжизненным кружевным ветром Обри Бердслея, где ночи-вставки он отливает в перстень яснее дней, а мозоль, простой мужичий мозоль, вставляет в пятку, как алтарную ладанку. Конечно, никто не будет спорить о достоинствах этой мозаики. Уайльд в лаптях для нас столь же приятен, как и Уайльд с цветком в петлице и лакированных башмаках. В данном случае мы хотим лишь указать на то, что художник пошёл не по тому лугу. Он погнался за яркостью красок и “изрони женьчужну душу из храбра тела, чрез злато ожерелие”, ибо луг художника только тот, где растут цветы целителя Пантелимона”.

Жизнь человеческой души, образы, рождаемые душой, – вот что главное для Есенина. “Слышу твою душу”, – вспоминались ему слова Клюева, и оказывалось, что тайна есенинской души ныне недоступна для Николая. И получалось, что один Есенин способен “слышать царство солнца внутри нас”, что он “разгадал тайну наполняющих его образов”, ибо “человеческая душа слишком сложна для того, чтобы заковать её в определённый круг звуков какой-нибудь жизненной мелодии или сонаты. Во всяком круге она шумит, как мельничная вода, просасывая плотину, и горе тем, которые её запружают, ибо, вырвавшись бешеным потоком, она первыми сметает их в прах на пути своём. Так на этом пути она сметла монархизм, так рассосала круги декаданса, импрессионизма и футуризма, так сметёт она и рассосёт сонм кругов, которые ей уготованы впереди”.

Клюевский “круг” разорван, и сам клюевский образ, оказывается, “построен на заставках стёртого революцией быта. В том, что он прекрасен, мы не

можем ему отказать, но он есть тело покойника в нашей горнице обновлённой души и потому должен быть предан земле. Предан земле потому, что он засталяет Клюева в такие священнейшие дни обновления человеческого духа благословить убийство и сказать что “убийца святых потира”. Это старое инквизиционное православие, которое, посадив Святого Георгия на коня, пронзило копьём вместо змия самого Христа”.

“Средний сын”, бывший ближайший друг и учитель, который “и так, и сяк”, погнавшийся “за яркостью красок”, оказывается “разрушителем” дома, воплощением “рационализма, рассудочности и механики” – на одной доске с “подглюповатым футуризмом”, ненавистным самому Клюеву, и Оскаром Уайльдом... Можно себе представить, как читал Николай “Ключи Марии”, вышедшие отдельной книжечкой в марте 1920-го, как прозревал есенинский “ход” в обращении к Розанову, прекрасно знакомому Клюеву, и к “шелапутам”... Тонко и мудро вывернул всё “младший”, а у старшего кровь в висках стучала и сердце заходило от боли... А ещё и посвящение “с любовью” Анатолию Мариенгофу, также, видать, “посвящённому” – бездари без души, без любви, без благоговения, читая которого, не об “инквизиционном православии” вспоминать, а крестным знаменем осенять себя впору.

*Мётлами ветра будет
Говядину чью подместь.
В этой черепов груди
Наша красная месь!*

*Кричу: “Мария, Мария, кого вынашивала!..
Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..”*

И куда же это, и к кому это занесло Серёженьку! Бес крутит, змей манит, а человек – он слаб... Ушёл от друга и покровителя, в “вожди” подался – и чем изощрённее, чем умнее опорочит оставленного, тем значительнее почувствует себя. В новом окружении. Среди сущих бесенят, на которых и не взглянешь без страха за душу ушедшего.

И ведь – ни слова осуждения “младшему” на людях. Наоборот – во всех статьях газетных и речах произнесённых лишь самое высокое о нём. Есенин для Николая – в синклите избранных.

“Одним из проявлений художественного гения народа было прекраснейшее действие перенесения нетленных мощей, всенародная мистерия, пылинки которой, подобранные Глинкой, Римским-Корсаковым, Пушкиным, Достоевским, Есениным, Нестеровым, Врубелем, неувядаемо цветут в саду русского искусства. Дуновение вечности и бессмертия, вот цель великого артиста, создавшего “Действо перенесения” (“Самоцветная кровь”).

“Путь к подлинной коммунальной культуре лежит через огонь, через огненное испытание, душевное распятие, погребение себя, ветхого и древнего (не попались Есенину на глаза эти строки! – С. К.), и через воскресение нового разума, слышания и чувствования. Почувствовать Пушкина хорошо, но познать великого народного поэта Сергея Есенина и рабочего краснопевца Владимира Кириллова мы обязаны” (“Порванный невод”).

И тогда же – предисловие к есенинской подборке стихов в “Звезде Вытегры”:

“Поэт-юноша. Вошёл в русскую литературу, как равный великим художникам слова. Лучшие соки отдала Рязанская земля, чтобы родить певущий лик Есенина.

Огненная рука революции сплела ему венок славы как своему певцу.

Слава русскому народу, душа которого не перестает источать чудеса даже среди великих бедствий, праведных ран и потерь!”

В письме же к Виктору Миролюбову, написанном осенью 1919 года, не скрывал Клюев своей горечи.

“Принял Ваше письмо со слезами – оно, как первая ласточка, обрадовала меня несказанно. Никто из братьев, друзей и знакомых моих в городах не нашёл меня добрым словом, кроме Вас. На што Сергей Александрович Есенин, кажется, с одного куска, одной ложкой хлебали, а и тот растёр сапогом слёзы мои.

Молю Вас, как отца родного, потрудитесь, ради великой скорби моей, сообщите Есенину, что живу я как у собаки в пасти, что рай мой осквернён и разрушен, что Сирин мой не спасся и на шестке, что от него осталось единое малое перышко. Всё, всё погибло. И сам я жду гибели неизбежной и беспесенной. Как зиму переживу – один Бог знает. Солома да вода – нет ни сапог, ни рубахи. На деньги в наших краях спички горелой не купишь. Деревня стала чирьем-недотрогой, завязла в деньгах по горло. Вы упоминаете про масло, но коровы давно съедены, молока иногда в целой деревне не найти младенцу в рожок...

Белогвардейцы в нескольких верстах от Пудожа. Страх смертный, что придут и повесят вниз головой, и собаки обглодают лицо моё. Так было без числа. Я ведь не комиссар, не уцелею. Есенин этого не чувствует. Ему как в союзной чайной – тепло и не дует в кафе “Домино”. Выдумывают же люди себе стену нерушимую! Приехал бы я в Москву, да проезд невозможен: нужно всё “по служебным делам”, – вот я и сижу на горелом месте и вою как щенок шелудивый. И пропаду, как вошь под коростой, во славу Третьего Интернационала...”

Кафе “Домино” Клюеву хорошо запомнилось. Зимой того года, будучи в Москве, встретился он с Есениным и пришёл вместе с ним на “Вечер молодых поэтов”. В окружении Александра Кусикова, Тараса Мачтета, Николая Адуева, присутствии других друзей-имажинистов Есенин чувствовал себя королём и держался, как хозяин всего окружающего. Атмосфера набухла, периодически раздражаясь очередным скандалом с выкриками публики и ответными репликами “поэтов”, а с эстрады звучало такое, что ни в сказке сказать, ни пером описать... Николай не выдержал, встал и ушёл, вскоре уехал в Вытегру и оттуда написал Есенину письмо – с нелюбимыми оценками виденного и увещеваниями. Текст его неизвестен, и о содержании и реакции на это послание Сергея можно судить лишь по “художественным” мемуарам Анатолия Мариенгофа.

Упомянув о том, как Пимен Карпов и Орешин “выясняли отношения” с Есениным по поводу имажинизма, мемуарист переходит к клюевскому письму:

“Письмо сладкоречивое, на патоке и елее. Но в патоке клюевской был яд не пименовского чета и желчь не орешинская. Есенин читал и перечитывал письмо. К вечеру знал его назубок от буквы до буквы. Желтел, молчал, супил брови и в гармошку собирал кожу на лбу. Потом три дня писал ответ туго и вдумчиво, как стихотворение. Вытачивал фразу, вертя её разными сторонами и на всякий манер, словно тифлисский духанщик над огнём деревянные палочки с кусками молодого барашка. Выволакивал из тёмных уголков памяти то самое, от чего должен был так же пожелтеть Миколушка, как пожелтел сейчас Миколушкин “сокол ясный”. Есенин собирался вести за собой русскую поэзию, а тут наставляющие и попечительствующие словеса Клюева”.

Вся эта живописная сцена не имеет никакого отношения к действительности. Никакого ответного письма Есенин не писал, о чём год спустя уведомил Иванова-Разумника: “Ну, а что с Клюевым? Он с год тому назад прислал мне весьма хитрое письмо, думая, что мне, как и было, 18 лет, я на него ему не ответил, и с тех пор о нём ничего не слышу. Стихи его за это время на меня впечатление произвели довольно неприятное. Уж очень он, Разумник Васильевич, слаб в форме и как-то расти не хочет. А то, что ему кажется формой, ни больше ни меньше как манера, и порой довольно утомительная. Но всё же я хотел бы увидеть его. Мне глубоко интересно, какой ошущью вот теперь он пойдёт?”

Суть, на самом деле, была не в манере. Оба с разных концов подходили друг к другу, чтобы сойтись в жёсткой мировоззренческой полемике. Есенин свой ход уже сделал. А в письме к Ширяевцу, написанном летом 1920 года, удивительным образом переключаемся тональностью и отдельными жизненными реалиями с клюевским письмом к Миролюбову, Сергей высказывал своим претензии к Николаю никак не “формального” порядка.

“Живу, дорогой, – не живу, а маюсь. Только и думаешь о проклятом рубле. Пишу очень мало. Со старыми товарищами не имею почти ничего, с Клюевым разошёлся, Клычков уехал, а Орешин глядит как-то всё исподлобья, словно съест хочет...”

А Клюев, дорогой мой, – Бестия. Хитрый, как лисица, и всё это, знаешь, так: под себя, под себя. Слава Богу, что бодливой корове рога не даются. По-

ползновения–то он в себе таит большие, а силёнки–то мало. Очень похож на свои стихи, такой же корявый, неряшливый, простой по виду, а внутри чёрт...”

Это вам не “утомительная манера”, о которой будет потом писано Иванову-Разумнику. И всё же поразительно: подобную претензию, скорее, Клюев мог бы предъявить стихам Есенина 1919–1920 годов, чем наоборот. (И ведь предъявит...) Тем паче, что дальше разговор о “Китеже” и “рисунка старообрядчества” никак не может предполагать “корявость” и “неряшливость”... Но Есенину не до связных логических концов. Он стремится предупредить Ширяевца о возможном “зловредном” влиянии Клюева, которого намерен уложить “в гроб”.

“...Брось ты петь эту стилизационную клюевскую Русь с её несуществующим Китежем и глупыми старухами, не такие мы, как это всё выходит у тебя в стихах. Жизнь, настоящая жизнь нашей Руси куда лучше застывшего рисунка старообрядчества. Всё это, брат, было, вошло в гроб, так что же нюхать эти гнилые колодовые останки? Пусть уж нюхает Клюев, ему это к лицу, потому что от него самого пахнет, а тебе нет...”

...Тут Клюев получил неожиданную “помощь” от человека, с которым, казалось, давно и навсегда разорвал всякие отношения. От Сергея Городецкого, осевшего на Кавказе и печатавшего в местных газетах кроме стихов и поэм также критические статьи, в которых фигурировали и Есенин, и Клюев, и Алексей Ганин.

Но не статьи попались Клюеву на глаза, а газетный лист со стихотворением Городецкого “Орфеям Севера”.

*Эй вы, Орфеи сермяжные,
Соловьёвца лесные, овражные,
Чёрных полей голытьба!
Песней натужьте лохматую грудь!
Подступила судьба
Сладко, привольно, как Волга, вздохнуть
Всеми мехами груди миллионов,
Намозоленной бременем стонов.*

.....
*Ковш захмеляющий брагою вспенен,
Песни звончей поцелуев.
Здравствуй, зелёный Сергунька Есенин,
Здравствуй, замшелый Микола, сын Клюев.
Здравствуйте все, именами незнамы,
Китеж подводный, Кремль чернозёма,
Каждому радуюсь радугой грома!*

Обрадованный Клюев ответил Городецкому летом 1920 года сердечным письмом:

“Возлюбленный мой!

Прочёл в газетах твои новые, могучие песни и всколыхнулась вся внутренняя моя. Обуяла меня нестерпимая жажда осязать тебя, родного, со страдной душой о новорожденной земле и делах её...

Так много пережито в эти молотобойные, но и слепительно прекрасные годы.

Жизнь моя старая, личная сметена дотла. Я очень страдаю, но и радуюсь, что сбылось наше – разинское, самосожженческое от великого Выгова до тысячелетия индийских храмов гремящее.

Но кто выживет пляску земли освободительной?!

Где Есенин? Наслышан я, что он на всех перекрёстках лает на меня, но Бог с ним – вот уж три года, как я не видал его и строчки не получал от него.

Как смотришь – на его дело, на имажинизм?

Тяжко мне от Мариенгофов, питающихся кровью Есенина, но прощаю и не сужу, ибо всё знаю, ибо всё люблю смирительно...

Трудно понимают меня бетонные и турбинные, вязнут они в моей соломе, угарно им от моих избяных, кашных и коврижных миров. Но любовь – и им...”

Текстом этого письма Городецкий потом поделится с питерскими журналистами (не в первый раз строки из личных клюевских писем ходят по рукам

и проникают в печать!), а о Мариенгофе и Есенине, уже после гибели последнего, напишет и опубликует такое, что Ключеву станет окончательно не до общения с ним... Но это — впереди. А ныне... Реальная действительность ничего общего не имеет с ключевской мифологией, и остаётся лишь рассчитывать на чудные сны, когда-то воплощающиеся в земном бытии.

*Родина, я грешен, грешен,
Богохульствуя и кляня!..
Осыпается цвет черешен —
Жемчуга Народного дня.*

*Не в окладе Спас, а в жилетке
С пронырою — кодаком...
Прочитают внуки заметки
О Черепе под крестом...*

.....
*И над Суздальскою божницей
Издевается граммофон...
Пламенеющей колесницей
Обернётся поэта сон.*

*С Зороастром сядет Есенин —
Рязанской земли жених,
И возлюбит грозный Ленин
Пестрядинный ключевский стих.*

А дальше — всё нежнее и сердечнее... И в “Песнях Вытегорской коммуны” Есенин — соратник и союзник против “ожелезивания” страны на фоне общей разрухи и повсеместного развала! “Не Сезанны, не вазы этрусские заревеют в восстании питерском. Золотятся в нём кудри Есенина, на стыках красногрудые зяблики; революция Ладогой вспенена, — в ней шиповник, малина да яблоки. Дождик яблочный, ветер малиновый попретил Маяковскому с Бриками; вспомнил молот над рощицей ивовой, купину с огнепальными ликами...” Ключевская революция и ключевская коммуна настолько не имеет ничего общего с коммуной ленинской — даже в идее, не говоря уже о реальности — что подумать чудовищно: он что — до такой степени был лишён зрения на происходящее? Ничего подобного! Всё видел и всё прекрасно понимал — только смотрел духовным взором, и не под ноги себе — а вдаль. В жизни — полная безыллюзорность, в мечтах — красивейшая сказка, претворимая в дальней грядущей жизни. “По зубам ли России калач чугунный с бетонным исподом, с купоросной поливою? Сердце верит: песня Коммуны зажурчит, словно ключ под ивою. В песногуде Мильтон с Кирилловым поведут говорок о белых ангелах, и Есенин в венце берилловом скажет сказку о книжных вандалах...” Пройдёт ещё два года, и в пору “воронья да злых пожаров”, “безумия, тьмы, пустоты” младший собрат его — единственная опора и надежда... “Черепка по гулким печуркам, в закомарах лешачий пляс. Ускакал за моря каурка, добрый волк и друг-Китоврас. Лучше вихорь, пески Чарджуев, на пути верблужий костяк... Мы борцы, Есенин и Ключев, за ковригу возносим стяг, за цветы в ушах у малайца, за кобылий сладкий удой! Голубка и ржаного зайца нам испёк Микула родной...” Нет ни ковриги, ни сладкого удоя — голод и смерть гуляют по стране. А Ключев творит свои картины грядущего с бесстрашием последнего русского витязя из старой былины...

Он и Есенина хотел видеть таким. И какую же боль довелось испытать ему, когда прочёл он новую поэму “борца” — “Кобыльи корабли”. Это было страшнее для Николая, чем любая “Инония”... “Если волк на звезду завыл, значит, небо тучами изглодано. Рваные животы кобыл, чёрные паруса воронов. Не просунет когтей лазурь из пургового кашля-смрада; облетает под ржанье бурь черепов златохвойный сад...” Для Ключева это было духовное падение Серёженьки. И воплощалось оно в том, что поплыл его друг по течению мёртвой, гнилой реки. Нашёл вдохновение в смерти. И как тут было не вспомнить есенинское “тебе о солнце не пропеть, в окошко не увидеть рая”... А у самого рай — среди конских трупов? В кафе “Домино”?

В “Стойле Пегаса”? Да кто же из них более живой-то — Клюев, еле дышащий от голода в своей деревянной нищей Вытегре, или “устроенный” Есенин, словно бы наслаждающийся своей коллективной пирушкой среди смерти и распада? И тут уже не только и не столько “обломки рифм, хромыя стопы” в есенинской поэме. Это всё — лишь следствие отмертвления души.

*Не с коловратовых полей
В твоём венке гелиотропы,—*

*Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных голгоф —
Тропа к иудиным осинам.*

Написал — и словно осёкся... И долго потом вспоминал эти строки, коря самого себя за, как он думал, страшное пророчество... Угроза сменилась печалью, но печаль эта родила не менее страшные строки.

*Скорбит рязанская земля,
Седея просом и гречихой,
Что, перелесицы трепля,
Парит есенинское лихо.*

(В первоначальном варианте было — “соловьиный сад трепля”... Но Клюев отказался от слишком явной переключки с Блоком. Да и “перелесицы” здесь куда более органичны — в контексте всего стихотворения).

*Оно как стая воронят
С нечистым граем, с жадным зобом,
И опадает песни сад
Над материнским строгим гробом.*

Мать — символ тысячелетней Руси — в гробу, а есенинская песнь — песнь отреченца — словно ворон кружит над ней... Более жестокого приговора Есенину вынести было невозможно, но как строгая и ласковая мать после горьких слов, сказанных сыну, сменяет Клюев гнев на милость. И молит о возвращении духа потерянного в родной “запечный рай”... Рая-то уже нет. Но жив ещё “супруг духовный”.

*Словесный брат, внемли, внемли
Стихам — берестяным оленям:
Олонецкие журавли
Христосуются с “Голубенем”.*

*“Трерядница” и “Песнослов” —
Садко с зелёной водяницей!
Не счесть певучих жемчугов
На нашем детище — странице.*

Упоминание “Голубени” есенинской здесь совершенно к месту. Но “Трерядница”, только-только вышедшая книга, разукрашена теми самыми “имажинистскими” цветами, включает и “Кобыльи корабли”, и “Теперь любовь моя не та...” (впрочем, трудно сказать, с этим ли стихотворением попал Клюеву в руки сборник. Из части тиража это стихотворение было изъято, и нельзя исключить, что эту акцию в последний момент предпринял сам Есенин). И “Трерядницу” признал Клюев родной своему “Песнослову” по той высокой пронзительной грусти, не услышать которую не мог в последних есенинских стихах.

*Я не скоро, не скоро вернусь.
Долго петь и звенеть пурге.
Стережёт голубую Русь
Старый клён на одной ноге,*

*И я знаю, есть радость в нём
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клён
Головой на меня похож.*

Их диалог будет продолжаться и при жизни Есенина, и после неё...

Новая жестокая полемика развернётся, когда Николай приступит к своим первым поэмам, к “большому эпосу”, который пророчил ему Гумилёв. После двух поворотных лет, вместивших во многом роковые события клюевской жизни.

* * *

Осенью 1919 года Клюев посылает письмо председателю издательства Петросовета и шурина Григория Зиновьева Илье Ионову с благодарностью за деньги, полученные в счёт новой книги, и с сообщением о своём житье-бытьё.

“Дорогой товарищ, я получил от Вас две тысячи рублей, окромя трёх тысяч, которые пошли в счёт книги моей “Огненное восхождение”. Я благодарен Вам за Ваше доброе отношение как за материальную помощь, но меня несказанно радуют два-три слова в Ваших письмах, в которых притаилась просто человечность, если не сказать милосердие. Мои друзья, которые передавали Вам рукопись моей книги, люди очень чистые и чуткие, уверяют меня, что Вам можно поведать не одни денежные соображения. Они настояли на том, чтобы я обратился к Вам с настоящим письмом о следующем: идёт зима страшная, осьмимесячная гостя с мёрзлым углом, с бессапожицей, с неизбывным горем сиротства и беспощадного недуга моего. Волосы становятся дыбом, когда я подумаю о страшной зимовке с соломенной кашей в желудке, с невоплощёнными песнями в сердце. Какую нужно веру, чтобы не проклясть всё и вся и петь “Огненное восхождение” народа моего...

Я не знаю от кого, кем и как, но из Петрограда должно быть сделано предложение местному Вытегорскому исполкому изыскать возможность выдать мне паёк за (плату) из упомянутого исполкома, а не из городской лавки, тогда я буду получать 25 ф. муки, соль, немного масла, чай с сахаром, пшено и т. п.

Это так называемый комиссарский паёк, которым, надо сказать правду, зачастую пользуются люди вовсе недостойные. В общем любопытно, и мне необходимо, — узнать, найдёт ли нужным красная, народная власть уделить малую кроху “певцу коммуны и Ленина”, как недавно заявляли обо мне в Москве. Я очень страдаю. Потрудитесь в спасение моё. Родина и искусство Вам будут благодарны”.

Может создаться впечатление, что Клюев так и не выбился из нищеты с дореволюционных времён — настолько напоминает это письмо его прежние — индивидуальные и совместные с Есениным — жалобные прошения о вспомоществовании... Но есть всё же существенная разница. Те письма писались в расчёте на дополнительные деньги к гонорарам за публикации и выступления для поддержки семьи. Здесь же — самый неподдельный крик о спасении от голодной смерти, которая косою выкашивала Россию, лишь подходя к своей самой обильной жатве 1921 года.

Картины, рисовавшиеся в отчётах селькоров для “Звезды Вытегры”, воистину впечатляли.

“Ежезерская волость.

В нашей глухой и бедной волости хорошо и привольно живёт лишь небольшая кучка местных мироедов, кулаков. Эта компания умудряется даже получить тот мизерный голодный паёк, который выдаёт Уездпродком бедноте нашей волости.

Ягремская волость.

У нас в составе волостного Исполкома преобладает кулацкий элемент”.

На той же страницы номера от 1 июня печатался документ за подписью заведующего уездпродкомом и отделом снабжения уездлеса П. Беланина:

“...все меры по доставке продовольствия в такое критическое время голодающему населению будут приняты, и результаты будут опубликованы в “Звезде Вытегры”.

Слухи, что городу с 1-го будут выдаваться пайки по 7 фунтов в неделю (даже шепчут, что по 5 фунтов в месяц), совершенно неправильны и прошу им не верить”.

И здесь же – стихотворение Клюева под названием “Голод”.

*Родина, я умираю —
Кедр без влаги в корнях,
Возношусь к коврижному раю,
Где калач-засов на дверях.*

*Где изба — пеклеванный шолом,
Толоконная городьба!..
Сарафанным алым подолом
Обернулась небес губа,*

*Сапожки — сафьянные тучи,
И зенит — бахромчатый плат...*

Казалось бы – вот он, вождеденный избяной рай на небесах, крестьянский мир, покинувший окровавленную, голодную землю и вознесшийся в райские кущи – клюевский мир, который он вождедел на э т о й земле... И тут же измученный, изголодавшийся поэт дарит нас поразительным признанием:

*Не Кольцов, мандолинный Кардуччи —
Мой напевно плакучий брат!*

Это уже не подобие “Гейне в подлиннике”... Всё куда страшнее, ибо нобелевский лауреат 1906 года по литературе, итальянский поэт Джозуэ Кардуччи через отречение от романтизма и антиклерикальные выступления пришёл к сочинению гимна Сатане, о чём с нескрываемым ужасом писал Сергей Нилус:

“Известный гимн Сатане, воспетый прославленным итальянским поэтом, Джозефом Кардуччи, выражает пожелание, чтобы отныне курение фимиама и пение священных гимнов приносились Сатане как “бунтовщику против Бога”. К этим словам Нилус сделал красноречивое примечание:

“В числе возмутительных явлений последнего времени необходимо отметить в особенности следующее: некто из подписчиков журнала “Будущее Италии” сделал предложение на первый день нового 1905 года совершить “благочестивое паломничество” в дом певца Сатаны Кардуччи, бывшего вице-Великим Мастером итальянского масонства. Христианский демократический листок этот, издаваемый в Болонье, поторопился тотчас же выразить своё полное одобрение этому начинанию в таких выражениях: “Славный поэт этот хорошо знает, что восхищение наше пред ним тем искреннее теперь, что в своё время, когда мы это считали своим долгом, мы выступали против него. Наше теперешнее пред ним преклонение и инициатива паломничества в его дом с особенною силою подчёркивают ясность спокойствия нашего духа и полную объективность, столь облагораживающие миссию журналиста”... Но что превосходит уже всякое вероятие, так это то, что один из наиболее рекомендованных католических журналов передовую свою статью от 22 июня 1909 года посвятил похвале этого певца Сатаны. “Поэт этот, — пишут в журнале, — представляет собою не только величайшее имя в современной нам итальянской поэзии, но и равен знаменитейшим поэтам прошлого”. Так проникает некое “тщательно скрываемое влияние” даже в архикатолическую среду. Демонолатрическая “поэзия” со времён “декадентства” стала проникать и в Россию”.

То, что Клюев сам отдал свою дань “демонолатрической “поэзии” в последние два предреволюционных года – бесспорный факт. Но дьявольские мотивы в его стихах сопровождались картинами крушения старого мироздания – и лишь сверхпроницательный читатель мог бы определить: кружат бесы у Клюева, древние евангельские бесы, радуясь наступающему, или пустились в свою последнюю устрашающую пляску в предошущении конца и х мира?

Во всяком случае, никакого гимна им Ключев не слагал, а назвал “братом” Кардуччи именно в противовес Нилусу, чью книгу “Близь есть, при дверехъ” он, как мы уже видели, знал прекрасно... Более того, смысл этой, мягко говоря, несвоевременной полемики с православным писателем проясняется далее при их параллельном чтении.

*Родина, я умираю, —
Погаси закат-сарафан!
Не тебе поёт, а Китаю
Заонежский красный баян.*

(Эта строфа позднее была исключена им из окончательной редакции. Может быть, понял, что перегнул палку.)

*Стать бы жалким чумазым кули,
Горстку риса стихами чтя...
Нижег голод, как чётки, пули,
Костяной иглой шелестя.*

Мнится, на первый взгляд, отречение от России, уничтожаемой голодом и войной. И уже не Индия, а Китай как вожделенная земля встаёт перед глазами нищего поэта... На самом деле — это новое обращение к книге Нилуса, недвусмысленно писавшего в ней о “Поднебесной Империи”:

“Китаец, можно, сказать, сатанист уже по своему темпераменту. Для него удовольствие в том, что своё боярство он представляет себе и изображает в образе самом отвратительном и отталкивающим... То божество, под чьё покровительство ставит себя Китай, повсюду, даже на его национальном флаге, изображается им в образе отвратительного дракона. Это сатаническое чудовище, когтистое и хвостатое, с незапамятных времён и поныне представляет собой национальную китайскую эмблему. У китайцев всё во вкусе специфически-сатанинском: повсюду зубчатое, двурогое; всюду — когти и хвосты дьявола... А сам китаец? под рукавами его одежды как бы обрисовываются когти, а голове украшением служит хвост. У этого народа сатанизм выставляется как бы напоказ с особой демонстративностью.

В заключение надлежит отметить, что китайцы не только упорствуют в своём заблуждении, не поддаваясь евангелизации хуже дикарей Океании, Америки и самых варварских племён Африки, но они, кроме того, ещё и ненавидят страшной ненавистью, доходящей до жесточайшей злобы, всех христиан без различия их исповедания”.

Даже значительную часть правды, содержащуюся в этих словах, Ключев принять не мог и не хотел — ибо Китай рисовался в его воображении совершенно в ином ореоле.

*Гималаи видели ламу
С ячменным русским лицом...
Песнописец, Волгу и Каму
Исчерпаю ли пером,*

*Чтобы в строчках плавали барки,
Запьятые, как осетры!?
Половецкий голос татарки
Чародейней пряжи сестры:*

*В веретёнце — жалобы вьюги,
Барабинская даль — в зурне...
Самурай в слепящей кольчуге
Купиною предстанет мне,*

*Совершит обряд харакири:
Вынет душу, слёзку-звезду...
Вспомнет ли о волжской шири
Китайчонок в чайном саду?*

*Домекнутся ли по Тянь-Дзину,
Что под складками че-чун-чи
Запевают, ласкаясь к сыну,
Заонежских песен ключи?*

Многое в этих строках современному читателю останется непонятным, если не будет он знать о страшной трагедии 1900 года – о “боксерском восстании” ихэтуаней в Китае. Это была самая настоящая религиозная война – и восставшие с поистине “страшной ненавистью, доходящей до жесточайшей злобы” уничтожили Российскую Духовную миссию, основанную ещё Петром I, сожгли Успенский храм и убили более 200 православных китайцев наравне с русскими.

После того, как русские войска под командованием генерала Н. П. Линевича вместе с союзниками взяли Пекин и подавили восстание, останки русских мучеников были захоронены в единой братской могиле, а над ней поставлена часовня Христа Спасителя. Позднее в их память был выстроен православный храм в Тяньцзине.

Так Восток – во всей своей красочности, жизненном и культурном многообразии, осеняемый Духом Святым, снова становится союзником поэта в его противостоянии с “железным Западом”, уже в пореволюционное время. И здесь Клюев вступает в очевидную полемику и с Нилусом, и с Владимиром Соловьёвым – с его работой “По поводу последних событий”, как раз посвящённой ихэтуаньскому восстанию, – и отталкивается от строк из письма Константина Леонтьева, написанном в Оптиной пустыни, где народы, распустившиеся в “ненавистной всеевропейской буржуазии”, будут “пожраны китайским нашествием”... И от смыкающихся по смыслу пророчеств св. Иоанна Кронштадтского – “освобождение России придёт с Востока”, и иеросхимонаха Аристоклия Афонского – “...конец будет через Китай”.

Но для Клюева это не “конец”, а начало новой жизни, жизни, вдохновлённой мученической кончиной русских и православных китайцев, покоящихся в одном погребении.

А что касается “ненавистной всеевропейской буржуазии”, то её наступление на русский мир не прекращалось – ни духовное, ни материальное, ни военное – сколько помнил себя Николай. И нынешние экспедиционные американские, английские, французские корпуса, вместе с немецкими военными частями рвущие на части многострадальную родину, – лишнее тому свидетельство.

*Безголовые карлы в железе живут,
Заплетают тенёта и саваны ткнут,
Пишут свиток тоски смертоносным пером,
Лист убийства за чёрным измены листом.*

*Шелест свитка и скрежет зубила-пера
Чуют Сон и Раздумье, Дремота-сестра...
Оттого в мире темень, глухая зима,
Что вселенские плечи болят от ярма,*

*От железной пяты безголовых владык,
Что на зори плетут власяничный башлык,
Плащаницу уныния, скуки покров,
Невод тусклых дождей и весну без цветов!*

И всё же... В железе, давящем всё живое, Клюев ищет ту же песню и любовь, что одухотворяет всё земное бытие. И жаждет “допросить бы мотыгу и шахт глубину, где предсердие руд, у металла гортань, чтобы песня цвела, как в апреле герань”... Иллюзия? Сказка? Но без неё и жизнь не в жизнь.

* * *

1 ноября 1919 года член коллегии Наркомвнудела и зав. Отделом управления Петросовета С. Равич направила в Вытегорский уисполком письмо с просьбой о помощи голодающему поэту: “Уважаемые товарищи, у вас в Вы-

тегре живёт широко известный поэт Николай Клюев. Он находится в чрезвычайно трудных продовольственных условиях. Николай Клюев – истинный пролетарский поэт и певец Коммуны. Творчество его дорого рабочему классу и трудовому крестьянству. Необходимо ему дать возможность заниматься спокойно своим хорошим дорогим нам делом. Исполкому надо позаботиться о том, чтобы Клюев был обеспечен сносным пайком и на зиму дровами. Не сомневаюсь, товарищи, что вы сейчас же сделаете это и тем самым дадите возможность поэту петь свои песни столь близкие народу”. От вытегорских властей – ни ответа, ни привета, ни помощи. Вновь посылается из Петрограда соответствующее письмо с резолюцией: “Вторично. Сделать письменное распоряжение: продкому, уездлесу и Трамоту, с донесением исполкому о принятых мерах и ответить Равичу о сделанном исполнении”. Клюев посылает письмо в Вытегорскую уездную продовольственную коллегию, где “на основании телеграфного распоряжения из центра о снабжении меня продовольствием” просит отпустить муку, соль, растительное масло, крупы, картофельную муку, соль, спички... И, наконец, из Вытегры в Петроград идёт телеграмма: “Обеспечению всем необходимым поэта Клюева меры приняты. Предсовдепа Беланин”.

Когда Клюев писал Ионову о “недостойных людях”, которые “пользуются комиссарским пайком” – он не обманывал и не преувеличивал. В Вытегре и по всей губернии, как, впрочем, и по стране в целом, творилось в это время что-то фантазмагорическое. Свидетельство тому – статья Александра Богданова в “Звезде Вытегры” под красноречивым названием “Внутренний жандарм”.

“Там проворовался член исполкома, там исчез коммунист с крупными деньгами, там чрезвычайные комиссии реквизируют направо и налево у перепуганных обывателей мебель, последние запасы хлеба.

Иногда такие реквизиции принимают анекдотический характер. Реквизируется без всяких оснований мелочь вроде шёлковых перчаток, бутылки чернил, несколько пачек папирос и т. п. Всё это ничто иное, как голос внутреннего жандарма.

Этот голос проявляется или невинно, в виде личных визитов товарищей в галифе с револьверами, или сопровождается насилиями, расстрелами.

Победить внутреннего жандарма, в волнах революции выстирать свою душу – вот наши неотложные задачи”.

“Жандарм” сей был, что называется, “на своём месте”. Коли “Вся власть – Советам!”, значит – мне. А коли мне власть – что хочу, то и ворочу!

Богданов, словно лоя с губ клюевское слово, закликает, как древний проповедник, своих земляков с газетного листа.

“Заблестали молнии революции. В Петроград прибыл первый социал-демократ – Голод. Под стон февральских мятежей, песни октябрьских дождей родилось “Пламя, всему миру – Назарет”...

Больше братского единения и обнажённости.

– Будем строить –

– Во имя Солнца!”

(“Звезда Вытегры”, 13 августа”).

“Братья-интеллигенты, не насиуйте душу народную. Итак почти всё ослепано.

Посмотрите на красные мечи Зари! Почернел старый мир, как червь на солнце.

Братья, слышите ли вы звоны серафимовых крыл в громах русской революции...” (“Звезда Вытегры”, 31 августа).

Это буквальное воспроизведение стиля клюевской проповеди – его статей, которые поэт публикует в той же газете и которые он складывает в книгу “Огненное восхождение”, посланную им в Петроград и пропавшую бесследно.

“Какую нужно веру, чтобы не проклясть всё и вся и петь “Огненное восхождение” народа моего...” Он и пел в течение всего 1919 года, о котором скажет потом в “Погорельщине”: “Год девятнадцатый, недавний, но горше каторжных вериг...” А тогда – не вериги тянули вниз, но незримые крылья возносили к чаемому Солнцу – и статьи – нет, не статьи – стихотворения в прозе, и даже не они – слова в апостольском духе исходили из-под его пера при старой копильне... И вещались на площадях и собраниях.

“Алое зеркальце”, “Сдвинутый светильник”, “Красные орлы”, “Красный набат”, “Газета из ала, пляска Иродиадина”, “Сорок два гвоздя”, “Порванный

невод”, “Огненная грамота”, “Медвежья цифирь” – вот из чего складывалось “Огненное восхождение”, слово икона “Спас в силах” писалась.

“Помню, мамушка-родитель лампадку зажигала: одиннадцать полонов простых, а двенадцатый огненный, неугасимый. От двенадцатого поклона воспламенялась громовая икона, девятый вал Житейского моря захлёстывал избу, гулом катился по подлабочьям, всплёскивался о печной берег, и мягкий, замечительный, вселяя в душу вербный цвет, куличневый воскресный дух, свмирал где-то на задворках, в коровьих, соломенных даялах...

И Смерть-пастух с суковатым багом в пятку ушла. Ступлю и главу её сокрушаю... Коммунист я, красный человек, запальщик, знаменщик, пулемётные очи... Эй, годы – старые коровы! Выпотрошу вас, шкуры сдеру на сапоги со скрипом да алыми закаблущьями! Щеголяйте, щёголи, разинцы, калязинцы, ленинцы жаркогрудые!..

Слушаю свою душу – степь половецкую, как она шумит ковыльным диким шумом. Стонет в ковылях златокольчужный витязь, унимает свою секирную рану; – только ключ рудный, кровавый не уёмен...

И за ветром свист сабли монгольской. Чисточетверговая свечечка Громовую икону позлащает. Мчится на огненном тарантасе, с крыльями, бурным ямщиком в воздухах, Россия прямо в пламень неопалимый, в халколиван калёный, в сполохи, пожары и пыхи преднебесные...

Красные люди любят мою икону, глядятся в халколиванную глубину, как в зеркало. “Куличневый дух в нашем знамени”, – говорят...” (“Огненное восхождение”).

“Коммунары уходят на фронт.

Обнажайте головы!

Опалите хоть раз в жизни слезой восторга и гордости за Россию свои холопские зенки, вы – клеветники и шипуны на великую русскую революцию, на солнечное народное сердце!

Дети весенней грозы, наши прекрасные братья вступили в красный, смертный поединок.

Солнце приветствует их!..

Мы кланяемся им до праха дорожного и целуем родную, голгофскую землю там, где ступила нога коммунара..! (“Красные орлы”).

“Ключи от врат жизни вручены русскому народу, который под игом татарским, под помещицей плетью, под жандармским сапогом и под церковным духовным изнасилованием не угасил в своём сердце света тихого невечернего, – добра, красоты, самопожертвования и милосердия, смягчающего всякое зло. Только б распахнуть врата чертога украшенного в благоуханный красный сад, куда не входит смерть и дырявая бедность и где нет уже ничего проклятого, но над всем алая сень Дерева Жизни и справедливости...

Кто же собирается вокруг нечистого престола капитала?

Богачи и льстецы, хотящие стать богачами, падшие женщины, бесчестные пособники тайных пороков, шуты, сумасшедшие, развлекающие совесть своего владыки, и лжепророки, променявшие Христа на сатану, воскуряющие фимиам виселице и осеняющие распятием кровавую плаху...

Молодой воин, куда идёшь ты?

Я иду сражаться за бедных, за то, чтобы они не были больше навсегда лишены своей доли в общем наследии.

Я иду сражаться за то, чтобы изгнать голод из хижин, чтобы вернуть семьям изобилие, безопасность и радость.

Я иду сражаться за то, чтобы всем, кого угнетатели бросили в тюрьмы, вернуть воздух, которого недостаёт их груди, и свет, который ищут их глаза.

Да будет благословенно оружие твоё, молодой воин!” (“Красный набат”).

Каждое слово жгло и вдохновляло слушающих. Клюев был для них своим, понятным – и в то же время виделся словно объятый неземным пламенем на многолюдных митингах.

“Было в нём что-то львиное, – вспоминал Григорий Ступин, – когда он на прощальном митинге, отправляя нас на Мурманский фронт в Петрозаводск, гремел на всю центральную площадь Вытегры и подходы к ней разных улиц, призывая нас, “своих детушек” (а мы все были моложе его), защищать Мать-Революцию, Рабочую и Крестьянскую Родину от белого многоплеменного Змея-Чудовища”... Мужики, стоявшие рядом, заряжались его энергией и говорили промеж себя: “Густо говорит”, “Сильно говорит”, “Знать, и нам придётся защищать Мать-Революцию...”, “Пойдём, лишь кликнул клич”...

Схожее впечатление осталось и у служащего Олонецкого губернского земства Александра Романского:

“Выражался он очень образно, поэтому иногда его было трудно понять. Неожиданными были сравнения и сопоставления. Говорил размеренно, чётко, без запинок. Как сейчас вижу: стоит, одна рука приложена к сердцу, другая взметнулась вверх, сияющие, воспалённые глаза, и говорит иногда громко очень, иногда совсем тихо...”

Никогда я ещё не видел и не слышал, чтобы говорили так горячо, чтобы оратор так сильно мог захватить слушателей. Все, затаив дыхание, слушали слова, которые лились красиво и свободно...”

В личном же общении Ключев совершенно менялся. Он был ласков, внимателен и заботлив с каждым собеседником – и держался при этом с истинным достоинством. Ни малейшей игры, столь запомнившейся пристрастным современникам из бывшей столицы, земляки его не видели.

...Голод изматывал, борьба за жизнь не прекращалась ни на день. Гражданская война всё полыхала. А Ключев выступал, читал всё новые и старые произведения – и писал стихи, что складывались в его “евразийскую” книгу, которую он позже назовёт “Львиный хлеб”.

(Продолжение следует)

В последние годы своей жизни Вадим Валерианович Кожинов немало общался с журналистами. А больше всего бесед на самые острые и злободневные темы состоялось у него с Виктором Кожемяко, представлявшим газеты “Правда” и “Советская Россия”. Вручая ему летом 1999 года только что вышедший двухтомник “Россия. Век XX”, Вадим Валерианович написал: “Дорогой Виктор Стефанович! Очень рад нашему давнему сотрудничеству и, глубже, содружеству!”

К 10-летию смерти В. В. Кожинова в издательстве “Алгоритм” выходит книга его бесед с Виктором Кожемяко и воспоминаний, статей, выступлений известного публициста о его выдающемся собеседнике. Книга будет называться “Уроки русского”. В нее вошло и несколько бесед, которые при жизни Вадима Валериановича остались неопубликованными. Сегодня мы печатаем одну из них.

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

УРОКИ РУССКОГО

(Беседа с В. В. Кожиновым)

Сталин, Гитлер и союзники

Если бы дожил Вадим Валерианович Кожинов до июня 2010 года, лишний раз убедился бы, что ненавистники Отечества по-прежнему задают тон и среди так называемых российских историков, и в средствах массовой информации. Но и в конце девяностых, и в самом начале нулевых в прессе и на телеэкране мелькали фотографии, запечатлевшие подписание пакта о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 года, где Сталин – рядом с гитлеровским посланцем Риббентропом.

– Но почему, – говорил Кожинов как раз в связи с теми снимками, – “демократические” СМИ так крепко помнят одно и напрочь забывают другое? Есть ведь фотографии гораздо более выразительные, но куда менее известные.

– Что имеете в виду?

Привожу далее не публиковавшийся фрагмент одной из моих бесед с выдающимся историком и философом, к сожалению, оставшейся незавершенной.

Вадим Кожинов: Имею в виду события почти за год до подписания пресловутого пакта. По вполне понятным причинам на Западе не любят о них вспоминать. Но ведь и у нас все последнее десятилетие или даже пятнадцатилетие не вспоминают! Да оно и понятно: выгодной профессией стало всячески очернять родную страну, представлять ее исчадием ада – Запад же при этом, разумеется, выглядит сугубо добропорядочным. В его интересах стараются “демократические” пропагандисты! И у людей уже утвердилась в головах искаженная картина предвоенных событий: Сталин с Гитлером против Европы, ставшей их жертвой. Хотя обстояло-то все в той сложнейшей международной обстановке совершенно иначе.

Виктор КОЖЕМЯКО: Вернемся к фотографиям.

Вад. К.: Да, я хотел бы сказать об одной, которую вовсе не публикуют. Здесь Гитлер, стоящий на лестнице своего высокогорного дворца в юго-восточной Баварии, взирает сверху на расположенного двумя ступеньками ниже британского премьер-министра Чемберлена. У того очень усталый вид, он еле держится на ногах: ведь мало того, что на двадцать лет старше Гитлера, — еще и совершил беспрецедентное для себя, крайне утомительное путешествие.

Вик. К.: Насколько я понимаю, вы говорите о 15 сентября 1938 года.

Вад. К.: Правильно. Ранним утром именно этого дня почти семидесятилетний (через два года он скончается) премьер-министр огромной Британской империи впервые в жизни (!) входит в самолет и при тогдашних скоростях авиации несколько часов летит до Мюнхена, а затем еще несколько часов добирается до Бергхофа — поместья, расположенного высоко в горах, где, конечно же, ради дополнительного унижения, соизволил принять его Гитлер. А ведь Сталин-то к Гитлеру на поклон не летал!

Вик. К.: Надо пояснить читателю, чем вызван был тот визит британского премьера.

Вад. К.: В этом вся суть. Летел он для сугубо конфиденциальных переговоров, о смысле которых сообщил лишь немногим доверенным лицам, назвав свой проект для секретности “планом Зет”. Вот как изложил его в письме одному из ближайших сподвижников: “. . . я сумею убедить его (то есть Гитлера), что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. . . и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности. . . Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России”.

Вик. К.: Многозначительная оговорка! “Кроме России”. . .

Вад. К.: Это не просто оговорка. Это, если хотите, тоже относится к самой сути “плана Зет”. Договориться с Гитлером помимо нашей страны, за ее спиной, за ее счет! Ведь и главная конечная цель состояла в том, чтобы уговорить Гитлера двигаться на Восток, дав ему полное право и возможность по своему усмотрению распоряжаться в Восточной Европе.

Вик. К.: К этому времени Гитлер уже присоединил к Германии Австрию.

Вад. К.: Да, 12 марта 1938 года. И вот премьер-министры Франции и Великобритании — Даладьё и Чемберлен в ходе по-своему трогательных визитов к Гитлеру (которых Сталин ни при каких условиях не предпринимал!) вступают с ним в договоренности, позволявшие Германии уверенно двигаться на Восток.

Вик. К.: И это называлось “умиротворением” Гитлера. . .

Вад. К.: Западные лидеры, что называется, за ценой не постояли. Не стеснялись никакого унижения! Замечу: тот же Чемберлен после первого визита к Гитлеру 15 сентября 1938-го (предварительно просил фюрера о личной встрече) являлся на поклон к нему еще и в Бад-Годесберг около Бонна 22 сентября и, наконец, третий раз — в Мюнхен, 29 сентября. Лишь бы было достигнуто “решение, приемлемое для всех, кроме России”!

Вик. К.: Что ж, и оно было достигнуто.

Вад. К.: Подчеркну: почти за год до того, как был подписан (уже вынужденно!) советско-германский пакт о ненападении. Про этот пакт, как вы знаете, до сих пор трубят на всех углах, стремясь еще и еще раз бросить тень на нашу страну, а между тем абсолютно аналогичный договор с Гитлером заключил премьер Великобритании Невилл Чемберлен — 29 сентября 1938 года. В официальном документе, составленном 30 сентября, говорилось: “Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Премьер-Министр Великобритании, рассматриваем подписанное вчера соглашение как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга”.

Вик. К.: То есть руки у Гитлера были развязаны.

Вад. К.: Конечно. Что закреплялось “символизирующим соглашением”? Признание права Гитлера на отторжение от Чехословакии Судетской области. А вслед за этим, меньше чем через полгода — 15 марта 1939 года, следует захват немцами Чехии полностью. И так далее. Значит, надо же признать, что “пакт Гитлера-Чемберлена” фактически являлся разделом Европы! Нет, не признают. Помалкивают.

Вик. К.: Зато о “пакте Молотова-Риббентропа”, который по существу был ответной и вынужденной мерой, вы совершенно точно сказали — трубят на всех углах. Не только западные пропагандисты, но и, если позволено будет

так их назвать, — российскийские. Точнее-то, конечно, антироссийские! Ведь в своей пропаганде руководствуются отнюдь не интересами Отечества, не из этих интересов исходят...

Вад. К.: Вот на этом понятии — интересы — стоило бы сделать особый акцент! Политика — всегда соотношение и нередко противостояние интересов: известен афоризм Черчилля на сей счет. Есть сегодня интересы России, а есть — США. Были в то время, о котором мы говорим, интересы Советского Союза, а еще — Германии, других европейских стран, тех же Соединенных Штатов. Так вот Сталин, как бы к нему ни относиться, отстаивал интересы своей страны, хотя и не без каких-то ошибок, что, впрочем, следует признать неизбежным в столь сложной международной обстановке. Однако повторю, совершенно очевидно: служил он своей стране, а не прислуживал неким зарубежным хозяевам, что так же очевидно, допустим, у Ельцина с Козыревым...

Вик. К.: Но сколько обвинений, по сути — именно за это, за служение Отечеству, обрушивается на голову Сталина со стороны всяческих так называемых демократов! И, разумеется, пакт с гитлеровской Германией припоминают в первую очередь.

Вад. К.: Иногда просто смешно читать, до каких нелепостей доходит. Незбы известный Волкогон в конце 80-х годов назвал пакт с Германией “отступлением от ленинских норм внешней политики”. Дескать, “советская страна опустилась до уровня... империалистических держав”. Тогда еще, заметьте, у Волкогорова и подобных ему перевертышей “ленинские нормы” звучали как нечто идеальное, а “империалистические державы” — как негатив. Это пока шло уничтожение Сталина. Но скоро и за Ленина они возьмутся. И тогда поменяется терминология: идеалом станут именно империалистические державы — “демократические”, а Сталина будут преподносить уже не как отступившего от ленинских норм, а просто как воплощение уникального, беспрецедентного цинизма и ужасающей низости. Еще бы — вступил в сговор с самим Гитлером!

А вот то, что Сталин, по существу, повторил содеянное за год до этого англичанином Чемберленом, что сталинский “цинизм” был, можно сказать, порожден чемберленовским цинизмом, — замалчивается. В результате абсолютное большинство наших соотечественников нынче об этом не знают. Им внушили сплошной комплекс неполноценности или даже преступности относительно родной страны — ее политики, ее народа, ее руководителей, в том числе в годы перед великой войной.

Вик. К.: Между тем тогда для нашей страны ведь действительно была сложнейшая окружающая обстановка, угрожавшая нам (вполне реально!) гибелью. Сталин четко понимал: война обязательно будет, причем война, которой против нас может пойти весь или почти весь объединенный Запад, а на востоке — Япония... Подготовка к обороне (именно к обороне, а не к агрессии, как внушают нынче какой-нибудь Резун-Суворов вместе с Александром Яковлевым, Евгением Киселевым и проч.) стала по сути главным направлением партийной и государственной политики в 30-е годы. Даже раньше, пожалуй. Коллективизация на селе, строительство мощной современной индустрии, модернизация армии — все так или иначе призвано было способствовать этому. И как важен был выигрыш времени, каким продуманным и взвешенным должен быть каждый дипломатический шаг... Теперь-то легко рассуждать да бросать упреки Сталину. Как у Шота Руставели сказано: “Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны”.

Вад. К.: Вы правы. Это даже не критика Сталина — это пропаганда, направленная против своей страны. Полностью отрешающаяся от реального положения, в котором страна тогда находилась, и ставящая во главу угла вовсе не ее интересы!

Что же касается Сталина... Вот много болтают о “культе личности”. Мне же часто видится, что ярые ниспровергатели этого самого культа больше всех в себе его и несут.

Например, в своей книге “Россия. Век XX”, выпущенной издательством “Алгоритм”, я привожу цитату из работы доктора исторических наук М. М. Наринского. Он пишет: “Говоря о политике Советского Союза, Сталин цинично заметил: “Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались”.

Вик. К.: О чем конкретно речь? Скажите для читателей.

Вад. К.: О суждениях Сталина в связи с объявлением войны Германии со стороны Франции и Великобритании 3 сентября 1939 года. Он тогда будто бы

пооткровенничал в самом тесном кругу – Молотов, Ворошилов, Георгий Димитров, а опубликовано это недавно: “Мы не прочь, чтобы они подрались хорошоенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран...”

Вот это – цинично. С точки зрения нынешней “либеральной” историографии войны...

Вик. К.: А вы как оцениваете?

Вад. К.: Да ведь в словах Сталина, если они действительно прозвучали, выражено типичнейшее отношение любого государственного деятеля любой страны к войне, которая разразилась между соперниками этой страны. Заурядная, сказал бы я, постановка вопроса! Ну, может быть, Сталин не стал бы повторять это публично... Так опять же – в политике далеко не все произносится публично, есть многое, так сказать, и для внутреннего потребления.

Но, коли уж речь о цинизме, я должен напомнить реакцию Черчилля на германское вторжение в нашу страну – по его собственному признанию, она была восторженной. Почему же Сталина проклинают за его “циничную” удовлетворенность началом войны между Германией и Англией, а об удовлетворенности, даже ликовании Черчилля в совершенно аналогичной ситуации молчат?

Или вот приведу заявление сенатора и будущего президента США Гарри Трумэна, сделанное 23 июня 1941 года, то есть на следующий день после нападения гитлеровской Германии на СССР: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!”

Каково? Причем обратите внимание – сказано это не в узком кругу, а корреспонденту популярнейшей газеты “Нью-Йорк таймс”.

Вик. К.: Помню и еще одно, так сказать, образное выражение той же мысли Трумэна: “Если мы положим Германию в гроб, то Россию надо положить на операционный стол”. То есть чтоб делать с нами все что угодно...

Вад. К.: Однако это у наших либеральных историков и журналистов, видимо, цинизмом не считается. Любезная их душе Америка и ее деятели могут быть только мудрыми, цивилизованными, гуманистическими, защищающими права человека и т. п. Даже если тот же Трумэн бросает атомные бомбы на японские города – без какой-либо крайней военной надобности, а просто так – для эксперимента и, конечно, для устрашения мира. Вот они, двойные стандарты Запада и “туземных” его подпевал в нашей стране!

Вик. К.: А в каком смысле вы говорите об историке Наринском и ему подобным как о носителях “культы личности”?

Вад. К.: Ну как же! Они ведь предъявляют Сталину высочайшие моральные требования, каких деятелям Запада отнюдь не выдвигают. Причем требуют, чтобы Сталин неукоснительно соблюдал некие абстрактные нравственные нормы и принципы во внешнеполитических делах в ситуации войны. И кто требует! Александр Николаевич Яковлев или тот же Волкогонов, которые продемонстрировали в своих писаниях и в своем поведении полное отсутствие всяких нравственных норм...

Вик. К.: Да, как говорится, чья бы корова мычала. А безнравственное поведение лидеров западных стран, которые волею судеб стали вроде бы нашими союзниками в ходе великой войны, проявилось ведь с вопиющей наглядностью! Хотя по вполне понятным причинам тут нынче тоже многое старательно замалчивают. Чего стоила вся эта до крайности неприличная возня с открытием второго фронта...

Вад. К.: Вы правильно употребили определение – неприличная. Ведь реальную войну Великобритания и США начали только через три года после 22 июня 1941-го! Когда наши войска уже вышли к государственной границе и готовы были начать победный поход по Европе.

А что было до этого? Да именно неприличная возня – отговорки, увертки, оттяжки, пускание пыли в глаза. Между тем уже тогда, во время войны, всем были очевидны истинные причины. Теперь же рассекречен ряд документов, которые официально подтверждают, что скрывалось за дипломатически-пропагандистскими уверениями союзников, будто они интенсивно готовятся воевать против Германии вместе с нашей страной. Уверения – одно, реальные планы и действия – совсем другое!

Вот 16 декабря 1941 года Черчилль по пути в Америку составляет очень знаменательную программу, посвященную целям действий Великобритании и

США. Вспомним, что за десять дней до этого, в ночь с 5 на 6 декабря, началось мощное контрнаступление Красной Армии под Москвой, развеявшее уверенность многих в непобедимости германских войск. Так вот, Черчилль с этого начинает: “В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России. Вместо предполагавшейся легкой и быстрой победы ему предстоит... выдерживать кровопролитные бои”. Но дальше? Что следует за такой констатацией? А вот что:

“Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки, которые мы обещали”.

Вы понимаете? Оказывается, цель действительного участия в действительной войне с Германией даже и не ставилась!

Ну а вся задача двух стран в наступающем 1942 году была сведена к следующему: осуществить “оккупацию Великобританией и Соединенными Штатами всех французских владений в Северной Африке и установление их (то есть Великобритании и США) контроля... над всем Североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит, если это позволит положение на море, свободный проход через Средиземное море к Ливану и Суэцкому каналу”.

Таким образом, цель была не в реальной и эффективной войне против Германии для скорейшего ее разгрома, а в обеспечении прохода по Средиземному морю к британским колониям в восточной части Африки и в Азии, поскольку другой возможный путь – вокруг Африки – был примерно на 15 тысяч километров длиннее...

Вик. К.: Словом, цель сугубо своя – без оглядки на льющуюся кровь русских, советских людей.

Вад. К.: Именно так, и Черчилль это неоднократно подчеркивает.

Вик. К.: Вся дальнейшая политика союзников строилась ведь в том же расчетливо-корыстном духе?

Вад. К.: Безусловно. Пройдет около года после составления сэром Уинстоном процитированного документа, Красная Армия в ожесточенных боях остановит гитлеровское наступление под Сталинградом – и тот же Черчилль разработает еще один секретный меморандум. Тоже весьма характерный!

“Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе, – пишет он, заметьте, во время Сталинградской битвы. – Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое...”

Вик. К.: Возникает вопрос: против кого?

Вад. К.: Да ясно же – против “русского варварства”! Под Сталинградом и на всем протяжении огромного фронта русский народ и другие народы нашей страны кладут свои жизни, в том числе за культуру Европы, а в это время называющие себя союзниками вынашивают тайные планы, как объединенными усилиями расправиться с “этой страной”.

Вик. К.: Вот где верх безнравственности и цинизма!

Вад. К.: Интересы, правят интересы. И это не приходит в голову на Западе никому вменить в вину – Черчиллю либо Рузвельту. Наоборот, эти фигуры безоговорочно представляются не только великими политиками, но и выдающимися представителями западной цивилизации. Ну а Рузвельт – так просто образец благородства, особенно для наших “туземных” авторов, которые могут говорить и писать о нем только с восторженным придыханием. Между тем не кто иной, как он, Рузвельт, еще 1 апреля 1942 года одобрил доклад начальника штаба армии США Маршалла, в котором осуществление высадки войск в Европе “ставилось в зависимость от двух условий:

- 1) Если положение на русском фронте станет отчаянным...
- 2) Если положение немцев станет критическим...”

Обратите внимание: в одном случае – “отчаянное”, в другом – всего лишь “критическое”. Очень пристально отслеживалось это в США, и, когда к середине 1944 года положение немцев стало уже несомненно критическим, Америка начала реальную войну. Причем для нее, так же как для Англии, по сути это была теперь война не столько для разгрома Германии, сколько для “спасения” как можно большей европейской территории от России...

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

30 ЛЕТ БЕЗ ПРАВА ПЕРЕДЫШКИ

“Наш современник” на Писемского

Ровно тридцать лет назад я впервые открыл обычную квартирную дверь, обитую чёрным дерматином, в старом жилом доме на улице Писемского, где располагалась тогда редакция “Нашего современника”. И оказался в особом мире, в котором живу до сих пор.

Первым моим собеседником, а затем и начальником был Юрий Иванович Селезнёв, заместитель главного редактора. Он взял меня на работу по рекомендации своего старого друга Вадима Валериановича Кожинова.

Редко мне доводилось встречать человека, столь же красивого как внешне, так и внутренне. Селезнёв был красив строгой мужской – и я бы сказал именно русской – красотой. Гордая посадка головы, правильные черты лица, грива кудрей, тронутых ранней сединой, и глаза – удивительно ясные, чуть прикрытые, как от яркого степного солнца (Юрий Иванович был родом с Кубани). Настоящий витязь в дозоре.

Он и был русским витязем – по характеру и по сути своего творчества. Дозорным, стоящим на страже России. Те, кто читал его книги, прежде всего замечательное жизнеописание Федора Достоевского, изданное незадолго до ранней кончины Юрия Ивановича, наверняка согласятся с таким определением.

Представился главному редактору – Сергею Васильевичу Викулову. Признаться, на первых порах я его побаивался. Не только я – маститые авторы трепетали, входя в его кабинет. Офицер Великой Отечественной, зенитчик, закаливший характер в артиллерийских дуэлях с вражескими штурмовиками (“Они пикировали прямо на орудие – видны были глаза лётчика, – кто отвернётся в последний момент, тот погиб”, – говаривал Сергей Васильевич), он и в мирной жизни сохранил военную выправку и суровость.

Ровно в 12 часов – начало рабочего дня в журнале – чёрная редакторская “Волга” останавливалась у подъезда. Подтянутый, сосредоточенный, он про-

---

КАЗИНЦЕВ Александр Иванович родился 4 октября 1953 года в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова и аспирантуру при МГУ. С 1981 года работает в журнале “Наш современник”. Автор книг “Лицом к истории”, “Новые политические мифы”, “Россия над бездной. Дневник современника. 1991–1996”, “В поисках России”, “На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство”, «Возвращение масс. Дневник современника». Секретарь Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Лауреат премий “Умное сердце” имени А. Платонова, имени братьев Киреевских, “Югра”, “Прохоровское поле”. Живёт в Москве.

ходил в кабинет и начинал придирчиво вычитывать сданные в набор материалы. Работа продолжалась до 6 вечера. В вышедшем номере не было ни одной фразы, ни одной запятой, которая бы прошла мимо главного редактора.

В пору разрешённой гласности авторы, отвергнутые Викуловым, обвиняли его в недостатке смелости. Особенно усердствовал Борис Можаяев, талантливый, но не первостепенный прозаик. Викулов, действительно, не напечатал его роман “Мужики и бабы”. Рисковать ради этого сочинения он не счёл нужным. Но когда Сергей Васильевич видел произведения первоклассные, такие, как “Живи и помни” В. Распутина, “Царь-рыба” В. Астафьева, “Увятские шлемоносцы” Е. Носова, он с истинно фронтовой решимостью брался за преодоление цензурных препятствий.

Когда Главгур категорически отказался дать добро на публикацию “повести о дезертире”, как генерал Епишев охарактеризовал “Живи и помни”, Викулов добился приёма в ЦК и заявил, что ручается партбилетом за производство Распутина. В те годы рискнуть партбилетом означало примерно то же, что и головой.

Сергей Васильевич не был интеллектуалом. И художественный вкус ему частенько изменял – особенно в поэзии. Но Викулову не было равных в ощущении русской боли! “Калину красную” В. Шукшина, повести В. Распутина, “Это мы, Господи!” К. Воробьёва он печатал немедленно, не страшась ни сопротивления цензуры, ни кар Агитпропа. А они были нештучными: “Наш современник” – единственный толстый литературный журнал, чью редколлегию дважды – в течение двух лет – “укрепляли” по распоряжению ЦК, а точнее, подвергали безжалостной чистке. Но именно правдивое слово об устремлениях и бедах русского человека сделало журнал лидером.

Среди других сотрудников того времени помню размашисто талантливого самолюбивого поэта Валентина Устинова, другого заместителя главного, язвительного ответсека Владимира Васильева, тащившего на себе всю тяжесть мелочной, но необходимой технической работы. Колоритной внешностью и драматической судьбой выделялся Борис Споров, заведующий отделом прозы. Полной противоположностью мятежного, прошедшего лагеря, Спорова был его помощник Владимир Грачев – тишайший, удивительно тактичный человек, не лишённый, однако, добродушной русской насмешливости. Деликатностью, граничившей с пугливостью, запомнилась Ольга Авдеева, заведующая отделом критики, провинциалка, так и не прижившаяся в Москве.

И, конечно, особого слова заслуживает бессменная заведующая редакцией Наталья Сергеевна Соколова, которая уже в те годы сумела внести в бурную, пронизанную грозowymi разрядами жизнь разноликого коллектива начало устойчивости и надёжности. Сегодня только мы с ней в журнале помним о той поре на улице Писемского.

Поре поистине золотой! Какие писатели собирались на ежегодную редколлегию! Из списочного состава только Юрий Бондарев, важный литературный начальник, фактический руководитель Союза писателей России, позволял себе манкировать общим сбором. Менее титулованные – но не менее талантливые! – авторы собирались со всей России.

Непревзойдённые рассказчики, записные балагуры Виктор Астафьев и Евгений Носов садились у разных концов огромного стола и начинали азартно “катать” через всю комнату рыбацкие, охотничьи и просто житейские истории, щедро приправленные солёным, не для дамских ушей, юмором. Время от времени, солидно окая, вмешивался в разговор Владимир Солоухин. “Молодые” Валентин Распутин (всего-то едва за сорок) и Василий Белов сидели скромно, почти не подавая реплик. А у середины стола занимал место сухонький седой Гавриил Николаевич Троепольский, старший по возрасту среди собравшихся. Перед ним громоздилась стопка из конца в конец прочитанных журналов с многочисленными закладками, отмечавшими провалы и удачные произведения. Троепольский нетерпеливо постукивал по сукну тонко отточенным карандашом и по-стариковски неодобрительно поглядывал на разошедшихся рассказчиков.

Спустя несколько лет славная когорта распадётся. Выйдет из редколлегии, обидевшись на публикацию “грузинских” рассказов Астафьева, Гавриил Троепольский. В перестройку, громко хлопнув дверью, уйдёт и сам Виктор Петрович. Вернётся. И снова уйдёт – навсегда. Станет любимцем Ельцина. Получит в качестве награды 15-томное собрание сочинений. Но так и

не дождётся Нобелевской премии, которую, говорят, сулили ему либералы.

Последний раз я встретился с Виктором Петровичем в конце девяностых в Питере. Публичная библиотека пригласила меня участвовать в писательской конференции. Председательствовал Астафьев. Во вступительном слове он обрушился на патриотов, которые “ругают перемены”. “А посмотрите, — вдохновился писатель, — как богато стал жить народ!” Астафьев вспоминал о посещении кладбища под Красноярском на Пасху: “Подъехать нельзя, всюду машины стоят!”

Я выступал следом. “Что значит писательский талант, — поклонился в сторону Астафьева. — Как точно отбирает детали. Захотел Виктор Петрович воспеть “новую жизнь” и ничего, кроме кладбища, похвалить не смог”. И дальше уже “на нерве”: “Я видел кладбища, когда ехал в Питер. Неприбранные, с крестами, сваренными из обрезков арматуры, они поражают своими размерами. Новые могилы вываливаются за ограду, тянутся к железнодорожному полотну, тонут в придорожных болотцах. Места не хватает — столько умирает людей! Это плата за “счастливую жизнь” при Ельцине”.

Астафьев ответил не сразу. Сидел, насупившись, тяжёлый, будто вырубленный из дубовой колоды, похожий на языческого идола. Затем взял слово и говорил, наверное, с полчаса, всё больше распаяясь, накручивая себя и слушателей. Наконец, срываясь на визг, выкрикнул: “И сдохнете! Сдохнете вместе с вашим Куняевым раньше меня!”

...Ушел из редколлегии Носов. Он долго не мог выбрать, чью сторону взять — Астафьева или Белова с Распутиным. Они были закадычными друзьями.

Василий Иванович и Валентин Григорьевич остались с “Нашим современником”. Так же, как Владимир Алексеевич Солоухин и Юрий Васильевич Бондарев.

Белов забегал в редакцию в перерывах между заседаниями Съезда народных депутатов. Побелев от негодования, рассказывал, как глумятся над страной её избранники. Чувствовалось, что ему необходимо выговориться перед с о и м и, согреться душой, отойти от кошмара, творившегося в Кремле. Но и на трибуне Съезда Белов не давал спуска русофобам. Его выступления — одни из самых принципиальных и ярких.

Я вспоминаю о расколе с печалью, но без фарисейской уклончивости. Не боюсь, что называется, выносить сор из избы. Кстати, полностью пословица звучит так: “Не выноси сор из избы под забор к соседу”. Народ вкладывал в неё другой смысл: не надо пакостить ближнему. Да и странно было бы советовать оставлять сор в избе — этак и в грязи потонуть недолго!

Но дело не в пословице. Противоречия в авторском ядре “Нашего современника” представляются мне закономерными и поучительными. Журнал никогда не был органом узкой литературной группировки, секты. Он предоставлял — и сегодня щедро предоставляет — свои страницы наиболее талантливым русским писателям и мыслителям. Было бы верхом наивности ждать от них единомыслия: каждый — индивидуальность, у всякого свой взгляд на судьбу страны.

Драматические разрывы не избежали и легендарные предшественники журнала — “Современник” Н. Некрасова и “Современник” А. Пушкина. От Некрасова в начале 60-х ушла половина авторов! И каких — Тургенев, Дружинин, Анненков.

Да и Александру Сергеевичу пришлось поправлять не в меру радикального Гоголя, опубликовавшего в его отсутствие статью “О движении журнальной литературы”. Пушкин тактично, но твёрдо отмежевался от высказываний автора, которого высоко ценил: “Статья “О движении журнальной литературы” напечатана в моем журнале, но из сего ещё не следует, чтобы все мнения, выраженные с такой юношеской живостью и прямотошеством, были совершенно сходны с моими собственными” (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. VII, М.—Л., 1949).

Иных читателей полемика между своими раздражает. “Для начала разберитесь промежду собой”, — требуют они. Советчики не учитывают того, что споры больших писателей отличаются от кухонных дразг. Это столкновение разных художественных и политических программ, концепций развития России. Объяснения такого рода не могут не быть публичными; каждый пытается привлечь на свою сторону максимальное количество людей.

Бурные споры вокруг направления журнала, на мой взгляд, подчёркивают в ы в е р е н н о с т ь его редакционной линии. Спорили до хрипоты, но в конце концов выбрали самое **здоровое**, самое **лучшее**. Эта линия и сегодня

основывается на моральном авторитете и писательском таланте Валентина Распутина, Василия Белова и, конечно же, Станислава Куняева, которому Видуков передал руководство журналом в 1989 году.

“Стараюсь не следить...”

30 лет работы в журнале. Из них 23 года – заместителем главного. И ещё юбилей: 20 лет (с января 1991-го) я веду авторскую рубрику “Дневник современника”. 148 публикаций на самые острые, опасные темы.

Всякое бывало. И голову горячие дети гор грозились отрезать. И к суду по обвинению в клевете привлекали аж из самого Израиля.

30 лет беспорочной службы. Во время оно служаке с таким стажем начальство вешало на шею медаль размером с чайное блюдце, а коллеги закатывали торжественный обед по подписке – с речами и поднесением адреса.

Теперь – не то. Сам не скажешь – никто не вспомнит. А вспомнят – так, чего доброго, спросят: как это ты, господин хороший, столько лет при разных редакторах и разных режимах в одном кресле усидел?

Сгущая краски? Возможно. Я благодарен моим товарищам по журналу за помощь в издании книги “Возвращение масс”. Она вышла как раз к юбилею.

Но и к острым вопросам, к отчёту готов. Кстати, и эту книгу, и пять предыдущих, в которых собраны мои статьи, публиковавшиеся в “Современнике”, можно рассматривать как “отчёт о проделанной работе”. Так же, как и том “Очерка и публицистики” пятитомной антологии “Нашего современника”. Я озаглавил его “В борьбе за Россию”. Здесь собраны лучшие работы, напечатанные в журнале за последние 20 лет: “Великая криминальная революция” Ст. Говорухина, “Есть ли будущее у России?” академика Н. Моисеева, “Как иголкой убить слона?” А. Зиновьева, “Шестая монархия” академика И. Шафаревича, “Народ без элиты: между отчаянием и надеждой” А. Панарина, “Цивилизационный слом” С. Кара-Мурзы.

Все прошли через мои руки. Конечно, редактируя их, я редко брал красный карандаш. Но ведь в том и мастерство редактора, чтобы в одних случаях усердно работать не только карандашом, но и ножницами, а в других, не тронув и запятой, нести материал в набор...

...А медаль мне всё-таки выдали. Накануне юбилея попал в наградной список Постоянного комитета Союзного государства.

Горько и смешно: 30 лет служил России, а награждён от имени некой виртуальной структуры. Которая сегодня, после безумных нападков Москвы на своего союзника в Минске, близка к самоликвидации.

Но девиз на абрисе греет сердце: “За безупречную службу”.

Боюсь, однако, далеко не все согласятся с такой формулировкой. Не только государство – общество равнодушно, а то и раздражённо отворачивается от тех, кто десятилетиями сохранял верность патриотическому движению. Поверьте, я печалюсь не только о себе. Но и о себе тоже.

Люди позабыли о борьбе тех, кто в 91-м пытался сохранить державу, с теми, кто её активно разрушал. Они отвернулись от политики как таковой: “Надоело! Не грузите!”

Красноречиво заявление популярного актёра Олега Меньшикова. Отвечая на вопрос корреспондента “МК”, в курсе ли он происходящего в России, киношник бросил: “Я стараюсь не следить за тем, что происходит в политике, в нашем социуме” (“МК”, 08.11.2010).

Ну как достучаться до людей, которые не просто не интересуются тем, как живет страна, но и во всех сил стараются не замечать, не видеть, не слышать?!

А ведь Меньшиков – человек публичный. Он общается с сильными мира сего, а потому волей-неволей вынужден быть в курсе событий. Основная часть общества и этой минимальной толикой знаний не отягощена.

Но столь же старательно оберегает себя от любой политической и социальной информации. О том, как работает блок ировка, свидетельствует любопытный факт: последнее президентское послание Д. Медведева уступило в телевизионном рейтинге популярному шоу “Суд присяжных” (“Коммерсантъ”, 03.12.2010).

Я и сам не любитель официальных речей. Но президентское послание (удачно оно или нет) намечает ориентиры нашего развития. Так вот, телезрители предпочли следить за вымышленными историями, а не за планами преобразований, которые неизбежно скажутся на судьбе каждого из них.

И всё-таки человек – “существо общественное”. Поставив заслон политической информации, он испытывает дискомфорт, нечто напоминающее муки совести.

Как успокоить совесть? Самый простой способ – обвинить, очернить тех, кто от политической борьбы не уклонился. Благо, власти вовремя подсунили обывателю словечко маргиналы. Общественное мнение с удовольствием припечатало им всех, кто не потерял интереса к судьбе страны, не утратил совесть и стыд.

– А, эти? Так они же маргиналы, – говорит себе (и окружающим) обыватель, когда совесть начинает “царапаться”.

Патриоты – маргиналы вдвойне. Они не просто “интересуются политикой”. Их заботит нынешнее состояние России. Они стараются помочь своей стране.

– Нелепая затея, – подсказывают СМИ. И обыватель с облегчением соглашается. Ещё бы! Если тревога за Родину смешна, то нечего и “дёргаться”. Не нужно слезать с дивана или выпихивать себя из кресла у телевизора.

“Маргиналы”. Казалось бы, всего-то слово, а действует безотказно. Не потому, что в нём заключена некая сила, а потому, что избавляет от необходимости думать и что-либо предпринимать. Обозвали человека – и вокруг как стена выросла. Говори, кричи – бесполезно.

Случается, убийственным словом пуляют в спину те, от кого совсем не такого ждёшь. Открываю газету “Завтра” и читаю: “В конце 1980-х годов только два маргинальных движения... позволяли себе спокойно оперировать термином “империя” (“Завтра”, № 45, 2010). Тут же “маргиналы” поименованы: “Национал-большевики” и “Русская партия”.

Кто же это так лихо их заклеил? Модест Колеров. Тот ещё патриот – в 90-е был советником коммерческих банков и питерского губернатора В. Яковлева. В середине нулевых возглавлял управление по связям с соотечественниками администрации президента.

И такому-то деятелю сотрудники “Завтра” выдали своих единомышленников, как говаривали в старину, с головой. Причина? Колеров в свойственной высокопоставленным болтунам манере снисходительно порассуждал об империи. И прохановские “имперцы” в благодарности предоставили ему целую полосу, не смущаясь тем, что он шельмует “Русскую партию” и требует “дать адекватный, жёсткий, неприятный (?) ответ на русский этнический национализм” (там же).

Для дискредитации используют и другой жупел, слово-убийцу: экстремист. Тут и вовсе дело – швах: могут не только из информационного поля выкинуть, но и в тюрьму засадить.

Сегодня в России и с системной оппозицией не церемонятся: кто не в стае – тот враг! Не так давно информагентства сообщали, что мэр Саратова преподнёс главе местного отделения “Единой России” прелюбопытный подарок – осиновый кол, серебряную пулю и связку чеснока. Набор предназначен для “работы” с оппозицией: “Чеснок “хорошо отпугивает коммунистов...”, осиновый кол следует использовать для “эсеров недобитых”, а серебряная пуля предназначается для Владимира Жириновского (<http://lenta.ru/news/2010/12/03/present>).

Такая “шутка”. С оппозицией внесистемной, к коей причислены русские патриоты, не шутят. Объявленный “экстремистом” сподвижник приснопамятного митрополита Иоанна Константин Душенов получил реальный срок: три года колонии-поселения.

И никто не вступился! Если бы власти объявили, что блестящий православный публицист упрятан за решётку за свои убеждения, как бы всколыхнулась многотысячная интернетовская братия! Но Душенов – “экстремист”. Поделом ему...

Так нацию наглухо отгораживают от национальной контрэлиты. Единственной силы, способной сформулировать национальную идею, встать на защиту растерявшихся, изверившихся в правде и праве лю-

дей. А без интеллектуального авангарда с разномастной массой можно делать всё что угодно.

Существуют и более коварные приемы. Запретный плод сладок, глядишь, смельчаки потянутся к нему и через возведённые преграды. Значит, надо убедить людей, что контрэлита вовсе не авангард, это предатели национальной идеи. Такие же, как шоумены и прочие штатные властители дум, которые после двадцатилетнего мельтешения на телеэкране успели изрядно поднадоесть публике.

– Вы думаете, что те, кто лишён эфира, кого стёрли не только из записных книжек телепродюсеров – из памяти общества, лучше? Ничуть не бывало! Они такие же разрушители державы, как их оппоненты – труженики Агитпропа, народные артисты, публично сжигавшие свои партбилеты, коротичи, евтушенки – имя им легион.

Главным разрушителем Советского Союза объявлен... не Ельцин, нет, не красной Горбачев, не цэрэушный крот Яковлев, не русофобы Ландсбергис и Гамсахурдия – Валентин Григорьевич Распутин! Выдающийся русский писатель, первым предупредивший об опасности деградации и распада страны ещё в середине 80-х (“Пожар”), а в конце рокового десятилетия отложивший писательское перо и включившийся в политическую борьбу за сохранение Державы.

Тут-то его “прихватили” фальсификаторы истории. Распутин, дескать, заявил о необходимости выхода России из СССР. Лживый тезис получил широчайшее распространение. На всевозможных политических тусовках его не без удовольствия мусолят те, кто на деле поспособствовал распаду великого государства. Охотно подпевает пресса. Свежий пример: “Взять хоть 89-й год, когда ВГ взорвал бомбу на Съезде народных депутатов. Он тогда, как все помнят (!), предложил, чтобы Россия вышла из состава Советского Союза” (“Новая газета”, 03.11.2010).

Лгут так напористо, так “густо”, что обыватели убеждены: да, это Распутин разрушил Союз. Выступления, разумеется, не помнят, да и в 89-м мало кто его читал, но это не мешает представлять речь этакой “бомбой”, манифестом русского сепаратизма и декларацией независимости РФ.

Что же, порядка в советские времена, даже накануне крушения страны, было побольше, чем ныне. Текст выступления В. Распутина на I Съезде народных депутатов 1 июня 1989 года застенографирован и опубликован. Придется привести обстоятельную цитату:

“Мы, россияне, с уважением и пониманием относимся к национальным чувствам и проблемам всех без исключения народов и народностей нашей страны. Но мы хотим, чтобы понимали и нас. Шовинизм и слепая гордыня русских – это выдумки тех, кто играет на ваших национальных чувствах, уважаемые братья. Но играет, надо сказать, очень умело. Русофобия распространилась в Прибалтике, Грузии, проникает она и в другие республики, в одни меньше, в другие больше, но заметна почти повсюду. Антисоветские лозунги соединяются с антирусскими... Это не борьба с бюрократическим механизмом, это нечто иное. Здесь, на Съезде, хорошо заметна активность прибалтийских депутатов, парламентским путем добивающихся внесения в Конституцию поправок, которые позволили бы им распрощаться с этой страной. Не мне давать в таких случаях советы. Вы, разумеется, согласно закону и совести, распорядитесь сами своей судьбой. Но **по русской привычке бросать на помощь, я размышляю: а может быть, России выйти из состава Союза, если во всех своих бедах вы обвиняете её и если её слаборазвитость и неуклюжесть отягощают ваши прогрессивные устремления** (разрядка моя, выделено мною. – А. К.)... Поверьте, надоело быть козлом отпущения и сносить издевательства и плевки”.

Где здесь призывы к выходу из СССР? Где обличения империи и манифестирование суверенитета? Неужели горькую иронию писателя приняли за политическую декларацию? Умудрившись не заметить при этом прямых нападок на СССР и откровенных сепаратистских заявлений депутатов “национальных республик”. Так же, как вооружённых конфликтов в Средней Азии и Закавказье, двусмысленного ГКЧП и совершенно недвусмысленного Беловежского сговора – ключевых моментов разрушения Союза.

Имейте совесть, махинаторы! Ну, хотя бы остатки её, притулившиеся в дальних запасниках души. Не перекадывайте с больной головы (того же

Ландсбергиса) на здоровую. Не возводите напраслину на замечательного писателя. Он настолько деликатен, что не вступает в спор, не защищается, не приводит своих п о д л и н н ы х слов. Но не нужно думать, будто во всей России не найдётся человека, способного вступить за его доброе имя.

Ведь на что расчёт мерзавцев – на то, что никто не выступит с разоблачениями наветов. Смолчат. Скушают. Сонно поведут отяжелевшей от телевизионного дурмана башкой: “А, Распутин? Возможно. Дыма без огня не бывает...”

И представьте – схема работает! По моим сведениям, я п е р в ы й, кто взялся опровергнуть клевету.

Мне хорошо известен маневр власть имущих и журналистской обслуги: ошельмовать патриотов, уравнивать их с губителями страны. Тех, кто срывает голос на митингах оппозиции, кто вел изнурительную борьбу на идеологическом фронте, кто д е л о м доказал верность народу, чохом записывают в предатели.

Понятно, если не измазать дерьмом на с, то встанет вопрос, что делали в ы в момент, когда определялось будущее Союза. Здесь у фальсификаторов истории надежная поддержка в самых широких обывательских кругах. Ведь они в это время сами не блистали гражданскими добродетелями. Зачитывались “Огоньком”, голосовали за Ельцина, а случалось, так и прямо участвовали в растаскивании государства.

...Насильно мил не будешь! Не собираюсь заискивать ни перед заведомыми лгунами, ни перед трусами из обывательской “группы поддержки”. Но доброе имя – собственное и моих коллег – позорить не позволю. В конце концов это единственное, что у нас есть. Разрушители страны несказанно обогатились в ходе самой грандиозной растащивки в мировой истории. А мы, их противники, прожили жизнь в бедности. “Честной бедности”, как сказал поэт. И этой в ы с т р а д а н н о й честности никому не отдадим.

Подводя итог тридцатилетней работы в журнале, я думал о том, как дать отпор негодьям. Доказывать, какой ты хороший? Пустое дело. Лучшее доказательство – документ. В идеале – это все 148 публикаций под рубрикой “Дневник современника”. Читайте, если найдёте хоть одно уклонение с русского пути, судите без жалости.

Но подобный “следственный эксперимент” вряд ли вдохновил бы читателей, поэтому из всего написанного я выбрал один текст. Во-первых, потому, что он краток. Во-вторых, он не публиковался в “Нашем современнике”. Это предисловие к моей книге “Новые политические мифы”, изданной в 1990 году. В расширенном виде я напечатал его в минском журнале “Политический собеседник” (№ 10, 1990).

Предлагаю его вниманию читателей. Судите сами: на чьей стороне я был. И предупреждал ли о том, что ждёт нас в случае торжества дикого капитализма.

Без иллюзий

“Мы живём, как на оккупированной территории. Нас оскорбляют ежедневно, ежечасно. Мы стараемся не включать радио и телевизор. Силу нам даёт только Родная Земля” – напечатанный в газете “Московский литератор” (13.04.1990) отклик на “Письмо писателей России”. Само “Письмо” пересказывать не стану – это, пожалуй, наиболее значительный общественный документ первой половины года, его нужно читать целиком. Около ста авторитетнейших писателей – среди них Л. Леонов, В. Распутин, В. Белов – впервые так откровенно и отважно сказали о бедах своего народа, об унижении его, об угрозе его существованию. Впоследствии к этому документу (как когда-то к “Хартии-77”) присоединились тысячи литераторов, музыкантов, художников, учёных, рабочих.

Что же произошло в первые месяцы девяностого года? Сотни событий – больших и малых, из которых я выделю три. Потому что они наиболее важны и потому что теснейшим образом связаны между собой.

Первое – беспрецедентная травля русских патриотических сил и всего народа в прессе, на телевидении, на шумных предвыборных митингах. Не случайно люди уже старались не включать телевизор – не было сил слушать по-

ношения россиян – циничные, методически повторяемые, не встречающие никакого отпора, ибо ТВ прочно взяли в руки единомышленники. Самым малым из обвинений было огульное зачисление всей нации в лентяи – таким воззрением на наш народ поделился Л. Абалкин, один из руководителей правительства. Вся эта кампания, все провокации, пущенные в ход, слишком ещё живы в памяти – напоминать не нужно да и тягостно.

Второе событие, прямо связанное с первым, – сокрушительное поражение патриотических сил на выборах в республиканский парламент. Десятки кандидатов – среди них знаменитый скульптор В. Клыков, художник И. Глазунов, поэт Ст. Куняев – проиграли предвыборный бой малоизвестным кандидатам от так называемой “Демократической России”. Тут невозможно говорить даже о выборе – они были отвергнуты не ради своих оппонентов, а именно потому, что являются патриотами России.

Я сам участвовал в этой борьбе и тоже потерпел поражение. Хорошо помню ликование людей, поддерживавших “Дем. Россию”. Но вот прошла неделя-другая, и пьянящий восторг поветрился. Почему? А потому что вслед за победой “демократов” (в Москве, Ленинграде и других крупных городах) были обнародованы идеи экономических советников правительства о стремительном переводе хозяйства на рыночные рельсы с катастрофическим ростом цен и перспективой многомиллионной безработицы.

И здесь связь с предыдущими событиями железная. “Прокатив” патриотов, москвичи, ленинградцы, миллионы жителей других городов избрали парламент, целиком стоящий на позициях рынка. Нет, конечно, среди рабочих, прошедших по дальним округам коренной России и Сибири, многие понимают – зачастую инстинктивно, – к каким последствиям приведёт невинно названная акция по “приватизации собственности”. Понимают и готовы сопротивляться. Но для этого нужна групповая спайка, свои идеологи, собственные органы информации. А откуда они у шахтёра из Кемерово или у рыбака с Сахалина?

В краткий промежуток с конца марта, когда определился расклад сил в парламенте, до начала апреля изумленное общество увидело, что по ключевому вопросу – о собственности – между правительством, по традиции состоящим из коммунистов, и “демократической” оппозицией нет принципиальных противоречий. Спор сразу же – ещё до первой сессии – пошел за места в руководящих органах. Но по главному вопросу – полное единство. Правительство – за рынок. И оппозиция – за него.

Блистательный финал пятилетней борьбы за плюрализм.

Впрочем, по-другому и быть не могло. Эта борьба, умело направляемая сверху, мудро опекаемая средствами массовой информации – а они, как всегда, находятся в руках работников проверенных, кадровых, – с самого начала вела от единогласия соцобразца к единогласию “рыночному”.

Но большинство людей осознало это только на рубеже апреля девяностого года. Тогда же начали появляться материалы, уточняющие и конкретизирующие экзотическое для нас понятие “рынок”. Один из первых – интервью со шведским экономистом А. Ослундом (“Правда”. 05.04.1990). Редакционная вводка настраивает на возвышенный лад: “...Директор Стокгольмского института экономики Советского Союза и стран Восточной Европы... Его книга “Борьба Горбачева за экономические реформы” стала бестселлером во многих странах”.

Доктор Ослунд оправдал рекомендации – впервые широкий советский читатель был поставлен лицом к лицу с реальностью, уготованной ему экономистами. Зарубежными советчиками и советскими специалистами – в интервью называются имена Л. Абалкина, А. Аганбегяна и первого заместителя председателя Госплана Леонарда Вида. Вот они, пофамильно, вершители наших судеб.

Как же они собирались их вершить? Методом “шоковой терапии” – разъясняет Ослунд. В пример он приводит Польшу: “В этой стране происходит самый впечатляющий экономический эксперимент последних десятилетий”. Восторги Ослунда как-то невзначай напомнили, что предыдущий “самый впечатляющий эксперимент” проводился в нашей стране. И экспериментаторы так же следовали из Стокгольма...

Но читателю таких материалов, как интервью в “Правде”, некогда отвлекаться на исторические ассоциации. Слишком высока цена слова на этих по-

прежнему директивных страницах. В ответ на фразу корреспондента о ситуации в Польше (“С декабря 1988 года по декабрь 1989 года цены на продовольствие выросли там на 978%”) шведский экономист спокойно заметил: “Могут добавить ещё одну цифру – 55 тысяч безработных и многое другое”. И далее ключевая фраза, которую следовало бы выбить золотом на триумфальной арке на дороге в капитализм: “Между прочим, никто и не говорил, что переход к рынку будет простым и безболезненным. Отнюдь нет!” Произнеся этот своеобразный парафраз знаменитого: “Оставь надежду, всяк сюда входящий”, гость газеты с бестрепетностью истинного учёного добавил: “Конечно, у вас в стране многие десятки миллионов людей с таким низким уровнем жизни, что некомпенсированный подъём цен они просто не переживут”. Четко и ясно, как и всегда, когда дело делают “по науке” – многие миллионы не переживут. Учёный не должен поддаваться сантиментам, тем более что миллионы не относятся к числу его сограждан.

Вот что выяснилось сразу же после выборов. Вот почему энтузиазма у голосовавших за “демократов” поубавилось. Ведь считанные доли процента от их общего числа принадлежат к тому слою людей, которому нынешний парламент готов поднести заводы, земли, магазины. Миллионеров немного даже среди сторонников “демократов”. Большинство поддержавших движение – это представители инженерно-технической интеллигенции. Нищенская зарплата озлобила их, родовая мета – беспокойный дух – выдвинул в первые ряды манифестантов, активистов предвыборных команд. После победы их лидеров, вознесённых к вершинам власти их собственными руками, эти люди вынуждены были всерьёз задуматься, не входят ли и они в число тех самых многих миллионов, обречённых “не пережить” экономическую “операцию без анестезии”.

Правда, тот же Ослунд весьма гуманно говорит о дотациях определённым группам населения. Однако отечественные экономисты, лучше знающие положение дел, сразу же пояснили: дотации не покроют издержек. Если итээровские сторонники адвокатов новой буржуазии будут достаточно мужественны, чтобы сказать себе полную правду, им придётся признать, что они являются и первыми кандидатами в ряды советских безработных. А число их в ближайший год, по подсчётам американских экономистов, может приблизиться к сорока миллионам. Кого будут увольнять в первую очередь – рабочих, как мстительно мечтали многие итээровские “демократы”? Это при нашем-то немеханизованном и неавтоматизированном производстве? Погонят непомерно разбухшие КБ, исследовательские группы, лаборатории. Всю лужниковскую – а в последнее время и манежную – массовку.

Конечно, и тут не обходится без подслащённых заверений, без демонстрации гуманизма и благотворительности. Безработным, мол, помогут переqualificироваться – в стране 10 млн незанятых рабочих мест. Извините, кандидату наук из Москвы переqualificироваться в газосварщики на безлюдных просторах Сибири (в Москве все должности, кроме дворницкой, заняты)? Говорят и о пособиях. Между прочим, прикидывают размер – выходит половина от нижнего предела пенсии. 35 рублей! Думаю, парламент великодушно решит не облагать эту сумму налогом.

В том-то и дело, что прикинуть, задуматься не дают. По телевидению, в газетах – интервью сторонников капитализации страны. Призывают “зжмуриться и прыгнуть в неизвестность” (“Правда”, 16.04.1990). Подзадоривают смело идти по польскому пути (П. Бунич). Ругают закон о собственности, потому что он “запрещает так называемую эксплуатацию, его надо доработывать” (С. Шаталин – “Литературная газета”, № 18, 1990). Витийствуют не только напористо, но и лукаво. В газете “Известия” с её всенародной аудиторией Шаталин демократично призывает исключить “наиболее высокооплачиваемые слои населения из программы компенсации” (“Известия”, 21.04.1990), а спустя всего 9 дней он же в более элитарной “Литгазете” заботливо ограждает от посягательств “оправданный разрыв в доходах, который следует поощрять” (“Литературная газета”, № 18, 1990).

Подталкивают к “прыжку” призывами, а главное – широким жестом в сторону пустых полок: вы хотите, чтобы так было всегда? Жаль, не пишут, почему полки пусты – ведь фабрики пылят день и ночь, да и колхозы, как ни задавлены они, всё-таки не в послевоенной разрухе. А делается это так – пробил-ся-таки материал на страницы газеты – страна задыхается без картофеля, це-

ны взвинчены (полтора рубля за килограмм), а производители из Латвии мечутся по Союзу и никакому торгу не могут сбыть излишки картофеля (“Правда”, 25.04.1990). Так было и с сигаретами, и с сахаром, и прочим “дефицитом”. Жест фокусника — спрятал в один карман, вынул из другого, но с иным ценником: не хочешь, а всё равно заплатишь, картошка — основа российского рациона.

Но специалисты способны оправдать и не такие “фокусы”. Они готовы отмыть и восстановить аферу с АНТом, которая, если её дадут когда-нибудь расследовать до конца, бесспорно, станет аферой века. Растерявшись после первых разоблачений, адвокаты теневой экономики вскоре перешли в яростное контрнаступление. “Будем работать или чувствовать” — так озаглавлены “полемические заметки об АНТе, и не только о нём” (“Литературная газета”, № 17, 1990). Под статью развязно агрессивному заголовку и вся статья. На документально подтверждённые обвинения в расхищении народного добра журналист А. Борин отвечает: так ведь сколько теряем впустую! Как будто альтернативой потерям от бесхозяйственности непременно должны быть уголовные махинации! Впрочем, о логике, да и о чести в связи с этим материалом (вполне характерным) говорить не приходится. “Многие “стратегические” грузы, остановленные у границы, как выяснилось, не нужны ни одному советскому предприятию”, — с таким пафосом обрушивается “Литературная газета” на недругов АНТа. К счастью, статьи в “Советской России” — единственной крупной газете, последовательно вскрывающей это скандальное дело, — дают возможность узнать, что же это за “ненужные” грузы — алмазы, валюта, золото.

Афера АНТа стала пробным камнем — раз уж и так ое можно не только стыдливо замаять, но восторженно оправдать, значит, всё позволено. Это дело чрезвычайно интересно и тем, что выявило экономическую основу у того шокирующего союза власти и оппозиции, о котором я говорил. Министры и замминистры, разведки соцстран, авантюристы из третьего мира, “капиталистические акулы” Запада, депутат Собчак и другие “народные избранники” из “демократов”, журналисты “Литературной газеты”, “Советской культуры” и “Коммерсанта” — вот далеко не полный (получим ли когда-нибудь полный?) список лиц из хоровода, бешено вращающегося вокруг аферы века.

И вся эта многоликая масса, вся эта грозная политико-экономическая сила, как тараном, бьёт в проржавевшие двери официально декларированного социализма. Правда, в мае после поездки Президента в Свердловск, где он мог, так сказать, кожей почувствовать температуру социальных страстей, кампания шокотерапии сбавила обороты. Тот же Шаталин вынужден признать: “Если просто взять и объявить “шоковую терапию”, нас завтра же сметут...” Примерно в том же духе в газете “Рабочая трибуна” высказался и экономический советник Президента член-корр Петраков. Но вслушайтесь в аргументы! Ни слова о народе, о том, переживёт ли он жестокие нововведения. Одна мысль — переживём ли мы: не “сметут” ли?

Правительственная программа подверглась острой критике, в том числе и в российском парламенте. Но вдумайтесь — за что критикуют. За попытку оставить хоть какой-то контроль над ценами. Не забота о человеке труда (какими бы “жалостливыми” фразами ни прикрывались ораторы), а забота о праве обогащаться бесконтрольно — вот что стоит за речами критиков программы.

Спорят и о тактике — надо ли было заранее объявлять о росте цен, сопутствующем введению рыночных отношений. Правительство предпочло действовать откровенно (о резонах ещё будет сказано), “демократы” считают, что о ценах разумнее было бы промолчать. В конце концов они сами неизбежно рванутся вверх, но, во-первых, дело будет сделано и запоздалые протесты ничего не смогут изменить, во-вторых, экономисты объяснят, что дороговизна — это, мол, не результат чьей-то злой воли, а проявление “объективных” законов...

Впрочем, правительство равнодушно к критике как справа, так и слева. Л. Абалкин в интервью “Правде” (04.06.1990) приоткрыл смысл беспрецедентного решения объявить о повышении цен за полгода. Во-первых, все выговорятся задолго до этого срока и возможность социального взрыва будет сведена к нулю. Во-вторых, люди устанут жить в условиях дикого дефицита, подогретого декларацией о повышении цен. Помучаемся, побьёмся, а там и скажем — да пусть повышают цены, только чтобы товары были. Пусть рынок, пусть хоть как в Польше.

А как в Польше?

В той же “Правде”, активно зовущей нас — устами экономистов — на польский путь, помещена любопытная корреспонденция из Варшавы (21.05.1990). Уровень производства в стране упал в среднем на треть, “потребление мяса, масла, молока, хлеба, сахара и других основных продуктов питания в Польше снизилось за последние месяцы на 25–30, а то и 40 процентов из-за дороговизны”. Число безработных “приблизилось к 400 тысячам” (ещё 5 апреля “Правда” писала о 55 тысячах безработных — значит, за полтора месяца их число увеличилось в 8 раз! — поистине рекордные темпы). Кстати, о зачинателях движения — для памяти нашим активистам, — хуже всех приходится судоверфи в Гданьске (она под угрозой закрытия) и тракторному заводу “Урсус” в Варшаве (крестьяне не могут покупать тракторы по нынешним ценам). Вспомним, эти предприятия с конца семидесятых стали рассадниками идей “Солидарности”...

Л. Бальцерович (коллега нашего Л. Абалкина) цинично похвально: “Мы перешли от ситуации всеобщего дефицита к состоянию, когда трудно уже продавать”. Наши экономисты с восторгом подхватывают эти слова. А ведь трудно продавать по одной-единственной причине — у населения нет таких денег.

Зарубежные наблюдатели отметили особенность польского пути, “его крайнюю степень жёсткости”. И здесь проявилось, пусть в извращенной форме, сознание, рождённое командно-административной системой: людей не жалеть, был бы результат! Догоним и перегоним — только в абсурдном беге вспять по исторической арене (для сравнения, в Японии с конца войны до последнего времени цены на самые важные потребительские товары находились под жёстким контролем со стороны государства, даже сегодня — в пору изобилия — цена на рис, основной продукт в меню японской нации, контролируется).

Метод “шоковой терапии” (цинично декларированный вначале и “гуманно” закамуфлированный теперь) искажает человеческие основы экономики. Его цель — рывком переложить всю тяжесть перемен на плечи простого народа. Больше того — терроризировать народ, породить атмосферу ужаса, “пустить судорогу”, как говаривал герой “Бесов” Достоевского. Напуганный народ на годы вперед должен стать покладистым и сговорчивым. Он должен принять то, что ни один народ в нормальной ситуации не примет. Польский специалист профессор С. Чайка заявил, что в “настоящее время под угрозой оказались основы биологического существования польского народа” (“Литературная Россия”, № 18, 1990).

В исторической памяти русской нации есть схожие моменты — голод, инспирированный коллективизацией. Тогда народ тоже лечили шоком, и он, подавленный ужасами карательных акций, соглашался безропотно вымирать. Сколько миллионов унесла та “жатва скорби”? Новая — предупреждают экономисты, не ангажированные миллионерами от мафии, — унесёт не меньше. “... Нам придётся заплатить цену не меньше той, которую мы уже заплатили в прошлом” (“Советская Россия”, 12.05.1990). Неужели то, что не удалось сделать путём прямого террора, удастся достичь террором экономическим, замаскированным под проявление законов свободного рынка?

У “оптимистов” — а это ампула, кажется, стало второй профессией “прорабов перестройки” — такие прогнозы вызывают беспечный смех. Так почему бы не подсчитать все потери и все обретения общества? Заметьте, народ толкают к рынку (и дальше, напрямиком к капитализму), закрыв ему глаза — ни одной цифры расчётов профессионалы не приводят. Правда, нет-нет да и проскользнёт выразительное словцо. Например, признания знаменитого Дж. Гэлбрейта: “Те, кто говорит... о возвращении к свободному рынку времен Смита, не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера” (как же в таком случае охарактеризовать экономические рубрики наших центральных газет?).

Приведенная цитата — из статьи член-корра С. Алексеева в “Правде”. Но и эта статья начисто лишена цифр. И заканчивается бесподобно — высмеивая тех, кто призывает сохранять осторожность на виражах реформы, автор побивает их фразой: “А это значит, что важное дело застопорится, не будет никакого продвижения к разгосударствлению монопольной собственности” (“Правда”, 19.05.1990). Козырная карта советской печати на протяжении более семидесяти лет — главное — движение: вперёд, вперёд! “Зажмуриться и прыгнуть”, а там будь что будет. Почему бы и нет, если жмурятся член-корры, а кровавые шишки набивает простой народ.

Сегодня люди ещё верят таким заклинаниям. В новинку то, что зовут прыгать не вперёд, к коммунизму, а назад, к капитализму. На выборах многие отдали должное хлестким лозунгам. Пример Польши и здесь поучителен: надо будет, верховоды откажутся от самых звучных лозунгов, провозглашённых вчера. Лех Валенса уже заявил полякам: “Я не могу отвечать за правительство, которое избрали вы сами”. Цинизм, похоже, не имеет предела – ведь Бальцерович и его команда оказались в правительстве только благодаря деятельной поддержке Леха Валенсы.

Весенняя лихорадка избавила народ от иллюзий. Надеюсь, навсегда. На краю пропасти слишком опасно поддаваться призывам крепко зажмуриться.

Выше голову, русские!

Публикую текст двадцатилетней давности, я не вычеркнул ни одного слова, не изменил ни одной констатации или прогноза. Даже ошибочного, как выяснилось позднее, утверждения, что в России, ринувшейся в рынок, безработица вырастет до 40 миллионов. К счастью, этого не произошло. Но не благодаря усилиям правительства. Это “красные директора”, договорившись между собою, перешли к невиданному в новейшей истории н а т у р а л ь н о м у о б м е н у. Чем, хотя бы на время, спасли свои предприятия, экономику в целом, страну.

Остальные прогнозы сбылись. Мне нет нужды подправлять написанное в 90-м году, абзацами выбрасывая то, что сегодня можно расценить как вольный или невольный обман читателя. Я избавлен от необходимости переписывать и более ранние статьи, стыдливо убирая цитаты из классиков марксизма-ленинизма. Их у меня отродясь не бывало! В этом мое отличие от А. Ципко и прочих “прорабов перестройки”, полжизни проработавших в ЦК, а вторую половину угробивших на то, чтобы с цековским наследием бороться.

В 1987 году, когда Викулов назначил меня заместителем, я был единственным куратором “идеологического блока” в московском журнале, не являющимся членом КПСС. Я боролся за сохранение державы не по приказу сверху, а потому что без неё не мыслил своей жизни. Но и тогда, когда на Старой площади затрубили отбой, сдав страну либеральной шантрапе и повывлезавшему из подполья криминалу, я не покинул позиций, не изменил взглядов.

Быть может, самостоятельность позволила мне говорить посвободнее и видеть подальше многих коллег. В предисловии к моей книге “Россия над бездной” (М., 1996) Вадим Кожин особенно выделил в статьях “Дневника” точность прогнозов, способность к предвидению.

Вадим Валерианович писал: “Перечитывая одну за другой его многочисленные работы, опубликованные в журнале “Наш современник”... я увидел, как в них проявляется то, что можно назвать историческим предвидением. Качество, чрезвычайно редко встречающееся даже в работах самых серьёзных публицистов”.

Кожин приволил в пример публикации 1991 и 1993 года: “В августовском номере журнала за 1991 год (для незнакомых со спецификой производства журнала подчеркну – номер тогда сдавался в набор за несколько месяцев до выхода, в частности, этот был сдан в июне), проанализировав итоги президентских выборов, на которых, как известно, большинство голосов получил Б. Н. Ельцин, А. Казинцев задавал вопрос: “Так что же дальше? “Сильная рука”? Вероятно. Но чья? Сам ли Борис Николаевич снимет белые “демократические” перчатки и, вспомнив обкомовское прошлое, стукнет кулаком по столу? Или же это будет командирская длань какого-нибудь генерала?” В конце августа мы получили ответ на этот вопрос. Но в июне он вряд ли кому приходил в голову. Ельцин многим представлялся тогда “розовым” либералом, окружённым прекраснородушной интеллигенцией. И лишь несколько месяцев (а в иных случаях и несколько лет) спустя люди поняли, что белые “демократические” перчатки были натянуты им для блезира”.

Продолжу цитату: “Ещё одно удивительно точно сбывшееся пророчество – в майском номере “Нашего современника” за 1993 год с исчерпывающим знанием воссоздавая перипетии Смутного времени, рассказывая о предательстве властей предрержащих, о провокациях иностранных оккупантов, провоцировавших кровавую бойню в Москве, Александр Казинцев предупрежд-

дал: “Внимание — он (исторический конспект. — В. К.) может оказаться прочтением о нашем ближайшем будущем”. Ещё более определённо об этом неотвратно приближавшемся будущем — залитом кровью октябре 1993 года Александр Казинцев писал накануне событий в сентябрьском номере (сдан в набор в июле) “Нашего современника”: “От нас ждут действия. Провоцируют на стихийный протест... Как будто некий график требует жертв уже с е г о д н я... Мировая закулиса крайне заинтересована в том, чтобы... использовать энергию русского народа для его саморазрушения... Ясно одно: самое глупое из того, что мы можем сделать, — это стать добровольными, “благонамеренными” помощниками наших убийц”.

Со своей стороны мог бы добавить ещё несколько примеров к тем, что привёл Вадим Валерианович. Признаюсь, я горжусь статьёй “Васильевский спуск”, опубликованной в январском номере за 1993 год. процитирую несколько абзацев:

“... Он начинается сразу за резными галереями Покровского собора, известного москвичам под именем “Василия Блаженного”, за строгим силуэтом Спасской башни. Отрезок булыжной мостовой в несколько десятков метров. Васильевский спуск...”

... 10 декабря 1992 года спуск наглухо перекрыли переносными металлическим ограждениями. За ними — цепочки милиционеров. Ничейная полоса — посредине. Влекущая, как магнит, пустота будущего поля боя. Людские толпы за барьерами. Красные флаги с одной стороны, правительственный триколор — с другой. “Ель-цин, Ель-цин” — надрываются динамики от собора; “До-лой! До-лой!” — хриплыми, застуженными голосами отзывается Васильевский спуск.

Тот, кто любопытствует заглянуть в будущее, должен был побывать здесь. Васильевский спуск — зримая метафора гражданской войны. Пока только метафора”.

В конце мятежного десятилетия я предупреждал о последствиях возможного избрания В. Путина на высший государственный пост. Проблему я обозначил на конкретном примере: жители рабочего посёлка Советский под Выборгом в конце 1999 года отдали свои голоса только что созданной партии “Единство”, сформированной специально под Путина. Драматическая парадоксальность этого волеизъявления заключалась в том, что незадолго перед тем отряд спецназа расстрелял в Советском митинг рабочих знаменитого Выборгского ЦБК, не пустивших на комбинат нового хозяина Сабадаша. Я писал:

“Избирателям Советского и миллионам других людей, увидевших в Путине человека, способного вернуть государству центральное место в жизни страны, в том числе и в экономике, следовало бы знать, что нашептывают ему Чубайс и прочие пестуны и наставники из-за кремлёвских кулис: “Путин о б я з а н (выделено мною. — А. К.) будет быть реформатором... Исполнительной власти надо уходить оттуда, где она не нужна или мешает — уменьшить, например, масштабы своего прямого воздействия на экономику (она всё ещё пытается это делать), — и концентрироваться там, где присутствие власти необходимо”. Где же? Чубайс будто об истории в Советском (там суд выступил против рабочих. — А. К.) говорит: “... Концентрация всей мощи государства на реализации решений судебной власти. То есть общество — и физические, и юридические лица — должно наконец понять, что решение суда — это серьёзно. Без этого никуда... Для того, чтобы этого добиться, и нужна сильная власть”.

Парадокс “сильной руки”, пока ещё не осмысленный обществом: рабочие ЦБК (и разве только они?) проголосовали за Путина, чтобы он защитил их права, в том числе и от спорного решения суда, отдавшего комбинат в руки Сабадаша, и — шире — от несправедливого раздела собственности, а властная элита стремится воспользоваться народным выбором, чтобы лишить рабочих последних прав и узаконить концентрацию собственности в руках людей, подобных водочному королю.

Что если Путин и здесь уступит элите? **Не случится ли так, что советские люди (воспользуюсь названием посёлка как предельно емким символом) вместо чаемых благ получат спецназовскую дубинку как воплощение государственного внимания к ним?**

Наш народ любит эксперименты. Отдавая симпатии и голоса человеку, чья позиция им неизвестна, не проверена на деле — десятках серьёзных дел,

российские избиратели ставят – на себе! – самый рискованный эксперимент с 1991 года”.

Напечатано в мартовском номере “Нашего современника” за 2000 год. Голосование, сделавшее Путина президентом, ещё не состоялось. Можно было хорошенько обдумать выбор, взвесить все “за” и “против”.

Куда!..

О национальном вопросе, оглушительно взорвавшемся на исходе минувшего года в столице, я говорю уже по крайней мере 15 лет. Начиная со статьи “Чечня” (“Наш современник”, № 4, 5, 1995), написанной по следам первой поездки в только что освобождённый Грозный. В 2002-м после трагедии “Норд-оста” и убийства чеченцами русского подростка Кости Блохина в Угличе я писал: “А теперь спросим (после всего перечисленного выше, я думаю, пора спросить): **кого защищает государство российское в многочисленных межнациональных конфликтах, которые росчерком министерской авторучки не отменить? Или по-другому спрошу: кто защитит от террористов москвичей? Кто защитит древний Углич от демонстративной карательной экспедиции чеченцев? Кто защитит подмосковный наукоград Красноармейск, жители которого мечтают о возвращении прежних времён, когда город был закрыт и люди могли выйти на улицу и посидеть в кафе, не рискуя напоротью на нож горячего южного парня? Кто поможет жителям пятимиллионного Краснодарского края, куда перебрался миллион мигрантов? Кто поможет казачкам, за копейки батрачащим на новых латифундистов с Кавказа, о чём недавно с горечью говорил атаман Козицын? Кто вернёт к нормальной жизни 400 тысяч русских, выданных из Чечни при Дудаеве и Масхадове? Вот бы они вспомнил глава ФМС, рассуждая о том, что России нужен миллион новых рабочих рук ежегодно, – можно ведь пригласить в Москву не джигитов из горных аулов, а русских страдальцев из “маленькой, но гордой” кавказской республики. Кто – спрашиваю я – защитит всех этих людей? Русскую Россию, нуждающуюся в защите” (“Наш современник”, № 12, 2002).**

В начале года минувшего, потеряв уже всякую надежду на власть, я призывал общество сплотиться перед такими вызовами, как убийство православного священника о. Даниила (Сисоева) и подрыв кавказцами “Невского экспресса”: “... Если даже такие события не способны не то что мобилизовать общество, но хотя бы заставить его поверить в случившееся, то какая судьба это общество ждёт? Пора бы очнуться! Или оно уже и глаза протереть не в состоянии?”

– Так чего же вы хотите? Погрома? – завопят провокаторы, и штатные и добровольные.

Не погрома. Но мобилизации общества перед лицом жестоких вызовов. Произошедшие трагедии (и если бы только они – печальный список можно длить) должны вывести русских из состояния анабиоза” (“Наш современник”, № 2, 2010).

Беда не в том, что мы не говорили. Беда в том, что нас не слушали.

Почему? В борьбе за саму власть и за её программу у либералов было неоспоримое преимущество: за ними стояли административный ресурс и большие деньги. Возвышение Ельцина (так же, как затем Путина) лоббировали государственные телеканалы и большинство газет. Кадры “инженеров человеческих душ” твердой рукой расставлял сначала Александр Яковлев, а затем и сам Борис Николаевич. Накатывал пропагандистский вал. Что могли противопоставить ему журнал “Наш современник” и немногочисленные патриотические газеты?

Во-вторых, отлично сработали политтехнологи, которых активно консультировали западные специалисты (не забудем и о Западе – он сыграл свою роль). В 91-м стране предложили образцового “разрушителя”. Даже пьяные выходки не вредили имиджу Ельцина. Разрушитель и должен быть таким: не для тонкой работы его звали во власть! В 2000-м, когда общество смертельно устало от “царя Бориса”, отыскался столь же образцовый “союзитель”. Недавно я писал о том, как кропотливо (на основании закрытых соцопросов) создавали образ Путина (“Наш современник”, № 11, 2010).

Сказалась и радикализация общества на рубеже девяностых. Как показывает история России, она сопутствует кардинальным переменам во власти. Что могли предложить патриоты в 91-м? Сохранение страны (а значит, и сохранение сросшегося с ней строя) при постепенной эволюции политического и хозяйственного укладов. А Ельцин сразу рубанул: уничтожение КПСС и всего, что либеральные пропагандисты ловко увязали с её правлением: “привилегий”, “дефицита” и т. д. и т. п. – вплоть до социалистического строя и самого СССР.

Мы срывали голоса, говоря о губительных последствиях либеральных реформ, а наши оппоненты “глушили” эти речи одним-единственным тезисом: “А, это коммуняки не хотят отдавать своих привилегий!” И толпа активно поддерживала их.

Конечно, группы поддержки были и у нас. Но в “войне митингов” перевес был на стороне либералов. Митинги патриотов на Манежной, где довелось выступать и мне, собирали 10–15 тысяч человек. Странники Ельцина выводили на ту же площадь до 100 тысяч.

Дело не в наших просчётах (хотя они были) и не в особой ловкости противника. Тут обозначилась закономерность политического развития: то же происходило и во время Смуты 1917 года. О стремительной радикализации общества можно судить по изменению состава Временного правительства. В феврале его возглавил князь Львов, беспартийный деятель земского движения, аристократ, ведущий родословную от Рюриковичей. “Нас было 11 в этом правительстве, – вспоминал А. Керенский, – из них 10 принадлежали к либералам и умеренно-консервативным партиям. Я был единственным социалистом” (Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993). Три месяца спустя – уже 6 социалистов. В следующем месяце правительство возглавил социалист (Керенский), а в начале осени встал вопрос о формировании “социалистического правительства” без участия буржуазных партий (там же). Большевикам оставалось только воспользоваться результатами этого стихийного развития.

Кстати, аналитики начала XX века предсказывали возникновение подобной ситуации, которая сопровождалась бы “полным и окончательным разгромом партий правых и постепенным поглощением партий промежуточных: центра, либеральных консервативных, октябристов и прогрессистов партией кадетов, которая поначалу и получила бы решающее значение. Но и кадетам грозила бы та же участь”. Они “оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева... А затем... Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии...” (цит. по: Блок А. Последние дни императорской власти. Минск, 1991).

Между прочим, процитированная записка была составлена в 1916 году и передана Николаю II. До революции оставался год, ещё можно было попытаться что-то изменить. Но кто же в России слушает аналитиков? Тем более патриотических...

Ни элиты, ни общество не обратили внимание на предупреждения. Так же, как до этого игнорировали предвидения Н. Данилевского, К. Леонтьева, М. Меньшикова, авторов “Вех”, И. Ильина.

Впрочем, это тема отдельного разговора. Вернёмся к нашим баранам: в 1991-м нас не слушали. Теперь не слушают, кажется, никого.

И всё же напоследок я хочу обратиться к читателям. Ко всем, кто на протяжении двадцати, тридцати и более лет искал в “Нашем современнике” ответы на свои опасения, сверял со словом журнала свои надежды. Повторю сказанное в статье “Кладбище лидеров, или Прокрустово ложе стабилизации” (“Наш современник”, № 2, 1996):

“Я помню первые митинги протеста – их организовывали совместно все противники нынешнего режима. Я помню, как смыкались ряды под разноцветьем знамён, когда раздавались звуки “Священной войны”, этого гимна русского сопротивления:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой.*

Где теперь патриоты – неперемненные участники тех манифестаций, самоотверженные помощники организаторов? Накануне Нового года я обзвонил

активистов патриотического движения во многих городах. Поздравлял с праздником, а настроение было не праздничное. Всюду — нотки обречённости, горечь, жалобы на отсутствие единства, грызню местных маленьких “вождей”, апатию рядовых участников движения.

Нетрудно понять — каток “реформ” в первую очередь прокатился по патриотам. По инженерам, учителям, литераторам. Их обобрали, затаскали по судам (в “демократические” времена из “политических” судят одних патриотов), деморализовали. И очень может быть, что мы медленно сгинем поодиночке.

Но возможно и чудо. Чудо преображения общества — обретение того единства, о котором грезилось во время первых митингов оппозиции. Возвышающегося над эгоизмом людей, социальных групп, политических сил.

Я говорю вам — рассеянным по городам, гибнущим поодиночке патриотам: выше голову, русские, мы ещё пригодимся России.

Я говорю вам — московским оппозиционерам, вождям партий: без патриотов, без патриотизма вам не поднять страну.

Я говорю мертвым — мы не дадим раздавить себя. Мы будем биться за Россию в одних рядах с вами — ратниками Ледовой битвы, воинами Великой Отечественной, защитниками Дома Советов.

Я повторяю — вместе с хором, гремящим в морозной мгле:

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война”.*

**В издательстве “Наш современник” вышла книга
АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА “ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС”**

Книга состоит из четырёх частей, посвящённых массовым движениям Европы и мусульманского мира, новым моделям народовластия в Латинской Америке, протестным движениям в России. Автор использует огромное количество фактических данных и материалов, многие из которых недоступны широкой публике.

Издание можно приобрести в редакции журнала или заказать по почте. Цена в редакции — 100 руб., с пересылкой — 160 руб. Для оформления почтовой доставки деньги следует перевести на адрес редакции: 127994, Москва, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2. Редакция журнала “Наш современник”. Казинцеву А. И.

УРОКИ МАНЕЖНОЙ

Обсуждение декабрьских выступлений молодёжи

КСЕНИЯ МЯЛО

БОЛЬШЕ ЧЕМ ОШИБКА

События 11 декабря в Москве (а если не забывать о состоявшихся в тот же день митингах и шествиях в Петербурге и Ростове, то и в России) принадлежат, несомненно, к разряду тех, которым суждено обрести долгий резонанс и последствиям которых ещё только предстоит развернуться в полной мере. Однако сама их масштабность, яркость и объёмность обозначенных ими проблем, как это всегда и бывает в случае акций протеста подобного размаха и накала, уже позволили иным из таких последствий проявиться с такой же стремительностью, с какой стартовали они сами. И с какой были названы “погромами”, притом – с самых вершин власти. А вот это можно считать одним не только из первых, но и важнейших из последствий. Потому что когда речь идёт о массовых акциях протеста, в общественном сознании резче всего – резче даже, нежели та форма, в которой они подаются СМИ, – запечатлевается реакция на них властей предержавших. То есть тех, кому, собственно, и адресуется протест, к кому предъявляются некие требования и от кого ждут реакции на поданный сигнал неблагополучия, если не бедствия. Ждут хотя бы короткого стука морзянки: “Вас понял...”

Опасно, если ответом окажется молчание; во стократ опаснее, если вышедшие на улицы тысячи людей, особенно молодых людей (притом, в основной своей массе, безоружных), в ответ услышат лишь обещание примерно наказать их, если они ещё раз осмелятся прийти “гадить”. И тысячекратно опасней, если мерзкое это словечко окажется обращено к тем, кто, апеллируя к закону, пришёл требовать правосудия, и если оно прозвучит из уст главы государства, согласно Конституции являющегося гарантом соблюдения закона. Опасность эта настолько очевидна, что никогда ещё за всю историю столь богатого молодёжными (притом гораздо более радикальными – чего стоит один только парижский май-68!) бунтами последнего полувека никогда и нигде ни один из политических лидеров не позволил себе ничего подобного. Но именно это и произошло в России, готовящейся переступить порог второй декады XXI века, что не могло не вызвать оторопь и что очевидным образом подводит черту под эпохой грёз о “вхождении в цивилизованное сообщество”.

Ведь представлялось бесспорным, что первыми из уст Президента, по всем законам божеским и человеческим, должны были бы прозвучать не угрозы и грязные оскорбления, а слова соболезнования родным и близким Егора Свиридова; обещания же неотвратимой кары всё-таки должны были адресоваться в первую очередь не тем, кто – не беспричинно! – вышел на площадь,

а убийцам, да и не одного ведь Егора, а и других двух парней, убитых практически в те же дни. О них, однако, не вспомнила ни пресса, сосредоточившаяся, за немногими исключениями, на теме провокаций и привычных обличениях “русского фашизма”, ни множество политологов с конспирологическим уклоном, поглощённых жгучей темой выборов 2012 г. и подковёрных игр вокруг них. И даже Патриарх, от которого, как от религиозного лидера православной России, ожидалось всё-таки нечто большее, отдал дань подобным розыскам, всё остальное назвав “элементарным хулиганством”.

Однако — и это представляется мне самым важным с точки зрения возможных грядущих последствий — о них не вспомнил и Президент, всё своё негодование в первые же дни сосредоточивший исключительно на участниках “Манежа”. И негодование отнюдь не абстрактное. Оно тотчас же обрело форму конкретных рекомендаций силовым структурам, и уже 12 декабря, на встрече с министром внутренних дел РФ Рашидом Нургалиевым, Д. Медведев, с металлом в голосе, заявил “*urbi et orbi*”, что впредь при возникновении подобных ситуаций милиция должна быть готова применить все имеющиеся в её распоряжении средства. Так и было сказано — все. Но ведь известно, что в это “все” входит и огнестрельное оружие, и не случайно начальник ГУВД Москвы Владимир Колокольцев ещё вечером в субботу 11 декабря — видимо, для того, чтобы успокоить встревоженную общественность и предотвратить распространение ложных слухов — сообщил, что табельное оружие на площади не применялось. Так что же, Президент недоволен сдержанностью московской милиции, и нам следует заключить из его слов, что теперь им выдана санкция даже и на это?

Вопрос повис в воздухе, а выступая 13 января по телеканалу “Россия”, Медведев продолжил развитие темы в том же ключе: “Недавние события в Москве, погромы, нападения на людей должны быть квалифицированы как преступления, а лица, их совершившие, должны понести наказание... Бардака на улицах и в общественных местах быть не должно”. Так что если у кого-то ещё теплилась надежда, что, говоря о недопустимости нападения на людей, он имел в виду всех, совершающих таковые, то словечко “бардак”, несомненно, должно было развеять иллюзии: нет, речь по-прежнему шла о площади, на которой Президент так и не заметил главного — апелляция к закону и Конституции. А поскольку к моменту произнесения этой речи ещё не начинался не только судебный процесс, но даже и следствие, то и тому и другому недвусмысленно и в нарушение юридической процедуры прямо вменялось называть едва ли не всех участников акции преступниками. Иначе — зачем бы вообще понадобился этот странный и вызывающий демарш, если не для того, чтобы заранее заклеить (а на юридическом языке — квалифицировать) любую возможную попытку массового протеста как *погром*? Зачем вообще понадобилось это насыщенное самыми зловещими обертонами слово, и так уже, по горячим следам горячих событий, запущенное в оборот безответственными журналистами? Жаждущими если уж не крови, то, по крайней мере, статей похёстче и сроков подольше для собравшихся на Манежной площади юнцов.

Так, Сергей Юрьев на страницах “Московской правды” (15 декабря 2010 года) сетует: “На сегодняшний день столичное ГУВД не завело ни одного дела в отношении организаторов погрома по статье 212 УК РФ — организация массовых беспорядков. В кодексе она стоит рядом со статьёй о хулиганстве, зато как различается общественная опасность этих деяний. По 212 статье человека можно “запереть” на 10 лет, если он организатор, а если всего лишь участник — до 8 лет”. А вот максимальное наказание по статье “хулиганство” гораздо меньше, и как же тут не печалиться гуманному противнику погромов, тем более что бездействует — хотя выступления Президента позволяют надеяться, что всего лишь пока! — и самое желанное: уже успевшая стать знаменитой 280-я статья УК. Но что 280-я, то есть ответственность за экстремизм! Кое-кто пошёл и дальше, и не успели работники московского коммунального хозяйства собрать бутылки, петарды и сорванные с ёлки игрушки, которые протестанты использовали в качестве метательных орудий против омонцовцев, как солидная и претендующая на репутацию объективной “Независимая газета” уже 13 декабря вынесла на первую полосу статью Александры Самариной под характерным и задающим тон всему последующему повествованию “выкриком”: “Националистическая акция в столице поставила под угрозу безопасность граждан и целостность страны”.

Тянет, безусловно, на государственное преступление, но никаких сколько-нибудь веских и убедительных доказательств в подтверждение столь грозного обвинения не приводится, да их и быть не могло. Ведь уже вечером той самой субботы было известно, что, согласно информации, полученной ИТАР-ТАСС в правоохранительных органах, в результате беспорядков на Манежной площади пострадало примерно 10 человек, и, главное, не было убитых. Самарина, правда, упоминает об “одном убитом”, но поскольку, по прошествии вот уже 10 дней, подобная информация не получила никакого официального подтверждения, то можно предположить, что “Независимая” просто-напросто дезинформировала читателей. Однако не только не последовало никаких опровержений, но 15 декабря на тех же самых страницах можно было прочесть о “беспорядках в центре Москвы, повлекших человеческие жертвы” – теперь, как видим, уже во множественном числе и без какой-либо ссылки на источники информации, а это позволяет говорить о преднамеренном искажении реальной картины событий.

Причины понятны: ведь если не было убитых, то сомнительной становится и сама правомерность употребления слова “погром”. Потому что настоящий погром – а не беспорядок на кухне и даже не драка нескольких десятков человек, – всегда сопровождается немалыми человеческими жертвами и жестокостями, заставляющими кровь стынуть в жилах. Это то, что не столь уж давно происходило в Сумгаите, Баку, в Ферганской долине в 1989 году, а также при террористическом сгоне русских из Чечни в 90-е годы (притом стоит напомнить то, о чём предпочитают не вспоминать, – ещё до начала военных действий); и все потрясать этим словом, требовать для тех, кто всё-таки не совершал убийства, самых суровых наказаний, словно бы они и впрямь были безжалостными погромщиками, не только предельно цинично. Это глубоко разрушительно для общественного сознания в целом, потому что окончательно лишает его тех внятных и нравственных, и правовых критериев, без которых не может осуществляться правосудие, да, собственно, не может существовать и само общество.

При этом я вовсе не хочу сказать, что участники митинга и шествий были ангелами и вообще не совершали никаких противоправных действий – утверждать подобное значило бы тоже грешить против истины. Избиения людей на площади и в метро неприемлемы, и они заслуживают наказания, тем более же заслуживают его те, кто подстрекал к ним, о чём и заявил ещё вечером 11 декабря В. Колокольцев: “Зафиксированы лица, пытавшиеся сделать что-то провокационное, будем разбираться”. Так для чего же потребовалось, не гнушаясь откровенной ложью, и дальше нагнетать ситуацию? Для чего требовать самых суровых наказаний и даже применения против возможных будущих бунтарей всех имеющихся в распоряжении милиции (впрочем, наверное, уже полиции) спецсредств и говорить об угрозе государственной безопасности, когда даже материальный ущерб, нанесённый городу акциями 11 сентября, не идёт ни в какое сравнение с тем, что происходило в европейских столицах на протяжении одного только последнего года.

Повсюду – в Лондоне, Париже, Афинах, Риме – мы могли видеть горящие автомобили (а в Лондоне сожжены были даже автобусные остановки) и разбитые витрины, жестокие схватки с полицией; в Греции не обошлось, к несчастью, и без человеческих жертв – и всё-таки повсюду правительства стараются избегать угроз и чрезмерного применения силы. Да, в Англии после бурных событий начала декабря полиции было разрешено применять спецсредства, до того использовавшиеся только в Северной Ирландии, но ведь и ущерб, нанесённый городу, по самым скромным подсчётам составил сотни тысяч долларов. В России же Президент дал санкцию на применение самых жёстких мер, так сказать, превентивно, хотя именно тогда, когда он произнесил свою грозную речь, в Риме весь центр города был затянута дымом, и отнюдь не от петард и шашек, а разгневанная толпа прорывалась к парламенту – и тем не менее власти воздержались от угроз, тем более оскорблений. Повсюду присутствует понимание того, что нет ничего опаснее для общества и государства, нежели отказ разглядеть проблемы, накал которых и толкает людей к действиям, балансирующим на грани фола. А поскольку проблем и в мире, и в Европе, для которой и по оценкам исследователей, и по самооощущению граждан недавняя эпоха всеобщего благосостояния уходит в прошлое, хватает с избытком, то властям приходится делать выбор – “держат удар” либо срывать в чистую полицейщину.

Но ведь таких проблем хватает и в России, и по самой своей сути они, несмотря на всю отечественную их специфику, мало чем отличаются от европейских аналогов. То же, но только во много раз большее падение жизненного уровня, то же, но опять-таки во много раз более сильное, обострение проблем образования, здравоохранения, теперь уже и занятости, наконец – всё возрастающая напряжённость, вызываемая массовой иммиграцией и связанным с ней разрушением привычной среды обитания. Естественно, это ведёт к усилению защитных реакций и росту настроений, которые принято именовать националистическими. Однако в новой ситуации растёт и понимание того, что таким определением, недавно ещё имевшим значение жупела, теперь опасно злоупотреблять. Потому что рост этих настроений – индикатор реально существующих в обществе проблем, а значит, избежать их дальнейшего обострения невозможно, отказываясь от открытого их обсуждения и поиска решений – совместно с “националистами”, которые в Европе (например, в Швейцарии, Нидерландах и Швеции) уже проходят в парламент. Ну, а если российская власть считает нарушением общественного порядка даже выход группы молодых людей под государственным флагом и с плакатом “Мы не фашисты” (Останкино, 19 декабря 2010 г.), то тем самым она даёт понять: фашизмом в её глазах является любое упоминание о проблемах и бедах русского народа, само существование которого вот уже на протяжении 20 лет (а если вести счёт от начала перестройки, стартовавшей под знаком самой откровенной русофобии, то и больше) она старается не замечать и само имя которого стремится не упоминать, заменяя его некими абстрактными “россиянами”. Или, на худой конец, “славянскими национальностями”, как это сделал премьер в ходе своего декабрьского общения с гражданами.

Примечательно, что такое замечание он произвёл, отвечая на очень конкретный вопрос: чего следует теперь, после московских событий, ожидать русским, живущим на Северном Кавказе. За вопросом этим стоит тоже очень конкретный (и очень горький) опыт: ведь русские покидают Кавказ, это уже настоящий и нередко драматичный исход, и идёт он с нарастанием на протяжении всех последних 20 лет. И если ограничиться одним лишь Северным Кавказом, не касаясь юридически обособившегося Закавказья, то практически полностью они покинули уже не только Чечню, но и Ингушетию, покидают Дагестан, Карачаево-Черкесию, но руководство страны словно и не замечает этого. Да и после 11 декабря из всех наиболее известных политиков и политологов прямо о таком исходе сказал лишь Жириновский; подавляющее же большинство остальных ответило на ситуацию либо дежурными ссылками на “социальную катастрофу” (М. Делягин), будто бы переживаемую Кавказом, как главную причину всех бед, либо разразилось гневными филиппиками в адрес “русских националистов”, упорствующих в своём нежелании признать, что “Кавказ – это тоже Россия”, и тем самым будто бы толкающих остаток империи к развалу (именно в таком духе высказался на страницах “Независимой газеты” Д. Фурман). Но если Кавказ – это тоже Россия, с чем я ни в коей мере не собираюсь спорить, то почему же русские не могут жить на Кавказе, но должны едва ли не уступать гостям свой ещё остающийся у них дом?

К сожалению, обошёл молчанием этот острейший вопрос и глава Совета муфтиев России шейх Равиль Гайнутдин, в своём официальном отклике на события 11 декабря посетовавший лишь на “недопустимо высокий уровень антикавказских, антиисламских и антииммигрантских настроений в российском обществе” (“Независимая газета”, 15 декабря 2010 г.).

Но без ответа на него дальнейший диалог на тему межнациональных отношений и с диаспорами, и с властями теряет смысл, и это тоже один из самых печальных итогов событий 11–19 декабря 2010 г.

Ну, а что касается первого, то бишь социальной катастрофы, то её переживает вся страна, и в своё время хорошо знающие Кавказ Милрад Фатуллаев и Владимир Мухин справедливо заметили, что подобное, ставшее расхожим объяснение не столько объясняет, сколько окончательно затуманивает проблему. И что ужасающее положение в русской глубинке, не говоря уже о сельской местности, вообще не позволяет ставить вопрос подобным образом. Добавлю к этому, что прибывшие на джипах люди, по требованию которых и были противозаконно освобождены участники драки, закончившейся убийством Егора Свиридова, отнюдь не являлись отверженными бедняками а-ля Диккенс и Гюго и что внутренняя социально-экономическая структура диаспор

много сложнее, нежели рисуется она в многочисленных душещипательных зарисовках из жизни гастарбайтеров. Зарисовках, авторы которых отнюдь не стремятся с таким же надрывом поведать нам о жизни весьма обездоленной молодёжи в русской глубинке, да и в спальных районах столицы тоже.

Но ведь именно она, эта молодёжь, уже на первых подступах к взрослой жизни принимает на себя главный удар той новой ситуации, которую своими провалами и в социальной, и в национальной, да и в культурной политике тоже создала сама власть; стало быть, прежде всего власть и должна нести всю полноту ответственности за неё. Она же попыталась, причём в грубой и отталкивающей форме, переложить эту ответственность на молодых людей, школьников, даже не выслушав их. А вот это уже не просто ошибка, это шаг, которого не должна совершать никакая власть, если она и впрямь заботится о подлинной, а не только формальной своей легитимности; шаг, за который рано или поздно придется платить – притом по самому крупному счёту.

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ,

доктор юридических наук

ГРАДУС ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ

11 декабря 2010 года, на мой взгляд, стало новым явлением российской социальной жизни. Выход на Манежную площадь нескольких тысяч молодых людей – это не всплеск русского национализма или, тем более, русского фашизма (о котором сразу завизжали наши радикал-либералы). Всегда надо знать первопричину. Или повод. Он заключался в том, что банда “лиц кавказской национальности” напала на болельщика “Спартака” Егора Свиридова. Его жестоко избили, ограбили. А потом главарь банды, уже ранее судимый за кражу, четыре раза выстрелил в Егора из травматического пистолета (в Европе такое оружие – только на вооружении спецслужб. У нас продаётся в любой оружейной лавке по любому поддельному разрешению), с контрольным выстрелом в голову. Надо отдать должное московской милиции: все бандиты были задержаны в течение 15 минут... И доставлены в следственный отдел прокуратуры. Ведь убийство – это подследственность не милицейская. И вот здесь начались “чудеса”. Сначала прокурорский следователь всех дотошно опросил. Но потом к зданию прокуратуры стали съезжаться джипы “этнических диаспор”. Начались “переговоры” со следователем и его руководством. Вскоре вся банда, кроме убийцы, была отпущена... под их же весёлый гогот. А вдове Егора следователь посоветовал забрать тело погибшего и поскорее его похоронить. Поскольку стоит очередь на экспертизу.

Фактически в Москве повторился “кущёвский синдром”, когда в этой кубанской станице в течение 15 лет бандиты безнаказанно убивали людей при полном попустительстве прокуратуры, милиции и судей. Если бы Егор не принадлежал к корпорации болельщиков, то всё бы и закончилось, как в станице Кущёвской. Но друзья Свиридова с помощью SMSок и звонков с мобильных в течение 40 минут собрали около здания прокуратуры более тысячи членов своей корпорации. Прокуроры вызвали ОМОН с целью разогнать “толпу экстремистов”. ОМОН приехал, но разгонять не стал. Там тоже сразу поняли, что дело не в болельщиках, а в “непонятных” действиях следователя прокуратуры. ОМОН просто обратился к людям с просьбой не допускать провокации. Никакой силы не применялось. И провокаций не было. Хотя количество прибывающих людей постоянно возрастало.

А дальше было 11 декабря на Манежной. Там уже “структурированных” болельщиков было меньшинство. В основном спонтанно приехавшая молодёжь с окраин Москвы и из Подмосковья. Увы, были нападения и избиения кавказ-

цев, представителей Средней Азии. Были лозунги с националистической окраской. Но, главное, по-прежнему требования, чтобы по отношению к этническим ОПГ ДЕЙСТВОВАЛ ЗАКОН.

Можно ли последующую зачистку площади назвать беспорядками? С большой натяжкой. Были хулиганские проявления, были столкновения с милицией. Но это все мало похоже на беспорядки. Даже в сравнении с недавними событиями в Лондоне, Риме, Париже, Афинах, Белграде и т. д.

Что началось после событий? Призывы наших либералов бить палкой по голове “русских фашистов”. 15–17 декабря были повторные попытки устроить групповые нарушения общественного порядка. Уже со стороны “гостей” Москвы. В превентивных целях задержано было за эти дни около 3 тысяч человек. И “гостей”, и москвичей. Оказалось, что задержанные “русские фашисты” – это в основном школьники 14–15-летнего возраста. А при организации пикета у Останкинского телецентра 17 декабря в руках у “русских фашистов” вообще были плакаты – **“Мы не фашисты, СМИ – прекратите врать!”**.

Откуда же националистические лозунги 11 декабря на Манежной площади и у Киевского вокзала 15 декабря? О том, что российская национальная политика провалена, знают не только умудрённые социологи, но и, как оказалось, любой школьник. Все социологические опросы показывают постоянное повышение уровня напряжённости в межнациональных отношениях. За две чеченские войны сотни тысяч русских выдвинуты с Северного Кавказа. Сейчас фактически идёт третья необъявленная северокавказская война. Каждый день там кого-нибудь взрывают, расстреливают, режут. А это, между прочим, территория России. У нас единая территория. Только живем мы по-разному. В одних регионах идёт непрерывная контртеррористическая операция, в других строят города будущего – Сколково. В третьих готовятся к великим праздникам – зимней Олимпиаде–2014 и чемпионату мира по футболу 2018 года. Кремль кидает миллиардные средства на тушение пожаров на Северном Кавказе. Эти средства перемалываются в борьбе местных мафиозных кланов. На перемолотые деньги лидеры этих кланов покупают квартиры в Москве. На купленные ЕГЭ устраивают своих отпрысков в престижные московские вузы. Но ведь мы имеем дело не только с валом “новых москвичей” с Северного Кавказа. А Большая Кавказ? А Средняя Азия? А Украина и Молдавия? Миллионы “законных” и “незаконных” мигрантов в столичной агломерации. В условиях кризиса. Это – не американский этнический “плавильный котел”. В Москве уже ничего не переплавляется. Постоянно накапливается реакция на взрыв. Зажжёнными фитилями являются преступления всякого рода этнических ОПГ, часто безнаказанно действующих благодаря коррупции в правоохранительных органах.

Возьмём статистику ГУВД Москвы. За 2009 год в столице возбуждено 12 уголовных дел по бандитизму. 9 из них – в отношении кавказских банд. Объясняю, почему взял в пример бандитизм. В советское время на весь СССР в год было одно-два дела.

Или изнасилования. Это – самый латентный вид преступлений. Так вот, три четверти всех изнасилований в столице совершили в 2010 году “иностранцы” из Средней Азии, Кавказа и наши граждане с Северного Кавказа.

При этом либералы предлагают воспитывать наших детей в духе толерантности. Мы можем быть толерантными ко всем нациям и народностям, но мы не можем быть толерантными к этническим бандам, насилующим наших детей!

Но вопросы не только к либералам. Как можно на высшем политическом уровне заявлять о необходимости жёстко подавлять любые несанкционированные проявления молодёжи без дифференциации этих действий? И при этом ничего не говорить о необходимости жёсткого подавления преступной деятельности этнических ОПГ в столице? Это очень похоже на политику США в бывшей Югославии: “фашисты-сербы”, убивающие косовских албанцев, и хорошие косовские албанцы, разделяющие на органы пленных сербов.

Многие политики удивляются, почему не рвануло в межнациональных отношениях во время двух чеченских войн, во время взрывов в метро в конце марта 2010 года? А рвануло сейчас после убийства Егора Свиридова?

Думаю, наш народ очень тонко чувствует разницу. Когда действуют реальные террористы – это опасность для всех. Это что-то напоминает марсиан, напавших на Землю. Но когда у тебя в доме нагло убивают и насилуют, а им ещё потакает в этом часть правоохранительной системы, то здесь уже распад ТВОЕГО ДОМА!

Называя обиженных граждан своей страны “фашистами” и не ликвидируя этнические ОПГ (в том числе и “воров в законе”, из которых более половины — “грузинские воры”), власть всё более теряет доверие населения. Всё более накаляет градус протестного настроения. Я имею в виду не протесты в духе “оранжевых революций”. А протесты как массовые “русские бунты”, которые уже проявляются в единичных нападениях на иностранцев, действительно “бесмысленных” и “беспощадных”.

ЮРИЙ ГОЛИК,

доктор юридических наук

“ПРЕСТУПНИК НЕ ИМЕЕТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ”?

В последние годы нам часто повторяют: “Преступник не имеет национальности”. Тезис подхватили, растиражировали, он стал чуть ли не аксиомой. Однако ничего, кроме вреда, он не несёт.

Вернёмся немного назад, в приснопамятные годы начала “перестройки”, закончившейся, как известно, полной “расстройкой” всего нашего государства, и вспомним, что в те времена одной из самых популярных тем для дискуссий среди либеральствующей интеллигенции была тема отмены так называемой “пятой графы” в паспорте, где указывалась национальность его владельца. Говорили, что нигде в мире этого нет, что это позорит и унижает человека (не объясняя, как это национальность может унижить и обидеть человека?), утверждалось, что указание национальности — это интимное дело каждого (хотя интимно лишь то, что неприлично демонстрировать открыто, а как спрячешь, к примеру, цвет своей кожи?) и т. д.

И вот — в новой России такой графы нет, нет и графы о вероисповедании, как это было в царские времена. Теперь уже утверждается, что упоминать национальность преступника нельзя. Говорить о национальности певца, артиста, космонавта можно, а о преступнике нет. Он этакий космополит. Графу “национальность” стали вымарывать из судебно-следственных документов. Хотя национальность и вероисповедание свидетельствуют об особых типологических свойствах личности, что необходимо принимать во внимание специалисту-следователю. Зная эти характеристики, уже можно строить версии о мотивах и причинах преступления, возможных сообщниках, их местонахождении и т. д. Это поможет раскрытию преступления и наказанию виновного. Но нынешний УПК не содержит требования установления истины по делу, видимо, как ненужной государству (а обществу?) и не требует выявления причин и условий совершённого преступления (раньше всё это было и считалось аксиомой уголовного процесса). Уголовное дело становится в этом отношении неинформативным.

Достаточно много об учёте национальных особенностей преступника писал в XIX веке итальянский врач Чезаре Ломброзо, взгляды которого сегодня зачастую воспринимаются как наивные, но многие из них были скорректированы и получили в дальнейшем подтверждение. А в 1906 году известный в России доктор медицины Э. В. Эрикссон опубликовал в сборнике под редакцией академика В. М. Бехтерева (имя этого человека есть гарантия от шарлатанства, профанации и примитивизма) статью “Об убийствах и разбоях на Кавказе”, в которой подробнейшим образом описал, опираясь на изучение менталитета того или иного кавказского народа, почему, как и зачем представители различных народов идут на совершение названных преступлений. Общий вывод неутешителен: “Этнопсихика со всеми её внешними проявлениями меняется не так быстро, как издаваемые законы, требования и правила, и многие преступления являются в известной степени неизбежным следстви-

ем психоантропологической организации людей, передаваемой по наследству из поколения в поколение, из века в век”. Звучит достаточно актуально и сегодня.

Э. В. Эриксон также считал, что политическое и экономическое положение кавказских народов не оказывает заметного влияния на снижение среди них уровня преступности, и связывал это именно с особенностями их национального характера, допустимостью и даже моральным одобрением тех форм поведения, которые в европейском обществе рассматриваются в качестве откровенно преступных (похищение людей, разбойные нападения, угон скота, ограбление жилища). Это подтверждается современными исследованиями (например, недавно в Краснодаре была защищена диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук Игорем Анжировым “Влияние этнических факторов на рост преступности в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах”). А известный российский журналист Михаил Полторанин описал свои юношеские воспоминания, как чеченцы, высланные в Казахстан в 1944 году, через несколько лет после окончания войны пошли грабить и убивать тех людей, которые их приютили и обогрели. Когда чаша терпения людей переполнилась, они получили страшный и жестокий отпор со стороны “вербованных” (моё поколение хорошо помнит эту категорию наших сограждан), которым нечего было терять, и они никого не боялись – ни власти, ни окружающих.

Всё это легко ложится на нынешнюю национальную ситуацию. Не нужно думать, что национальный фактор кого-то обижает или оскорбляет. Никого ведь не обижает чёрный или рыжий цвет волос, голубые или карие глаза и т. п. Другое дело, что кому-то они нравятся, а кому-то нет. Но, как известно, на вкус и цвет товарищей нет. Но дело не во вкусах, а в учёте национальных особенностей правонарушителей. На что всегда обращали внимание правоохранительные органы. В конце 90-х годов в составе ОБОПов (отделы борьбы с организованной преступностью) были созданы подразделения по борьбе с этнической организованной преступностью. И вот – два года назад эти отделы были ликвидированы, а все наработки сданы в утиль. Организованная преступность активизировалась, в том числе этнические преступные группировки. Даже Русская православная церковь в лице Всеволода Чаплина заговорила “о вызывающем поведении этнических преступных группировок”. Удивляться здесь нечему: контроль за их деятельностью исчез, и они пошли гулять “в полный рост”. А ведь ещё в 2006 году на “прямой линии” Владимир Путин отмечал: “Этнические преступные сообщества существуют, существовали и в Советском Союзе, и в России существуют, и борьба с ними ведётся давно”. А сейчас её, что же, свернули?

Сколько же преступлений совершается этническими преступными группировками? Точные данные отсутствуют, но вот на пресс-конференции 22 декабря 2010 года Владимир Колокольцев, нынешний глава московской милиции, отметил, что 70% преступлений в Москве совершается членами этнических преступных группировок, число изнасилований за последние годы выросло на 79% – и ответственны за это гастарбайтеры. Хотя Москва – город уникальный, но картину по всей стране можно соотнести с московскими показателями, и это всё подлежит обязательному учёту.

Официальная статистика, собранная и обобщённая Виктором Лунеевым за 17 лет – с 1993 по 2009 год, показывает, что преступность иностранцев увеличилась более чем в три раза (до 334,9%), а преступность российских граждан против иностранцев увеличилась лишь на 37%. При этом граждане бывших советских республик, приехавшие в Россию, составили 88,8% в структуре всех преступлений иностранцев. Ни национализмом, ни шовинизмом именно русского народа, в чём пытаются иногда его обвинять, здесь и не пахнет. Всё с точностью до наоборот.

Учёт национального признака в деле борьбы с преступностью присутствует, наверное, во всех государственных правовых системах. К этому вынуждает, прежде всего, глобализация, которая сопровождается огромными миграционными потоками. Люди, попадая в незнакомую языковую, культурную и этническую среду, ведут себя по-разному. Почти вся Европа последние годы буквально стонет от всевозможных бунтов и беспорядков, причиной которых часто бывает национальный вопрос.

Впервые с этнической преступностью серьёзно столкнулись американцы

в период действия “сухого закона” и Великой депрессии. Тогда итальянские и еврейские преступные кланы поставили под контроль значительную часть криминального алкогольного бизнеса. Американская полиция с тех пор заметно преуспела в борьбе с этнической преступностью. Думается, она не смогла бы этого сделать, если бы не умела отличать национальную принадлежность преступников. Вот простой вопрос: с чего начинает работу американский полицейский? — С установления первичных данных о преступнике: пол, рост, возраст, раса (!) (белый, чёрный, жёлтый, а в южных штатах добавляется ещё и красный). И никому в голову не приходит ахать и охать по поводу расовой неприязни. — Так надо для быстрой поимки и изобличения виновных! Ничего личного, как говорят американцы.

Так имеет ли национальность преступник? Вопрос не правомерен только в одном случае — когда преступнику назначается наказание. Это требование закона. “Лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности **независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств**” (ст. 4 УК РФ). Просто и ясно.

Но когда нужно изобличить преступника, вопрос о его национальности вполне правомерен, указание национальности может многое сказать о нем.

АНДРЕЙ ФЕФЕЛОВ

“МОЖЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ?”

Глухо громыхнуло на Манежной. Словно зимняя гроза прокатилась над Москвой. Что это было: массовый выплеск эмоций или контролируемый “выпуск пара”? Грозное предзнаменование далёкого будущего или само начало “новых и мятежных дней”?

Гражданское общество, отсутствием которого нас так долго попрекали, наконец-то сказало своё веское слово. Вышло на улицу в образе парней с факелами, орущих футбольных фанатов и сбросивших с себя зимние куртки разъярённых золотогривых девиц.

Ведь “гражданское общество” — это отнюдь не парад сексуальных меньшинств, не хоровод “правозащитников” и не гвалт телевизионных витий. . .

На Манежку вышло Его Величество Большинство — огромная серая масса русской молодёжи, хлынувшая в центр с московских окраин. Эти люди, не имеющие ни лидера, ни голоса, тем не менее, сказали своё веское слово. Слово это оказалось неблагозвучным и грубым — оно напоминало рык разъярённого зверя, но шло оно из недр народа. Того самого народа, к которому принадлежит подавляющее большинство населения России. Народа, который вынес на своих плечах колоссальный груз строительства российской державы, а теперь вынужден оправдываться за свою историю, бесконечно просить прощения у всех за то, что ещё не исчез с лица земли.

Убийство кавказцами Егора Свиридова, странный поступок прокуратуры, отпустившей на все четыре стороны подозреваемых представителей влиятельных дагестанских кланов — все эти события спровоцировали стихийный митинг. Десять тысяч бунтующих молодых людей не стали жечь машины и бить витрины. Несколько локальных стычек с ОМОНОм, несколько попавших под горячую руку “гостей с юга” — никто не убит, не разорван толпой ужасных “русских фашистов”. Даже новогодняя ёлка устояла, в отличие от лондонской сестрицы, которую свалили британские студенты, протестующие против повышения платы за образование.

То, что в Англии гражданское общество борется за бесплатное образование, а в России гражданское общество вынуждено сражаться с продажностью прокуратуры и засильем в столице агрессивных этнических группировок – не вина общества. Такова реальность, которую постоянно продуцирует современное российское государство.

Министр внутренних дел Нургалиев в своём заявлении назвал случившееся мятежом. Не погромом, не хулиганством и не массовыми беспорядками... Мятеж – групповое вооружённое выступление против власти.

Реакция власти показательна: “Все будут наказаны. Всех найти, выявить, судить, наказать, покарать...”

Это жалкая, бессмысленная реакция. Сложнейший узел межнациональных проблем, возникший в столице страны, власть пытается решить за счёт терпеливого большинства. Никаких заявлений по существу проблемы, никаких возможных решений, стабилизирующих обстановку. Одни только заклинания о злобных “разжигателях межнациональной розни”.

Почему власть реагирует так, а не иначе? Потому что у власти нет новых идей, нет Большого проекта, способного гармонизировать общество, заставить его развиваться, а не вязнуть в погромах и поножовщине.

Забавно: те, кто пытались футболом заменить национальную идею, оказались не готовыми к тому, что национальная идея станет стихийно замещать собой футбол.

Уничтожение советского проекта, многолетнее глумление над советской, имперской, “интегральной” идеей шли рука об руку с общественной деградацией и экономическим крахом.

Отсутствие высоких целей в жизни, упрощённое восприятие действительности, постоянная угроза нищеты – всё это характерно и для русской, и для кавказской молодёжи. Кавказцев подогревает ещё и опасный миф о якобы случившемся поражении России на Кавказе. Им кружат головы мечты о господстве, о якобы “завоеванном” праве доминировать в русских городах. Всё это вкупе с всеобщим одичанием масс и включением родоплеменных связей на Кавказе даёт прекрасную почву для начала городской войны “в одной отдельно взятой столице России”.

Митинг на Манежной площади и идею законного наказания убийц Егора Свиридова поддержали сотни тысяч москвичей! Кавказские молодёжные группировки в Москве открыто грозят достать ножички и дать отпор “русским фашистам”... Власть лепечет что-то о “провокаторах”, о “тайных силах” и “деструктивных элементах”, говорит при этом, что “свобода лучше, чем не-свобода!”

После убийства Егора Свиридова котёл общества гудит и зловеще вибрирует.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

МИСТЕР-ТВИТТЕР: ВОЙНА С ДЕТЬМИ

“Русских они за людей не считают. Писать заявления в милицию бесполезно – или заявление не принимают, или не занимаются поиском... Закрывая глаза на то, что творят кавказцы, и подменяя понятия, чиновники могут спровоцировать резню в городе, которую никто не остановит”.

Что это? Тревожный сигнал о положении в Москве накануне выступлений на Манежной? Нет, это обращение жителей Кондопоги, перепечатанное в газете “Время новостей” в юбилейном номере (17.12.2010). От кондопожских событий до митинга на Манежной – четыре года.

Что сделано властью за этот немалый срок (в большинстве стран столько

выделяют президенту или правительству для коренного изменения ситуации)? Ни-че-го!

Систематическая работа с диаспорами не налажена. Сращение криминала, в том числе этнического, с местными администрациями и правоохранительной системой продолжается. Власть не сделала элементарного: не сумела провести быстрый и справедливый процесс над чеченскими убийцами жителей Кондопоги. Он растянулся на четыре года и временами превращался в фарс, а порою и в откровенное глумление над родственниками жертв, о чём прямо сказала мать одного из убитых Г. Слезова.

Уже тогда обстановка накалилась до предела. События, подобные кондопожским, имели место в Угличе, Красноармейске, Сальске, Суровикине, Пермском крае. Практически всюду они были следствием агрессивного поведения приезжих кавказцев по отношению к местным жителям и бездействия милиции.

Я не раз писал об этом в журнале, в том числе в течение всего минувшего года (“Наш современник”, № 2, 7, 8, 10, 11 за 2010 год). Положение стало поистине нестерпимым. Убийства коренных жителей следовали одно за другим (о. Даниил (Сысоев), Ю. Волков, М. Сычёв, М. Антончик, П. Казаков). Массовые побоища, зачинщиками которых, как правило, выступали кавказцы, прокатились по всей стране – оздоровительный лагерь “Дон” (Краснодарский край), Москва, Зеленокумск (Ставропольский край). Особую опасность представляли межнациональные столкновения в военных частях – в посёлке Каменка (Ленинградская область), в городе Алейск (Алтайский край), в Кантемировской бригаде (Московская область).

Не забудем и о терроре. Бытовое терроризирование местных жителей не отделено красной чертой от большого террора. Подрыв “Невского экспресса”, взрывы в московском метро, а также в Ставрополе и Пятигорске ещё более обострили ситуацию. Как прикажете местным жителям глядеть на южан, когда они узнают об очередном взрыве, совершённом приезжими?

Преступления либо не расследовались (убийство М. Антончика), либо задержанных бандитов отпускали (как в случае с убийством Ю. Волкова), либо ответственность пытались переложить на русских (подрыв “Невского экспресса”, теракт в Ставрополе).

Что ещё нужно было сделать, чтобы довести общество до взрыва? После Кондопоги В. Путин грозно произнёс: “Народ довели до ручки... Надо было умудриться пропустить народный гнев, хотя ситуация зрела” (“Коммерсантъ”, 07.11.2006). Тогда инвективы предназначались карельским начальникам и милиционерам. Сегодня Владимир Владимирович должен адресовать их самому себе и своему напарнику по тандему.

И тут убивают Егора Свиридова – не просто москвича (они в массе своей абсолютно беззащитны), а болельщика “Спартак”, члена влиятельной фанатской группировки. И следователь Головинской прокуратуры Максим Соколов освобождает пятерых из шести задержанных кавказцев.

Пусть кто-то наверху ответит мне: что оставалось делать фанатам? Их буквально вытолкнули на площадь.

Кто? Власти всех уровней – от районной прокурорской до высшей. Об этом говорили серьёзные аналитики. Лучше всех Константин Гаазе, человек, которого в принадлежности к националистам заподозрить трудно. “Наше общество, – пишет Гаазе, – слава Богу, пока ещё способно требовать справедливости... Но со справедливостью выходит заминка... Всё потому, что провайдер справедливости, государство, понимает её весьма специфическим образом. И выдаёт порционно, по требованию, каждый раз надеясь: а вдруг не придут и не попросят? И тогда можно будет продать её за деньги тому, кто готов за неё заплатить. Или продать за деньги несправедливости, которая стоит дороже”. Обозначив причины произошедшего, автор подводит итоги: “Так что случившееся... в субботу на Манежной площади... не происки все-мощных штабов нацистов или леваков. Это следствие дефицита справедливости... Пьяная молодёжь не при чём. При чём государство, которое не выдало условной социальной группе “футбольные болельщики” справедливость и законность. Всё остальное следствие, а не причина” (“Время новостей”, 13.12.2010).

Не случайно большинство москвичей, по утверждению корреспондентов “НГ”, “высказалось в поддержку митинговавших на Манежной площади” (“Не-

зависимая газета”, 17.12.2010). И не только москвичей – манифестации солидарности прошли в Питере, Волгограде, Самаре, Туле, Ижевске, Глазове, Краснодаре, подмосковных Серпухове, Чехове, Орехово-Зуеве, Раменском, Пушкине. В Ростове-на-Дону 2500 человек прошли по городу, требуя накапать ингуша, убившего студента местного вуза Максима Сычёва.

Власть вынуждена реагировать. И что она делает? Встречается с представителями болельщиков, возмущённых безнаказанностью убийц их товарищей? Призывает диаспоры к ответственному и законопослушному поведению? Ведь это первое, что требовалось сделать.

О том, как поступает в трудных ситуациях серьёзный руководитель, рассказал А. Лукашенко на знаменитой пресс-конференции для российских журналистов. Я присутствовал на той встрече, но, к сожалению, не записал его слова, так что передаю суть. Президент Беларуси удивился обострению межнациональных отношений в России и напомнил, что, когда в Беларуси начались жалобы на поведение чеченцев, он пригласил к себе лидера диаспоры и сказал: живите, но без эксцессов! С тех пор эксцессов не было.

Такой реакции ждали фанаты и от первых лиц России: “. . .Надо бы вызвать глав всех национальных диаспор на ковер и сказать, чтобы донесли до своих соплеменников, что надо остановиться и не надо будить лиха, пока оно тихо. По национальному вопросу должно выступить руководство страны” (“Коммерсантъ”, 21.12.2010).

Однако наше руководство от прямого разговора с диаспорами и собственным народом уклонилось. Это вам не “прямая линия”, где любой вопрос согласуется десять раз. Правда, 21 декабря, спустя почти две недели после выступления на Манежной, с футбольными фанатами встретился Путин. Но к тому времени столько всего успело произойти!

По уму, либо он, либо президент должен был сразу же публично выразить соболезнование семье Егора Свиридова – человека убили! Затем пообещать накапать виновных, в том числе и сотрудников прокуратуры. И лишь потом призвать молодёжь к порядку и пригрозить наказанием в случае повторения “погрома”.

Кстати, о “погроме”. И сами участники митинга, и сторонние наблюдатели утверждали, что в толпе, поначалу настроенной мирно, присутствовали провокаторы. Одного удалось выявить пользователям интернета. 11 декабря этот человек “стоит рядом с зачинщиками беспорядков и помогает нести плакат с изображением убитого болельщика” (“Независимая газета”, 20.12.2010). 15 декабря у Киевского вокзала он уже в противоположном стане – “словно раненый, опирается на кавказца” (“Комсомольская правда”, 18.12.2010).

Кто же это? Левон Арзуманян. По утверждению блогеров, “активист сочинского отделения “Наших”, участник форума “Селигер”, организуемого прокремлёвской молодёжью (newsru.com/russia/.../kinders.print.html). Выяснилось также, что до начала митинга 15 декабря Арзуманян прогуливался вместе с официальным представителем ГУВД Москвы В. Бирюковым (там же)...

Скорее всего, Арзуманян действовал не один. На фотографиях в репортаже о событиях на Манежной, выложенных в интернете (<http://zvalt.livejournal.com/330396.html>), в толпе “русских погромщиков” заметны отнюдь не славянские лица.

Как минимум, во всём этом следовало тщательно разобраться. А что мы услышали? Президент целую неделю повторял на разные лады – “преступление”, “преступники”, “пресекать”, и услужливые СМИ умножали его слова тысячекратным эхом. “Их надо сажать, а не воспитывать”, – так верховный правовед наставлял милицейских генералов (“Время новостей”, 17.12.2010). Кого сажать? 14–17-летних паренёв, тонкошеих московских школьников.

Генералы вняли. “Руки за голову! Стоять, суки!” – корреспондент “Коммерсанта” описывает задержание участников митинга 17 декабря у Останкина. Неужели это всё, что “родная власть” может сказать русским детям?!

Ребята скандировали: “Мы не фашисты, мы патриоты”. Они требовали одного – объективного расследования убийства Егора и схожих преступлений. ОМОН валил их лицом в снег, и подростки, “не двигаясь, оставались на нём лежать” (“Коммерсантъ”, 20.12.2010). Только в Москве и Подмосковье было

“задержано 2000 человек, большинство из которых – школьники старших классов” (там же).

Здесь мы подходим к самому главному – важному политическому уроку “декабрьского восстания”. Либералы – в интернете и в СМИ – убеждали страну, что действующий президент – альтернатива “авторитарному” Путину. Что он – гарант от произвола чиновников, борец с коррупцией и вообще “самый человечный человек”, как говаривали во время оно. Ergo: на следующих выборах – “только за Медведева!”.

И Медведев старался соответствовать. Улыбался куда чаще, чем Путин, твиттерил, шутил – в отличие от премьера, у которого любая шутка превращается в сарказм и улыбка кривит тонкие губы.

Однако при первом же серьёзном испытании, вместо доверительного разговора с народом, “либерал” потребовал “паковать по полной”.

Для сравнения: когда на исходе декабря милиция в Минске пресекла протест Домашевского правительства и задержала 600 активистов оппозиции, наша либеральная печать надрывалась от негодования – “репрессии последнего диктатора Европы”. А что же сказать о задержании 2000 школьников в Москве за один только день 18 декабря? О задержании 1700 человек тремя днями ранее? И о сотнях других “упакованных” в другие дни и в других городах?

И какая разница между “либералом” и “автократом”? Разве что в лексике? Один требует “паковать” протестующих, другой – “отоваривать” дубинками (“Коммерсантъ”, 30.08.2010).

Последствия произошедшего ещё предстоит проанализировать. Насколько и каким образом изменилась общественная атмосфера; сохраняет ли – и в какой степени – власть способность контролировать ситуацию (совсем недавно она решала, кому, где и в каком количестве дозволить собираться, а тут без всяких разрешений и согласований тысячи людей пришли митинговать под стенами Кремля); как сказались выступления на Манежной на соотношении сил внутри тандема; снизился ли политический вес диаспор, произошла ли их радикализация, изменится ли в перспективе статус республик Кавказа; какие силы стоят за движением фанатов и какова социальная принадлежность его участников, имеет ли оно политические амбиции и перспективы; как скажется его вхождение в политику на раскладе сил и соотношении националистов и либералов? И самый главный вопрос: не наступил ли тот момент – не политический, скорее “экзистенциальный”, когда – “достали”, “накипело” и терпеть уже нет мочи, чем бы ни грозил выход на площадь?

Надеюсь ответить хотя бы на часть из них в очередной главе моей работы “Поезд убирается в тупик”, которая публикуется в нашем журнале. Но на один вопрос я уже нашёл ответ. За кого голосовать на грядущих выборах – парламентских и президентских.

Прямо скажу: за нынешних фаворитов голосовать не стану. И не только по моральным соображениям. Хотя “война” с детьми никого не красит. Не менее существенны и соображения практические. После недельных поисков “смутьянов” власти отрапортовали: “Арестован организатор беспорядков на Манежной: это 14-летний школьник” (news.com/russia/.../kinders_print.html). Не думаю, что арестовали нужного человека. Но если власть права, то что же она за власть?! 14-летний пацан заставил трепетать генералов и министров...

Свой голос я отдаю за того кандидата, который не побоится повторить лозунги московских митингов: “Патриотизм – не фашизм”, “России – русская власть”.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

КАВКАЗ ПОДО МНОЮ...

Интерес к Кавказу проснулся во мне давно, с отроческих лет. Во всем, конечно, виновата великая русская литература и ее непостижимые гении. Через творчество М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого открывался новый, захватывающий воображение мир, во всем непохожий на тот, что окружал с детства и юности в таежной Сибири. Никогда не забуду, как поздними зимними вечерами под завывание вьюги и ласковое ворчание незабвенной матушки, боявшейся, что испорчу зрение, я жадно перелистывал заученные почти наизусть страницы из “Мцыри”, “Хаджи-Мурата”, “Казаков” и “Кавказского пленника”. И долго потом не мог заснуть, переживая вместе с героями их полную драматических событий жизнь. Буйные детские фантазии уносили меня на верном боевом коне в недоступные ущелья и зеленые долины, где я, невообразимо сильный и ловкий, изумляя даже врагов своей смелостью, одерживал победы в жестоких схватках. Посрамленный противник бежал с поля боя и скрывался в недоступных горах с вершинами, покрытыми вечными ослепительными снегами. В те лазоревые годы все выглядело иначе – открывающийся мир, который еще предстояло познать, был наполнен романтикой, атмосферой подвига и уверенностью, что огромное количество сильных и мужественных людей, живущих в разных краях необъятной Родины, с нетерпением ждут, когда же ты вырастешь и встанешь в их ряды.

Взрослая жизнь, увы, лишена детской чистоты побуждений, романтики, столь необходимой в юные годы. Познание мира часто происходит через трагические реалии бытия, сурово возвращающие нас с небес на землю грешную. Осознание этого и побудило пять лет тому назад написать откровенную и предельно жесткую в выводах публицистическую работу “Кавказский пороховой круг”. В ней выражены тревога и предчувствие, что Кавказ вновь становится для России “огнедышащим местом”. Ведь распад дорогого моему сердцу Советского Союза начался со вспыхнувших этнических войн в Закавказье. Я размышлял, не выпадет ли нам судьба вновь пройти по этому, наполненному человеческими страданиями, кругу. Только на этот раз речь пойдет уже о целостности России в ее новых границах. И хотя я не верю в коллективную мудрость равнодушных к политике индивидуумов, но сегодня, как никогда, нам всем нужен разум и прозорливость – и тем, кого судьба занесла во власть, и гражданам, чтобы не совершить роковой просчет. А Россия, тем временем, настроена празддно. Пресловутая “вертикаль” пребывает в искреннем убеждении, что государством можно по-прежнему управлять, как если бы оно было Васильевским островом.

В самом ли деле, несмотря на грозные заявления руководителей страны, Россия будет вынуждена уйти с Кавказа? Не праздный вопрос. Споры вокруг

этого не только в кругу политиков, экспертов и военных аналитиков. Жители Юга, два десятка лет живущие как на вулкане, давно встревожены не на шутку. Усиливается миграция русских с Северного Кавказа, а по сути, их исход, похожий на бегство. И пример тому даже не Чечня, “освободившаяся” от славян. Дагестан, Ингушетия и Кабардино-Балкария – вот верный признак надвигающейся катастрофы. Ресурс государственной власти в республиках региона неумолимо убывает. Причина известна всем: поголовная коррупция, безработица, а если говорить более точно, открытое нежелание немалой части горцев утруждать себя производительным трудом, требующим знаний, квалификации, физических усилий и дисциплины. Прискорбно, но созидание у нового поколения не в чести. Именно поэтому идет разрушение исторически сложившихся хозяйственных укладов. Социальная обездоленность, гражданская неприкаянность людей, во многом порожденная уходом государства из экономики, не менее, чем террор ваххабитов, сотрясают здесь основы российской власти.

А местные элиты, поголовно вступившие в “Единую Россию”, привычно пробавляются, не без выгоды для себя, дележом трансфертов из федерального центра. Власть опасно превратилась в закрытую касту. Родственные коррупционные кланы прибрали к рукам все доходные места и промыслы. Торговля должностями и “откаты” стали не просто правилом, а бизнесом, норма прибыли в котором постоянно возрастает. До пятидесяти процентов и без того слабой экономики в тени. Все республики живут на федеральные дотации. Субсидии Москвы за последние годы возросли в разы, но на росте ВВП благодатный денежный поток никак не сказывается.

За двадцатилетие торжества рыночных отношений “успешно” произошла деградация всего уклада жизни коренных народов. Промышленный потенциал разрушен, а горские крестьяне вынуждены вернуться в начале XXI века к натуральному хозяйству. Бездеятельность властей в течение последних двадцати пяти лет – не что иное, как следствие безответственной и безрассудной линии поведения горбачевского руководства СССР и новой России на Кавказе.

А иноги и быть не могло. Непонимание природы конфликтов, отсутствие государственной воли и ясной для всех программы действий с неизбежностью породили ничегонеделание на всех уровнях государственного управления. Отменив выборность глав российских республик и областей, Кремль сделал ставку на наместничество. Между тем архаичная форма раздачи “ярлыков” на правление, без жестко поставленных задач по социально-экономическому развитию республик, лишь попустительствует клановой замкнутости местных элит, которая еще более усиливает борьбу за власть. А цель такой войны всегда одна – удовлетворение материальных интересов победившей группировки за счет государства и народа. И не важно, речь идет о субъекте федерации или о России. Последствия одни – усиление депрессивного состояния экономики, деградация общественных отношений и резкое ухудшение всей социальной сферы.

Основная жертва, как всегда, “простой” человек, беззащитный перед новыми хозяевами жизни, и их нукерами, и коррумпированной ненавистной властью, которую он боится. Эта правовая и экономическая незащищенность основной массы населения вынуждает многих искать защиту у боевиков и, однажды “записавшись” к ним на “прием”, они навсегда попадают в объятия спрута. “Оставь надежду всяк сюда входящий” – это “напутствие” узникам фашистских концлагерей и для них тоже. Чем бесправнее народы на Северном Кавказе, тем богаче урожай у сепаратистов. Между тем, возвращаясь к политике Кремля, следует знать, что наместничество заведомо предполагает наличие “сильной руки” в самой Москве. Где же эта сильная и властная длань, столь необходимая для мудрого правителя? Напротив, во всех вспыхивающих гражданских конфликтах и усобицах федеральная власть придерживалась “увещательной” тактики либералов, панически боясь “раскачать лодку” с давно пробитым дном. А ведь еще во времена Александра I его наместник на Кавказе генерал Цицианов открыто заявлял: “В Азии все убеждения и переговоры суть ничто, а сила – все. Такой силой на Кавказе должна быть Россия...”

В российском Совете безопасности последователей Цицианова днем с огнем не найти. Народ там все больше куртуазный, нерешительный и молчаливый, особо не скрывающий, что им больше нравится слушать сидящего во

главе стола. Путин же, возглавляя государство, долгое время избегал волевых решений, опасаясь, вероятно, “будить лихо”. По-человечески его осторожность понятна, особенно когда не ведаешь, что делать в этой сложнейшей ситуации. Нынешний Президент России, априори знающий обо всем на белом свете, после “тысяча первого” террористического акта в Дагестане, избразив на лице строгость, требует от силовиков незамедлительно разобраться с его организаторами, потому что исполнители – смертники.

... В самые сложные для России времена в среде вайнахов оживали центристские тенденции. В 1918 году создают Горскую республику и демонстративно выходят из РСФСР. Правительство новоявленной республики во главе с чеченцем Абдул-Межид Чермоевым сразу же заключает договоры с Турцией и Германской империей и призывает их незамедлительно занять территорию Кавказа. В 1921 году во Владикавказе собирается новый Горский учредительный съезд, цель – создать государство в составе Чечни, Ингушетии, Карачай, Балкарии, Кабарды и Осетии. Именно с тех лет националисты навязывают коренным народам региона идею “Великой Ичкерии”. Время проведения съезда его организаторы выбрали не случайно – Красная Армия во главе с М. Тухачевским потерпела военное поражение в Польше, и Совнарком готовился подписать очередной “похабный”, теперь уже Рижский, мирный договор (18 марта 1921 года). После ожесточенных споров делегаты съезда все-таки формально признали советскую власть, но при соблюдении Москвой жестких условий: признание основными законами в республике шариата и адата, невмешательство во внутренние дела и депортацию 70 тысяч жителей терских казачьих станиц в центральные районы России.

Единственный человек в Совнарком РСФСР, кто лучше других понимал опасность происходящего, зная не понаслышке законы адатов, был И. Сталин. Являясь наркомом по делам национальностей, он принимал непосредственное участие в работе этого съезда и, столкнувшись с открытой враждебностью делегатов к России и новой власти, сделал для себя серьезные выводы. Советское государство только складывалось, оно буквально корчилось от ран, нанесенных ему Гражданской войной, а Северный Кавказ, с вынужденного согласия обессиленной Москвы, превращался в зону, где многочисленные кланы жестоко бились друг с другом за власть. Учебники истории СССР, разумеется, из лучших побуждений не хотели травмировать подрастающую советскую молодежь и умалчивали, что криминально-националистическая война на Северном Кавказе вплоть до 23 февраля 1944 года не прекращалась ни на один день. В этой жесткой схватке гибли не только взявшиеся за оружие горцы, быстро восполнявшие свои потери подрастающей в избытке молодежью, но и ни в чем не повинные солдаты Красной Армии. И, конечно, оболганные российскими “демократами” чекисты тех лет. Давно бы пора институту истории РАН, специализирующемуся на антисоветизме и поношении И. Сталина, опубликовать полные архивные данные о тотальном бандитизме в этом регионе в 20–30-е годы, о воинских операциях, которые регулярно проводились в горах частями Красной Армии по искоренению бандитизма. Вероятно, неожиданный для наших либералов факт – все 20-е годы на рынках, контролируемых чеченцами и ингушами, шла бойкая торговля оружием, горными тропами поставляемым из Турции, и... русскими рабами. Я не оговорился – это было в 20-е годы прошлого столетия. Все вернулось на круги своя через 70 лет, и рабство тоже. С приходом к власти в России Ельцина и его “дикой сотни” законы “адатов” стремительно распространились на всю страну. “От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей...”. Знал бы поэт, писавший эти знаменитые строки, любимые нами с детства, как с течением времени может поменяться их высокий смысл.

Северный Кавказ превратился в “черную дыру”, в которой почти исчезло все, что было создано здесь советской цивилизацией. Если ее не закрыть, она будет “пожирать” уже исконно русские регионы, и этот процесс набирает силу. Кто сегодня из облеченных властью в возлюбившей гламур Москве может честно сказать о количестве рабов, томящихся в неволе в горных аулах? Знают ли они, что в 2002 году на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР оставалось всего 48 тысяч русских? За последние двадцать лет 278 тысяч погибли, пропали без вести или покинули эти территории.

Пропали без вести? Знать бы где, “наглотившись слезы, как сырца”, клянет злую судьбину русский Иван, который опять для родной страны “в спис-

ках не значился”. Кто ответит за изломанные человеческие судьбы? О чем трусливо молчит российское руководство, боясь признаться, сколько славян своей жизнью заплатили за болезненное властолюбие и преступную политику первого Президента России, до самозабвения любившего “работать с документами”. Предлагаю подождать итоги переписи населения 2010 года, есть надежда, что для многих “россиян” наступит все-таки момент истины. Если, конечно, результаты из соображений политкорректности не будут отретушированы в угоду “толерантного” Кремля.

Убежден, давно пора вещи называть своими именами – все, что происходило в Чечне в девяностые годы – геноцид русских, а не чеченцев, погибающих до сих пор за чужие интересы. Но не мы начали этот губительный для народа “освободительный” поход, который, если смотреть правде в лицо, еще не закончился. И наступит ли в обозримом будущем настоящее умиротворение Чечни, которая искренне пожелает быть в составе Российской Федерации и жить по ее законам, никому не ведомо. Я в такой исход верю с трудом. “Россия под нами” – не просто унижительный для русских лозунг, который любят скандировать во время хулиганских стычек молодые чеченцы. Это мировоззренческая установка, программирующая их поведение в будущем, когда созреют предпосылки для реванша.

Хотя чего еще нужно? Прекратив массовое вооруженное сопротивление, они “мирно” добились от Москвы значительно большего. Фактически Чечня получила независимость. Там нет русского населения, наместника из Москвы и его администрации, нельзя же таковым считать полпреда Президента в Южном федеральном округе, влияние которого на внутреннее положение в республике равно нулю. Огромные финансовые вливания позволяют ее руководству успешно, особенно на фоне деградирующих от безденежья остальных областей России, обустраивать жизнь народа. Я уже не говорю о статусе вооруженных формирований Р. Кадырова, которые помогают сохранять выстраданную им стабильность. Меня очень настораживают многократно звучавшие его заявления о личной преданности Владимиру Путину. Это, конечно, хорошо, что он правильно оценивает положение главы правительства в сложившейся системе власти и не забывает его участия в своей судьбе. Человеческая благодарность во все времена – редкое качество. Но хотелось бы от Героя России, которая ему великодушно доверила спасение своего народа, получить более убедительные доказательства преданности нашей общей Родине. Путин, кто спорит, признанный политический лидер сегодняшнего правящего класса, но он же не французский “король-солнце” Людовик XIV, который в эпоху абсолютизма мог с полным правом заявить: “Государство – это я”.

Изгнание русских, теперь уже из других северокавказских республик, продолжается. Цель очевидна – желание местных “вождей” иметь этнически однородное население, чтобы легче было выторговывать у Москвы большие объемы дотаций для кормления своих родов. Результат исхода не сложно предугадать. Утрата многонационального уклада жизни, а вместе с ним и русского языка, окончательно разведет коренные народы, после полутора веков совместной жизни, по “национальным квартирам”. Но процесс на этом не закончится. Не желая мириться с клановой формой правления, родные очаги начинают покидать и местное население – наиболее образованные, профессионально подготовленные специалисты. Последствия: полный крах экономики и возвращение в средневековье, из которого многие горские народы в годы советской власти благополучно вышли.

Будем честны хотя бы перед собой: неужели происходящее на Северном Кавказе стало для нас новостью? Все было predetermined, как выясняется, еще в 50-е годы, сразу после возвращения из ссылки “репрессированных народов”. ЦК КПСС и местные партийные организации с готовностью “закрывали” глаза на творимые ими бесчинства, лишь бы все выглядело благопристойно и, упаси боже, чтобы кто-либо не усомнился в торжестве проводимой Н. Хрущевым ленинской национальной политики. Полистайте на досуге изданные на родном языке школьные учебники за 60–70-е годы, может, именно там были посеяны семена ненависти, давшие обильные всходы через четверть века. Явление Дудаева, а затем Масхадова в качестве руководителей вооруженной борьбы за независимость Ичкерии, было хорошо подготовлено глупостью и преступной безответственностью руководителей некогда великой, но умирающей партии большевиков.

Все более непредсказуемо развиваются события в Кабардино-Балкарии. По словам депутата Государственной Думы России, академика РАН Михаила Залиханова, только в 2008 году республику покинуло около трех тысяч казачьих семей, и это после сотен лет проживания здесь их предков. Причина – они, равно как и балкарцы, не получили положенные им по закону наделы общественной земли. Вытеснение русских из районов традиционного проживания происходило одновременно с заселением освобожденных ими земель турками-месхетинцами, правда, при выполнении одного небольшого условия – они должны были во время прошедшей переписи населения назвать себя кабардинцами. Цель очевидна – в республике поставлена задача “организовать” доминирующий этнос. Спрашивается, для чего? Оказывается, адыгские националистические организации и их единомышленники в Карачаево-Черкесии и Адыгее намерены создать очередную химеру, “Великую Черкессию”, с ее последующим выходом из России.

“Невозмутимость” руководства республик можно расценить лишь как молчаливое согласие с далеко идущими планами. Тем более что сепаратизм давно стал выгодным бизнесом. Создание бандитского подполья и идеологии, формирующей у молодежи убежденность в исключительности одной нации, в наше время хорошо оплачивается. Щедрые заказчики давно известны, они не меняются уже лет 20 – это западные и исламские страны в лице своих спецслужб или находящиеся под их контролем многочисленные неправительственные организации и фонды. На горизонте мелькают знакомые названия – Институт Кеннана, Центр Девиса, Гарвардский университет и иже с ними. “Засветилась” и Грузия, жаждущая мести за понесенное поражение в войне против Южной Осетии. На “благое” дело не жалеют денег местные криминальные структуры, водочные “короли” с их “левыми” сверхдоходами от производства и продажи паленой водки и сами боевики, обложившие данью бизнес. Печальна участь смельчаков, не пожелавших платить националистическому подполью.

Региональные СМИ с благодарностью взяли на себя “почетную” миссию промывания мозгов населению. Особенно в последние годы муссируется тезис “геноцида” адыгов, якобы осуществленного русскими войсками в ходе Кавказской войны XIX века. В школах, на телевидении и в печати упорно насаждается мысль об исторической ответственности России, которая и в XXI веке продолжает свирепую колониальную политику.

Кто спорит, Российская империя, как и другие, не была добровольным объединением народов. Стремясь к своим естественным границам, она катком прошла по судьбам многих малых этносов. Что же было делать, если по графику движения, утвержденному “свыше”, мощные локомотивы не останавливаются на затерявшихся в пространстве полустанках. Кого в этом винить? Сами империи, как историческую реальность, далеких от современных либеральных ценностей цезарей или миллионы воинов, крестьян и ремесленников – истинных создателей многонациональных государств. В истории России было все: и величие, и коварство, и кровь, но не было сознательного физического уничтожения людей по национальному признаку. Все, и добровольно вставшие под скипетр русского самодержца, и покоренные народы благополучно дожили до XXI века и сохранили традиционные формы жизни, язык, развили культуру, приобрели письменность.

Ненавистникам имперского прошлого России хочу сказать, что ее звездная судьба была predetermined еще полторы тысячи лет тому назад, когда небольшое воинственное племя, затерявшееся на Северо-Западе в дремучих лесах и болотах, впервые вышло на Русскую равнину. А в XIX веке Провидению было угодно, чтобы империя силой присоединила Туркестан и земли Северного Кавказа. Многие уже в те годы считали это ошибкой, так как азиатские и кавказские владения были для казны весьма обременительны. Но оценивать политику только с позиций материальной выгоды невозможно. Империя не возникает лишь для удовлетворения экономических потребностей, этого явно недостаточно. В ней должна быть избыточно мощная духовная сила, сопряженная с динамично развивающейся национальной культурой государстваобразующего народа. Именно избыточная духовная мощь, способная стать доминирующей на завоеванной территории. В этом случае империя возникает и развивается как естественно-историческая форма самоутверждения нации со всеми ее приобретениями и потерями. А терять многое начали,

как только ослабела военная мощь страны, воля и духовная сила великороссов, великих строителей земли русской.

Выстроенные с таким трудом в СССР цивилизованные национальные отношения тотчас оказались отброшенными в угоду корыстным интересам местных элит, стремящихся к власти и богатству. Общее поле совместного бытия было беспощадно перепахано мотыгами и засеяно националистическим и шовинистическим сорняком. Ядовитые всходы уже видны повсюду, появились и первые плоды. В 2008 и 2009 годах в ряде республик Северного Кавказа прошли съезды черкесского народа, где были приняты обращения к федеральной власти о создании единой Черкесии, включающей территории трех регионов. Амбиции сепаратистов велики – они претендуют на земли нынешней Чечни, Ингушетии, некоторых районов Дагестана, Северной Осетии, значительную часть Ставропольского и Краснодарского краев с включением Большого Сочи. Соответствующие карты уже изданы за рубежом на многих языках. Неплохое подспорье, должен заметить, в работе “бойцов” идеологического фронта как на территории России, так и в странах-спонсорах сепаратизма. Примечательно, что роль координаторов исполняют Международная школа изучения Кавказа при Тбилисском университете и, естественно, американский Фонд Джеймстауна, где по-прежнему многими делами заправляет старина Збигнев Бжезинский, “заклятый” друг России еще со времен СССР. Можно не сомневаться, там, где засветился этот хорошо известный в мире “шахматист”, смело ищите ЦРУ. Проводимые под вывеской столь “благочестивых” организаций конференции – важнейшая часть плана подготовки расчленения России, в соответствии с которым народы Северного Кавказа, как Грузия, Армения и Азербайджан в конце 80-х годов прошлого столетия, должны сыграть роль детонатора и пушечного мяса. Лекала старые, проверенные. Результат – известен.

Ирония заключается в том, что и царизм, который вел, по убеждению сепаратистов и московских либералов, “колонизаторскую” политику на Кавказе, и советская власть, совершившая культурную революцию, преобразовавшая патриархальный уклад здешнего хозяйства в индустриальный, последовательно проводили цивилизованный вектор развития. Тогда как “демократы” и “рыночники”, напротив, пустили историческое время на Кавказе вспять. Под болтовню о “правах человека” ровно ничего не осталось от реальных социальных прав и гарантий советского времени. Общество резко разделилось на новых “беков”, их стражников и нукеров, счастливых при государственных должностях, которые имеют хоть какое-то прикосновение к казенной копейке, и подневольных обывателей. И тотчас из небытия, как черти из табакерки, выпрыгивали новые “абреки”.

В XVIII–XIX веках на Кавказе из-за отсутствия земли, многодетности и горского скудного хозяйства это занятие служило своего рода отхожим промыслом, в который охотно подавалось множество удальцов. В разбойники, если отбросить романтическую чушь, уходили, говоря по-книжному, из-за экономического принуждения, но, выходя на большую дорогу, они не порывали с нравственными основами адата. Отбивший свою долю достатка с помощью кремневого ружья и вострой сабли абрек не был для рода пропащим человеком. Завершив свою “охоту”, он возвращался в горское общество героем, исполнившим свой долг, обзаводился семьей и хозяйством. А современное “абречество” имеет уже иную природу, когда ему никакой нравственный закон – что адат, что Уголовный кодекс – не писан.

В начале 90-х годов во многих российских регионах пошел резкий рост численности северокавказских этнических группировок. Они отличались крайней жестокостью, были хорошо вооружены и спаяны железной дисциплиной, основанной на принадлежности к тейпу, роду или землячеству. Быстро сообразив, что новая власть слаба, легко и охотно покупается, а правоохранительные органы, деморализованные бесконечными перетрясками, по-настоящему способны защитить только себя или, за отдельную плату, “крышуют” предпринимателей, кавказский криминалитет распоясался и, потеснив славянские группировки, стал активно вторгаться в бизнес, захватывать успешно работающие предприятия.

Тема ущерба, нанесенная “разрешенной” властью преступностью зарождающейся рыночной экономике России, еще ждет своего объективного исследователя. Мы до сих пор платим по этим счетам. Их дикие нравы в полной мере

ощутили на себе жители Москвы, Петербурга и областных центров, где крутились основные финансовые потоки. По сути, с тех пор мало что изменилось.

Правда, численность кавказских группировок несколько поредела, они почти ушли с улиц, стало меньше стрельбы, но зато их влияние упрочилось в большом бизнесе. Произошло разделение, хотя и очень условное, сфер влияния. Но цель, во имя которой молодые кавказцы спустились с гор, была достигнута. Огромная денежная масса незаконных доходов мощным потоком потекла с конца 80-х годов в “аулы и сакли”.

Руководство России, несомненно, хорошо осведомлено об этом, но, как и во всем, что касается кавказских проблем, по-прежнему ведет себя уклончиво. И нет этому ни конца, ни края. Бандиты, промышляющие безнаказанно на российских просторах, чувствуют себя добытчиками, кормильцами своих семей и, как в старину седую, могут легко укрыться от руки закона в своих родовых гнездах. Но абрек нынче не только тот, кто “промышляет” за территорией своего села, ущелья, района и облачен в черкеску с кинжалами на наборном поясе. Ему к лицу и милицейский мундир, в котором собирается дань с “дальбойщиков” на большой дороге. В форме чиновника налоговой службы он совершает регулярные набеги на бухгалтерию измученного проверяемыми предпринимателя. “Абрек” в охотку занимается и “попечительством” в Пенсионном фонде. Способ обогащения у них, дельцов “либерального разлива”, один – прямое изъятие. По существу, все население Северного Кавказа – данники такого “абречества”, которое является латентной стороной гибнущего хозяйственного уклада. А пока в казне есть нефтедоллары, Кремль за счет других регионов и групп населения остальной России исправно платит отступное за притворную покорность местных элит. Сложившийся уровень отношений в “вертикали власти” есть не что иное, как доведенный до абсурда принцип разделения полномочий, когда рука дающего в Москве не скудеет, а берущая на Кавказе – не отсыхает. Такого пошиба политика правительства страны, помноженная на неравномерность социально-экономического развития регионов, с неизбежностью ведет к разрушению всей структуры федерализма – и не только на Кавказе.

С этим малодушием власти давно пора покончить. Когда в семье, корпорации, государстве ли глава сквозь пальцы смотрит, как казна и добро среди бела дня растаскиваются, то такая общность нежизненна, она долго не протянет. Если финансовые дотации расхищаются на глазах всех, показная лояльность элит ровным счетом ничего не стоит, а “простой человек”, зная истинное отношение своих “беков” к Москве, не ставит “небожителей” в Кремле ни в грош. Только показательная “порка” в форме внешнего управления финансами и неотвратимое уголовное наказание способны резко сократить воровство и, тем самым, обеспечить исполнение бюджета республик.

Я сильно сомневаюсь, что федеральная власть, на словах неустанно пекущаяся о развитии регионов Северного Кавказа, сама до конца осознает, насколько же прочна пуповина, соединяющая их с остальной Россией. Ни разу проблема в таком значении не обсуждалась на региональных “партхозактивах”, проводимых администрацией президента и партией “Единая Россия” во исполнение воли главы государства и руководителя правительства. Любому, кто поставит перед собой цель добиться возрождения экономической жизни, неплохо было бы узнать, что, за редким исключением, до 1917 года крупной промышленности здесь просто не было и не могло быть из-за особенностей исторического развития. Пожалуй, лишь любопытным курьезом можно назвать тот исторический факт, что первый в мире нефтеперерабатывающий завод был запущен в Моздоке русскими братьями Дубиниными. Нефть от колодцев доставлялась в бурдюках, и предприимчивый народ бойко торговал керосином во всей округе. И это произошло раньше, чем известный авантюрист полковник Дрейк добыл первый баррель “черного золота” в Пенсильвании. Советской власти, столь ненавидимой либералами и националистами всех мастей, понадобилось не одно десятилетие и огромные инвестиции, чтобы изменить материальный и культурный уклад жизни горских народов. Здесь построили заводы и фабрики, направили сюда русских специалистов, а без них никуда, обучили местных жителей индустриальным профессиям, создали эффективную систему высшего, среднеспециального и профессионального образования. В автономиях еще до войны были подготовлены национальные кадры инженеров, агрономов и врачей. “Выравнивание” экономического раз-

вития – стратегическая цель плановой советской экономики – в северокавказских регионах к концу 70-х годов прошлого столетия была почти достигнута. А сегодня приходится лишь горевать – выдающиеся достижения советской цивилизации на Кавказе утрачены и, боюсь, безвозвратно.

Воссоздать промышленный потенциал, да еще на основе современных информационных технологий, при отсутствии такого производства в стране, просто невозможно. Ни за какие коврижки крупный российский бизнес (а об иностранных инвестициях и говорить нечего) на Северный Кавказ не придет – ему в нынешних условиях там просто нечего делать. Показателен выбор самих этнических кавказцев, имеющих успешный бизнес в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах, но ни копейки, за редким исключением, не вкладывающих в развитие своего края. Денежная поддержка своего родственного клана – не в счет. Есть еще одна веская причина – в российской экономике отсутствует норма прибыли. Капитал у нас не ищет выгодного вложения, как в “нормальных” рыночных экономиках. Сверхприбыль сама течет в бездонные карманы олигархов за счет присвоения рент и монопольных ценовых сговоров. Крупных национально ориентированных собственников у нас нет, не произрастают они в большой экономике “керосиновой лавки”.

Для понимания происходящего в хозяйственной жизни северокавказских регионов следует обратить внимание на то, какое применение имеют накопления местных предпринимателей, доходы правящих элит, открыто “пилящих” республиканский бюджет, и “абреков”, промышленяющих разбоем в городах России. Возродилась стародавняя традиция беков, а кто сегодня не бек, отстраивать огромные семейные усадьбы, напоминающие средневековые крепости. Такие кирпичные хоромы едва ли можно назвать коммерческим вложением капитала в недвижимость, потому что на этом рынке покупателей нет. Прижился, прямо скажем, незатейливый, “купеческий” способ возвышения над соседями. А крупный или просто успешный бизнес здесь, помимо того что проблематичен – просто опасен. Это в центральных регионах России они – недавние жители гор, овеванные мрачными криминальными легендами последних двух десятилетий, – чувствуют себя в относительной безопасности. А дома зачастую становятся объектом пристального внимания менее удачливых, но не менее жестоких и до зубов вооруженных соседей или выходцев из другого ущелья. М. Залиханов, со ссылкой на Генеральную прокуратуру России, говорит, что за последние годы в Кабардино-Балкарии пропало без вести более 350-ти человек, в основном предпринимателей. Нужно понимать психологию горца. Он может быть, без сомнения, храбрым воином, беспощадным бойцом криминальной бригады, преданным нукером, которому на всякий случай не стоит подставлять спину, заниматься другой раз мелкооптовой торговлей, не без выгоды для себя работать в госучреждении. Но чтобы день-деньской тянуть ляжку на рабочем месте у станка да еще сознавать, что работаешь на соседа – никогда. Такова ментальность. А вот среди женщин, кому род позволил получить высшее образование, много прекрасных врачей, педагогов и работников культуры.

Читатель вправе спросить, а что же делать? Начинать нужно с изучения структуры хозяйства на Северном Кавказе при советской власти и хорошо подумать о том, какие его уцелевшие части еще можно восстановить на новой технологической основе. Во времена Северо-Кавказского совнархоза и отраслевых союзных министерств было найдено немало интересных управленческих решений. То время знаменито крупными инвестиционными проектами, которые создавали рабочие места, а значит, был стабильный доход в территориях с избыточной рабочей силой. Из заколдованного круга депрессии можно выйти только при условии, что в регионе произойдет масштабная интервенция государственного капитала. Здесь, как в советские годы, необходимо строить филиалы или дочерние структуры крупных промышленных предприятий, где контрольный пакет принадлежит государству. Такой подход может изменить отношение коренных жителей к делу. За достойную зарплату горцу не зазорно поработать и на государство. И, конечно же, любыми путями материального и морального поощрения не только остановить исход славянского населения, но при строительстве новых заводов власть должна обеспечить организованный приезд русских специалистов и квалифицированных рабочих с предоставлением им хорошего жилья, созданием социальных условий для семей и веских гарантий безопасности. Понятно, что без заинтересованности местных властей и

лояльности местных жителей таких условий создать невозможно. В годы советской власти мы, бывало, шутили, что если в команде нет хотя бы одного еврея, то новое дело начинать не стоит. На Северном Кавказе, убежден, без русских специалистов новый промышленный уклад не построить. Без осознания этой реальности возрождение здесь, и не только экономическое, невозможно. А дальше все должно быть, как в старые добрые времена: готовить национальные кадры, начиная со школы воспитывать у молодежи представление о престижности образования и карьерного профессионального роста.

Нынешним политикам неплохо бы знать, что мелкотоварность истари была присуща кавказскому горскому типу хозяйства, до конца не вытесненному и при плановом производстве. Уничтожение крупных предприятий вновь сделало его ведущим укладом. А коли так, есть испытанный отечественный и мировой путь интеграции мелких хозяйств – потребительская кооперация. Даже в таких развитых странах, как Италия, где аграрный бизнес процветает, в основе его лежит эта доступная всем форма организации производства и сбыта, подкрепленная вниманием государства и банковским капиталом. Новое строительство или технологическое переоснащение предприятий местной перерабатывающей промышленности, когда его коллективным собственником является семья, род или односельчане, имеющие равные неотчуждаемые паи, означает работу на себя. Да и бизнес защитит, в случае чего, формируя на рынке региона местной качественной продукцией будет формировать у населения и спрос, и предложение. Только тогда в полном объеме начнет восстанавливаться товарное производство, разрывая тем самым порочный круг потребления “самоэксплуатации” и семейного натурального хозяйства. Стыдно ведь сознавать, что рынок Северного Кавказа в наши дни завален ширпотребом и продуктами питания из Турции, которая еще 25 лет назад безнадежно отставала в экономическом и культурном развитии от республик Кавказа.

Вытеснение потребительского импорта конкуренцией местных товаропроизводителей произойдет не вдруг. При поддержке государством сбытовых сетей и крупных товарных перевозок аграрный продукт неизбежно выйдет на оптовые и розничные рынки российских мегаполисов, вытеснит мафию посредников, в том числе и из Азербайджана, разорвавших при попустительстве продажных местных властей смычку между производителем и покупателем на потребительском рынке. Только связав территорию страны экономическими отношениями, “опутав” регионы взаимными обязательствами, мы дадим возможность всем гражданам России снова почувствовать себя единым народом одного государства. Именно об этом я размышлял в своей работе “Кавказский пороховой круг”. С той поры в политике федеральных властей почти ничего не изменилось.

Если все-таки возобладает “имперский” подход в решении возникших проблем, то, конечно, крайне необходим государственный банк, способный кредитовать на льготных условиях возрождающееся местное производство и, прежде всего, юридических лиц в системе потребительской кооперации. Так легче контролировать целевое использование кредитных ресурсов и обеспечить их возвратность. Этот же банк вместе с соответствующим региональным министерством может выстроить системную работу по строительству индивидуального жилья для молодых семей. Здесь вообще особого ума не нужно. Следует с учетом местных традиций спроектировать десятки три типовых домов с хозяйственными пристройками, рассчитать физические объемы кирпича, цемента, древесины и других строительных материалов и выдать тому, кто желает иметь свой дом, товарный кредит сроком на 10–15 лет. Убежден, что нормальный человек, выросший в семье, где традиционная религиозность не изуродована ересью ваххабитов, вместо того чтобы бегать от силовиков по горам и вести там звериный образ жизни, с радостью будет строить собственный дом, в который он приведет молодую жену и где вырастут его дети при живом заботливом отце. Понятно, все предлагаемое исходит из моего личного опыта работы в государственных органах и в бизнесе, но боюсь, что это очень большая морока для нынешней чиновничьей братии, у которой за плечами нет ни навыка, ни желания браться за такие сложные проекты. Но другого выхода нет, господа хорошие! Или горские народы будут создавать в XXI веке вместе с Россией, или неизбежен дальнейший провал в средневековье с бесконечной войной кланов за выживание.

То, о чем я пишу, самое простое, что можно еще успеть сделать и, главное, — это все реально. Уж точно не бредовая идея строительства четырех горнолыжных курортов. Вероятно, нужно очень неудачно спуститься на лыжах с горной вершины, чтобы всерьез обсуждать такие проекты. Вы освоите сначала в Сочи бюджет в 570 миллиардов, из которых только 70 млрд — частные инвестиции, добейтесь окупаемости затрат, а дальше видно будет. На досуге есть смысл подумать, кто будет обслуживать гостей в гостиницах и ресторанах: стирать, гладить, убирать, и, немаловажно, где персонал будет жить. Курортные комплексы, за редким исключением, находятся высоко в горах. Может быть, вы уже получили согласие местных жителей — отцов и мужей, на то, чтобы их любимые дочери и жены здесь работали. И не получите, не надейтесь. Русские женщины тоже не поедут, достаточно натерпелись издевательств за годы кавказской Смуты. Если поставлена задача “освоить” очередной миллиард, тогда у меня вопросов нет. Можете быть уверены, они обязательно появятся у правоохранительных органов, тем более, к тому времени новорожденная полиция, дай Бог, встанет на ноги. Но, полагаю, даже у них, обновленных и обласканных вниманием власти и общества, не хватит сил защитить отдыхающих от бандитов, для которых захват заложников — давний и хорошо отлаженный промысел. Думаю, любители горных курортов из Европы дено и ночью мечтают именно о таком отдыхе. Хотя, кто знает, может, парадругая чудаков — любителей острых ощущений — и найдет.

“Активность бандгрупп не снижается, их деятельность срастается с организованной преступностью. Количество обстрелов, подрывов и убийств мирных граждан, духовных лидеров, сотрудников правоохранительных органов не становится меньше. Люди продолжают жить в атмосфере тревоги и страха за себя и своих близких”. Слова не мои, они сказаны действующим Президентом России. Основной вывод может быть только один — политика, проводимая руководством страны в течение последних, по крайней мере, десяти лет, зашла в тупик. О политике Кремля в 90-е годы говорить не приходится по одной простой причине — ее и не могло быть. Эти годы останутся в истории как время “невменяемой” России.

Сегодня же было бы логичным для власти подвергнуть беспристрастному анализу причины наших неудач. А пока, вместе с руководством страны, мы беспомощно пробуем плыть в море ложной информации о положении дел в северокавказских регионах. Ни их руководители, ни силовики, ответственные за уничтожение бандитизма, не заинтересованы в правде. Она слишком горька и потому никому не нужна. Как не вспомнить известного царского наместника, который, вникнув в дела, вынес убийственный вердикт: “Катастрофическое незнание Кавказа в Петербурге”.

В нынешнем его незнании “новые” питерцы в Первопрестольной оставили державный город Петра Великого далеко позади. Уже несколько лет нас убеждают, что с организованным сопротивлением покончено, и даже в Чечне якобы “сезонно” блуждают по горам всего лишь от пятисот до тысячи “шайтанов”, как образно их называет Рамзан Кадыров. Единственный, пожалуй, кто системно, методом кнута и пряника, борется с ними и добивается реальных результатов. Другое дело, далеко не всех чеченцев устраивает сам руководитель республики и то, что он делает с согласия руководства страны. И потому или он уничтожит бандитов, или они расправятся с ним. На войне как на войне — иного не дано.

Какова же все-таки действительная численность боевиков во всех мятежных районах? По мнению тех, кто вынужденно покинул родные места, сегодня из готовых под националистическими лозунгами убивать, взрывать, похищать людей и грабить, можно сформировать целую “дикую дивизию”. Что ни говори, не зарастает в горы “народная” тропа.

И вдруг — не ослышался ли я? — директор ФСБ Александр Бортников, всегда профессионально немногословный и сдержанный в суждениях, будучи в Ессентуках вместе с Президентом страны, вполне серьезно предложил повышать на Северном Кавказе эффективность и наступательность профилактической работы с молодежью, уделив особое внимание патриотическому воспитанию с целью формирования активной позиции. Прочитав ночью этот пассаж, я не выдержал и громко закричал, перепугав своих бедных, уже отошедших ко сну, соседей: “Верно. Нужно бросить все силы на формирование у них активной жизненной позиции!”. И так на душе моей стало хорошо, что весенним

половодьем нахлынули воспоминания о прошедшей юности. Я, первый секретарь райкома комсомола, “воодушевленный” в очередной раз решениями XXVI съезда КПСС и речью на нем Генерального секретаря, выступаю с докладом на пленуме...

Вы сами-то, товарищ генерал, кого, где и с кем собираетесь профильтровать в этих регионах? Припозднились мы, мягко говоря, на четверть века. Там уже до нас все сделали ваххабиты и муллы, получившие образование и военную подготовку в духовных учебных заведениях арабских стран. О чем, интересно, органы безопасности тогда думали? А теперь жизнь и сознание подростков находятся под их повседневным контролем, начиная со школы и заканчивая вступлением в боевую группу по месту “прописки”. И поэтому за патриотическую жизненную позицию многих молодых горцев можно быть спокойными, они готовы сражаться с гяурами за свое, как они считают, национальное освобождение.

Может быть, активистам “Единой России” стоит при вашей поддержке заняться более активно воспитанием подрастающего поколения в исконно русских областях и в Сибири, пока славян там большинство. Научите их уважать, как свою, собственность гг. Абрамовича, Авена, Фридмана, Вексельберга и еще добрую сотню известных сынов “отчества” с двойным гражданством. Сформируйте у них готовность по первому зову правящей партии и Президента страны отдать самое дорогое, что у них есть – жизнь, если враг посмеет посягнуть на священное право олигархов владеть 75-ю процентами материальных активов России. Правящий питерский клан должен быть уверен – поколение “пепси” не отдаст ни пяди российской земли, которая им не принадлежит.

Вы будете воспитывать у молодежи патриотизм, обращаясь к символам исторической или современной России? Или снова, в трудную минуту, начнем взывать к бессмертным образам наших великих предков, как это сделал И. Сталин 7 ноября 1941 года? Будущий Генералиссимус Советского Союза, отдадим ему должное за победу в этой страшной войне, хорошо знал, к кому он обращался на Красной площади. Молодое поколение тех лет не сомневалось, что СССР, Россия, Родина-мать, Отечество и священная русская земля – единое, неразделимое понятие. Потому и победили, и сверхдержаву построили, и всю жизнь помнили учительницу, научившую в первом классе писать крупными буквами: РАБЫ НЕ МЫ, МЫ НЕ РАБЫ! Патриотизм, генерал, как и высокое чувство хозяина своей страны, из детства, из школы, от песен, что в колыбели нам пели. Он впитывается вместе с материнским молоком, которое никогда не высыхает на губах любящих сыновей. Вопрос один, для всех. Найдем ли мы сегодня в России достаточное количество такого материнского молока, и каким суррогатом, в таком случае, мы вскармливаем наших детей. Для какой жизни?

Если ничего в экономике и общественных отношениях в горных республиках не изменится и сохранится нынешняя политика “умиротворения” властных кланов за счет федерального бюджета, мы через десять лет будем иметь не просто чужой, а враждебный России Северный Кавказ. Хочу напомнить всем страдающим амнезией сепаратистам, что их нынешние административные границы – это подарок советской власти, которая, по простоте душевной, щедро, но бездумно “жаловала лесами и степями, реками большими и малыми, землю богато народы разные, невеликие”, свято веря в нерушимость Советского Союза.

А сейчас здесь ненависть к русским умелыми руками “разлита” по урочищам, ущельям и долинам, ею пропитан воздух и отравлена наша общая земля. В этих условиях выросло уже второе поколение горцев, которые ничего хорошего о прошлом и настоящем России не знают и знать не хотят. И потому молодежь, даже получающая образование в Москве, ничего не может понять в нашей общей истории, она не ведает, что же объединяет нас полтора века, которые для Кавказа по значимости равны тысячелетию. Почти каждый день телевидение и пресса приносят тревожные новости о правонарушениях с участием выходцев с Северного Кавказа. Убийства, драки с использованием боевого и травматического оружия, хулиганство, вызывающее поведение в общественных местах и, как всегда, вялая реакция милиции, укрепляющая в них веру в свою исключительность и безнаказанность. Мы возвращаемся в атмосферу диких 90-х годов, и, главное, персонажи хорошо узнаваемые. А по-

иному и быть не могло. На Кавказе вступают в жизнь молодые “супермены”, не получившие гуманитарного образования, воспитанные на антирелигиозных догматах неуважения к людям другой национальности и веры, не знающие и не воспринимающие иную культуру, а своей просто не хватает. Они воспитываются в однородной, националистически настроенной и потому очень агрессивной человеческой среде, без элементарного навыка общения в многонациональном современном обществе. Молодой чеченец, студент МГИМО, врывается на джипе в Александровский сад и, сделав круг по аллее, останавливается у Вечного огня – памятника Неизвестному солдату, погибшему за свободу и независимость Родины. Святое для всех нас место! Приехал не для того, чтобы преклонить колени и возложить цветы в знак уважения к его подвигу. Даже мысли такой нет. Громкая музыка, такие же сидящие рядом тупые девицы из провинции – свидетели его “возможностей”, перед которыми наш “джигит” решил покрасоваться. А затем была попытка лихо уйти от милицейской погони и наглое поведение при задержании.

Подобные акты вандализма, а они не единичны по России – не хулиганство, а сознательное попрание святынь нашего народа. Они так воспитаны в семье, значит, так мыслят и ведут себя в роду. Это и есть зримый, горький результат вытеснения русских с земель Северного Кавказа, вместе с которыми безвозвратно уходит и великая русская культура, во всей своей имперской многоцветности, глубине и совестливости.

Исход великороссов с окраин государства – одна из главных опасностей, подстерегающих нас на сложном пути возрождения России. Не следует нам забывать трагический закат Великой Римской империи, которая погибла не под ударами варваров, пришедших извне, а от слишком большого их количества внутри империи, особенно на ее окраинах.

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

НЕОБЪЯВЛЕННЫЙ МАРШРУТ

Что бы вы сказали о человеке, который, желая утолить голод, принялся бы отправлять еду в помойное ведро? Или про того, кто, изнемогая от жары и утверждая, что больше всего на свете мечтает о прохладе, стал бы кутаться в шубу? А если некто попрощался с вами перед поездкой в Мурманск, но сел в поезд “Москва–Сочи”? И не потому что он такой рассеянный с улицы Басейной, а потому что, в силу каких-то загадочных причин, цель и средства ее достижения в его голове не связаны между собой. И даже диаметрально противоположны.

Хотя для психиатра никакой особой загадки тут нет. Когда целеполагание и движение к цели столь контрастны, это один из ярких признаков шизофрении, раздвоения личности.

Впрочем, даже не прибегая к диагностике, отметим, что подобное поведение обескураживает своей нелогичностью. Но когда речь идет о некоем частном лице, это мало кого затрагивает. Ну, один малость поголодает, а потом все же что-нибудь съест – голод не тетка; другой взопреет в шубе, но пар, как известно, костей не ломит; третьему проводник далеко уехать не даст...

Когда же признаки разорванности сознания проявляют общественные и политические деятели, это затрагивает уже значительное число людей и перестает быть частным вопросом. Один из ярчайших примеров такой “социальной шизофрении” – либеральный подход к профилактике ранних абортов, венерических заболеваний и СПИДа. Цель – побороться с вышеперечисленными отрицательными явлениями. Исходя из нормальной логики, что надо делать для достижения этой, безусловно важной, цели? Прежде всего, постараться обеспечить детям целомудренное воспитание. А для этого, в частности, преградить доступ к разнообразным видам информационного непотребства.

“Подростки тоже хотят жить”. По закону

На практике же все наоборот. “Профилактические” программы буквально топят детей в непристойной информации. В результате подростковых абортов, вензаболеваний и СПИДа становится все больше. Но “просветители” не собираются менять маршрут, сворачивать с ранее избранного пути. Рапортуя об очередном ухудшении ситуации, они лишь более уверенно идут к декларируемой цели прежней дорогой. В Англии, которая устойчиво лидирует в последние годы по числу подростковых беременностей, Ассоциация Планирования Семьи (FPA) уже предлагает обсуждать с подростками в школе ... порнографию. И готовит социальных работников для “поддержки” несовершеннолетних любителей порносайтов. “Уроки призваны повысить самооценку мальчиков и

отучить их смотреть на женщин как на неодушевленные объекты вожделения”, — пишет корреспондент “The Daily Mail” Дэниэл Мартин.

А в Америке, где с приходом Обамы либералы спешно отвоевывают слегка утраченные за время правления Буша позиции, в штате Вермонт предлагают узаконить подростковый “секстинг”. Для тех, кто не в курсе, сообщаем, что это такое новое хобби. Люди обмениваются непристойными фотографиями (вероятно, своими) или видео, в том числе сделанными при помощи мобильного телефона. В США это узаконено с 18 лет, но сейчас назрела необходимость в правовом урегулировании и для подростков, поскольку в подростковую среду тоже проникла новая мода. Поэтому юристы Вермонта считают, что нужно разрешить “секстинг” между детьми. Детишки тоже должны иметь право на модные хобби! Но только в очень четких возрастных рамках: от 13 до 18 лет. А если, к примеру, двадцатилетний парень пошлет свои интимные фотографии тринадцатилетней девочке, это уже должно квалифицироваться как педофилия и быть уголовно наказуемо. Подростки — другое дело, тут все по закону.

Впрочем, и с педофилией все не так безнадежно. В Голландии партия педофилов уже требует участия в выборах. Так что простор для новых “просветительских” инициатив еще вполне может расширяться.

Такую же разорванность сознания мы наблюдаем и в вопросе ювенальной юстиции. Останемся на том аспекте, который мы в предыдущих статьях рассматривали лишь очень бегло: на подростковой преступности. Тем более что и ювеналы в последнее время стараются сфокусировать внимание общества именно на этой теме. Дескать, не волнуйтесь, никто не тронет нормальные семьи (хотя трогают — и еще как!), никто не будет отнимать детей у родителей (хотя отнимают все больше и больше). Нужно просто повсеместно создать суды для несовершеннолетних и применять к “детям, находящимся в конфликте с законом” — это теперь такой новый политкорректный термин — особый профессиональный подход, который позволит резко снизить подростковую преступность.

Что ж, посмотрим, насколько цели соответствуют результатам. Возможности для этого у нас немалые, ведь в западных странах, откуда продвигаются в Россию идеи ювенальной юстиции, она существует уже достаточно давно. Во Франции — так целых 60 лет. Эта страна, кстати, представляет для нас особый интерес, поскольку нарколог-правозащитник О. В. Зыков, упорно лоббирующий введение ювенальной юстиции (будем в дальнейшем для краткости обозначать ее как ЮЮ), ориентируется как раз на французскую модель.

Надежно защищенные преступники

В 2007 г. издательство “Глагол” выпустило книгу в прошлом известного советского, но уже несколько десятилетий живущего в Париже писателя Анатолия Гладилина. Название весьма красноречиво: “Жулики, добро пожаловать в Париж!” Прочитав несколько фрагментов, не нуждающихся в комментариях. “На вечерней парижской улочке я вижу, как потрошат салон роскошного “мерседеса”. На шухере стоит черный качок с мрачным выражением лица, рядом интеллигентный негр с седыми висками, который ласково улыбается редким прохожим. А в салоне шурует восьмилетний шоколадный мальчишка... Вот вам пример профессионализма с хорошим французским юмором, а главное, со стопроцентной гарантией безопасности. Ведь если прибежит хозяин “мерседеса”, то получит по роже от качка. Редкие прохожие, оценив обстановку, ответят улыбкой седовласому интеллигенту. Ну, а если вдруг появится полиция, то ей придется иметь дело лишь с восьмилетним мальчиком... А что имеешь с восьмилетнего ребенка? Он заметил, что дверь машины открыта, и забрался в нее поиграть. Всё? Всё. Своего адреса, естественно, ребенок не помнит, но может добраться домой сам. И полицейский, вздохнув, угощает ребенка конфетой и говорит, чтоб тот, возвращаясь домой, переходил улицу только на зеленый светофор”.

“По французскому либеральному законодательству, — продолжает автор, — дети до 13 лет вообще не подсудны. Если на парижской улице двухметровый громила вырывает у вас сумочку и пинает ногой в живот, причем среди бела дня, то он делает это не потому, что такой смелый, а потому что знает — он ничем не рискует, ему семнадцать с половиной лет, и, в худшем случае, после сотого привода в полицейский участок, ему дадут три месяца условно. В газетах такого громилу будут ласково именовать “ребенок”. Пол-

ная уголовная ответственность во Франции начинается с восемнадцатилетнего возраста. В марте 2002 года в газетах проскользнуло сообщение, что в Нантере арестован восемнадцатилетний юноша, который терроризировал этот парижский пригород в течение трех лет. Он вырывал у пожилых людей сумки и кошельки, а если старушка упорствовала, то он ее избивал. Полиции были прекрасно известны его подвиги, но она перестала его арестовывать. Какой смысл? Приведут “ребеночка” в участок – и в тот же день после душевспасительной беседы судья выпускает его на свободу. И вот только в марте, когда милый мальчик достиг совершеннолетия, его арестовали, начали расследование и выяснили, что на совести у шалуна 500 (!!!) ограблений и избиений. Он их совершал от 4 до 7 в день. Думаю, что такая регулярность и работоспособность даже взрослому матерому преступнику не по силам”.

“Бедные детки” не всегда ограничиваются избиениями и ограблениями. Люди, усвоившие правила новой, ювенальной жизни, зная об этом, предпочитают не связываться с ними ни при каких обстоятельствах. Ну, а те, кто еще живут прежними, устаревшими понятиями, могут жестоко за это поплатиться.

Юбилейные показатели (в 2009 году французской ювенальной юстиции стукнуло 60 лет) впечатляют. Дважды за последние годы в Париже разразились многодневные подростковые бунты. Причем ювенальные суды выпускали на свободу даже тех “ребятишек”, которые были захвачены на месте преступления. С 2002 года женская подростковая преступность выросла во Франции на 140%. В драке на автомобильной станции в Шелле, например, участвовало около 100 (!) девочек в возрасте от 14 до 17 лет. В ход шли ножи, гвоздомеры, палки и баллончики с газом.

Не хуже обстоят дела и в Англии. Банды из девочек-подростков, по сообщениям МВД Великобритании, отличаются особым садизмом. Криминальный возраст в результате усилий правозащитников сейчас снизился с 16 до 14 лет. Полиция сообщает, что в женской банде из Брикстона состоят даже десятилетние девочки. В городе Селби одна такая банда покалечила семидесятидвухлетнюю пенсионерку, сделавшую девочке замечание. Бедняга жила еще старыми представлениями и плохо изучала права детей. Или, может, по старости выжила из ума? Разве нормальный человек посмеет нынче делать малолеткам замечания? Кто как хочет, так себя и ведет. Права ребенка надежно защищены.

Обнадеживают и результаты работы правозащитников в английских школах. По данным статистики, издевательства там происходят все чаще. Опрос, в котором приняли участие 8,5 тыс. детей, показал, что 7 детей из 10 подвергались нападкам со стороны агрессивных товарищей.

А канцлер Германии Ангела Меркель предложила ужесточить наказания для малолетних преступников. Возникает вопрос: как она отважилась на такое безумное предложение? А просто дела очень плохи: 43% преступлений в Германии совершается лицами моложе 21 года. То есть, по немецким меркам, несовершеннолетними. Причем волна молодежной преступности продолжает нарастать.

Интересно, что ужесточила наказания для малолетних преступников даже прозападная Грузия. Еще в 2008 г. парламент утвердил в третьем чтении законопроект, предусматривавший снижение возраста уголовной ответственности с 14 до 12 лет. Законодатели, которым, видно, ювенальные политехнологии не успели задурить голову, справедливо сочли, что это будет содействовать сокращению уровня подростковой преступности. Права ребенка – это, конечно, хорошо, но когда приходится воевать по указке тех же западных хозяев, нельзя допускать разгула преступности, ослабляющего страну. И западные хозяева, обратите внимание, в данном случае закрывают глаза на такие, казалось бы, вопиющие нарушения прав “детей в конфликте с законом”.

В России тоже есть люди, которые понимают, чем грозит разгул молодежной преступности. В мае 2007 года депутаты Алтайского края рассматривали вопрос об ужесточении наказаний для несовершеннолетних преступников. После бунтов в колониях были оглашены страшные цифры: до 50% всех преступлений в среде несовершеннолетних – это тяжкие и особо тяжкие. Причем в последние годы эти преступления поражают еще и какой-то особой изощренной жестокостью, садистской изобретательностью.

Так, в 2007 году на одном из сочинских сайтов был объявлен оригинальный конкурс с премией в 3 тысячи долларов. Победителем должен был считаться тот, кто представит трехчасовую видеозапись садистской расправы над человеком. Только чтобы кровь была реальная, никакого клюквенного сока!

Призерами чуть было не стали восьмиклассницы из 22-й школы Приморско-Ахтарска, что на Кубани. Вдохновленные сценарным планом восемнадцатилетнего Димы Бычкова, они приволокли за волосы свою сверстницу по имени Рита на стадион, расположенный неподалеку от школы, и в течение двух с лишним часов избивали ее перед объективами камер. В результате, кроме сотрясения мозга и опасных для органов гематом, у девочки произошел закрытый компрессионный перелом позвоночника со смещением дисков. Правда, вождеденную премию получить не удалось: не дотянул “творческий коллектив” до трех часов. И не потому, что “рука бойца колоть устала”, а просто кто-то помешал. Но уже в тот же день восьмиминутный клип оказался в интернете. А еще журналистке Ирине Давыдовой, которая написала об этом чудовищном случае в статье “Денег и зрелищ”, школьники показывали минутный клип. В нем Риту и ее подружку Иру, пришедшую к ней на помощь, уже не только избивали, а и лихо убивали под бодрый рэповский мотивчик. Компьютерные технологии позволяют сейчас “подредактировать” документальную съемку, усугубив ее содержание. Убийство – это же круче, чем избивание! Соответственно, и смотреться будет с большим интересом.

Вторую историю хочется не пересказать, а процитировать. Тем более что она не такая длинная. “Новые известия” от 6 февраля 2008 года: “В городе Кольчугино Владимирской области на Вечном огне пьяные подростки сожгли человека. Несмотря на попытки местных властей замалчивать этот факт, скандал выплыл наружу, сообщает РЕН-ТВ. Вечером 1 января Алексей Денисов возвращался из гостей домой. Проходя мимо городского Вечного огня, он сделал замечание группе пьяных подростков, развлекавшихся прямо на воинском мемориале. Тут же началась драка, силы оказались неравны – четверо против одного. После того как защитник Вечного огня уже не мог сопротивляться, его ограбили и стали в буквальном смысле поджаривать на Вечном огне, держа за руки и за ноги.

Ольга Денисова, мать Алексея Денисова, сообщила, что “шанса не было. Они его уничтожали наверняка”. Тетя погибшего Марина Сторожкова рассказала: “Потом они его подняли за руки и положили на звезду лицом, и руки у него получились, как будто он лежал и обнимал звезду”.

Трагедия произошла в самом центре Кольчугино – напротив городского суда и в 50 метрах от местной администрации. Центр города уже превратился в неконтролируемый криминальный очаг, сообщает телекомпания... Сегодня семья Денисовых не только скорбит на могиле своего сына, внука и племянника, но и экстренно, под проценты, берет денежный кредит. На оплату услуг адвоката нужно 70 тысяч рублей. Бесплатный полагается только обвиняемым. Женщины боятся, что подонков признают “невменяемыми”, а сроки заключения будут оскорбительно малыми”.

Спустя полтора года родственники зверски замученного человека могли бы уже не хлопотать и не занимать такие огромные деньги на адвокатов. Летом 2009 года было торжественно объявлено, что в Кольчугино открылся ювенальный суд. А ювеналы, как известно, против “репрессивного подхода”. Так что теперь, боимся, в городке, центр которого “уже давно превратился в неконтролируемый криминальный очаг”, юные преступники почувствуют себя полновластными хозяевами жизни.

Жертвы прав не имут

В Приморско-Ахтарске, по крайней мере, произошло именно так. Ювенального суда там, правда, пока еще нет, но регион этот ювенально-пилотный. О чем журналистке, писавшей про девочек-конкурсанток, видимо, было неизвестно. В противном случае она бы вряд ли так недоумевала по поводу мягкости наказания. “Малолетним садисткам”, как назвала их автор статьи, дали 5 и 7 лет условно. Не удивил бы ее, знай она о ЮЮ, и тот факт, что заказчики садистского избивания в деле не фигурировали. И то, что общественность не была допущена в зал. Обе эти детали типичны для ювенальных процессов. Первая потому, что отсутствие “заказа”, а значит, злого умысла, снижает тяжесть преступления. А вторая – закрытость процесса – подается ювенальщиками как одно из средств защиты детей (то бишь несовершеннолетних преступников). Дескать, присутствие посторонних может травмировать хрупкую детскую психику. Хотя в данном случае, как и во многих других, ссылка на

хрупкость детской психики, по меньшей мере, неуместна. Юные преступницы несколько не испугались судимости. “Из зала суда, — пишет Давыдова, — выходили героинями”. И, никого не боясь, снова угрожали расправой своей недавней жертве.

На самом деле закрытость подобных процессов позволяет без всяких помех — ни со стороны родственников потерпевших, ни со стороны прессы и общественности — творить беззаконие. Все это весьма характерно для тоталитарных систем, каковой — на Западе об этом говорят все громче — и является ювенальная юстиция. Характерной особенностью этого образчика тоталитаризма является выгораживание преступников, а не защита жертв.

Причем, обратите внимание, это происходит даже в тех случаях, когда жертвы — тоже дети! И их права, уж если рассуждать в категориях защиты прав ребенка, надо отстаивать с повышенным рвением. Но ничего подобного в системе ЮЮ не наблюдается.

Взять хотя бы все тот же случай в Приморско-Ахтарске. Там ведь была не одна жертва, а две. На помощь Рите прибежала ее подруга, восьмиклассница Ира. И ее тоже зверски избили. За компанию. Но судебный процесс был выстроен таким образом, что она проходила по делу не как потерпевшая, а как свидетельница. И про побои, естественно, речь не шла. “Для защиты своих интересов им (Ире и ее маме. — Авт.) было предложено обратиться в суд в порядке частного обвинения по факту нанесения свидетельнице ... легких телесных повреждений. Дескать, подшутили над Ирой”, — пишет корреспондент.

Типичный пример ювенального отношения к несовершеннолетним преступникам и жертве приведен в уже упомянутой нами книге Гладиллина.

“В провинциальном городке, — пишет он, — молодежная банда угоняла машины. Пятнадцатилетний мальчик сказал своему отцу, что знает имена тех, кто украл у них машину. Отец, законопослушный француз, решил, что об этом надо официально заявить в полицию, и явился с сыном в участок. Там всё записали, поблагодарили свидетелей, а потом вызвали в участок юных угонщиков, сообщили им, что на них поступило заявление, погрозили им пальцем и... отпустили.

Что сделали семнадцатилетние “дети”? Почувствовав безнаказанность, они подкараулили парнишку и зарезали его. Причем резали долго и зверски. На трупе (теперь уже не пятнадцатилетний мальчик, а труп!) насчитали 14 колотых ран.

Сегодня об этом страшном происшествии написано во всех газетах, кричит радио и телевидение. Завтра успокоятся и забудут. Наказали ли полицейских? Нет, ибо полиция поступила политкорректно, ведь убийцы не виноваты, виноваты семья, школа, общество. Вот если бы угонщиков сразу арестовали, то пресса не забыла бы и продолжала крик. Ведь нынче какая главная тема во французских СМИ? Плохо, месье-дам, живется преступникам во французских тюрьмах! Тюрьмы переполнены”.

Переполнены? Неужели? А как же невиданные успехи по снижению преступности, которые нам обещает гуманное отношение к “лицам в конфликте с законом”?

— При чем тут несовершеннолетние? — возразят нам негибкие ювеналы. — Тюрьмы переполнены взрослыми уголовниками. А по детям совсем другая статистика.

По детям статистика, может, и более оптимистичная. Даже наверняка. Но у них, у детей, есть такое загадочное свойство: они взрослеют. И те из них, на чьи “шалости” закрывал глаза ювенальный суд, повзрослев, предстают перед судом для взрослых преступников (как “шалун” из гладилинской книги, на счету у которого к 18 годам было 500 тяжких “проказ”). И, соответственно, переполняют тюрьмы. Так что эта переполненность свидетельствует отнюдь не в пользу ювенального гуманизма. Просто расхлебывать его последствия приходится сотрудникам других ведомств. Ну, и, конечно, пострадавшим. Если тюрьмы переполнены — значит, и жертв полным-полно.

Наркотики: “от подростка к подростку”

Другим косвенным показателем “эффективности” ювенального гуманизма служит статистика по наркомании и алкоголизму. В Англии, например, каждый седьмой ребенок ДО 13 лет уже пробовал наркотики. Любопытная стати-

стика и у нас. Если посмотреть ранжированность территории РФ по уровню распространения наркомании, то окажется, что в Самарской области на 100 тыс. населения наркоманов 671,3 чел., в Иркутской – 522,6. А в среднем по России – 241,3. Почти в 3 раза меньше! Для справки: Самарская и Иркутская области – пилотные регионы по ЮЮ.

А 2 июня 2009 года главный санитарный врач России Геннадий Онищенко сделал заявление РИА “Новости”, что “органы власти всех уровней должны совместно бороться с курительными табачными смесями в России, которые имеют галлюциногенный эффект и разрушают психику”. Наибольшее распространение, по его словам, эти смеси получили в Краснодарском крае, Самарской, Саратовской, Ростовской областях и в Москве. То есть ОПЯТЬ-ТАКИ В ЮВЕНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ!!

С наркоторговлей вообще весьма интригующая история. Можем подарить ее кому-нибудь из авторов, подвизающихся в детективном жанре. Через многие ювенальные регионы проходят основные пути наркотрафика. Причем наркоситуация, как отмечалось 26 июня 2009 года в докладе директора ФСКН Виктора Иванова, серьезно ухудшилась. С 2001 года, когда Америка вторглась с “миротворческой миссией” в Афганистан, производство опиатов в этой стране, по данным ООН, выросло более чем в 40 раз. “В России, – цитируем доклад Иванова, – наркоситуация предопределяется героинным давлением из Афганистана. Колоссальный поток так называемых тяжелых наркотиков афганского происхождения привел к тому, что 90% наших сограждан, страдающих от наркозависимости, – потребители именно афганского героина. В непосредственной близости от России складированы колоссальные запасы опиатов. Они, по оценкам специалистов, достигают триллиона разовых доз. Этого объема количеству наркоманов, равному по численности сегодняшнему населению России, хватило бы на 100 лет”.

Но ведь очевидно, что такие запасы копятя на наших границах не зря! Владельцам запасов дальше необходимо решить две ключевые задачи: как провезти наркотики в нашу страну и как их распространить. Мы остановимся на проблеме распространения.

“Наркотики, – отметил директор ФСКН, – продаются, в основном, там, где есть потенциальный покупатель. Это, в частности, окрестности школ, других учебных заведений, дискотеки”.

Что ж, вполне логично, поскольку в первый раз наркотики обычно пробуют в 15–16 лет, когда подростки уже становятся более независимыми от родителей и жаждут “взрослых” развлечений.

Кто же может стать наиболее успешным распространителем или, говоря по-русски, наркодилером в этой среде? Подростки – достаточно обособленная возрастная группа, усиленно напитываемая сейчас духом негативизма по отношению к взрослым. Зато сверстники и особенно те, кто чуть постарше, вызывают доверие и могут легко “заразить” своими интересами, увлечениями, пристрастиями. На этом, собственно говоря, основана технология массового информирования подростков и вовлечения их в различные неформальные сообщества. Помнится, мы впервые столкнулись с такой технологией в 1997 году, когда растление школьников под маской полового воспитания пытались осуществить по программе “От подростка к подростку”, для чего мальчишкам и девчонкам, которые прошли специальные тренинги и уже были готовы обучать других, выдавали диплом “секс-инструктора”. Похожий принцип вербовки применяют и сектанты.

Право же, было бы странно, если бы наркомафия пренебрегла таким технологичным принципом, как “равный обучает равного”. И она им, естественно, не пренебрегла. Тот, кто хоть немного “в теме”, может сразу вспомнить о роли жителей Таджикистана в распространении наркотиков на территории России. Екатеринбургец Евгений Ройзман, много и плодотворно потрудившийся для оздоровления наркоситуации в родном городе, в бытность свою депутатом Госдумы неоднократно пытался привлечь внимание к этому вопросу. В частности, он говорил, что через детей таджикских мигрантов наркотики быстро проникают в подростковую среду. Появления даже одного такого ребенка в московской школе нередко бывает достаточно для вспышки “наркоэпидемии”.

Но пока наркомафии мешают наше законодательство, по которому дети лишь до 14 лет не несут уголовной ответственности за свои преступления. То есть абсолютно безопасно может чувствовать себя двенадцати-тринадцати-

летний дилер. А ему — опять-таки по законам подростковой стаи — не очень легко внедриться в среду шестнадцати-семнадцатилетних, где наиболее вероятно найти устойчивый рынок сбыта. Поэтому взрослым подонкам, которые стоят за малолетками, принципиально важно повысить планку уголовной неприкосновенности. Лучше бы лет до 18, тогда прекрасно сработает принцип “от равного к равному” и — что еще эффективней! — “от несколько более старшего — к младшему”.

Гарантированное прикрытие

И тут лучше ЮЮ, пожалуй, ничего и не придумаешь. По Международной конвенции о правах ребенка, которая является фундаментом для ЮЮ, детство определено как возраст до 18 лет включительно. Значит, дело за малым: надо смягчить законодательство. Собственно говоря, именно эти песни мы и слышим от наших ювеналов. Таких, например, как О. В. Зыков, который — надо же, какое удачное совпадение! — является не только правозащитником, но и наркологом. Сколько за последние годы он и его соратники гневно обличали “репрессивный подход” и “репрессивное мышление”, которые якобы и являются главным источником бед в области подростковой преступности.

Обратите внимание, как грамотно, по законам информационной войны, подобраны клише. Слыша прилагательное “репрессивный”, человек вспоминает об ужасах сталинских репрессий и тут же выдает желаемую реакцию: “Нет, нам не нужен репрессивный подход! Хватит! Мы это уже проходили!”

Очень профессионально выстроена и дальнейшая аргументация. Понимая, что общество может забеспокоиться по поводу уголовной ненаказуемости несовершеннолетних преступников, правозащитники заверяют нас в том, что тяжкие уголовные преступления, конечно, не должны оставаться безнаказанными. (Хотя Зыков — такой гуманист, что он и с этим не согласен. “Ребенок не может быть субъектом репрессий со стороны общества”, — заявил он “Парламентской газете” в 2006 году, см. статью “Суд без мантии и клеток”, 06.07.2006.)

Но ведь розничная торговля наркотиками и не считается сегодня в России тяжким преступлением. У нас не какой-нибудь там тоталитарный Китай, а демократическое государство! Поэтому совершенно очевидно, что при введении ЮЮ несовершеннолетние наркодилеры и их зрелые патроны смогут наконец почувствовать себя комфортно. Конечно, предпринимались и разные другие попытки обеспечить себе вожделенный комфорт. Например, упорно проталкивается идея введения так называемой заместительной терапии (когда герои предлагают заменить якобы лекарством, а на самом деле наркотиком метадон, который должен выдаваться наркоману бесплатно). Лоббируются программы “снижения вреда” (за которые опять-таки по странному стечению обстоятельств ратует Зыков), настраивающие молодежь на более “безопасное потребление” наркотиков. Нередко в рамках этих программ “потребителям” — тоже бесплатно! — выдают чистые шприцы. Чтобы обеспечить безопасное потребление.

Ну, и, конечно, нельзя не вспомнить печально знаменитое Постановление Правительства № 231 о средних разовых дозах наркотика, по которому целых два года торговцев смертью, пойманных с поличным, не сажали в тюрьму, даже если у них находили 9 разовых доз героина. Рынок, как было сказано в одной запомнившейся нам телепередаче, отреагировал благодарно...

В этой же передаче уже не раз упомянутый нами О. В. Зыков уверял телезрителей, что потребление наркотиков — это часть культурной традиции, в разных странах потребляют разные наркотики. И что табакокурение наносит куда больший вред здоровью, нежели героин (канал ТВЦ, передача “Московская неделя”, репортаж Сергея Игнатова).

Когда же развернулась борьба за отмену постановления, Зыков прикладывал большие усилия для его защиты. И очень переживал, что защитить не удалось. Ну, ничего. Ювенальная юстиция, если ее протолкнуть, решит сразу много вопросов. В том числе и обеспечит силам, заинтересованным в дальнейшей наркотизации нашей страны, надежное прикрытие.

Для большей внятности приведем очень типичный по нынешним временам пример. В одной интеллигентной московской семье с шестнадцатилетним подростком, с которым до сих пор особых проблем не было, стало твориться что-то неладное. Он сделался грубым, взрывным, неуправляемым, начал ки-

даться с кулаками даже на отца, к которому всегда относился очень уважительно, прекратил помогать по дому, хотя раньше выполнял достаточно много домашних поручений и охотно заботился о младших сестренках. У мальчика появилась сомнительная компания, с которой он проводил время в ночных клубах. И еще у него появились большие деньги. А ведь он ни дня не работал! Короче, мать заподозрила наркотики и обратилась к врачам. Те пообщались с парнем и подтвердили ее подозрения. По-видимому, им удалось нарисовать в беседе с подростком невеселую картину его ближайшего будущего, потому что он согласился сдать анализы и был уже готов пройти курс лечения в стационаре. Но потом, явно по наущению “старших товарищей”, которым не хотелось терять клиента и, как это часто бывает, успешного дилера, вдруг заговорил о правах ребенка и пригрозил родителям, что если они посмеют еще хоть раз заикнуться о больнице, он обратится в ювенальный суд и пожалуется на психическое и физическое давление с их стороны. В итоге родители вкупе с наркологами оказались совершенно бессильны.

И вот какая вырисовывается картина: с одной стороны, как мы уже написали, розничная и мелкооптовая торговля наркотиками не входит в список тяжких преступлений. А с другой, – поборники ювенальных судов, “слеза и стена” о несчастных малолетках, которых готовы посадить за царапины на автомобилях или кражу сотового телефона, никогда не упоминают о несовершеннолетних распространителях наркотиков. Этого вообще как бы не существует. Не ради них ли вся затея? Может, наше внимание специально привлекают к мелким воришкам и дворовой шпане, которой нравится портить чужое имущество? Кстати говоря, их и без ЮЮ строго не наказывают. В настоящее время около 70% приговоров несовершеннолетним выносятся условно. И не только за действительно мелкие провинности, но и за зверские избиения, заканчивающиеся для жертвы переломом позвоночника, как было в Приморско-Ахтарске, за изнасилования, в том числе групповые. А некоторые “детки” уходят от уголовной ответственности даже за... терроризм!

10 июня 2009 года, прессе было сообщено, что оперативники ФСБ и МВД России предотвратили в Москве крупный террористический акт, который планировался в канун Дня Победы.

“Задержанный – шестнадцатилетний житель Люблино, который в домашних условиях изготовил восьмикилограммовое взрывное устройство. Но привлечь задержанного к уголовной ответственности не представляется возможным, так как он является несовершеннолетним”, – отметил источник в силовых структурах, сообщивший эту новость.

Не прошло и недели, как в столице судили молодых выходцев с Кавказа, которые, по некоторым данным, входили в группировку “Черные ястребы”. 6 мая 2008 года они напали на двоих юношей славянской внешности. Произошло это в вагоне метро, среди бела дня, на перегоне между станциями “Киевская” и “Смоленская”, то есть в центре Москвы. В результате один из пострадавших получил пулевое ранение в лицо и ножевое в область сердца, а другой, шестнадцатилетний одиннадцатиклассник, колото-резаную рану в область правого легкого. Восемь подозреваемых удалось задержать. Однако, по сообщениям СМИ, лишь двое из них находятся под арестом, а остальные шестеро, ввиду несовершеннолетия, под подпиской о невыезде.

Предоставляем читателю удобную возможность поразмыслить о новых перспективах этнической преступности в свете ювенальной юстиции (с учетом того, что, даже переехав в Москву, многие кавказские подростки соблюдают традиции – носят при себе ножи), а также снова обратить внимание на однобокий гуманизм ювеналов-правозащитников, которые и в этом случае почему-то не поспешили встать на защиту шестнадцатилетнего пострадавшего.

“Невинные воришки” сотовых телефонов

Сами же мы хотим вернуться к теме сотовых телефонов, которая одно время усиленно эксплуатировалась сторонниками ЮЮ. При ближайшем рассмотрении оказывается, что с кражей мобильных телефонов тоже не все так просто. Начнем с того, что это одно из самых массовых преступлений. По данным МВД за 2008 год, каждое пятое (!) уголовное преступление в России было связано с сотовыми телефонами. Поэтому довольно странно квалифицировать это как некую не стоящую внимания досадную мелочь. Очень уж отдает

попустительством такое благодущие. Кроме того, если до 70% приговоров несовершеннолетним выносятся условно, и, судя по информации из различных источников, они и за гораздо более серьезные преступления нередко отбываются легким испугом, то сажают за сотовые телефоны отнюдь не ювенальный контингент. Или что, их за изнасилование и разбой не сажают, а за мобильники сажают? Если так, то встает вопрос о профпригодности судей. Но дело скорее в банальной манипуляции.

Ну, и на закуску самое любопытное. Редко кто ворует из любви к искусству или чтобы потренироваться в ловкости рук. Обычно хотят или завладеть какой-то вещью, или выручить за нее деньги. Мобильный телефон – это быстрые деньги. Продать его не составляет большого труда. В Москве, например, нередко можно увидеть молодых людей с табличкой “Куплю сотовый телефон”. А теперь зададим вопрос: кому настолько срочно, – ну, прямо позарез! – могут понадобиться относительно небольшие деньги, что он готов на аморальный и к тому же рискованный поступок? Ситуации, конечно, бывают разные. Но чаще всего так ведут себя люди зависимые. В основном, наркоманы. Известно, что ради дозы они готовы совершить и гораздо более тяжкие преступления. Выгораживая тех, кто крадет сотовые телефоны, ювеналы затушевывают проблему и, по существу, выгораживают наркоманов. Своеобразное у них все-таки человеколюбие. Оно носит ярко выраженный выборочный характер. И сам выбор тоже своеобразен...

Сухая статистика

В начале статьи мы привели несколько красочных примеров того, какие плоды приносит ЮЮ на Западе. Теперь немного сухой статистики. В Европе за последние 10 лет число преступлений, совершенных несовершеннолетними, возросло на 30%. С начала 1990-х показатели детской преступности в 16 странах выросли более чем в 2 раза. Даже в благополучной Швеции за последние полвека число таких преступлений увеличилось в 20 (!) раз (в то время как показатель взрослой преступности вырос лишь в 4 раза). Каждый третий британский подросток в возрасте от 14 до 15 лет признался, что хотя бы раз в жизни совершал правонарушение. Лидер подростковой преступности – США. Здесь убийства, совершаемые подростками, происходят в 70 раз чаще, чем во Франции или Англии, и в 10 раз чаще, чем в Канаде. В США, правда, достаточно свободно продается оружие, и его, по данным американского Министрства образования, имеет при себе каждый пятый школьник. Если бы такая свобода была в Европе, то не обязательно Америка лидировала бы по шкале убийств. Поэтому, когда нам навязывают западные модели ЮЮ при том, что она там дала такие горькие и гнилые плоды, волей-неволей напрашиваются психиатрические аналогии. Ведь это типичное расщепление сознания!

– А у нас все по-другому! – не теряются ювеналы. И бодро рапортуют, что в пилотных регионах подростковая преступность снижается, а рецидивы – так вообще падают до нуля. Ну, как тут не вспомнить анекдотичный случай, происшедший с советским дипломатом на встрече с английским коллегой!

Британец спрашивает: “Скажите, пожалуйста, какая смертность в Советском Союзе?”

Наш, заподозрив подвох, от ужаса ляпнул: “Практически нулевая”. И, чтобы не остаться в долгу, тут же вернул вопрос: “А в Англии?”

– Практически стопроцентная, – с неподражаемым английским юмором ответил представитель Туманного Альбиона.

Ну, а если без юмора, то глянцевые показатели пилотных регионов, заставившие нас вспомнить вышеприведенный курьез, вызывают большие сомнения. Не будем долго утруждать читателя, приведем всего несколько цифр. В 2007 году первый заместитель начальника УВД по Ростову-на-Дону Сурен Симоньянц заявил, что количество преступлений, зарегистрированных в Ростовской области, с начала года увеличилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 12% (см. сайт “Росбалт Кавказ” www.rosbalt.ru/2007/10/24/425058.html). При этом на 20% снизилось количество правонарушений, совершенных подростками.

Другой чиновник, начальник управления организации деятельности участковых уполномоченных милиции и подразделений по делам несовершеннолетних МОБ ГУВД Ростовской области Сергей Жуков в том же году сообщил на

пресс-конференции, что подростковая преступность снизилась на 5,6%. И при этом добавил, что 22 территории Ростовской области, в том числе Таганрог (где с 2004 года действует ювенальный суд), Каменск, Мясниковский, Милютинский, Куйбышевский, Волгодонский и Октябрьский районы имеют сегодня рост преступности (<http://www.taganrog.su/node/4232>).

В начале 2008 г. прокуратура Ростовской области, подводя итоги прошедшего года, отметила, что преступность растет, а раскрываемость падает. Последнее, может, тоже способствует улучшению ювенальной статистики?

А еще через 3 месяца, обнародовав статистику борьбы с преступностью за первый квартал 2008 г., ГУВД Ростовской области доложило, что количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось. В 2007 г. было 707 эпизодов, а стало – 772. Рост, как нетрудно посчитать, составил 11%! (www.rostov.ru/town/comments/2008/04/22/1151581.)

В начале же 2009 г. заместитель генерального прокурора России Иван Сыдорук выразил обеспокоенность тем, что в Ростовской области увеличилось количество преступлений экстремистского характера и преступлений, совершенных группой лиц. (От себя добавим, что такие преступления, в основном, совершаются юношеством.) Еще он сказал, что преступления на территории области в 2008 г. снизились на 5%, но отметил, что число преступлений на ее территории больше, чем в целом по ЮФО (по официальным данным, 2046 преступлений на 100 тыс. населения в Ростовской области, а в ЮФО – 1466). Разница, согласитесь, существенная. Как-то не чувствуется облагораживающего влияния ювенальной профилактики.

А прокурор области Валерий Кузнецов, в свою очередь, заявил, что процент снижения преступности, о котором говорят сотрудники официальных органов, на деле гораздо ниже (<http://41/kavkaz-uzel.ru/articles/149471>).

Впрочем, не будем далее “грузить” читателей цифровыми сводками. По этому поводу очень точно, на наш взгляд, высказался старший оперуполномоченный по особо важным делам ГУУР СМК МВД России полковник милиции В. Е. Рабунский. “Не стоит обманываться якобы наметившейся в последнее время тенденцией к снижению преступности несовершеннолетних, – несколько лет назад предупреждал он, – за последние 13 лет несовершеннолетнее население России сократилось на 10 млн (!). Если говорить о какой-то тенденции в состоянии преступности несовершеннолетних, то это тенденция НЕИМОВЕРНОГО РОСТА ОСОБО ТЯЖКИХ И ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ (выделено нами. – Авт.)! Только число убийств, совершенных несовершеннолетними, выросло за 13 лет более чем в 3 раза!”

Еще определенной высказался заместитель генпрокурора РФ С. Н. Фридинский: “К сожалению, появился и негативный опыт этой работы (речь шла о ювенальном “реабилитационном” подходе к решению проблем подростковой преступности. – Авт.). В частности, в Москве, когда появились эти программы социальной реабилитации, договоры заключались и с судебными органами, и с органами внутренних дел, а деятельность так называемых координаторов фактически сводилась к примирению потерпевших с виновной стороной В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ (выделено нами. – Авт.). Этот опыт не направлен на повышение правосудия. Этот опыт был направлен на разваливание уголовных дел и, я убежден, на получение денег”.

“Дети улиц” – Москва, Ульяновск, далее... везде?

С. Н. Фридинский сказал это в 2006 г., а не так давно, в 2009 г., Ю. М. Лужков, которого никак уж не заподозришь в реакционности, – он живо откликается на всяческие новшества – раскритиковал концепцию городской программы “Дети улиц”. Весьма ювенальную по духу, в рамках которой давно проводится якобы успешная работа по профилактике беспризорности, алкоголизма, преступности, СПИДа и наркомании – словом, все то, что нам сулят чадолюбивые правозащитники. Еще в середине 90-х гг. депутат Е. Балашов и его помощница С. Волкова прославились на всю страну раздачей подросткам презервативов. Можно сказать, они были пионерами российского секс-просвета постперестроечной эпохи. Но плоды этой многолетней ювенальной “профилактики” и “реабилитации”, как мы видим, не вызвали у Лужкова большого оптимизма. И неудивительно. Юрий Михайлович отметил, что количество преступлений в Москве, совершенных подростками, выросло с начала года на 17%. Причем, по его словам, среди привлеченных к ответст-

венности становится все больше москвичей. “Раньше это были те, кто приезжал из Подмосковья и регионов. Сегодня это очень опасный индикатор”, – сказал он.

Впрочем, ювеналы и на этот раз, наверное, не растеряются. Нетрудно угадать их предполагаемый ответ хозяину столицы: зачем же привлекать к ответственности? Это все равно ничего не даст! Дети не виноваты! А не будешь привлекать – и статистика поменяется в лучшую сторону... Как это уже произошло в “пилотном” Ульяновске.

Слава Богу, у нас пока что информация распространяется не только от подростка к подростку, но и от подростка к взрослому. Один такой подросток, приехавший из Ульяновска, рассказал взрослому юристу, что там творится. Разговор, как это часто бывает, начался с ерунды. Дело было в парке. Мимо мчались девчонки и мальчишки на роликовых коньках. Юрист спросил гостившего в Москве племянника, катается ли тот на роликах. Парень, вздохнув, ответил, что в его родном городе это невозможно – побьют. Изумленный юрист, естественно, потребовал объяснений.

Оказалось, что значительная часть ульяновских подростков (парень сказал “две трети”, но, быть может, цифра несколько преувеличена) входит в подростковые группировки, и город поделен между ними на зоны влияния. Группировка диктует входящим в нее форму одежды и поведения. Детей туда стараются втянуть, начиная с младших классов. Все, и малыши тоже, платят мзду для пополнения “общака”. Старшие взимают с младших, дополняют своими взносами и сдают “наверх”. В этом есть криминальная справедливость: группировки обещают своим членам защиту и покровительство, а рядовые члены должны содержать руководство. Словом, всё как у взрослых.

Даже днем подросткам бывает небезопасно переходить из района в район, на “чужую территорию”. Потерпевшие обычно молчат или, если они члены группировки, решают вопросы на “стрелках”. Учителя делают вид, что ничего не происходит. В случае конфликтов не вступаются. “Дел регистрируется очень мало (то есть статистика в порядке), а латентная преступность огромна”, – прокомментировал юрист, делаясь с нами впечатлениями от беседы с племянником.

Пятнадцатилетнему племяннику тоже не раз предлагали войти в группировку, но он отговаривался занятиями в спортивной секции: дескать, много тренировок, недосуг. Его отказ уважили, но как бы мимоходом поинтересовались: “А кто за тебя хлопотать будет, когда тебе стукнет восемнадцать?”

– Понимаете, что там творится? – пояснил юрист. – Криминальная модель спустилась в школы, чтобы потом распространиться на всю жизнь человека до гроба. Чтобы без мафии было уже и шагу не ступить. – И добавил, что одновременно с этим (он навел справки по своим каналам) в Ульяновске очень сильно увеличилось число изъятий детей из семьи.

– В общем, ювенальная модель в действии, – подытожил юрист.

“У Черного моря...”

А теперь попросим вас, если вы успели позабыть начало нашей статьи, вернуться назад и перечитать примеры из области психиатрии. Мы рассказывали об определенной симптоматике, когда цель и средства ее достижения разнятся до абсурдной противоположности. Казалось бы, шаги, предлагаемые ювеналами в отношении несовершеннолетних преступников, очень напоминают описанную выше клиническую картину. Но поскольку все они вполне успешные, социализированные люди, можно предположить другую, отнюдь не бредовую логику действий. Так могут действовать в тех случаях, когда заявленная цель не соответствует реальной, а служит для нее дымовой завесой, прикрытием, маской.

Для наглядности взять хотя бы человека, который должен ехать в Мурманск, а отправляется в Сочи. Он совсем не обязательно сумасшедший, и не факт, что его маршрутные кульбиты – следствие безумия. Более того: они могут носить чисто виртуальный характер. На самом деле пассажир и не планировал поездку на север, а намеревался поехать на юг. И билет он купил в Сочи, где его ждет дама сердца, а также две путевки в уютный маленький пансионат на морском берегу. Вот он и вынужден врать про командировку в Мурманск, чтобы ревнивая жена, которой вечно мерещатся измены, ничего не заподозрила и не сорвала такой классный отдых.

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

“ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ” КАТЫНИ

*Не судите, да не судимы будете. Ибо
каким судом судите, таким будете
судимы.*

Матфей 7. 1, 2.

Вновь взяться за перо заставили события, связанные с декабрьским (2010 г.) визитом российского президента Дмитрия Медведева в Польшу и его заявлениями по поводу катынского преступления. До этого была надежда, что Катынское уголовное дело № 159 будет объективно и беспристрастно доработано и правда о нём, основанная на неопровержимых фактах и свидетельствах, будет доведена до сведения российской общественности.

В надежде на возобновление расследования Катынского дела автор настоящей статьи подготовил 2-ю редакцию исследования “Тайны Катыни”. В ней были учтены критические замечания, высказанные в адрес первой редакции, и существенно расширена документальная база. Исследование дорабатывалось с учетом того, чтобы оно могло помочь объективно разобраться в ситуации с Катынским делом не только российской общественности, но и российскому следствию. Но, как говорят, блажен, кто верует.

Сегодня, когда несогласные с официальной версией катынского преступления объявляются апологетами сталинизма, а в некоторых научных кругах обсуждаются предложения о введении уголовной ответственности за непризнание ответственности Сталина за катынское преступление, существует угроза того, что новая редакция книги о Катыни и польско-российских отношениях не увидит свет. В этой связи и появилась настоящая статья.

Тень Вышинского

Наш рассказ начнем со скандала, разыгравшегося во время слушаний на **“Суде времени”**, который телезрители 5-го канала могли наблюдать 6 декабря прошлого года. Поводом для него явилась ссылка Сергея Кургиняна на свидетельство бывшего члена сталинского Политбюро Лазаря Кагановича о том, что **в 1940 г. по решению Политбюро было расстреляно не 21857 польских граждан, а 3196 польских офицеров и чиновников, виновных в уголовных преступлениях и осужденных в судебном порядке.**

Эта информация вызвала неадекватную реакцию оппонента Кургиняна те-

лежурналиста и публициста Леонида Млечина. Ссылаясь на заявление “**О Катынской трагедии и её жертвах**”, принятое Государственной Думой 26 ноября, он, срываясь на крик, заявил: в Катынском деле всё ясно, и те, кто не согласен с тем, что ответственность за гибель десятков тысяч поляков несёт Сталин и его окружение, покрывают преступников и сами чуть ли не являются преступниками.

Невольно показалось, что студию накрыла тень Андрея Януарьевича Вышинского, печально известного Прокурора СССР. Именно он выступал обвинителем на известных политических процессах над “врагами народа” в 1936–1938 годов. Излюбленным приёмом риторической расправы Вышинского с обвиняемыми была подмена юридических формулировок обвинения ругательными эпитетами, типа “**вы, холуи и хамы, цепные псы капитализма**” и т. п. Все доводы и свидетельства защиты Вышинский отвергал жестко и без рассуждений.

Нечто подобное произошло и в телестудии 6 декабря, когда уважаемый Леонид Михайлович обрушился на сторону защиты, не давая ей высказать свои аргументы и обвиняя представителей защиты чуть ли не в пособничестве сталинским преступникам.

К счастью, в России пока действует Конституция, согласно которой каждый человек имеет право на защиту. При этом адвоката самого отъявленного убийцы и садиста никто не имеет права отождествлять с личностью преступника. И даже заявление Госдумы не лишает гражданина России права высказать своё мнение. Утверждения, что решение Госдумы по Катыни отражает чаяния большинства российской общественности, спорны. Результаты голосования телезрителей по проблемам, рассматриваемым “Судом времени”, более чем наглядно отражают реакцию россиян на борьбу российских властей с советским прошлым.

Да и Госдума, к сожалению, потеряла доверие у многих россиян. Известно, что официальный уровень доверия россиян к Государственной Думе не превышает 30–35%. На самом деле он значительно меньше. По отзывам в СМИ и интернете, многим надоело видеть полупустой зал заседаний на Охотном ряду, в котором якобы принимаются “судьбоносные” решения. Тем более что многие из этих решений не решают, а умножают проблемы России.

Напомним, что принятый в 2006 г. Госдумой **злополучный Лесной кодекс** депутаты преподносили как средство, которое позволит российским лесам обрести настоящего хозяина. Этот “хозяин” и пришёл жарким летом 2010 г. в виде огненного смерча, который так разбушевался, что чуть не спалил пол-России. Только виновники этого апокалипсиса остались “за кадром”.

Не так ли обернется дело с решением по Катыни?

Ряд российских юристов высказали сомнения по поводу правомерности оценки Думой вины Сталина за катынское преступление. По их мнению, учитывая положения статьи 10 Конституции РФ о разделении полномочий ветвей государственной власти, **Госдума не имела права подменять своим голосованием процедуру судебного разбирательства по Катынскому делу.**

Добавим, что согласно статье 49 Конституции вина любого обвиняемого или группы обвиняемых должна быть “доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда”. К сожалению, в ситуации с оценкой вины сталинского руководства за катынское преступление закон оказался на втором плане. В то же время следствие по Катынскому делу Главная военная прокуратура РФ (ГВП) вела в течение 14 лет. И она пришла к выводам, кардинально отличным от выводов, содержащихся в заявлении Госдумы.

Известно, что российским “следствием достоверно установлена гибель в результате исполнения решений “тройки” **1803 польских военнопленных, установлена личность 22 из них**”. Результаты следствия позволяют сделать вывод, что с правовой точки зрения утверждать о вине сталинского руководства за гибель 21857 польских граждан неправомерно.

Действия “**конкретных высокопоставленных должностных лиц СССР**”, которые обусловили гибель 1803 польских военнопленных, были квалифицированы “по п. б” ст. 193–17 УК РСФСР (1926 г.), как превышение власти, имевшее тяжёлые последствия при наличии особо отягчающих обстоятельств. 21.09.2004 г. уголовное дело в их отношении прекращено на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за смертью виновных”.

Выводы российского следствия по Катынскому делу дополняют ответы российского Минюста в Европейский суд по правам человека в Страсбурге от 19 марта 2010 г. и 13 октября 2010 г. Следует заметить, что это **официальная позиция России по Катынскому делу, представленная в международную европейскую организацию.**

Из ответов Минюста России в Страсбург также следует, что сталинскому руководству в вину можно вменить только гибель 1803 польских граждан. Российский Минюст при этом отметил, что *“таблички с фамилиями на польском мемориале-памятнике в Катынском лесу не подтверждают в правовом смысле ни того, кто там похоронен, ни того, кто там был убит”*. Это означает, что так называемый многотысячный **“Список катынских жертв”**, который Польша в одностороннем порядке составила и частично увековечила на стелах польских мемориалов в Катыни, в Медном и Пятихатках, в правовом смысле не достоверен.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что Государственная Дума, давая оценку катынскому преступлению, должна была, прежде всего, исходить из результатов следствия по Катынскому уголовному делу № 159 и ответов Минюста РФ в Страсбург. Однако эти результаты были проигнорированы. В итоге возникло *серьёзное противоречие между правовой и политической оценками катынского преступления*. Оно ставит Россию в положение известной унтер-офицерской вдовы.

Заметим, что **двойственность российской оценки катынской трагедии** в России всячески замалчивается. Вспомним, как наперебой российские журналисты спешили сообщить новости о расследовании катастрофы самолёта Качиньского под Смоленском. А вот ситуация рассмотрения Европейским судом Катынского дела практически не появлялась на страницах российских СМИ. В интернете новостью дня считается известие о том, что в Москве неизвестные похитили у мужчины 60 тысяч рублей. Информацию о происходящем в Страсбурге приходится буквально по крупицам собирать в польской прессе.

Подобная ситуация не случайна. На фоне постоянно раздававшихся в России громогласных заявлений об ответственности сталинского руководства за гибель почти **22 тысяч поляков** вдруг выясняется, что Главная военная прокуратура РФ сумела **подтвердить гибель лишь 1803 польских граждан**. Одним словом, **полное фиаско публичной “официальной версии” катынского преступления.**

Аналогично в российских СМИ замалчивается и третья точка зрения на Катынское дело. Её отстаивают независимые исследователи. Суть их позиции следующая: **реальные обстоятельства гибели абсолютного большинства пленных и арестованных польских граждан на территории СССР в период Второй мировой войны пока не установлены**. Правоту этих выводов подтвердили ставшие достоянием гласности некоторые результаты российского следствия по уголовному делу № 159.

В Польше внимательным образом отслеживают ситуацию по Катыни. Не случайно польские журналисты накануне визита Медведева в Варшаву задали президенту вопрос по поводу противоречия в правовой и политической оценке Катыни. Ответ Дмитрия Анатольевича на этот вопрос чем-то напомнил ответы Горбачева на неудобные вопросы: **“Честно говоря, я даже не очень понимаю, о какой позиции Вы говорите, что это за позиция и кто её выражал. Что касается политических оценок, то они все мною даны. И Вы знаете, о чём я говорил”**.

Прежде всего, странно, что президенту неизвестна официальная российская позиция, заявленная в Европейский суд по правам человека. Напомним, что глава российского МИДа Сергей Лавров 2 сентября 2019 г., будучи в Варшаве, заявил, что *“вопросом Катынского следствия занимается лично президент Дмитрий Медведев”*. Ответ в Страсбург Минюст давал в октябре 2010 г. Получается, что российский Минюст не поставил президента в известность о направляемой в Страсбург официальной позиции России по Катыни?!

Помимо этого, очевидно, что в правовом государстве, которым, согласно Конституции, является Россия, при оценке преступлений не может быть **верховенства политической оценки над правовой**. **В противном случае это возвращает Россию в сталинские времена, когда политическая оценка преступлений была довлеющей**. В годы перестройки этот подход вновь реанимировал Горбачёв. Тогда, без всякого расследования, исходя

только из политической целесообразности, СССР признал вину за Катынь. К сожалению, ситуация апреля 1990 г. с сугубо политической оценкой Катыни повторилась в апреле и ноябре 2010 г.

Вызывает удивление, что президент при оценке следствия по Катынскому делу не применил критерии, которые он сам же сформулировал в отношении следствия по катастрофе самолёта Леха Качиньского под Смоленском. Отвечая на вопрос относительно расследования этой катастрофы, Медведев на пресс-конференции в Варшаве заявил, что *“по всякому уголовному делу должно пройти **полноценное следствие**, базирующееся на исследовании соответствующих доказательств”*. К этому он добавил, что *“следователи должны **досконально провести** все следственные действия, все необходимые процедуры. Только в этом случае мы можем рассчитывать на объективность”*.

Согласно этим критериям, с правовой точки российское следствие по уголовному делу № 159 зрения никак нельзя назвать полноценным. Но, видимо, считается, что политическая оценка Катыни в таких критериях не нуждается. Однако не следует забывать, что Польша не оставит проблему двойственной оценки катынской трагедии. Ну, а помимо этого, несомненно, выявятся и другие “проколы”, допущенные при расследовании Катынского дела, которые будут использованы польской стороной. Польша считает, что отсутствие ответа о судьбе всех погибших польских граждан из катынского списка на территории СССР свидетельствует об ущербности российского следствия.

Это следует учитывать российским властям. Лучшим выходом из сложившейся ситуации было бы возобновление следствия по Катынскому делу с целью выявления обстоятельств гибели или исчезновения на территории СССР в период Второй мировой войны всех польских граждан из катынского списка.

Правда, польские сторонники официальной версии категорически против **масштабного доследования** Катынского дела. Возобновление этого дела, по их мнению, должно лишь изменить выводы следствия. То есть признать катынское преступление **геноцидом**, назвать **поимённо всех виновных** в нём и решить вопрос реабилитации катынских жертв, признав **ими 21857** польских граждан.

О возможности возобновления **расследования катынского преступления** российский президент заявил 8 мая 2010 г. при передаче документов уголовного дела № 159 и. о. президента Польши Б. Коморовскому. Тогда же было подчеркнуто, что **выводы этого расследования будут доведены до сведения самого широкого круга общественности**. Однако 6 декабря того же года на пресс-конференции в Варшаве Медведев ограничился заявлением о том, что линия, направленная на *“**расчистку наследия прошлого, включая и передачу соответствующих архивных материалов катынского дела, будет продолжена. Мы избрали её абсолютно осознанно. Я сделал соответствующий выбор, и мы с этого пути не свернём. Мы должны знать правду**”*.

Отметим, что главной целью независимых исследователей Катынского дела и является, как отмечалось выше, выяснение **ПРАВДЫ** об обстоятельствах гибели польских граждан из катынского списка. Непонятно, почему эта позиция трактуется, в том числе и президентом, как попытка **“обелить природу режима, который создал Сталин в определённый период в нашей стране”**.

Заметим, что последнее замечание президент сделал по поводу попыток поставить под сомнение кремлевские катынские документы из “закрытого пакета № 1”. При этом он подчеркнул, что сегодня эти документы **“присутствуют и в интернете, они общедоступны со всеми резолюциями”**. Однако обнаружение катынских документов лишь увеличило число сомневающихся в их достоверности (см. сайт Росархива и “Правды о Катыни”).

Взять, к примеру, выписки из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. Ни один нотариус не признает их достоверными. Одна из этих выписок, предназначенная для Берии, является простой незаверенной информационной копией. А вторая, предназначенная для Шелепина, вообще не может считаться документом. Она датирована не 5 марта 1940 г., а 29 февраля 1959 г. и заверена не печатью ЦК ВКП(б), а ЦК КПСС. С экспертной и правовой точки зрения их невозможно признать достоверными. Видимо, только политическая целесообразность заставляет катыноведов “верить” в их достоверность.

Следует добавить, что политизация Катынского дела связана, прежде всего, с намерением российских властей противопоставить современную Россию – сталинской. Дескать, несмотря на экономические и социальные до-

стижения, сталинский период был преступным, а вот современный – подлинно демократический. Следует заметить, что основа экономической базы, на которой ещё держится Россия, была заложена в первые двадцать лет сталинского периода.

“Демократическая” Россия последние двадцать лет живёт, выжимая последние соки из советского наследия. О чем говорить, если за эти годы не построен хотя бы один нефтеперерабатывающий завод по глубокой переработке нефти. Автомобильная магистраль Москва–Петербург так и остаётся пока на бумаге. Говорить об уровне сельского хозяйства, машиностроения, автомобилестроения и самолетостроения, увы, не приходится. Там положение не лучше. Если, не дай Бог, вдруг упадут цены на российские нефть и газ, то россияне, прежде всего жители городов-миллионников, буквально через месяц обнаружат в супермаркетах пустые полки.

Российская и советская история свидетельствует: чем больше власти когда-нибудь пытались развенчать то или иное историческое событие или историческую личность, тем больший интерес они вызывали у общественности, прежде всего у молодёжи. В этой связи не вызывает сомнения, что нынешний всплеск интереса к Сталину спровоцировал процесс “десталинизации”, который российские власти усиленно навязывают России.

Однако современной России, ни в экономической, ни в социальной сфере, противопоставить сталинской практически нечего. Не случайно сторонники Млечина на “Суде времени” проигрывают дебаты с таким разгромным счётом. Вряд ли удастся современным либералам отыграть, используя Катынское дело и нарушения законности в сталинский период в качестве аргументов, свидетельствующих о превосходстве современной российской “демократии” над сталинской. Это крайне неудачный выбор.

В последние годы достоянием российской общественности становятся вопиющие факты нарушения законности в России. Вдруг выяснилось, что “синдром” станицы Кущёвской Краснодарского края присутствует во многих городах и поселках России. Только благодаря интернету власти были вынуждены разбираться в нарушениях расследования ДТП на Ленинском проспекте с участием автомобиля “Мерседес” вице-президента “Лукойла”, в деле Анны Шевенковой, сбившей двух пешеходов на тротуаре, с возмутительным поведением следственных органов при расследовании смерти убитого болельщика “Спартака” Егора Свиридова и т. д.

Напомним также дело 17-летнего Дмитрия Медкова из Ставропольского края, которого следователи в 2003 г. заставили признаться, что он убил сестру, расчленил её труп и “без следов” сжёг в печке. Суд даже не пытался разобраться в явно сфальсифицированном деле Медкова. Его признали особо опасным шизофреником и отправили на принудительное бессрочное лечение в спецпсихбольницу. А через три года сестра Димы нашлась, жива и здорова.

Не менее страшна ситуация Алексея Михеева из Нижнего Новгорода, которого в 1998 г. задержали по подозрению в убийстве девушки. Не выдержав пыток, он выбросился с 3-го этажа здания РОВД и стал инвалидом. Девушка же, спустя несколько дней, вернулась домой невредимая. Только через 7 лет тяжб милиционеров, виновных в применении пыток к Михееву, приговорили к 4 годам лишения свободы. По решению Европейского суда по правам человека Алексей получил компенсацию в 250 000 евро. Все они ушли на лечение, но здоровья не вернули.

В январе 2010 г. сотрудник Томского медвытрезвителя Алексей Митаев избил до полусмерти журналиста Константина Попова и шваброй разорвал ему внутренности. Попов скончался. Пытаясь скрыть истинные причины поведения Митаева, его начальство, без тени смущения, стало тиражировать версию о том, что преступление стало следствием “семейных проблем” Митаева.

Если вспомнить дело начальника Царицынского ОВД столицы Дениса Евсюкова, устроившего кровавую бойню в одном из московских супермаркетов якобы после ссоры с женой, то поражает, что российские милиционеры выбирают преступные способы “снятия” семейного стресса. К сожалению, подобных фактов милицейского и судебного произвола в интернете более чем достаточно. Все они – порождение современной властной системы. И бороться с ними следует **не обнародованием преступлений следователей НКВД 70-летней давности, а публичным привлечением к ответственности современных последователей садистов из НКВД.**

Да, в 1930–1940 гг. страх вызывал НКВД. А сегодня? Рядовой россиянин в любой момент может стать жертвой не только “доблестной” милиции и других правоохранительных органов, но и “оборзевшего” от безнаказанности чиновника, “нового русского”, у которого закон на коротком “кошельковом поводке”, а также “цапков”, сросшихся с властными структурами.

Эксперты утверждают, что в Российской империи шанс быть оправданным был один к четырём, в сегодняшней Европе – один к пяти, **в СССР при сталинском режиме – один к десяти**. А в демократической России – **меньше одного шанса из ста!** Если попал под следствие, то готовься к “посадке”. Считается, что в СИЗО и тюрьмах России сидят от 20 до 40 процентов людей, вина которых ничтожна или не доказана.

При этом во многих случаях современные “наследники” палачей из НКВД получают повышение по службе и остаются безнаказанными. Однако почему-то не слышно призывов к публичному покаянию руководителей российских правоохранительных органов, судов и прокуратуры. Вместо этого россиянам предлагают покаяться за преступления 70-летней давности. Однако вряд ли это поможет преодолеть нарушения законности в современной России.

Тот пафос и энергию, с которой некоторые российские политики обличают преступления сталинизма, следовало бы направить на обличение тех, кто сегодня, прикрываясь Законом, безнаказанно совершает должностные и уголовные преступления.

“Не готовы стереть тысячу лет”

Надежды на то, что визит Медведева в Варшаву закрыл проблемные аспекты катынской темы, эфемерны. Спору нет, визит российского президента прошёл на высоком уровне. Как и предполагалось, власти Польши весьма доброжелательно приняли Дмитрия Анатольевича. Судя по официальной информации, они предпочли не докучать российскому президенту вопросами о двойственной позиции в оценке катынского преступления и неоправданной засекреченности материалов Катынского дела.

Однако Польша – это не только сторонники Туска и Коморовского. Почти половина поляков поддерживают Ярослава Качиньского, лидера оппозиционной партии “Право и справедливость”. 8 декабря 2010 г. на пресс-конференции он заявил, что в ходе визита российского президента **“польская сторона не получила ясного ответа относительно позиции российского государства, представленной в Европейский суд по правам человека”**.

Качиньский имел в виду противоречие между политической оценкой катынского преступления, провозглашаемой российском руководством, и правовой, изложенной в ответе российского Минюста в Страсбург. Помимо этого Качиньский заявил, что передача Россией польской стороне **“уже известных документов катынского следствия трудно назвать даже жестом”**. Также Качиньский отметил, что нет конкретики и в вопросе Смоленской катастрофы. **“Есть какой-то непонятный меморандум, заявления, что все будет долго длиться”**.

Мнение Качиньского разделяет немало польских общественно-политических деятелей. Буквально сразу же после завершения визита Медведева газета “Rzeczpospolita” опубликовала статью ведущего эксперта в области польско-российских отношений, профессора Ягеллонского университета Анджея Новака. В течение ряда последних лет суждения этого профессора играют важную роль в формировании восточной политики Польши.

Новак в своей статье провёл непонятную историческую параллель, сравнив визит Медведева с визитом императора Николая II в Варшаву в 1897 году. После этого он дал оценку визиту российского президента, заявив, что **“в сфере исторических вопросов встреча Медведева и Коморовского не принесла никаких существенных изменений, помимо того, что польский министр иностранных дел принял ту версию Катынского дела, которой придерживается премьер Путин”**.

Далее Новак перешёл к требованиям, которые Польша теперь должна предъявить России. Польский профессор считает, что следует поставить перед Россией вопрос **“о возврате сокровищ польской культуры и истории, которые были похищены захватнической Красной армией в сентябре 1939 года и находятся сейчас в Российском государственном военном архиве в Москве”**.

Речь идёт о таких собраниях, как архив Польских легионов, практически полный архив разведки Второй Польской Республики, архив правительства, сейма и даже канцелярии польских примасов. Почему эти бесценные для поляков собрания должны оставаться в Москве? Почему мы должны об этом молчать?».

Это только первое озвучивание новых претензий, которые Польша со временем предъявит России. Так сказать, “пробный камень”. Далее Польша будет действовать по обстоятельствам, используя любое ослабление российской позиции. Это она демонстрировала уже не раз.

Но самый большой сюрприз преподнес польский президент Бронислав Коморовский. В период встречи с российским президентом он демонстрировал полное взаимопонимание. **Коморовский даже заявил о конце застоя в польско-российских отношениях.** С ним согласился президент Медведев, написавший в Twitter: “Визит в Польшу завершён. Улучшение отношений очевидно”. Но, видимо, российский президент с такой оценкой несколько потопился.

Коморовский, распрощавшись с Медведевым, вылетел в Вашингтон. Там, во время беседы с президентом США Бараком Обамой польский президент заявил, что Польша **не готова к “перезагрузке”** отношений с Россией. “Когда живешь бок о бок с кем-то на протяжении тысячи лет, невозможно перестроить все прошлые отношения одним нажатием кнопки “перезагрузка”. Мы не готовы полностью перезагрузить и стереть тысячу лет беспокойных отношений с россиянами”.

По мнению Коморовского, отношения с Россией следует строить по принципу “доверяй, но проверяй”. Польша не должна сразу “входить в глубокую воду, не зная, есть ли там необходимое количество воды”. Свои заявления Коморовский подтвердил действиями. Известно, что в ходе переговоров президентов Польши и США были достигнуты договоренности о том, что в Польше будет **развёрнута американско-европейская ПРО.** Это явно антироссийский шаг. Однако, видимо, наших польских “друзей” мнение России по поводу размещения американских антиракет в Польше меньше всего волнует. После таких польских сюрпризов России следует серьёзно подумать, а какую неожиданность Польша может преподнести в дальнейшем.

Правда, в интервью (11.12.2010) первому заместителю Генерального директора ИТАР-ТАСС Михаилу Гусману президент Польши Бронислав Коморовский немало и убедительно говорил о том, что при строительстве новых взаимоотношений Польше и России следует исходить из позитивных моментов нелёгкой совместной истории и современности. Однако при более внимательном изучении ответов польского президента становится ясно следующее. **“Позитивные моменты” бывший историк Коморовский, без сомнения, видит только в контексте их польской трактовки.**

Заметим, что польская трактовка исключает вину Польши за агрессию против России в 1920 г., за гибель 80 тысяч пленных красноармейцев, за репрессивную политику в отношении белорусов и украинцев, насильно включённых в состав польского государства в 1920 г., за предвоенное союзничество Польши с нацистской Германией, за попытки расчленивать СССР. По польской трактовке в 1920 г. агрессором была Советская Россия. Агрессивную политику в отношении Польши она якобы вела с момента провозглашения польской независимости в 1918 г. Современная Россия, как правопреемница СССР, по мнению поляков, ответственна за четвёртый раздел Польши в сентябре 1939 г., за начало Второй мировой войны и за советскую оккупацию Польши в 1945 г. **Согласится Россия с такой трактовкой, значит, Польша будет с ней дружить. Если нет..?**

В этой связи краткая реплика о том, как поляки трактуют историю. 24 августа 2010 г. в интервью ведущей польской газете “Rzeczpospolita” президент Коморовский заявил, что визит премьер-министра Путина в Гданьск на Вестерплатте 1 сентября 2009 г. имел огромное значение. **“Этим россияне признали, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года с Польши, а не 22 июня 1941 года”.** Известно, что ни в Советском Союзе, ни в современной России мнение о том, что Вторая мировая война началась с нападения Гитлера на Советский Союз, официально не озвучивалось. Но поляки уверены в обратном.

Этот факт говорит о многом. Национальное самосознание поляков находится в плену у многочисленных мифов о России. Причём объяснить и дока-

зять им некоторые общеизвестные вещи оказывается не легче, чем убедить средневекового инквизитора в том, что Земля вращается вокруг Солнца.

В итоге становится очевидным, что визит Медведева в Польшу, несмотря на 6 подписанных российско-польских соглашений и “исключительно тёплый приём”, лишь ознаменовал начало длительной и непростой работы с польскими коллегами. Причем пока неясно, какой результат будет достигнут. В этой связи рассмотрим дальнейшие перспективы развития польско-российского катынского противостояния.

Решение будет принято в Страсбурге

С весны 2010 г. российско-польские отношения на официальном уровне преподносятся российскими СМИ, как дружественные и конструктивные. В октябре президент РФ Д. Медведев, говоря об этих отношениях, заявил, что “сегодня мы можем закрыть целый ряд очень печальных страниц. Причём сделать это осознанно и красиво”. Вряд ли в России найдётся человек, который бы не приветствовал подобное заявление, так как оно свидетельствует о том, что многолетнее польско-российское противостояние будет наконец преодолено.

Визит Медведева в Варшаву, казалось бы, подтвердил обоснованность этих заявлений. Но анализ истории польско-российских отношений показывает, что их будущее далеко не так безоблачно, как видится из зала официальных приёмов. На фоне взаимных заявлений о дружбе поляки по-прежнему проводят жёсткую линию по отношению к России. Вспомним, к примеру, ситуацию с выдачей Ахмеда Закаева. Поляки предпочли проигнорировать требование России о выдаче этого преступника. Россия в ответ промолчала.

Вряд ли следует ждать кардинального улучшения ситуации и с катынской проблемой. Ведь польские претензии по поводу российских ответов в Страсбург остались. Об этих претензиях следует сказать несколько подробнее. Не будем напоминать многолетнюю историю противостояния российской юстиции и родственников погибших польских офицеров. Напомним, что в ноябре 2009 г. Европейский суд принял к рассмотрению четыре дела по искам к России родственников катынских жертв. Рассмотрению этих исков был придан **приоритетный статус**.

19 марта 2010 г. Россия направила в Европейский суд по правам человека в Страсбурге ответ на обвинения, содержащиеся в исках польских граждан. Правительство Польши, принявшее решение выступить в Европейском суде **на стороне своих граждан в качестве третьего лица**, ознакомившись с этим ответом, направило в сентябре 2010 г. в Страсбург меморандум на 33 страницах. В нём российское расследование Катынского дела было подвергнуто серьёзной критике.

14 октября 2010 г. польская газета “Rzeczpospolita” опубликовала выдержки из этого меморандума. В них говорилось **о нарушениях Россией Европейской конвенции по правам человека в отношении семей польских офицеров, расстрелянных в Катыни**. Прежде всего, в плане того, что Россия не дала точной и полной юридической квалификации катынского преступления и отказалась признать катынский расстрел **геноцидом**. Крайнее недовольствие поляков вызвало то, что в российском ответе в Европейский суд для определения расстрела польских военнопленных было использовано определение “**катынские события**”, а не “**преступление**”.

Далее в меморандуме отмечалось, что Россия не провела **эффективного следствия** по расследованию всех обстоятельств катынского преступления. Серьёзным нарушением поляки считают тот факт, что в период судебного разбирательства родственники погибших польских офицеров не были признаны российскими правоохранительными органами потерпевшими. Несмотря на неоднократные обращения родственников погибших офицеров в соответствующие российские инстанции, польские граждане, расстрелянные в Катыни, **не были реабилитированы**.

Польская сторона обвинила Россию в том, что она **искусственно затруднила доступ** родственникам погибших к материалам следствия по Катынскому делу. Поляки сочли **необоснованным засекречивание**, а точнее **сокрытие**, большинства материалов этого дела, а также постановление о его прекращении. Они также считают недопустимым тот факт, что Россия **отказывается**

процессуально установить и обнародовать персональный состав виновных в катынском преступлении.

Недоумение польской стороны вызвало утверждение о том, что **нет полной уверенности в том, что тысячи польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского лагерей НКВД были расстреляны**. Россия объясняет это тем, что все отчёты НКВД по выполнению решения Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле конкретных польских граждан якобы уничтожены и восстановить их оказалось невозможно. Правда, никто пока не установил, а были ли такие отчёты в действительности? Ведь и факт **расстрела 21857 поляков юридически также не установлен**.

Однако вот уже ряд лет, как в России и в Польше на высшем уровне речь идёт о гибели **21857 пленных и арестованных польских граждан**. Тем не менее, российское следствие считает, что заявления польской стороны о формировании списка катынских жертв, содержащего около 22 тысяч фамилий, не вполне правомерны.

Заметим, что у поляков не было достаточных юридических оснований для составления такого списка. Эта акция поляки осуществили на основе списков-предписаний на отправку польских военнопленных из вышеупомянутых трех лагерей НКВД, **направленных в лагерь из центрального аппарата НКВД. Списки только предписывали отправку поляков**. Но реальные по-вагонные списки, согласно которым поляков в эшелонах направляли в распоряжение Управлений НКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей, **так и не были обнаружены**.

Тем не менее, российский и польские историки-катыноведы, ссылаясь на найденные в 1992 г. в “закрытом пакете № 1” документы Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД и КГБ СССР, сделали вывод, что списки-предписания НКВД являются достаточным основанием для того, чтобы считать польских граждан, указанных в них, расстрелянными в 1940 г. А в целом, исходя из записки Шелепина Хрущеву, считается, что было расстреляно 21857 поляков. Эта точка зрения была озвучена в России и Польше на высшем политическом уровне и стала общепринятой.

Между тем процесс идентификации даже одной личности, с сугубо юридических позиций, весьма длительное и хлопотное дело. Напомним, что Президиум Польского Красного Креста в письме, направленном 12 октября 1943 г. в Международный Комитет Красного Креста, отмечал, что: “...даже если бы ПКК располагала всеми результатами работ по эксгумации и идентификации, включая документы и воспоминания, **она не могла бы официально и окончательно засвидетельствовать, что эти офицеры убиты в Катыни**.”

Неопознаваемое состояние трупов, тот факт, что во многих случаях при двух трупах были обнаружены документы, несомненно, принадлежавшие одному лицу, минимуму опознавательных знаков, особенно безупречных вещественных доказательств, найденных при трупах, наконец, то обстоятельство, что военные, убитые в Катыни, пали не на поле сражения, а по прошествии времени, в течение которого должна была происходить смена униформы, переодевания и попытки побегов, всё это даёт ПКК основания утверждать только то, что данные трупы имели при себе определённые документы” (ГАРФ. Ф. 7021. Оп. 114. Д. 23. Л. 109. — **Выделено нами.**). Не случайно ГВП РФ ограничилась установлением личностей только 22 погибших поляков.

Но вернёмся к польскому меморандуму, направленному в Страсбург. В нём польская сторона напомнила о том, что в январе 2002 г. во время визита в Польшу тогдашний Президент РФ Владимир Путин осудил катынское преступление и заявил о том, что “в российском законодательстве ищется правовая возможность **для компенсаций** польским жертвам сталинских репрессий”. Однако, как отмечают поляки, в этом направлении Россия ничего не сделала.

Информацию по данному вопросу дополнил пресс-секретарь МИД Польши Марцин Босацки. Он заявил, что Польша считает “**обязательной реабилитацию всех жертв преступления, рассекречивание всех документов следствия по данному вопросу и обращает внимание на вопрос о компенсациях семьям убитых**”. Это крайне важное заявление чиновника МИДа, которое не могло быть сделано без согласования “**наверху**”. **Польское руководство вновь подтвердило намерение поддержать требования родственников катынских жертв о материальных компенсациях**.

Напомним, что впервые такое требование прозвучало из уст министра иностранных дел тогда ещё Польской Народной Республики Кшиштофа Скуби-

шевского во время визита последнего в Москву в октябре 1989 г. Второй раз об этом обмолвился в июне 2008 г. премьер-министр Польши Дональд Туск. После встречи в Варшаве с членами Группы по трудным вопросам польско-российских отношений он заявил, что работа двусторонней Группы позволяет надеяться на то, что *“в течение нескольких месяцев мы будем иметь возможность представить первые сообщения о конкретных решениях по наиболее трудным историческим вопросам, таким, как Катынь – и с юридической и с финансовой точек зрения”*.

Известно, что вопрос о компенсациях на Западе встаёт тогда, когда юридически доказана виновность ответчика. Примером является ситуация с российской бобслеисткой Ириной Скворцовой, пострадавшей в результате действий немецкого судьи. 11 октября 2010 г. участковый суд баварского города Лауфен признал виновным Петера Хелля, обвиняемого по делу российской бобслеистки, и приговорил его к штрафу в 3600 евро. Адвокаты Скворцовой весьма довольны решением суда. Теперь Ирина имеет право предъявить иск Хеллю по “полной программе”, на миллионы евро.

Представитель катынских семей в Европейском суде, юрист польской Академии наук Иренеуш Каминский заявил о том, что **в настоящее время** истцы не выдвигают финансовых претензий к России. Они хотят получить от российских властей **символический 1 евро**, подчёркивая тем самым, что речь идёт не о деньгах, а о чём-то более важном. Ну, а далее...

В том, что это “далее” последует, можно не сомневаться. Об этом говорят следующие факты. В 2005 г. накануне 60-летия Победы во Второй мировой войне польские историки и экономисты обсчитали *“нанесённый Польше Советским Союзом ущерб”*, включая компенсацию за Катынь. Получилось около **150 млрд долл.** (см. Независимая газета. 23.05.2008).

В 2006 г. известный **польский** публицист и один из создателей Центра восточных исследований Бартомеу Сенкевич в газете “Newsweek Polska” от 17 августа опубликовал статью с претенциозным названием **“Признания руссофоба”**. В ней Сенкевич рассуждает о польских претензиях *“в связи со сталинскими преступлениями против граждан II Речи Посполитой”*, как эффективным оружием в борьбе с Россией.

В статье предлагалось, чтобы польское правительство наняло *“особо не таясь, известные международные юридические бюро для сбора доказательств для подготовки заявления в Международный трибунал по вопросу признания Катыни и вывоза населения территорий, оккупированных Советским Союзом после 1939 г., военным преступлением и преступлением против человечности. Темп подготовки заявления, окончательное решение о его подаче, а в конечном итоге – последствия приговора – это поле, дающее свободу маневра польской стороне при неспособности России затормозить этот процесс”*.

Предложения Сенкевича в Польше были услышаны. Об этом свидетельствовало ноябрьское (2006 г.) заявление тогдашнего президента Польши Леха Качиньского о том, что добрые отношения с Москвой **“должны быть такими, чтобы они Польше что-то приносили”**.

В 2009 г. шеф-корреспондент “Газеты Выборчей” в России Вацлав Радзивиневич в статье, опубликованной 20 марта, впервые указал конкретный размер возможных **первичных компенсаций** родственникам катынских жертв, которые могут быть получены по решению Европейского суда. По его словам, они должны составить по 30 000 евро за каждого погибшего в СССР поляка, то есть всего примерно 660 миллионов евро. А потом, по мнению журналиста, польские суды могут рассматривать иски к России **по вопросу компенсации за каждого репрессированного в СССР поляка в размере от полумиллиона до миллиона евро**.

После визита Медведева в Польшу начнутся будни так называемой перезагрузки польско-российских отношений. К сожалению, содержание этого процесса, видимо, во многом определит высказывание уже упомянутого Ярослава Качиньского. Кстати, политическая ситуация в Польше в любой момент может вернуть к власти команду Я. Качиньского.

26 ноября 2010 г. Качиньский, узнав о рассмотрении Госдумой заявления по Катыни, сообщил журналистам, что *“Если это какой-то шаг вперёд, то это хорошо, ибо здесь такая логика: либо признают, извиняются и выплачивают компенсацию – либо нет. Если нет, то тогда все это одна видимость”* (“Gazeta Wyborcza”. 26.11.2010). Впоследствии Качиньский добавил, что **Рос-**

сия должна выплатить компенсации не только родственникам катынских жертв, но и польскому государству!

Логика поведения польской стороны в последние годы полностью соответствует заявлениям Качиньского. Тактику движения к намеченной цели **“шаг за шагом”** в отношениях с Россией Польша использует весьма эффективно. Очевидно, **наиболее драматическая для России часть ситуации с Катынским делом ещё впереди**. Ни о каком **“красивом”** закрытии этой печальной страницы в польско-российских отношениях речь идти не может. Дело теперь за Европейским судом. Судьи в Страсбурге могут на основании полученных из Польши и России документов либо начать разбирательство, либо вынести решение без него.

Иренеуш Камински, адвокат, представляющий интересы катынских семей в Страсбурге, в ноябре 2010 г. заявил, что в связи с очередными сомнениями российской стороны относительно количества и имён катынских жертв **о мировом соглашении следует забыть**. Камински добавил: *“Мы ожидаем быстрого – в течение нескольких недель – решения суда, будь то дальнейшие слушания или же сразу окончательное решение”*.

Причем Европейский суд может принять решение, исходя не только из нарушений в российском расследовании, но и по чисто формальным основаниям. Дело в том, что **факт негуманного отношения российских властей к родственникам катынских жертв**, вытекающий из того, что их держали в неведении о судьбе близких, **налицо** и не требует особого разбирательства. **Недопущение такого отношения – одно из важнейших положений, которое защищает Европейский суд по правам человека**. Поэтому суду в Страсбурге для вынесения вердикта вполне достаточно факта нарушения прав родственников.

Если Европейский суд признает первые иски польских родственников катынских жертв, то остальные двадцать тысяч потомков катынских жертв **получат право** потребовать от России, как правопреемницы СССР, материальной компенсации. Она может составить несколько десятков миллиардов евро.

Заметим, что соседи Польши, литовские наследники репрессированных в годы советской власти, только за 4 года насильственного выселения родителей в Сибирь намерены требовать от России компенсации **в 500 тысяч евро**. Как отмечалось, поляки свои претензии оценят в не меньшую сумму.

Напомним также, что Союз поляков-сибиряков, объединяющий около шестидесяти тысяч человек, репрессированных в СССР, заявил в 2006 г. о намерении подготовить иски против России в Европейский суд. Поэтому в Польше, и не только в ней, многие ждут решения этого суда. Для России в этом случае актуальным становится лишь один вопрос: **80 тысяч поляков** будут подавать иски в **“розницу”** (индивидуально) или **“оптом”** (под эгидой государства)? **Ну, а за ними в очередь выстроятся представители из бывших союзных республик и стран социалистического сотрудничества**.

Заявления типа **“Россия не СССР и не несёт ответственности за его действия” для стран Евросоюза не аргумент**. Россия объявила себя правопреемницей СССР, и это достаточное правовое основание для предъявления к ней исков за советское прошлое.

Запад им поможет

Высказывания российских политиков о том, что от России можно получить только **“дохлого осла уши”**, не убедительны для Европейского суда и Евросоюза. При необходимости Европа без колебаний арестует активы РФ за рубежом, которые пойдут на компенсации полякам. Это показала ситуация с претензиями известной фирмы **“Noga”** к России.

О том, как сплоченно Запад действует против России, свидетельствует **“дело Магнитского”**. Напомним, Сергей Магнитский, юрист крупнейшего зарубежного инвестиционного фонда **“Hermitage Capital Management”**, был арестован в ноябре 2008 г. по обвинению в уклонении от уплаты налогов. Через год он, в возрасте 37 лет, умер в больнице СИЗО **“Матросская тишина”**, куда был доставлен из Бутырской тюрьмы. Российские правозащитники считают, что Магнитский умер вследствие жестокого обращения в тюрьме и не оказания своевременной медицинской помощи.

В этом деле трудно судить о правых и виноватых. Достаточно сказать, что главе этого фонда Уильяму Браудеру с 2005 г. запрещен въезд в Россию, а с ап-

реля 2008 г. он скрывается от российского правосудия. Однако Запад единым фронтом выступил за введение санкций против 60 представителей МВД, прокуратуры и судов России, причастных к уголовному делу Магнитского. Инициатором этого выступил глава Хельсинкской комиссии Бенджамин Кардин. В апреле 2010 г. он обратился к госсекретарю США Хиллари Клинтон с просьбой **навсегда запретить въезд в США вышеуказанным россиянам.**

В Европе на эту “инициативу” откликнулись Великобритания и Польша. Причём если Варшава поместит этих россиян в “чёрный список”, то они не смогут въехать не только в Польшу, но и во все 24 страны Шенгенского соглашения. Помимо этого все они **внесены в международный “чёрный” банковский список (список Кардина)**, присутствие в котором блокирует любую попытку открыть банковский счёт за границей или осуществить там какие-либо финансовые операции.

Нас эта ситуация не очень волнует, так как она касается российских чиновников, которым “скромные” зарплаты позволяют регулярно ездить за рубеж, открывать там валютные счета и покупать недвижимость. Главное в другом. В ситуации с “делом Магнитского”, как в ситуации с агрессией Грузии против Осетии, Запад выступил **единым фронтом против России.**

Полагать, что добрые отношения российского руководства с польскими лидерами позволят “разрулить” ситуацию, несерьёзно. Польские политики находятся **под жесточайшим прессом общественного мнения**, выступление против которого – политическое самоубийство. Напомним, что в декабре 2009 г. оппозиционная партия “Право и справедливость” заявила, что **отправит под Государственный трибунал вице-преьера Вальдемара Павляка и премьеря страны Дональда Туска**, если те подпишут невыгодный для Польши газовый контракт с Россией.

Не случайно согласование условий Дополнения к межправительственному соглашению о поставках российского газа в Польшу затянулось почти на год. Польское правительство неоднократно отказывалось ратифицировать предварительно согласованные на всех уровнях условия и контракт. Катынское дело для польского общества имеет куда больший статус, нежели газовый контракт. Именно из этого следует исходить при оценке ситуации по Катыни.

В этой связи целесообразно напомнить ситуацию с **“братскими” отношениями** между союзными республиками в СССР. Считалось, что дружба советских республик будет вечной, а границы между ними – условными. Поэтому эти границы устанавливались произвольно и во многом за счёт Российской Федерации. Так, Украина получила российский Крым. Ряд российских территорий оказались в Казахстане. Южную Осетию и Абхазию включили в состав Грузии и т. д. и т. п. Потом вдруг “вечные” братство и дружба в одночасье рухнули. А руководители бывших союзных республик “показали зубы”.

Польша никогда не питала особо добрых чувств к России. Российские уступки она всегда воспринимала, как должные. Так же будет и с уступками в катынском протировании. Ответные уступки Польша вряд сделает. По поводу же того, что принятия заявления по Катыни и визит Медведева в Варшаву позволят кардинально улучшить польско-российские отношения, следует сказать следующее.

У Польши к России, помимо Катыни, масса других претензий. За последние 20 лет польская сторона сумела “навешать” на Россию тяжкий груз исторических “преступлений и ошибок”: от разделов Польши в XVIII и XX вв. до вины в развязывании Второй мировой войны и советской “оккупации” Польши в 1945 г. Ни по одному из этих обвинений Россия так и не дала аргументированного официального ответа. Причём становится ясно, что перечень этих претензий в будущем может возрасти.

В этой связи возникает вопрос: **а может ли быть продуктивным российско-польский диалог по нормализации межгосударственных отношений, если Россия, по мнению Польши, по уши в “неотмоленных” грехах?**

“Безупречное” российское следствие

Российское расследование Катынского уголовного дела № 159 длилось 14 лет, и, как отмечалось, его результаты оказались весьма скромными. Это расследование проходило под фактическим патронажем польской стороны.

Члены следственной бригады нарушали процессуальную этику и требования российского законодательства. Имели место недопустимые факты передачи следователями документов уголовного дела № 159 польской стороне. Вещественные доказательства, полученные в ходе совместных с польской стороной эксгумаций польских захоронений на территории России, в нарушение всех процессуальных норм были вывезены в Польшу.

Не случайно в последнее время выяснилось, что польская сторона располагает огромным количеством документальных свидетельств по Катынскому делу, которые Россия ей не передавала. Кстати, Я. Качинский публично подтвердил, что российская сторона передаёт Польше уже известные ей материалы.

Работники Главной военной прокуратуры РФ, участвовавшие в расследовании уголовного дела № 159, систематически посещали польское посольство в г. Москве, где для них устраивались приёмы и фуршеты. Они без большой надобности выезжали в длительные служебные командировки и на отдых в Польшу, получали оргтехнику и другие подарки. Но, тем не менее, российские следователи не оправдали надежд польских спонсоров.

Результаты российского расследования Катынского дела были, как отмечалось, положены в основу ответов российского Минюста Европейскому суду в Страсбурге. Эти ответы вызвали негодование польской стороны. Правда, во время пребывания президента России Медведева в Варшаве, как отмечалось, польская сторона дипломатично предпочла претензии по поводу российских ответов в Страсбург не акцентировать. Ту же тактику Варшава выбрала во время визита в Польшу Горбачёва в июле 1988 г. и во время визита Ельцина в августе 1993 г. Однако после этих визитов Польша, как правило, предъявляла новые претензии и СССР, и России.

Вполне вероятно, что пройдёт немного времени после визита Медведева, и Польша в полной мере использует просчёты России в расследовании катынского преступления. Несмотря на бравурные заявления российского руководства, катынские противоречия останутся, так как выводы следствия по уголовному делу № 159 уже невозможно дезавуировать. Они стали достоянием международной общественности. Остается лишь одно. Признать российское расследование Катынского уголовного дела № 159 неполноценным.

Но Россию в любом случае ожидает неприятный вердикт Европейского суда. Как говорилось, судьи в Страсбурге вряд ли будут глубоко вникать во все недостатки процессуального ведения следствия по Катынскому уголовному делу № 159. Для них нет особой разницы, сколько катынских жертв фигурирует в деле, то ли 1803, то ли 21857. Главное, что российское следствие и руководство официально подтвердили вину довоенного советского руководства за катынское преступление. Ну, а юридические “изыски” и “увёртки” российские прокуроры могут оставить себе. Европейский суд, прежде всего, будет защищать интересы польских истцов.

Россия в ситуации с расследованием Катынского дела вела себя крайне неосмотрительно. Стала известной ещё одна скандальная ситуация. О ней рассказал представитель “Мемориала” Ян Рачинский в статье **“Чтобы закрыть “Катынское дело”, его надо открыть”** (“Новая газета”, 8 ноября 2010 г.). В статье говорится о том, что **заявления о секретности материалов уголовного дела № 159 оказались не более чем уловкой**, посредством которой пытались скрыть от общественности огрехи и просчёты следствия.

Известно, российские прокуроры претензии по поводу секретности “Катынского дела” всегда адресовали Межведомственной комиссии по защите государственной тайны (МВК). Это было подтверждено решением Московского окружного военного суда от 14 октября 2008 г. и кассационным определением Верховного суда РФ от 29 января 2009 г.

В этих документах утверждалось, что **“отдельным томам т. н. “Катынского” уголовного дела решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны от 22 декабря 2004 года присвоен гриф “совершенно секретно” в связи с нахождением в них документов со сведениями, составляющими государственную тайну”**.

Однако при рассмотрении в Мосгорсуде требования “Мемориала” обязать МВК рассекретить постановление Главной военной прокуратуры о прекращении уголовного дела № 159 выяснилось, что **вышеназванная комиссия отказывается признать свою причастность к засекречиванию этого дела**.

В первом письме МВК в Мосгорсуд за подписью ответственного секретаря

ря комиссии В. Дергачёва сообщалось, что 22 декабря 2004 года комиссия **не принимала решения о засекречивании постановления ГВП**. В таком случае под вопросом оказывается обоснованность вышеназванных судебных постановлений Московского окружного военного суда и Верховного суда РФ, как опирающихся на ложную информацию. Это уже юридический нонсенс. Но российская Фемида по данному поводу хранит молчание.

Вторым письмом в Мосгорсуд от 28.10.2010 г. МВК сообщила, что постановление о прекращении Катынского дела было **засекречено самой Главной военной прокуратурой РФ!** Заметим, что Межведомственную комиссию по защите государственной тайны возглавляет руководитель Администрации президента Сергей Нарышкин. Ведомству такого уровня ошибаться не положено по статусу.

Однако известно, что на обложках тех томов уголовного дела № 159, которые в 2010 г. передали польской стороне, стоит штамп МВК – “РАСЕКРЕЧЕНО. Решение МВК № 193-РС от 22.12.2004” (см. www.caw.wp.mil.pl/images/belw_12.jpg).

Между тем, в официальном ответе России Европейскому суду по правам человека от 19 марта 2010 г., подписанном Уполномоченным РФ при этом суде, заместителем министра юстиции РФ Г. Матюшкиным, утверждается, что **“22 декабря 2004 г. решением Межведомственной комиссии по защите государственной тайны 36 томам... присвоен гриф “совершенно секретно” в связи с тем, что в них находятся документы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну”**.

А это уже скандал международного уровня, так как возникает вопрос, кому же был направлен правдивый ответ – Мосгорсуду или суду в Страсбурге?

Российские власти хранят гробовое молчание по поводу вышеизложенной ситуации. Видимо, её будут пытаться нейтрализовать путём признания ответственности Межведомственной комиссии за засекречивание материалов Катынского дела. А вину “переведут”, как и принято, на исполнителя писем, который ввёл в заблуждение Мосгорсуд. Однако всем ясно, ответы в судебные органы не даются без согласования “наверху”.

В любом случае ситуацию с секретностью катынских материалов поляки вряд ли оставят без последствий. Ведь в течение шести лет российские политики, Главная военная прокуратура, российские суды всех уровней потчевали поляков заявлениями относительно **“обоснованности и законности засекреченности”** материалов Катынского дела. Теперь в Страсбурге речь может пойти **не только о нарушении прав родственников катынских жертв, но и о преднамеренном сознательном сокрытии материалов следствия**.

Происшедшее не явилось неожиданностью для независимых исследователей Катынского дела. Нечто подобное должно было произойти рано или поздно. В марте 2006 г. автор настоящей статьи и координатор международного интернет-проекта **“Правда о Катыни”** Сергей Стрыгин обсуждали с представителями Главной военной прокуратуры РФ возможные последствия для России рассмотрения польских исков Европейским судом. Генерал юстиции В. Кондратов и полковник юстиции С. Шаламаев уверяли, что расследование Катынского дела проведено “безупречно” и ГВП не боится этих исков.

В июне 2007 г. **автор по этому поводу обратился с письмом непосредственно к Президенту РФ В. Путину**. В письме говорилось о крайне негативном для России исходе Катынского дела, если Европейский суд примет к рассмотрению иски родственников расстрелянных польских офицеров. Также была высказана просьба о необходимости возобновить следствие по уголовному делу № 159 и рассекретить архивные документы, позволяющие установить реальные обстоятельства гибели польских офицеров. Письмо из Администрации президента было переслано в Главную военную прокуратуру.

Ответ из ГВП за № 5у-6818-90/581 от 4 июля 2007 г. пришёл за подписью старшего военного прокурора С. Шаламаева. В нём утверждалось, что **расследование Катынского дела было осуществлено в строгом соответствии с российским законодательством и оснований для возобновления следствия нет**.

О явной ущербности и заказном характере 14-летнего расследования Главной военной прокуратурой РФ Катынского уголовного дела № 159 нет смысла говорить. Об этом было рассказано в статье **“Вновь о Катыни”** (см.

“Наш современник”, № 2, 2010). Добавим, что в рамках уголовного дела № 159 **изначально** расследовалась **лишь нацистско-польская версия**. Выводы комиссии академика Н. Бурденко, осуществившей эксгумацию катынских захоронений в январе 1944 г., российские прокуроры просто проигнорировали.

Прецедент расследования крайне запутанного преступления, имеющего международный статус, только в рамках одной версии просто невероятен. Напомним, что главное “доказательство” советской вины – катынские документы из “закрытого пакета № 1” появились **лишь на третьем году “однобокого” российского следствия**.

Следует сообщить, что усилиями профессора МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора исторических наук В. Сахарова в широкий научный оборот были введены немецкие документы, **раскрывающие фальсификационный характер немецко-польской эксгумации в Катыни 1943 г.** (см. www.kprf.ru/rus_law/79589.html). Однако катыноведы и официальные российские власти предпочитают не замечать этого исследования.

В то же время для выявления неполноценности следствия по Катынскому делу достаточно **обнародования постановления ГВП о прекращении этого дела**. Об этом на “круглом столе”, состоявшемся в Госдуме 19 апреля 2010 г., заявил экс-депутат Госдумы Андрей Савельев. Он один из немногих, кто после долгих мытарств сумел ознакомиться с этим документом. По словам Савельева, многостраничное постановление ГВП является эклектичным, непоследовательным, внутренне противоречивым и не доказательным. Одним словом, **“просто халтура”**.

О заранее предопределённом характере следствия по уголовному делу № 159 свидетельствует само название этого дела – **“О расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле–мае 1940 г.”**. В названии уже назначен **виновник преступления и определено время его совершения**, хотя сомнения относительно преступника и времени совершения катынского преступления общеизвестны. Тем самым следствие изначально приняло на веру **только одну версию**. К сожалению, до сих пор ни один российский юрист или правозащитник не высказался по поводу странной формулировки названия уголовного дела № 159.

Как говорилось, вызывает удивление факт бессудного признания виновником катынского преступления довоенного советского руководства. Общеизвестно, что преступник устанавливается **только в ходе судебного разбирательства уголовного дела**. Однако Катынское уголовное дело даже не планируется рассмотреть в суде. Там якобы и так всё очевидно. В мировой уголовной практике было немало дел, где всё казалось очевидным, а потом... вдруг это очевидное становилось невероятным. Российским юристам такие примеры также известны. Тем более странно, что с подобным подходом согласилось российское руководство, хорошо знакомое с юриспруденцией.

Предопределенность дела № 159 подтверждают и другие факты. В 2000 г. выяснилось, что в Катынском лесу остались неисследованные могилы польских граждан. Об этом 12 апреля 2000 г. и. о. президента России В. Путин сообщил в телефонном разговоре президенту Польши А. Квасьневскому. Путин пояснил, что в ходе проводимых российской стороной работ по благоустройству в районе Катынского мемориала были обнаружены новые захоронения. Эта информация была сообщена польскому президенту в связи с предстоящим посещением Катыни его супругой по случаю 60-й годовщины расстрела поляков (<http://2002.kremlin.ru/pressa/2000041204.html>).

14 апреля 2000 г. “Газета выборча” сообщила, что губернатор Смоленской области Александр Прохоров **показал Иоланте Квасневской место, расположенное в нескольких сотнях метров от польского кладбища, в котором могли находиться очередные тела зверски убитых поляков**. Строители, обнаружившие это захоронение, были уверены, что **это польское захоронение, так как на трупах были шинели с польским орлом на пуговицах**.

Это захоронение было обнаружено **за пределами территории польского мемориального комплекса, рядом с водонапорной башней, в 120 метрах от Днепра**. Но главное в том, что оно находится **примерно в полусотне метров от того места, где в 1940 г. находилась госдача отдыха НКВД**. Если следовать официальной версии, получается, что сотрудники НКВД весной 1940 г. расстреливали поляков прямо под окнами госдачи.

Кстати, по словам очевидцев, на ней летом 1940 г. отдыхали члены Политбюро ЦК ВКП(б) К. Ворошилов, Л. Каганович и первый секретарь ВЦСПС Н. Шверник. Одного этого факта достаточно для вывода о том, что весной 1940 г. сотрудники НКВД не могли производить расстрелы в непосредственной близости от дачи. Всё говорит о том, что **эти захоронения появились в августе–октябре 1941 г., когда на даче хозяйничали немцы.**

Последнее предположение подтвердил немецкий полковник Аренс, которого в 1946 г. по Катынскому делу допрашивал Нюрнбергский трибунал. В 1951 г. показания полковника заслушала американская комиссия Мэддена. Аренс тогда заявил о том, что непосредственно перед дачей НКВД было **несколько польских могил.**

Новое захоронение, о котором упомянул Путин в телефонном разговоре с Квасневским, не вскрывалось ни немцами в 1943 г., ни комиссией Бурденко в 1944 г. Не вызывает сомнений, что в могиле захоронены поляки. Трупы в могиле лежат в два слоя. По самым скромным подсчётам, общее количество трупов в могиле составляет от трехсот до тысячи.

Однако судьба этого захоронения в Катыни до сих пор является невыясненной. В чем дело? Ведь Польша заявляет, что судьба каждого погибшего в Катыни поляка священна. Видимо, всё дело в том, что **вскрытие нового захоронения “обрушило” официальную версию.** Как объяснить, останки каких поляков обнаружены в новой могиле, если **ВСЕ польские офицеры из Козельского лагеря, по официальной версии, перезахоронены в могилах Катынского мемориала?** Ну, а признавать, что немцы осенью 1941 г. расстреливали поляков из трех лагерей “особого назначения” НКВД, никто не желает.

Напрашивается и ещё один вывод. **Польшу в Катынском деле не столько интересуют реальные обстоятельства и места гибели польских граждан, сколько использование катынской трагедии в целях политического давления на Россию.**

Помимо вышеназванного захоронения, на приусадебном участке одного из домов дачного поселка Козьи Горы, в районе близ Катынского мемориала, смоленские “чёрные копатели” **обнаружили яму с обгоревшими чехословацкими вещмешками.** Внутри находились хорошо сохранившиеся **предметы польского происхождения**, включая документы. Впоследствии многие артефакты из этих раскопок продавались на смоленском “чёрном рынке”. Более того, тема “катынских чемоданов” **активно обсуждалась летом 2007 года в интернете** (см. <http://reibert.info/forum/archive/index.php/t-475-p-4.html>). Этой информацией российские властные структуры также не заинтересовались.

Аналогичным образом в Польше и России замалчивается свидетельство Кристины Щирадловской-Пеца (Krystyna Szczyradlowska-Peca), дочери польского полковника Бронислава Щирадловского из “украинского” катынского списка. Оно появилось в сентябре 2007 г. на интернет-сайте католической “Группы 33” из Хожува (www.chorzowmagdalena.katowice.opoka.org.pl/gr33/index.php?option=com_content&task=view&id=59&Itemid=30).

Пани Кристина рассказала, что в мае 1946 г. она вместе с другими польскими гражданами на поезде репатриировалась из СССР в Польшу. Во время вынужденной остановки поезда недалеко от Катыни полякам было предложено сходить в лес **посмотреть могилы соотечественников.** Пройдя некоторое время по лесу, расположенному **по правой стороне** от железнодорожного полотна Смоленск–Минск, они увидели “**громадный раскопанный ров – могилу, в которой находились человеческие останки. О том, что это были останки польских офицеров, свидетельствовали детали мундиров (пуговицы с орлами).** Тела частично мумифицировались, поскольку почва была песчаная. Уложены они были слоями, и было их очень много”.

Известно, что все раскопки в Катыни в 1943–м и 1944 гг. велись **только слева** от железной дороги (если ехать из Смоленска). О раскопках захоронений польских офицеров в Катыни в 1946 г., тем более **с правой стороны** железной дороги, **сведения отсутствуют. Останки каких польских офицеров видела К. Щирадловска?** Как известно, заявлением К. Щирадловской не заинтересовались ни польская, ни российская сторона.

Подобное отношение официальных властей к расследованию Катынского дела вполне объяснимо. Нахождение новых массовых захоронений польских офицеров вне Катыни – Козьих Гор **не укладывается в официальную версию.** Не удивительно, что намечаемое в 2011–2012 гг. исследование террито-

рии Козьих Гор методом шурфования предусматривает работу только в пределах так называемой Долины смерти. Польская могила у водонапорной башни и захоронение, о котором говорила К. Щирадловска, в этом случае окажутся **не затронутыми**.

С учетом всех огрехов и недостатков, допущенных российскими прокурорами при расследовании уголовного дела № 159, можно не сомневаться, что при получении польской стороной всех материалов Катынского дела **список польских претензий к российскому следствию существенно вырастет**.

Экспертизы и фальшивки

Российские прокуроры и катыноведы, отстаивая официальную версию, особо подчёркивают, что в ходе расследования уголовного дела № 159 было проведено *“18 экспертиз, в том числе судебно-медицинские, почвоведческие и другие”*. В этой связи несколько слов об экспертизах, проведённых ГВП РФ.

После размещения в апреле 2010 г. на сайте Росархива цветных электронных сканов кремлёвских катынских документов из “закрытого пакета № 1” сторонники официальной версии полагали, что точка в Катынском деле поставлена. Однако появление сканов не решило проблему. Вопросы по поводу многочисленных неточностей и несуразностей, присутствующих в катынских документах, приобрели огромную аудиторию. **Точку мог бы поставить акт почерковедческой и криминалистической экспертизы, в котором, по утверждению российских прокуроров, подтверждена подлинность катынских документов**.

Однако эта экспертиза, проведённая в 1992 г. по поручению Главной военной прокуратуры, почему-то скрывается от российской общественности. Дело доходит до курьёзов. 21 сентября 2010 г. Тверской районный суд рассматривал иск внука Сталина Евгения Джугашвили с требованием признать не соответствующими действительности сведения, содержащиеся в катынских документах, размещённых в апреле 2010 г. на сайте Росархива.

При рассмотрении дела по существу представитель Росархива, начальник правового управления В. Мосунов заявил, что в Тверской суд **были представлены доказательства подлинности кремлёвских документов в виде экспертизы ГВП**, якобы приложенной к письменному возражению Росархива на иск. Однако судья Сальникова заявила, что в деле **такой документ отсутствует** (<http://www.ymuhin.ru/node/425>).

Не вызывает сомнений, что Росархив для Тверского суда запросил из Главной военной прокуратуры акт экспертизы. Видимо, он был представлен. Но таинственное исчезновение этого акта говорит о многом. Прежде всего, это подтверждает уверенность в том, что акт скрывают из-за того, что, видимо, в нём **отсутствует квалифицированный разбор ошибок и неточностей, содержащихся в кремлевских документах**.

Это в какой-то мере подтвердил бывший руководитель следственной группы ГВП по Катынскому делу Анатолий Яблоков. 8 мая 2010 г. в радиопередаче на “Эхо Москвы”, посвященной Катыни, он рассказал Сергею Бунтману следующее. *“...В начале декабря того же 1992 года я вместе с понятиями, вместе с экспертами из Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны и Всесоюзного научно-исследовательского института судебных экспертиз Российской Федерации... прибыли в архив президента в Кремле, где сначала были осмотрены, описаны, сфотографированы подлинники этих документов*.

...После этого передали эти документы экспертам. Конечно, мы все делали под контролем представителя руководства архива, потому что ценность этих документов очень высокая. Мы хотели забрать их с собой, но нам не позволили это сделать, т. е. экспертизу эксперты проводили там же. Эксперты тоже сделали свои фотографии, и... одним словом, по итогам работы экспертов, мы получили постановление, точнее заключение криминалистической экспертизы, в котором был сделан вывод о подлинности самой фактуры документа – бумаги, шрифтов, о том, что... сейчас я не могу сказать деталей этих всех, не помню...

Кроме этого, была проведена почерковедческая экспертиза. То есть, были сделаны выводы о том, что **подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна и Берии – это подлинные подписи”** (echo.msk.ru/programs/netak/677361-echo.phtml).

Заметим, что А. Яблоков ранее, в ходатайстве в Басманный суд от 2 сентября 2009 года, утверждал, что подлинность кремлёвских документов из “закрытого пакета № 1” подтвердил в ходе допроса бывший Председатель КГБ Александр Шелепин. Об экспертизе ГВП он тогда почему-то не упоминал.

Из рассказа Яблокова Бунтману следует, что **эксперты, привлеченные ГВП, ограничились визуальным осмотром катынских документов**. Вряд ли у них была аппаратура и химические реактивы, которые могли бы установить совпадение шрифтов, состав чернил и мастики на печатях и т. д. и т. п. Взять на исследование документы им не разрешили. Время для работы с документами у них было также ограничено. Одним словом, как и предполагалось, экспертиза в 1992 г., видимо, свелась к составлению **протокола визуального осмотра документов из “закрытого пакета № 1”**.

Не вызывает сомнений, что в этом **описании отсутствует разбор ошибок, неточностей и несуразностей, присутствующих в катынских документах***. О степени научной обоснованности экспертизы, проведённой в 1992 г., свидетельствует то, что “эксперты”, привлеченные Яблоковым, не сумели выявить факта печатания известной записки Берии Сталину № 794/Б от “_” марта 1940 г. **из двух машинок**.

Утверждения экспертов ГВП и историков-катыноведов о том, что подписи Сталина и др. на записке Берии являются подлинными, вызывают лишь улыбку. Напомним, что ведущий российский специалист в области разоблачения фальшивок, бывший глава Росархива Владимир Козлов в книге **“Обманутая, но торжествующая Клио”** при определении подложности исторических “документов” даже не рассматривает такие признаки, **как подлинность подписей и печатей**, поскольку при существующей технике копирования, основанной на применении достижений научно-технического прогресса, качественно исполненную фальшивую подпись **эксперт-криминалист не способен распознать**.

Автор статьи не отождествляет себя с экспертом. Однако, когда депутат Илюхин в мае 2010 г. продемонстрировал С. Стрыгину и автору лист бумаги, на котором “заявитель” практически “на ходу” изобразил несколько вариантов подписей Берии и Молотова, это впечатлило. Сходство с подписями, присутствующими на записке Берии Сталину № 794/Б, было просто поразительное.

Дабы представить, насколько некоторые фальсификаты имитируют подлинные документы, следует привести несколько примеров. 16 мая 2008 г. “РИА Новости” сообщило о смерти ветерана службы внешней разведки СССР и России 94-летнего Павла Громушкина. Именно он во время Великой Отечественной войны готовил легенду и немецкие документы на имя Пауля Зиберта, которые использовал легендарный советский разведчик Николай Кузнецов. **“Более 100 раз спецслужбы фашистской Германии, в том числе и гестапо, проверяли документы Кузнецова и не разу не заподозрили ничего подозрительного”**, – вспоминал П. Громушкин.

С документами, изготовленными Громушкиным, советский разведчик Рудольф Абель (Вильям Фишер) более десяти лет работал в США. Но самый уникальный случай произошёл в Австрии. Там задержали советского разведчика, у которого были документы, изготовленные Громушкиным. Коллеги Громушкина рассказывали: **“После проведения специальных экспертиз было установлено, что документы, которые представил задержанный, были настоящими. Правда, чиновники так и не смогли вспомнить, когда они подписывали. Нашего разведчика отпустили”**. Сам Громушкин рассказывал журналистам, что подобных случаев в его практике было более двух десятков (http://www.pohoroni.info/nekrolog/-gromushkin_pavel_georgievich/).

Ну, а теперь расскажем об экспертизе шрифта ранее упомянутой записки Берии Сталину № 794/Б от “_” марта 1940 г. Она была осуществлена в 2009 г. по инициативе упомянутого С. Стрыгина. Один из ведущих экспертов системы МВД РФ Эдуард Молоков установил, что первые три страницы записки напечатаны на одной пишущей машинке, а четвёртая страница – на другой. Также было установлено, что шрифт четвёртой страницы встречается на ряде заведомо подлинных писем НКВД 1939–40 гг., а **шрифты первых трёх страниц не встречаются ни в одном из выявленных к настоящему времени подлинных писем НКВД того периода**.

* Краткий разбор этих неточностей содержится в открытом письме автора директору Государственного архива РФ Мироненко С. В. (См. журнал “Наш современник”, № 3, 2010 г. или http://www.hrono.ru/avtory/hronos/shwed_vn.php).

Заметим, что именно на первых трех страницах записки содержатся сведения, возлагающие ответственность за принятие решения о расстреле 25700 польских граждан на Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным. Ну, а сам факт печатания документа такого уровня, как записка Берии Сталину, на двух машинках является просто невероятным.

В этой связи представляют интерес электронные сканы первоначального сфальсифицированного черновика известной записки Берии № 794/Б, в котором на первых трех листах предлагалось расстрелять не 25700, а 40736 поляков. Черновик в редакцию сайта “Правда о Катynie” был предоставлен депутатом Госдумы В. Илюхиным (См: <http://katyn.ru/index.php?go=News&in=view&id=205>).

Вышеизложенное позволяет обоснованно заявлять о сомнительном происхождении первых трёх страниц записки Берии.

Достучаться до Кремля

За истекшие шесть лет после прекращения следствия по уголовному делу № 159 прогнозы о неизбежности печального финала Катynского дела в Страсбурге постоянно появлялись в печати. Ранее упоминалось о письме автора Президенту России. Помимо этого в Администрации президента и российский МИД регулярно отправлялся журнал “**Наш современник**” с публикациями на катynскую тему. Была направлена и книга “**Тайна Катynie**”.

Выявлению реальных обстоятельств гибели польских офицеров немало усилий посвятил депутат Государственной Думы Виктор Илюхин. Он неоднократно обращался к руководству страны, предупреждая о крайне негативном исходе Катynского дела при отстаивании официальной версии. 16 июня 2010 г. Илюхин выступил на пленарном заседании Госдумы с официальным заявлением о фальсификации исторических документов советского периода и, прежде всего, документов из “закрытого пакета № 1”. Заявление в Кремле предпочли не услышать. Это не случайно.

12 мая 2009 г. лидер фракции КПРФ в Государственной Думе РФ Геннадий Зюганов при личной встрече с Президентом РФ Дмитрием Медведевым высказал просьбу рассекретить архивные документы, содержащие юридически значимые доказательства причастности нацистов к расстрелу в Катynie. Президент на этой встрече якобы **продемонстрировал осведомленность об истинных обстоятельствах Катynского дела**, однако заявил, что политическое решение по катynской проблеме в прошлом **уже было принято и радикальное изменение этого решения в настоящее время не представляется возможным**. Но разве может какая-либо политическая или экономическая целесообразность оправдать принятие на Россию такого преступления, как Катynie? (См. <http://www.katyn.ru/index.php?go=Pages&in=view&id=948>.)

Существенно изменившаяся в 2010 г. позиция руководства России в оценках катynской проблемы невольно заставляет поверить российской журналистке Юлии Латыниной. Она утверждает, что эта перемена обусловлена информацией о том, что Польша с помощью США может наладить промышленную добычу сланцевого газа и стать крупнейшим в Европе экспортером этого газа. Это серьёзная угроза российской газовой гегемонии, что потребовало от Кремля немедленных мер **по улучшению отношений с Польшей, в том числе и за счёт Катynie**.

19 апреля 2010 г. по инициативе депутата В. Илюхина в Государственной Думе состоялся весьма представительный в научно-историческом и общественно-политическом плане “круглый стол” на тему “**Катynская трагедия: правовые и политические аспекты**”. Достаточно сказать, что в дискуссии приняли участие девять докторов наук. В ходе “круглого стола” были озвучены факты, свидетельствующие о директивно-казачном и субъективном характере расследования Катynского дела, проведённого российскими военными прокурорами в 1990–2004 гг. Были приведены документальные сведения, доказывающие фальсификационный характер нацистско-польской эксгумации, осуществлённой в 1943 г. в Катynie. Прозвучали обоснованные аргументы, подтверждающие сомнительное происхождение кремлёвских документов из “закрытого пакета № 1”.

По итогам “круглого стола” было подготовлено обращение к Президенту России Медведеву. В нём высказывалась просьба **возобновить расследова-**

ние уголовного дела № 159 в связи с вновь вскрывшимися обстоятельствами. Помимо этого на основе материалов “круглого стола” издан сборник **“Тайны Катынской трагедии”***. Он также был направлен руководству страны. Однако реакции не последовало.

Президиум ЦК КПРФ 19 октября 2010 г. обнародовал заявление **“С фальсификациями советской истории необходимо покончить!”**. В нём КПРФ заявила о **“намерении продолжать противодействие попыткам искажения исторической истины”** и потребовала провести тщательное **“расследования обстоятельств фальсификации документов, связанных с расстрелом польских офицеров”**.

К сожалению, в Кремле это было истолковано, как попытка помешать процессу нормализации отношений между Россией и Польшей. 20 ноября 2010 г. Президент, встречаясь в подмосковной резиденции с зарубежными политиками, критически оценил заявление российских коммунистов. Он заявил: **“Наша коммунистическая партия пытается опровергать выводы соответствующей комиссии по Катынскому делу. И это сила, которая имеет определенную поддержку в нашей стране. Однако это не значит, что мы должны отказать от открытого и свободного общения”**.

Следует заметить, что замечание президента касается не только позиции российской Компартии. Оно и действия независимых исследователей катынской трагедии оценивает, как попытку вбить клин в отношения между Польшей и Россией. Более того, деятельность независимых российских исследователей по выяснению реальных обстоятельств гибели польских военнопленных на территории СССР нередко представляется, как желание **“оправдать преступления сталинской деспотии”**.

С подобными трактовками невозможно согласиться. Особенно, когда президент заявляет — **“Нам нужна правда о Катыни!”**. Ведь что предлагают не согласные с официальной версией катынского преступления? Прежде всего, **рассекретить российские архивы, провести объективное следствие по Катынскому делу и выяснить в суде, кто прав, а кто нет**. В ответ же, как во времена критикуемого “тоталитаризма” — жесткий административный нажим. Подобное происходит тогда, когда власть чувствует ущербность своих позиций.

Не вызывает сомнений, что большинство россиян за добрые отношения с Польшей. России с ней нечего делить. **Но пытаться добиться хороших взаимоотношений путём предательских уступок, путем принятия на Россию чужих грехов — это не просто путь в тупик. Это путь к бесконечным претензиям к России**. В 1986–1991 гг. это наглядно доказала политика Горбачёва.

В тот период людей, критикующих губительную политику упреждающих уступок Горбачёва, называли врагами разрядки, перестройки, сторонниками продолжения конфронтации и “холодной войны”. Всё делалось во имя политической и экономической целесообразности. Россия до сих пор пожинает плоды “горбачёвщины”. Положительные результаты политической и экономической целесообразности уступок времён перестройки исчезли без следа, а вот отрицательные с каждым годом проявляют себя всё более ярко. Наглядным примером является движение НАТО к границам России.

Напомним, что попытки “подстроить” Россию под Запад всегда дорого ей обходились. Ещё в 1877 г. великий русский писатель и провидец **Федор Михайлович Достоевский** в своем дневнике так охарактеризовал политику заискивания перед Западом, поиск его дружбы и расположения любой ценой: **“Мы прямо ухватились за европейскую цивилизацию и тотчас же уверовали, слепо и преданно, что в ней-то и заключается то “всеобщее”, которому предназначено соединить человечество воедино... Затем, в половине текущего столетия, некоторые из нас удостоились приобщиться к французскому социализму и приняли его, без малейших колебаний, за конечное разрешение всечеловеческого единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей. Таким образом, за достижение цели мы приняли то, что составляло верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей, но это нас не смущало нисколько.**

...И чего же мы достигли?... **Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае... Мы виляли пред**

* Его материалы опубликованы в “Нашем современнике” (№ 11, 2010).

ними, мы подобострастно исповедовали им наши “европейские” взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с ухмылкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них “не так поняли”.

К сожалению, слова Достоевского сегодня актуальнее, нежели в XIX веке. Почему? Потому, что в наше время не только либеральная часть российской общественности (как во времена Достоевского), но и многие “государевы люди” — политики, юристы, историки, призванные отстаивать честь, достоинство и интересы России, на деле работают против неё. Об этом поговорим подробнее.

Российские историки против России

При оценке заявления Президиума ЦК КПРФ о фальсификации советской истории президент Медведев сослался на “выводы соответствующей комиссии по Катынскому делу”, якобы они поставили точку в расследовании катынской трагедии. На самом деле деятельность этой комиссии, а точнее совместной российско-польской Группы по трудным вопросам, вытекающим из истории российско-польских отношений, во многом способствовала утверждению нацистско-польской версии, лежащей в основе официальной российской версии катынского преступления.

Это произошло вследствие того, что представители России в Группе, назначенные защищать российские интересы, с самого начала встали на позиции польской стороны. Не случайно польский сопредседатель Группы Адам Ротфельд в одном из интервью проговорился, что **в результате “работы” российские участники Группы приняли польскую точку зрения.**

Такая позиция российских представителей вполне объяснима, если проанализировать состав российской части Группы. Об этом уже писалось в раннее упомянутой статье “**Вновь о Катыни...**”. Напомним лишь, что в качестве основных специалистов в области катынской проблемы в Группу были приглашены российские историки Наталья Лебедева, Инесса Яжборовская и бывший руководитель следственной бригады ГВП (1990–1992 гг.) по Катынскому уголовному делу № 159 Александр Третьцкий. Все они отстаивают нацистско-польскую версию катынского преступления, за что в своё время были удостоены государственных наград Республики Польша.

В итоге российская часть Группы работала **под двойную диктовку**: с одной стороны тон задавала вышеназванная “троица” (Лебедева, Яжборовская, Третьцкий), с другой — польские “оппоненты”. Это подтвердило и содержание вышедшего в 2010 г. в свет совместного 800-страничного польско-российского сборника документов “**Белые пятна — чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях**”. Он был подготовлен членами Группы и посвящён наиболее спорным вопросам двусторонних российско-польских отношений, в том числе и Катыни. Трактровка большинства вопросов носит явную польскую тональность.

В этой связи не вызывает сомнений, что данный сборник в будущем доставит немало неприятных минут нашим политикам и дипломатам. Без сомнения, отдельные положения вышеупомянутого сборника “**Белые пятна — чёрные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях**” внесут свою лепту в обоснование претензий Польши к России.

Так, катыновед Н. Лебедева в статье “**Катынское преступление**” представила Сталина, как человека, обуреваемого личными обидами и ненавистью. В то же время Сталин по характеристикам таких современников, как Черчилль, Рузвельт, Трумэн, де Голль, являл собой образец прагматичности и продуманности в своих действиях. Но по Лебедевой, личная неприязнь Сталина стала одной из причин уничтожения в 1939 г. Польши как независимого государства и носителей её государственности — польской элиты.

О степени научной обоснованности этой статьи свидетельствует хотя бы утверждение Лебедевой о том, что Берия в 1940 г. **якобы направлял Сталину два варианта записки о расстреле поляков.** Между тем известно, что Сталин, а впоследствии все Генсеки, **не позволяли** направлять в ЦК варианты записок. Тогда бы Политбюро только и занималось тем, что рассматривало поступающие варианты. Поэтому все важнейшие предложения Кремлю всегда согласовывались заранее.

Лебедева также заявляет, что **отсутствуют документальные свидетельства, подтверждающие причастность нацистов к расстрелам в Катыни**. При этом уважаемый катыновед предпочитает игнорировать эти свидетельства, которые неоднократно излагались в статьях независимых исследователей. На сегодняшний день таких свидетельств более чем достаточно. Напомним лишь одно. 28 мая 2009 года Сопредседатель Группы по трудным вопросам российско-польских отношений, академик РАН Анатолий Торкунов дал в Кракове интервью РИА Новости и польской “Газете Выборчей”. Он заявил, что из военного архива ему прислали материалы, которые *“не отрицают, что польские офицеры стали жертвами сталинских репрессий, но говорят о том, что, возможно, **какая-то часть офицеров была уничтожена немцами**”*.

Немало свидетельств о немецком следе в Катынском деле изложено в исследовании “Тайны Катыни”. Но для официозных катыноведов оно не существует. Лишь изредка, выдергивая из контекста исследования какой-либо факт, они пытаются его опровергнуть. На большее у них не хватает контраргументов. Напомним также, что немало доказательств причастности нацистов к катынскому расстрелу содержит исследование профессора В. Сахарова.

Аналогичная ситуация наблюдается и с трактовкой истории советско-литовских и российско-литовских отношений. В 2006 г. увидел свет первый том совместного сборника документов **“СССР и Литва в годы Второй мировой войны”**. Он был подготовлен сотрудниками Института истории Литвы и Института всеобщей истории Российской академии наук. С российской стороны составителем этого сборника являлась Лебедева, чья пропольская позиция в расследовании Катынского дела уже отмечалась.

Г-жа Лебедева сумела отличиться и на попроще российско-литовских отношений. Помимо “квалифицированного подбора” документов для вышеуказанного сборника в российских архивах, она подготовила вступительную статью к нему. В ней Лебедева трактует события лета 1940 г. в духе прибалтийских исторических концепций, как “оккупацию” и “аннексию” Советским Союзом стран Балтии. Не случайно министр иностранных дел Литвы Антанас Валионис накануне первой презентации вышеупомянутого сборника в Вильнюсе подчеркнул, что *“это – одна из возможностей представить российской аудитории литовскую версию оценки этих событий”*.

В то же время сборник должен был отражать и российскую точку зрения на спорные исторические проблемы российско-литовских отношений. **Официально Россия отрицает факт оккупации и аннексии Прибалтики Советским Союзом в 1940 г.** В этой связи Лебедева имела право изложить личную точку зрения по поводу событий 1940 г. только как частное лицо, а не как представитель России.

В итоге литовские политики получили серьезный аргумент в споре с Россией. Скандал со статьей Лебедевой рано или поздно забудется, а академический сборник документов останется. **Политики Литвы будут ссылаться на него, как до сих пор ссылаются на решения 2-го Съезда народных депутатов СССР, доказывая правовую обоснованность утверждений о “советской оккупации Литвы”**.

Не вызывает сомнений, что вышеуказанный сборник сыграет свою роль в ходе инициируемого Литвой международного трибунала над сталинизмом. Трибунал, по замыслу его инициаторов, должен окончательно разоблачить преступления советской власти. Без сомнения, будет затронута и роль России в становлении этой власти. **Одним словом, “кошку сталинизма” публично высекут на спине “демократической” России.**

Приведём ещё один пример, как произвольная интерпретация истории России наносит ущерб её национальной безопасности. Так, абсолютно несостоятельная с научно-исторической точки зрения “Белая книга”, подготовленная в 2004 г. эстонскими “историками”, стала одним из оснований для принятия Европарламентом резолюции о “советской оккупации” прибалтийских республик. Помимо этого, она дала обоснование для требований от России “компенсаций” за эту оккупацию.

В итоге дело дошло до того, что председатель эстонской государственной комиссии по расследованию советской репрессивной политики, профессор Торонтского университета Велло Сало, **предложил потребовать от России в качестве компенсации на время Новосибирскую область!** У России хотели получить в “аренду” или “эффективную колонизацию” крупнейший стратегический регион, площадь которого 4 раза больше территории Эстонии

(177,8 тыс. кв. км против 45,1 тыс. кв. км), не говоря о мощном промышленно-экономическом и научном потенциале Новосибирской области.

Видимо, поведение самой России позволило эсто-канадскому эксперту говорить с ней, как с третьеразрядной африканской страной. Абсурдность такой претензии к России понятна. Но сам факт говорит о многом. Кстати, подобное отношение к России во многом обусловлено деятельностью некоторых российских историков. Тех, которые подыгрывают Польше и странам Балтии, и тех, которые отталчиваются в кабинетах академических институтов России, наблюдая за предательской деятельностью коллег.

Напрашивается вывод о том, что с помощью российских историков происходит активное переписывание отечественной истории, которое позволит нашим бывшим “друзьям” “обложить” Россию кольцом исторических и финансовых претензий. К сожалению, достойно возразить на официальном уровне на эти претензии в России практически некому.

Подобное положение грозит тем, что в будущем **в ходе государственных визитов главе России, возможно, придётся выслушивать от принимающей стороны антироссийские претензии и суждения, подкреплённые ссылками на “официальные” труды российских историков.**

Покаемся и нас простят?

Несмотря на проблемы и скандалы, которые сопровождают Катынское дело, российское руководство после визита президента Медведева в Польшу уверено в его благоприятном для России исходе. Однако многое говорит за то, что подобное вряд ли удастся реализовать. Катынская трагедия имеет глубокие корни в польском общественном сознании и подпитывается другими “историческими обидами” в отношении России.

Ещё раз напомним, что польская сторона за последние 20 лет сумела “навешать” на Россию тяжкий груз исторических “преступлений и ошибок”: от разделов Польши в XVIII веке до советской “оккупации” Польши в 1945 г. Обсуждение этих исторических проблем польская сторона, как правило, начинает лишь при условии согласия российской стороной с основными положениями своего подхода.

Тем не менее, некоторые российские политики и политологи не утратили надежду на “полюбовное” разрешение катынской проблемы. Некоторые из них в этих целях кардинально изменили оценки Катынского дела. Наиболее ярко смену позиции по Катыни продемонстрировал советник заместителя руководителя Администрации Президента РФ по внешней политике, доктор исторических наук Сергей Караганов. Несколько лет назад на пресс-конференции в Познани он упрекал поляков в “**катынском синдроме**”, от которого следует “лечиться”. А в июле 2010 г. в статье “Русская Катынь” он уже заявляет, что “**Страна, наконец, полностью и безоговорочно признала Катынь, проявила благородство и сочувствие к польскому горю**” (“Российская газета” от 22 июля).

Аналогично катынскую проблему оценил доктор политических наук Александр Ципко в интервью “Актуальным комментариям”, прозвучавшем 28 октября 2010 г. По его мнению, после безоговорочного признания Путиным и Медведевым катынского преступления отношения с Польшей можно строить на новой, добрососедской, партнёрской основе.

Однако напомним уважаемым политологам, что 13 апреля 1990 г. по указанию Президента СССР М. Горбачёва было опубликовано официальное заявление ТАСС о “**непосредственной ответственности за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных**”, а сами злодеяния квалифицировались в нём как “**одно из тяжких преступлений сталинизма**”.

В 1992 году, 14 октября, по распоряжению Президента России Б. Ельцина были обнародованы и переданы Польше документы, “изобличающие” руководство СССР в совершении катынского преступления. 25 августа следующего года президент России Ельцин со словами “**Простите нас...**” возложил венок к памятнику жертв Катыни на варшавском мемориальном кладбище “Повонзки”. К этому следует добавить, что **при Ельцине советский и, прежде всего, сталинский период существования СССР подвергся не просто осуждению, а подлинному шельмованию.**

В этот период польская сторона получила возможность практически бесконтрольно проводить эксгумационные раскопки в местах предполагаемых массовых захоронений польских граждан. В нарушение российских законов артефакты, извлечённые при этих раскопках, отправлялись в Польшу. При этом польская сторона даже не сочла нужным предоставить Главной военной прокуратуре РФ официальные отчёты о результатах проведённых эксгумаций.

Польше также была предоставлена возможность создать на территории России мемориальные комплексы в Катыни и Медном. Польское руководство и рядовые граждане получили право беспрепятственного доступа на территорию этих мемориалов. **Поведение России в 1990-х годах даже с позиций г-на Ципко можно расценивать, как полное и безоговорочное покаяние за Катынь.**

А что же в ответ? Казалось бы, отношения между Польшей и Россией после этого можно было бы начать с чистого листа. **Однако россияне и после этого на территории Польши продолжали оставаться на положении “врагов”.** Напомним, что дело дошло до нападения на российское консульство. Но подлинно русофобской явилась ситуация с избиением российских граждан, следовавших в 1994 г. в поезде № 15 **“Москва–Брюссель”**. Они были ограблены польскими рэкетирами на Варшавском вокзале, а потом избиты в полиции под возгласы: **“Русские свиньи!”**. Польское правительство выразило сожаление, но не извинилось. Тогдашний премьер-министр России Виктор Черномырдин в связи с этим отменил свой визит в Польшу.

Исторический опыт, казалось бы, должен заставить задуматься российских политиков, как реально положить конец польско-российскому катынскому противостоюнию. **Путь бесконечного покаяния, которой предлагается сегодня России, бесперспективен.** Дело не в отрицании покаяния, как метода поведения. Известно, что комплекс покаяния присущ любому нормальному человеку. **Он позволяет не только осознать совершённые ошибки, но, главное, не совершать их в будущем.** Но это приемлемо лишь в обществе, где покаяние является нормой поведения. А что мы наблюдаем в современном мире? Покаяния сегодня требуют лишь от России и стран-“изгоев”. В то же время так называемые “цивилизованные” страны увешены преступлениями с ног до головы, но у них нет ни малейшего желания покаяться за них.

А ведь только **взаимное покаяние**, которое издавна практикуется на Руси в день православного праздника **Прощёное воскресенье**, даёт реальный шанс на нормализацию отношений даже между бывшими врагами. Известно, что в любом споре и противостоянии виноваты в той или иной мере обе стороны. Пока же каждое признание Россией той или иной исторической вины только усугубляет её положение, так как у оппонентов появляется козырь: не будем спорить, ведь вы сами признали вину, ну, а мы... мы безгрешны.

К сожалению, польская сторона категорически не желает признать, что и ей есть за что покаяться перед Россией. Её историки и историографы с помощью политиков сумели убедить поляков – им не за что каяться. Это произошло не без помощи России, которая в ответ на бесконечные польские претензии лишь отмалчивается.

Классическим примером отношения поляков к своим преступлениям является отношение к проблеме гибели в 1919–1922 гг. **80-ти с лишним тысяч пленных красноармейцев в польских лагерях. Абсолютное большинство поляков и часть российской либеральной интеллигенции уверены в том, что к пленным красноармейцам в Польше Пилсудского отнеслись гуманно.** Якобы они тысячами умирали от болезней, так же, как и поляки.

Даже такой здравомыслящий и всегда критически относящийся к историческим сенсациям человек, как польский кинорежиссёр Кшиштоф Занусси, заявил, что **недопустимо сравнение катынского преступления и случаев “смертей большевиков, которые умирали, как и все, солдаты и не солдаты, от тифа”.**

Однако сегодня известен ряд документов, свидетельств и фактов, которые позволяют с большой степенью вероятности утверждать, что **акция по созданию в польских лагерях условий, несовместимых с жизнью, для пленных красноармейцев была санкционирована верховным руководством Польши.**

Для такого вывода достаточно документов и материалов, даже максимально приглаженного польской стороной российско-польского сборника

“Красноармейцы в польском плену 1919–1922 гг.”. Ознакомьтесь с этим сборником мы советуем и уважаемому пану К. Занусси. Ведь он является Со-председателем польско-российского форума гражданского диалога, который действует при межгосударственной Группе по сложным вопросам, о которой мы расскажем ниже.

Защитникам польской “безгрешности” советуем прочитать не только вышеупомянутый сборник, но и секретный доклад 2-го отдела польского Генштаба 1920 г., хранящийся в ГАРФе, а также воспоминания узников польских лагерей: культработника РККА Я. Подольского-Вальдена, красноармейца В. Козеровского, военврача Я. Гиндина, артиллериста Н. Воронова, ставшего впоследствии Главным маршалом артиллерии Советской Армии, и бело-гвардейского поручика Каликина.

В сборнике и вышеназванных воспоминаниях приводятся факты систематических ужасающих расправ над пленными красноармейцами: смертельная порка розгами из колючей проволоки и ивовых прутьев, избивание прикладами, бессудные расстрелы, муки и смерть от голода, холода и изнурительных физических упражнений. Особо следует отметить, что в сборнике **“Красноармейцы в польском плену 1919–1922 гг.”** приводятся отчёты советских представителей, инспектировавших польские лагеря. В них подчёркивается то, что **“когда лагерное командование считало возможным ...предоставление более человеческих условий для существования военнопленных, то из Центра шли запрещения”**. Напомним, что в тот период начальник, а точнее диктатор, польского государства Юзеф Пилсудский имел право в полной мере **отождествлять себя с Центром этого государства.**

Чем, как не позицией этого Центра, можно объяснить тот факт, что в 1920 г. **в Польше были приняты совершенно нереальные нормы питания для советских военнопленных?** Эти нормы в польских лагерях повсеместно, видимо целенаправленно, не соблюдались, хотя в Польше голода не было. В Советской России в это время люди голодали, но польские военнопленные от голода не умирали.

В Польше же в желудках умерших от голода пленных красноармейцев, а таких были не сотни, а **тысячи, при вскрытии находили сено, траву.** Польская охрана, если, как утверждают, и она голодала, подобного в пищу не употребляла.

Вся “показуха” с гуманными инструкциями и нормами в Польше Пилсудского утверждалась в расчёте на международное общественное мнение и международные комиссии. В итоге наличие этих инструкций и норм **позволило замаскировать нечеловеческие условия содержания, созданные для пленных красноармейцев в польских лагерях.** Известно, что по части подобной маскировки бывший социалист Пилсудский был большой мастер. Неудивительно, что его методы маскировки истинных намерений до сих пор вводят в заблуждение некоторых российских политиков и историков. Ну, а поляки даже не желают слышать о преступлениях пилсудской военщины.

Не случайно, когда весной 2010 г. российское руководство начало новый покаянный виток за Катынь, польская позиция в отношении пленных красноармейцев не изменилась. Между тем весной 2010 г. промелькнула информация о том, что по случаю 90-летия польско-советской войны в Польше пройдут **совместные российско-польские траурные церемонии в местах массовой гибели советских военнопленных.** Но они так и не состоялись. А ведь именно в октябре–декабре 1920 г. отмечалась самая большая смертность среди пленных красноармейцев. Видимо, российское руководство этот вопрос не особенно волнует. Как не волнует и то, что в этих местах **нет ни одного достойного российского мемориала, посвящённого трагическим событиям 1920 г. и гибели соотечественников, как красных, так и белых.**

Единственный скромный памятник в Польше, посвящённый 22 погибшим в 1920 г. красноармейцам, был с большими трудностями открыт осенью 2010 года в небольшом польском городке Оссув под Варшавой. Его открытие дважды срывали польские вандалы. Но, тем не менее, его открыли. **Посещение российским президентом этого памятника стало бы ярким подтверждением того, что Россия помнит своих соотечественников.** Однако поляки предпочли не включать посещение памятника в Оссуве в программу визита Медведева, а российская сторона не настояла на этом.

В итоге президент ограничился тем, что в ходе совместной с президентом

Польша пресс-конференции заявил, что сложности в отношениях Польши и России относятся и к периоду до Катыни. *“Я имею в виду гражданскую войну в нашей стране, когда десятки тысяч красноармейцев, которые оказались в Польше, пропали или погибли. И по этим вопросам также нужно вести диалог”.*

В завершение темы вопрос для размышления. Может ли Россия надеяться, что польский Сейм в ответ на заявление Госдумы сделает аналогичное заявление в отношении 80-ти с лишним тысяч пленных красноармейцев, погибших в польских лагерях вследствие создания диктаторским режимом Пилсудского условий, несовместимых с жизнью?

Американская Катынь

То, что Польша с давних времен славится своим неординарным отношением к историческому прошлому, общеизвестно. Но её претензии к России поддерживают так называемые “цивилизованные” страны. Среди них следует отметить крайне жесткую позицию Соединённых Штатов Америки в отношении покаяния России за Катынь.

В начале 1950-х годов в США была создана так называемая “комиссия Мэддена”, которая, заседавшая на Капитолийском холме, пришла к выводу о “безусловной” вине СССР за расстрел поляков в Катынском лесу. 12 июня 2008 г. на открытии **“Памятника жертвам коммунизма”** в Вашингтоне Президент США Д. Буш-младший в числе основных преступлений коммунизма назвал Катынь.

В то же время только перечень преступлений самих США против человечности занял бы не одну страницу. Недавно сайт WikiLeaks нанес серьёзный удар по престижу Америки, опубликовав тысячи документов из американского афганского досье. Но эта лишь незначительная доля тех преступлений, которые за последние сто лет совершила американцы.

Однако администрация США это не волнует. В США уверены, что во имя безопасности Америки допустимы любые действия, в том числе и бесчеловечное обращение с военнопленными, которых пытаются и убивают в американских тайных секретных тюрьмах, разбросанных по всему миру. Поэтому мы поговорим о **ситуациях, аналогичных Катыни.**

В этой связи следует обратиться к вопросу о том, уморили ли американцы в 1945 г. голодом и холодом миллион сдавшихся в плен немецких солдат? Что можно сказать по этому поводу?

Весной 1945 г. в плен к американцам и англичанам попало примерно 5 миллионов солдат вермахта. Как впоследствии выяснилось, **1,5 миллиона из них бесследно исчезли.** Об этом свидетельствует доклад Красного Креста ФРГ, подготовленный в 1950 г., и обращение канцлера ФРГ (в 1949–1963 гг.) Конрада Аденауэра в Госдепартамент США по поводу их судьбы. Ответа канцлер так и не получил, так как **военный архив США в октябре 1945 г. уничтожил все анкеты с данными на пленных немцев!** Весьма странная поспешность.

Цифру в миллион погибших немцев в американском плену можно оспаривать. Вероятно, что из полутора миллионов пропавших немцев по домам было отпущено более чем полумиллиона. Возможно. Но как следует в таком случае понимать явную подтасовку американцами данных о смертности пленных немцев? Согласно данным военной администрации США, в американских лагерях в 1945 г. умерло всего около 10000 пленных немцев. Американский историк Альберт Каудри, претендующий на истину, “вывел” цифру в 56285 умерших в американском плену немецких солдат. Однако если учитывать, в каких условиях содержались пленные немцы, то и эта цифра на порядок занижена.

Несколько слов о так называемых американских лагерях для военнопленных. Это были **огороженные участки полей, на которых не было никаких построек.** Пленные спали прямо в грязи и фактически не получали пищи. Об этом свидетельствовали немцы, кому удалось выжить в этом аду. Примерно **в таких же условиях содержались летом и осенью 1941 г. 3,2 миллиона красноармейцев, попавших в немецкий плен. Из них за полгода вымерли 2,0 миллиона.**

Однако США упорно продолжают отрицать факт своего военного преступления – массовой гибели пленных немцев в американских лагерях в 1945 г.

О расследовании и покаянии речь не шла ни в 1950 г., ни сегодня. Поэтому отношение американцев к побеждённым и пленным остаётся традиционным.

В 2004 г. мировую общественность потрясли кадры пыток американскими военнослужащими заключённых в иракской тюрьме Абу-Грейб. Однако существует ещё одно преступление американской военщины, которое США удалось замолчать. В 2002 г. депутатам Европейского парламента был показан документальный фильм британского режиссёра Джейми Доран **“Резня в Мазаре”**. В нём рассказывалось о судьбе **8 тысяч афганских талибов, в ноябре 2001 г. сдавшихся в плен американцам**. Их отправили в морских грузовых контейнерах в тюрьму Шебергхан на северо-западе Афганистана, контролируруемую США.

В каждый из контейнеров, по свидетельству очевидцев, запихивали по 300 заключённых, а когда они кричали, то по контейнерам открывали стрельбу. Оказавшийся у здания тюрьмы таксист утверждает, что видел, как из контейнеров текла кровь. По пути в тюрьму погибли около 4 тысяч талибов – многие от удушья. Тогда американские офицеры приказали отвезти и трупы, и умирающих людей в пустыню, а затем уничтожить контейнеры, чтобы их не засняли спутники.

Тем не менее, операторам фильма удалось снять большие участки песка, покрытые коркой спёкшейся крови, человеческие кости, куски одежды. Создатели фильма утверждают, что в общей могиле могли быть захоронены тысячи жертв (*“The Guardian”*. 13.06.2002). Евродепутаты были в шоке. Они потребовали независимого расследования этой **“американской Катыни”**. **Но прошло 8 лет, и... тишина!**

Однако если бы в Афганистане подобное преступление совершили советские солдаты из ограниченного контингента, то эта тема все 8 лет была бы на устах американских конгрессменов. Это естественно, так как Америка давно живет по двойным стандартам.

В этой связи невольно напрашивается ещё одна историческая параллель. В канун Второй мировой войны Сталин создал буферный пояс безопасности вдоль границ СССР. Сегодня это вменяется ему как смертельный грех. Но те же США **сталинскую политику довели до абсолюта**. Они объявили зоной ответственности и безопасности территорию всего земного шара.

И вот сейчас Россию принуждают к покаянию за сталинские грехи, а аналогичные действия Америки преподносятся, как защита демократии. Вышеизложенное свидетельствует о том, что в мире, где **“музыку заказывают” США, покаяние России нужно только для того, чтобы ей в очередной раз указали “место”**. Но одно дело признать очевидную и доказанную вину. А каяться за не доказанное в суде преступление, да ещё несколько раз подряд, это явный нонсенс.

* * *

Каков же выход для России из катынского тупика? Нет сомнений, что в случае следования России прежним курсом катынское преступление и волокита при его расследовании **навсегда лягут чёрным пятном на польско-российские отношения**.

Недопущение этой ситуации возможно лишь в случае, если российское руководство примет трудное, но крайне нужное **политическое решение о возобновлении расследования уголовного дела № 159 по вновь открывшимся обстоятельствам**.

Новое расследование Катынского дела будет неполноценным, если не будут **рассекречены все архивные материалы, имеющие какое-либо отношение к катынскому преступлению**. А далее в рамках возобновлённого следствия следует тщательно и беспристрастно исследовать **все свидетельства и факты, проработать все версии**, имеющие отношение к истинным обстоятельствам гибели польских граждан на территории СССР в период Второй мировой войны.

По завершении следствия представляется целесообразным **рассмотреть Катынское уголовное дело № 159 в открытом суде столь беспристрастно и всесторонне**, чтобы ни у кого, ни в Польше, ни в России, в будущем не появилось ни малейшей возможности на нём спекулировать.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил Никифорович Полторанин — личность яркая и, что называется, неоднозначная. Потомок раскулаченных крестьян, журналист, доверенное лицо Бориса Ельцина в первые годы его правления, министр печати, вице-премьер.

Вроде бы законченный ельциноид. Однако в середине 90-х Полторанин резко порывает с ЕБН. Запускает в обиход словосочетание “лагерный иврит”, характеризующее, по его словам, “стиль массовой информации современности”. С восторгом отзывается о русских писателях — Валентине Распутине, Василии Белове, Юрии Бондареве, Викторе Астафьеве. Ещё будучи в правительстве, Полторанин поддерживает выдвижение Бориса Миронова на пост председателя Комитета РФ по печати. Спустя несколько лет протеже Михаила Никифоровича станет самым яростным обличителем российской власти, будет арестован — вместе с сыном Иваном Мироновым, проходившим по делу легендарного полковника В. Квачкова. Сам Полторанин так далеко в своём противостоянии власти не заходил. Но помогал опальному генералу Льву Рохлину, вынашивавшему планы отрешения от власти первого президента России.

О дружбе с Рохлиным Михаил Никифорович подробно рассказывает в только что опубликованной издательством “Алгоритм” сенсационной книге “Власть в протиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса”. С любезного согласия автора журнал публикует фрагмент главы, посвящённой Л. Я. Рохлину.

МИХАИЛ ПОЛТОРАНИН

ЛЕВ РОХЛИН, ИЛИ ОТКРОЙ, СТУЧИТСЯ СТАЛИН!

С генералом Рохлиным я раньше не был знаком. Знал из прессы, что это успешный и авторитетный командир Восьмого гвардейского корпуса, лучше других проявивший себя в Чеченской войне. Ельцин награждал его Золотой Звездой Героя, но он отказался: за гражданскую бойню стыдно получать ордена.

Интеллектуальные инвалиды от власти всегда подсовывали себе под мышки костыли из ярких личностей. Вот и Виктор Черномырдин, “паровоз” блока “Наш дом — Россия” (НДР), включил Льва Яковлевича в 95-м на парламентских выборах в тройку лидеров федерального списка. У самого “паровоза” пару не было отродясь, и генералу пришлось тащить на себе в Госдуму весь состав с порожняком. Кое-как доволоч.

Когда мы с Рохлиным сдружились, я узнал, что он тоже родом из Казахстана: только не Восточного, а Западного — из Аральска. По журналистским делам мне не раз приходилось бывать в том краю. Более безотрадного места я не видел. Пески, такыры, солончаки. Летом за 40 градусов жары, а зимой под 40 — мороза: и непрерывные пыльные бури. Мелкий и солёный

песок забивает рот, уши, глаза. Даже выносливые казахи стараются не сесть на берегах пустынного моря.

Какой бедой занесло сюда после войны еврея, отца Льва Яковлевича, генерал сам не знал. Только всё-таки появился, подарил русской женщине Ксении Гончаровой двоих детей, потом заделал на прощание сына и тут же исчез навсегда. Мы еще пошутили на сей счёт с генералом: есть на Арале местечко Барса-Кельмес, что в переводе с казахского – “пойдёшь – не вернёшься”. Там якобы издавна хозяйничают НЛО. Не иначе, это придумали неверные мужики.

К чести Льва Яковлевича, он не отказался ни от фамилии, ни от принадлежности к отцовскому племени, что иногда пытались использовать его недруги. А он был начисто лишён каких-либо национальных предрассудков, осуждал деление человечества по расовым признакам, чем покорял нормальных людей.

Познакомились мы с генералом летом 97-го года. Я давно ушёл из власти и создавал независимую телекомпанию ТВ-3, испытывая на себе чиновничьи ухищрения в выколачивании подачек. Однажды зазвонил телефон.

– Михаил Никифорович? – спросил голос. – Это Рохлин Лев Яковлевич, председатель комитета Госдумы. Отношусь к вам с глубоким почтением и хочу встретиться.

К вечеру он подъехал в мой офис в Доме на Набережной, с небольшой кожаной папкой. У него было усталое озабоченное лицо, а во взгляде чувствовалось добросердечие. Спросил, почему я ушёл из политики, и выслушав, сказал: а вот его угораздило в неё влезть, теперь столько узнал потайного – душа за Россию болит. Высокие слова у Льва Яковлевича не звучали напыщенно.

Он был откровенен, мне показалось, до дна. И верил, что я этой откровенностью не воспользуюсь в дурных целях. Очевидно, получил гарантии от кого-то из наших общих знакомых.

Генерал не собирался в политику: военный должен заниматься своим делом. Но премьер Черномырдин, возглавивший НДР, уламывал: надо подпереть крепким плечом партию власти. Конечно же, в интересах России – своих интересов Виктор Степанович никогда не держал даже в мыслях. Премьер сказал, что это не за так: они с Ельциным сделают для Рохлина всё, что тот захочет. Возможно, подразумевались вилла на деньги “Газпрома”, машины, квартиры. А генерал попросил помочь в перевооружении своего гвардейского корпуса и обеспечить его офицеров жильём. К тому же, ни нормальных бань у солдат, ни столовых.

Это мелочи для правительства, сказал ему премьер-вербовщик. Всё будет сделано, как только закончатся выборы. Пусть Рохлин находится постоянно на связи и контролирует выполнение.

Выборы прошли, и сколько ни пытался победивший Лев Яковлевич пробиться на приём к Черномырдину – всё впустую. По телефону его с премьером тоже не соединяли. О своих обещаниях Виктор Степанович тут же забыл. Ему было всё равно, кому крутить шарики – пенсионерам, шахтёрам или товарищу по предвыборному блоку. Во вранье он не уступал даже маэстро Ельцину.

Ну обманули, так обманули – генерал уж ни на что не надеялся. А встречи с премьером добивался как председатель парламентского комитета по обороне. У Льва Яковлевича накопилось к Черномырдину много вопросов. И не только к нему.

Ельцин с Грачёвым до зубов вооружили бородачей Дудаева и бросили против них молоденьких необученных русских ребят без нормальной огневой поддержки. (Помните, как грачёвские штурмовики бомбили в Грозном здание банка, скрывая чьи-то следы, а не оборонительные рубежи сепаратистов.) Полноценную артподготовку проводить было нечем – каждый снаряд на счету, как у Красной Армии в 41-м году. Проблемы с патронами, с транспортом для переброски боеприпасов и подкреплений.

За два дня (с 31 декабря по 1 января 95-го) в бездарной грозненской операции погибли полторы тысячи наших солдат и офицеров, ранения получили две с половиной тысячи. В Афганистане, где воевал Лев Яковлевич, даже за год таких потерь не несли. Ребята генерала брали дворец Дудаева тоже “на пупке”, но хитростью, вопреки дуроломным приказам из Москвы – потому и убитых были единицы.

Рохлин думал тогда, что наша Армия ещё с горбачёвской поры окончательно обнищала, если русскому солдату вместо патронов в бою приходилось использовать саперную лопату и штык. Но в Госдуме, затребовав у Минобороны документы и получив их, он сделал для себя безрадостное открытие.

Бородатые ваххабиты были вооружены для ближнего боя новейшими огнеметами “Шмель”, ПТУРАми, “подствольниками”, а наши пацаны с цыплячьими шеями сэкономили каждый патрон. И в то время, когда они истекали кровью, не дождавшись подмоги (поддатый Грачев сказал за рюмкой коньяка поддату Ельцину: “Мальчики умирали с улыбкой на устах”), со складов войсковой части 30184 в Моздоке отправляли самолётами Ил-76 и Ан-12 (68 рейсов!) 1300 тонн боеприпасов.

Из Генштаба Рохлину отписали, что эта секретная операция проводилась с ведома Президента РФ и “во исполнение решения Правительства Российской Федерации”. По указанию свыше Минобороны переправил в Армению также 50 новых танков Т-72, только что прибывших из Омска, 36 гаубиц Д-30, 18 гаубиц Д-20, 18 гаубиц Д-1, 18 систем залпового огня “Град”, 40 зенитных ракетных комплексов “Игла”, 200 ракет к ним, 12 600 артиллерийских снарядов и многое другое.

Передача вооружений Россией Армении – по версии властей, безвозмездная – проходила тайно, без заключения межгосударственных договоров, а командовала всем коммерческая фирма “PPP”, близкая к окружению Ельцина. Как это повлияло на масштабы гибели русских солдат в Чеченской войне, точно не посчитать. А вот финансовые потери страны генерал определил – более миллиарда долларов. Эти деньги достались околкремлевской мафии. На них, сказал мне Лев Яковлевич, можно было построить 30 тысяч квартир для военнослужащих.

На закрытом заседании Госдумы он озвучил эту информацию. Из Минобороны, из других закрытых ведомств к нему потянулись честные люди с новыми разоблачительными документами (некоторые данные он позднее передал мне). Генерал занялся расследованием урановой сделки Гор–Черномырдин и тайного вывоза в США золота, редкоземельных металлов, другого стратегического сырья. Оказалось, многие хранители дворцовых секретов, ошарашенные размахами грабежа народа, собирали по-тихому компру на “беспредельщика” Ельцина и ждали появления не болтуна-хитрована, а волевой порядочной личности, чтобы слить ей накопленное.

Рохлин ещё рассчитывал на мужской разговор с президентом, долго добивался с ним встречи. А кто он такой – ни олигарх с чемоданом “откатов”, ни посланец начальствующего Бнай Брита, ни даже поп-звезда напрокат, чтобы тратить на него время. Разговаривать с ним не собирались. Наоборот, генерала начали прижимать и травить в подневольной прессе. Он распространил обращение к Ельцину: “Вы обманули народ... Вы сдали свою армию...” В Кремле напряглись: это говорил не безвредный пушистый Зюганов, а боевой, авторитетный в стране генерал. За Ельциным стояли трусливые олигархи, готовые слинять за рубеж при первых раскатах выстрелов, и чинуши из Минобороны с большими карманами, набитыми “зеленью”, за Рохлиным – патриоты и все те, кто научился не бояться смерти в чеченской “зеленке”.

Зачем Лев Яковлевич пришел ко мне? Он поездил по регионам, побывал во многих гарнизонах: люди уже созрели для решительных действий, только ждали своего закоперщика. Безграничная наглость “семьи”, бесстыдство и жадность ее прихлебателей, растущие селевые потоки коррупции и бесправия достали народ. Рохлин задумал создать протестное “Движение в поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки” (ДПА) – искал сподвижников среди известных политиков-государственников. В его кожаной папке лежали черновые наброски Декларации ДПА, воззваний, уставных документов. Он хотел, чтобы я вчитался в них повнимательнее и привел в надлежащий вид. И еще он хотел, чтобы я стал членом ДПА.

Прямота Льва Яковлевича мне понравилась – не терплю криводушия в людях. Откровенность за откровенность: к тому времени я тоже окончательно понял, что продолжение ельцинского правления – катастрофа для страны. Но выковырнуть Бориса Николаевича из трона какими-то процедурными рычагами не получится. Во-первых, все рычаги Ельцин с олигархатом прибрал к своим рукам, а во-вторых, он плевал и всегда будет плевать на Конституцию: чуть что не так – разогнать, травануть газом. Расстрелять!

Рохлину я сказал:

– Я офицер запаса, командир артиллерийской батареи, но официально вступать в ДПА не намерен. Это нецелесообразно, это может повредить делу. Потому что многие помнят меня как человека из команды Ельцина и начнут подозревать ДПА в связях с Кремлём. Они же не знают наших отношений с президентом. Но я за ДПА и буду помогать вам всем, чем смогу. Я к вашим услугам!

Он оставил документы, над которыми мне пришлось основательно поработать. Потом мы встречались ещё, ещё и ещё – думаю, ФСБ вело подсчёт нашим постоянным контактам в течение нескольких месяцев. Он приводил ко мне для обсуждения перспектив ДПА ученых, полковников, генералов – в Госдуме за Львом Яковлевичем и его гостями уже присматривали вовсю.

Самым доверенным человеком у Рохлина был зять Сергей Виленович Абакумов – умница – успешный бизнесмен. Все свои деньги он вкладывал в дело тестя. (После убийства генерала его строительный бизнес разорили и не давали вздохнуть.)

Втроём мы прикидывали разные варианты. Готов ли Рохлин использовать ДПА как трамплин для избрания в президенты России – сторонников у него набралось бы достаточно? Страна нуждалась в своём де Голле. “Ни при каких обстоятельствах, ради такого не стоило разводиться бодягу с Движением” – это была твердая позиция генерала. (Да и кто бы дал ему возможность хотя бы зарегистрироваться кандидатом!) После убийства Льва Яковлевича борзописцы от олигархата врали обществу: он задумывал военный мятеж, чтобы самому занять кремлёвский трон и стать диктатором. Говорю как на духу: это совсем не так. Рохлин вообще не помышлял о политической карьере (прикипел к армии) и деспотическими замашками не отличался – диктаторы не берегут так жизнь своих солдат, как это делал генерал на Чеченской войне.

Хотя именно такой человек, как Рохлин, лучше других подходил к роли диктатора, конечно, в хорошем понимании этого слова, к роли объединителя и спасителя нации. Он прошел все войны, нанюхался горькой правды в окопах, поднимал ребят и ходил вместе с ними в атаку под пулями. Как ел в молодости щи из солдатского котелка, так и в звании генерал-лейтенанта, в должности комкора и председателя думского комитета не нажил себе никаких капиталов. Альтруист, готовый лечь костями за интересы народа. И люди были готовы идти за ним. Как раз такие диктаторы выводили свои страны из разрухи в процветающие державы – через мобилизацию нации, через индустриализацию, через беспощадное отношение к воровству и коррупции.

Да, он горел желанием и ставил своей целью отстранить “семью” от власти, чтобы предотвратить окончательное крушение России. Отстранить, принять участие в формировании Комитета Национального Спасения (КНС) – и отойти в сторону. А уже КНС должен был по Конституции провести демократические выборы президента, за которыми вчерашние хозяева страны – нувориши с шакалей завистью следили бы из тюрем или из зарубежного далека. Чубайсам с чубайсятами, наверно, страшно подумать, что ельцинский помазанник на царство мог пролететь мимо трона, как продовольственные деньги над Петербургом, доверенные Путину для спасения горожан в 91-м.

Рохлин согласился, что члены ДПА должны располагаться на двух уровнях. На первом – это открытое политическое движение, где собраны офицеры запаса, родители солдат срочной службы, казачество, интеллигенция, рабочие, шахтёры, моряки... Они участвуют в демонстрациях и других уличных акциях, не опасаясь “топтунов”. А на втором, как бы подпольном уровне – это тайная группа верных соратников из действующих генералов Минобороны, МВД, ФСБ и действующих командиров войсковых подразделений. Им нельзя засвечиваться на публике, чтобы сразу не угодить под ельцинский нож. Они должны контактировать только с лидером ДПА и готовить к общей операции свои участки.

К моему удивлению, среди действующих генералов и командиров войсковых частей нашлось немало решительных патриотов, готовых постоять за страну. Они поверили в искренность и способности Рохлина. (“Топтуны” президента работали спустя рукава, не обеспечивали хозяина Кремля точной информацией. После убийства Льва Яковлевича перепуганный Ельцин был вынужден провести массовую чистку командного состава “по площадям”: под нож попали причастные и не причастные.)

“Семью” ненавидели — что естественно! — те, у кого высасывал кровь этот спрут. Но даже некоторые попутчики Кремля не прочь были помочь генералу положить конец затянувшемуся “царству троглодита”. С одним знакомым банкиром я договорился о выделении для нужд ДПА крупной суммы. Поехали с Рохлиным в банк.

— Лев Яковлевич, — сказал я ему по дороге, — не раскрывайте полностью карты. Черт знает этих банкиров, вдруг в Кремль настучит. Скажите, что деньги нужны на газеты, боевые листки — на пропаганду идеей ДПА.

Кофе, французский коньяк, полутёмная комната, обнюханная секьюрити, — всё по западному стандарту. И приветливый хозяин, российский Ротшильд, без всякой фанаберии, с интересом взиравший на мятежного генерала. Рохлин изложил ему версию с пропагандой идеей, которую мы обговорили в машине.

— Что вы мне голову морочите — боевые листки, газеты, — завёлся банкир. — Не для этого генералы объединяются. “Семья” всех подняла против себя — какие еще призывы нужны? Я коммунистам устал давать деньги на их пропаганду — а толку? Где действия? Вы мне прямо скажите, сколько вам надо средств на гранатометы, на снайперские винтовки, на автоматы, на взрывчатку, чтобы поднять до неба кортеж. Я дам.

— Мы не террористы, — сказал ему Рохлин, — у нас легальная зарегистрированная организация. Мы пользуемся другими методами.

Они стали обсуждать детали финансовой помощи. Я их оставил, чтобы не мешать.

Что за манера у новых русских: чуть что, так сразу — взрывчатка. У генерала не было этих мыслей. Он опирался на признанное ООН право любого народа восставать против тиранической системы. Если хунта, узурпировавшая власть, перекрыла все демократические пути к смене режима, у нации не остаётся иного выбора, кроме как массовыми выступлениями, акциями неповиновения, всеобщими стачками прогнать поработителей.

Через дарительные ельцинские указы, через залоговые аукционы, через финансовые аферы олигархи рассовывали по карманам всё, что ещё не было разворовано. А рабочий люд, в том числе военнослужащие, месяцами сидел без зарплаты... Страна кипела. 23 февраля 98-го ДПА вывело на Лубянскую площадь больше двухсот тысяч человек. Рохлин сказал с трибуны, что Ельцина больше нельзя оставлять у власти. Кремль не решился посылать омовцев разгонять митингующих. Но к следующему разу дубинки готовились (и Рохлин эту информацию имел).

А в следующий раз — в конце лета — генерал с командой намеревались вывести на улицы ещё больше людей — приезжие шахтёры должны были занять места на Горбатом мосту и вокруг Белого дома. Требование: отставка президента и правительства.

И как только омовцы с дубинками начинали выдвигаться на позиции для атаки, в Москву вводились войсковые части. Министр обороны с другими ельцинистами отсекались от управления, командующие округов симпатизировали замыслам ДПА. А войска вводились для защиты народа от произвола властей и беспредела ментов. Читатель может легко представить себе поведение наших доблестных омовцев в такой ситуации, привыкших охаживать дубинками только безоружных людей... Руки вверх и возгласы: “Мы больше не будем, мы вместе с народом!” — вот их предсказуемая реакция.

По понятным причинам, я не любопытствовал сокровенными планами генерала: знал только то, чем он считал возможным делиться со мной. У них в армейской группе прошли дискуссии, какими должны быть конкретные действия. Ельцина решено было блокировать на даче — вырубить связь, электроэнергию, забить поمهками сотовые телефоны, обесточить ядерный чемоданчик — и принудить уйти добровольно в отставку, передав по Конституции полномочия премьеру.

А уже премьер с согласия спикеров верхней и нижней палат парламента, и выполняя волю народа, поручал ДПА совместно с другими политическими движениями сформировать временно, до новых выборов, Комитет Национального Спасения, а сам уходил в отставку. Армия не с ними, народ не с ними, на Абрамовичей где сядешь, там и сползешь, обмазав власть в дерьме окончательно — другого выхода у них не было. (“Власть валялась на дороге”.)

В процессе дискуссий вставал вопрос: а вдруг Ельцин попросит военной помощи у Запада, и НАТО отправит ему на выручку десантные части? Прези-

денту спровоцировать бои в столице России – раз плюнуть. Кто-то предложил: на первом же этапе операции предупредить Бориса Николаевича, что если натовцы засуетятся со спасительными мерами, по ельцинской даче наши военные лётчики отбомбятся по полной программе. Ельцин любил бомбить свои города, обстреливать свой парламент, но превыше всего ставил личную безопасность и безопасность драгоценной семьи. (К нему приходил во сне по ночам Ипатьевский дом в Свердловске.)

После принятия отставки от Бориса Николаевича ему с домочадцами давали возможность отбыть за рубеж, в жаркие объятия кураторов (естественно, без сундуков). На всякий случай военные продумывали, как перекрыть взлётные полосы московских аэродромов и вокзалы. Баловни режима Шаймиевы и Рахимовы (как это было в 93-м) могли попытаться послать “царю Борису” подкрепление. Все охранные структуры олигархов предстояло разрушить, распушить. Их провокации должны были безжалостно пресекаться. Словом, обсасывались мельчайшие детали.

Рохлина пасли всё плотнее и бесцеремоннее. Он приезжал ко мне в офис – один или с кем-то, и в колодце двора Дома на Набережной, напротив наших окон, сразу появлялись серенькие “Жигули”. Однажды мы проверили топтунов. Я попросил ребят позвонить мне с неподконтрольного телефона. Они позвонили:

– Генерал у тебя?

– У меня.

– Мы давно собрались и ждём вас, – соврали ребята.

– Всё, прямо сейчас выходим и будем у вас минут через 15–20, – тоже соврал я серьёзным голосом. Водить за нос “хвосты” меня научила ещё соборовская работа в “Правде” по Казахстану, когда республиканские власти донимали слежкой журналистов центральных газет.

Мы приникли к щелкам закрытых жалюзи и увидели, как “Жигули” тут же сорвались с места и переместились к парадному подъезду, чтобы “сопровождать” нашу машину.

К стене дома, рядом с моими окнами, топтуны прикрепили монтажную люльку. Она висела без дела, но как только приезжал генерал, в люльке появлялись двое “рабочих” со швабрами и, поднявшись до уровня моих окон, начинали лениво водить ими по стене. Что называется, откровеннее некуда.

Как-то я привёз к себе на дачу надёжных губернаторов, подъехал Рохлин – они стали обсуждать возможный состав КНС. Пока жена накрывала стол, я вышел на крыльцо: с левой стороны от дома и с правой, в переулках, уже стояли на часах две серенькие “усатые машины” “Жигули”. (От рассматривания персоналий в состав КНС я всегда старался держаться подальше. Возвращаться во власть отказался при первых же встречах с генералом. И считал, что в ней нечего делать всем, кто был в правительствах Ельцина–Гайдара–Черномырдина. Для ДПА я выступал в роли бескорыстного “сводника”.)

От моей дачи до дачи Рохлина в Клоково, если добираться напрямиком по берегу Десны, около двух километров. Дачей Рохлина она только называлась: её строил из дешёвых силикатных блоков зять Льва Яковлевича Сергей Абакумов. И обстановка в доме была спартанская: старые, когда-то, где-то спитые кровати и диваны – все деньги шли на “дело революции”.

По предварительной договоренности с генералом, без телефона, я уходил в лес, и там меня, как бы проезжая мимо, подбирала “Нива” с зашторенными окнами, завозила в гараж рохлинской дачи, из которого внутренняя дверь вела на цокольный этаж. Там располагалась просторная комната, обшитая вагонкой, со столом и деревянными лавками – за этим столом мы и работали.

На единственном небольшом окошке комнаты помощники Льва Яковлевича развесили алюминиевую фольгу – от прослушивания. Потому что напротив, через поляну, начинался лесок, и на двух крайних елях топтуны соорудили что-то вроде лабаза: посменно следили оттуда, не хоронясь, за домом. Когда меня подвозила “Нива”, я припадал на минутку к дыркам в фольге. На лабазе наблюдалось шевеление: топтуны тщетно пялились биноклями в сторону дома – кого же там чёрт притащил.

Однажды военный вертолёт, доставивший к Рохлину генералов, завис для остротки над краем леса и коснулся колесами верхушек деревьев, обжитых сексотами. Топтуны посыпались с лабаза, как горох. А генералы, выйдя из вертолёта, смотрели с поляны на них и похихатывали.

– Неаккуратно работаете, – сказал я Льву Яковлевичу словами Васькова из “А зори здесь тихие...”, – ох, неаккуратно.

Для своей затеи Рохлин был опасно доверчивым, даже беспечным. Скажем, приводил он ко мне пару раз генерала, а потом этот генерал выветрился из его окружения. Спрашиваю: “Где он?” – “Отказался дальше идти – семья, дети. Я ему верю, он порядочный”. Хорошо, что порядочный, только надо заранее определяться с психологическими возможностями соратников.

Или предложил один из губернаторов отвезти к себе в регион и спрятать на время в укромном месте жену и сына Льва Яковлевича – Тамару Павловну и Игоря. Ни в какую! Рохлин почему-то предполагал, что если Кремль решит его ликвидировать, то постарается чужими руками организовать бытовуху, скорее всего пьяную драку. “А я же теперь пить не могу”, – смеялся наивный Лев Яковлевич, весь израненный и заштопанный эскулапами. Сколько раз я сидел с ним в компаниях, он действительно плескал на донышко несколько капель водки, заполнял остальную часть рюмки минеральной водой и пригублял содержимое.

Впрочем, ничто не мешало харизматичному генералу двигаться к цели. Готовились к массовым выступлениям шахтёры, казаки, бюджетники. На середину июля были запланированы крупномасштабные военные учения в примосковской зоне. А противодействие недругов и “подставы” товарищей были Рохлину, как взрывы-сигналы петард на рельсах для машиниста тяжелого поезда: впереди опасный участок, нужна предельная внимательность. Генерал стал отходить понемногу в тень.

В предпоследнюю нашу встречу мы с ним не нашли общего языка. Он сообщил, что ему звонил по поручению Ельцина глава президентской администрации Валентин Юмашев, предлагал на выбор несколько высоких должностей, только бы Лев Яковлевич “завязал” с ДПА. Рохлин отослал его вместе с Борисом Николаевичем в знакомые всем места. Но не по этому поводу мы разошлись с генералом. Я спросил его, кого они в “генштабе” Движения наметили порекомендовать главой КНС на переходный период. И услышал неожиданный ответ: Юрия Лужкова. Мы пили чай за журнальным столиком, так я чуть чашку не уронил. Стоило ли огород городить: хрен редьки не слаще.

– Это же временно, – вскинул брови Лев Яковлевич. – Без использования инфраструктуры и поддержки столичных служб нам не обойтись.

Я пытался объяснить генералу, что московскому клану очень рискованно класть палец в рот. Лужковская группировка, основательно прополов столицу, давно рвется на российский оперативный простор. Как клещ во власть вцепится – не отдерёшь. Но слова мои на Льва Яковлевича не действовали. Может, потому, что он знал гораздо больше меня. И дальше смотрел.

Мы не встречались долгое время.

Как-то мне позвонили поздним-препоздним вечером. Мужской суховатый голос дважды переспросил: я это или не я?

– Да я это, я, что вы хотели?

Он, не называя себя, представился знакомым Василия (этим именем для конспирации генерал называл своих агентов в службе безопасности президента) и без всяких предисловий проговорил:

– Вас заказали. Отодвиньтесь от Рохлина.

Я сразу не врубился и спросил: как это понимать?

– Отодвиньтесь от Рохлина, пока не поздно. Больше говорить не могу, – и в трубку – короткие гудки.

Он так и произносил “отодвиньтесь!”, будто я у стенки стоял.

Предупреждение доброжелателя из старой коржаковской команды? Попытка нагнать страху? Не поймёшь. Или меня оберегали от Рохлина, или Рохлина от меня? Задали нам задачку.

Созвонился на всякий случай с генералом – мы встретились на открытом поле совхоза “Птичное”, мимо которого пролегал путь Льва Яковлевича на дачу, в Клоково. Как оказалось, это была наша последняя встреча. Внешне он был спокоен, но внутреннее напряжение чувствовалось. Я сказал ему о звонке. Он попросил меня быть осторожным и прекратить с ним временно все контакты.

Я буду передавать сейчас то – конечно, не слово в слово, – что говорил Рохлин дальше. Этим же, насколько мне известно, он делился со своим зятем Сергеем Абакумовым, а может быть, ещё с кем-то. Не могу ручаться за достоверность фактов: за что, как говорится, купил, за то и продаю. Но ута-

ивать последний разговор с генералом не имею морального права. Пусть он даже воспринимается как предположение.

Лев Яковлевич сказал, что, по информации его агентов из службы безопасности “семьи”, четвёрка в составе Бориса Ельцина, дочери-имиджмейкера Татьяны Дьяченко, руководителя администрации Валентина Юмашева и зама руководителя Александра Волошина обсуждали варианты устранения лидера ДПА. Любые решения – автокатастрофа или пуля снайпера в людном месте, – посчитали неприемлемым, опасным для власти. Нужно организовать хитрую бытовую загогулину, чтоб была с “изюминкой”.

Кому поручить?

Рассматривали кандидатуру зама руководителя администрации Евгения Савостьянова. В своё время он был начальником управления КГБ по Москве и Московской области. Вертели так и эдак – отклонили. Психологически не готов. Набрался правозащитного мусора, работая с Андреем Дмитриевичем Сахаровым и Гавриилом Поповым, а в КГБ его занесло случайным порывом ветра. Демократ и чистоплюй. А нужен гэбист бериевской школы.

Татьяна Дьяченко с Юмашевым сказали Ельцину, что есть подходящий человек с хорошей выучкой – Тихий. Таким псевдонимом (Рохлин до разговора со мной не вычислил его) они нарекли другого кремлёвского чиновника. “У него холодные глаза и холодный рассудок”. Работайте, сказал им Ельцин, сделает – рассчитаемся. Если надо, пусть подключит грушников.

– Я не остановлюсь, успеть бы, – сказал генерал. На том мы с ним расстались

Не знаю, работала ли кремлёвская чета, когда и с кем? Но как-то так получилось, что в те же сроки убить Льва Яковлевича решила её жена – Тамара Павловна. Мыкалась с ним годами по гарнизонам, стала генеральшей, супругой любимого публикой депутата – пожить бы в своё удовольствие, пошиковать, потусоваться на элитных приёмах. А муж по-прежнему довольствовался только зарплатой, не балуя семью, ввязался в борьбу с властью. Невыносимо! Вот, с точки зрения церберов олигархата, и мотив для убийства. Но это мотив для человека с холодными глазами и пустой душой, привыкшего к роскошеству, а не для женщины с большим ребёнком, у которой кроме жалованья главы семьи – никаких источников существования.

Правда, граждан малоимущих в современной России на всех ярусах власти встречают лишь холодные глаза. Нарофоминский судья, впаявший срок жене покойного генерала, прямо так и подводил её к тюремной камере в обвинительном приговоре: “В связи с тем, что Рохлин активно занимался политической деятельностью, а Тамара Павловна Рохлина в этом видела угрозу безопасности семьи, поэтому она его убила”. Помри, жрец ельцинской Фемиды, лучше не напишешь!

Как была история темной для современников, так и останется темной для наших потомков? Рука какого дьявола с холодными рыбьими глазами закручивала сценарий?

Об этом убийстве много писали, и время кое-что расставило по местам. Вдаваться в детали не буду, тем более Тамара Павловна на свободе. Напомню только, что ранним утром 3 июля 98-го жену генерала запугиванием и психотропными препаратами вынудили пойти на самооговор. (“Три киллера в масках внезапно возникли под утро на кухне, заткнули ей рот, затащили на второй этаж. Там, прчась за её спиной, подвели к кровати и в упор выстрелили из пистолета с глушителем в висок спящего генерала”. Провели манипуляции с наградным оружием – для отпечатков пальцев вдовы. Могли её рукой нажать на курок, чтобы сломать окончательно психику. Потом избили Тамару Павловну – экспертиза зафиксировала “телесные повреждения, нанесённые 20 различными травмирующими предметами: носками ботинок и кулаками” – и удалились. Она в шесть утра позвонила врачу сына Игоря: “Эти суки приказали взять вину на себя. Если не возьму, они расправятся с сыном и дочерью. Я всё беру на себя”. Взяла. Вскоре пришла в себя и одумалась.)

Власть торжествовала. Это чувствовалось по реакции “семьи” и её покоехранителей, по злорадству телекомпаний, подконтрольных олигархату. Гладко получилось. Они не стали делать даже приличествующую паузу – мол, следствие идет, разберемся. В то же утро Емельянов, помощник “человека, похожего на генпрокурора Скуратова”, ткнул пальцем для журналистов во вдову: вот убийца!

Шеф ФСБ Ковалев и шеф МВД Степашин, будто только что развеявшие по Галактике чеченских боевиков и сиявшие, как медаль “За победу...”, причалили на автокаравеллах к невзрачной рабоче-крестьянской даче Рохлина, брезгливо повертели носами – и к микрофонам: все ясно, генерала убила его жена. И никакой политической подоплеки.

Правда, налетевшие с ними ищейки тщетно рылись в чемоданах и ящиках. Дочь Льва Яковлевича Елена вспоминала, как раздавались в доме разочарованно-раздраженные голоса: “Говорили, что у Рохлина горы компромата, а тут ничего нет”. В думском кабинете генерала тоже прощупали сейф. С трофеями ребятам не повезло. Нашли дурака-охотника, чтобы он порох держал в сырых местах!

Наверно, и впрямь вдова Рохлина была недовольна бузотерством супруга. Наверно, говорила ему, как говорят в сердцах иногда жены полушутя-полусерьёзно любимым мужьям: “Я тебя когда-нибудь кокну”. Без всякого “наверно” ей хотелось пожить спокойно и хорошо. Но как жить в государстве с такой изуродованной властью? Моральную ряху этой власти она разглядела – до морщин, до волосатых бородавок – в прокурорских кабинетах, где допрашивали её.

Они, голубые мундиры – верные слуги олигархата – чувствовали свою безнаказанность. (Потом они, по заявлениям адвокатов, многократно нарушали закон, специально искажали смысл показаний в протоколах допросов.) В этих кабинетах Тамару Павловну впервые пронзила мысль, что тысячу раз был прав Лев Яковлевич, задумавший избавить Россию от ельцинского режима.

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

ПОГИБОША АКИ ОБРЕ

Замечательные слова эти сказаны в старейшей русской летописи о безвозвратно и бесследно погибшей Хазарии, разгромленной князем Святославом. То был огромный каганат, управляемый иудейскими ростовщиками и торговцами. Их было ничтожно мало, но они навязали свою веру народу и грабили их руками другие народы в свою пользу. В том числе и молодую Киевскую Русь. Такое противоестественное состояние не могло длиться бесконечно, хищнический каганат рухнул, исчезнув навсегда.

Так повелось в нашей истории изначально: смертельные враги, войдя в пределы Государства Российского, исчезали совсем и навсегда. Монголы, ведомые внуком Чингисхана Батыем, сожгли Рязань, Владимир и Киев, но вскоре исчезли “аки обре”, не оставив следа. Лучшая в мире шведская армия Карла XII была уничтожена в наших пределах полностью, домой вернулась горстка. Наполеон повел в Россию объединенную армию всей Европы и оставил ее в наших снегах, едва ускользнув сам. В приснопамятном семнадцатом году свирепая шайка космополитов-русоненавистников засела в столице и начала угнетать Русь, прицеливаясь потом на весь мир. И что же? Через каких-нибудь два десятка лет от них не осталось и следа, могил не сыскать. Погибоше аки обре. Гитлер обрушился на нас силами всего Европейского континента, дошел до Сталинграда. Домой пришли немногие.

Далее придется сказать нечто для некоторых неожиданное. В мерзкое ельцинское время он и его поделчики терзали страну вроде бы совсем недавно, однако вот странность – все исчезли из памяти, хотя лишь Гайдар и сам Ельцин померли. Ныне действующая россиянская Конституция была написана Шаббатом и Шейнисом, ни слова о русском народе там нет, давно раздаются громкие требования поправить это дело, а где авторы? Тоже ведь вроде бы живы... Истинно, аки обре. С ними вместе поучаствовал в составлении нашего “основного закона” тогдашний завлаб МГУ Шахрай, помните его? А Бурбулиса, бывшего доцента “научного коммунизма”, а потом “государственного секретаря” после беловежского сговора? Вряд ли помнит кто и Шумейко, скромного кубанского приборостроителя, ставшего волею нелепой судьбы Председателем Совета Российской Федерации. Затерялись и исчезли с лика страны эти государственные мужи ельцинского царства. Все живы и не бедствуют, но растаяли во мраке забвения, аки обре.

Надо напомнить, что в те времена произошло и столь же забытое, но не менее ужасное – “семибанкирщина”. (В Смутное время начала XVII века Русь осталась без законного царя, и возникла бессильная боярская олигархия – “семибоярщина”, которая едва не погубила державу.) Вороватые банкиры-олигархи после избрания на второй срок полубезумного алкаша в открытую рвались во власть. Газеты сообщали, как 2 июня 1998 года Ельцин принял банкирскую верхушку и выслушивал их наставления. Особенно наступал Гусинский, что “угроза распространения фашизма и националистических настроений очень опасна”... Имеются в виду, конечно, именно русские нацио-

нальные устремления, а не чеченские, чукотские, еврейские и все иные. Тот же Гусинский был тогда председателем Всероссийского еврейского конгресса и вице-президентом Всемирного, фигура! Будучи полным хозяином НТВ, он показал срамной антихристианский фильм. Даже покойный Патриарх Алексий просил наглого выскочку не оскорблять верующих, но он, разумеется, наплевал, и миллионы телезрителей узрели гадость.

Русский патриот Владимир Осипов подал на Гусинского в суд, слушание все-таки состоялось, автор этих заметок выступал там в качестве свидетеля. Адвокатом же был Генри Резник, ныне говорливый член Общественной палаты. Судья, молодая русская женщина, была явно запугана, вела слушание скованно, нам, конечно, отказали.

Где теперь самоуверенный олигарх-миллиардер? Посидел недолго в Бутырках, затем в более благоустроенных тюрьмах Греции и Испании, как-то выкрутился и даже купил дворец в Гибралтаре. Вроде бы неплохо устроен, но разве так он жил-поживал в Москве? Тут он командовал, властвовал, а вот всего этого теперь лишился навсегда.

Другой олигарх, Березовский Борис Абрамович, славен был на всю Россию, президентами и премьерами руководил, Первым телеканалом и “Независимой газетой” владел, четырежды вступал в брак, полдюжины детей заимел, а теперь вот простой эмигрант в Лондоне. Вроде бы как известный Герцен, но тот “Колокол” там издавал, подрывал устои Государства Российского, а этот – просто частное лицо. Правда, не бедное. Недавно русский патриот Проханов с нежной грустью описал, как сидели они с другом Абрамычем на веранде и любовались бескрайним парком, “где птицы щебечут и скачут олени”. Нет-нет, олени самые натуральные, которые разводят ему в усладу трудолюбивые британские лесники. Но олени есть, а власти нет.

Про остальных героев “семибанкирщины” напомним совсем уж кратко. Смоленский, обладатель поддельного диплома об окончании техникума, имевший в советские времена неприятности с правоохранительными органами, при Ельцине ставший, естественно, миллиардером, тихо отъехал в нейтральную Австрию и замолк. Ходорковский хорошо известен, несколько лет уже сидит в тюрьме, хоть в условиях неизмеримо лучших, чем миллионы несчастных русских зеков.

Зато его друг и соратник по ЮКОСу Невзлин пока на свободе. Он тоже, как и Гусинский, был во главе Всероссийского еврейского конгресса (везет же нашим евреям на честных руководителей!). Он предусмотрительно не явился на повторный вызов в прокуратуру и укрывался на исторической родине, бросив на произвол судьбы здешних евреев-конгрессменов. Писали о том, что ухватил с собой немалую толику русских денег, вроде бы не бедствует, но в Израиле встречен был не как герой. Российскому гражданину трудновато представить, что в Израиле евреи работают кочеगरями и плотниками, садоводами и овощеводами, – как все трудящиеся, воров они не ценят. А тут еще к своим, так сказать, стали прибывать заезжие из России. Там Гусинского даже в полицию таскали, почему и перебрался в далекую Испанию, а Невзлина многие требовали отдать под суд.

Скромно стал держаться ветеран “семибанкирщины” Потанин, прославившийся тем, что за гроши приобрел Норильский комбинат. Хотел было купить знаменитый английский футбольный клуб, но испугался стать рядом с юным Абрамовичем. Теперь ряды “олигархов” пополнил рослый и развеселый плейбой по имени Прохоров. Оба они почему-то считаются русскими, хотя это далеко не доказано. Прохоров посидел даже несколько суток во французском обезьяннике, вышел, сгоряча устроил грандиозный кутеж на крейсере “Аврора”, но после скандала притих.

Как видно, и миллиардеры тоже плачут. Пусть пока не на нарах, но всё же, всё же... Еще не погибоша, но отчасти пострадаша...

Зададимся в заключение неизбежным вопросом, как же выглядит мир знаменитых личностей в наши дни, кого славит всеисильное в распределении славы телевидение? В последние месяцы прогремело вдруг имя доселе неизвестного нам “олигарха” С. Полонского (по данным “Forbes”, миллиард баксов уже скопил, хотя всего 37 лет, там же и фото: как говорится, отнюдь не славянской внешности). Вырос, что характерно, “на берегах Невы”, потом, как и многие земляки, перебрался в столицу, здесь преуспел в деле строительства жилья для очень-очень богатых (ну, для простых людей сооружают только новые кладбища). Скромный такой богач, но вдруг его потянуло в гласность.

На некоем олигархическом “форуме” он с явной неопытностью в делах публичных брякнул, что три четверти его “россиянских” коллег по накоплениям “сидят на чемоданах”, посматривая в сторону аэропорта, и что вообще “в этой стране” все, кто не имеют миллиарда, должны идти... последние слова его в телепоказе запиликали (у нас беспрепятственно материться с “голубого экрана” позволено только Ксюхе Собчак).

В нынешнем Кремле благоволят к Абрамовичу, Вексельбергу и Дерипаске, ко всем прочим миллиардерам (недаром они у нас размножаются, как крысы), но тут, видимо, решено было отмежеваться, слишком уж нагло высказался неопытный “олигарх”. Выстрелили на этот раз из тяжелой кремлевской пушки: появился на телеэкране сам Сурков, считающийся там главным идеологом. Сообщил, что миллиарда у него нет, и он потому не собирается следовать совету Полонского, а затем строго осудил “сидящих на чемоданах”.

Чемоданы наших “олигархов”, может быть, пока здесь, но вот основные свои капиталы они давно перевели в разные экзотические края, а семьи отправили в американские или европейские особняки.

Впрочем, многие приобретают обширные имения здесь, не пренебрегают, так сказать, и своим отечеством. Ну, Никита Михалков вроде бы “частное лицо”, но есть приобретатели крупной собственности среди лиц вполне государственных. Вот нынешний глава “Газпрома” молчаливый Миллер решил превзойти сразу Людовика XIV и Петра Великого, создал под Москвой Версаль, окруженный петергофскими садами и фонтанами. Материалами об этой истинной “стройке века” заполнен интернет, появляется он и в печати. Как к тому относятся граждане страны, не станем говорить, но возникает самый простой вопрос: Алексей Борисович, зачем вам это? Вы же не фараон Хеопс, чтобы готовить себе при земной жизни убежище для жизни загробной?

Чехов, имевший скромное имение под Москвой, на собственные средства построил для окрестных крестьян церковь и больницу. Михалкову, Миллеру и всем прочим Дерипаскам такое не приходит в голову. Другие у них голы и сердца, и толковать с ними о том бесполезно.

Свой трудовой путь Миллер начал в Петербурге вместе с Путиным и Медведевым под опекой покойного Собчака. И вот город, “Газпром” и все упомянутые лица объединились в сооружении вблизи Смольного монастыря идиотского шиша в 400 метров высоты (великая пирамида Хеопса 150 метров). Опять же простой и совершенно законный вопрос: ребята, зачем вам это нужно? Уже сейчас люди ругаются на вас, а потом, если, не дай Господь, соорудите уродца, потомки проклинать станут. И вот вдруг – все волшебным образом изменилось: Медведев (напомним, наш президент) вдруг объявил, что, мол, сооружение шиша надо продумать. Интересно. Ведь все трое важных персон “Газпрому” не чужды, план строительства при них принимался и обсуждался, все урожденные ленинградцы, знают, как земляки ревниво относятся к облику своего города, и молчали все. Что же вдруг случилось?

За сиротский Петербург вступилось ЮНЕСКО, международная организация, как полагают, видимая часть невидимого мирового правительства. Оттуда было заявлено, что если петербургские власти испортят облик своего прославленного города, то их отлучат от международных субсидий, – по нашим нынешним меркам, наказание самое суровое. Медведев быстренько остудил строительный пыл недавних земляков. А что угроблены огромные деньги, изгажена земля, о том речь не шла.

Нет сомнений, что в Питере уберут когда-то уродливое чучело основателя города, поставленное в Петропавловской крепости при Собчаке. Как и сбредут с лица Москвы уродства Церетели и Шемякина.

Кто ныне самая модная знаменитость столичного телеэкрана? Ответ очевиден: больная и неуравновешенная молодая особа по имени Гай Германика. Большинство людей было возмущено гнусной “Школой”, растлевающей нравственность молодежи, но срамное зрелище растянули на 69 серий. И крутили по Первому каналу, то есть, как выражались раньше, “от имени партии и правительства”.

И ведь точно, получается вроде бы так: премьер одобрительно отозвался о “Школе”, президент ввел в Общественную палату скандальную любительницу похождений Тину Канделаки, а патриарх Кирилл даже не против был увидеть на заседаниях в храме Христа Спасителя расхристанную Ксюху Собчак. Полное единение светской и духовной власти. Но на благо ли это гражданам и прихожанам?

Нет ни малейших сомнений, что Гай Германика, Тина и Ксюха сгинут из людской памяти быстро и навсегда, оставив лишь серое пятно в душах некоторых современников. Погибоша аки обре.

АНДРЕЙ УБОГИЙ

ГОРЫ И ГОРЕ

ЗАМЕТКИ О ЧЕРНОГОРИИ

I

Сначала в названии этой страны мы слышим “горы”; потом, стоит больше узнать об истории южных славян, все отчетливее слышится — “горе”. И в итоге в душе остается сложно-двойное мерцание смыслов: сквозь признак внешний, отчетливый и характерный — действительно, Черногория, прежде всего, страна гор, — проступает еще и трагическое содержание.

Просматривая в Сети отзывы о посещении Черногории, можно заметить интересную закономерность: эту страну либо восторженно хвалят, либо ругают. То есть относятся к ней примерно так же, как и к России, великой восточной сестре Черногории: ее или любят, или ненавидят. Думаю, это же самое наблюдение касается всех славян вообще: в мире к нам почти нет нейтрального, тепло-хладного отношения.

Но не значит ли это, что мы — и Россия, и Черногория, и вообще все славяне — несем в своих судьбах, в своем бытии нечто глубинное, важное, то, к чему нельзя относиться спокойно? Не значит ли это, что мы несем некий трагический опыт, обозначаем особенный путь, который можно признавать или не признавать, хвалить либо хулить — но нельзя делать вид, что этого мирового пути, этой славянской трагической формулы просто-напросто не существует. Разумеется, формула эта — раз уж мы воспользовались выражением Пушкина* — мало похожа на математическую: неизвестных величин в ней куда больше, чем твердо известных, неопределенного больше, чем определенного, и решить ее, в том прямом смысле, в каком решают алгебраические уравнения, никому не под силу. Но несомненно, что ключевым словом в ней является слово “трагедия”.

Мало есть в целом свете народов, кому так знаком горький опыт трагедии, как он знаком славянам. А уж на Балканах череда непрерывных трагедий и бед, от войн до землетрясений, так часто вторгается в жизнь, что трагическое начинает казаться здесь чем-то почти обыденным. Не потому ли славян так порою чураются, так сторонятся — как будто боятся от них заразиться тем духом

---

* “. . . Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою; . . . история ее требует другой мысли, другой формулы. . . ” (Пушкин, “Второй том “Истории русского народа” Полевого”).

трагедии, что наполняет славянскую жизнь? Согласитесь, что люди не очень-то рвутся общаться с тем, с кем случилась беда: скорее, они избегают несчастного, как прокаженного.

Но ведь трагическое не просто вторгается время от времени в жизнь, как нечто чуждое и инородное; нет, трагедия и трагическое составляют само существо, саму суть человеческой жизни, выражают ее непреложную и беспощадную правду. Жизнь — это трагедия, то есть непримиримый конфликт, в котором, во-первых, каждый по-своему прав, и, во-вторых, все, в конце концов, погибают. Так что вопрос о смысле трагедии равен, по сути, вопросу о смысле жизни.

Вот мы и попробуем здесь, на Балканах — нет, разумеется, не разрешить этот неразрешимый вопрос — но хотя бы порассуждать о трагическом: понимая, конечно, что рассуждения в данном случае будут всегда неадекватны предмету, что трагический опыт надо переживать и преодолевать, а не только лишь рассуждать о трагедии, как о некоем нейтральном событии. Но, с другой стороны, и рассуждения могут дать многое. Они могут помочь осознать, как надо, в принципе, относиться к трагедии: избегать ли ее, или жить ей “навстречу”, осудить и отвергнуть весь этот трагический мир — или все же принять его, принять вместе с болью, и горем, и смертью?

II

В разговоре серьезном не обойтись без личного интереса и личного опыта — нельзя же лишь пересказывать то, что написано в книгах, — поэтому, думаю, будет уместно то, о чем я собираюсь сейчас рассказать.

Тема балканских славян вошла в мою жизнь еще в раннем детстве, и вошла вместе с Пушкиным. В жаркое лето 1972 года — люди постарше, наверное, помнят, как тем летом горели торфяники по всему Подмоскovie — наша семья обитала в палатке на берегу Угры. Место было очень красивым — река, песок, сосны — и те две недели, которые я, восьмилетний, провел вместе с матерью и отцом, запомнились, как совершенно блаженное, райское время. Можно сказать, что все светлое в детстве, все безмятежное, лучшее в нем — было, как в фокусе, собрано и сгущено в этих двух незабвенных неделях полнейшего детского счастья.

Но это же самое время до сих пор вспоминается, как самая первая встреча с трагическим. Дело в том, что единственной книгой, которую отец захватил на стоянку, был том Пушкина; и я, восьмилетний, в ту пору много и жадно читавший, раскрыл эту книгу как раз на “Песнях западных славян”. Я был тогда потрясен и испуган, растерян, смущен — и сейчас, спустя почти сорок лет с той поры, я вполне сознаю: именно там и тогда, в то жаркое лето, незримая, но какая-то очень глубокая трещина надорвала мне сердце.

Представьте: вот я живу в совершенном раю. Мир прекрасен; мои мать и отец — разумеется, лучшие люди на свете; жизнь в палатке похожа на сказку — чего стоит один только запах брезента, нагретого солнцем! — и все впечатления мира так свежи и новы, что вызывают в душе непрерывный восторг. Вот, скажем, костер и сосновые шишки — которые, если их бросить на угли, становятся нежно-малиновые, полупрозрачны... Вот песчаные осы: словно танцующая, они роют норки в сыпучем обрыве, и я часами могу наблюдать этот их грациозно-причудливый танец... А короткие грозы и стрекот дождя по натянутым скатам палатки? А купанья в Угре, чьи чистейшие, теплые воды проносили тебя над песчаной отмелью — прямо в руки отца, который, смеясь, учил тебя плавать? Словом, жизнь была так хороша, как она может быть хороша только в детстве.

И вот я открываю том Пушкина — о котором я уже твердо знаю, что это прекраснейший, светлый поэт, самый лучший из всех, кто когда-либо жил на земле — и читаю, к примеру, историю Феодора и Елены. Вкратце напомним сюжет. Старый Стамати, отвергнутый молодою Еленой, решает ей отомстить. Некий жид его учит: надо поймать на кладбище черную жабу, исколоть ее иглами, напоить эту тварь ее собственной кровью — а потом дать ей облизать спелую сливу. Так злодеи и делают — и сливу, под видом подарка, передают Елене. Красавица, ни о чем дурном не подозревая, съедает ее — и чувствует, как в животе у нее кто-то шевелится...

*Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то ей будет от мужа,
Как воротится он из-за моря!*

Действительно, возвращается Феодор, в пылу гнева отсекает голову загулявшей, как он уверен, жене – а потом решает достать из ее чрева живого младенца, чтобы, когда тот подрастет, увидеть, на кого ребенок похож, и уж тогда сполна отомстить совратителю. Но в утробе жены вместо ребенка – шевелится черная жаба... А мертвая голова Елены, размыкая уста, произносит:

*“Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили”.
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться...*

Что же это? Зачем Пушкин передает нам все то ужасное, темное, страшное – что, казалось бы, надо навеки упрятать от глаз, постараться об этом забыть, как мы забываем ночные кошмары? И каково же все это было читать восьмилетнему мальчику? Зачем, только-только его восхищенному взору открылся земной, полный радостей, рай – была тут же показана черная трещина ада?

И предо мною впервые, во весь свой чудовищный рост, встал этот страшный вопрос: в чем же истина жизни? И вообще, что есть жизнь – в ее сути, в ее наготе? Неужели все то, что я вижу вокруг – река, солнце, сосны, веселые лица родителей – есть всего лишь мираж, оболочка, есть некий обман, который до времени лишь прикрывает жестокую, черную суть бытия?

III

Спустя сорок лет я оказался в тех самых местах, где зародились сюжеты “Песен западных славян”* – и тема славянской судьбы и славянской трагедии вновь вошла в мою жизнь.

С одной стороны, Черногория – это, конечно же, рай. Особенно Адриатическое побережье: неостанет ни красок, ни слов, чтоб вполне передать красоту здешних мест. Если представить себе всю театральную пышность субтропиков – скажем, нашего черноморского побережья Кавказа – все эти пальмы, магнолии и олеандры, все величие гор, подпирающих небо, почувствовать животворящую влажность тепличного здешнего климата – а потом взять да вспомнить любимый наш Крым – “Разрывы круглых бухт, и хрящ, и синева, и парус медленный, что облаком продолжен...” – то вот как раз побережье Черногории объединяет в себе самое лучшее и характерное от Кавказа и Крыма, от картинности первого и благородства второго.

Море? Оно здесь прекрасно – и для пловца, и для рыбака, и для созерцателя: например, если ты созерцаешь его, сидя за столиком какого-нибудь ресторанчика в старом будванском порту. Перед тобою тарелка тушеных кальмаров, графин “Грошевины” (отличное местное белое); чуть дальше, по набережной, вышагивают красотки, одна соблазнительнее другой; еще дальше, в бухте, сонно качается лес яхтенных мачт, словно связанных между собой сложным кружевом вант, и слепящие блики играют на белых бортах катеров – а совсем уж вдаль, за всем этим пестрым столпотворением порта, до самого горизонта разлито горячее масло морской, отражающей солнце, лазури. Кажется, целую вечность можно сидеть в этом знойном блаженстве, в полуденной неге и слушать говор разноязыкой толпы, сложно смешанный с плеском, с дыханием адриатических волн...

А старые города побережья – Котор и Будва, Герцег-Нови, Пераст? Их облик сложился в пору венецианского ренессанса, в эпоху расцвета ремесел, торговли, искусств, и, на теперешний взгляд, каждый адриатический город – своего рода брешь, пробитая в густо слежавшемся времени, прямым из сегодняшних дней в европейское средневековье. По узким ветвящимся улочкам

* То есть, говоря строго, южных: западными принято называть поляков, словаков и чехов.

бродишь, как в воплощенном, сложно запутанном сне, где соблазны и страхи поджидают за каждым углом и где сердце поэтому бьется все чаще, взволнованней — в такт растерянным и торопливо стучащим шагам. Возможно, что толкователь снов Зигмунд Фрейд и сказал бы что-нибудь по этому поводу: во всяком случае, желание снова и снова сворачивать во все более сумрачно-узкие щели меж старых домов становится здесь, в самом деле, маниакально-болезненным и почти что неодолимым.

Вообще, побережье — ривьера, как принято здесь говорить — так дышит соблазнами, так наполнена ленью и негой, что вся черногорско-приморская жизнь представляется неким дрящимся праздником, непрерывной усладой для тела и взгляда.

Правда, есть Черногория и совершенно другая: суровая, горная, труднодоступная. Там, в горах, аскетом быть столь же естественно, как естественно быть сладострастником на побережье. Трудно даже поверить, что в обжитой современной Европе еще сохранились места, которые в долгие зимние месяцы вовсе теряют связь с “большим” миром — лавины перекрывают дороги — поэтому и продукты, и топливо, и медикаменты запасают там с осени, а уж если кто-то зимою всерьез заболел, то уповать остается лишь только на милость Господню. Там, в горах, и хоронят-то, кстати, покойников рядом с домами, в “породичных” склепах-гробницах: так что мертвые в черногорских деревнях, можно сказать, охраняют живых — а живые не забывают о мертвых.

Если горную Черногорию и можно назвать словом “рай”, то это рай аскетический, строгий, суровый. Здесь почти нет плодородной земли, очень мало воды — приходится собирать и хранить дождевую — и райские здесь только виды: они, в самом деле, ошеломляют. Горы, покрытые лесом, орлы, что кружат над ущельями, ключья тумана, ползущие над каменистою осыпью склонов, а внизу, под извилистым серпантинном дороги — будто светится бирюзовая лента реки... Здесь действительно очень красиво, и здесь чувствуешь, как душа наполняется гордостью за человека. Оттого ли, что люди обжили-таки эту всю неприступную горную красоту, оттого ли, что черногорцы никогда и никем не бывали полностью покорены — с ними так и не совладали ни турки-османы, ни Гитлер, ни Наполеон* — или, может быть, оттого, что облик людей соответствует здешней природе? Коренные, настоящие черногорцы худы, изможденно-суровы — это народ воинов и пастухов, — и недаром же Черногорию издавна называют славянской Спартой. Меж обвислых усов черногорца непременно дымит сигарета — кажется, он с ней родился — взгляд обычно сощурен, а кожа смугла и обветрена. Но удивительно, как, несмотря на суровую внешность, добродушны, радушны и веселы эти люди.

А уж какие здесь девушки — это надо увидеть своими глазами! Они все высокие, стройные, темноволосые, со смугловато-оливковой кожей и с поразительно чистыми, радостно-ясными лицами. Недаром сказал один мой товарищ своему повзрослевшему сыну: “Паша, невесту привозишь — только из Черногории!”

Но, говоря о характере черногорцев, мы сразу же видим противоречие. При всей суровости здешнего быта — а значит, при необходимости много, усердно работать, чтобы как-то себя прокормить в этих горных краях — черногорцы, похоже, на редкость ленивы. Я поначалу не очень-то верил себе, наблюдая, как множество местных мужчин день-деньской просиживают за столиками кафе. Ну, мало ли, думал я: всё же это туристские трассы, и индустрия сезонных, сравнительно легких доходов не могла не сказаться на здешних нравах. Но, похоже, и в остальные сезоны, и даже вдали от туристов, черногорцы не очень-то рвутся работать.

Скорей, местный житель задумчиво подымит сигаретой, выпьет стопочку ракии да будет смотреть-созерцать, как кружатся орлы и как ключья тумана ползут по лесным склонам гор... И вот подтверждение этим моим — неизбежно поверхностным — наблюдениям путешественника. По всему побережью, в бесчисленных сувенирных киосках продается любопытнейшая открытка: “Черногорские заповеди”. Эти заповеди настолько забавны и вместе с тем характерны, что я приведу их полностью.

---

*Отсылаю читателя к стихотворению “Бонапарт и черногорцы”: мало о ком Пушкин писал с таким восхищением, как о воинах-черногорцах.

“Человек рождается утомленным, чтобы потом всю жизнь отдыхал.

Люби кровать свою, как самого себя.

Днем отдыхай, чтобы ночью мог спать.

Не работай – работа опасна для жизни.

Если увидишь отдыхающего – помоги ему.

Работай меньше, чем можешь, а если вообще что-то и можешь – так пусть другой этим займется.

В тени спасение: отдыхая в ее объятиях, пока никто не умер.

Работа болезнетворна: чтобы не умер молодым, сторонись ее с раннего детства.

Если у тебя внезапно появится желание работать, тогда немедленно садись, успокойся – и это глупое желание улетучится.

Если увидишь скучающих и пьющих – присоединяйся, а если увидишь работающих, немедленно уходи: их нельзя беспокоить”.

Согласитесь: как ни шутейны эти все афоризмы, но ничего подобного, даже в шутку, не могло быть сказано ни о немцах, ни о китайцах – вообще ни о ком из по-настоящему трудолюбивых народов.

Пытаясь связать склонность к лени и созерцанию со спартанской суровостью здешнего быта, я даже придумал особый термин: “аскетическое эпикурейство”. К слову заметим, что сам Эпикур был как раз не развратником и сластолюбцем, как его иногда представляют, а настоящим аскетом: он не пил вина, не ел мяса, сыр позволял себе только по праздникам, и вообще жил как можно более просто и скромно. Так что, в определенном смысле, можно считать черногорцев истинными учениками и последователями великого грека.

IV

То, что Черногория – рай, очевидно для всех приезжающих в эту страну. Но за очевидностью и за фасадом скрывается много тяжелого и даже страшного. Судьба Черногории, как и вообще Балкан, горька и трагична. Здесь – место великого стыка религий, культур, языков; и это место напоминает кровоточащую рану, которая только-только подсохнет, затянется тонкою коркой, начнет вроде бы заживать – как вдруг, при чьем-либо неловком движении, этот струп снова сорван, края раны расходятся, и из нее вновь течет кровь.

Не буду перечислять все те трагедии, которыми полна история балканских славян, начиная с их поражения на Косовом поле; напомним лишь то, что во время последней великой войны, с 1941 по 1945 год, героически воевавшая Югославия по людским жертвам заняла третье место после Советского Союза и Польши. И до сих пор Балканы – самое кровоточивое место Европы: вспомним хотя бы бомбардировки Сербии и Черногории натовскими войсками в 1999 году.

Несомненно и то, что все периоды относительного благополучия и покоя, которые выпадали балканским славянам, были имперскими. Начиная с империи Александра Македонского, здешние земли входили во множество разных империй: и римской, и византийской, и империи турок-османов, и Австро-Венгерской империи Габсбургов. Но только в 1918 году славяне Балкан оказываются не под чужеродной, извне привнесенной, властью – но создают свою собственную, пусть и небольшую, империю: Королевство сербов, хорватов и словенцев. В 1929 году оно было переименовано в Королевство Югославия. Благозвучное это название – Югославия – столь милое нашему слуху и, видимо, столь ненавистное Западу, не выносящему даже намека на славянское объединение, просуществовало до 2003 года, но затем, увы, было стерто с карты Европы. Но оно не стерлось из людских душ. Достаточно сказать, что культовый современный кинорежиссер, мусульманин-босниец по крови и православный по вероисповеданию, Эмир Кустурица на вопрос о собственной национальности отвечает: “Я – югослав”. И достаточно посмотреть, как на черногорских заборах написано “Тито” – что, конечно же, выражает и ностальгию по временам Югославской империи, и одновременно надежду людей на сплочение южных славян. Многим все чаще является мысль, что без имперской “повязки”, которая как бы прикроет и стянет балканскую рану – этой многострадальной земле нельзя ждать исцеления.

Нам с вами даже трудно представить, насколько глубокие противоречия разрывают балканскую жизнь. Ведь мы в России, при всей трагедийности нашей истории, не знали, в сущности, ни настоящей религиозной розни между католиками и православными — а ныне проблема католиков-униатов как бы “вынесена” в сопредельную Украину — ни, тем более, мы не знали тех “алфавитных войн”, которые целые десятилетия не давали покоя Балканам. Поясню для тех, кто, быть может, не знает. Сербохорватский язык (основной на Балканах) с XIX века использует два алфавита: латиницу и кириллицу, или гяевицу и вуковицу, по именам их создателей, Людовита Гая и Вука Караджича. Естественно, что латиница ближе католикам, и именно этот алфавит принят в католических Хорватии и Словении; православным же сербам и черногорцам, понятное дело, ближе кириллица. Но сама ситуация, когда одна и та же народная разговорная речь может быть записана на бумаге двумя разными способами, посредством двух алфавитов — ситуация эта достаточно редкая, если не уникальная. И такая вот “трещина”, разорвавшая изначально единую сербохорватскую речь — не могла не сказаться на душах людей, на их отношении к миру, к соседям и даже к братьям по крови. Напряженность и сложность “внутрисемейственных” отношений балканских народов хорошо передает сербская поговорка: “Как войдет в избу католик проклятый — в морду ему дай, но квасом напои: все ж он не турок, а душа крещеная”.

V

Непросто что-либо понять, разобраться в конфликтах, противоречиях, спорах, какими доселе кипит вся балканская жизнь. Тут приходится или принять чью-либо узко-национальную точку зрения — но узкий, зашоренный взгляд как раз и приводит к кровавым конфликтам — или пытаться взглянуть на все “взглядом Шекспира”*.

В XX веке таким вот “балканским Шекспиром” стал прозаик из Боснии Иво Андрич. Это писатель огромного, мирового значения: Нобелевская премия, которую он получил в 1961 году за роман “Мост на Дрине” — лишь одно из формальных тому подтверждений. Андрич писал этот роман в годы войны, в самое тяжелое для Югославии время, когда Белград был оккупирован немцами; и во всей мировой литературе XX века немного найдется романов, полных такой горькой правды и силы, такой мудрости и благородства — каков “Мост на Дрине”. Это могучий, торжественный эпос — и одновременно свидетельство о балканской трагедии, имеющее высшую — то есть художественную — достоверность.

Поразительно, скажем, как сцена казни крестьянина Радисава, борца против турок, — символический центр, туго стянутый узел романа — при всем ужасе беспощадно показанных автором достоверных подробностей казни превращается в гимн человеку. Там есть одно место, которое, может, важнее всего для того, чтоб понять смысл трагедии. Радисав, посаженный турками на кол, мучается почти сутки; продлить его муки, не дать умереть быстрой смертью, и тем запугать сербов — очень важно для турок. И весь тот чудовищный день, пока Радисав умирал, люди не могли ни смотреть на казненного, но не могли и отвести глаз от страдальца, вознесенного высоко над шумящею Дриной. Когда же Радисав, наконец, испустил дух — “сербы облегченно вздохнули, словно одержали незримую победу...”

Вот это и есть настоящий катарсис, “очищение души через ужас и сострадание”, как объяснял Аристотель — это и есть тот высокий урок, который мы можем усвоить, соприкасаясь с трагическим. Смерть может быть и победой, преодолением трагического тупика жизни — именно такому отношению к смерти учит нас христианская вера.

Все творчество Андрича — это трагический эпос Балкан. Мало кто с такой трезвостью видел людей, понимал всю безмерную силу страстей, разрывающих нашу непрочную жизнь, знал ее, жизни, ужасы — но мало кто так же, как Андрич, сохранил и доверие, и живой интерес к человеку, мало кто с такой силой и твердостью принимал эту жизнь, как бесценный, хотя и трагический, дар.

---

* “Взглянем на трагедию взглядом Шекспира...”, — утешал Пушкин Дельвига после разгрома восстания декабристов.

И вот, продолжая имперскую тему, нельзя не сказать, что Иво Андрич, историк по образованию, дипломат по профессии — он был послом Югославии в Риме, Мадриде, Берлине — и великий писатель по дару, то есть человек, который, конечно же, больше всех знал и глубже всех понимал то, что мы называем “балканским вопросом”, — Андрич был убежденным империалистом, сторонником объединения южных славян в единое, умиротворяющее национальные противоречия, государство.

Конечно, империя не снимет и не разрешит всех трагических противоречий человеческой жизни — однажды родившись, человек обречен пронести свой, большой или малый, трагический крест — но империя может, по крайней-то мере, помочь нам сполна прожить наши жизни, осуществить и сыграть наши с вами трагедии в полную силу. Иначе мы можем напрасно, бездарно погибнуть еще в первом акте — так и не осознав ни своих ролей, ни общего замысла всей постановки.

VI

А теперь пора обратиться к пушкинским “Песням западных славян”, для большинства из нас, читающих русских — основному источнику знаний о балканских славянах.

Интересна история написания — и источники “Песен”. В примечаниях к этому циклу из 16 стихотворений Пушкин пишет, что он в 1829 году познакомился с книгой “Гузла, или иллирийские песни”. Судя по предисловию, это был перевод сербских песен, выполненный французом Проспером Мериме. Друг Пушкина Соболевский, лично знакомый с Мериме, по просьбе Пушкина отправляет тому письмо — и получает ответ, в котором французский писатель очень живо рассказывает о том, как он сочинил сборник “Гузла”. Оказывается, никакой это не перевод действительно существующих сербских песен, а исключительно плод поэтического воображения самого Мериме. Да и сочинены эти песни якобы наскоро, по одной-две в день, скучающим в ожиданье обеда писателем.

Конечно, Мериме здесь лукавит. Известно, что над сборником “Гузла” он работал очень серьезно, не менее семи лет — потому и сумел выразить душу другого народа, почти неизвестного тогдашней Европе, с такой достоверностью, что даже Пушкин был, по его собственному признанию, мистифицирован, но в “хорошей компании”. “Хорошая компания” — это Адам Мицкевич, который, также сочтя сборник подлинным, перевел одну песню “Гузлы” на польский.

Из 16 стихотворений, входящих в “Песни западных славян”, 11 действительно переведены Пушкиным из сборника Мериме, две взяты из собрания Вука Караджича “Сербские песни” — это “Соловей” и “Сестра и братья” — а три сочинены самим Пушкиным: “Песнь о Георгии Черном”, “Януш Королевич” и “Воевода Милуш”.

Выходит, что “Песни западных славян”, будучи, с одной стороны, несомненно произведением Пушкина — чего б не коснулись его взгляд и перо, все мгновенно преображается, дышит новою жизнью! — в то же самое время “Песни” являются совокупным продуктом творчества крупнейших писателей разных народов: француза Мериме, серба Караджича и даже, отчасти, поляка Мицкевича. Это придает “Песням” особую универсальность и полноту, особую “всечеловечность”. Тем более что и главная тема, ведущий мотив всего сборника — неизбежность трагедии — есть важнейшая тема, встающая перед любым человеком. Просто славяне так много всего пережили, так много узнали о горе и смерти, что славянский трагический опыт является глубочайшим, бесценным — буквально, оплаченным кровью — достоянием человечества.

Видимо, чувствуя и сознавая эту славянскую “всечеловечность”, чувствуя необходимость выразить некую общеславянскую формулу, Пушкин и посвящает свою “вторую” Болдинскую осень, осень 1833 года, размышленьям о судьбах славян. Не забудем, что другой шедевр этой же осени — “Медный всадник”. Эта поэма, вкупе с “Песнями западных славян”, выражает взгляд Пушкина и на Россию, и на славян вообще, на их нелегкие судьбы в Европе и мире.

Как устоять перед страшным напором стихий, непрерывно грозящих славянам? То враждебное, чуждое, злое, что угрожает славянскому миру, оно воплощается то в обезумевших водах Невы —

*Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась... —*

то в турецком нашествии:

*Вот взвилась из-за города бомба,
И пошли бусурмане на приступ...*

Как жить — в непрерывной осаде, в окружении наступающей смерти и тьмы? Ведь враждебные силы, грозящие нам, совершенно чудовищны, недолимы; недаром и в сборнике “Песен”, главным образом, мы читаем о смерти — но смерти особого рода: одолевающей, можно сказать, саму смерть.

В “Видении короля”, открывающем весь этот цикл, повествуется, как сербский король, обороняющий осажденный город от турок, ночью заходит в храм, и ему видится нечто ужасное: то, что с ним, королем, будет завтра. Храм завален трупами и залит кровью; рядом с султаном, усмевающимся на амвоне — изменник, брат короля Радивой. И султан, в честь победы, жалует Радивую кафтан (обыкновенный подарок султанов, поясняет нам Пушкин):

*Дать кафтан Радивую!
Не бархатный кафтан, не парчовый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного...*

Потрясенный всем тем, что он видит, король молится — видение исчезает — но главный-то ужас в том, что в реальности начинается то, продолженье чего король уже знает:

*Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вот взвилась из-за города бомба,
И пошли бусурмане на приступ.*

А последняя песня сборника, “Конь” (“Что ты ржешь, мой конь ретивый, что ты шею опустил...”) — очень похожа на первую: в ней вещий конь открывает хозяину его, леденящее душу, будущее.

*Отвечает конь печальный:
“Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж недолго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока”.*

Мотив предчувствия, предошущенья беды, несомненно, важен для Пушкина. Видимо, он не только для своих персонажей, но и для себя лично ждал мало хорошего в том, что ему несет будущее. И беды, и горести, и недалекая смерть — это все представлялось ему даже в самом счастливом, 1831 году,

когда он писал Н. И. Кривцову: “Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию...”

Предошущенье беды, убежденность в ее неизбежности есть важнейшая часть духовного опыта человека — и Пушкин настойчиво нам предлагает не прятать испуганных взглядов, не закрывать глаз руками, но твердо, смиренно и просто посмотреть на грядущее. В конце концов, сама удивительная способность предчувствия, возможность увидеть будущее с некой возвышенной точки, приподнятой над самодовлеющей злободневностью настоящего — говорит нам о том, что трагическая реальность преодолима. “Взгляд Шекспира”, та точка зрения, с которой творец озирает творение, открывает большой, исторический, над-человеческий смысл трагедии. Можно сказать даже так: способность предчувствия есть способность божественная. Ведь это для Бога не существует грядущего или прошедшего — но все совершается в вечно длящимся настоящим. И художник, предвидящий то, что еще не свершилось — он убеждает нас в том, что иллюзия времени преодолима, а значит и смерть, с точки зрения Бога, не так и страшна, как она представляется нам.

Предвидеть трагедию, знать о ее приближении и, тем не менее, жить ей “навстречу” — уже означает подняться над неизбежностью и победить. (Ср. у Паскаля: “Человек всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он — тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, — человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что расстанется с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает...”)

VII

Тема балканских славян зазвучала у Пушкина много раньше его второй Болдинской осени. Еще в 1820 году, в Кишиневе, Пушкин пишет стихотворение “Дочери Карагеоргия”. В нем он вспоминает легендарного вождя сербов Георгия Черного, получившего свое мрачное прозвище после того, как он убил собственного отца. Соединение в одном человеке качеств героя и одновременно злодея, нежного отца и беспощадного сына, который ласкает любимую дочь тою же самою рукой, какой он убил и отца, и родного брата — Пушкин, конечно, не мог не заметить такую редчайшую, крупную, противоречивую личность.

*Гроза луны, свободы воин,
Покрытый кровию святой,
Чудесный твой отец, преступник и герой,
И ужаса людей, и славы был достоин...*

Так и видишь: из строк, посвященных Карагеоргию, словно рождается еще один человек-легенда, еще один “преступник и герой” — Емельян Пугачев. Вполне вероятно, что образ великого русского бунтовщика, к которому Пушкин обратится спустя много лет — был “зачат” именно в 1820 году. В пушкинском Пугачеве, как и в Карагеоргии, мы видим соединение несовместимого: когда один и тот же человек может быть злобен и великодушен, весел и яростен, светел и темен, чудовищен и прекрасен — он может быть так же широк, необъятен, необъясним, как широка и парадоксальна сама наша жизнь. И поразительно, как, при всей непримиримой полярности противоречий, из которых слагаются личности и Карагеоргия, и Пугачева, они видятся нам удивительно цельными, подчиненными некоей внутренней логике слова и жеста — логике противоречия, если можно так выразиться.

Несомненно, что Карагеоргий и Пугачев — точнее, их образы, нарисованные пером Пушкина — так близки, так похожи один на другого, что можно считать их братьями. И несомненно, что личности вот такого крупномасштабного, противоречивого типа были Пушкину очень важны — ибо в них, этих личностях, не подходящих ни под какие обычные мерки, таится загадка необъяснимой, широкой, трагической, всегда сотканной из противоречий славянской души.

То, насколько личность Карагеоргия была Пушкину интересна, насколько загадку, сокрытую в ней, он считал важной для понимания сути славян вооб-

ще, подтверждает и то, что Пушкин посвящает Карагеоргию еще целых два (!) стихотворения. Одно так и называется “Песнь о Георгии Черном” (снова отсылаю читателя к “Песням западных славян”), а второе – это незавершенный отрывок “Менко Вуич грамоту пишет...” В нем речь идет о вражде двух предводителей сербов, Георгия Черного и Милоша Обреновича – вражде, в результате которой первого убивают по приказу второго.

Не будет большою натяжкой сказать, что образ пушкинского Пугачева – в идее, в замысле, в самом первом к нему приближении – был рожден на земле Черногории и принял сначала облик легендарного бунтовщика по имени Карагеоргий (подтверждением этого служит кишиневское стихотворение 1820 года) – а уж потом, спустя годы, Пушкин воплотил всю безмерную сложность бунтарской славянской души в ином образе, в самозваном государе-императоре Петре III.

Но вот что совершенно невероятно и что не могло быть придумано никаким, самым смелым, затейливым, хитрым умом – это то, что реальная жизнь, прежде чем разыграть трагедию под названием “бунт Пугачева”, провела “петицию” этой трагедии – и как раз на земле Черногории!

Дело в том, что в 1766 году, за шесть лет до появления самозванца в оренбургских степях, некий авантюрист по имени Степан Малый начал борьбу за черногорский королевский престол, объявив себя, ни много ни мало – русским императором Петром III. Екатерина Великая, возмущенная появлением лже-Петра на Балканах, посылает в Черногорию своего эмиссара, князя Долгорукова – с тем, чтобы тот разоблачил самозванца. Но Долгорукий, вместо разоблачения – и неизвестно, по каким мотивам – неожиданно признает в самозванце наследного русского императора. Народ Черногории горячо поддерживает авантюриста, Степан Малый становится королем и правит страной целых семь лет, пока его не убивает слуга, подкупленный непримиримым и вечным врагом черногорцев, турецким султаном.

Вряд ли, конечно, Емельян Пугачев, поднимая свой бунт и объявляя себя государем Петром III, знал об этих событиях в Черногории. Но несомненно, что нас с черногорцами, помимо родства по славянской крови и православной вере, связывают еще и истории бунтарей-самозванцев.

VIII

Вообще, трудно найти в целом мире страну, столь же близкую нам, как близка Черногория. Причем она нам близка не только по крови и вере, по сходству родственных языков – произносить фразы на сербском доставляет особое, прямо-таки физическое, удовольствие – но близка и по восприятию жизни как испытания, как неизбежной трагедии.

Но здесь нужна существенная оговорка. Вернувшись из Черногории и посмотрев свежим взглядом на своих соотечественников, поражаешься: до чего же у большинства из нас, русских, убитые лица и тусклые взгляды! В иные глаза и смотреть невозможно из-за гнетущей и мутной тоски, наполняющей их. Кажется, люди с тяжелою злобой, с тупым недоверием относятся сами к себе – а значит, с такою же недоверчивой злобой они относятся и ко всем окружающим. Радости – легкой, живой, непосредственной радости жизни – нет и в помине...

Совсем не то в Черногории: там лица именно светятся радостью. Несмотря на все трудности жизни, на все испытания, что выпали южным славянам на долю (а испытания эти, конечно, не кончились), несмотря на трагический фон и истории, и современности, черногорцы живут с добродушным и мудрым доверием к миру, с благоволением к людям, с тем твердым, спокойным достоинством слова и жеста – которого нам так, увы, не хватает.

Как же так вышло? Почему мы, русские, изо всех наших великих трагедий вышли опустошенными и полумертвыми – а наши братья-славяне остались живыми? Может, все дело в том, что сербы и черногорцы во всех многочисленных битвах, восстаниях, войнах, что выпали южным славянам на долю, сражались за самих себя – за свою веру и землю, язык и обычаи, за свою суверенную жизнь и свободную душу? А вот мы, русские, как это ни горько признать, сражались-то, большей частью – особенно в XX веке – против самих же себя. Мы крушили обычаи, веру отцов, разрушали уклад устоявшейся жизни, мы ломали язык и саму свою душу – и вот, в результате, мы стали таки-

ми, какие мы есть. Можно сказать, мы в очередной раз победили – но победили-то мы самих же себя...

И все чаще мне кажется: небывалая популярность отдыха в Черногории – а за последний год число побывавших здесь русских туристов выросло втрое – связана, может быть, даже не с тем, что мы, русские, едем сюда отдыхать – а с тем, что мы в Черногорию едем лечиться. Лечиться от собственной мутной тоски, от уныния и от угрюмства, лечиться – что самое главное – от нелюбви, неприязни к самим же себе. Мы рады увидеть – нам неожиданно видеть такое! – что в Черногории нас, русских, любят, причем любят живо и искренно, так, как мы уж давно разучились любить сами себя. Здесь часто приходится слышать вопрос-восклицание: “Русия? Славно, славно!” – и от этих, таких немудреных, но полных живого сочувствия слов начинаешь, вот именно, что выздороавливать.

Не забудем, что даже в Христовом завете – “Возлюби ближнего, как самого себя” – любовь человека к себе подразумевается как естественный и несомненный фундамент, основа нашего отношения к миру и людям. Человек, не осмеливающийся любить самого себя – это дефектный, больной человек, неспособный, вследствие этого, любить никого вообще, от соседа до Бога.

И как же тут, следом за Божьим заветом, не вспомнить и пушкинских слов – где за шуткой скрывается самый, может быть, важный совет для всех нас, так, увы, склонных гоняться за призраками и в безумной, отчаянно-жертвенной этой погоне забывать о самих же себе:

*Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель...*

IX

Трагизм и величие “вечных” вопросов как раз в том, что они принципиально неразрешимы – по крайней мере, в пределах людского рассудка и здешнего мира. Но сама постановка такого вопроса, сама широта и объем того взгляда на мир, при которых подобный вопрос может быть задан – уже несут в себе как бы возможность ответа. Вопрошая: “Есть ли в трагедии смысл?”, или “Зачем нужно страдать?”, или “Зачем мы все умираем?” – мы с вами, в глубине сердца, чувствуем, что ответы, конечно же, есть: иначе и сами вопросы не могли бы быть заданы. Задача в том, чтобы найти ту точку зрения, с которой противоречие, что содержится в “неразрешимом” вопросе, перестанет быть противоречием – и тогда сам вопрос как бы перестанет существовать.

Ведь из того несомненного факта, что наша жизнь есть трагедия, очень легко сделать шаг к отрицанию Бога. Если Творец и всемолюбящий, и всемогущ – то как же Он может мириться с тем, что любимые дети Его и страдают, и погибают? В рамках здешних, земных, ограниченных наших условий такое противоречие, в самом деле, непреодолимо. В том-то и дело, что надо подняться, взглянуть на трагедию взглядом гения, взглядом Пушкина или Шекспира – чтобы трагедия из обвинения Богу, из упрека Ему превратилась, напротив, в доказательство Его бытия, и, стало быть, в подтверждение бессмертия нашего духа. Трагедии жизни – это как бы плавильные печи, в которых Господь обжигает людей, это печи, в которых твердеет и крепнет сырая душа человека.

Взгляды гениев как раз помогают подняться на ту высоту, с которой трагическое представляется не бессмысленным нагромождением ужасов, перед которым тускнеет и разум, и воля и которое парализует всю нашу жизнь – но трагедия предстает как осмысленный, связанный с Высшею волей, процесс. Трагедии жизни ставятся Богом, вершителем человеческих судеб – и именно с точки зрения Творца в каждой трагедии есть свой смысл, свой урок, своя правда.

Что чувствует сердце, коснувшись трагедии – реальной ли, совершившейся в жизни, или такой, о которой нам повествует художник? Через всю боль, через муку, с которыми связан трагический опыт, нам словно брезжит какое-то высшее знание: убеждение в том, что человеческий путь не кончается смертью. Это знание никогда не бывает незыблемо-твердым – оно укреп-

ляется по мере того, как растет, укрепляется наш с вами дух и слабеет, когда мы сами слабеем – но без этого знания человек никогда не поднимется в свой полный рост, он не станет вполне человеком.

И как человек, что сумел пережить, пересилить трагедию, становится больше себя самого – так и целый народ, чей трагический путь полон горя и муки, воплощает особое, высшее знание жизни. В таком-то народе и начинают не просто утешать-успокаивать тех, с кем случилась беда, но поздравляют: “С несчастьем Вас!” – и говорят о трагедии: “Бог посетил...”

Похоже, славяне находятся на особом счету, на особой примете у Бога. Мало кто может с ними сравниться в трагизме их судеб, в том множестве бед, испытаний, несчастий, какие славянам пришлось пережить. И славянская формула, после всех сокращений, может выглядеть так: “Жизнь трагична, а смерть неизбежна – но человек не кончается смертью”.

Именно здесь, в Черногории, где жизнь так прекрасна и так трагична одновременно, где, с одной стороны, все дышит радостью, негой, гармонией моря и гор, а с другой стороны, даже в названье страны слышно горькое “горе” – здесь, как нигде, мы близки к разрешенью загадки, которая, в принципе, и не может быть разрешена силой только рассудка: лишь наше славянское, общее сердце предчувствует верный ответ...

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

ПЕРВЕНЦЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

К 185-ЛЕТИЮ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

Декабристскому сюжету в отечественной историографии посвящена огромная литература. И, тем не менее, даже сегодня, когда декабристоведение, освобожденное от тягостной опеки прежнего официоза, явно обретает “второе дыхание” (достаточно назвать работы В. М. Боковой, П. В. Ильина, О. И. Киянской, В. С. Парсамова, С. Э. Эрлиха), современный историк М. Д. Долбилов называет проблему “национализма в декабристском движении” все еще “ожидающей глубокого исследования”. Увы, с этим невозможно не согласиться.

Специальных работ на указанную тему практически нет. Чуть ли не единственное исключение — отличная статья К. Ю. Рогова “Декабристы и “немцы” (журнал “Новое литературное обозрение”, 1997, № 26), но как характерно, что ее автор — “человек со стороны”, не принадлежащий к сообществу патентованных специалистов по декабризму. Последние же, как правило (впрочем, следует отметить содержательную интернет-публикацию В. С. Парсамова о национализме П. И. Пестеля), довольствуются справедливыми, но слишком беглыми рассуждениями о том, что “элемент национальный и даже, можно сказать, националистический был в декабризме вообще одним из основных <...> декабризм <...> на всем своем протяжении питался идеями российской великодержавности и национального самоутверждения” (В. М. Бокова). Но на это уже указывали и сами декабристы, и первые отечественные декабристovedы еще в позапрошлом столетии; “резкий национализм” “первых дворянских революционеров” констатировал М. Н. Покровский и другие советские историки 1920–1930-х гг. Прогресс, право же, не велик.

Между тем, проблема декабристского национализма имеет не только научное, но и общественное значение. В современном российском массовом сознании распространена “черная легенда” о декабристах как чуть ли не о врагах России. Этот вздор, конечно, характеризует лишь прискорбный уровень исторического невежества самих его пропагандистов и потребителей. Но с другой стороны, молчание историков-профессионалов по данному вопросу способствует распространению крайне вредного предрассудка: *борьба против любого правящего режима обязательно равняется национальной измене.*

СЕРГЕЕВ Сергей Михайлович (р. 1968) — кандидат исторических наук, докторант МПГУ, научный редактор журнала “Вопросы национализма”, автор книги “Пришествие нации?” (2010).

Историческое невежество современного российского общества поразительно. Случай декабристов прекрасно его демонстрирует. Так и не опомнившиеся от советской пропаганды, внушавшей, что Пестель и Муравьевы – прямые предшественники Ленина, наши люди повернули ее слева – направо и теперь обвиняют героев 14 декабря почти в том же, за что раньше ими же восхищались. Причем как прежнее восхищение, так и нынешнее обличение ничего общего не имеют с исторической реальностью.

Ах, декабристы – безбожники, враги Православия! Нужды нет, что современная исследовательница В. М. Бокова не смогла отыскать среди них практически ни одного атеиста, что такие члены Тайного общества, как Ф. Н. Глинка, А. Н. Муравьев, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Е. П. Оболенский, М. А. Фонвизин, В. И. Штейнгейль и многие другие отличались именно пламенной религиозностью, что в “Русской Правде” Пестеля Православие объявлено государственной религией нового Российского государства!

Ах, декабристы – бессовестные убийцы, собирались покунуться на жизнь монарха! Невольно вспоминается, как один из членов Верховного суда, участник заговора против Павла I, стал укорять Н. А. Бестужева: как, вы, молодой человек, посмели поднять руку на священную особу государя! – на что последовал остроумный ответ: “И это вы мне говорите?!” Отвратительные убийства Петра III, Иоанна VI и Павла I почему-то не кажутся нашим нынешним апологетам монархии преступлением, зато цареубийственные намерения декабристов (кстати, далеко не всеми из них разделяемые) выставляются как невиданное на Руси дело.

Ах, декабристы боролись с самодержавием, а стало быть, с Россией! Нет, знаете ли, силлогизм “самодержавие = Россия” еще доказать нужно. Ибо нередко политика Романовых носила прямо антинациональный характер. Об этом можно прочесть и у таких консерваторов, как Ф. И. Тютчев, М. П. Погодин, М. Н. Катков, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев...

Вопреки разного рода фантазиям, *декабристы – не только не враги России, а, напротив, первые по-настоящему последовательные русские националисты.* И чтобы это понять, не нужно особо копаться в архивах, достаточно заглянуть в “Русскую Правду” Пестеля. Другое дело, что историки, специалисты по декабризму, не любят касаться этой опасной темы, и она сегодня практически не изучена.

Настоящая статья – попытка заполнить этот досадный пробел.

Поскольку в научном сообществе продолжается дискуссия о критериях принадлежности того или иного персонажа к декабризму, считаю необходимым сразу оговориться, что мой критерий чисто формальный: декабрист – это член того или иного тайного общества, признаваемого большинством специалистов как декабристское: Ордена русских рыцарей, Союза спасения, Союза благоденствия, Северного общества, Южного общества, Общества соединенных славян.

Чтобы максимально облегчить и без того достаточно сложный и обширный текст, я отказался от ссылок на источники и историографию. Желающие могут найти их в “академической” версии этой работы, опубликованной во 2-м номере журнала “Вопросы национализма”.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТРИОТИЗМ

Советские историки много писали о патриотизме декабристов, тщательно стараясь подчеркнуть его нетрадиционный для императорской России, “революционный” характер. Это в каком-то смысле верно, но требует серьезных оговорок.

В сравнении с революционерами следующих поколений (не только с разночинцами, но и с дворянами Герценом и Бакуниным) мировоззрение декабристов отличается именно отчетливой преемственностью с традиционным имперско-великодержавным дворянским патриотизмом, окончательно сформировавшимся в эпоху Екатерины II, когда дворяне сделали единственными полноправными гражданами Российской империи. Декабристы, подобно своим отцам, отнюдь не чувствовали себя “лишними людьми”, “государственными отщепенцами”, не ощущали отчуждения от имперского государства, считали его “своим”, а дела государственной важности – своими личными делами. Но под влиянием Отечественной войны 1812 г. (более ста будущих декабристов – ее

участники, из них 65 – сражались с французами на Бородинском поле) дворянский патриотизм радикально трансформировался, обрел новое качество.

Об определяющей роли войн с наполеоновской Францией в формировании декабристской идеологии написано слишком много, чтобы подробно на сей счет распространяться. Отмечу только малоизвестное свидетельство М. И. Муравьева-Апостола, относившего зарождение декабризма к одному из эпизодов 1812 г., когда находившиеся в Тарутинском лагере молодые офицеры лейб-гвардии Семеновского полка (среди коих – сам Матвей Иванович, его старший брат Сергей, И. Д. Якушкин) отреагировали на слухи о возможном заключении мира с Наполеоном следующим образом: “Мы дали друг другу слово, <...> что, не взирая на заключение мира, мы будем продолжать истреблять врага всеми нам возможными средствами”.

Таким образом, будущие члены Тайного общества уже тогда были готовы пойти на прямое неповиновение верховной власти во имя интересов государства, истинными выразителями которых они себя ощущали. Служение Отечеству перестало быть для них синонимом служения монарху, их патриотизм – уже не династический, а националистический, патриотизм *граждан*, а не *верноподданных*. Переход от “народной войны” против “тирании”, навязываемой извне, к борьбе против “тирании”, навязываемой изнутри, казался совершенно естественным: “Неужели русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно отечественной, русские, спасшие Европу из-под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма и не отличат себя благородной ревностью, когда дело пойдет о спасении Отечества, счастливое преобразование коего зависит от любви нашей к свободе?” (М. П. Бестужев-Рюмин). Декабристская “революционность” непосредственно проистекала из их патриотизма: “Предлог составления тайных политических обществ есть любовь к Отечеству” (С. П. Трубецкой); восстание 14 декабря было “делом исключительно патриотической политики” (В. С. Толстой).

Патриотизм стал для декабристов своего рода гражданской религией. М. Ф. Орлов в частном письме женщине (княгине С. Г. Волконской) проповедует: “Прежде всего, каждый русский должен быть русским во всем. Во всем должна господствовать идея родины. Именно ей он должен посвятить свои усилия, свои успехи, свои надежды”. К. Ф. Рылеев полагал для приема нового члена в Северное общество достаточным основанием то, что кандидат “пламенно любил Россию” и “для благ ее готов был на всякое самоотвержение”. Патриотическая экзальтация в Тайном обществе доходила иногда до такой степени, что Ф. Ф. Вадковский на одном из собраний выразил готовность принести в жертву родную мать, если того потребует польза России. Конечно, это лишь фигура речи, но она очень характерна для декабристского дискурса. А вот пример уж явно не филологический, а экзистенциальный. П. И. Пестель в письме родителям незадолго до казни исповедально признавался: “Настоящая моя история заключается в двух словах: я страстно любил мое отечество, я желал его счастья с энтузиазмом”, и – права современная исследовательница О. И. Киянская – “не верить этому признанию нет оснований”.

Именно государственный, националистически окрашенный патриотизм был основным источником оппозиции декабристов курсу Александра I после 1814 г.

Во-первых, их раздражение вызывала вдохновляемая и конструируемая императором легитимистская политика Священного союза – “подпорная, вспомогательная политика для восстановления государей”, которая “была противна интересам России” и на деле подчиняла последние интересам Австрии (“ничто меня столько не оскорбляло, как явное сие господство и влияние Венского кабинета над нашим” – слова А. В. Поджио), вообще преимущественное внимание Александра к общеевропейским делам в ущерб собственно российским, его частые и продолжительные отлучки из России. Именно этим вызван специальный пункт в первой редакции “Конституции” Н. М. Муравьева о том, что “Император ни в каком случае не имеет права выехать из пределов Отечества, даже в заморские владения”, “выезд Императора из России не иначе представляется, как оставлением оной и отречением от звания Императорского”. Раздражали молодых победителей Наполеона и щедрые подарки европейским державам за счет России: “При вторичном занятии в 1815 году Парижа огромная контрибуция была взыскана с Франции, часть ее была издержана на покупку сукна солдатского в Англии, другая часть была отдана Австрии за претерпенные ею бедствия второго неприятельского нашествия. Огромная полоса России тогда еще представляла одни развалины от на-

шествия врагов в 1812 г.” (М. Муравьев-Апостол). Экономическая политика императора, явно приносившая пользу иностранной и ущерб отечественной коммерции, также вызывала их резкую критику.

В среде декабристов господствовало убеждение, что Александр “ненавидит Россию”. Возмущение деятельностью императора приняло особенно острый характер в связи с его польской политикой. Так называемый “московский заговор” 1817 г., когда среди членов Союза спасения впервые возникла идея цареубийства (А. Н. Муравьев предложил бросать жребий о том, кто должен его совершить, а И. Якушкин объявил, что “решился без всякого жребия принести себя в жертву”), был вызван слухом о том, что Александр “намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить к Польше” и даже, “ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву”. На фоне тех невероятных привилегий, которые Царство Польское получило благодаря явному расположению императора (конституция, собственная армия и администрация, обильные финансовые вливания), казалось вполне вероятным, что Александр “имел в самом деле намерение располагать достоинством России” — тем более что прецедент уже был — “прежде он отделил Выборгскую губернию в состав великого княжества Финляндского” (М. С. Лунин). Последний факт (и преимуществе перед русскими “завоеванных финляндцев”) тоже, кстати, вызывал активное обсуждение (и осуждение) в Тайном обществе.

С другой стороны, именно переговоры с Польским патриотическим обществом, на которых шла речь и о территориальных уступках полякам, вызвали тяжкое обвинение в приговоре Верховного уголовного суда лидеру Южного общества Пестелю (“участвовал в умысле отторжения областей от империи”). Надо ли полагать, что позднее декабристы отказались от своего принципиального государственничества?

Пестель в “Русской Правде” определял границы России, исходя из двух принципов: 1) “права народности” (то есть права того или иного народа на самостоятельное политическое бытие) и 2) “права благоудобства” (то есть права больших государств подчинять себе малые народы, неспособные к государственной самостоятельности). Из всех народов империи только польский наделялся “правом народности”. Однако независимость Польша получала при неукоснительном соблюдении “правила благоудобства” для России.

Нет ничего более нелепого, чем видеть в Пестеле некоего идеалиста-интеллигента, поборника польской свободы, каким позднее выступал Бакунин (и отчасти Герцен), логика Павла Ивановича — логика государственно-националистического прагматизма, применительно к данному вопросу хорошо сформулированная его ближайшим помощником М. Бестужевым-Рюминым: лучше “иметь благодарных союзников”, чем “тайных врагов”. В планируемом автором “Русской Правды” русском национальном государстве поляки, с их многовековой традицией самостоятельной государственности, развитой национальной культурой и комплексом “полноценных” европейцев по отношению к русским “варварам”, были бы лишним и крайне вредным элементом (каковым, кстати, они являлись и в составе Российской империи). Просто “переварить”, “русифицировать”, при очевидной слабости наличного русификаторского потенциала, Польшу было невозможно.

Кроме того, в пестелевском проекте будущая независимая Польша контролируется Россией во всех отношениях, вплоть до формы правления и социального строя (порой этот проект кажется почти до деталей реализовавшимся пророчеством о практике взаимоотношений ПНР и СССР), что должно было свести к нулю весь возможный геополитический ущерб этого решения для русских интересов.

Впрочем, следует отметить, что проект Пестеля вызвал горячие возражения многих его соратников, не только “северян” (Н. Муравьев, например, указывал, что не следовало “уступать приобретений и собственности России и входить в сношения с иноплеменниками <...> тем более, что уступка сия произошла бы совершенно чуждой, а впоследствии, вероятно, и враждебной России державе”), но и “южан”, не согласных ни на малейшее сокращение территории империи. Оппоненты Пестеля внутри декабристского движения считали, что Польша не только должна остаться в составе России, но, более того, нужно присоединить к империи и те ее части, которые находились под властью Австрии и Пруссии. Возмущение вызвал сам факт переговоров Пестеля и Бестужева-Рюмина с Польским патриотическим обществом (М. Орлов разорвал отношения с Бестужевым, сказав ему: “Вы не русский, прощайте”).

Но даже самые рьяные империалисты понимали, что статус кво Польши неприемлем для национальной России. Альтернативой пестелевскому национально-прагматическому “размежеванию” стало панславистское “слияние”.

Наиболее детально панславистский вариант решения польского вопроса был сформулирован много позже 14 декабря в сочинении М. Лунина, написанном в Сибири, “Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена Тайного общества Соединенных славян” (1840). Лунин одинаково не одобряет и польских повстанцев 1830–1831 гг., и правительственные репрессии. Будущее Польши видится ему в тесном взаимовыгодном союзе с Россией на правах автономии (по образцу Шотландии и Ирландии в составе Великобритании). Этот союз может стать основой “общественного движения, которое должно связать воедино славянские племена, рассеянные по Европе, и содействовать духовной революции, той, что должна предшествовать всякому изменению в политическом строе, чтобы сделать его выгодным”.

Менее известны высказывания А. Поджо, который мыслил в том же духе и на склоне лет, учитывая новейшие политические реалии. В письме М. С. Волконскому (сыну декабриста С. Волконского) от 4 марта 1868 г. он писал, что европейцы больше всего боятся “осуществления <...> проекта <...> о признании Польши и дарования ей, по примеру Венгрии, полной автономии (конечно, разумно без собственной армии). Тогда только запад вздрогнет и почувствует свое бессилие, свою ничтожность! Не усмиренная, а примиренная Польша грозит тем окончательным великим шагом, который должен поставить Россию во главу славянского, теперь рассеянного мира. Сплотить их на автономическом современном новом праве – вот наша единственная политика, цель великая, святая! Вот где наша сила и горе германцам и латинцам всем вкуче, если бы они восстали против такого рода обрусения!”

Весьма характерно, что позиция Лунина и Поджо по польскому вопросу вызвала неприятие Герцена, целенаправленно создававшего свой миф о декабристах и тесно связанного с польским революционным движением. Цитированная выше работа Лунина не была опубликована в издании Вольной русской типографии, несмотря на актуальность темы и громкое имя автора; Герцен отозвался о ней неодобрительно: дескать, увы, даже и “передовые люди” “становились, не замечая того, на узкую государственно-патриотическую точку зрения”. Старательно умалчивал Александр Иванович и о реакции декабристов в 1817 г. на слух о возможном отторжении западных русских губерний в пользу Польши. Восхищавшийся сначала Поджо, с которым он был знаком лично, издатель “Колокола” вскоре разочаровался в нем из-за разногласий “на политику русского правительства”. С герценовскими купюрами и продолжает воспринимать декабристов массовое сознание.

Программные документы декабристов проникнуты заботой о территориальной целостности страны, о ее единстве и неделимости. В частности, именно этой заботой продиктована резкая полемика Пестеля против федерализма в “Русской Правде”. Федеративное государство потому, с его точки зрения, плохо, что уже в самом его устройстве содержится “семя разрушения”: “Каждая область составляя в федеративном Государстве так сказать маленькое отдельное Государство слабо к целому привязана будет и даже во время войны может действовать без Усердия к общему составу Государства; особенно есть ли лукавый Неприятель будет уметь прельстить ее обещаниями о каких нибудь особенных для нея выгодах и преимуществах. Частное Благо области хотя и Временное, однакоже все таки сильнее действовать будет на воображение ея Правительства и Народа нежели общее Благо всего Государства не приносящее может быть в то время очевидной пользы самой области <...> Слово Государство при таковом образовании будет слово Пустое ибо никто нигде не будет видеть Государства но всякой везде только свою частную область; и потому любовь к отечеству будет ограничиваться Любовью к одной своей области”. Для России же федерализм особенно опасен: “Стоит только вспомнить, из каких разнородных частей сие огромное Государство составлено. Области его не только различными Учреждениями управляются, не только различными Гражданскими Законами судятся, но совсем различные языки говорят, совсем различныя веры исповедуют, жители оных различныя происхождения имеют, к различным Державам некогда принадлежали; и потому ежели сию разнородность еще более усилить чрез федеративное образование Государства, то легко предвидеть можно что сии разнородные Области скоро от Коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое

Могущество, Величие и Силу, но даже может быть и бытие свое между большими или Главными Государствами”. Таким образом, “соединяя все сии обстоятельства в общее соображение, постановляется Коренным Законом Российскаго Государства что всякая мысль о федеративном для него Устройстве отвергается совершенно яко пагубнейший вред и величайшее Зло”.

Но и в конкурирующем проекте – “федералистской” “Конституции” Никиты Муравьева не меньше великодержавности, чем в “унитаристской” “Русской Правде”. “Державы”, на которые делится будущий “Российский союз”, не имеют права “заключить какой-либо союз, договор или трактаты не только с иностранными Государствами, но даже и с другою Державою Российскаго союза”, “заключать мир или объявлять войну”, “чеканить монету”, “содержать в мирное время войско или вооруженных кораблей без позволения Верховнаго Народнаго Веча” и т. д. Более того, Н. М. Дружинин справедливо отметил, что Муравьев, во-первых, “избегает назначать столицами крупные города, которые служили политическими центрами самостоятельных народностей: столицю Балтийской державы он делает не Ригу, а Великий Новгород, вместо Киева он назначает Харьков; Финляндия оказывается сосредоточенной вокруг Петербурга, Украина и Литва – разорванными на части, Кавказ – искусственно соединенным с южными губерниями”, а во-вторых, его федерация состоит не из национальных автономий, а из “естественных хозяйственных комплексов”, то есть он руководствуется “не идеей самоопределения национальностей, а задачей свободного экономического развития государства”.

В области внешней политики декабристы после прихода к власти также собирались проводить последовательный великодержавный курс. Кардинально отказываясь от принципов Священного союза, они в противовес выдвигали идею геополитической самодостаточности России, что нимало не отрицало внешнеполитической активности. Напротив, “для твердаго установления Государственной Безопасности” и приобретений разного рода геополитических и геоэкономических выгод Пестель планировал присоединить к России Молдавию, причерноморский Кавказ, казахские (“киргиз-кайсацкие”) степи в районе Аральскаго моря и “часть Монголии, так, чтобы все течение Амура <...> принадлежало России”. “Далее же”, подчеркивает Пестель, “отнюдь пределов не распространять”. Впрочем, среди его планов было и создание буферного федеративного Царства Греческаго, в состав которого, кроме собственно Греции, вошли бы земли современной Румынии, Болгарии, Македонии, Сербии, Боснии и Албании.

Рылеев и Д. И. Завалишин были энтузиастами расширения русских владений в Северной Америке (Пестель их энтузиазма не разделял и планировал отказаться даже от тех, которые уже имелись). Рылеев, “правитель дел” в Российско-Американской компании, в “Записке о недопущении иностранных купцов к занятию промыслами на территории, управлявшейся Российско-Американской компаниею” (1824) отстаивал в правительственных кругах интересы русской торговли, поддерживал проект декабриста В. П. Романова об исследовании Аляски. Завалишин писал из тюрьмы Николаю I: “Калифорния, поддавшаяся России и заселенная русскими, осталась бы навсегда в ее власти. Приобретение ее гаваней <...> позволяло содержать там наблюдательный флот, который бы доставлял России владычество над Тихим океаном и китайской торговлей <...> ограничило бы влияние Соединенных Штатов и Англии”.

Своего государственного патриотизма декабристы не утратили даже в тюрьмах и ссылке, большинство из них могло бы повторить слова Лунина: “Заключенный в казематах, десять лет не переставал я размышлять о выгодах родины”. Они, по меткому выражению П. А. Вяземскаго, как бы “увеличились и оокостенели в 14 декабря” и продолжали воспринимать события политической жизни не с точки зрения репрессированных диссидентов. Тот же Лунин в 1840 г., резко критикуя правление Николая I, делает, тем не менее, одобрительную оговорку по поводу его внешней политики 1820–1830-х гг., которую явно предпочитает курсу его старшего брата. В частности, Лунин приветствует действия России на Кавказе. В письме к сестре (1838) он осуждает ее нежелание согласиться с мыслью о службе там ее старшего сына: “Южная граница наша составляет самый занимательный вопрос настоящей политики. <...> Это была мысль Адашева и Сильвестра. <...> Каждый шаг на север принуждал нас входить в сношения с державами европейскими. Каждый шаг на юг вынуждает входить в сношения с нами. В смысле политическом взятие Ахалциха важнее взятия Парижа. <...> служба на Кавказе представляет твоему сыну случай

изучать военное искусство во многих его отраслях и принять действительное участие в вопросе важного достоинства для будущей судьбы его отечества”.

События на Кавказе привлекали к себе жадное внимание писателя-романтика А. А. Бестужева (Марлинского), писавшего из Якутска брату Павлу – участнику боевых действий с турками (1828) – прямо-таки с кровожадным упоением: “Итак, с долин Армении, на которых опиралась радуга завета, – вы понесли заветные знамена победы в пределы Турции, и уже вихорь-богатырь ваш сорвал месяц с Карсу и Ахалциха! <...> Ты, как мне пишут, резался на улицах Карса. Меня зависть берет, когда я, глотая чад вместо порохового дыма, воображаю ваши подвиги. Хоть бы из-за угла поглядеть! <...> Не могли участвовать ни делом, ни словом в битвах с неверными, сделай одолжение, сверни хоть из этого листка пару боевых патронов и пусти их за меня к неприятелю. Бьюсь об заклад, что они вцепятся в самую правоверную бороду удалых байрактаров <...>”. Вскоре, однако, мечты Александра Александровича сбылись: в 1829 г. по его прошению он был переведен рядовым на Кавказ, участвовал во множестве боев с горцами и погиб в одном из них в 1837 г. В 1840 г. добровольцем на Кавказ просился М. А. Фонвизин, но получил отказ.

Напомним, что окончательное завоевание Кавказа планировалось Пестелем в “Русской Правде”, так что декабристы в данном случае мыслили совершенно в соответствии со своими программными установками. То же касается и присоединения земель вокруг Амура, произведенного Н. Н. Муравьевым-Амурским – покровителем ссыльных декабристов (на Кавказе им благоволили А. П. Ермолов и А. А. Вельяминов), горячо одобрявшим его деятельность.

Европейская политика Николая I 1840–1850-х гг., во многом реанимировавшая худшие традиции Священного союза, у большинства декабристов вызывала осуждение. Тем не менее, среди них находились пламенные патриоты, и здесь готовые радоваться победам русского оружия. Скажем, В. Л. Давыдов, пребывая в Красноярске, приветствовал подавление венгерской революции в 1849 г.: “Наш городок <...> вышел из обычной летаргии, чтобы отпраздновать победу наших войск и славное окончание войны. Мое сердце старого солдата дрогнуло при этих счастливых новостях, и я поспешил иллиминировать наше скромное жилище. Наш маленький Алеша был в восторге, видя фонарики, и хлопал в ладоши, крича: “Наша взяла” <...>”.

Крымская война с новой силой всколыхнула великодержавные чувства декабристов. Несмотря на крайне отрицательное отношение к николаевскому режиму того времени, они страстно переживали за ее исход. Некоторые (например, М. А. Назимов) безуспешно просились служить хотя бы в ополчение. С. Г. Волконский писал И. И. Пущину, что он “хоть сейчас готов к Севастополю, лишь бы взяли”. В. И. Штейнгейль почти до самого конца войны не сомневался, что “венец будет блистателен для России”; “если мы подлинно “со Христом и за Христа!”, бояться <...> западных ренегатов нечего”; “Скорее думаю, что наступит черед для современного Карфагена” (то есть Англии). Преисполненный надежд А. Н. Муравьев (“может быть, мы услышим теперь, что знамена наши развеваются на Босфоре”) сокрушался: “Если бы не мои глаза, я был бы, конечно, там, куда честь и любовь к Отечеству призывают каждого русского <...> ибо в Севастополе <...> находится ныне подлинное Отечество каждого истинного русского, – это оттуда нужно изгнать подлых агрессоров, этих безумцев, которые не знают, во имя кого и чего проливают они свою кровь <...>”. С. П. Трубецкой сообщает Г. С. Батенькову (1855), что в Иркутске, где жили многие сосланные декабристы, “война и ожидание ее последствий всегда предметом разговоров, когда сходимся. Нетерпеливость выражается различным образом, и каждый хотел бы изгнать неприятеля из Отечества по своему соображению <...> бывают самые сильные прения”. Н. А. Бестужев писал Д. Завалишину (1854): “Меня оживили добрые известия о славных делах наших моряков, но горизонт омрачается. Не знаю, удастся ли нам справиться с французами и англичанами вместе, но крепко бы хотелось, чтобы наши поколотили этих вероломных островитян за их подлую политику во всех частях света”. М. А. Бестужев впоследствии вспоминал о старшем брате: “Успехи и неудачи севастопольской осады его интересовали в высочайшей степени. В продолжение семнадцати долгих ночей его предсмертных страданий я сам, истомленный усталостью, едва понимая, что он мне говорил почти в бреду, – должен был употреблять все свои силы, чтобы успокоить его касательно бедной погибающей России. В промежутки страшной борьбы его железной, крепкой натуры со смертью он меня спрашивал: – Скажи, нет ли чего утешитель-

ного?”. “Севастополь с ума и сердца не сходит”, – признавался И. Пущин.

Из тех материалов, которые мне удалось изучить, можно сделать вывод, что только один декабрист занимал в период Крымской войны четкую пораженческую позицию – А. Ф. Бриген. Но этот случай – классический пример того, что исключение лишь подтверждает правило.

Достаточно единодушно отреагировали оставшиеся в живых декабристы на польский мятеж 1863 г. А. Н. Муравьев всецело одобрял меры своего брата М. Н. Муравьева-Виленского, пресловутого “Вешателя” (между прочим, бывшего члена Союза спасения и Союза благоденствия, одного из главных авторов Зеленой книги последнего), по подавлению мятежа в Западном крае: “Брат Михаил действует славно”; “распоряжения брата Михаила великолепны”; “брату Михаилу, по мнению моему, надобно поставить памятник, не за одно только усмирение юго-западной России, но за спасение Отечества. Подобными мерами, думаю, что восстановить можно бы и Царство Польское, т. е. обратить его в русские губернии, с русскими правителями”. Е. П. Оболенский предлагал в дальнейшем по отношению к полякам самые радикальные меры: “<...> если они не захотят слиться с нами в одну нераздельную семью, то мы должны поглотить их национальность и силою, и нашей численностью. <...> Неужели они должны исчезнуть с лица земли русской, – по весьма простой причине, – мы не можем в мире жить с ними? <...> Что же делать <...> самозащита есть одна из первых обязанностей всякого человека и гражданина”. Не трудно заметить, что в вышеприведенных цитатах господствует “антипестелевская” точка зрения на польский вопрос, высказываний сторонников иного взгляда обнаружить не удалось.

А. Поджио в своих письмах конца 1860-х гг. уделял большое внимание (“мой конек”) экономической политике России, проповедуя отказ от сырьевой модели развития и освобождение “от ига европейского, в смысле мануфактурного, промышленного его давления”: “Полноте торговать салом и пенькой – пора, пора дать самобытность России во всех отношениях; пора возвыситься до шелковых, шерстяных и бумажных тканей! Азия под боком, доставит вам и шелк, и хлопок, а шерсть ваша убивается австралийской, и нечего ее посылать <...> за границу, а самим вырабатывать! <...> хочу <...> видеть Россию государством промышленным и потому независимым, самобытным <...> Сбережение по всем отраслям, направить капиталы на развитие производительных сил; создать промышленность и довести до того, чтобы мы могли выдерживать соперничество, которое нас теснит и вышибает со всех рынков, где мы затрачиваем последнее наше золото; возвести земледелие на степень науки для удешевления зерна; вот бегло отчасти наброшенные средства не то чтобы упрочить шаткость бедного нашего бумажного рубля, а чтобы осуществить великую цель независимости России от Европы в отношении ее превосходства в умственном и вещественном смысле”.

Наиболее поздние по времени из обнаруженных мной комментариев декабристов по поводу политики России принадлежат М. Муравьеву-Апостолу, успевшему одобрить войну за освобождение балканских славян в 1877–1878 гг.: “Кровь Христианская пролилась потоками, она искупила освобождение Славян от Турецкого ига. Славяне наши единственные союзники в Европе, мы не можем не заступиться за кровь, пролитую братьями нашими <...> Я отказался от чтения французских газет, они осуждали Сербию, Черногорию за то, что объявили войну туркам. Чем это кончится, я уверен, как в 1812 г., что святое дело Свободы и Человечества восторжествует!”; “Как наша Россия хороша умиленно своим заступничеством за угнетенных братьев!”; “Наша молодецкая-армия совершила Суворовский подвиг, зимой перешла Балканы!”; “1877 год начинает новую историческую эпоху <...>”; “Бог предоставил России разрешить наконец” “Восточный вопрос”.

“ОТСТРАНЕНИЕ ИНОЗЕМЦЕВ”

На всех этапах развития декабристского движения, в подавляющем большинстве его программных документов обязательно присутствуют пункты, направленные против иностранцев вообще. Это, прежде всего, было вызвано предпочтением, которое оказывал последним Александр I в противовес русским дворянам, и их заметным присутствием на ключевых постах в государственном аппарате и армии. П. Г. Каховский даже перед казнью в письме Ни-

колаю I все еще осуждал “явное предпочтение, делаемое Правительством всем иностранцам без разбору <...> простиительно надеяться, что у нас, конечно, нашлись бы русские заместить места государственных, которыми теперь обладают иностранцы. Очень натурально, что такое преобладание обижает честолюбие русских и народ теряет к Правительству доверенность”.

Уже в проектах Ордена русских рыцарей, составленных М. А. Дмитриевым-Мамоновым, среди целей организации называются “лишение иноземцев всякого влияния на дела государственные” и “конечное падение, а если возможно, смерть иноземцев, государственные посты занимающих”. Союз спасения также настаивал на необходимости “отстранения иноземцев от влияния в государстве”. Зеленая книга Союза благоденствия запрещает принимать в общество нехристиан и “иноземцев”, если только те не оказали важной услуги России. Кроме того, одна из задач Союза состояла в том, чтобы “отвращать родителей от воспитания детей в чужих краях”. Устав Южного общества требует “не принимать в общество никого кроме русских или тех, которые по обстоятельствам совершенно привязались к русской земле”.

В “Русской Правде” иностранцам запрещается “иметь в России какое бы то ни было Недвижимое Имущество”, “пользоваться в России правами Политическими предоставляемыми одним только Российским Гражданином”, “вступать в Государственную Службу или какую-нибудь отрасль правления и продолжать оную, исключая Министерство Просвещения”. В “Конституции” Никиты Муравьева “иностранец, не родившийся в России” имеет право “просить себе гражданства Российскаго”, лишь прожив в ней “7 лет сряду” и “отказавшись наперед клятвенно от правительства, под властью которого прежде находился”. Быть избранным в местные законодательные органы страны он может только еще через 7 лет, а в центральные — через 9 лет. Иностранец же, не имеющий гражданства, “не может исполнять никакой общественной или военной должности в России, не имеет права служить рядовым в войске Российском и не может приобрести земель”. Гражданство аннулируется навсегда в случае вступления “в подданство иностранного государства” и принятия “службы или должности в чужой земле без согласия своего правительства”, наконец, даже “если гражданин без согласия Веча примет подарок, пенсию, знак отличия, титул или звание почетное, или приносящее прибыль от иностранного правления, Государя или народа”. Кроме того, “никакое иностранное общество не может иметь в России подведомственных себе обществ или сотовариществ”.

На фоне декабристской неприязни к иноземцам вообще ярко выделяется их почти повальная враждебность к немцам, точнее, к “русским немцам”, немцам, находящимся на русской службе. Важно понять, что “немцеество” декабристов не было этнофобией по кровному признаку, в противном случае, невозможно объяснить присутствие в Тайном обществе Пестеля, Штейнгейля, братьев Кюхельбекеров и других этнических немцев (хотя, в общем, прав П. Н. Свиустову, указывая на “факт, что в списке членов его встречается так мало фамилий нерусских”). Дело также не в конфессиональных противоречиях: Пестель и Кюхельбекеры были лютеранами. Водораздел между “хорошими” и “плохими” немцами проводился по критериям политического и культурного национализма: стремится ли тот или иной человек “германского происхождения” к ассимиляции среди русских, к членству в (становящейся) русской нации или же он ориентируется на влиятельную в верхах корпорацию своих единоплеменников, четко отделяющую себя от стержневого этноса Российской империи. Корпорация эта охотно служила самодержавию, гарантировавшему ее привилегии, и была для нее надежной опорой. Таким образом, проблема “русских немцев” имела по преимуществу социально-политический характер: поддерживая “деспотическую власть” (которая, в свою очередь, поддерживала их в ущерб русским дворянам), они являли собой очевидных (и объективных) врагов национального государства, к которому стремились декабристы.

“Германофобия” царила среди участников преддекабристской Священной артели. Довольно характерно, что “пробным предложением” А. Н. Муравьева, с которого началась история Союза спасения, стало создание тайного общества “для противодействия немцам, находящимся на русской службе”. Антинемецкие настроения сохранялись и на самых поздних этапах существования декабристских организаций. Так, П. А. Вяземский свидетельствует, что причиной его отказа вступить в Северное общество был прежде всего “немецкий вопрос”: “Пропагандисты и вербовщики находили, между прочим, что я недостаточно ненавижу немцев, и заключили, что от меня проку ожидать не-

чего. Мне говорили после, что Якубович и Александр Бестужев были откомандированы в Москву, чтобы меня опущать и испытать. Они у меня обедали. Разговор коснулся немцев в России. В продолжение споров я сказал наотрез, что не разделяю этих *lieux communs* [общих мест], которые в ходу у нас". Д. Завалишин вспоминал, что незадолго до 14 декабря, при обсуждении "манифеста о перевороте" "были и такие", которые требовали в нем "выразиться резко и громко против немцев и даже требовать от них перемены фамилии на русскую. Замечательно, что из числа самых горячих защитников подобного мнения были именно обрусевшие немцы". Можно также вспомнить агитационную песню Рылеева и А. Бестужева "Царь наш немец русский, / Носит мундир прусский". На юге немецкую тему использовал для пропаганды среди солдат рядовой Григорий Крайников, объясняя, что "все русские Офицеры, собираясь на маневрах, согласились освободить и себя и нижних чинов от мучений начальников, кои по большей части все Немцы и презирают русских, что впредь Начальниками будут из российских помещиков".

Другой объект декабристской ксенофобии – поляки, что легко объясняется остротой польского вопроса, о которой подробно говорилось выше. Дарование "конституции почитаемой за непримиримого врага России, побежденной и завоеванной Польше прежде, нежели она была дана победительнице ее, самой России" (Завалишин) только усилило резкую ревность к "сарматам", многие из которых сражались на стороне Наполеона. М. Орлов в письме П. Вяземскому возмущался даже тем, что Карамзин в своей "Истории" "дает Киеву польское происхождение <...> это не простительно в нынешних обстоятельствах, когда каждый россиянин должен с римским мужем заключать всякую речь свою сими словами: "Delenda est Carthago" [Карфаген должен быть разрушен]". Лунин дрался на дуэли (за которую его исключили из гвардии) с поляком, оскорбительно отозвавшимся о России, и считал этот поединок единственным, где он был прав. При слиянии Южного общества и Общества соединенных славян "южане" потребовали (правда, безуспешно) от последних исключить из своего состава всех поляков.

Полонофобия не исчезла у многих декабристов и в ссылке, где их товарищами по несчастью оказались повстанцы 1830 г. Конечно, общая участь сблизжала русских и поляков, но огонь "распри" продолжал тлеть. С. Волконский жаловался в письме И. Пущину (1855), что в доме С. Трубецкого "всегда нашествие сарматов, а у меня сердце больно к ним не лежит и боюсь взрыва моих убеждений. Пусть они высказывали явно свою вражду к нам, я бы сносил это, но из-за угла метать камнем – не снесу и не прощаю". "Влиянию, научению поляков здешних" Волконский приписывал сепаратистские настроения в Сибири ("борьба сибиряков против начала русского"). Д. Завалишин разоблачал стремление сыльных поляков "вредить России, под предлогом вражды к правительству <...> Привлекая сочувствие русских либеральными идеями, они пустились извлекать себе выгоду даже из всех возможных административных злоупотреблений и сделались сознательными орудиями людей, наиболее угнетавших народ <...> они дошли до того, что один из них <...> стал делать и сбывать фальшивые ассигнации". Пущина раздражали его соседи-поляки и, когда они получили амнистию, он был "больше рад за себя, нежели за них. Чувство дурное, но не умею его скрыть <...>". И. Д. Якушкин так описывал своих польских знакомых: "преславные молодые люди, и я не знаю за ними никакого другого недостатка, как только то, что они поляки, но, к сожалению, недостаток этот немаловажный, и трудно им от него избавиться". В качестве любопытного курьеза стоит также привести мнение М. Муравьева-Апостола по поводу гибели М. А. Милорадовича: "В России только поляк Каховский мог хладнокровно убить нашего героя, любимого солдатами". Матвей Иванович ошибался, Каховский не был поляком, но показательное желание списать неприятный для декабристов эпизод на недругов-"сарматов".

Завершением сюжетов о "немцеодстве" и полонофобии декабристов может служить обобщающая цитата из Волконского: "от остзейцев, от ляхов нет радушного прислужения русскому делу".

Другие этнонациональные фобии декабристов были более или менее локальны. Скажем, антисемитизм среди них не имел массового характера, ибо еврейский вопрос не приобрел еще в ту пору остроты, свойственной пореформенному времени. В письмах и дневниках Н. И. Тургенева можно встретить отдельные юдофобские реплики, как политического, так и бытового характера. Например, в письме к брату: "Я был того мнения о жидах, как и ты те-

перь; но с некоторого времени переменял его, в особенности, посмотрев на привилегированных жидов во Франкфурте и Пруссии. Они портят торговлю и вредят доброй промышленности христиан. В юных государствах, какова Россия, они никогда существовать не должны. Пример вреда их представляет Польша. В Германии все того мнения, чтобы нигде им не давать равных прав с другими гражданами; так думают там и либеральные люди и [реакционеры]. А там жида лучше наших, и народ промышленнее нашего”.

Пестель в “Русской Правде” уделяет евреям некоторое место, отмечая в качестве их главной особенности то, что они “неимоверно тесную связь между собою неизменно сохраняют, никогда друг друга не выдают ни в каких случаях и обстоятельствах и всегда готовы ко всему тому что собственно для их общества может быть выгодно или полезно”, особенность эта вредная, ибо “дружная связь между ими то последствие имеет что коль скоро они в какое нибудь место допущены, то неминуемо сделаются монополистами и всех прочих вытеснят. Сие ясно видеть можем в тех губерниях где жительство свое они имеют. Вся торговля там в их руках и мало там крестьян, которые бы посредством долгов не в их власти состояли; от чего и раззоряют они ужасным образом край, где жительствоуют”. Таким образом, “Евреи составляют в Государстве так сказать свое особенное совсем отдельное Государство и притом ныне в России пользуются большими правами нежели сами Христиане. Хотя самих Евреев и нельзя винить ни в том что они сохраняют столь тесную между собою связь, ниже в том что пользуются столь большими правами коих даровало им прежде Правительство, не менее того не может долее длиться таковой порядок вещей, утвердивший неприязненное отношение Евреев к Христианам и поставивший их в положение противному порядку в Государстве”.

Пестель предлагает два варианта решения еврейского вопроса (и оба, надо сказать, весьма туманные). “Первый состоит в совершенном изменении сего порядка. <...> Паче же всего надлежит иметь целью устранение вредного для Христиан влияния тесной связи Евреями между собою содержимой ими противу Христиан направляемой и от всех прочих граждан их совершенно отделивающей. Для сего может Временное Верховное Правление ученых рабинов и умнейших Евреев созвать, выслушать их представления и потом меропринятия распорядить дабы вышеизъясненное зло прекращено было и таким порядком заменено, который бы соответствовал в полной мере общим Кореным правилам имеющим служить основанием политическому зданию Российскаго Государства. Ежели Россия не выгоняет Евреев, то тем более не должны они ставить себя в неприязненное отношение к Христианам. Российское Правительство хотя и оказывает всякому человеку защиту и Милость но однакоже прежде всего помышлять обязано о том чтобы никто не мог противиться Государственному Порядку, частному и общественному Благодействию”. “Второй Способ зависит от особенных обстоятельств и особенного хода Внешних Дел и состоит в содействии Евреям к Учреждению особеннаго отдельнаго Государства, в какой либо части Малой Азии. Для сего нужно назначить Сборный пункт для Еврейскаго Народа и дать несколько войска им в подкрепление. Ежели все русские и Польские Евреи соберутся на одно место то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу Людей ищущих отечество не трудно будет преодолеть все Препоны какия Турки могут им Противупоставить и пройдя всю Европейскую Турцию перейти в Азиатскую и там заняв достаточныя места и Земли устроить особенное Еврейское Государство”. Впрочем, добавляет Пестель, “сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и истинно-генияльной предприимчивости то и не может быть оно поставлено в непрерывную обязанность Временному Верховному Правлению и здесь упоминается только для того об нем чтобы намеку представить на все то что можно бы было сделать”. Н. Муравьев предлагал дать евреям гражданские права, но только в пределах черты оседлости, вопрос же о существовании последней должен был решаться общероссийским законодательным органом.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

И государственный патриотизм, и ксенофобия были вполне традиционны для русской политической мысли XVIII – начала XIX в. (достаточно вспомнить в первом случае Н. М. Карамзина, а во втором – Ф. В. Ростопчина), своеобразии декабристского национализма, его стержень состояли в другом – в но-

вой для России модернистской демократической концепции нации, понимаемой как совокупность равноправных граждан, охватывающей весь этнос, и как единственный источник суверенитета. Таким образом, отвергались и монархическая (“вотчинная”) трактовка нации (как совокупности подданных самодержца, который и является источником суверенитета), и ее аристократический вариант (где под нацией понималась только социальная элита, в русских условиях – дворянство).

Пафос декабризма был направлен против самодержавного “обращения с нацией как с семейной собственностью” (Лунин). “Для Русского больно не иметь нации и все заключить в одном Государе”, – писал Каховский перед казнью Николаю I. Оба главных программных документа декабризма утверждают демократическое понимание нации. “Конституция” Н. Муравьева начинается с утверждения того, что “Русской народ, свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства <...> Источник Верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основныя постановления для самого себя”. В пестелевской “Русской Правде” говорится: “Народ есть совокупность всех тех Людей, которые принадлежат одному и тому же Государству, составляют Гражданское Общество имеющее целью своего существования, возмощие Благоденствие Всех и каждого <...> А по сему Народ Российский не есть принадлежность или Собственность какаго либо лица или Семейства. На против того Правительство есть принадлежность Народа и оно учреждено для Блага Народнаго а не Народ существует для Блага Правительства”.

Нация равноправных граждан в декабристских проектах управляет сама собой посредством представительной демократии, через систему многоступенчатых выборов. На низовом же уровне основой национальной солидарности становится волостное самоуправление. Даже получить российское гражданство иностранец может только на волостном уровне.

Национальное единство невозможно без социальной и юридической однородности нации. Крепостное право, доля русских на господ и рабов, тем самым раскалывало нацию на враждебные классы, поэтому требование его отмены, ключевое для декабристов, имело не только социально-уравнительное и либерально-гуманитарное, но и национально-государственное значение. В декабристских проектах не только сами сословия, но и их названия заменяются “названием гражданина Русскаго” (в муравьевской “Конституции”) или “Российского гражданина” (в пестелевской “Русской Правде”).

Нация декабристов – это, безусловно, *гражданская* нация. Но прежде всего – это *русская* гражданская нация, подразумевающая не только социально-юридическую ассимиляцию сословного деления к единому понятию русского (российского) гражданства, но и этническую ассимиляцию всех народов России к некоему единому стандарту русскости, *русификацию*. Русскость декабристами понимается не биологически (но и не конфессионально), а культурно-политически, ее главные составляющие – владение языком и следование законам. В “Конституции” Н. Муравьева говорится: “Через 20 лет по приведении в исполнение сего Устава Российской Империи никто, не обучившийся русской грамоте, не может быть признан гражданином”.

Более детально программа русификации разработана у Пестеля, четко формулирующего цель своей национальной политики: “Все племяна должны слиты быть в один Народ”, “при всех мероприятиях Временнаго Вержховнаго Правления в отношении к различным Народам и племенам Россию населяющим безпрестанно Должно непременною целью иметь в виду чтобы составить из них всех только Один Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так чтобы обитатели целаго пространства Российскаго Государства все были Русские”. В качестве средств для этого указываются. 1) “На целом пространстве Российскаго Государства” должен господствовать “один только язык российский: Все сношения тем самым чрезвычайным образом облегчатся; Понятия и образ мысли сделаются однородные; Люди объясняющиеся на одном и том же языке теснейшую связь между собою возымеют и однообразные составлять будут один и тот же народ”. 2) “Так как ныне существующее различие в названиях Народов и Племен, Россию населяющих всегда составлять будет из жителей Российскаго Государства отдельные друг от друга массы и никогда не допустит столь для блага отечества необходимаго совершеннаго в России Единородства, то чтобы все сии различныя имена были уничтожены и везде в общее Название Русских во едино слиты”. 3) “Чтобы

одни и те же Законы, один и тот же образ Управления по всем частям России существовали и тем самым в Политическом и Гражданском отношениях вся Россия на целом своем пространстве бы являла вид Единородства, Единообразия и Единомыслия”. В результате можно ожидать, что “все различные племена в России обретающиеся к общей пользе совершенно обрусеют и тем содействовать будут к возведению России на высшую степень Благоденствия, Величия и Могущества”.

Основа будущей нации — “коренной народ русский”, куда Пестель включал великороссов, малороссов и белорусов. Что же касается “различных Племен к России присоединенных”, то их участь — слиться с “коренным народом русским”. Финляндия должна лишиться своей автономии и перейти на русский язык. Перед цыганами поставлен выбор — или, приняв Православие, распределиться по волостям, или покинуть Россию. Мусульманам запрещается многоженство. Кавказские народы делятся на два разряда — “мирные и буйные”: “первых оставить на их жилищах и дать им российское Правление и Устройство, а Вторых Силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским Волостям”. Кроме того, планировалось “завезти в Кавказской Земле Русския селения и сим русским переселенцам роздать все Земли отнятые у прежних буйных жителей дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей Край в спокойную и благоустроенную область Русскую”. Русифицируются иноземные колонисты. Полностью уничтожается разряд так называемых “подданных иностранцев”, тех, кто “сами себя Иностранцами считают и <...> присягнули в Подданстве прежним Властелинам над Россиею, но не Россию за свое отечество признали” (остзейские немцы, поляки, живущие за пределами Польши, греки, армяне и т. д.). Они должны определиться — или стать “совершенно русскими” со всеми вытекающими отсюда последствиями, или перейти в разряд “совершенно иностранцев”. О решении польского и еврейского вопроса подробно говорилось выше.

КУЛЬТУРНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Декабризм в мировоззренческом плане представляет собой своеобразный гибрид Просвещения и Романтизма: с одной стороны — устойчивый, уверенный в себе (иногда до наивности) рационализм, с другой — принципиальный историзм, поиски общественного идеала в русском прошлом, склонность к эстетической архаике. Социально-политическая программа “первенцев русской свободы” была, несомненно, “западнической”, но ее культурное оформление явно тяготело к “почвенничеству”. В этом смысле декабризм — типичный представитель центрально- и восточно-европейского национализма, отличие его, пожалуй, только в том, что политика в данном случае шла не следующей стадией после “культурного возрождения”, а, наоборот, предшествовала ей, и культурный национализм “отставал” от политического, был недостаточно разработан. Среди вождей Тайного общества имелись известные литераторы (Рылеев, А. Бестужев), но большинство все же составляли амбициозные “политики” из офицерской среды, чьи литературные, культурологические и исторические штудии носили случайный, дилетантский характер (что не отменяет значительности последних). Это, скорее, “декларации о намерениях”, чем полноценное творчество. Кроме того, русская высокая культура к 1825 г. находилась еще в периоде становления и не могла предоставить достаточно материала для культурного национализма. Но все это вовсе не означает, что декабристы не придавали ему первостепенного значения.

Всерьез обдумывалась, например, языковая проблема. “Иноземцы, дабы господствовать над умами людей, — писал Н. И. Кутузов, — стараются возродить хладнокровие и само пренебрежение к отечественному наречию. Язык заключает в себе все то, что соединяет человека с обществом; самые малейшие его оттенки сильно говорят сердцу патриота и чужды рабу иноземному. <...> Народы для знаменитости и могущества должны заботиться о господстве языка природного во всех владениях своих, о всегдашнем употреблении его и совершенстве: совершенством языка познается величие народа”. Декабристы негодовали на “изгнание родного языка из обществ”, “совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку” (А. Бестужев), на господство французской речи в дворянской среде и активно пропагандировали

переход к русскому как языку общения и переписки. Тот же Кутузов полагал, что учащиеся до 16 лет должны изучать только родной язык. М. Орлов писал княгине С. Г. Волконской о воспитании ее детей: “Пусть постигнут они глубину духа их родного языка! Пусть вся их переписка с Вами, с их отцом, с друзьями всегда будет на русском языке! Именно приказывайте им это, и никогда не должно быть двух мнений в этом отношении. Возвращайте безжалостно все письма, где они примешают хотя бы одно иностранное слово” (забавно, правда, что эти пламенные патриотические строки писались по-французски).

Некоторые декабристы, ориентировавшиеся на лингвистическую программу политически от них предельно далекого А. С. Шишкова, предлагали весьма масштабные проекты по очистке русского языка от иноземных заимствований. В. К. Кюхельбекер надеялся “очистить русский язык от слов, заимствованных со времен Петра I” из латинского, французского и немецкого языков. Особенно раздражали Вильгельма Карловича германизмы (“совершенно невыносимые варваризмы”): “Мы не теряем надежды, что, в конце концов, правительство примет меры, чтобы больше не оскорблять народного чувства *шлагбаумами, ордонанс-гаузами, обер-гофмаршалами* и т. п. словами, которые до сих пор искажают письменную речь, придают ей нечто от враждебной державы, оскорбляют национальную гордость и являются по справедливости предметом насмешек тех же иностранцев, у которых заимствованы эти варварские выражения”.

Планировал “русификаторскую” языковую реформу Пестель, “в результате которой все заимствованные слова были бы заменены словами со славянскими корнями”, под очевидным влиянием опыта того же Шишкова (сочинения последнего имелись в личной библиотеке лидера Южного общества). Вот выборочный список пестелевских славянизмов применительно к военной области: армия – рать; корпус – ополчение; дивизия – войрод; батальон – сразин; артиллерия – воемет, бронемет; кавалерия – конница; иррегулярная – бесстройная; кирасиры – латники; арсенал – оружейня; рекрут – ратник; колонна – толпник; каре – всебронь; диспозиция – боевой указ; офицер – чиновник; штаб – управа; штандарт – знамя.

Декабристы-литераторы выступали с красноречивыми призывами к созданию подлинно национальной русской литературы. А. Бестужев в 1825 г. задавался вопросом: “Когда же мы попадем в свою колею? Когда будем писать прямо по-русски? <...> все образцовые дарования несут на себе отпечаток не только народности, но и века и места, где жили они, следовательно, подражать им рабски в других обстоятельствах – невозможно и неуместно”. В 1833 г. он развивает ту же тему на примере исторического романа: “Где мне только исчислить все девственные ключи, которые таятся доселе в кряже русском! Стоит гению топнуть, и они брызнут, обильны, искрометны”. В. Кюхельбекер восклицал: “Да создается для славы России поэзия истинно русская; да будет святая Русь не только в гражданском, но и в нравственном мире первую державою во вселенной <...> Станем надеяться, что наконец наши писатели <...> сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими”. Источники для “истинно русской поэзии”: “вера праотцев, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные”. Н. Кутузов указывал новой русской поэзии (и, конкретно, молодому Пушкину) как на образец на “Слово о полку Игореве”.

Историческая тема – одна из центральных у декабристов. Это не удивительно, они жили в эпоху, когда история стала делом общественной и государственной важности, когда авторитет прошлого был признан первейшим аргументом для обоснования тех или иных актуальных социально-политических практик. Деятели Тайного общества не только жадно читали исторические сочинения, но и стремились создать собственную концепцию отечественной истории, которая не могла не быть полемически заостренной против наиболее авторитетной в 1820-х гг. исторической концепции Н. М. Карамзина. Последняя “аргументом от истории” утверждала благодетельную неизбежность и незыблемость для России самодержавия, сводя русскую историю даже не к истории государственности, а к истории монархии. Декабристов не устраивала тенденция “выставлять превосходство самодержавия и какую-то блаженную патриархальность, в которой неограниченный монарх, как нежный чадолюбивый отец, и дышит только одним желанием счастливить своих подданных” (М. Фонвизин). Им, для обоснования своих социально-политических идеалов, нужно было противопоставить этой концепции принципиально другое, альтернативное представление о русском прошлом.

Во-первых, декабристы настаивали на том, что русская история – это история народа. Никита Муравьев так и начинает свою критическую статью о карамзинской “Истории”, в пику ее “посылу” (“история народа принадлежит царю”): “История принадлежит народам”. Движущая сила истории – “дух народный, без которого не совершается коренных переворотов”. Во-вторых, русская история – это история *свободного* народа, который в начале своего бытия управлялся демократически: “древние республики Новгород, Псков и Вятка наслаждались политической и гражданскою свободою <...> и в других областях России народ стоял за права свои, когда им угрожала власть <...> общинные муниципальные учреждения и вольности были в древней России во всей силе, когда еще Западная Европа оставалась под гнетом феодализма” (М. Фонвизин). Затем эта свобода была “похищена” московскими князьями, “обманом” присвоившими “себе власть беспредельную, подражая ханам татарским и султану турецкому <...> Народ, сносивший терпеливо иго Батая <...> сносил таким же образом и власть князей московских, подражавших во всем сим тиранам” (Н. Муравьев). Императорский период также оценивался весьма критично, за исключением деятельности Петра I, Екатерины II и “дней Александровых прекрасного начала”. Впрочем, у некоторых декабристов (Кавховский, Лунин, Поджио) и Петру предъявляется суровый счет. История поселемонгольской России – история борьбы народа за возвращение “похищенной свободы”, включающая в себя и Земские соборы Московской Руси, и “кондиции” “верховников”, и конституционные проекты Н. И. Панина и П. А. Палена, и, наконец, Тайное общество. “Думы” Рылеева пропагандировали декабристскую историческую концепцию в поэтической форме. Даже вроде бы монархический “Иван Сусанин” несет в себе национал-демократический заряд: герой жертвует собой за “русское племя” и за *выборного* царя.

Таким образом, декабризм претендовал быть не просто “почвенным”, но *истинно* “почвенным” явлением русской жизни. Борьба за политическую свободу и демократию превращалась из подражания иноземцам в “возращение к корням”. С. И. Муравьев-Апостол в своем “Православном катехизисе” призывает “христолюбивое воинство российское” не *установить*, а именно “*восстановить* правление народное в России”. Н. Муравьев единственный способ “добывать свободы” видит в том, чтобы “утвердить постоянные правила или законы, как бывало в старину на Руси”. Народно-вечевое прошлое Руси, по его мнению, опровергает “ни на чем не обоснованное мнение, что русский народ неспособен, подобно другим, сам распоряжаться своими делами”. Рылеев полагал, что “Россия и по древним воспоминаниям и по настоящей степени просвещения готова принять свободный образ правления”. Естественно, что среди декабристов царил подлинный культ “Господина Великого Новгорода”.

“Восстановление свободы” поэтому мыслилось в национальных русских формах. По “Конституции” Н. Муравьева, “гражданские чины, заимствованные у Немцев и ничем не отличающиеся между собою, уничтожаются сходственно с древними постановлениями народа Русаго”. Зато появляются должности тысяцкого (глава уездной исполнительной власти), волостного старейшины, державного дьяка. Области, на которые делится государство, получают название “держав”, законодательное собрание именуется Народным Вечем (а его верхняя палата – Верховной Думой), вместо министерств учреждаются “приказы” и т. д. В первой редакции “Конституции” столицу предполагалось перенести в Нижний Новгород, переименованный в Славянск (в третьей редакции столица – Москва). В пестелевской “Русской Правде” практически то же самое: столица переносится в Нижний Новгород (переименованный во Владимир, Владимир же становится Клязминим), законодательная власть осуществляется Народным Вечем, исполнительная – Державной Думой, Петербург переименовывается в Петроград.

Некоторые декабристы придавали серьезное значение “восстановлению” национального быта или, как сказал бы К. Н. Леонтьев, национальной “эстетики жизни”. М. Дмитриев-Мамонов публично расхаживал в красной рубахе, полукафтани, шароварах, носил бороду. В. Кюхельбекер мечтал, но не решался носить “русский костюм”, ограничившись тем, что облачил в кафтан своего слугу. Рылеев хотел явиться на Сенатскую площадь в “русском платье”. Можно вспомнить и о его “русских завтраках” с водкой и квашеной капустой, по поводу которых Н. Бестужев вспоминал “всегдашнюю склонность” поэта – “налагать печать русизма на свою жизнь”. Замечательно признание

А. Бестужева на следствии, что “в преобразовании России <...> нас более всего прельщало русское платье и русское название чинов”.

ДЕКАБРИЗМ В ИСТОРИИ РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Подавляющее большинство декабристов, оставивших после себя литературное или эпистолярное наследие, доступное автору этой работы, не могут быть иначе квалифицированы как *классические европейские националисты*. И что еще более важно, главные идейно-политические документы декабризма – “Конституция” Н. Муравьева и (в еще большей мере) “Русская Правда” Пестеля – это *программы построения национального государства*.

Национализм декабристов был либерально-демократическим, выдвигающим в качестве обязательного условия русского нациостроительства кардинальные реформы социального и политического строя Российской империи: прежде всего, отмену крепостного права и ограничение (конституционное или “нравственное”) или ликвидацию самодержавия. Среди членов Тайного общества существовали серьезные разногласия, там можно найти и радикальных республиканцев и консервативных монархистов, но, во всяком случае, на этих пунктах (в разных интерпретациях) сходились все.

Важно отметить, что декабристский национализм был отнюдь не маргинальным явлением в среде элиты русского дворянства. А. Бестужев с полным основанием говорил на следствии: “едва ли не треть русского дворянства мыслила подобно нам, хотя была нас осторожнее”. Этому не нужно удивляться, декабризм – идеология именно дворянская, напрямую вытекающая из интересов наиболее прогрессивной части “благородного сословия”, которое собственно и инициировало русский национализм в своих социально-политических интересах. Многочисленных “симпатизантов” декабризма оттолкнула от него вовсе не программа и даже не столько радикальные средства, предложенные для реализации последней (далеко не все члены Тайного общества были сторонниками вооруженного восстания), сколько его поражение, оплаченное кровью и репрессиями. Такой массовой “чистки” русское дворянство не знало никогда в “петербургский период” (даже в эпоху “бириновщины”). Следствием этой психополитической травмы стал поиск дворянской элитой иных путей развития России.

Декабризм, будучи одним из наиболее ярких проявлений русского национализма, “выпал” из его истории по вполне объективным причинам. Его вожди и участники были либо казнены, либо “изъяты из обращения” (Герцен) на тридцать лет. За это время сформировались другие версии националистической идеологии (славянофильство и западничество) вне прямой связи с “людьми 14 декабря”, чьи программные документы были просто-напросто недоступны. Поднявший на щит декабристов в 1850-е гг. Герцен “присвоил” их себе как “предшественников” и вписал в качестве родоначальников в историю “русского освободительного движения”, интерпретировав идеологию Тайного общества в духе собственных воззрений. Эта трактовка оказалась чрезвычайно влиятельной, тем более что “Русская Правда” впервые была издана только в начале XX в.

Между тем, вернувшиеся из ссылки декабристы, первоначально Герцена высоко ценившие, вскоре, во время польского мятежа 1863 г., оказались с ним по разные стороны баррикад, вместе с М. Н. Катковым, похвалы которому нередки в их переписке. Некоторые из них (Завалишин, Свистунов) стали литературными сотрудниками катковских изданий. Своих единомышленников “первенцы русской свободы” искали именно среди националистов новой формации. Сочувственные ссылки на М. П. Погодина находим, например, у Штейнгейля и Поджио. С симпатией относились многие декабристы к славянофилам. Волконский 13 января 1857 г. писал И. Пущину из Москвы: “Я здесь довольно часто вижу некоторых славянофилов, странно, что люди умные, благонамеренные – [придают столько значения своему платью (в оригинале фраза по-французски. – С. С.)], но что они люди умные, благонамеренные, дельные, в том нет сомнения – и теплы они к емансипации и горячи к православию, а народность и православие – вот желаемая мною будущность России. При сем прилагаю тебе стихи Хомякова [“По прочтении псалма”] – по-моему, замечательные”. М. Муравьев-Апостол солидаризовался со славянофилами в оценке первого “философического письма” своего бывшего однополчанина П. Я. Чаадаева: “Человек, который участвовал в походе 1812 г., и который мог

это написать, положительно сошел с ума. Понимаю негодование А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и всякого искреннего русского». В 1870-х гг. Матвей Иванович сделался горячим поклонником суворинского «Нового времени» и «Дневника писателя» Достоевского, в последнем он видел прямого наследника декабристов: когда Достоевский «пишет о нашей Красавице России, мне кажется, что слышу брата [Сергея] и Павла Ивановича Пестеля <...> «Русская Правда» когда-нибудь явится на Божий Свет. Какой славой озарится имя Пестеля!»

Интересно, однако, что если декабристы видели в позднейших националистах своих продолжателей и единомышленников, то последние не только не признавали связи с ними, но, напротив, старательно от нее отреклись (тот же Достоевский). Люди другого поколения, воспитанные под жестким прессом николаевского режима, они уже не чувствовали государство «своим» и потому не могли совместить в себе, подобно «детям 1812 года», пафос борьбы за политическую свободу с национально-государственным патриотизмом. Славянофилы и Катков отказались от первого, Герцен — от второго. В обоих случаях государство приобрело трансцендентный, а не имманентный характер, только в первом случае оно либо обоготворялось (Катков), либо становилось закрытой в себе сферой, четко отделенной от общества (славянофилы); во втором же — делалось объектом ненависти и сопротивления. Западники же, сохранившие модернистский потенциал декабризма, почти совершенно не восприняли его культурный национализм.

Прославляемые славянофильско-почвенническими националистами 40–80-х гг. добродетели «смирения», «самоотречения» и проч., ставшие морально-психологической компенсацией за унижение и бессилие дворянства и интеллигенции в николаевское царствование, никак не сочетались с декабристским этосом самостоятельного, деятельного гражданина, лично отвечающего за ход истории. Кроме того, те же самые обстоятельства николаевского тридцатилетия сформировали у возмужавшего в эту пору поколения культ (квази) теоретических схем, разного рода историософий, которым многие его представители (особенно это заметно у славянофилов) последовательно подчиняли свою практическую деятельность. Декабристы же — практики по преимуществу, теории создавались ими на ходу, ad hoc. Можно видеть в этом «недостаток глубины», а можно, напротив, ценить прямой взгляд на вещи, не замутненный культурными мистификациями.

Так или иначе, но при всех противоречиях со славянофилами и Катковым декабристы выбрали их, как националисты националистов, а не Герцена, в мировоззрении которого националистический концепт тоже присутствовал, но «забивался» абстрактно-гуманитарной риторикой.

В начале XX в., после издания «Русской Правды», русские националисты либерального толка из Всероссийского национального союза заинтересовались декабризмом, в их сочинениях (например, у П. И. Ковалевского) появились сочувственные ссылки на Пестеля. Но дальше настали времена, для русского национализма не слишком благоприятные. В СССР, начиная с конца 1930-х гг., о национализме декабристов писать было не принято. Фрондирующие исследователи хрущевско-брежневских времен, вроде Н. Эйдельмана, и «оппозиционные» «мастера культуры» (Б. Окуджава, В. Мотыль с его фильмом «Звезда пленительного счастья») старательно лепили из них «шестидесятников». «Русская партия» 60–80-х гг. полностью отдала декабристов на откуп либералам, предав их культу славянофилов и Леонтьева.

Так что нет ничего удивительного в том, что только сегодня мы начинаем понимать уникальное место декабристов в истории русского национализма. Во-первых, они в своем мировоззрении органично соединили идею демократии и идею национальной самобытности. Во-вторых, они выступили как действенная, самостоятельная политическая сила во имя реализации своих идеалов.

Собственно, таким и должен быть любой нормальный национализм.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ПИЛИГРИМЫ

*(К 75-летию со дня рождения Н. М. Рубцова
и к 15-летию со дня смерти И. А. Бродского)*

I

На рубеже 50–60-х годов прошлого века в Ленинграде встретились два молодых поэта, известные всего лишь узкому кругу своих друзей и поклонников. Оба они с разницей в несколько лет написали по стихотворению, каждое из которых постепенно становилось знаменитым и делало “широко известными в узких кругах” своих создателей.

Оба стихотворения быстро обрели в читательском мире самостоятельную жизнь, а за полвека стали символами двух глубоких мировоззрений и очертили два пути, по которым до сих пор шествуют и человеческие толпы, и люди-одиночки.

Имена этих поэтов-провидцев сейчас известны всем – это Иосиф Бродский со стихотворением “Пилигримы” и Николай Рубцов, сочинившие стихи о пилигримах, бредущих по земным дорогам.

Впрочем, сам образ дороги традиционен для русской поэзии, если вспомнить о том, что “не одна во поле дороженька пролежала”, или пушкинские “Дорожные жалобы”, или “Выхожу один я на дорогу”... Да и вся русская поэзия пронизана некрасовскими, тютчевскими, блоковскими, есенинскими дорогами... И вообще в русском сознании слово “дорога” означает слово “судьба”. И в стихотворениях Бродского и Рубцова присутствует редкое слово “пилигрим”. Я уверен, что, живя в одни и те же годы в Ленинграде, они встречались в узкой ленинградской богеме, где рядом с ними были Евгений Рейн и Глеб Горбовский, Виктор Соснора и Борис Тайгин, Константин Кузьминский и Леонид Агеев, Нина Королева и Анатолий Найман, Лидия Гладкая и Эдуард Шнейдерман.

Все они дышали одним воздухом, но Рубцов и Бродский дышали им глубже других. И по мнению Евгения Рейна, опубликовавшего в “Литгазете” (№ 20, 2010) к 70-летию Бродского одну из самых точных и честных статей о его судьбе, настоящая слава к поэту пришла сразу после “Пилигримов”.

Я помню, как однажды в 1960 году меня навестили муж и жена, составители книги словацкого поэта Ладо Новомесского, принесли подстрочники для перевода, мы засиделись, выпили по рюмке, и слависты под гитару с яростным вдохновением исполняли “Пилигримов” Бродского. Я был поражен мрач-

ной энергией и музыки, и самого стихотворения, которое, как мне показалось, тогда уже стало чуть ли не гимном для небольшой, но пассионарной части “оттепельной” интеллигенции, восхищённой судьбой героев стихотворения.

Впоследствии я понял, что гимна из этого стихотворения не получилось, в основу гимна легло более понятное для либеральных масс рифмованное сочинение Булата Окуджавы “Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке”.

Пилигримы

*Мои мечты и чувства в сотый раз
Идут к тебе дорогой пилигримов.*

В. Шекспир

*Мимо ристалищ, капищ,
мимо храмов и баров,
мимо шикарных кладбищ,
мимо больших базаров,
мира и горя мимо,
мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.
Увечны они, горбаты,
голодны, полуодеты,
глаза их полны заката,
сердца их полны рассвета.
За ними поют пустыни,
вспыхивают зарницы,
звезды встают над ними
и хрипло кричат им птицы,
что мир останется прежним,
да, останется прежним,
ослепительно снежным
и сомнительно нежным,
мир останется лживым,
мир останется вечным,
может быть, постижимым,
но всё-таки бесконечным.
И значит, не будет толка
от веры в себя да в Бога.
...И значит, остались только
иллюзия и дорога.
И быть над землёй закатам,
и быть над землёй рассветам.
Удобрить её солдатам,
одобрить её поэтам.*

Поистине в большом познании много скорби. И если вспомнить, что стихотворение написано восемнадцатилетним человеком, то неизбежно придёшь к выводу, что Иосиф Бродский никогда и не был молодым поэтом, он как будто бы и родился или стариком, или вообще существом без возраста.

Пилигримы Бродского из последних сил бредут в неведомую даль, как дети несовершенной и враждебной им цивилизации, созданной их же руками, как вереница искалеченных и обездоленных её детей, вернее, изгоев человеческого гетто. “Увечные”, “горбатые”, “полуодетые”, “голодные”, “палимые синим солнцем”. Так и хочется спросить: “Сколько их? Куда их гонит?”

Их дорога в “никуда” или неизвестно куда оглашается хриплыми криками то ли древнерусских ворон, то ли древнегреческих гарпий, внушающими странникам, что мир жесток и “лжив”, что он “останется прежним, да, останется прежним, ослепительно снежным и сомнительно нежным”, то есть несправедливым и немилосердным, что он не изменяется так, как им этого бы

хотелось. А от сознания этой несправедливости лишь один шаг к отрицанию Бога и человека, как его подobia.

“И значит, не будет толка от веры в себя и в Бога”...

А что же остаётся? Брести подобно зомбированному неведомой волей стаду к неведомой цели, подчиняясь фатуму, слепому инстинкту, подобному тому, который гонит рыбы стада на смертельный и неизбежный нерест и полчища крыс, повинующихся дудочке могущественного и лукавого крысолова.

В какое время и по какой земле движутся пилигримы, словно колонна военнопленных, без охраны, сдавшихся врагу добровольно — это не имеет значения. Словно послушные овцы, бредут они по организованным и расчерченным дорогам цивилизационного, рукотворного ада, созданного, видимо, их же руками. Разве что одна конкретно-историческая примета есть в стихотворении: они бредут “мимо Мекки и Рима”, то есть две самых великих мировых религии чужды этим избранным толпам.

Вечные протестанты, потомки Агасфера, закосневшие в своей отверженности и своей гордыне... И Бог их не слышит, и солнце их жжёт, и птицы над их шествием “хрипло кричат” что-то погребальное, и с каждым шагом остаётся всё меньше и меньше от великой иллюзии, которая дала пилигримам толчок много веков тому назад — для начала этого рокового, но безблагодатного шествия.

Вот каким апокалиптическим откровением — апофеозом похода пилигримов была поражена душа молодого Бродского, и этот ожог души остался у него на всю жизнь.

Иллюзия цели. Иллюзия жизни. Иллюзия спасения. Но утрата иллюзий не проходит бесследно. Лучше и точнее всех угадал драму Бродского один из самых близких его друзей Евгений Рейн, пронзительно заметив, что “пилигримы” были важнейшей точкой в мировоззренческом становлении Бродского. Рейн нащупал все дальнейшие нити, протянувшиеся от этого старта: “Описываемый им мир — это мир сумеречный, пессимистический, не оставляющий никакой надежды”; “Бродский становится мизантропическим и как бы одноцветным поэтом, каким мы его знаем”; “Шутки довольно саркастичны и злы, и никакого просвета в этих стихах нет”; “Негативный философский взгляд, сопряжённый гениально отточенной метафорикой”; “Видимо, в нем был и момент моральной опустошённости”; “Именно это нагромождение изысканных темнот...”. И это при всей любви к своему младшему брату и ученику... Ну как тут не вспомнить мысль нелюбимого зрелым Бродским Александра Блока: “Оптимизм, как и пессимизм — признак плоского и пошлого мировоззрения. Только понимание жизни как трагедии даёт цельную картину мира”.

Самые сильные из “пилигримов” неизбежно скатываются к богоборчеству. И не случайно я вспомнил, что у меня на полках где-то стоит книга Хаима Нахмана Бялика, которого отцы-основатели сионизма считали великим поэтом. Книга эта издана в 1914 году в переводах и предисловии Зеева Жаботинского.

В ней всё как по заказу — и предисловие, и стихи, и поэмы — о “пилигримах”. “Всё, что есть роскошь жизни, было изгнано из национального обихода: изгнана любовь, изгнана радость, изгнано творчество, изгнано всё то красивое, сверкающее, полнокровное, что Бялик объединяет в символе женщины, женского начала. Жизнь стала подобна пустынному каменистому острову. Только этой ценой мог безземельный бродяга сохранить остаток того, что есть высшее сокровище каждого племени — остаток своей самобытной личности, последнюю прядь от догоревшей “гривы Огненного Льва”. За стенами гетто, у чужих людей, искрилась и переливалась всеми красками Божией палитры свободная полнота жизни, — для узников пустынного острова порыв навстречу этой жизни означал бы исчезновение вечного народа “в волнах реки Аввадон, чьё имя — Гибель”. И вот на почве этой двадцативековой борьбы между радостью бытия и суровой миссией самосохранения, между Аввадоном и Небом, развивается у Бялика великая трагедия современного еврейства — нецельность, двойственность, сумеречная шаткость и зыбкость еврейской души” (Жаботинский).

Хаим Нахман Бялик, выходец из местечковой России, в начале XX века уехал в Палестину, в 30-е годы он восторгался расовой теорией Гитлера и Розенберга и сочинял стихи и поэмы, ставшие классикой еврейской поэзии.

Одна из сцен поэмы Бялика “Мертвецы пустыни” рассказывает о том, как проводник-араб путешествует с героем поэмы по Синайской пустыне и при-

водит его в места древнего захоронения, где, полузасыпанные песками Синая, лежат громадные остовы падших ангелов-пилигримов, которые, согласно “Книге Бытия”, в доисторические времена “входили к жёнам человеческим”. Так Хаим Нахман Бялик, тоже путешествовавший “мимо роскошных кладбищ”, нашёл самое древнее из них.

*То не косматые львы собралися на вече пустыни,
То не останки дубов, погибших в расцвете гордыни, —
В зное, что солнце струит на простор золотисто-песчаный,
В гордом покое, давно, спят у тёмных шатров великаны.*

.....
*Стёр ураган их шаги, потрясавшие землю когда-то,
Степь затаила дыхание, и скрыла, и нет им возврата.
Может быть, некогда в прах иссушат их ветры востока,
С запада буря придёт, и умчит его пылью далеко,
До городов, до людей донесёт и постелет, развеяв, —
Там первозданную силу растопчут подошвы пигмеев,
Вылижет прах бездыханного льва живая собака,
И от угасших гигантов не станет ни звука, ни знака...*

Да и сам Иосиф Бродский упокоился тоже как знатный пилигрим нового времени на одном из самых “шикарных кладбищ” мира – в Венеции, в сказочном городе, где жил еврейский ростовщик Шейлок и где рождались в средневековой Европе “ристалища”, “капища”, и “бары”, и “банки”, и “большие базары”. Мимо которых несколько веков спустя, как вечные тени легендарного Агасфера, проходили пилигримы Иосифа Бродского. . .

Но пилигримы Бродского могут иметь не только метафизическую сущность, как некое агасферово братство, но и вполне реальные исторические очертания. Их можно себе представить, как ополчение, бредущее под руководством монашеско-рыцарских орденов – тамплиерского, францисканского, бенедиктинского – на заре раннего средневековья для “освобождения гроба Господня от неверных”, а заодно и для завоевания земель и богатств Ближнего Востока. . . Первые крестовые походы, первая попытка фанатичной европейской черни покорить племена и народы Третьего мира.

Озлобленные на судьбу “протестанты” всех времён и народов, они могут принимать обличие европейского пуританского спецназа, предавшего огню и мечу цветущий животный, растительный и людской мир Северной Америки; они могут воплощаться в испанских конквистадоров, разрушивших до основания несколько естественных в своём величии земных цивилизаций; они похожи на солдат чёрного интернационала иностранных легионов, державших в рабстве тех африканцев, которым удалось спастись в своих джунглях от североамериканских работоговцев.

Помните гимн этих пилигримов: “День-ночь, день-ночь, мы идём по Африке, день-ночь, день-ночь, всё по той же Африке, и только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог, и отдыха нет на войне солдату”. . . Но это не просто солдаты. Это хорошо обученные наёмники.

Пилигримы Бродского не имеют отечества; они не знают, что такое вечность потому, что находятся в плену у времени; они, пожиратели пространства, всё время в походе, а это значит, что явления и картины жизни, сквозь которую они проходят – остаются для них чужими и непознанными. У них нет ничего кровного, родного. Это механические супермены цивилизации. Они не молят Бога о милости, но требуют поддержки от него, торгуются с ним (“а значит, не будет толку от веры в себя и в Бога”), не понимая того, что, как сказал один мудрец, “с Богом в карты не играют”.

Где только не побывал за свою короткую жизнь пилигрим Иосиф Бродский: в Англии, в Мексике, в Скандинавии, в Испании, в Голландии, в Капандоккии, в Ирландии, в Прибалтике, в Италии, в Америке. . . И, конечно же, в Венеции. И везде отмечился громадными полотнами однообразных, но блистательно зарифмованных скептических впечатлений!

II

Старая дорога

*Всё облака над ней,
Всё облака...
В тени веков мгновенны и незримы,
Идут по ней, как прежде, пилигримы,
И машет им прощальная рука.
Навстречу им июньские деньки
Идут в нетленной синенькой рубашке,
По сторонам — качаются ромашки,
И зной звенит во все свои звонки,
И в тень зовут росистые леса...
Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
Вечности глаза!*

*То полусгнивший встретится овин,
То хуторок с позеленевшей крышей,
Где дремлет пыль и обитают мыши
Да нелюбимый филин-властелин.
То по холмам, как три богатыря,
Ещё порой проскачут верховые,
И снова — глушь, забывчивость, заря.
Всё пыль, да пыль, да знаки верстовые...*

*Здесь каждый славен —
Мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвой.
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И больше ничего не происходит.
Но этот дух пройдёт через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как мысли, облака...*

Где и когда написал Николай Рубцов это стихотворение? Попытаюсь пред-
ставить...

Юный нестеровский отрок вышел с берега Сухоны на старую дорогу через
Усть-Толшму до Николе. Тридцать километров лесом, лугами, распадками,
по влажным, наполненным тёмной водой глубоким колеям от когда-то буксо-
вавших здесь телег и машин. Мимо заброшенных починков, почерневших
прошлогодных зародов, серебристых от старости столбов телеграфных.
Сколько раз, пока дойдёшь до Николе, присядешь то у заброшенного овина,
то на лесной земляничной опушке, то возле древнего погоста, то у кустов ди-
кой малины. Я представляю его себе усталого, в промокнутой обуви, с фиб-
ровым чемоданчиком, где немудреное бельишко, да сборник Тютчева, да во-
рох черновиков. Он бредёт, покачиваясь от усталости, а вокруг “зной звенит
во все свои звонки”, но зато вглубь зовут “росистые леса”, качаются белые
ромашки, и, куда ни глянь, всё трогает и волнует душу — и “филин-власте-
лин”, и верховые, “как три богатыря”, проскакавшие куда-то к дальней кром-
ке горизонта, и тишина.

Здесь каждый славен — мёртвый и живой!..

Редко-редко бывает, если какой-то грузовик догонит студента-пилигрима, шофер высунется из кабины и спросит: “Далеко ли идёшь?”

*Я шёл, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
— Куда ты? — В деревню Предтеча.
— Откуда? — из Тотьмы самой.*

Он садится в кабину и едет дальше, радуясь, что отдыхает усталое тело, и в то же время смутно понимая, что теряет нечто, не успевая взглянуться в небо, надышаться ветром, распахнуть душу воле, синеве, зелёному простору.

А потому, не доезжая несколько вёрст до родного села, просит шофёра притормозить и выходит из кабины.

*И где-то в зверином поле
Сошёл и пошёл пешком.*

В отличие от пилигримов Бродского, идущих сквозь безымянные, безвременные и безнациональные пространства, пилигримы Рубцова бредут по русскому, российскому, хотя и запущенному саду с радостной душой, сквозь лесные и травяные райские кущи, в которых нет ни “баров”, ни “больших базаров”, разве что мелькнут руины архаического быта — “полусгнивший овин” да “хуторок с позеленевшей крышей”, да — “знаки верстовые” попадаютс одне, поставленные, может быть, во времена Разина и Пугачёва. Пилигримы Бродского проходят мимо “роскошных” ухоженных и архитектурно выстроенных мемориалов Западного мира, пилигримы Рубцова — мимо безымянных, уходящих в землю могил (“каждому памятник — крест”), о которых со смирением можно сказать лишь одно: “Здесь каждый славен — мёртвый и живой”, то есть повторить другими словами извечную истину: “для Бога мёртвых нет”.

Да и сам пилигрим Николай Рубцов, всю жизнь бродивший по русскому православному белому свету, вернулся на своё вологодское кладбище, отнюдь не “шикарное”, что явствует из стихотворения Анатолия Передреева, посетившего в 70-х годах могилу своего друга:

*Лишь здесь порой,
Как на последней тризне,
По стопке выпьют... Выпьют по другой...
Быть может, потому,
Что он при жизни
О мёртвых помнил, как никто другой!*

*И разойдутся тихо,
Сожалея,
Что не пожать уже его руки...
И загремят им вслед своим железом,
Зашевелятся
Мёртвые венки...*

*Какая-то цистерна или бочка
Ржавеет здесь, забвению сродни...
Осенний ветер...
Опадает строчка:
— Россия, Русь, храни себя, храни...*

...А ведь некогда обе эти дороги вышли из одной точки Бытия, но, потянувшись по историческому пространству к горизонту, с каждым витком всё круче и круче расходились друг от друга...

Народы, как сказал один православный мудрец, “суть мысли Божии”. Две дороги, избранные двумя великими народами, воплотились в две Божьи мысли, тайну которых можно будет разгадать лишь в последние времена.

Пилигримы Николая Рубцова — это калики перехожие, облик которых запечатлён в русских былинах и народных песнях... Это люди святой Руси, персонажи не от мира сего, бредущие отмаливать грехи и свои и своего народа в Киевскую Софию, в Оптиную пустынь, в Дивеево к Серафиму Саровскому, а кто и на Святую Землю.

Это некрасовский Кудеяр, ставший молитвенником и строителем Божьих храмов, это очарованный странник Лескова, это князь Мышкин Достоевского и Касьян из Красивой Мечи Тургенева, это босяки Горького и чеховские герои из повести “Степь”, и богомольцы из стихов и поэм Сергея Есенина, это семейство Аввакума, бредущего в ссылку.

Это люди не времени, а вечности, о которых с такой проникновенной силой написал Алексей Константинович Толстой в одном из лучших своих творений:

*Благословляю вас, леса,
долины, реки, горы, воды,
благословляю я свободу
и голубые небеса,
и посох свой благословляю,
и эту нищую суму,
и степь от края и до края,
и солнца свет, и ночи тьму.
.....
и в поле каждую былинку,
и в небе каждую звезду...*

Такая вселенская широта души непонятна и не нужна пилигримам Бродского.

III

С будущим нобелевским лауреатом я познакомился через несколько лет после знакомства с Рубцовым в середине 60-х годов прошлого века, когда в редакцию журнала “Знамя” зашёл рыжеволосый молодой человек, откомендовался и пожаловался на гонения, которым он подвергается в родном городе, и попросил меня прочесть его стихи.

Собственно, это были не стихи, а длинная поэма... Я прочитал её при авторе, поскольку он торопился с отъездом, и сказал ему, что как версификатор он весьма поднаторел в сочинении стихов, но поэма явно несамостоятельна, поскольку написана под сильным влиянием Пастернака и Цветаевой, и посоветовал ему никогда не публиковать её.

Но одновременно мне стало жалко его, почти юношу, за все наветы, вылитые на него ленинградской прессой. А обвинения в “тунеядстве” вообще возмутили меня, поскольку я незадолго до того получил письмо из деревни Никола Вологодской области, где Коля Рубцов тоже жаловался на своих деревенских земляков:

“Я проклинаю этот Божий уголок за то, что нигде здесь не подработаешь, но проклинаю молча, чтоб не слышали здешние люди и ничего обо мне своими мозгами не думали. Откуда им знать, что после нескольких (любых, удачных и неудачных) написанных мной стихов мне необходима разрядка — выпить и побалагурить”.

Чтобы хоть как-то утешить нервного рыжеволосого юношу, я подарил ему свою книжку “Метель заходит в город” с какой-то душевной надписью, которую забыл (как забыл и сам факт дарения книги), о чём при случайных обстоятельствах вспомнил лет через сорок после этой встречи и лет через десять после его смерти.

Первоначально я хотел назвать эту книгу “Очарованный странник” и открыть её следующим стихотворением.

Дальний Восток

*Самолёт пожирает пространство...
Час. Другой. Не видать ни зги,
ни деревни, ни государства,
ни огня — бесконечное царство
бездорожья, тайги и пурги.*

*Вы, романтики и мореманы,
алкоголики в якорях,
добровольцы и графоманы,
комсомольцы и капитаны,
вам просторно в этих краях.*

*Места хватает — а это значит,
можно шастать туда-сюда,
кочевать, корчевать, рыбачить
и судьбу свою переиначить,
если есть такая нужда.*

*Не хватает нам постоянства,
потому что вёрсты летят,
непрожёванные пространства,
самоедство и святотатство
у России в горле сидят.*

*А когда эта жажда охватит —
до свиданья, родной порог!
Мне хватило, и сыну хватит,
и его когда-то окатит
околесица русских дорог.*

Но сей замысел по разным причинам не осуществился.

А в начале 90-х годов прошлого века у меня случилась короткая переписка с Бродским, тогда уже жившим в Америке. Дело в том, что в 60-е годы в Москве жил незаурядный юноша по имени Сергей Чудаков. Сын крупного энкавэдэшного начальника, родившийся и выросший чуть ли не в Магадане, он сразу же при первом знакомстве заинтересовал нас (меня, Передреева, Кожина) многими своими свойствами: несомненной талантливостью, литературным вкусом, знанием русской поэзии, плебейским эстетством, порочным обаянием и даже некоей артистической растленностью. Словом, он был своеобразной русской ипостасью то ли Дориана Грея, то ли одного из братьев Карамазовых.

Кроме Иосифа Бродского с ним были в близких отношениях два Олега — Олег Осетинский и Олег Михайлов, которые до сих пор считают Чудакова одним из талантливейших поэтов своего поколения.

Этот русский вундеркинд и у меня также вызывал острое любопытство, хотя стихи, которыми он баловался, иногда удивляли свободой, высокомерием и восхитительным цинизмом.

*Ипполит, в твоём имени камень и конь.
Ты возжёт в чреве Феды, как жжёнку, огонь.
И погиб, словно пьяный, свалившийся в лифт,
Персонаж неолита, жокей Ипполит.*

*Колесницы пошли на последний заезд.
Зевс не выдаст, товарищ Буденный не съест.
Только женщина сжала программку в руке,
Чуть качнула ногою в прозрачном чулке.*

*Ипполит, мы идём на смертельный виток!
Лязг тюремных дверей и сверканье винтовок.*

*Автогонщик взрывается: кончен вираж.
Всё дальнейшее — недостоверность. Мираж.*

*“Я люблю тебя, мальчик, — сказала она,
Вожделем к мёртвому вся сожжена, —
Мне осталось напиться в ресторане “Бега”,
Мне осталась Россия, печаль и снега”.*

В 60-е годы мы встречались часто, но потом мой интерес к нему пропал, и мы могли не встречаться годами. Однако я почему-то до конца не выпускал из памяти его джеклондоновское лицо, скуластое, белозубое, большеглазое, обрамлённое крупными кольцами каштановых волос, и жалел о его не осуществившейся литературной судьбе.

Иногда до меня доходили слухи, что его то ли судили, то ли собираются судить за тунеядство, или за порнографические фильмы, или даже за сутенёрство. Но мне уже было не до Чудакова. Времена на дворе наступили грозные.

Однако вдруг в конце 1992 года в разгар государственной, бытовой и духовной разрухи я получил от него отчаянное письмо из Чеховского района Московской области, из селения Троицкое-Антропово, из психбольницы № 5, в котором он просил меня либо вызволить его из дурдома (куда он попал как душевнобольной, вместо того чтобы загреметь в лагерь), либо прислать ему немного денег на продукты, потому что кормят в психушке впроголодь.

А ещё в конверте лежало письмо для Бродского с просьбой узнать американский адрес последнего и отослать письмо в Америку. У Бродского Чудаков также просил денежного вспомоществования.

Я выполнил все его просьбы, послал ему денег, свежие журналы и свою новую книжку “Высшая воля” — стихи о смутном времени. В ответ весной 1993 года, когда начиналось роковое противостояние ельцинского окружения с российским парламентом, я получил от Чудакова очередное послание, которое, в отличие от других, случайно сохранилось в моём архиве.

“Дорогой Стасик!

*Восхищён книгой. Подробности в личном разговоре. Тираж в 5 тысяч оскорбительно мал. Я же писал тебе, что продаю квартиру за 40 тысяч долларов, это будет в апреле, я выписан, дело утверждается в суде. На Пасху мы похристосуемся. Так вот тебе пасхальный подарок: я выпущу книгу вторым изданием (надеюсь с дополнением) тиражом тысяч в 30 и обязуюсь всё распространить. Надеюсь ещё и прибыль получить. Пары тысяч долларов на это хватит. Но важно не это. Важно выиграть выборы. Я надеюсь быть одним из анонимных, но деятельных членов твоей избирательной команды. Когда бы ни состоялась голосование — осенью или зимой — победа русского крыла неизбежна. Я надеюсь, ты возьмёшь на себя ответственность быть членом учредительного собрания, сделать это надо в том же округе, что и в прошлый раз. Время только отметит (или высветит) твою правоту. Я беру на себя всё, что связано с TV (уже продумал, как это сделать в коротких роликах). Ну желаю тебе новых стихов. Прошу сообщить мне адреса, по которым ты отправил мои письма в Нью-Йорк Бродскому и в “Русскую мысль”. Олегу (Михайлову. — **Ст. К.**) привет. Я готов прийти ему на помощь — дать новые темы, женить в третий раз, благословить на рождение наследника (мальчика). В заключение прошу прислать твой журнал № 1—3 за 93 г. и, если можно, любые свежие номера “Литературного обозрения”, “Лит. учёбы” и “Вопросов литературы”. Я занят только немецким, читать нечего, кроме Евангелия.*

Поклон. Сергей Чудаков”.

Наш инфант террибль завёл речь о выборах в Российский парламент, поскольку вспомнил, что в 1990 году я баллотировался в Верховный Совет РСФСР по Дзержинскому округу Москвы и занял второе место из 15, даже опередив таких известных людей, как генеральный прокурор России Трубин или всемирно знаменитый художник Илья Глазунов. На следующий тур голосования нас осталось двое — я и известный демократ, ученик и поклонник Сахарова Михаил Астафьев, который, конечно же, победил меня в либерально-демократической Москве... С той поры я оставил всякую мысль заниматься прямой политической деятельностью и печально улыбнулся, прочитав послание Чудакова... Особенно то место, где он писал, что “победа русского кры-

ни Николая Рубцова. В скромном зале при лавре собрались друзья и поклонники поэта, пришла и дочка Рубцова Лена, которой я тут же передал денежную часть рубцовской премии.

А на другой день мы поехали в Ленинградский университет, посмотреть на недавно поставленный в его дворе памятник лауреату Нобелевской премии.

Николаю Рубцову, несмотря на то, что он жил в Питере, работал на Кировском заводе, посещал литературное объединение при заводской многотиражке, никакого памятника в Питере нет... Впрочем, он ему и не нужен. С него хватит памятника в Тотье на берегу Сухоны, памятника в Вологде на Набережном бульваре, надгробия на вологодском кладбище с барельефом, на котором выложены знаменитые, ставшие чуть ли не поговоркой, слова “Россия, Русь! Храни себя, храни!”

А здесь в каменном каре Двенадцати петровских коллегий собралась другая компания скульптур, в которой ему не было бы места.

Монумент Андрею Сахарову со связанными за спиной руками, сваренный из металлических полос и прутьев, не памятник, а скелет из ржавой арматуры, как будто трижды Герой Социалистического Труда прошёл через Освенцим. Слава Богу, что Елена Боннер не видела этот ржавый скелет своего знаменитого супруга... Памятник поручику Кижэ – железная связка всяческих ржавых обрезков; памятник молодой ведьме, летящей то ли на бревне, то ли на помеле, с сигаретой в руке, с задницей, блестящей от прикосновения студенческих рук.

Ещё несколько уродцев, облик которых я не захотел рассматривать, а имею на их разгадывать... Одно слово – пилигримы из стихотворения Бродского. И наконец мои спутники подвели меня к какой-то нескладной конструкции: “А вот это, Станислав Юрьевич, Ваш знакомый, великий поэт!”

... На уровне моего пояса на асфальте на попу стоял небольшой чемоданчик, грубо сваренный из толстых листов ржавого железа. На торце чемоданчика лежал каким-то образом прикрепленный к нему плоский необработанный камень, а к камню была прикреплена голова то ли из чёрного кокса, то ли из какого-то металла, вся в рытвинах, в оспинах, в коросте; лицо этой головы было запрокинуто к небу, и его украшала счастливая и, несомненно, дебильная улыбка. Глаза на лице были полузакрыты. А сама голова стояла на камне, словно отрубленная... Словом – карикатура. Отвратительнее этого памятника (если суммировать впечатление от него) я видел только две скульптуры: бюст Осипу Мандельштаму в Москве и памятник Чехову в Томске...

Я по-гамлетовски погладил ладонью скульптуру по шершавой, чуть ли не золотушной голове. “Бедный Иосик... что они с тобой сделали! Похоронили тебя на шикарном кладбище, на которое ты, будучи в сословии честных пилигримов, глядел с угрюмой неприязнью... Но этого мало. Вместо того чтобы изваять тебя в человеческом образе, как изваяли Николая Рубцова на его родине, тебе поставили не памятник, а какую-то бесчеловечную карикатуру. Если вспомнить твои строчки: “На Васильевский остров я приду умирать” – ты был достоин лучшего изваяния...”

... Когда я уезжал в Москву, то Володя Бондаренко сказал мне: “Ты зайди на Фонтанку в музей Ахматовой, в нём есть экспозиция “Американского кабинета Иосифа Бродского”. На выставке лежит твоя книжечка “Метель заходит в город” с твоим автографом”. “Ты прочитал его? – спросил я Володю. – Интересно, что я написал Иосифу почти полвека тому назад!” – “Нет, не прочитал, книжка была под стеклом в стеллаже, запёртом на замок...”

... Мы вскочили в машину и помчались на Фонтанку. Но опоздали. Музей уже был закрыт, и охрана, конечно, не пустила нас в залы, а вечером уезжал.

Однако я взял у охранника телефон музейной сотрудницы Нины Ивановны Поповой и, возвратившись в Москву, позвонил ей:

– Нина Ивановна! Прошу Вас, возьмите из экспозиции книжек, которые у Бродского были в Америке, мою книжечку “Метель заходит в город” и прочитайте, пожалуйста, какие слова я написал ему на память почти полвека тому назад...

Через минуту приятный женский голос ответил мне:

– Слушаете? Я читаю Вам Вашу дарственную надпись Иосифу Александровичу:

“Иосифу Бродскому с нежностью и отчаяньем, что эта книга будет совершенно чужда ему”.

Я уже тогда понимал, что моя книжечка о России (странно, что он сохранил её для себя) будет чуждой ему так же, как мне со временем стали совершенно чужды его знаменитые "Пилигримы". Странно, что я до сих пор помню их.

ВАЛЕНТИНА КОРОСТЕЛЁВА

КАК ВОЛЬНАЯ СИЛЬНАЯ ПТИЦА...

1

Серый октябрьский день. В просторной аудитории Литинститута имени Горького относительная тишина. Вдруг в мои руки попадает небольшая книжка. Прилежная студентка (мамино воспитание), хочу передать сборник дальше, поскольку и фамилия автора почти не знакома. Но что-то заставляет заглянуть внутрь...

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Безыскусные, с горчинкой, и все-таки очень светлые строфы коснулись самого сердца... Переворачиваю страницу – и там о ней, малой родине, но уже и шире, и глубже:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...*

И в том, как точно, с каким удивительным чувством меры повторялось далее слово “тихо”, уже был виден не только талантливый поэт, но и мастер. А строки ведут, и каждый глагол – сквозь сердце, и, наконец, как выдох:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Простые и пронзительные эти строки не дойдут разве что до человека, для которого не только поэзия, но и родина – пустой звук. Знал ли Николай Михайлович, тогда для большинства просто Коля, что в “самой смертной” связи с ним, поэтом, будут тысячи, а потом и миллионы людей – даже те, кто до сих пор смотрел на поэзию, особенно современную, свысока?!

Удивительно удачно, с большим тактом составлен сборник “Звезда полей”, вышедший в столице и сразу замеченный. Какой-нибудь недалекий ре-

дактор того времени, привыкший и стихи приводить к общему знаменателю, прошелся бы по рукописи жадным острым карандашом, и не было бы в книге таких, например, строк о родной деревне:

*За старинный плеск ее паромный,
За ее пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага.*

– Как это, от выстрела врага – безропотно и скромно? – вопрошал бы он. Но к счастью Рубцова, да и нашему тоже, поэт Владимир Семакин, редактировавший книгу, хорошо понимал, что поэзия – не только то, что в строках, но и то, что за ними.

Каждая страница в сборнике – ступенька в глубочайший внутренний мир Николая Рубцова. До сих пор многие склонны причислять его к поэтам чисто лирическим, камерным. Но вот третье по порядку стихотворение – “Русский огонек”.

*Огнем, враждой
Земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый,
Будет ли война? —
И я сказал: — Наверное, не будет.*

Ни одного громкого слова, а какая точная и емкая картина! И строки, ставшие уже крылатыми:

*За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...*

Уже несколько стихов достаточно было, чтобы с удивленной радостью понять, что судьба сделала тебе огромный подарок. Такого ощущения не было (да и только ли у меня?) со времени встречи с поэзией Есенина.

Почти о каждом произведении в сборнике можно говорить отдельно с искренним интересом и чувством благодарности. Но еще одно невозможно не вспомнить. Весь размах души поэта, вся глубина памяти и энергия творческой силы не вылились даже, а выхлестнулись как весенняя река из берегов, – в знаменитом уже “Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...”. А музыка, которая так органична всей поэзии Рубцова, достигает здесь поистине симфонической мощи. И “таинственный” всадник, что скрылся в тумане полей, будто перелетел с картины Чюрлениса на книжную страницу. Такая перекличка – и музыкальная и образная – может быть только у художника, вставшего вровень с большим искусством. И вот последние страницы сборника. И снова стихи с грустинкой, – тонкой, элегической, присущей только Рубцову, далекой от унылости, но какой-то очень щемящей.

*Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу...*

Цельная, сюжетно законченная книга. Это и радует, и тревожит почему-то...

– Кто он такой? Где живет, в каком городе? Сколько ему лет? – с этими вопросами кинулась я в перерыве к сокурсникам.

– Как кто? Да студент. Двумя курсами выше.

– Неужели? Покажете как-нибудь?

Книга, естественно, также исчезла из моих рук, как и появилась. Студент... Значит, свой парень. Попрошу подарить... Потом, будто испугавшись собственной смелости: какой там парень! Большой поэт, а я... Пыталась вообразить будущую встречу, но для этого надо было представить его, и не

только внешне. Вспоминалось почти античное: “Меж болотных стволов красовался восток огнеликий... Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!..” — и рисовался статный облик уверенного в себе и в жизни человека. И рядом: “Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица, Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!” А уж это и совсем другое: “В минуты музыки печальной не говорите ни о чем...”. Грустный, тихий человек? Тогда о ком же это: “Как под гибким телом Азамата, Подо мною взвился б аргамак!” И почти веселое: “Я забыл, как лошадь запрягают. И хочу ее позапрягать...”. И в конце: “А потом втыкал бы важно вилку Поросенку жареному в бок...”.

Окончательно сбившись в догадках, решила положиться на волю судьбы. И вот — общежитие института. Кто-то из однокурсников показывает в коридоре: “Вон видишь, навстречу идет? Рубцов!” И оставляет одну. От неожиданности я встала. До сих пор помню, как вихрь противоречий охватил меня. “Как, вот этот — угрюмый, в серой, выдавшей виды, одежде... почти без волос... непонятный какой-то — и есть Рубцов? Обманули, должно быть...”.

Но бежать было некуда. Уже заметили меня его темные внимательные глаза, и чем ближе он подходил, тем больше я видела в нем поэта — того самого, и не могла сделать ни шага — уже от волнения. Будь что будет!

— Извините, Николай... Михайлович...

Он остановился.

— Я прочитала вашу “Звезду полей”, в магазинах ее уже нет...

— А-а, — неожиданно улыбнулся, да так простодушно, открыто, что мне сразу стало легко. — Я не уверен, что у меня самого она еще есть. Разобрали, — и почти удивленно развел руками. И опять улыбнувшись: — Ну, я пойду...

— Конечно, — сказала я торопливо и растерянно: так быстро все произошло. Было и радостно, и чуть обидно.

Другой раз я увидела Николая в комнате товарищей курсом выше. Он сидел на кровати в сандалиях на босу ногу, в руках держал гитару. Но не пел, а только тербил струны да покачивал в такт ногой. И, кажется, никого не видел. Ребята не беспокоили его.

Надо ли говорить, что с тех пор я не пропускала ни одной публикации, рассказывая в Кирове встречным и поперечным о поэте Рубцове, наизусть читая его стихи. Иногда свои выступления по линии Бюро пропаганды полностью посвящала его творчеству, чувствуя себя счастливой оттого, что поэт становился близким и дорогим все новым и новым читателям...

И вот январский морозный день. В зале периодики областной библиотеки имени Герцена всегда много народу, а вечером тем более. Открываю газету — и перед глазами чернеют скорбные строки о Поэте. Не успеваю даже взять себя в руки — слезы застилают глаза, падают на газету. Встаю под недоуменными взглядами, отхожу к окну, долго смотрю на заснеженный город, заставляя себя успокоиться. А в сознании уже звучат короткие скупые строки:

*Я обязательно приеду
Хорошим днем в твои края,
Отдам поклон зиме и лету,
Всю эту даль боготворя,
Всю эту быль и эту небыль,
Где наравне — талант и труд,
Где ты навек сроднился с небом
И где нашел себе приют...*

2

Но, как известно, человек предполагает, а судьба диктует свое. И только через несколько лет удалось побывать там, где рос, учился и жил Николай Михайлович. К радостному удивлению, открыла, что места эти сродни вятским, и не случайно. Плыли мы по Сухоне на северо-восток. Оттуда до моего любимого Подосиновского района рукой подать, и село Никольское до невероятности похоже на село Утманово, где живет много добрых и талантливых вятских людей. Оживали строки и целые стихи поэта. Несмотря на непогоду, гости из разных уголков страны не уходили внутрь в кубрики, молча причаща-

лись той неброской красоте, что так тонко и глубоко воспел Рубцов. А вечером звучали песни на его стихи (оказывается, их очень много), вспоминались страницы его биографии.

Подолгу в эти дни на капитанском мостике простаивал Василий Белов, глядя на пологие, тронутые скупым осенним солнцем, берега. Ольга Фокина и Александр Романов рассказывали гостям о дружбе с Рубцовым, и каждый новый штрих был дорог и весом. Накапливали новый материал вологодские художники — те, что не только берегут память о Поэте, но и прекрасно оформляют его книги. Небольшой теплоход не смог взять на борт всех желающих принять участие в мероприятиях, посвященных 50-летию Поэта. Важнейшим из них было открытие памятника Николаю Рубцову в Тотьме. Знакомство со скульптором Вячеславом Клыковым для многих тоже стало событием. А на встречах с читателями, проходивших и в селе Никольском, и в Тотьме, — мы еще раз убедились, как любят здесь его поэзию, как с каждым годом растет число почитателей этого доброго и большого таланта. О том же говорят и тысячи писем, и ценные документы биографии Поэта, летящие со всех концов страны в Тотьму и Никольское, и постоянные издания его стихов, не дремлющие на полках магазинов, и все большее число как молодых, так и вставших на ноги поэтов, для которых Николай Рубцов — эталон истинной поэзии, мастер и друг. На обратном пути, задержавшись в Вологде, читала вечерами “Воспоминания о Рубцове” — книгу, сразу ставшую редкостью. Если бы половину слов, сказанных в ней, он услышал при жизни! Он, испивший не только горечь превратностей судьбы, но и боль непонимания, знавший жало сплетни и тиски одиночества... Память снова возвращалась к могиле Поэта. Будто сами собой вылились на бумагу строки:

*...Что ж, город, у тебя свои рассветы
И богатырский, скажем прямо, бег,
Но ты не спас, а мог спасти поэта!
И, как укор, ложится первый снег...
Могильный камень ничего не помнит,
Не разорвать сгустившуюся тьму, —
Но пламенеет все-таки шиповник,
И звезды откликаются ему!*

3

Прошло два десятка лет. Целая эпоха в жизни страны. Погорели многие литературные авторитеты, появились новые “звезды” — как истинные, так и зажженные на потребу дня. Последних куда больше. Но начинают по-настоящему оживать творческие союзы, и есть в них люди, могущие и имеющие право вести за собой. Слишком большую дань заплатили мы за эти годы раздора, слишком велико жертвоприношение, чтобы и впредь разбрасываться талантами. Думая о Николае Михайловиче, нельзя не помнить об этом... И все-таки какое счастье, что всегда можно взять с полки томик Рубцова, открыть наугад и никогда не ошибиться. Как постоять у иконы Иверской богородицы, нашей общей берегини.

*Божьей милостью чудный пиит
Уж чиновничьих снов не нарушит.
Но Россия поныне хранит
Ту сиротскую нежную душу.*

*Вот и он прилепиться не смог
К этой жизни, что бури листает, —
И сорвался, как дуба листок,
И летает меж нами, летает...*

С крутого берега родной ему реки Сухоны всматривается он и в новый день, и в нас: как-то мы любим Россию? Как-то воспринимается его поэзия сегодня? Впрочем, многочисленные издания его стихов в последние годы, несмотря на всю политическую свистопляску, говорят сами за себя. Хотя при

жизни у Рубцова вышли всего четыре небольшие книжки, НЕ был он отмечен ни премиями, ни достойным вниманием властей всех уровней – уже тогда многим было ясно, что это за поэт.

Николай Рубцов ушел и оставил в наследство, кроме щемящих душу стихов, – две проблемы. Одна: устарела ли такая поэзия в век компьютеров и виртуальной реальности? И вторая: прощать ли убийцу Поэта?

Первая проблема для людей, чей смысл жизни напрямую зависит от карьеры или в силу творческой несостоятельности, – как бы и не существует. Им по большому счету все равно, что будет с истинной духовностью, которая способна сберечь народ как великую нацию. Чем заумнее, чем рациональнее стихи – тем нынче моднее, престижнее, выгоднее во всех смыслах. Или чем смешнее, в крайнем случае.

Не поленитесь, дорогие читатели, загляните в ближайшую библиотеку. И поменьше верьте тем, кто мелькает за большие деньги на экранах. Верьте своему сердцу, и никогда не ошибетесь.

*...Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик над селеньем,
Льетесь ли чудное пение детского хора, —
О, моя жизнь! На душе не проходит волнение...
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...
“У размытой дороги”*

И, наконец, вторая, не менее серьезная проблема. По-христиански, та женщина должна быть прощена. Да, уточню я, если она искренне покаялась. Но вот что сказал об этом один из самых близких друзей Рубцова поэт Виктор Коротаев, бывший на суде: “Она защищалась обдуманно и хладнокровно. И странно: даже одного доброго слова не нашла для человека, рядом с которым прожила полтора года, даже тени раскаяния не выказала, доказывая, что не было у нее времени одуматься... Суд доказал – было время”. И еще. Людмила Дербина, та самая женщина, очень скоро обрела желанную свободу и не устает писать налево и направо о той трагедии все в том же духе. В свое время Николай Рубцов, по рассказам литераторов-вологжан, отказался дать ей рекомендацию в Союз писателей, не желая идти на сделку с совестью. Рискуя личными отношениями, он не смог предать Ее Величество Поэзию, и заплатил за это высокую цену. Сегодня эта женщина, по-видимому, наверстывает упущенное, издавая и так называемые “воспоминания”... Но я надеюсь, что мы не окажемся глупее тех потомков Дантеса, что не простили ему гибели далекого русского поэта с фамилией Пушкин. Не имеем права перед лицом России.

Именем Николая Рубцова названа улица в Вологде. Она такая же недлинная, как его жизненный путь. В городе Тотье, самом близком для поэта, его имя присвоено районной библиотеке. На его стихи написано немало песен. В Тотье и Вологде ему воздвигнуты памятники. Но главное – поэзия его живет и помогает жить нам, и это уже – навсегда. Как вот эти строки:

*...За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы...*

И последнее: очень хочется, чтобы юбилей Николая Рубцова стал еще одним весомым шагом к истинной культуре, которой нынче так не хватает людям, заставил задуматься не только о будущем русской литературы, но и самой России.

Валентина Коростелева

ВИТАЛИЙ ПЛОТНИКОВ

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ

(О Николае Рубцове)

Слушаю Николая Рубцова. Мерно звучит ритм напевной интонации, растет напряжение в голосе и неожиданно смягчается нотками неизбывной тоски, невозвратности: *“Прошла пора, когда в зеленый луг я отворял узорное оконце – и все лучи, как сотни добрых рук, мне по утрам протягивали солнце...”*.

Мы стоим под навесом крылечка старого здания редакции котласской газеты “Двинская правда”. Почему вызвался он читать стихи? Не знаю. Возможно, потребность излить кому-то душу. Рядом оказался я – молодой, не испытанный жизнью.

В тот день конца 60-х я забежал в редакцию газеты обговорить содержание краеведческой странички. Валентина Красавцева – корреспондента, с которым была договоренность – не оказалось на месте. Кто-то из газетчиков заверил: должен вот-вот подойти. Вышел в коридор. У окна стоял небритый мужчина в темном потрепанном плаще. Он был хмур и озабочен, казался забредшим отогреться бродягой. Находиться рядом с ним не было желания. Я вышел на улицу. Закурил. Порывистый ветер сбивал с тополей листья, оголяя серые узловатые ветви. Небо было закрыто тяжелой тучей, моросил дождь.

Не прошло и минуты, как незнакомец спустился ко мне. Попросил закурить и в виде благодарности, похлопывая по карману, предложил выпить. Я отказался, но сигарету ему дал. Он закурил, достал бутылку красного вина и отхлебнул из горлышка. Лицо его быстро оттаяло, приобрело живые черты. Он с любопытством стал разглядывать меня. Почувствовав, видимо, мою настороженность, вытащил из кармана четвертинку бумаги и протянул мне. Я мельком взглянул. Это была путевка бюро пропаганды Вологодской писательской организации, выписанная на имя Рубцова. Фамилия мне ни о чем не говорила. В те годы “на слуху” были Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко, Булат Окуджава, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина. Из северных поэтов я знал стихи Александра Яшина, Сергея Викулова, Ольги Фокиной...

“Слушай!” – предложил незнакомец и тут же начал по памяти: *“А между прочим, осень на дворе... Ну что ж, я вижу это не впервые. Скулит собака в мокрой конуре, залечивая раны боевые”*. Первые строки я воспринял безучастно: какая-то собака, конура... Но вскоре стихи захватили меня. А он продолжал:

*Бегут машины, мчатся напрямик
И вдруг с ухаба шлепаются в лужу.
Когда, буксуя, воеет грузовик,
Мне этот вой выматывает душу...*

Казалось, все это написано буквально сегодня, в это утро, настолько реальная обстановка, окружавшая нас, соответствовала содержанию стихотворных строк:

*Кругом шумит холодная вода,
И все кругом расплывчато и мглисто,
Незримый ветер, словно в невода,
Со всех сторон затягивает листья...*

Закончив читать, взглянул на меня. Глаза его сияли: мол, что – утер нос?

От реки донесся тревожный и глухой бас теплохода, спешащего по последней воде в затон. Откликаясь на этот гудок, он тут же прочел “Осеннюю песню”. Я одобрительно отозвался о его стихах. И он уже по-свойски пожаловался, что ему в Котласе не организовали платные выступления, он оказался без денег, нечем заплатить за гостиницу. Я предложил ему три рубля – все, что тогда у меня было.

Стало зябко и неудобно. Он опять похлопал по карману, где покоилась початая бутылка, пригласил в гостиницу. Я отрицательно покачал головой и, сославшись, что меня ждут, поднялся в редакцию. Возвращаясь обратно, Рубцова уже не застал.

Широко заговорили о Николае Рубцове после его смерти. Появились массовые издания книг. Где-то в сельской глубинке мне удалось купить сборник его стихов. Я сразу узнал знакомые строки, звучавшие в тот осенний день. Было горько сознавать, что не смог тогда ему по-настоящему помочь.

Лет через десять произошла еще одна встреча, связанная с именем Рубцова.

В гостиничный номер, возбужденные и раскрасневшиеся от мороза ввалились двое мужчин. Познакомились. Газовики-инженеры: один из Ярославля, другой – из Приводина. Вернулись с ликвидации аварии на газопроводе. На трубе разошелся шов. Все обошлось благополучно – шов заварили, хотя была опасность взрыва.

“Русский характер – ничего не боимся, – первое, что сказал приводинец Чудинов, растирая оковеневшие руки: – Если не мы, то кто же?” – И, помедлив, добавил: – “Сила силу ломит”.

Когда было выпито “за удачу” по стопке водки и улеглись страсти вокруг аварии, тот же Чудинов, откинувшись на спинку дивана и смежив глаза, начал читать стихи. Оказалось, он знает их великое множество: Тютчев, Блок, Есенин, Пушкин... В конце импровизированного поэтического вечера он прочел несколько стихотворений Рубцова. Я похвастался своей случайной встречей с ним. И тут же был повержен неожиданным заявлением Чудинова: Николай Рубцов – его одноклассник по Никольской неполной средней школе. Учился Рубцов, по его словам, неважно. Поэтических способностей в школьные годы не выказывал. Был он небольшого роста, коренаст, ершист. До четвертого класса Чудинов часто дрался с ним. Этим и запомнился ему Коля Рубцов. И еще тем, что оба любили кататься “на валенках” с ледяной горки. Помолчав немного, Чудинов с болью в голосе прочитал одно из последних рубцовских стихотворений – “Я умру в крещенские морозы...”

Было жаль чудесного русского поэта, рано ушедшего из жизни. Притихшие, мы взглядывали друг на друга. Каждый думал о чем-то своем и не решался высказать затаенное. Я пытался вспомнить тембр голоса Николая Рубцова. И не мог. Наплывали картины, прочно осевшие в памяти: дождь... осенние листья... Рубцов в старомодном плаще... пугающие глубиной его глаза...

Комментарии автора:

1. Три рубля в конце 60-х – начале 70-х годов по стоимости были равны 20 буханкам черного хлеба.

2. Встреча с Рубцовым была краткой, точной даты я не запомнил. Возможно, это был август – сентябрь 1970 года. На это наталкивает тот факт, что в октябре в Архангельске проходил выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР, в работе которого участвовал Н. М. Рубцов. Можно предположить, что перед поездкой в Архангельск он участвовал в ряде встреч с читателями по путевке Вологодской писательской организации, чтобы заработать какие-то средства для своего пребывания в Архангельске.

ВО ВЬЕТНАМЕ ЗНАЮТ И ЛЮБЯТ ПОЭТА РУБЦОВА

17 июля 2009 года наш Московский музей Н. Рубцова посетил выпускник МГПИ им. Ленина 1961 г., филолог, преподаватель и переводчик русской литературы и русского языка, член Ученого совета Ханойского университета, исполнительный директор Центра вьетнамского языка и культуры для иностранцев при Ханойском университете Ву Тхе-Хой.

Рассказал, как высоко ценит он русскую культуру, литературу, поэзию. Наизусть читал нам “Евгения Онегина”, стихи Рубцова не только читал, но и переводил. Говорил, что любит Гоголя и Шукшина. Фильм “Калина красная” показывали во Вьетнаме, и зрители прекрасно поняли его и высоко оценили.

Мы так долго беседовали, что забыли, что наше время истекло, так как библиотека закрывалась.

Подарили нашему гостю книгу “Душа хранит”. Николай Рубцов. Малоизвестные страницы биографии”, изданную в апреле 2009 г. в издательстве “Молодая гвардия”.

Второй раз Тхе-Хой пришел 5 августа. Мы в это время беседовали по телефону с Ольгой Сергеевной, супругой Василия Ивановича Белова. Благодарил ее за замечательное письмо, присланное нам в музей, в котором она и Василий Иванович высоко оценили наш подарок – книгу о Николае Михайловиче Рубцове.

В эту минуту и вошел Тхе-Хой. Мы, не выключая телефона, сообщили Ольге Сергеевне, кто к нам пришел и какой разговор был у нас с вьетнамским преподавателем. Сказали ей, что Тхе-Хой высоко оценивает творчество Василия Ивановича и особенно “Привычное дело”.

Телефонная трубка переходила из рук в руки. Ву Тхе-Хой просил Ольгу Сергеевну поблагодарить Василия Ивановича за его творчество, рассказал, что его творчество знают во Вьетнаме и высоко ценят как писателя-классика.

По окончании разговора гость сделал подарок нашему музею – свой перевод стихотворения Рубцова на вьетнамский язык “До конца” и книгу “Александр Пушкин” с переводами вьетнамскими поэтами стихов Пушкина на вьетнамский язык, в которой есть и перевод нашего посетителя стихотворения Пушкина “Домовой”.

Наш гость рассматривал фотографии: Коля Рубцов – детдомовец, студент Лесного техникума, Николай Рубцов – моряк, кочегар Путиловско-Кировского завода, поэт и т. д. Рассматривал пестери и клюквенную грабилку, с которыми поэт Рубцов ходил на болото за клюквой, часть ее оставлял семье,

а другую часть продавал, чтобы иметь деньги на поездку в Москву в Литературный институт.

А вот гармонь, на которой играл он в Николе, когда приезжал туда на каникулы к своей семье.

Тхе-Хой уехал в Ханой. И вдруг у нас заработала электронная почта. Вот его послание:

“Глубокоуважаемая Майя Андреевна! Вам низкий поклон шлет из далекого Вьетнама Ву Тхе-Хой, которого счастливый случай привел в Ваш замечательный музей поэта Рубцова. Срок моей научной командировки в Институте языкознания РАН был краток, а работа по редактированию Большого вьетнамско-русского словаря такая скрупулезная и напряженная, но даже беглое ознакомление с экспонатами вызвало у меня восхищение, и я заразился Вашим энтузиазмом! По возвращении на Родину сразу стал собирать материалы по переводу Н. Рубцова у нас во Вьетнаме.

Оказалось, что прекрасный “Русский огонек” появился на вьетнамском языке еще в 1985 году. Мне удалось найти целый букет переводов стихотворения “Улетели листья с тополей”. Дело в том, что в **1996 году** наш журнал “Иностранная литература” организовал конкурс на лучшие переводы стихов, и для перевода с русского было выбрано это стихотворение Рубцова”.

И далее: “Попытаюсь послать Вам по электронной почте сканированные обложки 4-х номеров журнала “Иностранная литература” за 1996 год и страницы, где напечатаны переводы, признанные жюри лучшими.

Жду Вашего ответа!

Наилучшие пожелания и Вам, и Ольге, и Наташе!

Искренне Ваш Ван-Хой”.

В следующем письме, присланном из Ханоя, мы читаем: “Наш Центр языка и культуры Восток-Запад (директор Хоанг Туи Тоан) запланировал выпустить в 2011 году, к 40-летию со дня трагической гибели Н. Рубцова, **книгу** о нем, так что прошу прислать мне материалы и фотографии первой и этой “Рубцовой осени”.

Ваш Ван-Хой”.

Перед нашей поездкой в Вологду на “Рубцовскую осень” мы получили по электронной почте письмо от Тхе-Хоя, которое зачитали 25 сентября 2009 г. собравшимся в Вологодском музее Н. Рубцова учителям литературы г. Вологды, композиторам и исполнителям песен на стихи поэта. А также всем жителям Вологды и приехавшим из разных регионов России в Вологду на “Рубцовскую осень”, – всем, кто пришел к памятнику Николая Рубцова, открытому 26 июня 1998 года (А. М. Шебунин, заслуженный скульптор России).

Вот это письмо:

“Вьетнам – город Ханой, 15 сентября 2009 г.

ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Уважаемые земляки и соотечественники Поэта Николая Рубцова!

Полтора месяца назад счастливый случай привел меня в Музей Николая Рубцова в Москве. А теперь мне выпала большая честь участвовать заочно в “Рубцовой осени” у Поэта на родине, в Вологде.

Позвольте же мне прежде всего поздравить всех вас, земляков и соотечественников замечательного русского Поэта, с этим замечательным событием русской культуры!

Нижайше прошу от моего имени, простого преподавателя русского языка и переводчика русской литературы из далекого Вьетнама, возложить к подножию Памятника большому Поэту маленький скромный букет зеленых цветов и сделанные мною за этот памятный месяц неумелые переводы Его прекрасных стихов “После грозы” и “До конца”.

Как это знаменательно, что праздник поэзии Рубцова проводится именно на той земле, на которой Он родился, из которой уезжал и куда всю короткую жизнь свою возвращался – и наяву, и во сне, а еще больше умом и сердцем своим, и самое главное, без неугасимого путеводного огонька которой Он не

стал бы Поэтом русской души – такой чистой и доброй, такой вольной и любвеобильной, и потому такой отзывчивой и тревожной за всё и всех в этом мире, кажущемся спокойным в наше обманчивое время.

Я рад сообщить вам, что ваш выдающийся Земляк стал известен у нас во Вьетнаме еще свыше четверти века тому назад, в 1985 году. И впервые явился Он к нам в те трудные 80-е годы тоже весьма знаменательно – со своим *Русским огоньком* в переводе нашего молодого поэта-бойца Вьетнамской Народной армии Хонг Тхань Куанга. Не воздержаться мне повторить здесь трепетные стихи:

*Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...*

Так пусть будет вечно гореть этот огонек добра и любви!

Пусть будет вечно звучать как набатный колокол над всем этим старинным светом всколыхнувший сердца голос Большого Русского Поэта!

Позвольте отвесить низкий поклон Вологодской Матери, подарившей миру такого Сына!

И большое спасибо Его землякам и соотечественникам, которые сберегли для грядущего, как бесценное наследие, светлый образ Николая Рубцова и Его истинную поэзию!

Ваш искренний вьетнамский друг и товарищ
Ву Тхе-Хой”.

Мы, сотрудники музея Н. Рубцова, давно заметили, что страны восточной культуры (Китай, Япония, Корея, Индия) сердечно любят нашу поэзию.

В Книге отзывов Музея Н. М. Рубцова есть отзыв Ли Цзюньшэна из Китая:

“Николай Рубцов – это гений мирового масштаба. Он мировой потому, что он, собственно, чисто-русский. Как русский, он любил свою Родину сильно, пламенно, нежно.

Мы, как представители восточной культуры, всей душой и помыслами желаем, чтобы нашего гениального поэта любили сильно, пламенно, и самое важное, чтобы его любили нежно.

Ли Цзюньшэн
из добрососедского Китая
1 октября 2002 г. ”

СЕРГЕЙ ЛАГЕРЕВ

ПО СЛЕДАМ УШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ...

(Из Рубцовского архива)

*...А память, сдернув покрывало,
Вдруг обнажит былые дни...
Моментов светлых было мало.
Но тем и дороги они.*

Н. Груздева

Большинству истинных художников Слова можно не писать свои биографии. Вся их судьба, весь жизненный дневник там, в написанных ими рассказах, повестях, стихотворениях. Открываю сборник стихов Николая Рубцова, и от горьких строк: “Мать умерла, отец ушел на фронт...” до трагических: “Я умру в крещенские морозы...” прослеживаю всю нелегкую, к сожалению такую короткую, жизнь поэта. Читаю... и словно прохожу по “следам ушедшего времени”. Но, кроме стихов, существуют и другие свидетели тех далеких лет. Это сохранившиеся документы: письма, фотографии, рецензии, телеграммы, записки. Каждый документ, каждая бумажка, так или иначе связанная с именем того или иного человека – это страничка из его книги жизни. В этой заметке я хочу рассказать о некоторых архивных материалах, которые находятся в моем Рубцовском собрании и которые нигде еще не были опубликованы. Начну с записок друзей и знакомых Николая Рубцова, часто написанных на ходу, на случайно попавших под руку листочках бумаги. Эти листки нередко, когда не было хозяина дома, оставлялись гостями в дверной щели или замочной скважине. Некоторые из них сохранились.

Вот записка от женщины: “Коля! Прости мне глупость вчерашнюю. Но я еще не совсем здорова”. Может показаться, что ничего интересного этот десяток слов не представляет. Но, если подумать, то эта короткая, живая фраза имеет свою внутреннюю наполненность: показывает движение жизни, вечное противостояние мужчины и женщины, настроение. Почерк очень схож с почерком Н. А. Старичковой. К сожалению, я не успел спросить Нинель Александровну про эту записку и не узнал причину ее написания. Как часто мы опаздываем в жизни!

Следующее послание написано на небольшом блокнотном листке:

“Коля! Я приеду к тебе после обеда. Сейчас уехал по делам. Привет. Сергей. 7-00 утра”. Под именем есть подпись уже другими чернилами – Есенин. Можно даже представить, как гость, не застав хозяина дома, отрывает листок из блокнота, пишет и оставляет бумажку в двери. Потом идет от квартиры

вниз по лестнице, вдруг останавливается, разворачивается обратно, снова берет записку и дописывает уже другой ручкой — Есенин. Уходит, и по дороге представляет, как Николай Рубцов с улыбкой будет читать его послание. Автор этой записки, предположительно, друг поэта журналист и писатель из Тотьмы Сергей Багров. Во всяком случае, почерк в записке и в письмах, написанных мне Сергеем Петровичем, очень схож.

А это сообщение от товарища Рубцова по Никольскому детскому дому Владимира Аносов. Это имя знакомое исследователям. *“Коля, привет! Тебе пишет Аносов В. Здесь проездом из Николы. М. б. встретимся, а? Я бы был не против. Заскочу к тебе на работу. Ну, жму лапу. Вовка. 1.09.68 г. 17-50”.*

Написано четким, аккуратным почерком, без ошибок. Так же писал и Рубцов. А ведь это бывшие воспитанники детского дома! А каракули, которыми мучают бумагу нынешние выпускники даже специализированных школ, скажем честно, оставляют желать лучшего.

Вот очень интересная записка: народный рецепт для лечения распространенной российской болезни. Может, поэт сам попросил помощи, или чужой человек просто захотел помочь Николаю Рубцову. Представляю в том виде, в каком это послание и было написано на листочке из записной книжки.

“Тотемский р-н. П/о Ухтанга. Бергер Матвей Матвеевич.

Николай прошу тебя так как я вышлю тебе корень прошу одно, посади и пусть растет потом сможешь не пить 40 дней вообще. Вырастит сколько потребуется. Принимать так, от лиска оторвешь и кушать. Первую неделю он не помогает так как организм не привык. А потом он дает еффект только не пить вотку”.

Даты в записке нет. Воспользовался ли этим советом поэт, и что это за целебный корень, неизвестно. По стилю изложения видно, что писал человек, не очень сведущий в русском языке. Я попробовал что-нибудь узнать о нем, позвонил в Тотемский краеведческий музей, поинтересовался. Мне сказали, что почтового отделения Ухтанга уже нет. И о таком человеке они не знают, а фамилия могла принадлежать кому-нибудь из ссыльных поволжских немцев, которых раньше было много в тех местах.

Хочу привести несколько писем тех лет, которые поэт хранил в своем письменном столе. Вот послание от вологодского поэта Николая Шишова, адресованное Николаю Рубцову на ул. Яшина, дом 3, квартира 66, обратный адрес отсутствует, на почтовом штемпеле стоит дата 29.12.70. На листке из школьной тетрадки в линейку короткое поздравление:

“Коля, здравствуй! Поздравляю с новым годом. Желаю: Здоровья, творческих успехов и личного благополучия в жизни.

С новогодним приветом Н. Шишов

Вологодская обл. п/отд. “Коротыгино” Грязевецкий р-он. Санаторий. Шишову”.

До гибели поэта оставалось всего 20 дней.

Еще один документ, пополнивший мой архив, это письмо к поэту Валентина Ермакова, который являлся редактором стихотворного сборника Николая Рубцова “Зеленые цветы”. Книга готовилась к печати в московском издательстве “Советская Россия”.

“Здравствуй, Николай! Заканчиваю отбор твоих стихотворений для новой книги. К сожалению, денег для того, чтобы заплатить за перепечатку, у меня нет. Или высылай рублей двадцать, или я вышлю тебе все стихи с пометками на тех, которые должны войти, и ты отдашь перепечатать рукопись сам.

Итак, жду твоего решения. Не тяни.

До свидания. Валентин. 24.09.70”.

В ответном письме к В. Ермакову в январе 1971 года, наверное, самом последнем в своей жизни, поэт пишет: *“... Очень трудно в городе с машинистками. Поэтому (если необходимо перепечатать рукопись), необходимо не забывать о том, что все расчеты (со временем) я беру на себя”.* Последние слова специально выделены. Но тогдашнее финансовое положение поэта вынуждает его написать и обозначить скобками слово *“...со временем”*, что для него, человека совестливого и обязательного, сделать было непросто. Исследователи знают о нескольких обоюдных письмах поэта и редактора друг другу. По ним видно, что издатели книги не хотели, чтобы она называлась “Зеленые цветы”, как желал того автор. И Николаю Рубцову пришлось объяснять свое решение. Вот что он пишет Ермакову от 31 июля 1970 года: *“... Дело в*

том, что в названии “Зеленые цветы” есть определенный смысл, и он более менее определен в стихотворении “Зеленые цветы”, вошедшем в рукопись. Зеленых цветов не бывает, но я их ищу. Может, ты согласишься все-таки с Д. А. оставить название прежним?” (Д. А. — Дмитрий Артемьевич Смирнов, шеф-редактор издательства. — Л. С.) А В. Ермаков отвечает поэту: “Очень рад, что ты держишься за название. Не потому, что оно мне нравится, а потому, что узнаю твой характер и уважительное отношение к своему труду. Буду отстаивать это название и я”. Валентин Ермаков потом вспоминал: “А всего за несколько дней до гибели поэта я получил от него последнее письмо, написанное кое-как, вкривь и вкось. (Январское письмо 1971 года, о котором я уже упоминал. — Л. С.) Оно завершалось так: “Вместо “Зеленых цветов” предлагаю “Над Вечным покоем”. И в скобках: “Валя, у меня болит рука”. Слово “Вечным” было написано с большой буквы... Холодом повеяло на меня от этого левитановского названия”.

Николай Рубцов с помощью В. Ермакова все же отстоял название книги. Но, к сожалению, сборник “Зеленые цветы” увидел свет только летом 1971 года, когда поэта уже не было в живых.

В 2000 году в издательстве “Терра” вышло собрание сочинений Николая Рубцова в 3-х томах. Составитель В. Зинченко провела большую работу. Помню, просматривая третий том, я обратил внимание на большое письмо Николая Рубцова под названием “Начинающему автору”. Поэт тактично и с уважением писал некоему Ивану Игнатьевичу о его стихотворении, присланном для рецензии. Советовал, объяснял, стараясь ничем не обидеть автора. Была приведена только одна строфа стихотворения, но и по ней можно было понять, что прислал его настоящий графоман. Я и обратил внимание на это письмо потому, что поразился терпению Николая Рубцова и его такту! Почему я вспомнил об этом? Потому что недавно в моем архиве появилось письмо этого Ивана Игнатьевича с полным текстом стихотворения. Оно очень показательно для начинающих писать стихи! Вот оно:

Три героя — три орла. Посвящается экипажу корабля “Восход”.

*В сияний неба голубого,
в блеске солнечных лучей
Корабль “Восход” быстрее птицы
плавно несся над землей.*

*Он резал воздух сильной грудью,
Как орел спешил на пир.
И на своих могучих крыльях.
Нес героев в звездный мир.*

*Звездочет земля встречает,
Толпа нарядная идет.
С улыбкой светлой и веселой,
Почет посланцам воздает.*

*Знамена алые трепещут,
Площадь Красная шумит.
Москва приветствует героев.
Мать сына обнять спешит.*

*Седую голову склоняет,
К Золотой Звезде на грудь.
И слово радости роняет:
Я горжусь тобой горжусь!*

*Народ в почтительном молчании:
Чувства матери ясны.
Великим подвигом героев
Были все потрясены!*

И. И. Козлов 25 ноября 1964 года.

Уважаемый тов. Рубцов!

Посылаю Вам на консультацию свои стихи "Три героя, три орла". Прошу сообщить, что худо — что хорошо и выслать мне обратно вместе с вашей рецензией. С уважением к Вам. Козлов Иван Игнатьевич. гор. Тотьма, Советская № 38

10.1.65 г.

Конечно, стихотворением это "изделие" назвать нельзя, но понять, почему так сердечно и тактично Николай Рубцов ответил автору, можно. Он просто не мог поступить иначе, ведь это было, как я предполагаю, одно из первых читательских обращений к Рубцову, как к поэту. И понятно, почему именно ему было послано письмо. К этому времени имя поэта стало широко известным. Да к тому же он был свой, тотемский. 15 января 1964 года в местной газете "Ленинское знамя" была напечатана подборка стихов поэта и вступительная статья о нем. Стихи Рубцова появились в июле и октябре того же года и в Вологде, в газете "Вологодский комсомолец". И в этом же году стали печататься подборки стихов Николая Рубцова в столичных журналах: "Октябрь", "Юность", "Молодая гвардия", прозвучали на радио.

Если так случилось, что этот документ сейчас находится в моем архиве, то хочу внести ясность в написании дат. Под письмом Николая Рубцова "Начинающему автору" в трехтомном собрании сочинений под редакцией В. Зинченко, а также в книге М. Сурова "Рубцов" стоит дата 12 января 1964 года. Считаю, что эта дата ошибочная. Откуда взяты эти цифры, непонятно. Стихотворение, на которое писал свою рецензию Н. Рубцов, сочинено И. И. Козловым в честь полета первого многоместного космического корабля "Восход" под командованием К. Феоктистова, а полет этот был совершен в октябре 1964 года. Отсюда выходит, что Николай Рубцов написал рецензию десятью месяцами раньше полета. Полный абсурд! Надо обязательно исправлять подобные ошибки в будущем. Точные даты можно посмотреть в письме-оригинале, что показано выше: рождение стихотворения — 25 ноября 1964 года, то есть на следующий месяц после полета космонавтов, а дата написания письма — 10 января 65 года. Отсюда следует, что поэт мог ответить И. И. Козлову только после 10 января 1965 года.

Вернусь к рецензии. Еще раз напомним, как осторожно Николай Рубцов подбирал слова, боясь обидеть автора. Но в конце все же высказал свое виденье поэзии, которое не мешало бы знать и множеству современных стихослагателей. Вот что писал Николай Рубцов:

"Такие недостатки, которые есть, на мой взгляд, в Вашем стихотворении, сейчас довольно широко распространены в стихах и множества других авторов. Причем частенько такие стихи все же печатают, и если Вы встречаете такого рода стихи в печати, то не думайте, пожалуйста, что так и надо писать. Всем нам надо учиться писать так, как писали настоящие, самые настоящие поэты — Пушкин, Тютчев, Блок, Есенин, Лермонтов. Законы поэзии одни для всех".

О Русь! Кого я здесь обидел?..

Н. Рубцов

А об этом странном письме, которое несколько лет назад попало в мои руки, стоит сказать особо. Оно также непосредственно было связано с именем поэта Николая Рубцова, и поэтому заинтересовало меня. Содержание этого анонимного послания, признаюсь, поразило. Всякое писали о поэте, но такого кощунства еще не было. Конечно, некоторые люди могут сказать, что публиковать подобное не следует, что, вообще, незачем ворошить прошлое, но, прочитав этот документ, мы увидим, что похожие инвективы звучат в адрес поэта и поныне. Уверен, что подобным мерзостям надо обязательно давать отпор, и считаю правильным, если поклонники творчества Николая Рубцова будут знать об этом документе из моего архива. Ведь тот, на чье имя было послано письмо, не уничтожил его, не выбросил в корзину, что обычно делают с подобными бумагами, а сохранил. Значит, хотел, чтоб люди узнали о нем.

В ноябре 1995 года в редакцию вологодской газеты "Русский огонек" пришло анонимное письмо. Адресовалось оно редактору издания поэту Виктору Коротяеву. На простом почтовом конверте надписаны адреса:

Кому: г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3. Редакция газеты "Русский огонек", Коротаеву В.

От кого: 000666, г. Эдем, Загробная обл., ул. Потусторонняя, дом 6, кв. 66. Рубцов Н.

В левой верхней части конверта стоит резолюция получателя: "В архив. В. Коротаев. 12.Х.95".

Содержание анонимки следующее:

"Поэт – страшный человек". Стендаль

Закрытое письмо с того света ваятелю Шебунину от поэта Рубцова.

Скульптор Шебунин, оставь свои планы,

Не нужен мне памятник твой.

В мире загробном свои законы,

Здесь Пушкин Дантесу — свой.

Ставрогин и Лермонтов ходят в обнимку,

По взгляду друг друга поняв.

Есенин с Мартыновым пляшут калинку,

Крепко друга друга обняв.

Мне лично нипочем крещенские морозы.

На треск берез мне наплевать.

Вокруг меня цветут одни лишь розы

И на... некого послать.

Ты зря шебутишься, ваятель,

Не трогай мой вечный покой.

Мне Дербина — лучший приятель,

Ты зенки свои приоткрой.

Оставьте Людмилу в покое,

Я задохнулся пьяный сам.

На тот момент я был в запое,

Вино текло аж по усам.

Кончай ворошить могилы,

А то вам свет покажется немилым!

Примечание: гр-н Коротаев, прочитай внимательно окончание части первой, главы пятой "Бесы", романа Ф. М. Достоевского, в котором сатанист Ставрогин в силе злобы сравнивается с Лермонтовым. Лучше надо и глубже изучать классику, об этом говорил еще товарищ Сталин, так что Стендаль был прав. Коротаев, брось стихоплетение, лучше вари варенье. Рубцов.

Вот такое пакостное послание, как бы отправленное Николаем Рубцовым с того света, пришло Виктору Коротаеву на адрес редакции. Давайте рассмотрим его повнимательней. Адреса на конверте написаны несформировавшимся, похожим на детский, почерком. Можно предположить, что переписывали с текста, ранее уже составленного кем-то из взрослых. Как и полагается анонимке, само письмо исполнено печатными буквами. Отсюда следует, что кто-то боялся быть узнаваемым. Из написанного видно, что этот "некто" читал классику, знаком с жизненной трагедией Николая Рубцова. А смешивание символов рая и ада, Эдема и "числа зверя", говорит о религиозной неграмотности автора и его склонности к мистицизму. По степени осведомленности можно предположить, что он свой, вологодский. И, похоже, литератор. Нельзя исключать, что идейным вдохновителем этого письма, а возможно и автором, вполне могла быть и сама убийца поэта. (Посмотрите книгу Людмилы Д. "Воспоминания о Рубцове", в которой автор впадает в мистику и чертовщину. Есть что-то схожее с содержанием анонимки.) Из всего написанного видно, что главной целью этого "опуса" являлась попытка снятия греха преступления с убийц великих русских поэтов. Для этого даже было придумано и соответствующее название. От всего послания веет холодом и сатанинским духом. Каждая написанная строчка пропитана ядом неприкрытой злобы. Это явное и преднамеренное осквернение памяти о поэте, и, по большому счету, это на-

стоящее “поле духовной брани”! По содержанию письма видно, что к его написанию анонима подтолкнуло известие о возведении в Вологде памятника Николаю Рубцову, к тому времени ставшему поистине народным Поэтом. Кому-то это было очень не по нутру! И понятно, почему этот пасквиль был “состряпан” в ноябре 1995 года и имел отношение именно к Александру Шебунину и Виктору Коротаеву. В это время не только Вологда, но и вся Россия готовились отмечать 60-летие со дня рождения Николая Рубцова. Скульптор из города Череповца А. Шебунин еще в 1993 году выиграл творческий конкурс на создание памятника поэту, и у него уже был готов макет. А В. Коротаев был составителем и редактором многих посмертных сборников стихов своего друга, и именно он присутствовал от писательской организации на суде над убийцей поэта и написал потом книгу об этой трагедии “Козырная дама”. И, конечно, подвижническая деятельность этих людей была кому-то как “кость в горле”. Но, несмотря на всяческие препоны, а порой и прямые угрозы, памятник Николаю Рубцову был изготовлен и установлен на берегу реки Вологды, в сквере возле “Петровского домика”. К большому сожалению, Виктор Коротаев не увидел своего друга, воплощенного в бронзе, так как скончался в 1997 году. А памятник при большом количестве гостей и горожан был торжественно открыт 26 июня 1998 года. И стал сейчас не только еще одной культурной достопримечательностью древней Вологды, но и центром, притягивающим к себе любителей русской поэзии со всей России. Литературно-музыкальный праздник “Рубцовская осень”, что ежегодно проводится возле памятника, стал по-настоящему всероссийским! *(Кстати, делегация из Сургута, состоящая из 3-х человек, также принимала участие в мероприятии открытия памятника в 1998 году.)*

Кажется, прошло Время и, как самый справедливый судья, всех расставило по своим местам. Но, все равно, нет-нет, да и зашевелятся “темные, бесовские силы”. Обычно это бывает ближе к юбилейным датам. До празднования 75-летия со дня рождения поэта осталось немного времени, может, кто и снова вылезет из своей норы на свет Божий, чтобы брызнуть желчью и хоть как-нибудь оскорбить память о нем. Ну, не дает недругам спокойно существовать поэтическая слава Николая Рубцова! Значит, духовная битва продолжается. Что ж, таков удел всех истинных русских поэтов.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ. ЧЕЛОВЕК-КРЕПОСТЬ

Покойный Иван Кириченко все время упрашивал меня: “Ну соберитесь вы все, кто за Россию радеет, да сфотографируйтесь”. Речь шла об издателях и редакторах, о тех, кто, вопреки удавке певца классовой борьбы Александра Николаевича Яковлева, только что провозгласившего ее как главную ценность в статье Литгазеты “Против антиисторизма”, – продолжали утверждать в своих изданиях идеи верности Отечеству, традициям великой русской литературы, народности. Речь шла о таких изданиях, как “Молодая гвардия”, “Наш современник”, издательствах “Москва”, “Московский рабочий”, “Современник” и некоторых других, где, несмотря ни на что, публиковались статьи и книги о русской истории, гениях русской культуры, открывались новые имена.

“Где соберемся?” – спрашивал я. “Как где, конечно, в “Огоньке”, у Софронова”. Да, “Огонек” Анатолия Владимировича Софронова был безусловным патриотическим, духовным центром, а его главный редактор – одним из тех, кто мощью своей, умением, профессионализмом, талантом уничтожал уныние, вселял уверенность, укреплял Дух у всех, кто хотел и служил делу России. Человек-крепость – так называли мы его. Ибо за плечами его авторитета было уютно, спокойно, и тут, на страницах “Огонька”, встречались все подлинные таланты России, тут создавалась неповторимая панорама творчества народов Советского Союза, тут взращивались молодые писатели, укреплялись в своем мастерстве именитые. “Огонек” для всей страны был подлинным очагом культуры, просвещения. Он был домашней Третьяковкой, ибо здесь представлялись великие художники и из номера в номер велся рассказ о них. Я встречал репродукции мировых и русских классиков, вырванные из “Огонька”, в дощатом аэропорту чукотского Анадыря, в хижине бурятской пастишки на севере Байкала, в чисто побеленной украинской хатке и юрте монгольского арата.

Нынешний “Огонек” и иже с ними в лучшем случае предлагает рекламу “сникерса” и “стиморола”. В дома, юрту, клуб вползает с их помощью порнография и пошлость. А “Огонек” того времени представлял высокую классику в литературе, живописи, музыке и не боялся, что это не поймут массы. “Огонек” Софронова стоял, как кость в горле, у тех, кто нынче прорвался к рычагам власти, к рычагам средств массовой информации. Им не по душе была

эта открытость к великим ценностям мира и России для широких масс. Ведь постигая Гоголя и Достоевского, созерца Сурикова и Рафаэля, узнавая о музыке Свиридова, человек значительно меньше будет одурманиваться заманками кошелька и рекламы, он не поддастся придурковатой простоте Лёни Голубкова, идиотизму ваучеризации.

“Огонек” и его редактора штурмовали многие годы, но особо он стал ненавистным в первые годы перестройки. Свергнуть Софронова – это была одна из серьезных задач архитекторов распада и разложения. Он, правда, и сам-то к тому времени хотел уйти – годы давали о себе знать, но держался до последнего, и мы должны его поминать как доблестного солдата русской культуры, как достойного патриота и гражданина, стоявшего до последнего сердечного биения на рубежах Отечества.

А вот другое дорогое воспоминание. Гостиница “Советская”. Софронову – шестьдесят. Мы, молодогвардейские издатели, довольно молодые и нищеватые, но полные энтузиазма и наивной веры в праведность служения державе, приглашены. Может, впервые попадаем на столь шикарный прием. А шикарный он – количеством людей, которых мог пригласить знаменитый и щедрый драматург и поэт, изобильным столом, разнообразием вин и закусок, которые привезли друзья Анатолия Владимировича из Грузии, Молдавии, Крыма, Ростова, с Украины, Кубани. Мое еще не искусенное тогда воображение поразило то, когда вдруг погас свет и официанты вошли, создавая хрустальный звон бокалами, а вслед за этим внесли присланные друзьями из Африки ананасы, внутри которых изумрудным светом светились свечи. Но все-таки не этим поразило застолье, а тем, кто сидел рядом с хозяином: знаменитые писатели и машинистка, государственные деятели и рабочий с “Россельмаша”, композиторы и уборщица. Щедр был на дружбу Анатолий Владимирович, щедр на добрые слова и на доброе дело. И самый пиком в этом праздновании был выход на сцену партизан из той землянки, где в далекие военные годы в тылу врага Анатолий Софронов исполнил впервые “Шумел сурово брянский лес”. Для Анатолия Владимировича это был сюрприз, и он в обнимку с фронтовыми друзьями запел уже легендарную песню. А трехсотголосый зал с яростью подхватывал: “Громи захватчиков, ребята!”

Тех захватчиков, немецких, удалось разгромить. Хуже было с внутренними, ряженными под борцов за улучшение социализма, за классовость, борцов с патриархальщиной, с шовинизмом. Они превращались то в противников догматизма, то в напористых реформаторов. Как столько лет мог непоколебимо стоять на страже интересов России наш старший собрат, знает только его истрепанное в общественных схватках сердце да верная ему Эвелина Сергеевна.

И совсем личное. Два идеологических лидера страны плюс КГБ, вместе с какими-то темными силами и личностями, устроили в конце семидесятых годов подлинную охоту за мной. Уж очень явственно пробивалась линия защиты России и русских в делах в издательстве “Молодая гвардия” и в “Комсомолке”. Пылкость юности, вера в истину, восторг перед открываемой в не изведанных раньше книгах Россией, знакомство с подлинными, а не заемными, отечественными умами, некоторая наивность в представлениях о возможностях властителей позволяли быть мне и некоторым моим друзьям в “Молодой гвардии” и “Комсомольской правде” бесстрашными ребятами.

У нас вышли книги: “1 августа 1914 года”, где впервые говорилось о роли масонства в революции, “Фашизм под голубой звездой”, “Вторжение без оружия”, блестящие книги “О, русская земля”, “Час Быка”, “Русские писатели XVII века”. В “Комсомолке” мы обрушиваемся на коррупцию в Сочи, на Северном Кавказе. Терпеть этого не могут. Следует обсуждение на бюро ЦК ВЛКСМ, две записки в Политбюро от КГБ, постоянное приклеивание ярлыков: “русифил”, “русопят”. И еще – “великорусский шовинист”. А это уже у всех властей в России – криминал. Затем был донос, что “Ганичев у нас главный идеолог”. (Правда, доносчик пропустил одно слово, там было сказано: комсомольский идеолог.) Последовал вердикт черного или, вернее, серого кардинала в партии: убрать с работы из “Комсомолки”. Убрали быстро. Теперь известно, что должны были последовать и другие, более серьезные акции (готоввилась перестройка). Они и последовали. Три подряд автомобильные катастрофы. После первой главврач Склифосовской больницы сказал мне: отныне празднуйте свой день рождения 23 августа, после такого удара цементовоза живыми не остаются. После второй аварии мне раздробило

на одиннадцать осколков руку. Ну ничего, писал, сжав зубы, левой. Многие из бывших друзей переходили на другую сторону при встрече, количество звонков уменьшилось раза в три. Отверженный. Ничего, работал, писал, и вдруг звонок. Звонит Софронов: “Валерий, пора книжечку снова издавать”. Нет нужды напоминать, что книжки “Огонька” были самой надежной визитной карточкой в стране. Издавались невиданным по нынешним меркам тиражом – 100, 200, 500 тысяч, а то и миллион. Я знал, что за составом авторов бдительно следил агитпроп Севрука и отдел культуры Беляева. И они не пропустили неугодных. Да и выходила у меня там книжка недавно. По ней и по книге критики в издательстве “Современник” я был принят в Союз писателей. Это и спасло от полной расправы. Спрашиваю: “Ну, а можно?” Анатолий Владимирович не ответил, сказал о другом: “Через недельку приноси”. Как обошел он бдительных цензоров и агитпроповских фискалов – я не знаю. Через два месяца книжка “Во имя потомков” вышла.

Переходящих на другую сторону стало меньше, звонки стали звучать чаще. Вышла книжка – значит, власть сменила гнев на милость. А власть и осталась такой же тупой и бездарной – и скоро рухнула. Милость и добросердечие, так необходимые мне тогда, проявил замечательный, добрый человек, умница и дипломат, мудрец с чистым, как у ребенка, сердцем, Анатолий Владимирович Софронов. Кланяюсь ему и чту его память.

...А сфотографироваться мы так и не собрались. А жаль, этой фотографии, где в центре сидел бы Анатолий Владимирович с теми, кто защищал Отечество на тех дальних временных рубежах, нам не хватает сегодня.

ЮРИЙ БОНДАРЁВ

АНАТОЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

Он был человеком легенды, как бы замкнутый в круг постоянных разговоров, слухов, наветов, клеветы, в то же время его окружали товарищество, любовь, восхищение его добротой, широтой, каким-то русским купеческим размахом.

Анатолий Владимирович оставался для меня загадкой до тех пор, пока не произошел между нами разговор о литературе в ту начальную пору 70-х годов, когда часть нашей критики травила только что вышедший роман “Горячий снег”, за “солдатскую и генеральскую правду”, за “трагизм”, за то, “что так на войне не бывает”. Возникла шумная и бестолковая полемика в центральной печати, критические залпы разного калибра были достаточно хорошо организованы кабинетными военспецами, но уже мало удивляли меня после долгих и бесполезных дискуссий в 50–60-х годах по поводу “Батальонов...”, “Последних залпов” и “Тишины”.

В самый разгар спора о “Горячем снеге”, когда донельзя разгоряченные критики начали отказывать роману в подлинности “материала”, позвонили из популярнейшего “Огонька”, в котором несколько лет назад я печатал рассказы, и Софронов, главный редактор журнала, спокойно спросил меня: “Вы серьезно относитесь ко всей этой поносоподобной чепухе вокруг вашего романа?” Я постарался шутливо ответить, что давненько обстрелян, поэтому не кланяюсь каждой пуле. И только вскользь обращаю внимание на каждый угрожающий свист.

Помню, Софронов ответил, что это самая правильная реакция. И добавил: “Они хотя бы всеми способами снизить художественную значимость вашей вещи, хотя выбить вас из седла. В основном это ревнители и ниспровергатели всего, что не принадлежит им. Поэтому держитесь крепче. У вас много поклонников. И вы должны это знать”.

И в следующем номере журнала, к моему изумлению, появилась огромная статья с непривычным для нашей критики громким заглавием: “Победа Юрия Бондарева”. Само слово “победа” звучало необычно и нескромно для теории литературы тех времен, особенно для современного автора, вокруг которого ломались копыя, однако, как мне помнится, после этой статьи ледяной ветер теоретической болтовни начал стихать, и по-весеннему подуло с юга.

Чем больше я узнавал Софронова, тем полновеснее он раскрывался как личность, незаурядная, талантливая, доброжелательная, смелая. Эта порода людей, к сожалению, вымирающая, и в наши дни встречается редко. Мало кто из современных ему драматургов обладал таким народным чувством юмора, как воплотившееся в его известнейших комедиях “Стряпуха”, “Миллион за улыбку”. Мало кто так нервно чувствовал живое дыхание действительности

(“Карьера Бекетова”). Внимательно следившие в последние годы за книгами Софронова взволнованно поразились какой-то новой печальной глубине его лирической и философской поэзии. Это были годы осмысления, бремени опыта жизни, грустного познания, ощущения недолговечности собственного бытия.

Трудно забыть 60-летие Анатолия Владимировича в огромном зале гостиницы “Советская”, где собрался цвет культуры России, писатели, драматурги, актеры самых разных направлений, течений и вкусов – у него было особое умение объединять людей и в рабочей обстановке любимого им журнала и завидная редкая способность разряжать обстановку несогласий и споров – легкой иронией, шуткой, улыбкой софроновской – лукаво доброжелательной, знающей о каждом нечто оправдательное. Все эти качества притягивали к нему людей, и недруги в конце концов прощали ему пронзительную прямоту в минуты сверхсерьезные.

Меня подкупало в нем отсутствие дряхлых условностей, литературных предрассудков, устоявшихся элитарных мнений. Его журнал широко печатал писателей самых разных эстетических заповедей. Что касается моих связей с редакцией, то они были верны и прочны, начиная с опубликования романа “Берег” (роман одновременно печатался в “Нашем современнике”). Анатолия Владимировича не стесняло это параллельное печатание, тираж “Огонька” был более 2 миллионов и, по словам Софронова, это были широкие ворота для романа, открытые читателю. Затем одновременно с “Нашим современником” публиковался на страницах “Огонька” и роман “Выбор” и одновременно с “Новым миром” роман “Игра”.

Не всякий издатель решился бы на подобную параллель из одного лишь чувства первенства.

Как редактор, организатор издательского дела, Софронов был бесстрашным человеком в высшем понимании этого слова, и его не пугали желто-черные потоки, излитые на журнал в начале пресловутой перестройки, быстро изобразившей физиономию зоологического оскала.

В дни злобного торжества горбачевско-яковлевской государственной измены Анатолий Владимирович (натура независимая, поэтому власть имущим неудобная) был отстранен от журнала, и на его место поставлен некий Коротич, киевский заезжий литератор, фигура омерзительно циничная, жалко изогнутая в придворных поклонах, особенно грязная в своей кипучей ненависти ко всему отечественному, святому, прошлому, духовному, русскому, героическому и скорбному, что являла наша жизнь.

И “Огонек”, издание “нового мышления” нанятого факельщика с забытой сейчас фамилией, стал одним из орудий разрушения и убийства нашей культуры.

В памяти нашей, однако, прочно остается “Огонек” софроновский.

АЛЕКСАНДРА БАЖЕНОВА

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ СЕЛЬСКОГО ПЕЙЗАЖА

К 80-летию Анатолия Жукова*

Земляческие чувства не ржавеют. Сколько лет ни пройдет, где ни встретятся земляки, уехавшие далеко от родных мест, но все всколыхнется, вспомнится при встрече, коль повеет родным ветерком. Более трех десятков лет прошло с тех пор, как мы встретились в Москве с писателем-волжанином Анатолием Николаевичем Жуковым*, и ощутили, что саратовское и самарское Заволжье столь рядом друг с другом, словно мы жили некогда в одном доме, на одной лестничной площадке. Хотя расстояния у нас на Волге поистине космические, на площади даже одной области можно уложить несколько иных государств.

Давно мечтала написать о Жукове, но долгое время не получалось анализа, адекватного его творчеству. Почему?

Однажды хорошо знакомый с Анатолием Николаевичем писатель Валерий Исаев сказал, что Жуков — человек непростой, с каким-то особым секретом, как русская игрушка-матрешка: вроде с виду все в ней ясно, ан, смотришь, —

---

* А. Н. Жуков родился 5 января 1931 года в крестьянской семье в селе Новая Хмелевка (с 1936 г. Куйбышевской, ныне Самарской области). Отец его Николай Федорович (1906—1945) погиб на фронте; мама, Александра Ивановна (1910—1996) жила в Ульяновской области. В 1951—1954 годах Жуков служил в армии (в артиллерии). В 1953-м в газете “Защитник Родины” появился первый рассказ “Дружба”. После армии занимался крестьянским трудом в совхозе Ульяновской области. В 1960-м в Ульяновске вышла первая книга прозы “Опоздавший пассажир”, а через год Жуков поступил в Литинститут, учился в семинаре М. Лобанова. С 1966 по 1969 год работал в журнале “Сельская молодежь”, затем — десять лет — редактором в издательстве “Советский писатель”. В 1983—1986 годы — зав. отделом прозы журнала “Новый мир”, избирался секретарем Московской писательской организации. С 1989-го — председатель правления издательства “Советский писатель”. За роман “Дом для внука” (1977) удостоен премии Союза писателей СССР за лучшее произведение о деревне. Выходили: повести и рассказы “Счастливо доехать” (1983), “Необходимо для счастья” (1986), “Избранное” (1987), “Судить Адама!” (1989), “Позади будущее” (1991), “Зеленоглазая ты моя” (1995), “Поцелуй младшей сестры” (1996), “Как жить, Егорыч?” (2004), “В летаргическом сне” (2006), “Вечерний благовест, или рекевием по Березовке” (2006), “Наперегонки” (2007).

там, внутри, еще одна, такая же и немного не такая, а там — еще и еще... И так — до бесконечности. Неисчерпаемость и богатство личности Жукова всегда ощущаю. Как-то сказала ему:

— Анатолий Николаевич, какой вы сложный человек!

— Что ты, Саша, — засмеялся он. — Я простой, как сельский пейзаж.

— Разве сельский пейзаж такой уж простой?! — изумилась я, почувствовав скрытое веселое лукавство в этом ответе.

И так всегда! Попробуй, раздели в Жукове простое и сложное, лукавое и детски откровенное, искренний взгляд и живописующую увиденное художественную метафору!

То, что присуще сельскому пейзажу, — широта, беспредельная высота, первозданность, светящаяся ясность, нежность — являются зеркальным отражением подлинной сущности души. Природные, привычные детали: березка на холме, очертания храма вдаль, вспаханное поле или луг у реки, клин журавлей в небе — становятся внутренними символами родины. Потому они могут “достать” в каждом из нас наиболее глубокие и древние бездны души, всколыхнуть самые неуправляемые тайники сознания.

Среди последних повестей — “Вечерний благовест, или реквием по Березовке”. Вот что увидел горожанин Максимов, покинувший родину много лет назад, когда вернулся: “Пенсионная деревенька в десятках дворов, безмолвная, потерянная, — это все, что осталось от знаменитых когда-то Березовских Выселок. Десятки дворов и старики и старушки на солнечных завалинках, чем-то похожие друг на друга”. Сиротливая, гибнущая русская деревня для детей военного поколения вовсе не являлась раем, жить в селе было трудно. Тем не менее туда, к прочности народных традиций и крестьянского непросто бытия, к извечному русскому укладу, к почве тянуло человека, уставшего от состояния перекачанного поля, от состояния безродности. Но возвращаться герою Жукова некуда. Старики, утратившие некогда большие семьи, сторожили в Березовских Выселках (куда их отселили некогда из Березовки) заросшие крапивой огороды “и темный, будто из преданья, квартал дряхлеющих дворов...”. В Березовке же “никакой жизни не слышалось; ни лая собак, ни крика петухов, ни скрипа калиток и людского говора...”. Березовки не было. Места бывших домов, “как старые могилы, обозначились неровными рядами оплывших ям, зарастающих лопухом, лебедой, глухой крапивой”.

Грустная картина!

Она еще горше от сознания того, что под именем Березовки Жуков описал то место, где сам родился, — село Новая Хмелевка. Там же прошли детство и юность, на местном кладбище — могилы предков. Гибель сотен российских сел, исход сорвавших “семейные якоря” (Рубцов) крестьян в город вместе с “родовыми, народными благоприобретениями” и веками наживавшимся земледельческим опытом, — запрятанная в глубину души драма Жукова и героя его повести. Будучи советским человеком, писатель видел все пороки советского управления селом и говорил об этом во всех произведениях. Его Максимов чувствует свою вину перед малой родиной, хотя полное исчезновение Березовки допущено всеми земляками. “Если человек не способен заботиться о своих близких, я не верю в его способности заботиться обо всем человечестве”, — говорил писатель в газетном интервью 1989 года.

А ведь и раньше, в других произведениях, Жуков проводил мысль опасности полной перестройки российских сел и деревень, сселения их и перетасовки дворов, как колоды карт. Это было отнюдь не по душе крестьянам и навязывалось извне. Самостоятельность и самобытность сельчанина в XX веке постоянно попиралась “ученым” городским жителем, по словам остроумного Жукова, его “подавляющим меньшинством”. Именно об этом написана повесть “Дачники”. В село, изучить местную жизнь и отдохнуть приехали супруги — инженер и биолог из города. Задушевное их желание — перестроить село, облегчить быт крестьян, искоренить “бескультурие” — в их понимании. Однако вот какой эффект перестройки произвел “бумажный” проект села на “культурный” городской лад на их квартирную хозяйку:

— Да это город, — сказала она разочарованно.

— Нет, это ваше село.

На рисунке красиво стояли в два ряда десятки домов на сорок квартир каждый, посередине зеленел сквер с фонтаном и цветочными клумбами, выделялись здания дома культуры, магазинов со стеклянными витринами...

– Ничего не оставил, – сказала тетка Паша с неожиданным укором и болью. – А я думала, ты наш, сельский... Не любишь ты нас, – обронила она устало и захлопнула за собой дверь”. Не так-то просто перестроить село, чтобы не задеть коренные принципы крестьянского бытия. Иные прожекторы, увы, старались превратить сельский труд в разновидность индустриального, а крестьянина сравнять с пролетарием земли. Для русского крестьянина всегда было ясно: Земля – живой организм, с ним надо ладить то умеряя, то показывая характер. Земледелец – творец. В напряженные моменты страды он самозабвенно погружен в свои труды, работает со всей творческой отдачей, не думая о регламенте дня. И быт таких людей и культура иные. Каждый человек индивидуален и каждый дом чем-то похож на хозяина, имеет свое “лицо”. Тех, кто этого не понимает, село отторгает, как выселяет тетка Паша постояльцев – дачников с благими намерениями.

В повести “Вечерний благовест, или реквием по Березовке” жители не смогли противостоять разорению и полному исчезновению деревни, за что наказаны лишением малой родины. “У птицы есть гнездо, у зверя есть нора. Как горько было сердцу молодому, когда я уходил с отцовского двора, сказать прости родному дому!” Не случайно герою повести Максиму приходят на память прогорклые неизбывной тоской слова изгнанника Ивана Бунина. Силой этих строк меряет герой Жукова свою, хотя и добровольно–изгнанническую” “эмигрантскую” тоску. Лишь прочитав повесть, можно понять, откуда у Жукова такая бездонная грусть.

Но ведь Анатолий Николаевич необыкновенно веселый человек! Он сам признался, что его поразило платоновское определение счастья: счастье – это избыточная энергия. Такая энергия у Жукова брызжет через край. Будучи в настроении, он сыплет шутками, остроумными замечаниями, тут же сочиненными и отнюдь не похожими на заученную афористику заемных “мудрых” мыслей. Приведу несколько его импровизированных шуток.

В конце 1980-х – начале 1990-х, я спросила у Анатолия Николаевича:

– Где сейчас работает наш общий знакомый писатель и врач И...?

– Он устроился в поликлинику издательства “Правда” зубным врачом. Вырывает зубы правдистам. И очень успешно. Ты заметила, какая газета “Правда” теперь беззубая! Одни старички шамкают беззубыми ртами.

В бытность Жукова председателем правления издательства “Советский писатель” я наблюдала, как он долго говорил по телефону со старой писательницей К... Терпеливо объяснял ей: роман отклонен. После этого к Жукову обратился главный редактор и снова просил за К...:

– Мне звонила К... Она старая, пожалуй бы ее надо. Она болеет, ногу сломала.

– Это которую ногу? – спросил Жуков. – Которой роман писала?

Подобные шутки можно пересказывать долго, и они были бы нелишними штрихами к литературному портрету писателя.

В начале 1990-х, когда я набросала черновой вариант литературного портрета Жукова и показала ему, он с удивлением спросил:

– Почему ты ничего не написала о такой огромной работе, как роман “Дом для внука”?

– Роман слишком советский, – замялась я виновато.

Анатолий Николаевич был глубоко огорчен. Его темные глаза еще более потемнели. Мы помолчали... Оба понимали: время настало такое, что всё советское не только, мягко говоря, не модно, но и сознательно демонизируется, примитивизируется, принижается. А ведь это большая часть нашей с Жуковым (и не только!) жизни, опыта, нами открытого и исследованного в деталях мира. Мы оба понимали, что сейчас, в атмосфере оголтелого охаивания советского периода истории, ни один журнал не напечатает мало-мальски подробный анализ романа о русской сельской жизни середины XX века. Все делается для того, чтоб не только забылись семьдесят с лишним лет драматической и великой истории России – Советского Союза, но и, что самое главное, – никто не стремился понять: почему ТАКОЙ период в истории России был.

Ничего случайного нет. Все случайности, если в них взглядеться, закономерны. Объяснить катастрофическую ломку страны ТОЛЬКО происками врагов России (а они были и есть!) не получается. У России было больше врагов в 1917-м или в 1941 году? Почему во вражеском окружении (одновременно и с внутренними недругами) она в 1917-м была ввергнута в кровавый хаос внут-

ренних и внешних разборок, в разброд и шатания, а в 1941-м — при тех же врагах — необыкновенно сплотилась в кулак, напрашивается: появились *другие люди* — соратники и сотрудники великой державы. Эти люди — советские — теперь никому не нужны. Они оказались, если верить новой идеологии, “совками”, принижались до убийственного цинизма.

Что же все-таки случилось с народом после октябрьского переворота? Если мы не поймем, что разобраться важно, мы не будем чувствовать и *важной* нужности произведений Жукова.

В русском народе, как цивилизационно-творящем, кроме самого этноса, заложен Богом и суперэтнос (“Мы больше, чем народ...” — М. Струкова). Хотя для самих русских эта, как говорится, “медаль” имеет две стороны. С одной стороны, русские — подвижники в освоении нового, в сплочении и сбережении других народов. С другой, — жертвенность и своего рода донорство вредило самому русскому народу. Бросало в топку цивилизаторского энтузиазма лучших сынов и дочерей, лучшие из лучших уходили в небытие во имя других. Духовно-цивилизаторская страсть русских воплощалась в прошлые века в миссионерских деяниях казаков, землепроходцев, таких как Хабаров, Ермак, присоединивших к России Сибирь и Дальний Восток. В войнах и богатырях; в монахах и святых подвижниках; в бродягах и разбойниках; в творческих гигантах — Чайковском, Мусоргском, Гоголе, Достоевском, Менделееве... Во второй половине XIX века, после освобождения крестьян (а Россия, преимущественно, крестьянская страна), высвободилась необыкновенно мощная энергия всего народа. Она всё больше нагнеталась, пока не переросла в революционное брожение — страшное и страстное. Дело было не в слабом царе или неумении управлять страной. Необыкновенная духовная *страсть* всех слоев народа (в большинстве — молодого и работоспособного возраста, в больших семьях стариков тогда было мало) устремлялась к переменам, к развитию. Перемен жаждали все: и монархисты, и ортодоксальные марксисты, и черносотенцы, и либералы.

Во время революции (затейной, конечно же, антирусскими силами) произошёл разгон реактора страшной общественной силы, который в начале XX века втянул в водоворот перемен всю страну. Надо читать, изучать русских поэтов серебряного века, чтоб понять, как раскручивался этот ураган, какие там звенели духовные и сердечные струны! Явление это до сих пор не объяснено. Истоки его не найдены. Страсть соединяла в себе идеалы и интересы. Иррациональная природа человека, его извечная потребность в свободе, творчестве, причем беспредельных свободе и творчестве, как это бывает у русских, — всегда через край, за пределы, за границы всего возможного, — сочеталась с потребностью в идеальной социальной организации (условно: “равенство и братство”). А всякая организация и всё организующее — есть не что иное, как ограничение свободы личности. Это были главные устремления (хотя и полные противоречий!), и только потом шло стремление модернизировать экономику, труд, образование и всё прочее.

Реактор народной страсти хотели укротить многие, но никому это не удавалось, тем более без потерь. В этом архисложнейшем процессе возникали братоубийственные конфликты (“Тихий Дон”), целые узлы, клубки конфликтов, которые не развязывались, только разрубались кровавыми топорами. На большевиков (и, позже, Сталина), как на победителей, легла ответственная обязанность усмирять революцию и как-то вывести страну из штопора. А это всегда труднее, чем начать. Если уж говорить о прозорливых оценках времени поэтами “серебряного века”, чувствовавшими, как раскручивается ураган народной страсти, то надо вспомнить Есенина: “Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода”. Он предположил: “Страну в бушующем разливе должны заковывать в бетон”. Эти пророческие слова были сказаны не представителем “тоталитарного режима”, а чутким поэтом, который неведомо как осознал необходимость “бетона” (используемого не только на стройках) в сковывании, цементировании социума. Для такого сцементирования коллективного иррационального начала необходимо было общее дело вселенского масштаба — индустриализация, массовый научный, культурный прорыв, Великая Победа, освоение космоса. Мощный энтузиазм народа был направлен по соответствующему руслу. Динамика исторических сил была очевидна всем. Люди в Советском Союзе создавали новую социальную реальность. И трудно сказать, что здесь доминировало: эффективность управления пар-

тии и Сталина народом или метафизика воодушевления масс идеей модернизации страны и общества, идеей причастности к великому преодолению и к великому делу. Только рационального учета динамики роста страны всегда будет недостаточно без метафизического контекста. В 1941 году академик В. И. Вернадский писал: “Народ как бы переродился. Нет... наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерством и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших должностей”. Каков был результат этого перерождения, показала Отечественная война — надежный экзамен. Вопреки прогнозам Запада, против “нашествия Европы” во главе с Германией СССР смог выставить новый культурный и социальный тип, который оказался более стойким, творческим, эффективным, чем культурный и социальный тип нацистской Германии.

И Жуков, и я, и многие, родившиеся в Советском Союзе, на себе почувствовали *перерождение человека*. Но идеального не получилось. В советский период в человеке — в сравнении с идеалом — было полно недостатков. Об этом самое жизнерадостное и оригинальное из произведений Жукова — роман в четырех сатирических повестях (*подчеркиваю, что до Жукова не существовало романа в сатирических повестях*) “Судить Адама!” (1989). Сатирические замечания в адрес советской власти высказать не так-то просто. Роман Жукова более двадцати лет не брали ни журналы, ни издательства.

Странную, однако, сатиру написал Жуков на своего любимого советского человека! Ведь сатира, в нашем понимании, бичевание, обличение, осмеяние, отрицание. У Жукова этого нет. Здесь нет фельетонно-эпиграммического нигилизма, нет смеховых упражнений умного, холодного наблюдателя-стрелка. Есть русское безбрежное, как сама заволжская степь, веселье, проистекающее от избытка жизненной энергии и благодарной любви к людям. Что же это за особый вид сатиры, которая не убивает смехом и даже не бичует?! Такая этическая и эстетическая струя сатиры идет от русского фольклора — это внутреннее пародирование; или — другие определения — самопародирование, самоосмеяние, смех над собой и над окружающей жизнью.

Не так ли смеется над собой и народ, например, в частушках? Сколько в них точных, сатирически-метких наблюдений над действительностью! Но торжествует любовь к жизни и ее приятие. Так и у Жукова в полных буйной фантазии, как русские сказки, и остроумных, как частушки, повестях. Пародия здесь на фольклорном уровне: легкая и бойкая, но доброжелательная, очищающая *любимый им мир* смехом изнутри, в то же время как бы охраняющая (что уже высмеяно, нет смысла еще высмеивать) его от разрушения снаружи равнодушными холодными людьми, не понимающими русской природы и сельского бытия.

Роман выстроен столь естественно, что Жуков как бы и не пишет пародию специально, а подбирает для романа те сюжеты, когда сама жизнь оборачивается пародией на демократию или правосудие (как в повести “Судить Адама!”), на культуру со штампованными проповедями, советской схоластикой (как в повести “Печать”), на чрезмерно демонстративную трудовую и политическую активность (как в повести “Безразмерное чудо”). Каждый, не лишенный чувства юмора человек, относится критически к жизни и, в первую очередь, к себе. Лучший вид критики — самокритика. Люди так устроены: когда они посмеиваются над собой, это их устраивает; когда над ними смеются другие — кажется обидным. Хотя и то, и другое, употребленное в меру, естественно. *Чрезмерность* и самокритики и критики извне подавляет и принижает человека. *Все дело в чувстве меры!* Без прозорливого писательского таланта здесь не обойтись. Разумность, легкость юмора, его острота, свежесть и, главное, глубокая социальная и нравственная *справедливость* юмористических и критических замечаний — идеальное устремление юмориста и сатирика. Не завидую так называемым профессиональным писателям-сатирикам. Люди, чья профессия сатира, должны постоянно жить на негативе, отыскивать в обществе худшее. Это, на мой взгляд, несколько озлобляет писателя и ставит по другую сторону народной жизни. Получается как бы: судья и подсудимые. Один правый и много виноватых. Не надо забывать, что и **мы тоже в этом ряду** русских людей, которых судом осуждаем. Что бы ни происходило с нашими соотечественниками, и мы в ряду ответственных за это, если чувствуем себя частью общества. Жукову по большому счету близ-

ко евангельское: не судите — да не судимы будете. Он все же не столько судья-сатирик, сколько художник, любящий свою (народную!) натуру.

Юмор народа, как соль, вьелся в наш опыт, растворился в языке, разошелся в точных, метких словах. Чтобы все это выразить, писателю необходимо острое зрение, нравственный опыт, особая этика. У Жукова есть органически присущее ему чувство меры, гармонии. Всякая “чернуха”, обличение ради обличения, сатирический нигилизм, льющиеся в последнее время грязным потоком на наши головы из средств массовой информации и из книжной массы, ему чужды. Всем личным оптимизмом Жуков стоит на страже достоинства человека, защищая его сознание от ненужного травматизма, и, в то же время, не позволяя себе из любимого русского соотечественника сотворить кумира.

Не совсем обычный роман начинается повестью “Безразмерное чудо”. Жуков не скрывает присутствия фантастики в своем творении. Рассказав о главном герое, его реальной жизни и мечтах, он пишет: “Но это, как говорится, присказка. Сказка... впереди”. И вот что мы узнаем после присказки. Талантливый и самый удачливый на Средней Волге рыбак Парфенька Шатунов поймал неизвестное науке необыкновенное чудище, громадную полурыбу-полуживотное, которое оказалось длиной 9427 метров. Для транспортировки его понадобились десятки грузиков. Удивление природе не позволило находчивым жителям Хмелевки растеряться и не понять практической выгоды необычного улова. Хлопоты вокруг “рыбы”, начавшиеся беспорядочно, вдруг обретают драматургическую привычность знакомого советского организационного спектакля и соответствующую динамику. Срочно создается штаб (с начальником и девятью заместителями — во всем советский размах как бы планируется заранее!) по вытягиванию и транспортировке животного. Проводятся совещания, растянутые на день, а то и два, разработан сценарий торжества по поводу доставки гигантской чудо-рыбы в райцентр. Намечены “пусковые” участки, налажена оперативная связь. Тут же появились кафе и ресторан “Очевидно-невероятное”, медпункт; художники, газетчики, ученые-ихтиологи и т. д.

Несмотря на фантастичность основной сюжетной линии, повесть до такой степени правдоподобна, наполнена реализмом, выраженным наиболее точно в бесконечных хлопотах о житейских учрежденческих пустяках, ничтожная малость которых, помноженная на десятки и сотни случаев, выглядит почти вызывающе по отношению именно к нравственной стороне человека. Душе не отдельного человека, а всего хмелевского общества (читай: советского провинциального) в целом. Не один, а многочисленные герои повести хлопочут о придании *привычной “формы” необычному явлению*. Их деятельность выглядит как некая эпидемия общественно-пустой активности. Стороннему взгляду такие явления смешны. Это и нужно автору. Грустная лирическая комедия больше похожа на *пародию* советской бюрократической системы. Конечно же, гиперболизированная кампания по доставлению “чуда” только предлог, чтоб спародировать форму всякой кампанейщины. Формализм зачастую захламлял действительно необходимые преобразования непролазной, бесконечной суестью мелочного “оформления”, обстановки, пустой говорильней, парадностью, шумихой. Неудивительно, что в ситуации инерции увлечения околodelьными хлопотами, затягивающими помимо воли в свой эпицентр всех, и рыбак и “рыба” забыты.

Коллизия другой повести “Судить Адама!” — не менее парадоксальна. Начнем с того, что Адам (в переводе с еврейского “человек”) здесь — кот. В той же Хмелевке (обобщенный образ советской провинции) собирается экстренный *товарищеский суд*, чтоб судить “тигрополосатого” кота Адама, “разбойничавшего” по всей Хмелевке, втихаря поедая то колбасу, то сливки. При этом хмелевцы и не заметили, как напросились в *товарищи* к коту, уравняв себя с ним. Вначале суд над котом кажется жителям Хмелевки невероятным. Они приходят сюда из любопытства. Но затем незаметно впадают в обличительный запой. Упоение возможностью открыто, как бы *законно*, разбирать поведение других лишает героев необходимой осторожности, чувства личной опасности. В конце концов, обличения оборачиваются для хмелевцев всеобщим, мелким саморазоблачением. Судей нет. Все — подсудимые. Приходится вспомнить евангельское: не судите — да не судимы будете. Милые, симпатичные, не злые, в общем-то, люди, знавшие друг друга всю жизнь, вдруг огляделись и увидели, что все они понемногу нечестны. Почти каждый пови-

нен в присвоении части общественного. Выстраивается цепь, на первый взгляд, незначительных преступлений закона, которые привыкли не считать преступлениями, даже слово “украл”, при разговоре о них, заменяется словом “взял”. Каждый из персонажей замечает проступки лишь за другими, свои действия считает при этом недостойной какого бы то ни было внимания мелочью. Оборонительно-наступательная позиция на суде вначале жителями райцентра всячески оправдывается. Хмелевцы борются вроде бы за лустяк (отнести за счет других обстоятельств собственные проступки; жить как все, “братя помаленьку”). Но “лустяк” и наслоившиеся на него другие “лустяки” вместе составляют стиль жизни хмелевцев. И, таким образом, “лустяк” этот нужен, чтоб выжить именно в русле своей привычной философии с наивной уверенностью в ее жизненности. Жуков отнюдь не моралист, излагающий правила безупречной жизни, он внутренне устремлен к правде и справедливости, как и его лучшие герои, которым есть над чем задуматься.

Среди прочих профессиональных качеств писателя состоит и в том, чтобы держать читателя в постоянном напряжении. Повесть “Печать” в два счета доказывает, что этим искусством Жуков владеет с блеском. Тот, кто устал от сюжетных шаблонов, несомненно, взбодрится, продираясь сквозь занимательную чехарду сюжетных колен и веселую словесную игру повести, вновь и вновь испытывая на себе власть обаяния литературного искусства мастера.

Вот весело “закрученная” завязка повести. Молодой директор пищекомбината Ручьев, не глядя, проглатывает резиновый кружочек печати, оторвавшийся от деревянной основы. Но съедает печать не потому, что бросает вызов бюрократизму и предлагает вовсе обходиться без бумаг, а потому, что случайно спутал этот резиновый кружочек с кружочком колбасы — почти “резиновой” продукции своего пищекомбината. Без печати молодой демократичный директор не может руководить: банк не выдает денег; новые мясорубки, валявшиеся долгое время во дворе, вывозятся вместе с металлоломом, и без соответствующей “бумаги” с печатью их нельзя вернуть. От директора требуют планы, отчеты... Словом, самая смешная комедия, из помещенных в книгу, неудержимо приближается к драме. Молодой противник чиновничьей бюрократии явно не может за один день низвергнуть бюрократическую систему предшественника, культивировавшуюся здесь годами. За “скобками” повести стоит весь бессмертный, неистребимый бюрократический мир!

Не только из-за парадоксальных ситуаций и смешных сюжетных “колен” мы с захватывающим интересом следим за действиями героев романа. Нам интереснее всего в этих обстоятельствах русские люди, сельские жители. Лирически объемный образ Парфена, талантливый рыбака и своеобразно мыслящего человека, явно выпадающий из общего сатирического ключа романа, переходит в “романную повесть” из ранее написанного рассказа “Удочка из Европы”. С этим героем мы знакомимся при описании пожара: “. . . Накатился торопливый треск “Беларуси”, трактор, взревев, замер у избы, с сиденья слетел легкий, быстрый тракторист. Он на бегу сбросил полушубок, выхватил у старика ведро с водой, опрокинул на себя и бросился в огонь. . . В несколько минут тракторист растащил стены сарая в стороны, крыша рухнула на пламя, и пожар можно было не тушить. . . Спасатель не пожелал триумфально завершить свое дело. Он надел на мокрую рубаху полушубок и укатил. . . Будто и не был”.

Момент прямо сказочный. Находчивый русский Иванушка, к которому сказка относится с теплой иронией, как Жуков к своему Парфену, совершает благородный поступок, равный подвигу, и скромно “исчезает”, избежав благодарностей. Не так ли в русских сказках Иванушка-дурачок (вовсе не дурачок, но существо, явно противопоставляющееся своему брату-собрату умнику, пекущемуся лишь о себе), совершив подвиг, отказывается от царства (или от женитьбы на царевне)?! Парфен трудится много, играючи, словно и не берет его усталость. Искренний восторг вызывает рыбака. И здесь нет в нем привычной сосредоточенности рыбаков. И здесь он в движении, в разговоре, щедро делится “профессорскими” знаниями относительно рыбалки. Невидный из себя, он излучает духовный свет, который в глазах героев Жукова появляется лишь там, где бескорыстие и любовь. Герой стремился не брать от общества, а давать ему, за эту главную черту его и уважали сельчане.

Чем-то близок Парфену герой повести “Голова в облаках” Сеня Хромкин, пополнивший начатую В. Шукшиным, В. Крупиным, Б. Екимовым галерею

“домашних философов”, чудаков. Сеня – чудак-изобретатель, влюбленный в технику, в ее безграничные возможности, “зацикленный” на технических проблемах глобального масштаба (хотя в селе полно внедренных в жизнь его изобретений). Вероятно, создавать невиданные проекты, вроде двигателя с яйцевидным поршнем, который должен работать вдвое эффективнее, или самобеглой дороги районного значения, Сеню заставляет святая, “слепая” страсть к творчеству, названная Л. Толстым “энергией заблуждения”. Поэтому голова изобретателя “в облаках”, он думает о звездах и обо всем человечестве. Это так похоже на большинство русских! Может быть, поэтому повесть о Сене Хромкине самая лирическая в романе. И рассказ “Вечный двигатель”, наряду с рассказами “Песни о любви”, “Надежда”, “Му-2”, “Черная и белая”, “Удочка из Европы”, можно отнести к самым светлым в творчестве Жукова. Для определения подобного стиля подошло бы непривычное, может быть, словосочетание “поэтический реализм”.

Точная свхваченность народной речи в прозе Жукова как бы соревнуется, насмешливо соперничая с живучими своими антиподами – шаблонными речами обюрократившихся хмелевцев: стилистически стертым языком газетных заметок, протоколов, глухих к живому слову научных текстов. Внимание к речи персонажей – исключительное. Их речь всегда ярко индивидуальна. Лексика и синтаксис ее сообщают читателю о персонаже не меньше, чем информация о нем. Жукову удается оптимальная выраженность характера через язык. Он индивидуально и социально заостряет самую сущность языковой странности и особенности персонажа. Поэтическая образность и некоторое веселое озорство, присущие характеру прозы Жукова, дают множество неожиданных словечек вроде “котует”, “безужасный”, “чудоковас”, “тигрополосатый”; или иронических словосочетаний, намеренно “неправильных”, заключающих в себе самопародию, – “легкомысленное недомыслие”, “количественное множество”, “психически осердилась”, “собственноручно видел”, “морально настойчивый”, “казенное словолюбие” и других. Может, мысль эта покажется парадоксальной, но лучшее в прозе Анатолия Жукова отнюдь не проза, а что-то трудно выразимое, чему еще не найдено названия, – особый сплав поэзии, иронии, юмора, лукавства, фантазии, теплой усмешки, любви.

Настали другие времена! Прошли 1990-е, пришел новый XXI век. Устремления к идеалам личности и общества, как и недостатки советских сельчан, талантливо обрисованные Жуковым, сейчас кажутся наивными и далекими. Они совершенно померкли и стерлись перед страшной катастрофой развала Советского Союза, а затем – деградацией экономики и общества в России. За эти годы столько брали, крали, присваивали, пилили, рубили! Разрушали столько, что страна, лишившись опорных свай, рухнула. Общество деградировало. Разрушенные русские деревни, воспетые Жуковым еще как населенные небывалым людским разнообразием, нынче опустели. Поля заросли бурьяном. Зараженные продукты и сомнительные лекарства завозятся из-за рубежа. Об этом написана Жуковым уже в 1990-е годы повесть “Летальный исход”. Герой повести, полной жизненных драм, необыкновенно тяжело переживает развал страны, разрушение заводов, колхозов, больниц, детских садов, пионерских лагерей, домов отдыха. Хотя в повести есть и другой план, где протекает (со своими взлетами, радостями и разочарованиями) последняя любовь семидесятидвухлетнего героя. Но “летальный исход” – это не о нем и не о стране, а об ушедшей в осенний зябкий вечер любви. Жуков верен себе: без любви у него произведений нет.

Как жить? Как выжить? Что делать? Такие вопросы встали в 1990-е годы перед каждым русским человеком. Один рассказ Жукова этой поры поэтому называется “Как жить, Егорыч?”. Он начинается так: “Если даже не думать, хотя как не подумаешь о родной тяжелой истории, если оглядываться только на драматические события прошлого века с его войнами, революциями, репрессиями, культами, перестройками – оторопь берет. Как мы выжили в вечно кипящем этом котле? Как продолжаем жить? За счет чего? Кто мы, многотерпеливые русские люди, выдерживающие непрерывные лишения и нечеловеческие напряжения, не однажды обманутые и оскорбленные, чудом сохраняющие в себе доброту и терпение, и вот опять проданные вместе со своей Родиной?..”.

В обстоятельствах последних десятилетий многие растерялись-потерялись. Но есть люди стойкие, как ось земная: как бы вокруг все ни вертелось,

ни менялось, — они держатся и трудятся, как всегда. Их опора — созидательный труд, семья, родственники, ученики, соседи, друзья. Не только крестьяне-труженики, не меньшее восхищение вызывают и трудоголики-горожане. И в городе есть “артельные” люди, каким является в рассказе Виктор Егорович Колоколов. Тот самый “Егорыч”, имя которого вынесено в заголовок рассказа и одной из книг Жукова. Жуков считает, что не “олигархи”, бандиты, “новые русские” — герои нынешнего времени, наводнившие краткосрочную литературу. Герой, не замеченный нынешними модными писателями, — труженик, талантливый, находчивый, щедрый на помощь людям. У Жукова это Егорыч, ремонтирующий автомобили в гаражном кооперативе. Не только авто всех марок и стран, он может отремонтировать все — от утюга устаревшей модели до ядерного реактора. На пенсию он вышел из курчатовского института атомной энергии, где работал классным сварщиком, сварщиком-новатором. Вокруг дела всегда собираются люди. Дело притягивает. Не деньги, не власть привлекают людей, они ценят Егорыча за талант и мудрость, трудолюбие и отзывчивость. Последнее качество в капиталистическое время просто презираемое. В среде народной Егорыч оценен по достоинству, хотя и без орденов. Он настоящий лидер в окружении друзей, учеников, автомобилистов. Но никому не придет в голову называть Егорыча этим холодным чужим словом. Он — свой. И каков же ответ его на вопрос: “Как жить”? — Жить так, “...чтобы сберечь силы для дела”, — отвечает он. И сам писатель оставляет нас с надеждой, что Россия в очередной раз выживет, выстоит, сумеет ответить адекватно на вызовы XXI века.

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ПОЭТ-АЛКАШ ВЫРАЗИТЕЛЬ АЛКАША-НАРОДА?

До последнего времени бульварные журналы старались не пачкать имени Сергея Есенина. И вдруг за два дня до 115-летия со дня рождения великого поэта чесоточный зуд обуял Дмитрия Быкова. Заметно пожелтевшие и даже поглубевшие в последнее время “Известия” 1 октября 2010 года на полосе “Взгляд” опубликовали его опус “Трезвый Есенин”. Опус, можно сказать, появился вовремя: в русле президентских установок борьбы за трезвость, а великий русский поэт, загнанный в западню, в том числе Бухариным, к сожалению, в последние годы сильно пил, и вот, оказывается, именно за это, а не за гениальные стихи его так любил и любит нынешний не менее пьющий русский народ, то есть народ-алкаш, как своё внутреннее выражение, любит поэта-алкаша. Д. Быков обижается за Высоцкого, что народ любит его меньше, чем Есенина, хотя пример Высоцкого здесь более чем неуклюж, потому как Владимир Семёнович был ещё в меньшей степени трезвенником, чем Сергей Александрович.

Прочитую Д. Быкова: “Есенин, портрет которого с трубкой висел чуть ли не в каждой избе (обратите внимание, не в квартире, не в коттедже, не в особняке нового русского, а именно – в избе, а в избах, как известно, живут последние, можно сказать, реликтовые русские крестьяне), стихи которого – пусть хоть десять строчек – процитирует вам любой алкаш, зачастую не помнящий собственного имени”. Каково?!

Д. Быков, чтобы не казаться предельно радикальным в своём отношении к поэту, мажет его дёгтем с некоторыми оговорками, что его утверждение о деградации поэта относится к позднему Есенину, а вот, мол, в самом начале, когда он был трезвый, он был сильный, и обязательно авангардный русский поэт, но такого Есенина русский народ на дух не принимает, потому как до авангарда русский народ не дорос, и народ-алкаш воспринимает только поэта-алкаша. Всё, что написано Есениным после 1923 года, по мнению Д. Быкова, “к подлинному Есенину не имеет никакого отношения, ибо лучшее из написанного им сегодня почти никому неизвестно, а чтут, цитируют и до сих пор поют на свадьбах то, что написал безнадёжный алкоголик в состоянии прогрессирующей деградации. Последние пять лет были временем постепенного упадка, прогрессирующего бессилия, и главной их темой было оплакивание самого себя. Есенин поздний – спившийся тенор, поющий в кабаке для собутыльников, вырождение богоборца – в хулигана. Я, разумеется, далёк от того, чтобы сводить уроки есенинской биографии к антиалкогольной пропаганде. Я хочу лишь сказать, что своего любимого поэта народ воспри-

нял не в лучшем его состоянии – и, более того, полюбил его в его вырождении, а это говорит о народе нечто более важное, чем любые наши социологические домыслы. Дело, конечно, не в том, что основные черты российского социума совпадают с чертами сильно и упорно пьющего человека – многословием, отказом от логики, резким перепадом от сантиментов к зверству и обратно. Мне кажется, всё глубже и страшней: весь современный российский социум, который так любит Есенина с самого конца двадцатых, живёт в основном воспоминаниями о том, что он мог когда-то – и чего больше не может теперь. Он повторяет “Синие твои глаза в кабаках промокли”, он лепечет о каких-то погубивших его врагах и ложных друзьях, но на деле занят только одним – упивается своим падением. Именно в этом поздний пьяный Есенин так созвучен современникам и потомкам – они понимают его падение, ибо и сами пережили его. Ещё трясут остатками былого величия, но предьявить уже ничего не могут. Это эмоция сильная, кто бы спорил, – но низменная и не самая достойная. Уголовники любят “Письмо к матери” не потому, что в их душах живо что-то святое, а потому, что это слабые и фальшивые стихи. А тем трезвым людям, которые здесь остались, позвольте любить настоящего Есенина – трезвого, сильного, авангардного русского поэта”.

Не буду вдаваться в критико-литературоведческий спор с Д. Быковым, тем более что его опус не о поэзии Сергея Есенина, как таковой, а о сути русского народа, а о Есенине – как выразителе её. У убитых в Великой Отечественной войне солдат (не только русских) находили простреленными чаще не партбилеты, а переписанные от руки запрещённые тогда стихи Есенина и прежде всего “Письмо к матери”. Послушать Быкова, все эти солдаты были бывшими уголовниками или алкашами. За эти стихи сажали в тюрьмы по знаменитой 58-й статье – тоже, разумеется, алкашей. И миллионы юных юношей, и особенно девушек, ещё роняющих, к счастью, слезу над стихами Сергея Есенина (его стихи особо остро воспринимаются в юности), – разве не лишнее доказательство неполноценности русского народа, они ещё не пьют, но алкоголь у них уже в крови, потому как они дети алкашей и будущие алкаши.

Вывод убийственно прост: вырождающийся, находящийся в состоянии прогрессирующей деградации народ-алкаш любит вырождающегося, находящегося в состоянии прогрессирующей деградации поэта-алкаша. Это так органично вписывается в идеологию наших некоторых левых демократов, что не тот народ у нас сейчас на Руси. И потому нужно, постепенно изводя, менять его на другой. На первых порах на гастарбайтеров, в отличие от русских, они не пьют, и им вообще можно ничего не платить. А потом посмотрим, может, на основе нанотехнологий роботов наделаем...

Закачивает свой опус Д. Быков вполне бухаринским (помните, печально знаменитые “Злые заметки”) разнузданным перефразированием Есенина: “Уберите вашего сусального алкаголика – я не хочу видеть этого человека”. Ему бы ещё кожаную куртку и револьвер на бок.

КИРИЛЛ ТИТОВ

СТРАННАЯ ПРЕЗЕНТАЦИЯ

26 ноября в Малом зале ЦДЛ проходила презентация книги И. А. Минутко «Провидец. Жизнь и смерть Александра Яковлева». Сочинение это представляет собой апологетический «историко-публицистический роман», посвященный подзабытому уже «прорабу перестройки».

Собралось на мероприятие человек 50, средний возраст которых был явно за 60 лет. Публика представляла собой странное зрелище: люди совершенно непонятно откуда взявшиеся, явно не из современной жизни. Да и на активистов современных «либеральных» движений они тоже были не похожи. Видимо, на вечер пришли сильно обносившиеся и постаревшие завсегдатаи «демократических» митингов конца 1980-х, так и застрявшие в этом времени. На этом фоне сиял молодожавостью ведущий вечера – бывший глава администрации Ельцина Сергей Филатов. Один за другим к микрофону выходили выступающие, произнося однотипные речи. Сначала славословия в адрес покойного героя «романа», потом славословия в адрес здравствующего автора, потом несколько слов о русском фашизме, с которым А. Н. Яковлев самоотверженно боролся и который вновь поднимает голову. Совершенно неожиданно, по крайней мере для меня, выяснилось, что, по мнению выступавших, главным русским фашистом является Никита Михалков.

Многие свое выступление облекли в стихотворную форму. Татьяна Кузовлева прочитала стихотворение, в котором А. Н. Яковлев предстал в образе героя, своей грудью проложившего дорогу сквозь «вечную метель». Русской истории, надо полагать. Эту же мысль в прозе выразил Филатов. По его мнению, Яковлев «повернул нашу жизнь и направил ее на путь цивилизации».

В выступлениях прозвучала и совсем неожиданная нотка. Оказывается, заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС долгие годы был гоним властями. Его «сослали» в Канаду, ему, при наглом потворстве КГБ, поджигали квартирную дверь, подбрасывали погребальные венки в подъезд, и, самое страшное, Путин отказался дать ему орден! Все это произносилось абсолютно серьезно!

Некоторые из ораторов скромно напомнили и о своих заслугах. Например, как тревожным октябрьским вечером на встрече с президентом Ельциным они смело указали ему на nepозволительное отсутствие «должной решимости». Мол, если Вы не хотите подумать о наших детях, то подумайте о Ваших внуках! Ельцин, как мы знаем, в октябре 1993 этим аргументам внял. За что и заслужил высокую похвалу А. Рекемчука: «У Ельцина был дар писателя, не знаю как композитора, но писателя точно!»

Апофеозом вечера стало появление известного поэта-песенника И. Резника. После одного из выступлений С. Филатов неожиданно просиял и простер руки в направлении входа. Все дружно повернулись, дверь распахнулась, и в

Малый зал с улыбкой вошел Илья Рахмиэлевич в сопровождении четырех «нимф», облаченных в древнегреческие туники (одной из них туника была явно маловата). Пообтрепанная публика обалдела, но не ступала, а даже приосанилась. Поняли правильно, как высокую оценку со стороны успешных единомышленников. Пока «нимфы» поднимались на сцену, поэт сообщил, что «мало спал», но написал стихи. И немедленно прочел под аккомпанемент театральных актрис, которые скрывались под «греческими» туниками. В стихах много и сильно было сказано о дружбе Резника с Игорем Минутко, об их бурной молодости. Запомнилось, что «Минутко сердцем чист» и подобен «Александрейскому столпу». Видимо, имелась виду высота таланта незабвенного «автора десяти пьес, среди них... «Личная жизнь Нержавейкина».

Что же можно сказать собственно о «романе»? Издан он на средства фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина», то есть без всякого расчета на читательский успех. Представляет собой «попури», если использовать эстрадную терминологию, из пространных описаний «детства Саши», его военных переживаний, художественно «осмысленных» И. Минутко, и напиханных в последние главы интервью А. Н. Яковлева 1990–2005 годов и других материалов из СМИ. Художественную часть «романа» подытоживает «Наказ, который получил Александр Яковлев в Чердыни от Николая Алексеевича» (то есть от своего отца. – **К. Т.**). «Ты, сын, у нас способный. Ты – голова. Все учителя с первого класса и до выпускного вечера в один голос: у вашего сына выдающиеся способности, надо получать высшее образование, ученым непременно станет или писателем. Дальше расхваливать тебя не буду – зазнаешься. (На эти слова Александр ответил: «Я, папа, не зазнаюсь никогда».) И все же скажу еще о тебе. Ты – добрый, совестливый, честный, открытый для людей, ты стремишься к знаниям. <...> А что на войне тебя не убило, – значит, судьбе так угодно, что-то ей от тебя нужно. <...> И наказ мой такой: получай высшее образование и иди во власть. Или в политику». И в таком духе еще на страницу.

А вот с описанием политической карьеры Яковлева у автора не задалось. Он честно сообщает нам в книге «план следующих глав, которые я собирался написать». Там и про коридоры власти, то есть ЦК, и про «десять лет в Канаде», и про перестройку. Короче, все самое интересное. Однако не написал. Впрочем, Минутко не смущается этим ничуть. «Узнать это, – предлагает он читателю, – есть потрясающая возможность: книга А. Н. Яковлева «Сумерки».

В общем, книга и презентация стоят друг друга.

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 2010 года

Премия имени В. В. КОЖИНОВА за подборку стихов “Я в жизнь вошёл, как в лес дремучий” (№ 10), а также за многолетнее достойное служение русской поэзии присуждена

— Глебу Яковлевичу ГОРБОВСКОМУ.

Премия имени Л. М. ЛЕОНОВА (номинация “Молодые прозаики”) за рассказ “Теплоход “Благовещенск” (№ 7) присуждена

— Андрею АНТИПИНУ.

Премия имени Ю. П. КУЗНЕЦОВА (номинация “Молодые поэты”) за подборку стихов “Пора нам выходить из резервации” (№ 10) присуждена

— Марине ШАМСУТДИНОВОЙ.

Премия имени А. Г. КУЗЬМИНА (номинация “Молодые историки и публицисты”) за статью “Автор “России и Европы” (№ 11) присуждена

— Алексею КОНДРАТЕНКО.

Ежегодные премии за лучшие публикации 2010 года присуждены:

— Александре БАЖЕНОВОЙ, критику — за статью “Поиск единства славян, единства русских корней” (№ 10);

— Алексею ВУЛЬФОВУ, прозаику — за повесть “Сторожка” (№ 2);

— Вере ГАЛАКТИОНОВОЙ, прозаику — за повесть “Спящие от печали” (№ 3—4);

— Чеславу КИРВЕЛЮ, политологу — за статью “Регионализация мира и восточное славянство” (№ 12);

— Юрию КЛЮЧНИКОВУ, поэту, мыслителю — за подборку стихов “Воспоминания” (№ 12);

— Владимиру ОВЧИНСКОМУ, публицисту, юристу — за работы “Криминал и кризис” (№ 6—7) и “Чёрный ящик” войны с терроризмом” (№ 11);

— Михаилу ПОПОВУ, прозаику — за роман “Капитанская дочь” (№ 1—2);

— Александру ПРОХАНОВУ, прозаику — за роман “Стеклодув” (№ 8);

— Андрею РУМЯНЦЕВУ, поэту, критику — за статью “Нет, жизнь меня не обделила...” (№ 6);

— Николаю РЫЖКОВУ, государственному деятелю — за работу “СССР и Германия: битва экономик” (№ 10—12);

— Алесю САВИЦКОМУ, прозаику — за роман “Лесная пристань” (№ 4—5);

— Александру СЕВАСТЬЯНОВУ, публицисту, общественному деятелю — за статью “Мечтатели” рейха и русские мальчишки” (№ 5);

— Льву СМИРНОВУ, поэту — за подборку стихов “А Родина всё нам прощает...” (№ 6);

— Дмитрию УРНОВУ, литературоведу — за статью “На противоположной прямой, или памяти профессора Симмонса” (№ 11);

— Нине ЯГОДИНЦЕВОЙ, поэтессе — за подборку стихов “Россия моя, Россия...” (№ 9)

Поздравляем лауреатов 2010 года!